

Э.Карр

6

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

**Социализм
в одной
стране
1924-1926**

Том 2

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

6

СОЦИАЛИЗМ
В ОДНОЙ СТРАНЕ
1924—1926

Т о м 2

E. H. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

6

SOCIALISM
IN ONE COUNTRY
1924—1926

Volume two

London
Macmillan
1959

Рассылается по специальному списку

№ 378

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

6

СОЦИАЛИЗМ В ОДНОЙ СТРАНЕ 1924 — 1926

Том 2

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

Редактор
В. А. СУРОВОВ

Художник *Ю. Н. Егоров*
Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректоры *Н. В. Ожерельева, Н. И. Петраченкова*

Сдано в набор 19.09 1988 г.
Подписано в печать 11.11 1988 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 27.00. Уч.-изд. л. 32,61.
Изд. № 24/44508

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
119847, Зубовский бульвар, 17

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	7
------------------------------	----------

Часть III

БОРЬБА В ПАРТИИ

	Стр.
<i>Глава 11. Уроки Октября</i>	11
<i>Глава 12. Социализм в одной стране</i>	35
<i>Глава 13. Трещина в триумvirате</i>	48
<i>Глава 14. Дискуссия о литературе</i>	66
<i>Глава 15. Комсомол</i>	76
<i>Глава 16. Маневры за позиции</i>	90
<i>Глава 17. Четырнадцатый съезд</i>	107
<i>Глава 18. Новое размежевание сил</i>	124
<i>Глава 19. Монолитная партия</i>	141
а) Численность и состав	141
б) Партийное образование	146
в) Партийный аппарат	154
г) Власть назначения на посты	159
д) Единство и дисциплина	168
е) Вождь	174

Часть IV

СОВЕТСКИЙ СТРОИ

<i>Глава 20. Союз и республики</i>	181
а) Органы союза	181
б) РСФСР	197

	Стр.
в) Украинская и Белорусская ССР	202
г) Закавказская СФСР	204
д) Среднеазиатские республики	206
Глава 21. Районирование	212
Глава 22. Оживление Советов	235
а) Советы в упадке	235
б) «Лицом к деревне!»	245
в) Кулак и партия	257
г) Городские Советы	272
д) Баланс	276
Глава 23. Красная Армия	285
Глава 24. Порядок и безопасность	320
Приложение А. Местные финансы	346
Приложение Б. Крестьянские комитеты взаимопомощи	355
Приложение В. Революционная законность	357
ПРИМЕЧАНИЯ	360

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основные пояснения относительно трех томов, предназначенных для публикации под общим названием «Социализм в одной стране, 1924—1926» — из которых настоящий будет вторым, — были изложены в предисловии к первому из этих томов, вышедшему в прошлом году. Поскольку я работал над вторым томом почти одновременно с первым, то благодарности упомянутым там друзьям и коллегам, которым я особенно обязан за помощь и поддержку, равно как и снабдившим меня основными материалами библиотек и учреждений, в такой же мере относятся и к настоящему тому. Так что мне остается лишь повторить здесь еще раз самые искренние благодарности.

Мне хотелось бы все-таки воспользоваться предоставленной возможностью и добавить несколько имен. Ценную помощь в подготовке главы, посвященной районированию и оживлению Советов, оказал мне профессор политических наук и общественного управления Нагойского университета Юзуру Тануки, занимающийся подробным изучением советских местных органов управления. Важные материалы для написания главы о Красной Армии предоставил мне руководитель русского отдела амстердамского Международного института социальных исследований д-р Дж. М. Мейер, а для главы, посвященной порядку и безопасности — д-р Р. М. Шлюссер из Гуверовской библиотеки в Стэнфорде. В разделе о партийном образовании я воспользовался неопубликованной диссертацией на эту тему, написанной в лондонской Школе экономики мистером Зевом Катцем. Всем им я выражаю самую искреннюю признательность. Я также чрезвычайно благодарен профессору Мэрлю Фэйнсоду за разрешение воспользоваться во время моего пребывания в начале 1957 г. в Гарварде «Смоленскими архивами», над которыми он тогда работал. Объем архивов при всех условиях не позволил бы мне изучить их подробно, и к тому же, ознакомившись с ними, я лишь утвердился во мнении, что основная их ценность относится к периоду позднее 1926 г. Однако я получил возможность просмотреть некоторые особенно интересные для меня досье и обнаружил там ряд деталей, приведенных в примечаниях к настоящему тому. К сожалению, содержащая описание этих архивов книга профессора Фэйн-

сода «Смоленск под властью Советов» вышла слишком поздно, чтобы я смог ею воспользоваться.

Хочу упомянуть и о некоторых моментах технического характера. Ссылки в примечаниях на том I относятся к первому тому книги «Социализм в одной стране, 1924—1926». Две предыдущие работы этой «Истории» — «Большевистская революция, 1917—1923» и «Междоусобица, 1923—1924» — обозначены под своими названиями. Из соображений экономии места я не повторил здесь приведенного в первом томе списка сокращений, ограничившись лишь теми, что впервые появились во втором томе. Алфавитный указатель вновь подготовлен доктором Нойштадтом. Работу над ним, несколько замедленную из-за моей болезни, я надеюсь завершить в будущем году.

Основной труд по перепечатке этого тома был в высшей степени квалифицированно выполнен мисс Джин Файт.

Э. Х. Карр

4 мая 1959 года

Часть III
БОРЬБА В ПАРТИИ

ГЛАВА 11

УРОКИ ОКТЯБРЯ

Летние месяцы 1924 г. характеризовались обычной сезонной передышкой в политических раздорах; тем временем обе стороны готовились к осеннему возобновлению борьбы. Прошедший в мае XIII съезд партии не только подтвердил и зафиксировал поражение Троцкого и оппозиции 1923 г., но и внес лепту в усиление культа Ленина, развившегося после смерти вождя. Вместе с незаметно вкравшимся в партийный лексикон словом «ленинизм» появился применявшийся в связи с «ленинским призывом» и «ленинскими пионерами» почетный эпитет «ленинский»¹. В июне 1924 г., когда в Москве собрался V конгресс Коминтерна, делегаты торжественной процессией промаршировали к недавно построенному на Красной площади Мавзолею Ленина и прослушали мемориальные выступления Калинина, Рут Фишер и Роя, чья речь заканчивалась словами «Да здравствует ленинизм!»². Месяц спустя, когда проводил свой очередной, VI съезд Российский коммунистический союз молодежи (комсомол), было решено переименовать его в Российский ленинский коммунистический союз молодежи. Решение было принято единогласно, хотя Крупская в своем выступлении напомнила о том, что Ленин часто в уничижительном смысле использовал слово «икона», говоря о революционере, осыпавшем почестями, но уже не имевшем более никакого влияния: «Что же — это уже икона»³. Ленинский Мавзолей, где было установлено забальзамированное тело Ленина, был открыт для посетителей 1 августа 1924 г.⁴ Петроград сразу же после смерти Ленина был переименован в Ленинград. В мае 1924 г., накануне партийного съезда, Симбирск, где родился Ленин, был переименован в Ульяновск⁵. Все эти почести покойному вождю имели неожиданные и, по всей видимости, весьма мало осознанные в то время последствия. В июне 1924 г. сталелитейный город Юзовка на Украине — названный первоначально в честь английского фабриканта железных изделий, несомненного основателя здешних заводов, — был переименован в Сталинск, а известная как Юзово близлежащая железнодорожная станция стала называться Сталино⁶. Расположенный также на Украине город Елизаветград был переименован в Зиновьевск только в сентябре 1924 г. В том же месяце изменили названия еще два города:

Бахмут и Екатеринбург стали в честь покойных партийных руководителей соответственно Артемовском и Свердловском⁷. Превращение Царицына, места знаменитого конфликта между Троцким и Сталиным во время гражданской войны, в Сталинград произошло только в апреле 1925 г.⁸

Летом 1924 г. произошли два незначительных эпизода. Выступая после XIII съезда на партийном собрании в Москве, Сталин предпринял недвусмысленную попытку разжечь с двумя своими товарищами по триумвиату спор по проблемам партийной ортодоксальности. Прямо назвав Каменева по имени, он добродушно покритиковал его за то, что, выступая на съезде, тот неправильно процитировал знаменитое высказывание Ленина о превращении России нэповской в Россию социалистическую. В интерпретации Каменева Ленин якобы вел речь о «нэпмановской России», и Сталин высокопарно приписал эту ошибку «обычной беззаботности насчет вопросов теории». Далее он еще резче, хотя и не называя прямо имени Зиновьева, отмежевался от провозглашенной тем год назад доктрины, где особый акцент делался на «диктатуру партии», и грубо назвал ее «чепухой»⁹. Трудно объяснить мотивы этого умышленно провокационного жеста. В те времена относительная свобода дискуссий между членами партии, касающихся расхождений по второстепенным вопросам, еще сохранялась. Эти критические высказывания Сталина в адрес коллег были менее знаменательны, чем если бы это случилось позже. Он осознавал свои возможности и с готовностью отступил, почувствовав, что зашел слишком далеко. В том, чтобы слегка подразнить Каменева, никто особого криминала не видел. Зиновьев же обладал более ранним тщеславием, и ему — разумеется, по прошествии некоторого времени — удалось на одном из неофициальных заседаний ведущих членов партии призвать Сталина к ответу и заставить его публично отречься от «ереси». Сталину пришлось подчиниться, результатом этого была опубликованная без подписи статья на целый разворот, где подтверждалась верность доктрины диктатуры пролетариата и диктатуры партии. В начале статьи приводились три содержавшие эти выражения цитаты из Ленина, а в заключение говорилось, что «учение о роли партии» является «важнейшей составной частью ленинизма»¹⁰. Этот спор был оставлен без последствий. В тот момент гораздо важнее было сомкнуть ряды перед возможным новым наступлением со стороны Троцкого, чем сводить счеты между членами триумвиата.

Другим событием, последовавшим сразу после XIII съезда, была публикация мемориальной брошюры Троцкого «О Ленине». Она вызвала неудовольствие остальных партийных руководителей по двум причинам. Во-первых, это была не биография, а скорее очерк о личных взаимоотношениях Троцкого с Лениным, неизбежно создававший — и, сознательно или бессознательно, призванный создавать — впечатление о близости Ленина к Троцкому и о существовании определенной дистанции между ним и остальными

большевистскими руководителями¹¹. Во-вторых, хотя о Ленине говорилось с почтением и восхищением, все-таки невольно создавалось впечатление, что автор и герой очерка ставились там на равную ногу, что было несовместимо с быстро обретавшим в партийных кругах характер непреложного правила благоговейно-почтительным отношением к покойному вождю. Через несколько дней после публикации брошюры Зиновьев с негодованием упомянул в своем выступлении о недопустимом тоне, в каком Троцкий дерзнул поставить знак равенства между ошибкой, допущенной им самим в Брест-Литовске, и ошибкой Ленина, поддержавшего двумя годами позже наступление на Варшаву¹². Со временем брошюра превратилась во второстепенную мишень партийной перестрелки: наряду с ней атаки велись и по выступлению Троцкого, где тот с известным краснбайством противопоставил Ленина как человека действия Марксу как теоретика¹³. Однако главное обвинение сводилось к тому, что Троцкий, претендуя на прославление Ленина, на самом деле прославлял самого себя, представляя себя как равного партнера и помощника великого вождя. Он, в частности, изображал дело так, будто сыграл в организации Октябрьского переворота решающую роль и Ленин охотно обращался к нему за советом: плодами его богатого воображения были будто бы даже титул народного комиссара и название «Совнарком»¹⁴.

После покаянного выступления Троцкого в мае 1924 г.¹⁵ на XIII съезде партии он все лето обходил молчанием вопросы, по которым у него были расхождения с остальными руководителями. Когда в июне он получил от президиума V конгресса Коминтерна специальное приглашение открыть дискуссию о разногласиях внутри российской партии, он отклонил предложение под предлогом, что по решению съезда полемика в партии прекращена¹⁶. Но несмотря на эту демонстрацию сдержанности, над триумвиратом по-прежнему витал страх возможных демаршей со стороны Троцкого. В середине августа 19 членов ЦК партии (если верить подсчету Зиновьева) собрались на трехдневное заседание, чтобы обсудить вопросы тактики¹⁷. Единственное известное из принятых там решений состояло в образовании септемвирата из шести членов Политбюро, исключая Троцкого и Куйбышева; кандидатами в члены этой группы стали Молотов, Ярославский, Рудзутак, Дзержинский и Фрунзе¹⁸. Этот септемвират в течение последующих двух лет, по сути дела, заменял практически бездействовавшее, пока в его состав входил Троцкий, Политбюро и представлял собой генеральный штаб кампании против Троцкого. Все лето мелкие выпады в адрес Троцкого оставались неизменным занятием партийных лидеров¹⁹, однако никаких конкретных действий не предпринималось. Изоляция Троцкого все углублялась. В апреле верный сторонник триумвирата и противник Троцкого по вопросам военной доктрины Фрунзе заменил Склянского на посту заместителя наркома по военным и морским делам²⁰. В сентябре в результате преследований или запугивания со стороны партий-

ных властей за связи с Троцким покончил жизнь самоубийством его личный секретарь Глазман²¹.

С этого момента борьба заходила все дальше и дальше, достигнув апогея, который не предвидела и не планировала заранее ни одна из сторон. В битве между Троцким и триумvirатом выпады с одной из сторон всякий раз провоцировали другую к все более экстравагантным выходкам, ответственность за то, что характерные для ситуации с самого начала непримиримость и резкость со временем все возрастали, лежит на обеих сторонах. Все же основные расчеты строили главным образом члены триумvirата, полностью отдававшие себе отчет в поставленных целях и последовательно стремившиеся к их достижению. Что же касается Троцкого, то его поведением часто двигал интеллектуальный азарт спорщика, а позднее — слепота, вызванная гневом и безысходностью. После победы, одержанной большевиками, текущие проблемы, которые в предшествующий период вызвали оживленные споры, были преданы в партии забвению или обходились молчанием. Переиздав в 1922 г. под названием «1905 год» сборник своих ранних статей, Троцкий добавил там примечание, где упомянул о предпринятом Лениным в 1917 г. «идейном перевооружении», недвусмысленно давая понять, что в своих Апрельских тезисах Ленин вновь брал на вооружение первоначально принадлежавшую Троцкому точку зрения, и намекая на нежелание других большевиков последовать в то время за Лениным²². Однако эта публикация не вызвала особого интереса у остальных руководителей и осталась без ответа и комментариев. Рыться в остывшем пепле былых разногласий ни у кого, кроме Троцкого, особого желания не было. Новый период начался зимой 1923/24 г., когда Сталин поставил под сомнение право Троцкого называть себя «старым большевиком», а Зиновьев высказался о троцкизме как об «определенной тенденции в российский рабочем движении». Легитимации процесса копания в прошлом Троцкого способствовало, по-видимому, и упоминание — хотя и с оговоркой, что это не должно «использоваться против» него, — о важности «небольшевизма» Троцкого, содержащееся в «Завещании» Ленина. Но если уж было решено выставить на всеобщее обозрение скелет, обнаруженный в шкафу у Троцкого, вряд ли можно было рассчитывать, что он не попытается дать отпор. «Если уж ставить вопрос в плоскости биографических изысканий, — писал он с угрозой в декабре 1923 г., — то это нужно делать как следует быть»²³. В написанной в июне 1924 г. брошюре «О Ленине» определенная конвенция о взаимной терпимости все еще соблюдалась. Там упоминались «разногласия, которые бурно вспыхнули в Октябре», а также и споры по поводу Апрельских тезисов. Однако никто из тех, кто был в этом замешан, по имени не назывался. Осенью, спровоцированный участвовавшими на протяжении последних месяцев выпадами в свой адрес, Троцкий отбросил все ограничения и бросился в открытую атаку на гонителей.

В 1924 г. началась публикация избранных работ Зиновьева и Троцкого²⁴. Третий том произведений Троцкого, посвященный статьям и выступлениям 1917 г., должен был выйти в свет в октябре 1924 г. В сентябре Троцкий, находясь на отдыхе в Кисловодске, написал длинную статью под названием «Уроки Октября», напечатанную как нечто вроде раздумий о прошлом в качестве предисловия к этому тому²⁵. Тон для тех, кто был в курсе дела, сразу же определялся появлением на первой странице двух выражений, почти дословно заимствованных из ленинского «Завещания». «Разногласия», возникшие в октябре 1917 г., отмечалось там, «были очень глубоки и отнюдь не случайны», однако «было бы слишком мизерно пытаться делать из них теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался». Понесенные в прошлом году поражения в Болгарии и Германии показали, к каким ужасным последствиям приводит пренебрежительное отношение к урокам, которые можно было бы извлечь из русского Октября. «Для изучения же законов и методов пролетарской революции нет до настоящего времени более важного и глубокого источника, как наш октябрьский опыт». В 1923 г. в Германии налицо были все условия для успешной революции, не было лишь осознания лидерами уроков Октября. Оценивая Октябрьскую революцию, Троцкий незаметно вновь обратился к критике ленинской формулы «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», которая имела смысл только как «этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство» (его собственная формула²⁶), и повторил суть своих примечаний 1922 г.

Формула Ленина привела на практике к извращенной интерпретации меньшевистского толка:

«Но у известных кругов нашей партии ударение в ленинской формуле ставилось не на *диктатуре* пролетариата и крестьянства, а на ее *демократическом* характере, который противопоставлялся социалистическому характеру. Это опять-таки означало: в России, как отсталой стране, мыслима только демократическая революция. Социалистический переворот должен начаться на Западе... Но такая постановка вопроса неизбежно сбивалась на меньшевизм, и это обнаружилось полностью в 1917 г.»

Не сам ли Ленин говорил в апреле 1917 г. в своем споре с Каменевым, что эта знаменитая формула «устарела», что она «мертва»? Смысл этого аргумента сводился к тому, чтобы опрокинуть на голову Каменева обвинение в меньшевизме, в завуалированной форме нацеленное триумвиратом против Троцкого.

После этого Троцкий с апреля по октябрь 1917 г. повел острую атаку на позиции «старых большевиков». Как главный противник Ленина в этот период был пригвожден к позорному столбу Каменев. Время от времени приводились и другие имена. Один раз был упомянут уже покойный к тому времени Ногин. Скептическое выступление Рыкова на Апрельской конференции²⁷ цитировалось

подробно, но без упоминания имени. Дойдя до октябрьских событий, Троцкий дважды поименно обвинил Зиновьева и Каменева в оппозиции накануне восстания и сообщил об их выходе через десять дней после победы из состава ЦК партии. Никаких намеков на Сталина в статье не было. Подобная сдержанность, возможно, отчасти объяснялась скрупулезным стремлением к справедливости — в тот период Сталин нападал на него лишь изредка, да и то в довольно мягкой форме, но главным образом потому, что даже тогда он отказывался признать в Сталине серьезного противника. В заключительной части статьи Троцкий вновь вернулся к сравнению германской революции и российского Октября. Победа в 1917 г. была достигнута потому, что в нужный момент Ленин смог заставить своих колеблющихся оппонентов действовать, а в 1923 г. не нашлось ни одного подходящего лидера, который подобным же образом вынудил бы к действию германскую партию. В постскрипуме Троцкий опять обращается к собственным воспоминаниям. С момента прибытия в мае 1917 г. в Петроград он поддерживал ленинскую политику захвата власти пролетариатом «полностью и целиком». Что касается его отношения к крестьянству, то здесь не было и тени разногласий с Лениным, который завершал тогда первый этап борьбы против «правых большевиков» с их лозунгом «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Похоже, Троцкий опять использовал свою верность Ленину и большевикам летом 1917 г., чтобы намекнуть о своих претензиях будто, оставив в наследство «правым большевикам» 1917 г. свою формулу 1917 г., Ленин прошел больше половины пути по направлению к Троцкому. Развернутая Троцким кампания ободрила его сторонников, вдохновив их на новые действия. Цитируя в предисловии к этому тому «Американские письма» Троцкого от марта 1917 г., редактор избранных произведений Троцкого Лентнер отметил, что они «целиком предвосхитили» знаменитые «Письма из далека», написанные Лениным в том же самом месяце в Швейцарии. Вновь подтверждается претензия Троцкого на то, чтобы быть соавтором, если не основным автором, политики, выдвинутой в Апрельских тезисах. Неизвестный сторонник Троцкого по имени Сыркин опубликовал брошюру, где возрождалась апокрифическая история о поведении большевистских лидеров, впервые появившаяся в 1919 г. в книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Согласно этой версии, Ленин и Троцкий были в октябре 1917 г. «единственными из интеллектуалов», кто выступал за немедленное восстание, большинство членов ЦК партии голосовало против, и результаты голосования изменило лишь вмешательство «простого рабочего» с «перекошенным яростью лицом». Книгу Рида, к несчастью для этой истории, Ленин похвалил в своем предисловии к недавно вышедшему русскому переводу как «правдивое и необыкновенно живо написанное» изложение событий революции²⁸.

Официальной датой публикации тома, содержащего «Уроки

Октября», было 6 ноября 1924 г.²⁹ Но по всей видимости, он уже был у членов ЦК партии, когда они собрались на заседание, проходившее с 25 по 28 октября. Это вызвало в партийных кругах настоящую сенсацию. В последний год перепалка превращалась во все более и более привычное дело, однако еще ни один из прежних выпадов в партийных разногласиях не был так близок к истине и не заходил столь далеко в смысле воздействия, как этот пушечный залп Троцкого. Что именно произошло, когда Ленин вернулся в апреле 1917 г. в Петроград, в точности помнили лишь немногие члены партии. Еще меньше они в подробностях знали о разладе в ЦК до и после захвата власти в октябре. Статья Троцкого напомнила многое из того, что большинство охотно продолжало бы хранить в забвении. Основная сила этого удара пришлась на Каменева и в меньшей степени на Зиновьева. Однако полностью вне подозрений могли чувствовать себя лишь немногие из партийных лидеров — ведь из этого придирчивого экзамена по партийной истории не вполне безгрешным вышел даже сам Ленин. Первый запротоколированный комментарий принадлежал Каменеву. На заседании Московского городского комитета партии он заметил, что «многие члены ЦК, и я принадлежу к их числу, отказались от того, чтобы выносить на Пленум ЦК вопрос о смысле выступления Троцкого», что «мы» — читай «многие члены», имен которых он не назвал, — расцениваем это как «фальсификацию истории большевистской партии в октябрьские дни», и предложил ответить на это «литературно», заметив, что Троцкому тем не менее не позволят «вырастить из этого обширную дискуссию»³⁰. Официальный ответ партии на выпады Троцкого содержался в статье в «Правде» от 2 ноября 1924 г. под заголовком «Как не нужно писать историю Октября», которая, хотя и была без подписи, признавалась делом рук редактора газеты Бухарина. Очерк Троцкого, заявлялось там, без всякого сомнения, написан главным образом в угоду заграничным товарищам, и, поскольку содержащиеся в нем неточности могут сбить с толку зарубежные коммунистические партии, на это необходимо ответить. Троцкий искал перспективу, полностью оставив за пределами рассмотрения все, что происходило в партии до 1917 г. (это был деликатный намек на собственные воспоминания Троцкого). Он неверно представил позицию Ленина в 1917 г., изобразив дело так, будто у него были постоянные разногласия с большинством ЦК и тесное единомыслие с самим Троцким.

В написанной Троцким истории событий Октября целиком вычеркнута партия, ее рядовые члены:

«Ее нет, ее настроения не чувствуется, она исчезла. Есть Троцкий, издали виден Ленин, есть какой-то непонятливый анонимный Цека. Отсутствует целиком Петроградская организация, действительный коллективный организатор рабочего восстания...

Разве марксисты могут так писать историю? Это карикатура на марксизм».

Полностью ошибочна и аналогия между немецким и российским Октябрем: ни одно из условий сходным не было. Статья завершалась традиционным призывом к единству партии: «Партия сумеет вовремя оценить эту тихую сапу. Партия хочет работы, а не новых дискуссий. Партия хочет подлинного большевистского единства».

«Известия» выжидали, и лишь в номере от 16 ноября 1924 г. там на последней странице появилась незаметная статья. В ней со ссылкой на уже опубликованную статью в «Правде» заявлялось, что в общем-то безукоризненная книга была «испорчена введением Троцкого» и «некоторыми примечаниями» редактора. Партийный журнал напечатал статью Сокольников под заголовком «Как подходить к истории Октября?», где по нескольким пунктам вносились поправки в данную Троцким оценку событий 1917 г., а сам он обвинялся в стремлении преуменьшить роль Ленина и преувеличить разногласия между Лениным и другими членами ЦК³¹.

Однако резкость выпадов Троцкого уже не оставляла никаких надежд на то, что полемике дадут ограничиться относительно спокойным «литературным» уровнем. Триумvirат решил, что настало время пустить в ход все орудия. Дискуссии, проходившие в тот период между самими членами триумvirата и их сторонниками, частично выявились уже двумя годами позже, когда развалился и сам триумvirат. Каменев заявлял тогда, «что троцкистская опасность была изобретена с целью организованной борьбы против Троцкого», Лашевич признавал, что «мы же сами выдумали этот «троцкизм» во время борьбы против Троцкого», а Зиновьев добавил, что все искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми проблемами»³². Выставив на всеобщее обозрение дискредитирующие эпизоды из прошлого, Троцкий сам первым показал пример, и теперь надо было дать такой беспощадный залп по этим компрометирующим всю партию в целом свидетельствам Троцкого, чтобы он выглядел как акт справедливого возмездия. Основной ответ был не без оснований поручен Каменеву, поскольку именно на него пришелся главный удар атаки Троцкого. Хотя было совершенно ясно, что ответ является результатом координированных действий всего триумvirата, положение Каменева, как редактора официального собрания сочинений Ленина, давало ему особые полномочия представлять учение Ленина и возможность обильно снабдить его цитатами. Эта речь была произнесена по меньшей мере три раза: на заседании МГК партии 18 ноября 1924 г., на партийном собрании ВЦСПС днем позже и на совещании военных работников спустя еще два дня³³.

Речь Каменева была длинной и исчерпывающей. Вопрос, пояснял он, нельзя рассматривать как личную ссору: опасность «Уроков Октября» заключается в том, что они исходят от одного из

ведущих членов ЦК партии и могут быть «восприняты как учебник не только для членов нашей партии, для нашей молодежи, но и для всего Коминтерна». Время от времени в речи Каменева делались отступления, где формально отдавалась дань заслугам Троцкого: вступив в партию, Троцкий «сдал экзамен, и сдал его превосходно», он «вписал славные страницы и в свою биографию, и в историю партии». Но эти отступления лишь вновь подчеркивали едкость выпадов, касающихся самого раннего периода карьеры Троцкого. «С момента рождения меньшевизма и до его окончательного краха в 1917 г.» Троцкий играл роль «агента меньшевизма среди рабочего класса». В 1905 г. Троцкий сделал попытку выбраться из «меньшевистского небытия» и своими словами «изложил» идею Парвуса о «перманентной революции». Но эта «левая фраза» не помешала продолжению его сотрудничества с меньшевиками. *Ключом* речи Каменева было систематическое использование множества цитат из сочинений Ленина начиная с периода 1904 г., с помощью которых Троцкий представлялся в невыгодном свете. Не смог внести в это вклад, пожалуй, только год, предшествовавший 1914 г.³⁴ При описании периода войны, когда Троцкий сотрудничал с Мартовым и левым крылом меньшевиков, поток стрел стал еще плотнее. Троцкий «на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию». Мартов и Троцкий, подобно Каутскому в Германии и Лонгэ во Франции, «приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая *фикцию* единства и этим мешая назревшему, насущному объединению оппозиции всех стран, созданию III Интернационала». Ленин еще в феврале 1917 г. подвел итог позиции Троцкого как «левые фразы и блок с правыми против целей левых», а по возвращении в Петроград он приписал Троцкому высказывание Парвуса, относящееся к 1905 г., «без царя, а правительство рабочее» и охарактеризовал это как сущность троцкизма (явно чисто ленинское использование этого термина), то есть игнорирование крестьянства и стремление «перепрыгнуть» буржуазную фазу революции³⁵.

Вооруженный столь устрашающим арсеналом цитат, Каменев принялся забивать клин между Троцким и Лениным, между троцкизмом и большевизмом. Он с иронией поиздевался над высказанной Троцким годом раньше фразой: «Я пришел к Ленину с боями»³⁶. На самом деле, как видно из «Уроков Октября», Троцкий имел в виду следующее: «Я, Троцкий, пришел к Ленину потому, что в основных вопросах о характере русской революции Ленин привел партию к троцкизму». Но вступив в 1917 г. в партию, Троцкий не смыл этих позорных пятен: глубокая враждебность к ленинизму, к большевизму оставались прежними. Каменев перечислил четыре совершенные Троцким после 1917 г. ошибки, привел четыре вопроса, по которым Троцкий разошелся в этот период с большинством в партии, и с помощью искусно подстроен-

ных аргументов втиснул все это в одну основополагающую категорию «недооценка крестьянства». Политика Троцкого в Брест-Литовске была «недооценкой роли крестьянства, прикрытой революционной фразой». Линия Троцкого в профсоюзных разногласиях означала попытку потуже закрутить гайки «военного коммунизма» перед лицом крестьянского сопротивления. То обстоятельство, что Троцкий настаивал на необходимости планирования, было инспирировано стремлением установить «диктатуру промышленности», а предпринятая Троцким осенью 1923 г. попытка подорвать «основной костяк диктатуры» путем осуждения руководящей роли партии и партийной бюрократии объяснялась «недооценкой тех условий, в которых мы — в крестьянской стране — должны осуществлять диктатуру». Здесь Каменев признавался и в своих собственных «недопустимых колебаниях» 1917 г., которые стали главным «козырем» Троцкого «в борьбе против большевизма», но быстро вновь возвращался к непроходимой пропасти, лежащей между Троцким и Лениным. В заключение он коротко опровергает распространившиеся слухи, «что книжка тов. Троцкого запрещена, что тов. Троцкий уже исключен из партии, что Троцкого собираются исключить из партии и что Троцкого даже уже нет в Москве». Такого рода репрессии были бы бесполезны: партии предстоит сделать выбор между несовместимыми между собой ленинизмом и троцкизмом. Но необходимо «усиление всякого рода разъяснений о неправильности позиции тов. Троцкого».

Из остальных выступлений в ходе этой дискуссии самой важной была речь Сталина. Прямых выпадов, направленных непосредственно против Троцкого, сделано не было. Но поскольку полтора года назад Сталин, движимый чувством долга, выказал на XII съезде партии усердное стремление выступить в защиту Зиновьева³⁷, теперь он поспешил поддержать и Каменева, выступив сразу вслед за ним на собрании партгруппы Центрального совета профсоюзов 19 ноября 1924 г. По сравнению с расплывчатостями, высокопарными разглагольствованиями Каменева речь Сталина была короче, концентрированнее и язвительнее. Начал он с попытки ослабить силу доводов Троцкого против Каменева и Зиновьева в связи с их поведением в октябре 1917 г. Все это было сильно преувеличено. Если бы разногласия в действительности были столь глубокими, раскол в партии был бы неизбежен. «Раскола не было... потому и только потому, что мы имели в лице тт. Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков». Затем Сталин перешел к воспоминаниям самого Троцкого. Как и Каменев, он не хотел «отрицать несомненно важную роль тов. Троцкого в восстании». Но это не была какая-то «особая» роль. Здесь Сталин принимает свою первую пробу пера в искусстве заново переписать историю. Он цитирует выдержки из еще не опубликованных протоколов заседания ЦК партии от 16 октября 1917 г., где говорилось о решении создать «центр» — который Сталин описывает как «практический центр по организационному руководству восста-

нием», — состоящий из него самого, Свердлова, Дзержинского, Бубнова и Урицкого. И тут он иронически комментирует то обстоятельство, что в этом списке отсутствует человек, который в соответствии с популярной легендой считается «вдохновителем», «единственным руководителем», «главной фигурой» восстания. Совершенно ясно и понятно, что этот партийный центр был создан с целью установить связи с военно-революционным комитетом Петроградского совета, на котором лежала ответственность за все военные приготовления: именно по этой самой причине в него не был включен ни Троцкий и никто иной из известных членов этого комитета. Не осталось в партийных документах и никаких следов о заседании центра, его действиях или предложениях³⁸. Но в 1924 г. принималось уже как само собой разумеющийся факт, что любой партийный орган, сколь бы неформальным он ни был, стоит намного выше любого советского органа, да и трудно было восстановить, как все в действительности происходило в сумятице октябрьских дней 1917 г. Протест Сталина против легендарного раздувания роли Троцкого представлялся вполне умеренным и разумным. Троцкий, признавал Сталин, «хорошо дрался в октябре». Но то же самое делали и другие, в том числе и левые эсеры. И крайне печально, что позднее ему не хватило мужества в период Бреста³⁹. В этом месте Сталин вставил краткую исповедь о своей собственной ошибке, намного менее тяжелой, чем ошибка Каменева, *не говоря уже* о Троцком. Он тоже колебался перед возвращением Ленина в Петроград в апреле 1917 г. и еще несколько дней после этого, прежде чем решился выступить против Временного правительства: «Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина. Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах».

В заключение короче, но еще драматичнее, чем Каменев, Сталин противопоставил друг другу троцкизм и ленинизм. Здесь он ввел в обращение две наиболее впечатляющие новости — две цитаты из тогда еще неопубликованного письма Троцкого к Чхеидзе от 1913 г., перехваченного царской охранкой и обнаруженного в 1921 г. в архивах комиссии Истпарта. «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации», — писал Троцкий, добавив, что Ленин «профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении»⁴⁰. Здесь-то, с триумфом провозглашает Сталин, и кроется неопровержимое доказательство намерений Троцкого «развенчать» Ленина. Далее он переходит к определению трех основных составных частей троцкизма. Первой была «перманентная революция», означавшая «революцию без учета маломощного крестьянства как революционной силы». Второй было «недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности» — предостаточно свидетельств тому дает вся дея-

тельность Троцкого до 1917 г. Третья сводилась к «недоверию к лидерам большевизма» вообще и к Ленину в особенности — «новый троцкизм» в такой же степени стремился «развенчать» Ленина, как и старый, однако он действовал более тонкими методами. Закончил Сталин, приведя несколько цитат из брошюры Троцкого «О Ленине», где покойный вождь описывался в интимном, полусерьезном-полуфривольном тоне — не есть ли тут попытка «маленечко» развенчать Ленина? ⁴¹. Вывод был не слишком убедительным. Но Сталин знал свою аудиторию. Настали времена, когда стало уже невозможно говорить о Ленине с развязной фамильярностью равного, не нанося при этом оскорбления. Мораль была ясна. Троцкий — чужак в партии, ему так же чужд культ Ленина, как и его учение.

В то время как Каменев и Сталин появились на переднем фронте сражения, Зиновьев оставался более или менее в стороне. Это был первый случай, когда он с радостью фигурировал как третье лицо в триумvirате. 24 ноября 1924 г., несколько дней спустя после выступления своих коллег, Зиновьев выступил на собрании комсомола в Москве, посвященном празднованию пятой годовщины образования Коммунистического интернационала молодежи. Однако это был неподходящий случай для ответа на вызов Троцкого, и он ограничился одной неожиданной репликой в заключительной части своей речи: «За одно мы должны выразить благодарность тов. Троцкому, что своей борьбой против ленинизма он поможет нам обучить молодое поколение настоящей истории партии и настоящему ленинизму» ⁴².

Основным вкладом Зиновьева в эти разногласия была статья под заголовком «Большевизм или троцкизм?», напечатанная 30 ноября 1924 г. в «Правде» и в «Известиях». Значительная часть ее была посвящена не нападкам на Троцкого, а защите прошлого самого Зиновьева. Он вовсе не пытается «приуменьшать» «громдную ошибку», которую допустил вместе с Каменевым в октябре 1917 г. и в которой уже неоднократно публично каялся. Вместе с тем он предусмотрительно отмежевался от проступков, совершенных Каменевым ранее, и постарался реабилитировать себя как любимого ученика Ленина. Поиграв немного с известными цитатами из Ленина и Троцкого, он погрузился в теоретические изыскания о том, могло ли появиться в партии правое крыло. В период между 1903 и 1910 гг., когда еще не до конца прояснились отношения между большевиками и меньшевиками, такое явление было возможно и действительно имело место. Между 1910 и 1917 гг. это было невозможно (ответ на утверждение, будто Зиновьев и Каменев сформировали в октябре 1917 г. правое крыло). После захвата власти, когда другие партии уже фактически перестали существовать, а их члены присоединились к большевикам, когда страна и режим переживали переходный период, эта опасность возникла снова. Логическим следствием троцкизма был «левый уклон», и единственная гарантия защиты против

него — плотнее сомкнуть ряды партии. Зиновьев прибегнул к одному из своих излюбленных высокопарных высказываний:

«Каков же выход при таком положении вещей? Что же делать? Раскол? Пустое! Об этом не может быть и речи. Партия наша едина больше, чем когда бы то ни было.

Откол? Пустое! Откалываться почти что некому, и партия до этого доводить дело не хочет.

Партийные взыскания? И это пустое! Это никому не нужно; теперь нужно другое.

Что же нужно?

Нужно чтобы партия *обеспечила себя* от повторения «налетов» на ленинизм. Нужны серьезные партийные гарантии, что решения партии будут обязательными для тов. Троцкого. Партия не дискуссионный клуб, а *партия*, да еще действующая в такой сложной обстановке, как наша. Лозунг сегодняшнего дня:

Большевизация всех слоев партии!

Идейная борьба против троцкизма!

Прежде всего разъяснение, разъяснение и еще раз разъяснение».

Прочие противники Троцкого восполняли количеством то, чего им недоставало в весе и оригинальности. Сафаров, видный ленинградский большевик и автор популярной антитроцкистской брошюры «Основы ленинизма», написал огромную статью под заголовком «Троцкизм или ленинизм?», прошедшую подряд через семь номеров «Ленинградской правды» и напечатанную еще в виде отдельной брошюры. В ней говорилось о демонстрации «меньшевистских колебаний» Троцкого до 1917 г. и делался вывод, что «партия не может жить под дамокловым мечом непрерывных дискуссий»⁴³. Секретарь ЦК украинской партии Квиринг опубликовал в украинском партийном журнале «Коммунист» статью под заголовком «Партия не хочет дискуссий»⁴⁴. Молотов атаковал брошюру Троцкого «О Ленине» как часть кампании прославления Троцкого в ущерб памяти Ленина и как «ревизию ленинизма под флагом Ленина»⁴⁵. Крупская, глубоко обеспокоенная новой вспышкой разногласий в партии и сердитая на Троцкого за то, что тот столь опрометчиво ее спровоцировал, опубликовала статью, носившую явные признаки того, что она была написана по подсказке триумвирата. Хотя она выражала сомнения по поводу того, в действительности ли Троцкий «виновен во всех тех смертных грехах, в которых его обвиняют», тон «Уроков Октября» неизбежно вел к «противоречивым преувеличениям». «Марксистский анализ», сурово отмечала Крупская, «не являлся никогда сильной стороной тов. Троцкого» — и «отсюда недооценка у него и роли крестьянства». Одной из целей статьи было осудить «очень глупые интерпретации» Сыркина по поводу книги Джона Рида, содержавшей «неточности и легенды» и получившей похвалы Ленина только потому, что в ней превосходно передан дух революции⁴⁶. На сле-

дующий день Гусев начал процесс подрыва военной репутации Троцкого, написав статью под названием «Как вооружалась революция», заимствованным — разумеется, иронически — из собрания статей о гражданской войне самого Троцкого, где приводились примеры высокомерного поведения Троцкого во время гражданской войны⁴⁷. Наконец эти и другие статьи и выступления были собраны в небольшой том, опубликованный с предисловием Рыкова под названием «За ленинизм» к заседанию ЦК партии в середине января 1925 г.⁴⁸ Этот сборник, однако, потока статей не истощил. 12 декабря «Правда» опубликовала длинную теоретическую статью Бухарина (за которой последовала еще одна статья в «Большевике»⁴⁹) под названием «Новое откровение о советской экономике, или Как можно погубить рабоче-крестьянский блок», где была предпринята попытка отождествить Троцкого с выдвинутой Преображенским теорией первичного социалистического накопления и индустриализации за счет рабочих и крестьян. А на следующий день Бухарин прочитал на собрании партийных пропагандистов в Москве доклад под названием «О теории перманентной революции», впоследствии опубликованный в печати⁵⁰. Наконец, 20 декабря 1924 г. «Правда» и «Известия» поместили важную статью Сталина «Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого», написанную как предисловие к собранию его речей и подтверждавшую усиливавшееся впечатление, что Сталин намерен вступить на арену партийной теории⁵¹. В ней была впервые сформулирована новая сталинская доктрина «строения социализма в одной стране».

Обличительная кампания отнюдь не ограничивалась заявлениями лидеров. Свою роль в ней были призваны сыграть и рядовые члены партии. Важная операция было только что проведена в Московской организации. Москва предыдущей зимой была главным очагом троцкизма; наблюдавшиеся там признаки нарушения партийного единства проявлялись в недоверии к главе Московской областной парторганизации Каменеву или ее секретарю Зеленскому. Триумвират, похоже, принял решение не допускать более риска повторения подобной вспышки разногласий в столице. И в сентябре 1924 г. в Москву, по требованию Зиновьева и Каменева, был переведен, чтобы заменить Зеленского, исполнявший последние три года обязанности секретаря обкома в Нижнем Новгороде Угланов, которому было поручено провести чистку партийной организации⁵². Эту задачу он, судя по всему, выполнил безжалостно, но вполне эффективно⁵³. Теперь Московская парторганизация вела себя с примерным единодушием. Собрание МГК, где 18 ноября 1924 г. Каменев нанес свой первый удар, приняло резолюцию, где выражалось «негодование» «по поводу извращения т. Троцким истинных отношений между т. Лениным, с одной стороны, и партий и ЦК — с другой», осуждалось его поведение как «нарушение со стороны т. Троцкого обещаний, данных им XIII съезду», и выражалось настоятельное требование, чтобы ЦК

принял «решительные и исчерпывающие меры» для предотвращения дальнейших искажений партийной истории и «основных идей» партии. Эта резолюция была принята также на проведенном на следующий день партийном собрании ВЦСПС, где выступали Каменев и Сталин, и на совещании военных работников 21 ноября⁵⁴. Этому примеру последовали и другие местные партийные организации. Резолюции, отражавшие спешное стремление отмежеваться от выступлений Троцкого, приняли ЦК ВКП(б) Украинской и Белорусской ССР⁵⁵. На выражение негодования по поводу «еретических» высказываний Троцкого и доверия партийному руководству были мобилизованы и низовые партийные органы. 22 ноября 1924 г., еще до того как были опубликованы выступления Каменева и Сталина, в «Правде» уже была напечатана осудившая Троцкого резолюция Харьковского губкома партии — она оказалась первой в опубликованном в последующие дни в «Правде» целом потоке подобных резолюций. Ленинградский горком и губком ВКП(б) в свою очередь приняли резолюции, где выражалось требование поставить вопрос о деятельности Троцкого на повестку дня следующего Пленума ЦК. Согласно некоторым сообщениям, выдвигалось также недвусмысленное требование о его исключении из партии⁵⁶.

Не менее активно была подключена к этой борьбе и партийная печать, что было зафиксировано в квартальном отчете Отдела печати ЦК: «В связи с последним выступлением тов. Троцкого дополнительной работой по газетному п/отделу являлась проработка вопросов ленинизма и троцкизма, изучение проведения этих вопросов в крупнейших центральных и местных газетах, учет характера статей, заметок и резолюций и рассылка через Прессбюро специальных статей по данному вопросу»⁵⁷.

Инструкция ЦК по программам партшкол предписывала уделять особое внимание разоблачению «оппортунизма всех и всяческих промежуточных группировок как вне, так и внутри самой партии» и «отрицательной роли таких группировок, а в частности и в особенности троцкизма»⁵⁸. ЦК комсомола выпустил для всех подчиненных ему организаций подробную инструкцию по проведению пропагандистской работы против троцкизма. Рекомендованная для изучения тема включала три раздела: «Троцкизм до Октября», «Троцкизм после Октября» и «Троцкизм или ленинизм». Акцент делался на необходимость «осторожного подхода» к постановке этих вопросов в комсомольских ячейках, которую следует осуществлять, тщательно подготавливая докладчиков. Был приведен список соответствующей литературы⁵⁹. В ходе проходивших в ноябре — декабре 1923 г. дискуссий поддерживалась видимость спокойствия и рациональной аргументации, отражение в печати противоположных точек зрения создавало впечатление, что борьба умов шла тогда с переменным успехом. Год спустя единственным видимым проявлением борьбы стал клокочущий поток ругательств, в котором не слышался или не мог быть услышан

голос противника. Созданное таким путем впечатление ошеломляющего единодушия всех против Троцкого отнюдь, разумеется, не соответствовало действительности, ведь одним из самых распространенных обвинений в адрес Троцкого было то, что он развернул дискуссию в партии. В довольно сбивчивой статье, опубликованной 28 ноября в «Известиях», выражались мрачные опасения, как эта дискуссия может отразиться на беспартийных или недавно вступивших в партию, особенно на молодежи, и заявлялось, что спровоцированы эти разногласия отнюдь не по вине партии. Тем не менее создавалось довольно четкое впечатление, что поддержка Троцкому исходила, как и годом раньше, скорее из кругов высшей партийной интеллигенции, молодежных и студенческих групп, чем от рядовых членов партии, и что повсюду эта поддержка по сравнению с предшествующим годом стала слабее; это явилось следствием главным образом предпринятых руководством организационных мер и все более реальной опасности репрессий по отношению к инакомыслящим, но отчасти и плодом разочарования поведением самого Троцкого. Невозможно было идти за человеком, который регулярно поднимал голос протеста против политики и методов партийного руководства, но отказывался возглавить или организовать оппозицию.

Риска, что на стороне Троцкого выступят зарубежные партии, как это сделала в декабре 1923 г. польская партия, в то время уже не было⁶⁰. Верный приверженец Зиновьева в Коминтерне Куусинен опубликовал почти одновременно с Зиновьевым статью, где были показаны ошибки Троцкого в оценке «германского Октября» и привлекалось внимание к тому, что он сам же выносил совершенно иной вердикт, содержащийся в тезисах, которые были представлены в январе прошлого года в Исполком Коминтерна Радеком⁶¹. Два других стойких члена Коминтерна — Бела Кун и Коларов — тоже написали по статье с разоблачениями ошибок «Уроков Октября». Коларов, чья статья была опубликована в «Правде» от 20 декабря 1924 г., указал на ошибки Троцкого в диагнозе болгарского кризиса 1923 г. Сыграть свою роль в этой кампании были срочно мобилизованы основные зарубежные партии. Ответ в Германии появился, судя по всему, спонтанно. У тогдашних «левых» лидеров ГКП были здесь свои корыстные цели, и они поспешно воспользовались разногласиями в российской партии, чтобы разделаться с остатками правого крыла в своей собственной партии. В октябре 1924 г. в теоретическом журнале ГКП была опубликована ироническая заметка о брошюре Троцкого «О Ленине», озаглавленная «Беллетристика, или Материал для биографии?» и подписанная «А. М.» (Маслов), и более подробная, хоть и не менее злая статья, по всей видимости написанная той же самой рукой⁶². Через несколько дней после публикации «Уроков Октября», 10 ноября 1924 г., ЦК ГКП направил письмо ЦК РКП(б), где высказался против «возобновления дебатов» в партии и выражал солидарность с партийным руководством⁶³. Моти-

вы этого жеста ясно просвечивали в статье под заголовком «Что такое троцкизм?», напечатанной 13 ноября 1924 г. в «Роте фане», где делался вывод, что «все сторонники Брандлера являются троцкистами». Брандлер и Тальгеймер, оставшиеся после V конгресса Коминтерна в Москве, сделали в ответ короткое заявление. Спор был затруднен неясностью позиции самого Троцкого осенью 1923 г., когда он выступал безусловным сторонником революционных акций в Германии, но одновременно продолжал поддерживать многолетнюю дружбу с Брандлером и испытывать личную антипатию к «левой группировке» ГКП⁶⁴. Теперь Брандлер стремился показать, что всегда находился в лагере, противоположном Троцкому. Он выступал против него в старых разногласиях 1909—1913 гг., в дискуссиях о вооружении рабочих накануне введения НЭПа и в анализе революционных возможностей в Германии в октябре 1923 г. Он четко отмежевался от выводов, которые извлек из октябрьского фиаско Троцкий, начиная с представленной в январе 1924 г.⁶⁵ в Исполком Коминтерна резолюции Радека — Троцкого — Пятакова и кончая «Уроками Октября». В заявлении содержалось напоминание о том, что нынешние левые лидеры ГКП — были названы Рут Фишер, Шолем и Маслов — сотрудничали ранее с российской рабочей оппозицией⁶⁶ и «стали ленинцами только в 1924 г.» В конце содержался призыв ко всем коммунистическим партиям поддержать российскую партию в «ликвидации оппозиции». Письмо было опубликовано с пометкой «Москва, 20 ноября 1924 года» в «Правде» от 29 ноября и снабжено едким примечанием, где хвалили Брандлера и Тальгеймера за то, что те столь решительно отмежевались от «нынешнего выступления» Троцкого, но порицали за оппозицию к нынешнему руководству ГКП и к линии V конгресса Коминтерна. В «Роте фане» заявление опубликовано не было. И это не было простым совпадением: нападки на левое руководство ГКП еще можно было напечатать в «Правде» при условии, что это внесет вклад в кампанию против Троцкого, но нельзя было публиковать в газете германской партии⁶⁷. Пока оба крыла ГКП соперничали друг с другом в том, кто из них лучше повернется спиной к Троцкому, «Уроки Октября» с предисловием ренегата Поля Леви появились в немецком переводе в прессе Германской социалистической партии⁶⁸. В течение последующих месяцев примеру ГКП последовали тем временем французская, польская, чешская партии, а также федерация балканских компартий⁶⁹. Резолюцию, где была зафиксирована поддержка ЦК российской партии в борьбе против Троцкого, выработала даже Рабочая партия Америки⁷⁰. Это был первый случай, когда машина Коминтерна столь гладко и отлаженно обеспечила управление деятельностью иностранных партий. Определенной независимостью обладала еще в слабой степени только одна германская партия.

Самым, однако, сокрушительным во всей этой кампании ударом была публикация полного текста письма Троцкого к Чхеидзе

от 1913 г., в котором содержались процитированные Сталиным в выступлении от 19 ноября 1924 г. грубые обличения в адрес Ленина. Сам Троцкий описывал позднее в своей автобиографии «употребление, которое сделано было эпигонами из моего письма к Чхеидзе», как «один из величайших обманов в мировой истории», однако признавал при этом, что массы людей, «прочитав враждебные отзывы... о Ленине», были «оглушены»⁷¹.

Эффект от этого письма усилила публикация еще одного письма Троцкого. Будь он восприимчивее к чувствам других, Троцкий испытал бы момент замешательства и мрачных предчувствий, когда к концу 1921 г. Комиссия по партийной истории — Истпарт — раскопала в архивах полицейской охраны давно забытое им письмо к Чхеидзе, и председатель этой комиссии Ольминский — разумеется, не без злорадства — написал ему, спрашивая, хочет ли он, чтобы это письмо было опубликовано. 6 декабря 1921 г. Троцкий, находясь тогда на вершине могущества и самоуверенности, прислал ему ответ, который в свете последующих событий представляется благодушием на грани с безрассудством. Он счел, что публикация была бы несвоевременной, поскольку «нынешний читатель не поймет этого тона, не внесет необходимых исторических поправок и только сойдет с толку». Письмо пришлось бы снабдить пояснениями, а Троцкий не видел смысла возрождать свои старые споры с партией. «Ибо — каюсь в этом чисто-сердечно — я вовсе не считаю, что в несогласиях своих с большевиками я был во всем не прав». Сама действительность подтвердила сделанный им анализ движущих сил и перспектив развития революции; ошибку он допустил только относительно двух фракций в партии. Публиковать письмо в настоящее время было бы бессмысленно, «предоставим кому-нибудь сделать это лет через десять, если тогда станут этим интересоваться»⁷². Он не представил ни единого слова сожалений или угрызений совести по поводу оскорбительных замечаний в адрес вождя и совершенно не отдавал себе отчет, как его отказ признать неправоту «в несогласиях своих с большевиками» может покорибить рядовых членов партии. Это надменное письмо к Ольминскому осталось в архивах Истпарта. Без одного дня три года спустя после этого события, 5 декабря 1924 г., когда Ленина уже не было, а культ его был на самом подъеме, Каменев зачитал это письмо на заседании МГК как убедительное доказательство, что Троцкий по-прежнему упорствует, считая, что он прав, а партия не права⁷³. Тексты писем к Чхеидзе и к Ольминскому были опубликованы 9 декабря 1924 г. в «Правде», а на следующий день в «Известиях» Каменев посвятил этим откровениям специальную статью в «Правде». Письмо Троцкого к Ольминскому говорит само за себя: «Пусть эти сомневающиеся и колеблющиеся еще и еще перечитают письмо тов. Троцкого: мы уверены, что оно окончательно освободит их от сомнений и колебаний». После публикации этого письма Троцкого, действительно, «спорить уже не стоило». Письмо с неопро-

вержимой очевидностью подтвердило, что «свой путь он старательно отделял и отделяет от пути Ленина»⁷⁴.

Реакция Троцкого на эти беспощадные оскорбления снова поставила в тупик как друзей, так и врагов. В тот момент, когда полемика достигла наивысшего накала, он написал или продиктовал оставшийся среди его бумаг меморандум, занявший 54 машинописные страницы. Он был озаглавлен «Цель этого объяснения» с добавленным от руки подзаголовком «Наши разногласия». Троцкий опроверг обвинение, будто он предпринимает ревизию ленинизма под «тайным знаменем» троцкизма, будто «Уроки Октября» были написаны под каким-то особым троцкистским углом зрения или направлены на то, чтобы принизить значение ленинизма, и что все это было задумано как платформа для какого-то нового правого крыла в партии. Троцкий повторил уже признанные им ранее пункты, по каким был не прав в отношении Ленина, и обвинял Каменева в недобросовестном подборе цитат и недопустимой практике смешивать цитаты, относившиеся к различным периодам и взятые из разных контекстов. Он вновь покритиковал Каменева за ошибки, допущенные тем в 1917 г. Троцкий отвел от себя обвинения в игнорировании крестьянства и утверждал, что возможность разлада между пролетариатом и крестьянством имеет двойственный характер. Он может произойти в результате стремления переложить на крестьянство слишком тяжелое бремя, но есть и противоположная опасность: «Если рабочий класс после ряда лет придет к выводу, что во имя поддержания своей политической диктатуры он принес слишком большие жертвы своим классовым интересам, то это может подорвать советское государство с другой стороны». Темпы индустриализации лимитируются объективными факторами, и их необходимо принимать в расчст. И не меньшей опасностью грозило бы, если бы «индустриализация тащилась в хвосте экономического восстановления страны, что неизбежно породило бы значительный голод и повышение розничных цен, что в свою очередь неотвратимо повлекло за собой обогащение частного капитала». Тот факт, что первоначально меморандум предназначался для публикации, подтверждает отрывок почти в самом начале с подчеркнутыми ударными местами:

«Если бы я считал, что мои объяснения могут лишь подлить масла в огонь дискуссий, или если бы товарищи, от которых зависит публикация этого очерка, прямо и открыто мне об этом сказали, я бы отказался от его публикации, как бы тяжело мне не было оставаться под обвинением в ликвидации ленинизма».

Эти слова могут служить ключом к последующему решению не публиковать этого⁷⁵. В «Правде» от 13 декабря 1924 г. появилась краткая редакционная заметка, сообщающая «в ответ на вопросы ряда товарищей», что никаких статей «ни от товарища Троцкого, ни от его ближайших единомышленников» в ответ на

опубликованные критические высказывания в адрес троцкизма получено не было.

Возможно, однако, молчание Троцкого объяснялось не столько расчетливым благоразумием, сколько потрясением и замешательством. Написав «Уроки Октября», он, по всей видимости, не ожидал столь мощного ответного взрыва. Ведь ранее в том же году он выдвинул свою точку зрения по поводу германской революции и положения в партии, не вызвав этим никаких особых знаков официального недовольствия. Целый год он оставался объектом непрекращавшихся нападок. Не удалась и попытка добиться в наименее благоприятный для него момент перелома в ссоре за счет личных выпадов против Зиновьева и Каменева. Внезапность удара усилила шок. Одиночество, которое он сам для себя избрал, и неистовство бушующих вокруг бурь, которые он сам же вызвал на свою голову, действовали на нервы, приведя к тем же самым физическим симптомам, что и год назад. 24 ноября 1924 г. кремлевские врачи, в том числе Семашко и Гетье, сообщили, что в течение десяти дней он страдает «лихорадочным заболеванием, вызванным гриппозной инфекцией». 5 декабря они провели повторный осмотр и констатировали по-прежнему повышенную температуру и «раздражение бронхиальных желез», то есть состояние, «совершенно аналогичное заболеванию, имевшему место в прошлом году», и порекомендовали переехать в «теплый мягкий климат»⁷⁶. На сей раз Троцкий не поспешил, последовав совету врачей, двинуться на юг. В январе 1924 г. он уехал из Москвы как раз накануне партийной конференции. Теперь же, больной, он в молчаливом одиночестве остался в Кремле ждать назначенного на 20 января 1925 г. заседания ЦК. Он был в состоянии апатии, время от времени прерываемой вспышками надежды. Он не будет присутствовать на заседании ЦК. Но вдруг произойдет что-то такое, что смягчит гнев его гонителей, может, они почувствуют угрызения совести и предложат ему прийти с объяснениями, дадут возможность изложить свои доводы. 15 января 1925 г., впервые после публикации «Уроков Октября», прервав молчание, он направляет готовящемуся к предстоящему Пленуму ЦК письмо, которое обычно называют «прошением об отставке» Троцкого. Строго говоря, это название нельзя признать справедливым. Как и его заявление на XIII съезде партии⁷⁷, оно представляло собой акт формального подчинения партии, но не содержало никаких признаний в собственной неправоте. Его молчание перед лицом «множества неверных и прямо чудовищных обвинений» было, по его словам, «правильно с точки зрения общих интересов партии». За последние восемь лет ему ни разу не приходило в голову рассматривать какой-либо вопрос «под углом зрения так называемого «троцкизма», который я считал и считаю политически давно ликвидированным», само это слово всплыло лишь во время недавней дискуссии. «Перманентная революция» является предметом партийной истории и не имеет никакого касательства к нынешним

задачам. Со времени XIII съезда он не предпринял никаких попыток оспаривать или подвергать сомнению решения партии, и он категорически отвергает обвинение, что — сейчас или в прошлом — занимался «ревизией ленинизма». Отрицая, будто он претендовал на «особое место» в партии, Троцкий твердо заявил о готовности выполнять любую работу, которую ему доверит ЦК, и добавил — вероятно, это было нечто вроде мыслей вслух, — что «после последней дискуссии интересы дела требуют скорейшего освобождения меня от обязанностей председателя Революционного Военного Совета». В заключение он заявил, что «не выезжал из Москвы до пленума, чтобы — в случае если понадобится — ответить на те или другие вопросы или дать необходимые объяснения»⁷⁸.

Как уже и раньше случалось в этой парадоксальной борьбе за власть, смирение Троцкого вкупе с отказом признать свои ошибки облегчили исполнение намерений противника и, похоже, спровоцировали вынесенный вердикт. Подчеркнув роль, которую он играл в деятельности Секретариата, и внешне как бы исключив таким образом какие бы то ни было личные предубеждения, Сталин сделал на Пленуме ЦК краткое сообщение, где проинформировал о полученных от местных организаций резолюциях с осуждением Троцкого. Он подразделил их на три категории: те, что требовали исключения Троцкого из партии; те, что требовали исключить его из Политбюро и сместить с должности председателя Реввоенсовета, и такие, что требовали только освобождения его с этой последней должности. Что касается выбора между этими тремя дисциплинарными мерами, то Сталин, воздержавшись от выражения какого бы то ни было мнения, полностью оставил решение на усмотрение ЦК. За сценой велась острая борьба. Ленинградская организация, несомненно подогреваемая Зиновьевым, выдвинула предложение об исключении Троцкого из партии или, во всяком случае, из состава ЦК: именно в этом духе была выдержана брошюра, опубликованная одним из ленинградских партийных публицистов, Залуцким. Однако в ЦК это предложение поддержки не нашло. Тогда Каменев при участии Зиновьева выдвинул компромиссное предложение исключить Троцкого из состава Политбюро. Против него возражали Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Сталин и «частично» Бухарин, и оно подавляющим большинством голосов было отклонено. Отставка Троцкого с занимаемых им военных постов была принята единогласно. Никакого решения относительно его дальнейшей работы не было⁷⁹.

В принятой в итоге этого обсуждения пространной резолюции была сделана попытка дать резюмированный анализ проступков Троцкого. «Основной предпосылкой всех успехов большевистской партии, — говорилось вначале, — всегда были стальное единство и железная дисциплина, подлинное единство взглядов на почве ленинизма». Подстрекая к расколу, Троцкий угрожал этому един-

ству как внутри страны, так и за рубежом. Троцкизм представлял собой «фальсификацию коммунизма» в духе приближения к «европейским» образцам псевдомарксизма, то есть, в конце концов, в духе «европейской социал-демократии». Это был четвертый по счету важный случай, когда Троцкий нес ответственность за раскол в партии. Первый был связан с дискуссиями по Брест-Литовску, второй — по профсоюзам, третий — по вопросу о кризисе «ножниц». Нынешний случай — самый серьезный из всех, ибо на сей раз Троцкий отрицал ленинскую доктрину «о движущих силах революции», противопоставляя линии партии, которой она придерживалась и в прошлом, и в настоящем, свою теорию «перманентной революции». В резолюции отмечалось, что в своем письме 15 января Троцкий не признал своих ошибок, не отказался от своей «антибольшевистской платформы» и ограничился выражением «формальной лояльности». Там содержалось предложение освободить его по собственной просьбе от должности председателя Реввоенсовета и утверждение о невозможности его дальнейшей работы в военных органах. Решение вопроса о дальнейшей работе резолюция откладывала до следующего съезда партии, выражая при этом предупреждение, что любое новое нарушение или неподчинение решениям партии сделает невозможным дальнейшее пребывание Троцкого в составе Политбюро и поставит вопрос об отстранении от работы в ЦК. (Исключение из партии как высшая санкция не упоминалось.) Наконец, было решено предпринять пропагандистскую кампанию для разъяснения всей партии, так же как и «беспартийным массам рабочих и крестьян», антибольшевистского характера троцкизма. Резолюция была принята на совместном заседании ЦК и Центральной контрольной комиссии; два члена первого проголосовали против, а один член последней воздержался⁸⁰. Упомянутыми двумя несогласными членами ЦК были Раковский и Пятаков, единственным воздержавшимся членом ЦКК оказался Правдин, в чьем прошлом уже числился один случай расхождения с линией партии⁸¹.

Заседание закрылось накануне первой годовщины смерти Ленина, которая была отмечена как день скорби и памяти. Сразу же вслед за этим был пущен в ход официальный советский организационный аппарат. Сообщение о принятых решениях было опубликовано в «Правде» от 24 января 1925 г. Двумя днями позже президиум ВЦИК сообщил о смещении Троцкого с поста председателя Революционного Военного Совета и народного комиссара по военным и морским делам и о назначении вместо него Фрунзе⁸². Каменев предлагал на эти посты кандидатуру Сталина, по всей видимости, в надежде удалить его из Секретариата, но никто — и меньше всего сам Сталин — не принял это предложение всерьез⁸³. 6 февраля на пост заместителя наркома по военным и морским делам, который с апреля прошлого года занимал Фрунзе, был назначен Уншлихт⁸⁴. Троцкий, уехавший из Москвы сразу же после заседания ЦК и находившийся к моменту публи-

кации этих решений на Кавказе, позднее так прокомментировал в автобиографии свою отставку: «Я уступил военный пост без боя, даже с внутренним облегчением, чтобы вырвать у противников орудие инсинуаций насчет моих военных замыслов»⁸⁵.

Это рациональное объяснение натянуто, но примечательно. Троцкий до последнего момента так и не смог понять, что исход борьбы определяло не наличие аргументов, а управление и манипулирование рычагами политической власти. Он не испытывал ни малейшей склонности вести борьбу чуждыми ему средствами, которые были ему непонятны и ставили его в тупик. Когда его атаковали, он отступал с арены боевых действий, инстинктивно чувствуя, что отступление дает ему больше шансов выжить.

Что, однако, наиболее фатальным образом парализовало способность Троцкого действовать в критические моменты и мешало ему даже сформулировать перед лицом противников свои доводы — это его безоговорочное признание превосходства партии и незыблемости принципов партийной дисциплины. Кое-что в его позиции можно объяснить запоздалым стремлением новообращенного со страстью продемонстрировать людям с более солидным партийным стажем и менее запятнанной репутацией, что нет лучшего большевика, чем он сам. Он без колебаний проголосовал в марте 1921 г. за резолюцию X партийного съезда, которая объявляла вне закона «фракции» и «группировки» в партии⁸⁶. Он продолжал еще более ревностно, чем любой другой из лидеров, настаивать, что «никто не может быть прав против партии»⁸⁷. Когда много лет спустя он написал в некрологе на смерть Крупской, что «ее революционные чувства боролись с духом дисциплины»⁸⁸, он ставил диагноз и состоянию собственной совести. Осознавая моральную дилемму, которая станет перед ним в случае, если его позиция будет осуждена партийным голосованием, он всеми средствами боролся, пытаясь оттянуть этот критический момент. Снова и снова шел он на компромиссы по вопросам, которые могли расцениваться как второстепенные. Снова и снова он разочаровывал и оставлял тех, кто был готов и горел желанием его поддержать. Снова и снова отказывался он вступить в борьбу, пока наконец борьба не была ему навязана в самых неблагоприятных для него условиях и когда он уже потерял большинство своих потенциальных союзников. Морально не способный стойко выдержать последствия своего отлучения, он не обладал и той смелостью, которая была необходима, чтобы своевременно предпринять единственный шаг, который — хотя и выглядел бы внешне как стремление накликать на себя эту меру — тем не менее только один и мог ее предотвратить⁸⁹.

Осталось упомянуть еще об одной курьезной детали. Сталин, несмотря на все случившееся, продолжал говорить о «товарище Троцком». В выступлениях на московской и ленинградской губернских партконференциях, проведенных уже после решения ЦК, Каменев периодически, а Зиновьев постоянно эту приставку опу-

скали⁹⁰. Формально отношение Сталина к Троцкому оставалось со всех точек зрения вполне корректным. Каменев, и с еще большей твердостью Зиновьев, по сути дела, давали понять, что считают его вне партии. Каменев не скрывал, что, по его мнению, исключение Троцкого из Политбюро было всего лишь отсрочено из-за нежелания ЦК принимать решения «вперед партии». Он выражал надежду, что следующий съезд партии «сделает политические и организационные выводы из закончившейся дискуссии»⁹¹. Прошедшему 11 месяцев спустя XIV съезду партии суждено было дать этим амбициям весьма иронические комментарии.

ГЛАВА 12

СОЦИАЛИЗМ В ОДНОЙ СТРАНЕ

В первооснове своей доктрина построения социализма в одной стране была задумана как один из ударов в борьбе против Троцкого. Она была впервые выдвинута Сталиным в статье, опубликованной в декабре 1924 г.¹, как серьезный контрудар против «перманентной революции» Троцкого и как сознательная попытка найти ей позитивную альтернативу. Полную противоположность этих положений признавал и сам Троцкий: «Теория социализма в отдельной стране... есть единственная теория, последовательно и до конца противостоящая теории перманентной революции»².

Как и все выдвинутые в ходе кампании против Троцкого догматические аргументы, социализм в одной стране полностью соответствует тактической модели, описанной позднее Зиновьевым³ как подгонка «старых разногласий» к «новым проблемам». Она построена на различии — или скорее путанице — между понятиями процесса осуществления социалистической революции и процесса строительства социалистической экономики после того, как эта революция уже совершена. Что касается первого положения, то до 1905 г. российские марксисты были в общем и целом согласны с точкой зрения, что социалистическую революцию нельзя осуществить в такой экономически отсталой стране, как Россия, то есть в стране, где пролетариат в незначительном меньшинстве и буржуазная революция еще не свершилась. Грядущая революция в России могла быть, следовательно, только революцией буржуазной, а роль российских социал-демократов могла сводиться лишь к тому, чтобы оказывать поддержку буржуазии, а вовсе не к тому, чтобы самостоятельно совершить революцию. После 1905 г. на этой позиции остались только меньшевики. Как Ленин, так и Троцкий приписывали теперь российским социал-демократам позитивную роль, хотя и трактовали ее по-разному. Ленин придерживался точки зрения, что партия, выступая от имени пролетариата, должна встать во главе рабоче-крестьянского революционного союза при руководящей роли пролетариата. Осуществленная этим союзом революция оставалась бы все-таки благодаря преобладанию крестьянства неизбежно революцией буржуазной. Ее результатом стало бы установление буржуазно-демократической диктатуры рабочих и крестьян, и эта диктатура должна была бы подготовить

условия, при которых стала бы возможна революция социалистическая. Как и Ленин, Троцкий утверждал, что руководство осуществлением буржуазной революции должен взять на себя российский пролетариат при поддержке крестьянства. Однако он считал, что на этом, даже при всем желании, остановиться будет невозможно. Осуществив буржуазную революцию, пролетариат будет неизбежно вынужден пойти дальше и в ходе того же самого процесса начать социалистическую революцию. Одна революция будет перерастать в другую. В этом и заключалась доктрина, которой Троцкий дал позаимствованное у Маркса название «перманентная революция». Ленин высказал этой доктрине недоверие⁴. Но заявив в апреле 1917 г., что разразившаяся в России революция не может оставаться революцией буржуазной и призвав своих большевистских сторонников к прямому захвату власти от имени пролетариата, он, по сути дела, встал на позицию, отличавшуюся от позиции Троцкого лишь тончайшими нюансами.

До 1917 г. эти дискуссии не затрагивали вопроса о том, что произойдет после свершения пролетарской революции, то есть возможно ли — и если да, то при каких условиях — построить социалистическую экономику. Ни Ленин, ни Троцкий не предусматривали возможности построения социалистической экономики в одной отсталой России по той простой причине — даже если не считать других, — что в течение определенного времени после октября 1917 г. они, так же как и все другие большевики, продолжали считать, что этот строй, если не произойдет пролетарская революция в более развитых европейских странах, в России вообще удержаться не сможет. Поэтому большевики были в высшей степени заинтересованы в том, чтобы сделать все возможное для распространения революции в другие страны. И в этом смысле оба они, как Ленин, так и Троцкий, верили в «перманентную революцию». Первоначально Троцкий использовал этот термин советом в другом смысле. Однако в ситуации, сложившейся после 1917 г., только этот смысл и был хоть сколько-нибудь уместен.

В 1924 г. члены триумвирата, стремясь найти и использовать как компрометирующие материалы против Троцкого любые вопросы, по которым у него были прежде разногласия с Лениным, обратили внимание на вопрос о «перманентной революции», перепечатав все цитаты, где выражалось расхождение Ленина с этой доктриной. Напрасно протестовал Троцкий, что спор о «перманентной революции», каковы бы ни были ее достоинства, принадлежит истории и неприменим ни к одной из проблем, стоящих перед партией или Советским государством⁵. Как раз именно сама неуместность этого спора имела весьма любопытный результат, сделав возможным допущение, будто касался он на самом деле отнюдь не потерявшего уже актуальность вопроса об условиях, в каких может осуществиться социалистическая революция, а все еще животрепещущего вопроса об условиях построения социалистической экономики. Начали утверждать, и многие — в том числе,

возможно, даже и сами лидеры — искренне поверили, будто под «перманентной революцией» подразумевалась на самом деле точка зрения, что социалистическая экономика в Советской России может быть построена только при помощи пролетарской революции за ее пределами и что именно против этой точки зрения и возражал Ленин. Углублению этого недоразумения способствовал тот факт, что осенью 1923 г., когда умирающий Ленин практически уже отошел от дел, Троцкий в отличие от Сталина — но не в отличие от Зиновьева — выступал ярким сторонником мер, направленных на стимуляцию революции в Германии. Без всяких доказательств и даже без какой бы то ни было аргументации стала общепринятой точка зрения, что Ленин занял бы по этому вопросу позицию, противоположную позиции Троцкого, и что именно Сталин представляет ту линию, которую проводил бы Ленин⁶.

В приступе оригинальности — качестве, столь редком в карьере Сталина, что порой это приписывают простой случайности, — Сталин вдруг осознал, что это настоящая и животрепещущая проблема, по которой необходимо разработать новую доктрину. Любый большевик был совершенно уверен, что революция, завершившаяся победой в октябре 1917 г., была революцией социалистической, и ни у кого и в мыслях не было возвращаться к старым распрям о характере этой революции. Однако, согласно партийной доктрине, невозможно построить социалистическую экономику в отдельной отсталой стране, если революция ограничивается только одной этой страной. Пока жива еще была вера в скорое осуществление социалистической революции в Европе, нужды в переделке партийной доктрины по этому вопросу не было. Но теперь, после фиаско в Германии осенью 1923 г., этой веры больше не существовало, и партия оказалась в подвешенном состоянии. Нельзя было рассчитывать на признание того факта, что из-за неудачи пролетарской революции в других странах обречено на гибель от истощения и начавшееся столь блистательной победой российское предприятие.

К тому времени основы социалистической экономики были практически уже заложены. Надо было что-то предпринять, чтобы внести поправки в теорию, определявшую условия построения социализма. Именно за эту задачу и взялся тогда Сталин. Этой проблемой не занимался еще прежде ни один из лидеров. Каменев и Бухарин ее просто-напросто игнорировали. Зиновьев находил прибежище в бессмысленных разглагольствованиях о мировой революции. Троцкий же, вполне отдавая себе отчет, что дилемма существует, не мог найти иного выхода, кроме как настаивать на важности безотлагательной пролетарской революции в Европе. Ленин, хотя никогда и не предпринимал попыток аргументировать это положение, был, к счастью, вынужден в силу практических потребностей, связанных с закладыванием основ социалистической экономики, время от времени давать понять, что строительство социализма — пусть даже и в отсталой России — не такое уж

безнадежное мероприятие. И теперь Сталин жадно набросился на эти немногочисленные и разбросанные отрывки в надежде доказать, что Ленин действительно верил в возможность построения «социализма в одной стране». Материал был весьма скудным. Но ведь достаточно будет просто повторять одно и то же, чтобы создать впечатление, будто Ленин верил, что социалистическую экономику можно создать даже в отсталой России, что Троцкий придерживался по этому вопросу диаметрально противоположной точки зрения, считая, что это невозможно при отсутствии пролетарской революции в других странах, и что Сталин, возрождая доктрину построения «социализма в одной стране», доказывает этим, что он истинный и верный ученик Ленина.

Можно четко выделить основные этапы, которые проходила принимая очертания в голове Сталина, новая концепция. В апреле 1924 г. он с удовлетворением подчеркнул общепринятую точку зрения, что «для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно»⁷. В ноябре 1924 г., когда шла разработка кампании против Троцкого, он, цитируя Ленина, отметил, что теория Троцкого о «перманентной революции» означала «перепрыгивание» через крестьянство, имея в виду отказ признать за ним важное место в революционном процессе. Опасность троцкизма заключалась, таким образом, в том, что он «оторвал бы от русского пролетариата его союзника, то есть маломощное крестьянство»⁸. Никаких альтернативных точек зрения в тот момент Сталин не выдвинул. Но он много размышлял об этом в течение последующих недель. И Сталин принимает важное решение выступить против Троцкого как последователь и интерпретатор ленинизма. Однако перспектива принять на себя позитивную и независимую роль его несколько тревожит. Появившейся в газетах от 20 декабря 1924 г. статье «Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого» был дан новый заголовок. Обретя новое название «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», она появилась вновь уже как предисловие к сборнику статей и речей Сталина, опубликованному в январе 1925 г. под заголовком «На путях к Октябрю»⁹.

Главной темой этого очерка был анализ «двух особенностей Октябрьской революции» — того факта, что в России диктатура пролетариата была установлена «как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства», и того обстоятельства, что она явилась «результатом победы социализма в одной стране». Ленин несколько раз подробно останавливался на последствиях первой из этих особенностей. Оставалось доказать, что он равным образом осознавал и последствия второй. Как Троцкий и прочие большевистские лидеры, Ленин вновь и вновь повторял, что окончательная победа социализма не может быть достигнута в одной стране — и меньше всего в стране, которая бы-

ла отсталой экономически. Это, конечно, оставалось справедливым. Но в статье 1915 г. он предложил, хотя и без конкретных ссылок на Россию, более детальный анализ возможного хода событий.

«Неравномерность экономического и политического развития, — говорил Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств».

В доказательство своего нового тезиса о «социализме в одной стране» Сталин приводит еще две цитаты из Ленина. В заключение своей самой последней в жизни речи Ленин писал, что социализм «уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего», и выразил надежду — во фразе, по небрежности неверно процитированной Каменевым¹⁰, — что «не завтра, а в несколько лет... из России неповской будет Россия социалистическая». И в одной из своих последних статей о кооперации он утвердительно ответил на заданный им же самим риторический вопрос, дает ли контроль пролетарского государства над средствами производства вместе с союзом между пролетариатом и миллионами мелких крестьян «все необходимое для построения полного социалистического общества»¹¹. Это было все. Но будучи вырвано из контекста других произведений Ленина и четко противопоставлено куда более резким и недвусмысленным высказываниям Троцкого, это было уже достаточно. Троцкий со своей доктриной «перманентной революции» не только недооценивал необходимость союза с крестьянством, но и утверждал, будто «настоящий подъем социалистической экономики в России станет возможным только после победы пролетариата в наиболее значительных странах Европы». Теория «перманентной революции» Троцкого представляет собой антитезу ленинской теории социализма в одной стране. Это есть «разновидность меньшевизма». Упрочив таким образом «социализм в одной стране» в качестве фундаментального пункта ленинской теории, Сталин закончил тем, что восстановил равновесие в пользу ее международной функции. «Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача» — это «начало и предпосылка мировой революции». Он резюмировал формулой, которая была призвана сразить троцкизм, показав одиозность его пассивной и негативной (то есть меньшевистской) роли:

«Не правы, поэтому... те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, объявляют победу революции в одной стране чисто национальным и только национальным яв-

лением. Не правы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне».

Несомненно, для окончательной победы социализма в России помощь со стороны необходима, но Россия может не только получать, но и оказывать помощь. Сталин закончил на ноте, подчеркивавшей позитивную роль России. Этот аргумент был проведен через всю статью исключительно в теоретическом плане, ни единого упоминания, которое свидетельствовало бы о личной вражде, допущено не было. Статья стала одним из наиболее тщательно обдуманных произведений Сталина.

Не исключено, что, выдвигая впервые зимой 1924/25 г. эту доктрину, он лишь смутно осознавал, какое значение придаст ей впоследствии. Его партнеры по триумvirату не имели, конечно, об этом вообще ни малейшего подозрения — они разделяли с Троцким общее убеждение, что в вопросах теории Сталин ничего значительного из себя не представляет. В лучшем случае социализм в одной стране станет еще одним гвоздем, забитым в гроб троцкизма. В худшем — безвредной личной причудой Сталина. Серьезного внимания никто на это не обратил. Это не фигурировало в подготовленном Зиновьевым проекте резолюции, осудившей Троцкого в январе 1925 г. Сталин не упомянул об этом в сделанном им по указанному случаю кратком выступлении, и никому не пришлось в голову припомнить это в ходе продолжавшихся всю зиму трудных дискуссий по аграрной политике. За первым появлением этой теории в декабре 1924 г. последовало трехмесячное молчание, когда теория социализма в одной стране, казалось, полностью игнорировалась партийными лидерами и публицистами, включая и самого автора¹². Вскоре, однако, она получила неожиданную помощь благодаря проходившим в то время текущим дискуссиям об отношениях Советского Союза с капиталистическим миром. Фиаско запланированного революционного *соир* осенью 1923 г. в Германии привело к переоценке той силы сопротивления, которая была заложена в капитализме, и того временного интервала, который, скорее всего, предстоит преодолеть, пока не наступит его окончательное падение. Серьезную озабоченность по поводу «стабилизации капитализма» выразила прошедшая в марте 1925 г. сессия Исполкома Коминтерна¹³. Ответить на это можно было только усилением мощи Советского Союза. В выпущенной в виде брошюры речи, произнесенной в начале апреля на заседании Московского горкома партии, Бухарин поставил вопрос, «насколько этот поворот в процессе борьбы за усиление Советского государства обогащает новыми идеями науку о Советском государстве», и, судя по расплывчатому ответу на него, можно было предположить, что формула Сталина заронила мысль в склонный к умозрительным рассуждениям изобретательный ум Бухарина:

«Можем ли мы построить социализм в одной стране при отсутствии победы западноевропейского пролетариата? Когда мы начали работать над этим вопросом, то оказалось, что вопрос этот сам по себе не так прост, каким казался раньше, когда мы мало об этом думали. Он оказался сложнее, чем представлялся на первый взгляд»¹⁴.

Именно в этом контексте он всплыл к концу того же месяца в ходе дебатов в Политбюро накануне XIV партконференции. Произошло это в связи с подготовкой резолюции по докладу делегации ВКП(б) на Исполкоме Коминтерна, которую должен был представить на конференции Зиновьев. Инициатива явно исходила от Сталина или, возможно, от действовавшего при его подстрекательстве Бухарина. Если «стабилизация капитализма» означала, что капиталистические режимы в других странах достигли временно известной степени стабилизации, то то же самое — и даже в более значительной мере — произошло и с режимом в Советском Союзе, который если еще и не достиг социализма, то, во всяком случае, со всевозрастающей скоростью к нему приближался. Признание стабилизации капитализма и возможности «социализма в одной стране» оказались явлениями, взаимно дополняющими друг друга. Было отмечено, что это обстоятельство должно найти отражение в резолюции.

Факты не подтверждают, что споры, проходившие в Политбюро при обсуждении этого вопроса, в действительности хоть отдаленно были столь резкими, как это пытались представить позднее. Выступая примерно в то же самое время на губернском съезде ВЦСПС в Москве, Каменев обратился к его делегатам фактически на том же, пусть и не используя слова «социализм», языке, на каком говорил позднее Бухарин:

«Лучше мы напряжением своих сил и своего труда добьемся тех результатов, которые нам нужны, но не при помощи средств капиталистов, а при помощи затраты своей энергии, идя по своему пути. Лучше мы будем идти по этому пути медленнее, но пусть это будет верно; пусть Россия будет лучше при более медленном развитии, да наша, чем при более быстром, да чужая — иностранная»¹⁵.

Во взаимных обвинениях, предшествовавших состоявшемуся восемь месяцев спустя XIV съезду партии, Каменеву и Зиновьеву приписывали, что они «защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция»¹⁶. В сущности, этот довод относился не к возможности процесса построения социализма в Советском Союзе или невозможности окончательного завершения этого процесса — по обоим этим пунктам все придерживались одной и той же точки зрения, — а к более эзотерическому, известному лишь посвященным, вопросу о том, по каким именно причинам окончательное завершение социализма объявлялось не-

возможным в отсутствии пролетарской революции в других странах. Каменев и Зиновьев думали, что причина этого частично определяется отсталостью советской экономики. Сталин же с Бухариным настаивали, что это объясняется исключительно наличием внешней угрозы со стороны капиталистического окружения. Эту проблему ясно изложил на XIV съезде партии в декабре 1925 г. Бухарин:

«По этому поводу у нас и разгорелся спор на одном из заседаний Политбюро, примерно ко времени XIV партийной конференции... Тов. Каменев, а за ним и тов. Зиновьев защищали на этом заседании ту позицию, что мы не сможем строить до конца социализм из-за нашей технической отсталости. Мы об этом спорили с ними, мы из-за этого вопроса ломали копья. Мы соглашались с ними, что гарантией от интервенции, от новой войны, от реставрации, принесенной на штыках капиталистических армий, может быть только международная социалистическая революция; но мы оспаривали со всей страстностью выдвинутое ими положение, что мы должны погибнуть из-за нашей технической отсталости»¹⁷.

Этому хитро сплетенному различию суждено было стать отправной точкой для далеко идущих выводов. Однако в тот момент это, очевидно, казалось слишком тривиальным, чтобы вступать из-за этого в борьбу. Согласно заявлению Сталина, «точка зрения Зиновьева была отвергнута Политбюро»¹⁸. Ворошилов же более простоудушно, но, возможно, и более точно свидетельствовал, что «после того, как выступили тт. Сталин и Бухарин, было единодушное решение»¹⁹. Уступка Зиновьева была, возможно, частью молчаливого соглашения, в котором *quid pro quo* была поддержка Сталина по другим вопросам, а может быть, — и это представляется еще более вероятным — Зиновьев пошел на казавшуюся ему тогда безобидной, а возможно, и бессмысленной уступку, просто поддавшись настойчивым уговорам Сталина. «Социализм в одной стране» было решено включить в текст резолюции.

В представленной на конференции Зиновьевым и принятой без возражений резолюции речь шла об имеющей место в капиталистическом мире «стабилизации». На недавней сессии Исполкома Коминтерна было признано, что никакой «непосредственной революционной ситуации» в Европе или, соответственно, где бы то ни было еще в настоящее время не существует²⁰. Однако наряду с временной стабилизацией капитализма в резолюции обращалось внимание и на определенную стабилизацию, вызванную «ростом государственной промышленности и усилением социалистических элементов народного хозяйства в СССР». Затем там цитировалась статья Ленина от 1915 г. о победе социализма в одной стране. Ленин, конечно, учил, что «окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе» (этот пункт иллюстрировался обильными цитатами). Но вдобавок к предшествую-

щим открытиям Сталина была обнаружена новая, хотя и несколько расплывчатая, цитата. «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством, — писал Ленин в 1921 г. в одном из набросков к брошюре «О продналоге», которая была тогда спешно выкопана и опубликована, — и обеспечена победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)»²¹. По всей видимости, это хорошо примиряло социализм в одной стране с традицией НЭПа. Различие между двумя обозначенными пометами на пути к *окончательной* победе социализма — имела в виду техническая отсталость страны и угроза со стороны капиталистического мира — обрисовывалось такими окольными путями, что при этом совершенно затушевывалась неловкость, вызванная существующим по этому вопросу расхождением мнений²². И наконец, резолюция провозглашала, что «вообще победа социализма (*не* в смысле *окончательной* победы) безусловно возможна в одной стране»²³. Никакого особого интереса эта резолюция не вызвала. Ее характеристика как «одного из важнейших партийных документов в истории нашей партии»²⁴, которую дал ей восемь месяцев спустя Сталин, вне всякого сомнения, сильно поразила бы участников этой конференции. Тем не менее она знаменовала ощутимую, хотя и не вполне осознанную, победу Сталина. Он отметил это событие, впервые уделив социализму в одной стране скромное место в своей речи, произнесенной через несколько дней после конференции на партийном собрании в Москве²⁵. К этому времени на свет была извлечена еще одна цитата. Выступая в декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов, Ленин сказал:

«Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно»²⁶. Здесь впервые новая доктрина соединялась с настоятельной потребностью в интенсивной индустриализации.

Первым непосредственным впечатлением от концепции «социализма в одной стране», когда летом 1925 г. она постепенно начала оказывать свое воздействие, было мнение, что она, не представляя особенно нового или слишком значительного вклада в разработку партийной теории, тем не менее обеспечивает противовес «стабилизации капитализма» и вполне годится, чтобы продолжить миссию НЭПа, направленную на приспособление политики партии к особым условиям российского окружения. Она предлагала новое противоядие против приписываемой Троцкому недооценке крестьянства и обнаруживала, что НЭП представляет собой путь, по которому можно продвигаться к социализму в условиях преимущественно крестьянской экономики. НЭП в этой интерпретации выступал как специфически русский вариант великого революционного проекта. Придание революции национального колорита облегчало примирение с ней многочисленных русских — как в

стране, так и за рубежом, — первоначально отвергавших ее как нерусскую и антinationальную.

Эмоциональную притягательность того же самого характера, но еще более сильную представлял *социализм в одной стране*. Он пробуждал смутные чувства национальной гордости и патриотизма, временно замолкшие, но не уничтоженные до конца тем международным резонансом, который имела международная притягательность революции. По мере того как строй стабилизировался внутри страны и становился выразителем интересов Российского государства за ее пределами, это чувство стало с неожиданной силой возрождаться, придавая исключительную прочность и жизнестойкость той доктрине, которая годилась, чтобы служить его воплощением. Не следует считать случайностью, что статья Сталина, где эта доктрина выдвигалась впервые, начиналась с обсуждения «особенностей» Октябрьской революции. Было бы заблуждением говорить в то время о шовинизме или даже национализме в общепринятых смыслах этих слов. Это было чувство гордости за достижения революции, но также и гордости, что достижения эти были русскими, что Россия первой оказалась там, куда до сих пор так и не могут за ней последовать другие так называемые развитые страны. Этой новообретенной революционной национальной гордости чрезвычайно льстило чувство уверенности, что Россия будет идти впереди всего мира не только в свершении социалистической революции, но и в построении социалистической экономики. В своей обвинительной речи против Троцкого в ноябре 1924 г. Каменев выразил недовольство тем, что «теория «перманентной революции» ставит рабочее правительство в России в исключительную и полную зависимость от немедленной пролетарской революции на Западе»²⁷. Социализм в одной стране был декларацией независимости от Запада. «Шиш Европе — обойдемся и без них» — так описывалась новая доктрина в публиковавшемся в Берлине меньшевистском журнале²⁸. Социализм в одной стране не был просто составной частью экономического анализа или декларацией политической линии. Это была декларация веры в способности и предназначение русского народа.

Не удивительно поэтому, что вначале те, кто пропагандировал или приветствовал новую доктрину, ставили ударение на словах «в одной стране» и на ее национальном аспекте. В 1921 г. назрела настоятельная необходимость в умиротворении крестьянина, в предоставлении уступок, которые побудили бы его производить продовольствие для городов и фабрик и восстановить нормальное функционирование всей экономики в целом. Национальная притягательность НЭПа была связана с традиционной верой в русского крестьянина и даже содержала определенные славянофильские мотивы. Социализм в одной стране, казалось, обладал на первый взгляд той же самой притягательностью и имел те же самые мотивы — в этом смысле он был законным преемником НЭПа.

Именно по этой причине он и был положительно воспринят сменеховцами²⁹ и теми бесчисленными русскими, которые не принадлежали к рядам большевизма, но которых НЭП примирил со строем. Именно по этой самой причине Зиновьев и Троцкий критиковали его как воплощение «национальной ограниченности» и «национального мессианизма»³⁰. Введя НЭП, Ленин вновь выдвинул два условия успешной социалистической революции в отсталой России — «поддержку в нужный момент со стороны социалистической революции в одной или нескольких ведущих странах» и «компромисс между пролетариатом... и большинством крестьянского населения»³¹. Ленин не делал и не мог делать выбора между двумя этими условиями — для него оба они были одинаково важными. История, однако, вынудила сделать между ними выбор, на неопределенное время оттянув «социалистическую революцию в одной или нескольких ведущих странах». И социализм в одной стране, чье провозглашение совпало по времени с заметно акцентированным поворотом советской политики в сторону крестьянина, по всей видимости, как раз и символизировал откровенное признание этого выбора. Он отвергал зависимость от социалистической революции в других странах. Одновременно с этим он признавал зависимость от установления длительного компромисса с крестьянином.

Эта видимость, однако, как и многое другое в советской истории, оказалась иллюзорной. Социализм в одной стране действительно давал ответ на дилемму выбора, который отказывался признавать Ленин. Правда и то, что социализм в одной стране начал с отрицания зависимости от других стран. Однако это отнюдь не повлекло за собой признания того факта, что альтернативой этому выбору является зависимость от крестьянина. Главное значение социализма в одной стране сводилось в конечном счете к тому, что он отверг — и в этом суть формальной оговорки насчет «окончательной» победы — необходимость обоих условий, выдвинутых Лениным в момент введения НЭПа, и дерзко предал забвению его основные предпосылки. В период, последовавший за 1925 г., социализм в одной стране — каковы бы ни были первоначальные намерения тех, кто был его инициатором, и какое бы впечатление он на первых порах ни производил — стал на деле означать как раз нечто прямо противоположное НЭПу. И это отнюдь не противоречит логике, поскольку путь как к упразднению НЭПа, так и к социализму в одной стране определило восстановление и возрастающая мощь советской экономики в середине 20-х годов. Теперь на карту было поставлено не умиротворение крестьянина, а четкий курс на индустриализацию. То, что предстояло теперь осуществить «в одной стране», был уже не крестьянский социализм, основанный на старых русских традициях, а индустриальный социализм Маркса. И национальная притягательность была адресована не России прошлого, а новой общности, которой предстояло за счет своих собственных ресурсов создать новый

мир. Самодостаточность провозглашалась не как конечная цель, но как необходимое средство. Эта притягательность, будучи национальной и как таковая антимарксистской, была зато марксистской в другом отношении. Социализм в одной стране, производя впечатление национализации революции, был в то же самое время и ее продолжением. С помощью процесса индустриализации предполагалось привести социалистическую революцию к завершению и превратить себя в великую и независимую державу. Социализм в одной стране был синтезом социализма и национальной лояльности. Это была точка, где пожали друг другу руки русское предназначение и марксизм. Это был в то же самое время и поворотный пункт российской истории. До этого момента экономическое развитие России и ее вестернизация представляли составные части одного и того же процесса. После 1925 г. они разделились. Индустриализация будет вестись отныне независимо от Запада и, если потребуется, наперекор Западу. Именно опора на собственные силы отличала индустриализацию при Сталине от индустриализации при Витте.

По странному парадоксу, доктрина социализма в одной стране, задуманная первоначально как оружие в борьбе против Троцкого, в конечном счете обрела главное свое предназначение в совершенно иной обстановке и использовалась в качестве ударной силы для достижения совершенно иных политических целей, в том числе и таких, активным защитником которых выступал сам Троцкий. Создается впечатление, что социализм в одной стране оказался в самом центре всех экономических, политических и теоретических диспутов, которые разгорелись осенью 1925 г. Он прекрасно вписался в спор об определяющем характере советской экономики: теория, что она якобы представляет одну из форм государственного капитализма, означала отрицание веры в саму возможность построения социализма в сложившихся условиях. Он прекрасно вписался в разногласия о природе НЭПа — если НЭП представляет собой всего лишь отступление, тогда Советский Союз движется в противоположном от социализма направлении, и это в свою очередь недвусмысленно подразумевает, что социализм в одной стране есть не более чем миф. Он прекрасно вписался в дебаты между сторонниками «промышленной» школы, надеявшимися за счет ускоренной индустриализации превратить Советский Союз в самодостаточную экономическую единицу, и сторонниками «аграрной» школы, которые стояли за расширение сельскохозяйственного экспорта, рассчитывая удовлетворить индустриальные потребности за счет ввоза из-за границы: последние явно отвергали социализм в одной стране и ждали только, чтобы на неограниченное время растянуть советскую зависимость от зарубежных стран. Все эти проблемы придавали актуальность доктрине, которая казалась вначале абстрактной и схоластической. Доктрина построения социализма в одной стране внезапно превратилась в отмычку, которая открывала любую дверь; она стала

критерием, с помощью которого можно было разрешить и внести ясность в любую проблему.

Однако социализм в одной стране подразумевал прежде всего в неявной, а позднее и в явной форме претензию Сталина на то, что лишь он один предлагает стране и партии позитивную, конструктивную политику, в то время как его противникам нечего предложить, кроме отрицания и скептицизма, и они призывают сидеть сложа руки и ждать, пока не произойдет что-нибудь за пределами страны. Пожалуй, в теоретическом плане различие между этими двумя точками зрения стало в пылу спора почти незаметным. Те, кто поддерживал социализм в одной стране, не осмеливались в то время утверждать, что в отсталой и изолированной стране можно полностью завершить строительство социализма, зато они акцентировали сам процесс этого строительства. Его противники, не отрицая возможности определенного прогресса в этой области, подчеркивали его не окончательный характер и невозможность довести его до успешного завершения. Психологически же разница была огромной. Противники социализма в одной стране представляли себя под обвинение, будто они считают ошибочной или преждевременной акцией саму революцию, раз теперь оказывается невозможным реализовать те цели, для которых она была совершена. И это обвинение поднимало со дна позорные воспоминания не только о «штрейкбрехерской» оппозиции Ленину в октябре 1917 г. Зиновьева и Каменева и о колебаниях в партии по поводу Апрельских тезисов шестью месяцами раньше, но и о традиционной точке зрения меньшевизма, будто отсталая Россия не созрела еще для социалистической революции.

С другой стороны, противники социализма в одной стране были открыты для обвинений в необдуманном и авантюристическом стремлении ускорить любой ценой революцию в других странах, что было оборотной стороной медали пессимизма и неверия. Именно это провозглашалось сущностью также осужденной Лениным троцкистской «перманентной революции». На фоне новой доктрины легко было изобразить Сталина как истинного выразителя идей большевизма и ленинизма, а его противников — как наследников тех, кто противостоял Ленину и в прошлом отрекался от большевистских убеждений. Сам того не зная, Сталин выковал себе оружие чрезвычайной разрушительной силы. Но когда оно было уже выковано, он быстро оценил его силу и воспользовался им с мастерским искусством и безжалостностью.

ГЛАВА 13

ТРЕЩИНА В ТРИУМВИРАТЕ

Разгром Троцкого в январе 1925 г. устранил последнюю твердую опору, на которой еще держалось зыбкое здание триумvirата. Теперь развал его стал уже неминуем. Приблизительно в это же время произошло еще одно событие, благодаря которому определились форма и способ этого окончательного краха. Изменил прежним хозяевам и перебежал к Сталину Угланов, назначенный предыдущей осенью Зиновьевым и Каменевым во время чистки Московской партийной организации секретарем Московского губкома партии¹. Согласно версии, рассказанной Углановым, Зиновьев и Каменев «вели со мной такие разговоры, из которых я понимал, что они прививают мне по пути свои разногласия со Сталиным». Угланов, по его собственному утверждению, «отказался от такого приглашения» и действовал с «твердым намерением развернуть работу таким образом, чтобы Московскую организацию целиком и полностью подтянуть к ЦК»². Первым результатом этой измены стало затмение фигуры Каменева, который оказался оттесненным от всех дел и был вынужден довольствоваться в своей собственной партийной организации чисто почетными функциями. После поражения Троцкого Каменев явно отошел на второстепенную роль — возможно, отчасти этот закат явился следствием его менее честолобивого и драчливого характера, но в основном же из-за отсутствия твердой поддержки со стороны какой бы то ни было группы в партийном аппарате. После этого на поле сражения остались лишь два противника, Сталин и Зиновьев. Поскольку Сталин твердо контролировал как Московскую партийную организацию, так и размещавшийся в Москве центральный партийный аппарат, а Зиновьев по-прежнему сохранял непоколебимые позиции в Ленинграде, столкновению между ними неизбежно суждено было обрести форму борьбы между двумя столицами. На первый взгляд авторитет Зиновьева и престиж сильной Ленинградской партийной организации вполне могли состязаться с престижем Сталина и Московской организации, даже принимая во внимание то преимущество, что в Москве находились центральные партийные органы.

Первым случаем, когда Ленинград, можно сказать, противопоставил себя Москве, было предложение об исключении Троцкого

из Политбюро, за которое проголосовал Ленинградский губком партии, но подавляющим большинством голосов забаллотировал ЦК³. За этим последовала демонстрация несогласия и протеста со стороны ленинградского комитета РЛКСМ, также присоединившего свой голос к кампании за исключение Троцкого. Ленинградский комитет — как полагали, не без поощрения со стороны Зиновьева — сделал попытку добиться независимости от ЦК комсомола в Москве, но после ожесточенной борьбы был в конце концов призван к порядку⁴. Еще поразительнее, учитывая явную незначительность проблемы, выглядела враждебность, проявленная Ленинградской организацией в другом, также относившемся к этим месяцам эпизоде. На проходившей в декабре 1924 г. в Москве совещании рабкоров и селькоров выявилось резкое разделение мнений по поводу того, должны ли рабкоры и селькоры группироваться вокруг газет, которые они снабжают информацией, и оставаться независимыми от партии или же их следует организовывать по территориальному принципу, сделав подотчетными местным партийным организациям. Совещание приняло одобренную Бухариным первую точку зрения, которая, как полагали, будет стимулировать вовлечение в эту работу беспартийных рабочих и крестьян. Вторая исходила от Ленинградской организации, фактически по этому принципу и организовывалась работа ленинградских рабкоров⁵. Главным выразителем этой позиции был ленинградский партийный деятель по фамилии Саркис, весьма активно участвовавший в организации «патронажа» сельских партийных организаций со стороны городов и даже выделенный Зиновьевым похвалой как «один из наших лучших работников»⁶. В январе 1926 г. во время ленинградской губпартконференции Саркис повел энергичную атаку против Бухарина, обвинив его в «синдикалистских, небольшевистских» взглядах⁷, эта дискуссия некоторое время продолжалась на страницах «Правды» и «Ленинградской правды»⁸. Другой ленинградский партийный деятель, Вардин, опубликовал брошюру, где содержались нападки на Бухарина и принятые совещанием решения. На эту критику резко ответил один из учеников Бухарина — Слепков⁹. В июне 1925 г. Оргбюро, явно стремясь положить конец спору, приняло решение, что рабкоры и селькоры, поскольку они служат «проводниками пролетарского коммунистического влияния на широкие массы трудящихся», формально не должны быть связаны с партийными или профсоюзными организациями¹⁰. После этого дискуссия затихла. Однако упоминание о ней на XIV съезде партии в декабре 1925 г. свидетельствует, сколь глубока была породившая ее взаимная враждебность. Как сообщалось, в то время членами партии были 40% рабкоров и 26% селькоров¹¹.

Таким образом — хотя это и не входило в планы ни одного из противников — борьба внутри триумvirата постепенно обрела географический базис. Странная ревность, существовавшая между «двумя столицами» царской России, в не менее сильной форме

возродилась и при советском строе. Петроград в глазах первого поколения большевиков был храмом революции. Здесь были разработаны планы революции, здесь было провозглашено первое правительство рабочих и крестьян. Даже последовавшие за этим неблагоприятные для города события — перенос столицы из-за военной уязвимости Петрограда, упадок промышленности, и особенно крупных металлургических предприятий, сокращение ленинградского населения — не смогли до конца затмить этих воспоминаний. Переименование города в честь покойного вождя, совпавшее по времени с безошибочными признаками возрождения промышленности, было, казалось, предзнаменованием светлого будущего. Но ревность по отношению к Москве приняла в Ленинграде эндемические формы, проявляясь в бесконечных преувеличенных напоминаниях о революционном превосходстве города. В апреле 1925 г. «Ленинградская правда» приветствовала в связи с проведением сессии Ленинградский городской Совет как «Первый Совет Пролетарской Диктатуры»¹², а Саркис по тому же поводу похвастался, что цеховые партийные ячейки РКП(б) были ленинградским изобретением¹³. Порой создавалось впечатление, будто Ленинград стремился заявить свои претензии на каждое из достижений партии:

«Всюду мы видим одни плюсы. Кто это сделал? Первая рабочая организация города Ленинграда. Кто из вас может сказать, где еще имеется такая организация, где еще проявлено столько инициативы, как у нас?»¹⁴

Одним из проявлений ленинградского высокомерия, вызывающим в Москве особую ярость, была привычка считать газету «Ленинградская правда» (до 30 января 1924 г., когда ее название было изменено, она была «Петроградской правдой») прямой наследницей «Правды», основанной партией в Петербурге в 1912 г. Название «Правда» печаталось большими заглавными буквами, а прилагательное, обозначающее географическую принадлежность, — едва различимым мелким шрифтом, причем под названием в каждом номере стоял год выпуска, отсчитываемый с 1912 г. В тех случаях, когда приходилось упоминать там «Правду», публикуемую в Москве, орган ЦК партии и истинную наследницу «Правды» 1912 г., ее именовали «Московской правдой». «Ленинградская правда» умудрилась отпраздновать в номере от 5 мая 1925 г. свою тринадцатую годовщину, вообще ни словом не упомянув о существовании московской «Правды»¹⁵.

Претензии Ленинграда занимать первый план в картине революционных событий имели и идеологическую подоплеку. Ленинград был городом пролетариата. Он так никогда окончательно и не утрачивал своего приобретенного еще при царе статуса родины российской промышленности, и в особенности тяжелой промышленности. Единственный город, куда был открыт доступ для Запада, он все еще оставался ключевым пунктом промышленности и международной торговли. Даже сами скудные почвы облегчали

здесь в сравнении с Москвой привлечение лишенного земель промышленного пролетариата. Ленинград был цитаделью исполненного классового сознания организованного пролетариата, рабочих тяжелых отраслей промышленности, из которых с самых первых дней формировалось ядро большевизма. Ленинград, по выражению Сафарова, являлся «важнейшей командной высотой пролетарской диктатуры в нашей стране» и «важнейшей пролетарской вышкой в СССР»¹⁶. По словам Зиновьева, Ленинград имел «некоторые черты отличия от других центров»: он был преимущественно пролетарским, здесь была меньше развита частная торговля, это был «самоуправляющийся снизу доверху пролетарский центр»¹⁷. Постоянно высказывались претензии, что в Ленинграде более «пролетарский», чем в Москве, состав партии. По текущей статистике членства это было установить трудно. На сентябрь 1925 г. из 50 тыс. членов и 40 тыс. кандидатов в члены партии* в Ленинградской губернии 72% официально считались рабочими, 11 — крестьянами и 17% — служащими. В Московской губернии из несколько большего общего числа членов и кандидатов рабочие составляли 71%, крестьяне — 5 и служащие — 24%¹⁸. Однако более детальный анализ, который был проведен благодаря введенному с января 1927 г. партийному цензу, выявил наличие существенных различий. Прежде всего, в Ленинградской губернии оказалась более высокая плотность коммунистов по отношению к численности населения (362 на каждые 10 тыс. жителей), чем в Московской (285 на каждые 10 тыс. жителей). Во-вторых, 36,4% ленинградских рабочих, являвшихся членами партии, составляли рабочие металлургических предприятий — «наиболее передовые и сознательные рабочие». Из московских же рабочих-партийцев на металлургические отрасли промышленности приходилось лишь 15,3%, а 55% — на текстильные предприятия, причем более половины из них были женщины — «более отсталый элемент» и «труднее втягиваемый в политическую жизнь»¹⁹. Был свой резон и в утверждении Зиновьева, что Ленинград относительно свободен от феномена «новых рабочих» — крестьян, «не прошедших школы фабрик и заводов, не имеющих в прошлом промышленной заводской закалки, приобретших поэтому совершенно своеобразные черты психологии»²⁰. Было неоспоримо, что у ленинградских рабочих, и особенно рабочих металлургических предприятий, в прошлом были более продолжительные и прочные традиции участия в профсоюзах и партии, чем у рабочих в каком бы то ни было другом районе Советского Союза, и что в политическом отношении они обладали более развитым классовым сознанием и были более активны. Верно и то, что возрождение тяжелой промышленности и процесс индустриализации способствовали в известной степени и возрождению престижа, авторитета и процветания Ленинграда.

* Точнее, по цитируемому автором источнику, 49 985 и 40 013 соответственно. — *Прим. ред.*

Пока другие крупные промышленные центры еще только развивались, Ленинград оставался фокусом тяжелой индустрии и промышленного пролетариата. Так что хвастливые заявления имели тогда под собой вполне реальные основания. Но социальный факт был раздут и возведен до ранга официального кредо.

Поскольку, таким образом, борьба за власть внутри триумвирата обрела характер географического соперничества между Ленинградом и Москвой, этот фактор определил и ту идеологическую форму, в которую она в конечном счете оказалась отлита. И тут произошла весьма любопытная перестановка позиций. Триумвират пришел к власти с платформой, которую без большого преувеличения можно было назвать крестьянской. Очевидные достижения их экономической политики состояли в сжатии «ножниц», проведении денежной реформы и полной реализации политики НЭПа. Будучи главным членом триумвирата, Зиновьев посвятил бесчисленные выступления «смычке» между крестьянством и городским населением и еще в 1924 г. выдвинул лозунг «Лицом к деревне!». «Лицом к деревне всерьез, надолго и навсегда», — писал Зиновьев в январе 1925 г.²¹, цитируя и намеренно несколько искажая ленинский лозунг о НЭПе. Время от времени он произносил рутинные дежурные заявления о возрождении металлургической промышленности. Однако теперь, намекая на знаменитое высказывание Ленина о необходимости пересечь с «крестьянской лошади» на «рысак тяжелой промышленности», он самонадеянно * заявил:

«Уйдет еще порядочно времени, пока гегемон нашей революции, пролетариат, сможет сказать себе: теперь я выходил промышленную лошадку, теперь у меня есть рысачок, сядем и поведем быстрее»²².

Именно Зиновьев и Каменев объясняли причины недовольства крестьянина его завистью к преимуществам и привилегиям рабочего. Крестьянин, если верить Зиновьеву, протестовал, «почему на серебряном полтиннике молот был выгравирован над серпом, а не наоборот»²³. По Каменеву же они считали, что «рабочие мало работают, а живут лучше крестьянина и что поэтому нужно ввести 10-часовой рабочий день»²⁴. Именно Зиновьев и Каменев возглавили атаку на Троцкого за то, что тот пренебрегал интересами крестьянина, и на XIV партконференции в апреле 1925 г. резко повернули штурвал партийной политики в сторону уступок середняку. Ни разу не выразив ни малейшего несогласия с этой политикой, Сталин все же, казалось, был из трех членов триумвирата более всего склонен время от времени напоминать, что, с точки зрения марксиста, крестьянин все-таки находится по отношению к пролетариату в подчиненном положении. Весной 1924 г.

* Употребление этого слова Карром объясняется неточным переводом, см. начало цитаты: у Карра она звучит скорее как «Пройдет еще немного времени...». — *Прим. ред.*

Сталин выступил против вполне логичного предложения включить в «ленинский призыв» наряду с «рабочими от станка» также и «крестьян от плуга», а тремя месяцами позже он опроверг точку зрения, будто крестьянский вопрос является «фундаментальным в ленинизме»²⁵. В речи, произнесенной в январе 1925 г., он ясно дал понять, что отнюдь не всем сердцем поддерживает лозунг Зиновьева «Лицом к деревне!»²⁶. В последний раз триумvirат держался единым фронтом, стремясь добиться одобрения партией уступок крестьянству — сокращения сельскохозяйственного налога и разрешения на аренду земли и наем рабочей силы — во время XIV партконференции. После конференции оба, как Каменев, так и Зиновьев, продолжали отстаивать принятую с безоговорочным одобрением линию, лишь один Сталин, пусть даже и за закрытыми дверями, с неодобрением высказался о крайностях, допущенных Бухариным в интерпретации этой политики²⁷.

Впрочем, как показали последующие события, эти позиции имели прагматический и случайный характер: они не основывались на твердых или носивших долговременный характер убеждениях, и менее всего это можно было бы отнести к Зиновьеву. Принял эту политику и произносил лозунг об умиротворении крестьянина Зиновьев как выразитель мнения партийного руководства, объединенного против Троцкого. Но теперь уже трещина в руководстве была явно неизбежна — слишком сильны стали личная зависть и несовместимость, чтобы можно было и дальше сохранять единство. Когда в начале лета 1925 г. Зиновьев стал с беспокойством осознавать, какую власть приобрел Сталин в центральной организации в Москве²⁸, и вытекающую отсюда собственную свою зависимость от конкурирующей Ленинградской организации, начали впервые приобретать первостепенное значение позиции Ленинградской организации по текущим политическим проблемам. По любому из вопросов аграрной политики позицию партии никогда в Ленинграде серьезным сомнениям не подвергали. Ленинградцы, по словам Ярославского, уверены, что только у них есть «настоящее классовое чутье» и что все другие организации «заражены мелкобуржуазным уклоном»²⁹. Родиной крестьянской ориентации считалась Москва, где даже пролетариат не вполне еще избавился от крестьянских привычек и привязанностей. В 1918 г. петроградские большевики активно выступали за создание комитетов крестьянской бедноты, и Зиновьев, возможно, помнил еще съезд, на котором он, во имя партийной лояльности, вынужден был, оказав давление на своих сопротивляющихся сторонников, заставить их ради умиротворения деревни одобрить эти ненавистные, связывающие руки комитеты³⁰. «Рабочая оппозиция», единственная попытка организованной оппозиции НЭПу, приобрела наибольшую силу в Петрограде, где и располагался ее центр. Выдвижение в 1924 г. в качестве первоочередной задачи развития тяжелой промышленности было мерой, направленной на возрождение Ленинграда, и последующий поворот в сторону крестьянина, достигший кульми-

нации в период прокулацкой политики весной 1925 г., не мог иметь многочисленных сторонников в Ленинградской организации. Пока Зиновьев оставался во главе триумvirата, который должен был поддерживать эту политику, ленинградцы мало что могли сделать, чтобы услышали их голос. Но когда Зиновьев оказался в зависимости от Ленинграда как единственной оставшейся у него базы, мнение Ленинграда приобрело первостепенное значение и он почти автоматически переметнулся на позицию Ленинграда. Как выразился позднее Троцкий, «лидеры оппозиции были вынуждены в борьбе за самосохранение адаптироваться к классовому сознанию ленинградского пролетариата»³¹.

Перемена была резкой. Во второй половине мая 1925 г. Зиновьев еще безоговорочно отстаивал перед партийной аудиторией осуществленный по решению XIV партконференции поворот в сторону крестьянина, хотя следует заметить, что в этом случае он добивался и добился — при определенной оппозиции, по всей видимости, со стороны Бухарина — разрешения характеризовать новую политику как «отступление»³². Через несколько дней он напомнил губернскому съезду профсоюзов в Ленинграде, что «вопрос о деревне сейчас является центральным, хозяйственным и политическим вопросом наших дней», и говорил об «обязанностях», которые «нынешнее положение вещей возлагает на рабочий класс нашей страны»³³. В начале июня 1925 г. произошел неловкий эпизод со статьей Крупской, направленной против Бухарина, которую отказывалось печатать большинство членов Политбюро, и Зиновьев и Каменев были при голосовании в меньшинстве³⁴. Это была первая прямая размолвка между Зиновьевым и Бухариным и первый случай, когда Зиновьев и Каменев оказались вместе с Крупской против большинства своих коллег по Политбюро. Еще до конца того же месяца Зиновьев произнес и опубликовал речь, где в совершенно недвусмысленных выражениях заявлялось, что политика уступок крестьянину зашла опасно далеко³⁵, и до конца года продолжал со все большей определенностью и последовательностью пропагандировать эту точку зрения. В течение нескольких недель Зиновьев из главного защитника крестьянской политики превратился в основного ее противника, а спустя несколько месяцев дошел уже до того, что резко осудил уступки кулаку, которые с такой страстью отстаивал еще менее года назад. Стремительность этой перемены может только служить еще одним подтверждением его репутации как человека неуравновешенного и непостоянного. Сталин же, всегда осторожно избегавший крайностей, мог без видимых усилий приспосабливаться к новым требованиям, диктуемым текущими тактическими задачами, почти незаметно для глаза передвигая позицию то чуть влево, то чуть вправо от центра.

Троцкий, чье поведение минувшей осенью послужило искрой, разжегшей эти бурные события, оставался все это время в бездействии и почти полном молчании. Он еще выздоравли-

вал в Сухуми, когда ВЦИК проводил в марте 1925 г. в Тифлисе свое заседание³⁶. По окончании заседания 22 марта заместитель председателя Совнаркома Закавказской СФСР и два других видных деятеля этой республики направились в Сухуми, чтобы принять участие — или, может быть, организовать — съезд Советов Абхазской республики. Самолет, на котором они летели, разбился и все они погибли³⁷. Троцкий впоследствии пришел к выводу, что они были посланы в Сухуми Сталиным с целью установления связи с ним. Однако, даже если оставить в стороне все прочие сложности, связанные с этой историей, вряд ли это были те люди, которых Сталин выбрал бы для подобной деликатной миссии. Троцкого позднее посетили Раковский и И. Н. Смирнов. В соответствии с версией Троцкого, хотя своих намерений они ему так и не открыли, их послал к нему Сталин, чтобы слегка припугнуть Зиновьева³⁸. Троцкий, вне всякого сомнения, был в курсе, что во время обсуждений в ЦК Сталин не проявлял в отношении него такой непримиримой враждебности, как Каменев и Зиновьев, и Сталин рассчитывал воспользоваться этой его осведомленностью, дабы предотвратить любую опасность его перехода на сторону Каменева и Зиновьева при неминуемом крахе триумvirата. Почти ничего не оставляя на волю случая, Сталин, конечно, не упустил бы возможности получить информацию о душевном состоянии и намерениях Троцкого. Однако невероятно, чтобы он предпринимал попытки или имел намерения пойти на прямое сближение с Троцким. В мае 1925 г., по возвращении в Москву, Троцкий был назначен на три различных поста — председателя Главного концессионного комитета, начальника Главэлектро, Управления электрической промышленности, и председателя Научно-технического управления промышленности. Последний орган занимался вопросами применения науки и научных исследований в промышленности³⁹. В течение лета он несколько раз по второстепенным поводам выступал с речами, не затрагивая политических вопросов и сохраняя позу технического специалиста в областях недискуссионного характера⁴⁰. Наиболее важной статьей, относящейся к этому периоду, была статья «К капитализму или к социализму?», инспирированная первыми контрольными цифрами Госплана⁴¹.

Неприятный инцидент возник в тот период в связи с небольшой книжкой Макса Истмена «После смерти Ленина», опубликованной в 1925 г. в Нью-Йорке и несколько месяцев спустя — во французском переводе. Истмен начал с того, что напомнил о близких отношениях Троцкого с Лениным после 1917 г., потом упомянул о письме, полученном Троцким от Крупской через несколько дней после смерти Ленина, где она заверяла его в неизменности отношения к нему Ленина с самой их первой встречи и вплоть до самой смерти⁴². Потом Истмен рассказал о попытке некоторых членов Политбюро скрыть последнюю статью Ленина⁴³, описал и процитировал ленинское «Завещание» и пустился в детальное описание, явно с позиций Троцкого, борьбы триумvirата против по-

следнего, начиная с декабря 1923 г. и кончая его отставкой в январе 1925 г. Компрометирующей особенностью этой книги было то обстоятельство, что с осени 1923 г. и до июня 1924 г. Истмен находился в Москве и был известен как один из американских сторонников Троцкого. И хотя он уверял, что виделся с Троцким в разгар дискуссий всего два раза и не получал от него никаких документов, многие из приводимых в книге сведений были такого сорта, что могли исходить только из кругов, близких к Троцкому, и, судя по всему, при его молчаливом одобрении или пособничестве. Когда Троцкий в конце апреля 1925 г. вернулся в Москву, его ждала телеграмма от редактора британской «левой» газеты «Санди уоркер», где его просили сделать заявление для прессы относительно достоверности материалов, содержащихся в книге Истмена. Троцкий немедленно заявил, что книги не видел, но «заранее и категорически» отвергает любые нападки на партию, которые могут в ней содержаться⁴⁴. Сразу же после этого секретарь Коммунистической партии Великобритании Инкпин выслал ему экземпляр книги, потом до Москвы дошли и другие экземпляры. Теперь давление на Троцкого оказывали уже не английские коммунисты, от которых он мог легко отмахнуться, а его коллеги в ЦК, требовавшие объявить обвинения Истмена ложными.

Вновь Троцкий оказался перед знакомой дилеммой — дать бой по второстепенному вопросу и на неблагоприятной для него территории или подчиниться, отрекшись от своих сторонников. И снова он выбирает вторую альтернативу. 1 июля 1925 г. он подписывает заявление, которое, как утверждал тремя годами позже, «было навязано мне большинством Политбюро»⁴⁵. Поправив в сочинении Истмена несколько незначительных ошибок, он подошел к главному:

«В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого «завещания» и пр.); это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно сделать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутриорганизационных советов, для печати. На самом деле это совершенно неверно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собой разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все письма напечатаны, то только потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого «завещания». Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной

буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о сокрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии».

Затем Троцкий попытался опровергнуть скандальную историю, связанную с попыткой скрыть последнюю статью Ленина⁴⁶. Он процитировал подписанное 27 января 1923 г. всеми членами Политбюро и Оргбюро заявление, где говорилось, что «во внутренней работе ЦК совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какие бы то ни было основания для опасения «раскола».

Троцкий, к несчастью, перепутал две статьи Ленина о Рабкрине. Заявление касалось первой, которая была написана в январе 1923 г. и кончалась определенными размышлениями об опасности «раскола» между рабочим и крестьянином; она была сразу же опубликована в «Правде» от 25 января. Некоторые же члены Политбюро пытались утаить вторую статью, а она была написана не раньше 6 февраля 1923 г. Обычно в том, что касалось фактов, память Троцкого была точна. Трудно сказать, изменила ли она ему на сей раз или он с презрением поставил свою подпись под документом, составленным для него другими, не заботясь о том, является ли истиной или ложью то, что в нем содержится. В конце он отвергал утверждения, будто «ЦК конфисковал или задерживал так или иначе мои брошюры или статьи в 1923 или 1924 году или в какое-либо другое время». Заявление Троцкого было опубликовано в «Санди уоркер» 19 июля 1925 г., а затем с некоторым опозданием в выпуске партийного журнала «Большевик» от 1 сентября 1925 г.⁴⁷

Внести свой вклад в дискредитацию Истмена, а заодно и Троцкого вовлекли и Крупскую. Ее сбивчивое письмо, явно носившее следы ее собственного сочинения, появилось в августовском номере «Санди уоркер». Оно начиналось с разоблачения книги Истмена как «набора всяких обывательских сплетен». Затем она давала пояснения по поводу письма, которое она написала Троцкому после смерти Ленина: оно было написано потому, что ее муж «считал тов. Троцкого талантливым работником, преданным делу революции», а вовсе не потому что он всегда был согласен с Троцким или рассматривал Троцкого как своего преемника. Далее она говорила о ленинском «письме партсъезду»:

«М. Истмен рассказывает об этих письмах (называя их «завещанием») всякие небылицы. М. Истмен совершенно не понимает духа нашей партии... Его [Ленина] речи на съездах всегда отличались особенной содержательностью и обдуманностью. Свои письма о внутрипартийных отношениях («завещание») он писал

тоже для партийного съезда... Письмо содержало, между прочим, характеристики нескольких наиболее ответственных партийных товарищей. Никакого недоверия к этим товарищам, с которыми В. И. связывали долгие годы совместной работы, в письмах нет... Письма имели целью помочь остающимся товарищам направить работу по правильному руслу — поэтому наряду с достоинством отмечались и те недостатки этих товарищей, в том числе и Троцкого, которые необходимо учесть, чтобы наилучшим образом организовать работу партийного руководящего коллектива. Все члены съезда ознакомились, как того хотел В. И., с письмами».

Крупская закончила довольно неожиданным напоминанием о своих собственных расхождениях с Троцким: она выступала против него, — и на стороне ЦК, — в разногласиях, которые были вызваны «Уроками Октября», и написала об этом в то время статью в «Правде». Русский текст письма Крупской был опубликован в «Большевике» от 1 сентября 1925 г., прямо после заявления Троцкого.

Успешное давление, оказанное на Троцкого с целью дискредитировать Истмена и на Крупскую с целью дискредитировать как Истмена, так и Троцкого, было последним, но отнюдь не наименее значительным достижением единого триумvirата. Такой двойной *coup* мог быть нанесен только объединенными усилиями Сталина, Зиновьева и Каменева. Это доказывает, что в июле и августе 1925 г. при всех начавших уже тогда проявляться расхождениях по политическим вопросам Зиновьев и Каменев все еще боялись Троцкого сильнее, чем Сталина. До окончательного, открытого разрыва между членами триумvirата оставалось еще почти четыре месяца. Однако уже через несколько дней после появившегося с некоторым запозданием заявления Троцкого и письма Крупской выявилась новая группировка, направленная несомненно и прежде всего против Сталина. 5 сентября 1925 г. Зиновьев, Каменев, Сокольников и Крупская встретились, чтобы подписать документ, ставший впоследствии известным под названием «платформа четырех».

Эта «платформа четырех» не была опубликована, и никаких четких сведений относительно ее содержания так никогда в печати и не появилось⁴⁸. Если принять во внимание характер и убеждения подписавших, то маловероятно, чтобы этот документ мог быть конструктивным или оригинальным. Единственным связующим звеном, объединившим этих четырех, был страх и ненависть к Сталину. Напуганный возраставшей силой и агрессивностью Сталина Зиновьев осознал свою зависимость от ленинградских приверженцев и под их давлением резко отвернулся от прокрестьянской, прокулацкой политики, характерной для зимы и весны 1924/25 г. Не имея никакой собственной независимой базы и с острым недоверием относясь к вырвавшему из-под его контроля Московскую организацию Сталину, Каменев тоже последовал в кильватере Зиновьева. Крупская же, памятуя о давней близости

сти мужа с Каменевым и Зиновьевым, всегда выказывала по отношению к ним свое дружеское расположение. Явным исключением было ее отношение к недавним проявлениям прокрестьянской политики, и она выбрала, чтобы помириться с Зиновьевым, удачный момент, когда он повернулся к этой политике спиной, чтобы вновь наладить с ним отношения. Но главным, что ею двигало, была сильная антипатия к Сталину, возникавшая в результате инцидентов, происшедших во время болезни Ленина⁴⁹. Она, казалось, была готова поддержать любой союз, лишь бы он был направлен против Сталина. Самой загадочной фигурой из четверых был Сокольников. Он с момента введения НЭПа держался крайне правого крыла партии, отстаивая принципы здоровой финансовой системы, максимальную свободу рынка и уважение к интересам крестьянина. Создается впечатление, что он олицетворял собой ту «диктатуру финансов», которая была предана анафеме Троцким и защитниками индустриализации и планирования. Он твердо стоял в оппозиции к этим проектам и сыграл последовательную, хотя и незначительную, роль в кампании против Троцкого. Весьма парадоксально, что нынешнее его *rapprochement* с Каменевым и Зиновьевым произошло как раз в тот момент, когда они отошли от политики, которую отстаивал он сам. Однако и здесь доминирующим фактором была антипатия к Сталину. Попытки Куйбышева вмешиваться в финансовую политику шли с явного поощрения Сталина и уже нанесли ущерб ранее безоговорочному авторитету Сокольникова⁵⁰. Это не могло не задевать самолюбия Сокольникова, хотя вряд ли он был в состоянии предугадать, что это послужит лишь прелюдией к происшедшему позже ниспровержению всего, за что он боролся. Сокольников был образованным интеллигентом западного образца, и его взгляды почти неминуемо объединяли его с Каменевым против Сталина. В июне 1925 г. он неожиданно выступил с предложением повысить заработную плату рабочим — это была явная попытка завоевать популярность, — возможно, именно это и побудило его принять такое решение. Однако, как суждено было показать последующим событиям, расхождения по вопросам экономической политики между Сокольниковым, с одной стороны, и Каменевым и Зиновьевым — с другой, были весьма глубоки, и именно эти различия и оказались одной из основных слабостей оппозиции 1925 г. «Платформа четырех», которая не могла иметь никаких твердых экономических основ, сводилась, по всей видимости, главным образом к требованию свободы дискуссий и «партийной демократии» — неизбежной, но ненасыщающей пище любой оппозиции.

Образовавшаяся летом 1925 г. трещина в триумvirате, как и любая ссора в партии, вскоре нашла выражение не только в политических разногласиях, но и в расхождениях теоретического характера. Она привела к возрождению незавершенного — находившегося с 1921 г. в латентном состоянии и, хотя и не выходявшего на поверхность, но всегда достаточно к этому близкого —

спора о характере НЭПа. Был ли НЭП вынужденным отступлением с неправомерно занятых позиций, которые не удалось удерживать, но которые в один прекрасный день вновь будут завоеваны? Или это было отступлением с позиций, которые были незаконны сами по себе, и одновременно перегруппировкой сил для наступления на другом, более многообещающем направлении? Являлся ли НЭП временным отходом от социализма к капитализму? ⁵¹ Сформулированный в подобных выражениях спор становился схоластическим и обретал исключительно историческое значение. Но как и всякий теоретический спор, он маскировал разногласия по вопросам политического характера. Если верна первая гипотеза, тогда цель состояла в том, чтобы как можно скорее покончить со сделанными при НЭПе уступками крестьянству — это знаменовало бы конец отступления. Если же принять вторую гипотезу, то логическим выводом из нее было бы расширение и развитие НЭПа через новые уступки крестьянству ⁵². На языке теории велась дискуссия по совершенно конкретным политическим вопросам.

Пока триумvirат сохранял единство под лозунгом «Лицом к деревне!», ортодоксальной теорией был подход к НЭПу как к шагу на пути к социализму. Сомнению этот подход подвергал лишь один Троцкий, теперь открыто рассматривавший НЭП как неприятный, но мимолетный эпизод, как «излучину революционной траектории» и осуждавший тех, для кого «излучина определяет по существу все направление траектории» ⁵³. Представляется вполне логичным, что Бухарин, выступив летом 1925 г. как главный апологет крестьянской политики, объявил, что целью этой политики является развитие НЭПа «в деревне в гораздо большей степени» ⁵⁴ и что его ученик Слепков защищал эту политику как «расширение нэпа» ⁵⁵. Было вполне логично, что перейдя приблизительно в то же самое время в оппозицию и осудив политику уступок крестьянину, Зиновьев должен был начать с настойчивых утверждений, что НЭП был прежде всего отступлением — «самым широко задуманным отступательным движением ленинизма», именно к этому сводилась основная мысль пространной главы зиновьевского «Ленинизма», опубликованного в сентябре 1925 г. ⁵⁶ Ожесточенная битва по теоретическим вопросам велась в преддверье и в ходе XIV съезда партии, причем, основным оружием были с обеих сторон многочисленные цитаты из Ленина, из которых явно вытекали расходившиеся, если не противоречивые, взгляды на НЭП.

За вопросом, следует ли рассматривать НЭП прежде всего как отступление или как прелюдию к новому продвижению вперед, крылся, однако, вопрос о характере НЭПа, приобретающий в партийных разногласиях все более определяющее значение. Эти два вопроса были между собой тесно связаны. Те, кто настаивал на характеристике НЭПа как отступления, обычно определяли его как одну из форм государственного капитализма. Те же, кто видел в НЭПе шаг на пути к социализму, отрицали или сводили к

минимуму позорившие его пятна капитализма и утверждали, что НЭП представляет собой форму социализма, пусть даже и несовершенного. Проблема эта имела трудную историю. Осенью 1917 г. Ленин в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», а потом и в книге «Государство и революция» использовал термин «государственно-монополистический капитализм» для описания последней стадии в эволюции капитализма, той последней стадии, после которой капитализм будет за счет революционного процесса трансформироваться в социализм. Называть «государственный социализм» государственным капитализмом было «ересью», но ведь это был «шаг к социализму»⁵⁷. Именно под названием «государственный капитализм» Ленин пропагандировал сотрудничество с капитализмом и уступки ему с целью вновь поставить на ноги промышленность. И когда «левая оппозиция» резко критиковала весной 1918 г. эту политику как неприличную для рабочего правительства, а Бухарин развивал мысль, что при диктатуре пролетариата «государственный капитализм» невозможен, Ленин в своей брошюре «О левом ребячестве и о мелко-буржуазности» ответил, что государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел и что, «если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом»⁵⁸. С введением «военного коммунизма» эта проблема практическое значение утратила. Но Бухарин в своей основной теоретической работе «Экономика переходного периода» продолжал настаивать на несовместимости государственного капитализма с существованием государства рабочих.

С введением НЭПа эти споры в новой обстановке опять возродились. В своей брошюре «О продналоге», написанной в мае 1921 г., Ленин процитировал в защиту НЭПа приводимый им в 1918 г. довод о прогрессивном характере государственного капитализма: НЭП, включая присущие ему различные формы капитализма, есть тем не менее шаг на пути к социализму⁵⁹. Ленин перечислил существующие при НЭПе четыре специфические формы государственного капитализма — концессии, кооперативы, продажа частными торговцами продукции государственной промышленности и аренда промышленных предприятий, лесов, земель и так далее⁶⁰. Целиком приняв НЭП, Бухарин, однако, от аргументов своих не отказался. Когда Ленин написал, что НЭП является смесью капитализма и социализма, Бухарин послал ему в частном порядке записку, где возразил, что это описание неверно и что «вы злоупотребляете словом капитализм»⁶¹. В статье в «Правде» Бухарин, согласившись, что этот термин широко используется, все же публично повторил свое возражение по данному поводу⁶², и на XI съезде партии Ленин в отсутствие Бухарина снова его защищал⁶³. Кроме Бухарина, и другие пуристы продолжали отстаивать точку зрения, что поскольку сущность капитализма заключается в производстве ради извлечения дополнительной прибыли, то никакой вид капитализма с социализмом несовместим⁶⁴.

Троцкий в своей речи на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. отказался использовать выражение «государственный капитализм», считая это серьезным заблуждением⁶⁵, а после смерти Ленина утверждал, что Ленин всегда применял это выражение «в кавычках» или называл его «государственным капитализмом совсем-совсем особого рода», как сделал это в своей последней статье о кооперации⁶⁶. Преображенский описал в 1922 г. советскую экономику как достижение социалистических целей капиталистическими средствами, отказавшись называть это «государственным капитализмом», а в последующие годы считал, что этот термин правомерно использовать только в отношении смешанных кампаний и концессий⁶⁷. С другой стороны, в докладе Наркомзема за 1924 г. этот термин применялся к текущей советской экономике без всяких оговорок⁶⁸. По мере того как НЭП получал повсеместное признание, спор этот утратил какое бы то ни было практическое значение и снова тихо угас.

Не случайно, что этому спору о государственном капитализме суждено было вновь вспыхнуть весной 1925 г., когда при обсуждении аграрной политики еще раз встал вопрос о характере и продолжительности НЭПа. Не случайно и то, что наиболее яркий защитник крестьянской ориентации Бухарин опять возвратился к отрицанию правомерности описания нэповской экономики как государственного капитализма, ибо оправдать его тогдашнее расширение, сопровождавшееся дальнейшими уступками крестьянству, можно было только за счет реабилитации социалистического характера НЭПа. Когда Бухарин взялся в своей статье в «Красной нови» (май 1925 г.) за решение этой теоретической задачи, он продемонстрировал ту же откровенность — и ту же неосмотрительность, — что и своим обращенным к середняку призывом обогащаться. Он открыто признал, что был не согласен в этом вопросе с Лениным, говорившим, будто во время введения НЭПа в советской экономике не существовало никакого социализма или лишь «маленький островочек, а все остальное — государственный капитализм». Однако, по его утверждению, Ленин потом «разъяснил» свою точку зрения в последней статье о кооперации⁶⁹. «Красная новь» был литературным журналом, так что очерк Бухарина никакой непосредственной реакции не вызвал. Однако, как уже показал опыт Троцкого, во всеуслышание объявлять о своем несогласии с Лениным, да еще намекать при этом, будто он потом одумался и принял чью-то точку зрения, было занятием весьма рискованным. Меньше всего Сталин склонен был допускать, чтобы его имя связывали с какими бы то ни было аргументами, имеющими целью доказать, что в конечном счете Ленин оказался не прав. Бухарин сыграл на руку оппозиции, и, опубликовав в сентябре 1925 г. свой трактат «Ленинизм», Зиновьев с триумфом продемонстрировал — не упоминая при этом Бухарина, — что руководство партии скомпрометировало себя антиленинскими взглядами на НЭП и на государственный капитализм. НЭП он характеризо-

вал словами Ленина как «государственный капитализм в пролетарском государстве»:

«...Когда нас спрашивают, от чего мы отступили, введя НЭП, мы отвечаем словами Ленина: «Мы отступили от непосредственного перехода к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению». Когда нас спрашивают, куда мы отступили, мы отвечаем словами Ленина: «К государственному капитализму в пролетарском государстве».

«Превосходный, твердый советский червонец» является самым убедительным выражением этого государственного капитализма: никто ведь не станет утверждать, что стабильная валюта есть показатель социализма. Бесспорные элементы капитализма содержат в себе государственные кредитные банки, тресты и кооперативы. Рабочие быстро заметили бы фальшь руководителей, «если мы будем преподносить им сладенькие фразы о том, что это и есть социализм».

«Без иллюзий, без самообмана, — восклицает Зиновьев в заключение. — Госкапитализм назовемте госкапитализмом»⁷⁰.

Защитники официальной линии парировали цитатой из последней статьи Ленина, где он упоминал о советских государственных предприятиях как о «предприятиях последовательно-социалистического типа»⁷¹. Однако до тех пор, пока дискуссия вращалась вокруг цитат Ленина, создавалось впечатление, что оппозиция оснащена ими много лучше.

Это преимущество, однако, перевешивали серьезные осложнения. Присоединение Сокольникова отнюдь не было бесспорным приобретением. Его взгляды не слишком вписывались в ту платформу, которую пытался построить Зиновьев для организации новой оппозиции Сталину. Отождествление НЭПа с государственным капитализмом теперь уже служило скорее не комплиментом, а упреком. Он критиковал Бухарина и Сталина за то, что они трактуют НЭП как прямой путь к социализму и благодушно делают вид, будто государственно-капиталистическая экономика НЭПа уже по своему характеру является социалистической: в эти рамки хорошо вписывался аргумент о возможности построения социализма в одной стране. С другой стороны, Сокольников, говоря о НЭПе как о государственном капитализме, беззаботно принимал его как нечто рассчитанное на долгие времена и, как человек практический, не слишком обременял себя размышлениями о грядущей дороге к социализму. Его критика в адрес партийного руководства сводилась к тому, что оно не смогло заставить систему государственного капитализма работать эффективно, и эту неудачу он объяснял упорным нежеланием признать главенствующую роль финансов и тенденцией делать слишком много уступок промышленности и планирующим органам.

Таким образом, Сокольников если и выступал вместе с Зиновьевым и Каменевым против Сталина, то с существенно отличной от их позитивной программой, что неизбежно должно было при-

вести к нелепой деформации всей оппозиционной программы в целом. Во-первых, Сокольников был абсолютно убежден, что расширение сельскохозяйственного производства должно опережать расширение промышленности, и это убеждение — которое он разделял с Бухариным — трудно было совместить с необходимостью активной антикулацкой «классовой политики» в деревне, которую он вынужден был теперь отстаивать вместе с Зиновьевым и Каменевым⁷². Во-вторых, Сокольников привил Каменеву свое собственное скептическое и неприязненное отношение к первым контрольным цифрам Госплана и, явившись вдохновителем их оппозиции к планированию, лишил «платформу» того, что по логике вещей должно было бы стать ее главным конструктивным пунктом. В-третьих, Сокольников выступал за политику импорта потребительских товаров, рассчитывая за счет этого стимулировать производство зерна для рынка, и хотел предоставить такому импорту преимущественное положение перед импортом средств производства, направленным на развитие промышленности. И хотя эта политика, в сущности, никогда не получала одобрения ни Зиновьева, ни Каменева, это обстоятельство подставляло тем не менее оппозицию под обвинение в том, что она намерена сдатьсь на милость иностранных капиталистов и превратить Советский Союз в сельскохозяйственную колонию Запада.

Однако «платформа» грешила не только этими внутренними противоречиями, гораздо более серьезным недостатком был ее негативный характер. Доводы Зиновьева и Каменева относительно НЭПа и государственного капитализма подставляли их под убийственный аргумент в виде встречного обвинения в пессимизме и неверии⁷³. Утверждение, что НЭП — не более чем отступление, означало отрицание каких бы то ни было успехов в продвижении к социализму в прошлом и в настоящем и возможности (без помощи извне) в будущем. Это был пессимизм, это было нежелание поверить в созидательные способности народа Советского Союза. Именно этого самого демона безнадежности и призвана была изгнать новая вера в социализм в одной стране. В экономическом отношении социализм в одной стране на первых порах, казалось, все еще сохранял двойственный характер: его можно было с равным успехом оседлать как для кампании в защиту развития крестьянского производства, так и для кампании в пользу интенсивной индустриализации. Вне зависимости от своего точного экономического содержания он олицетворял декларацию веры в то, что НЭП не был всего лишь отступлением в тупик, что капитализм побежден и что Советский Союз за счет своих собственных усилий и под руководством партии уже приблизился, продолжал приближаться и будет с всевозрастающей уверенностью приближаться к цели социализма. В дискуссиях, которые предшествовали XIV съезду партии, а потом и на самом съезде эмоциональное воздействие этого призыва ощущалось все сильнее и сильнее, определяя перевес в их сторону на чаше весов тех, которые

в отсутствие этого аргумента склонились бы в пользу более солидно нагруженной ленинскими цитатами оппозиции.

Однако прежде, чем приступить к описанию событий, непосредственно предшествовавших съезду, а также самого этого съезда, необходимо рассмотреть два незначительных на первый взгляд эпизода, которые сыграли определенную роль в этой борьбе, — речь идет о дискуссии, касающейся политики в области литературы и споров о комсомоле.

ДИСКУССИЯ О ЛИТЕРАТУРЕ

Когда в 1923 г. впервые начинали приобретать политическую окраску споры о литературе, советская литературная жизнь представляла собой картину весьма плодотворного многообразия. Наибольшей популярностью пользовался тогда ведущий литературный журнал «Красная новь» — орган «попутчиков», единственных, кто привлекал внимание читающей публики. Порвавшая с «Кузницей»¹ авангардная группа «Октябрь» основала свой конкурирующий журнал под названием «Октябрь», а «Кузница» — свой «Рабочий журнал», который, хотя и провозглашал пролетарские принципы, терпимо относился к «попутчикам». Все еще процветали независимые литературные группы. Наиболее сильной из них была, благодаря влиянию Маяковского, группа футуристов, чей журнал «Левф» печатался в Госиздате². Название это было знаменательно. Футуристы продолжали отождествлять с «левизной» литературные нововведения и стремились утвердить свои сомнительные пролетарские лозунги за счет нападок на «попутчиков». В июне 1923 г. группа «Октябрь» основала новый критический журнал под названием «На посту», который был призван обеспечить идеологический противовес «еретическим» взглядам «попутчиков». Титул лидера «напостовцев» — так они стали себя называть — был присвоен одному из первых основателей «Кузницы», Родову. Среди наиболее видных членов этой группы были поэт Безыменский, автор политических стихов Демьян Бедный, романист Либединский и девятнадцатилетний молодой человек по фамилии Авербах, имевший прочные связи в партийных кругах (он был племянником Свердлова и родственником Ярославского) и занимавший пост редактора комсомольского журнала «Молодая гвардия»³. Опубликованный в первом номере журнала «На посту» редакционный манифест требовал безоговорочно порвать с прошлым:

«...Мы будем неустанно стоять на посту ясной и твердой коммунистической идеологии в пролетарской литературе. Перед лицом начавшегося, со времени появления НЭПа, оживления в деятельности различных буржуазных литературных групп никакие идеологические шата-

ния совершенно недопустимы и будут нами неизменно вскрываться... Мы будем бороться с этими Маниловыми, которые из гнилых ниток словесного творчества «попутчиков», искажающих нашу революцию и клеветующих на нее, стараются построить эстетический мостик между прошлым и настоящим»⁴.

Новая группа отнюдь не была первой, которая рассматривала бы литературу как поле для борьбы социальных и политических взглядов или для разоблачения своих противников как реакционеров и врагов общества, — это издавна было одной из старых традиций русской литературной критики. Однако журнал «На посту», внося в изъятия враждебности к «мелкобуржуазным» «попутчикам» новую, более пронзительную ноту нетерпимости, недвусмысленно намекал, что к ним в полной мере применимы те репрессивные акции, которые используются против классовых врагов. Опубликованный во втором номере журнала «список авторов» включал имена Каменева, Радека и Ярославского. Этот факт, возможно, имел меньше значения, чем это могло показаться на первый взгляд: партийные руководители часто ссужали свои имена новым журналам, не имея при этом никаких серьезных намерений и вправду для них что-нибудь написать. Но это показывало, что новая затея пользуется поддержкой в партийных кругах. Литературная политика служила объектом тех же самых компромиссов, которые характеризовали в период НЭПа политику во всех других областях. Партия приняла решение оказать поддержку «попутчикам». Однако никакого решения относительно того, чтобы умерить пыл так называемых пролетарских писателей, их злейших соперников и врагов, принято не было.

Таким образом, летом 1923 г., когда на поле боя выступил Троцкий, позиции двух противостоявших друг другу враждующих сторон были определены четко и ясно. Слева находились несколько литературных групп и направлений, которые претендовали на то, чтобы выступать от имени революции и считали себя защитниками новых форм литературы и искусства, отвергающими наследие буржуазного прошлого. С противоположного крыла были так называемые попутчики, признававшие наследие русских литературных и художественных традиций и считавшие их твердой основой, на которой может быть создана новая советская литература; и читающая публика либо отдавала предпочтение «попутчикам», либо читала старую русскую классику. В своем выступлении, сделанном в июле 1923 г., Троцкий повторил аргумент, высказанный минувшей осенью Лениным против Плетнева, утверждая, что Пушкин и Толстой так же необходимы для победы социализма, как и буржуазные специалисты⁵. В сентябре 1923 г. он опубликовал под названием «Литература и революция» серию очерков, с интервалами написанных им в течение двух предшествующих лет. В предисловии он высказал доводы против пролетарской литературы:

«В корне неправильно противопоставление буржуазной культуре и буржуазному искусству пролетарской культуры и пролетарского искусства. Этих последних вообще не будет, так как пролетарский режим — временный и переходный»⁶.

В очерке «О футуризме» Троцкий весьма квалифицированно одобрил деятельность футуристов⁷, а в очерке «О партийной политике в искусстве», где он, между прочим, характеризовал подход формалистов как «поверхностный» и «реакционный», утверждал, что точно так же, как Советское государство проявляет при НЭПе терпимость к параллельному существованию различных форм экономического производства — все из которых, вне всякого сомнения, являются социалистическими, — оно должно быть терпимо и к различным формам литературного и художественного производства⁸. В сущности, так же как и Ленин, Троцкий был на стороне «попутчиков».

Однако еще не пришло то время, когда поддержка Троцкого была способна загубить любое дело. Он пользовался чрезвычайно большим влиянием среди молодой интеллигенции, и нет никаких оснований сомневаться, что его выступление в защиту «попутчиков» возымело воздействие, особенно в тех «авангардистских» кругах, откуда вероятнее всего было ждать нападков. Единственным, кто осмелился публично прямо парировать статью Троцкого, посвященную политике партии в области искусства, оказался, по всей видимости, Демьян Бедный, одним из первых обнаруживший, что хитрой клеветой на Троцкого можно сделать себе совсем неплохую карьеру. В опубликованной в «Правде» поэме под названием «Обида» он описал «Льва Давидовича статью» как «незаслуженную обиду» молодым пролетарским писателям, обругал «смердящего» Пильняка и «орду попутчиков беспутных» и зывал к «пролетарской Немезиде»⁹. В октябре 1923 г. «общество старых большевиков» выступило с заявлением по поводу «нашей литературной политики», которое появилось в московской партийной газете, но не было удостоено места в «Правде». В заявлении привлекалось внимание к опасности «на почве нэпа возрождения буржуазной и мелкобуржуазной идеологии». Художественная литература не может не оказаться «важным орудием воспитания масс в том или ином направлении», и это «диктует партийным и советским органам необходимость намечания и твердого проведения четкой и выдержанной литературной политики». Между тем «попутчики» свободно публикуются в литературных журналах и получают похвалы от Троцкого, Бухарина и других партийных руководителей, в то время как молодые пролетарские писатели «не находят выхода». Заявление кончалось призывом к «решительному пересмотру» литературной политики¹⁰. Особенно непосредственного впечатления это заявление, по всей видимости, не произвело. В разгар первой кампании против Троцкого, происходившей зимой 1923/24 г., у партийных руководителей времени на литературные диспуты уже не оставалось. Однако эта проблема по-прежнему обсуждалась в

литературных кругах, и в феврале 1924 г. группа «Октябрь» выступила с политическим манифестом. Партия, заявлялось там, может оставаться нейтральной в том, что касается литературной формы и языка. Но поскольку литература является орудием «воздействия на сознание и волю читателей», партия должна иметь «твердую политику». Так называемая беспартийная и аполитичная литература тоже представляет опасность как литература контрреволюционная — впрочем, последней должна заниматься цензура. В манифесте содержались поименные нападки на «попутчиков» и поднималось знамя пролетарской литературы, которая «организует психику и сознание рабочего класса и широких трудовых масс в сторону конечных целей пролетариата как переустроителя мира и создателя коммунистического общества». Заканчивался манифест призывом к партии разоблачить «попутчиков» и поддержать пролетарскую литературу¹¹. Основная часть «попутчиков» ответила на это коллективным письмом в отдел печати ЦК, где говорилось, что «пути современной русской литературы — а стало быть, и наши — связаны с путями Советской по-октябрьской России» и что «литература должна быть отражателем той новой жизни, которая окружает нас»¹².

Уклоняться от решения этого острого вопроса партийные руководители далее уже не могли, и 9 мая 1924 г., не дожидаясь XIII съезда партии, отдел печати ЦК созывает конференцию. Открывая заседание, редактор «Красной нови» и главный покровитель «попутчиков» Воронский¹³ сказал, что позиция партии состоит в поддержке любой группы, которая «работает и стоит на точке зрения Октябрьской революции», и осуждении противоположной позиции как такой, которая расценивается как «антиспецовская», та самая, которая в других областях нашей жизни уже изжита. Первым выступив от имени диссидентов, Вардин¹⁴ умудрился придать своей речи явную политическую окраску. Он демонстративно процитировал выдержку из доклада Молотова об активизации кулака и связал это с развитием антипролетарских тенденций в литературе. Он доложил о замеченных им в последней статье Бухарина признаках «отступления, усталости и скептицизма», резко критиковал «попутчиков» вообще и Пильняка в частности и объединил в своем выступлении Троцкого и Воронского с явным намерением дискредитировать последнего. В конце он выдвинул требование, чтобы Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП) стала инструментом проведения в жизнь политики партии в области литературы.

После этих вступительных заявлений разгорелась беспорядочная и острая дискуссия. Бухарин охарактеризовал свою позицию как «очень радикальную» и заявил, что, по его мнению, партия должна иметь свою собственную определенную линию «во всех областях идеологической и научной жизни, даже в математике». Однако было бы неверно «уничтожать крестьянскую художественную литературу» или «шельмовать писателя для советской интел-

лигенции» под прикрытием мнимых интересов пролетарского писателя:

«Если мы, наоборот, станем на точку зрения литературы, которая должна быть регулирована государственной властью и пользоваться всякого рода привилегиями, то мы не сомневаемся, что в силу этого мы погубим пролетарскую литературу».

Авербах подверг резкой критике Воронского и «попутчиков», но предусмотрительно отделил их от Вардина и, притворившись, будто он согласен с Бухариным, умудрился занять промежуточную позицию. Троцкий в своем выступлении, которое, вне всякого сомнения, было самым длинным и самым логичным из всех выступлений конференции, повторил доводы в защиту «попутчиков» и в доказательство иллюзорного характера тезиса о пролетарском искусстве. Однако после осуждения позиций Троцкого XIII партийной конференцией в январе 1924 г. его положение в партии сильно пошатнулось, и никто особенно не стремился с ним согласиться. Луначарский задал вопрос, почему если существует переходное пролетарское государство, то не должно быть и переходной пролетарской литературы. Безыменский обвинил Троцкого и Воронского в том, что они «предпочитают чужаков своим». Интересным было выступление директора Госиздата Мещерякова, который пытался оправдаться тем, что «ни один из современных пролетарских писателей не спрашивается» и их книги невозможно продать. Что касается журналов, то у Госиздата нет критериев, на основании которых он мог бы проводить между ними различия, выделяя одни в ущерб другим:

«Мы даем равное число листов всем группам. Мы следим за тем, чтобы в этой литературе не было ничего контрреволюционного, а во внутренние счета их мы входить не можем».

В своей заключительной речи Вардин подытожил программу недовольных:

«Наш лозунг — диктатура не ВАППа, а диктатура партии и в области литературы. Орудием этой диктатуры может стать и ВАПП».

Принятая в конце конференции большинством голосов резолюция носила некоторые следы компромисса, однако в основном она явилась подтверждением линии партии. Восхваляя рабочих и крестьянских писателей, конференция сочла тем не менее «необходимым продолжение прежней линии партии в отношении к так называемым попутчикам» и в противоположность претензиям, высказанным от имени ВАППа Вардиным, заявляла, что «ни одно литературное направление, школа или группа не могут и не должны выступать от имени партии». В то же самое время в ней было обещано «более систематическое руководство» со стороны партии в области художественной литературы¹⁵.

Майская конференция 1924 г. не внесла существенного вклада в выработку рекомендаций, адресованных состоявшемуся несколько дней спустя XIII съезду партии. Бухарин со своей обычной

обезоруживающей откровенностью следующим образом описал на съезде создавшуюся ситуацию:

«Разве наши центральные учреждения в состоянии за этим следить? Нет. Партийные учреждения тоже не в состоянии. Партийная линия у нас не намечена»¹⁶.

Тем не менее результаты этой конференции нашли отражение в резолюции съезда «О печати». Основная часть резолюции была посвящена работе печати и издательств по политическому и культурному просвещению рабочих и крестьян. Однако в заключительной части, без видимой связи с предыдущим, там было замечено, что «основным условием роста рабоче-крестьянских писателей является более серьезная художественная и политическая работа их над собой и освобождение от узкой кружковщины», и была дана рекомендация продолжать оказывать «систематическую поддержку наиболее даровитых из так называемых попутчиков», которым надо с помощью «выдержанной партийной критики» указать их «ошибки, вытекающие из недостаточного понимания этими писателями характера советского строя», и помочь преодолеть свои «буржуазные предрассудки». Вывод был подытожен в обоюдостром параграфе:

«Считая, что ни одно литературное направление, школа или группа не могут и не должны выступать от имени партии, съезд подчеркивает необходимость регулирования вопроса о литературной критике и возможно более полном партийном освещении образцов художественной литературы на страницах советско-партийной печати»¹⁷.

Впервые литература, не относившаяся к сфере политической, стала предметом резолюции, принятой партийным съездом. И в последний раз партия формально сохранила нейтральное отношение к различным литературным «направлениям, школам и группам», и эта нейтральность оказалась в конечном счете мало совместимой с необходимостью тщательной проверки с партийных позиций продукции литературного труда.

Вслед за обсуждением, проведенным в мае 1924 г., на литературном фронте последовало временное затишье. Однако когда осенью разгорелась с новой силой борьба между Троцким и триумвиратом, от нее уже не могла остаться в стороне ни одна проблема в партии. Сторонники ВАПП старательно использовали любую возможность, чтобы очернить Воронского и «попутчиков» как пособников Троцкого и как литературное крыло политической оппозиции. Это стало главной темой созданной в январе 1925 г. I Всесоюзной конференции пролетарских писателей, где честолюбивый Вардин, выступив как главное действующее лицо, снова выдвинул претензию, что ВАПП должна стать органом партийной диктатуры в литературе. На конференции выступил также и Демьян Бедный, пустивший в ход для защиты пролетарского дела свой престиж популярного рифмоплета¹⁸. По предложению Вардина конференция приняла ряд тезисов, где провозглашалось, что «гос-

подство пролетариата несовместимо с господством непролетарской идеологии, а следовательно, непролетарской литературы» и что «необходим захват власти пролетариатом в области литературы»¹⁹.

Этот агрессивный выпад не понравился партийным руководителям, которые не спешили заводить крестовый поход против Троцкого на сомнительную дорожку литературной политики. Бухарин, который вел в то время кампанию против Троцкого на экономическом фронте и поэтому никак не мог быть обвинен ни в каких позорных связях с троцкизмом, решил пойти в наступление. Ранее, на майской конференции 1924 г., он уже проявил себя как один из первых защитников пролетарской литературы, и теперь он сдвинулся поближе к центральной позиции. К этому времени Бухарин уже прослыл на партийных совещаниях самым активным поборником интересов крестьянства, и это логически — если вообще правомерно говорить о политических истоках этого литературного соперничества — объединяло его с «попутчиками» в литературе. В конце февраля 1925 г. ЦК партии организует дискуссию по литературным вопросам, где главным докладчиком был назначен Бухарин²⁰.

Он начал с замечания, что в подобных диспутах марксист «ходит по острию бритвы», и попытался искусно и с известной долей искренности выпутаться из этой дилеммы. После обычной критики Троцкого за то, что тот недооценивает длительность переходного периода диктатуры пролетариата, Бухарин заявил, что верит в существование особой пролетарской культуры. Он признал, что в этом отношении его взгляды отличаются от позиции Ленина, и утверждал, что несет ответственность за то, что способствовал смягчению организованной по указаниям Ленина резкой критики Яковлева, направленной против Плетнева²¹. Приведя таким образом свидетельства своих симпатий к пролетарским писателям, он перешел к главной цели своего выступления — критике Вардина и его тезисов. В выражениях, которые отражали его политические убеждения на данный момент времени, он заявил, что «наша политика вообще не идет по той линии, чтобы классовую борьбу разжигать, а наоборот, она с известного пункта идет на смягчение». Он обвинил ВАПП в стремлении установить монополию и пояснил, что «наше отношение к попутчикам определяется общим отношением к симпатизирующим соответствующим нам социально-политическим силам». Вардин и его сторонники — это был завершающий удар — «в литературной политике занимают место, занятое Преображенским в экономической политике». Заключительный призыв Бухарина к взаимной терпимости с обеих сторон, в сущности, показывает, сколь мало стремились партийные руководители к тому, чтобы их вынудили занять по этому щекотливому вопросу четкие позиции:

«Пускай будет тысяча организаций, две тысячи организаций,

пусть наряду с МАПП'ом и ВАПП'ом будет сколько угодно кружков и организаций»²².

Другим основным докладчиком был Фрунзе, который — как это делал и сам Ленин — сравнивал ленинскую оппозицию особому пролетарскому искусству с его оппозицией какой-то особой пролетарской военной теории. Он утверждал, что «необходимость допущения в известных пределах капиталистического накопления в деревне» предполагает и терпимость к аналогичным непартийным элементам в литературе. Установка «лицом к деревне» предполагает, что «напостовцам необходимо обратиться лицом к попутчикам»²³.

Проведенное в феврале 1925 г. обсуждение не имело директивного характера, и, насколько известно, никаких резолюций в результате принято не было. Только четыре месяца спустя ЦК, впервые с прошедшего год назад партийного съезда, сделал официальное заявление, вновь продемонстрировавшее, как неохотно шла партия на то, чтобы ввязываться в проблемы литературной политики. Резолюция ЦК от 18 июня 1925 г. провозглашала, что «в классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства», однако «хотя классовая борьба не прекращается, но она при диктатуре пролетариата изменяет свою форму», и что поскольку «руководство в области литературы принадлежит рабочему классу в целом», то «гегемонии пролетарских писателей еще нет». Там отмечалось, что, «борясь с формирующейся идеологией новой буржуазии среди части «попутчиков» сменовеховского толка, партия должна терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам», что к «попутчикам» следует, таким образом, проявлять «тактичное и бережное отношение», поскольку они являются «квалифицированными специалистами литературной техники», и что «марксистская критика» категорически отвергает «всякое претенциозное, полуграмотное и самодовольное комчванство»²⁴.

Это нерешительное заявление лишь способствовало возобновлению дискуссий. Партийный журнал «Большевик» опубликовал статью Яковлева, где он обвинял Вардина в повторении всех ошибок Богданова и Пролеткульта²⁵. Однако два месяца спустя он опубликовал и резкую отповедь редакторов «На посту», обвинивших Яковлева в «ревизии ленинизма». На это в свою очередь ответил ученик Бухарина Слепков, который беспристрастно разделил удары поровну между Троцким, с одной стороны, и сторонниками РАППа — с другой²⁶. Теперь, главным образом по вине его участников, спор о литературе оказался необратимым образом втянут в борьбу внутри партии. Официальная линия умеренной поддержки «попутчиков», очищенная от связей с Троцким, нашла защитника в лице Бухарина и вполне удобно вписалась в прокрестьянскую политику²⁷. Энтузиасты пролетарской литературы — в особенности Вардин, Лелевич и Родов — логично присоединились к возглавляемой Зиновьевым ленинградской оппозиции и выступали с нападками на крестьянскую ориентацию Бухарина. Но эти

новые альянсы привели к расколу и в самом РАППе²⁸. Ловкий и гибкий Авербах, еще в мае 1924 г. продемонстрировавший склонность к дипломатическим компромиссам, почуял веяния времени и порвал с пролетарскими союзниками по кардинальному вопросу о терпимом отношении к «попутчикам». А поскольку ему удалось — возможно, не без помощи высокопоставленных связей — удержать в своих руках журнал «На посту», обретший с этого момента новое название «На литературном посту», он имел возможность представлять своих бывших союзников, так же как и Зиновьева во внутрипартийной борьбе, как мнимых отщепенцев, якобы нарушивших партийное единство.

Исход партийной борьбы стал, таким образом, до известной степени решающим фактором, определяющим судьбу литературных дискуссий. Вардин и его сторонники решительно примкнули к партийной оппозиции; вместе с Лелевичем они, в частности, публиковали в «Ленинградской правде» пылкие политические статьи, содержавшие резкую критику Московской партийной организации и ЦК²⁹. Этим неверным расчетом они предрекли свое собственное поражение. Восходящей звездой на литературном небосводе стал Авербах, умудрившийся отмежеваться как от «попутчиков» справа, так и от пролетарских экстремистов слева, то есть применив ту же самую тактику, которую столь блестяще использовал Сталин в партийной борьбе. Но победой своей он был обязан компромиссному решению о создании Всероссийского союза писателей, куда на равных правах могли быть приняты как пролетарские писатели, так и «попутчики», — теперь литературная дискуссия могла продолжаться, минуя контроль со стороны партийной печати. Опубликованный в начале 1926 г. Авербахом сборник очерков под названием «За пролетарскую литературу» был подвергнут в «Большевике» резким нападкам одного правого критика, заявившего, что взгляды Авербаха неотличимы от взглядов Вардина и представляют собой литературную рефлексию «новой оппозиции», и коварно расхвален Лелевичем, выразившим сожаления, что с тех пор, как были написаны эти очерки, Авербах сделал «поворот на 120, если не на 180 градусов»³⁰. В ходе этого обмена мнениями выявился один знаменательный факт. Руководство партии всячески стремилось избежать того, чтобы встать в этих литературных дискуссиях на одну из сторон — больше всего их устроило бы терпимое отношение ко всем конфликтующим группировкам и школам при условии, что они сохраняют лояльность по отношению к революции и к строю. Именно молодые и честолюбивые писатели пролетарской группы, представлявшие литературные проблемы как прежде всего проблемы политического и идеологического характера и клеймившие своих литературных противников как пособников политической оппозиции, пытались убедить или вынудить партию взять их под свое особое покровительство и доверить им функции литературной диктатуры. Эту цель преследовали по очереди Вардин и Авербах — просто Авербах оказался из двоих

более ловким или более удачливым. В тот момент успех Авербаха был неполным. Признав его лидером пролетарских писателей при условии, что он согласится на политику терпимости в отношении «попутчиков», партия не выразила готовности обеспечить ему защиту от критики со стороны соперников или в той или иной форме установить литературную диктатуру. Однако кое-что уже было достигнуто. Вопреки собственной воле партия оказалась вынуждена отказаться от нейтральной позиции в литературных вопросах и принимать по ним соответствующие решения. Это уже был шаг в направлении, желательном для литературных «левых», и победа точки зрения, что искусство и литература неотделимы от политики. И в последующий период это даст свои плоды.

ГЛАВА 15

КОМСОМОЛ

Российский коммунистический союз молодежи (комсомол) был основан на съезде, проведенном в Москве в конце октября 1918 г. Съезд, по всей видимости, представлял собой собрание многочисленных и весьма пестрых молодежных организаций и групп, съехавшихся со всей страны. Хотя и говорили, что в его организации «очень помогла» Крупская, делом рук партии это ни в коем смысле назвать было нельзя. ЦК партии держался от этого в стороне и даже не был представлен на съезде¹. Новый союз определял себя как «независимую организацию», однако провозглашал свою «солидарность с Российской коммунистической партией (большевиков)» и считал своими целями «распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России»². Его устремления получили благословение прошедшего в марте 1919 г. VIII съезда партии, выразившего мнение, что «коммунистическая работа среди молодежи может пойти успешно только через самостоятельные организации, идущие под знаменем коммунизма, в которых молодежь могла бы проявить максимум самостоятельности», и пообещал комсомолу «идейную и материальную поддержку»³. Несмотря на эти заверения, выступления на съезде свидетельствуют, однако, о том, что между партийными и комсомольскими органами имели место трения⁴. Их, должно быть, еще усилили экстравагантные претензии комсомола считать себя не просто равным партнером, а «авангардом» партии⁵. Такое положение вещей для партии было просто-напросто неприемлемо. В августе 1919 г. ЦК партии и ЦК комсомола выпустили совместную «инструкцию», внесшую порядок во взаимоотношения между двумя организациями. В ней заявлялось, что комсомол является «организацией автономной, имеет свой устав», но тем не менее «работает под контролем... партии», при этом «ЦК РКСМ находится в непосредственном подчинении ЦК РКП. Местные же организации работают под контролем местных к-тов РКП»⁶. Поскольку в финансовом отношении комсомол зависел от партии⁷, то совершенно очевидно, что он мог пользоваться той степенью автономии, которая окажется приемлемой для партии.

На II съезде комсомола в октябре 1919 г. две трети делегатов с правом голоса уже составляли члены партии⁸. Съезд проходил

под тенью похода Деникина на Москву и угрозы со стороны Юденича Петрограду, и после доклада Троцкого о военном положении была единогласно принята резолюция о мобилизации всех членов комсомола старше 16 лет на находящихся под угрозой территориях⁹. Это обстоятельство не помешало, однако, одному из членов ЦК комсомола по фамилии Дунаевский выдвинуть предложение об установлении прямых связей между комсомолом и профсоюзами и о создании в профсоюзах специальных молодежных секций¹⁰ — предложение было категорически отвергнуто партийным руководством. По окончании военного кризиса во многих местах вновь возродились трения между партийными и комсомольскими органами¹¹, и прошедший в октябре 1920 г. III съезд комсомола стал ареной ряда дискуссий. В ходе подготовки к съезду группа под руководством Дунаевского, на сей раз требовавшая отдельных молодежных секций в профсоюзах и в Советах, объединилась с украинской группой, явно имевшей связи с «рабочей оппозицией» и желавшей, чтобы комсомол был исключительно или преимущественно пролетарской организацией (отсюда их прозвище «классовики»), а также требовавшей свободы дискуссий для рабочих — но не для других классов¹². ЦК партии отреагировал на эту угрозу авторитету партии весьма серьезно. В конце сентября 1920 г. он на шесть месяцев — «в надежде на исправление» — исключил из партии Дунаевского и еще раз напомнил, что комсомол является «организацией, подчиненной Российской коммунистической партии; школой коммунизма, в которой наша пролетарская и полупролетарская молодежь воспитывает характер в коммунистическом духе»¹³. Накануне съезда к коммунистической фракции, составлявшей «значительное большинство»¹⁴ делегатов, обратился с речью Бухарин. В статьях в «Правде», где, возможно, суть этого выступления освещалась ровно настолько, насколько это было сочтено приемлемым для печати, был подвергнут резкой критике «неуравновешенный вождь» Дунаевский и содержались призывы к верности партии¹⁵.

Весьма шекотливым мероприятием оказался, по всей видимости, и сам съезд. Всего один раз появившись на съезде, Ленин произнес там довольно академическую речь о том, что молодежи следует учиться, и о приходе коммунистической морали¹⁶. После чего съезд все время крепко держала в руках коммунистическая фракция, пытаясь предотвратить возможность оппозиционных выступлений. Список из 17 кандидатов для избрания в ЦК был выдвинут от имени фракции, причем требование обсудить кандидатуры было отклонено, а просьба включить в список Дунаевского и двух его сторонников была объявлена председательствующим противоречащей регламенту съезда. Затем было «списком» проведено голосование¹⁷. Попытка добиться усиления пролетарского характера комсомола, изгнав оттуда студентов и представителей интеллигенции, потерпела поражение¹⁸. На съезде была принята программа, где надлежащим образом подчеркивалось подчинение

комсомола партийным органам, и устав, определивший максимальный возраст члена комсомола в 23 года, а минимальный — в 14 лет. «Пассивное», то есть без права голоса, членство в организации допускалось и после 23 лет, причем при выборе в комсомольские органы это право голоса возвращалось¹⁹. III съезд комсомола знаменовал поворотный пункт в развитии процессов, охвативших в то время все партийные и советские организации. Функции реального контроля за деятельностью организации перешли от съезда к Центральному Комитету, а впоследствии от ЦК — к внутреннему бюро или секретариату, где и надлежало приниматься всем жизненно важным решениям. Проведенная в комсомоле с не меньшей жестокостью, чем в самой партии, чистка 1921 г. преследовала и здесь ту же самую цель — избавиться от потенциальных возмутителей спокойствия. Однако тех, кто стремился руководить и направлять деятельность комсомола, ждали на пути две характерные трудности — упорное нежелание молодежи подчиняться дисциплине и стремительная текучесть членов. В период борьбы в партии в середине 20-х гг. партийное руководство должно было постоянно принимать меры, чтобы предотвратить превращение комсомола в фокус оппозиции.

Новый этап, сопровождавшийся вовлечением комсомола в начинавшуюся дискуссию в партии, начался во время кризиса в связи с «платформой 46-ти» и публикацией в декабре 1923 г. серии писем и статей Троцкого, собранных позднее под общим названием «Новый курс». IV и V съезды комсомола прошли в 1921 и 1922 гг. без всяких осложнений. В 1923 г. впервые съезда не было, а вместо него была проведена конференция. Троцкий выступал на трех съездах комсомола — II в 1919 г., IV в 1921 г. и V в 1922 г., — и его престиж вождя революции и гражданской войны наряду с его яркой, темпераментной личностью легко превратили его в героя в глазах молодежи²⁰. Тема кампании, которую проводил Троцкий, критика партийной бюрократии во имя революционного духа и энтузиазма обладали для молодежи безусловной привлекательностью, и он, не колеблясь, это использовал²¹. Оставляя в стороне вопрос о том, как относились к нему на самом деле молодые промышленные рабочие, можно утверждать, что подавляющее большинство студентов, как в рядах комсомола, так и вне его, были безоговорочно на стороне Троцкого. Как отметил шесть месяцев спустя Зиновьев, лидеры оппозиции были совершенно убеждены, «что поддержка оппозиции со стороны Союза обеспечена, что РЛКСМ у них чуть ли не в боковом кармане»²². Обеспокоенность руководства создавшейся ситуацией показывают две принятые им в конце года меры. 29 декабря 1923 г. ЦК комсомола принимает новые правила, ограничившие допуск в комсомол студентов. Отныне студенты — даже если они являются детьми рабочих, то есть в соответствии с обычными партийными правилами подпадают под категорию «рабочих»²³, — должны проходить испытательный «кандидатский» срок, который мог продолжаться

вплоть до восьми месяцев, и лишь после этого могли стать полноправными членами комсомола. Причем для перехода из кандидатов в члены требовалась рекомендация трех членов партии или комсомола с не менее чем двухлетним стажем пребывания в организации²⁴. 1 января 1924 г. «Правда» опубликовала заявление девяти членов ЦК комсомола и Молодежного Коммунистического Интернационала, где выражалось осуждение Троцкого²⁵. Однако это лишь способствовало привлечению внимания к существующему внутри комсомола глубокому расхождению мнений, ибо в ответ Троцкому была направлена опубликованная им декларация восьми ведущих членов комсомола, среди которых было два члена ЦК²⁶. Мятеж в комсомоле явно принимал слишком широкие масштабы, чтобы с ним можно было справиться обычными дисциплинарными средствами. Год спустя восемь подписавших этот протест сделали вместе с редактором комсомольского журнала Авербахом заявление, где с раскаянием упоминали о своих троцкистских взглядах того периода²⁷. Никто из них, кажется, не был за это наказан.

Осуждение в январе 1924 г. Троцкого Центральным Комитетом партии и его уход со сцены существенно облегчили наведение порядка в комсомоле в первые месяцы 1924 г. Оппозиционные лидеры комсомола прикрыли свои симпатии к Троцкому «теорией нейтральности». Раз уж комсомолу не позволялось иметь свою собственную политическую линию, лучше было вообще держаться подальше от всякой политики и не вставать в проходивших в то время дискуссиях ни на чью сторону. В январе 1924 г. ЦК комсомола принял при двух голосах против (предположительно Далина и Федорова) решение отказаться от нейтральности и провозгласил поддержку линии партии²⁸. Активно выступила против «еретической» нейтральности и ленинградская комсомольская организация, вновь подвергнув осуждению нейтральность на прошедшем в мае 1924 г. XIII съезде партии²⁹. Наиболее устойчивый характер приняли осложнения в украинской и белорусской комсомольских организациях. Чтобы навести порядок в связи с разногласиями, возникшими по делу Троцкого в белорусской организации, потребовалось дважды вызвать в Москву белорусских комсомольских лидеров и дважды посетить Минск представителям центральных органов³⁰.

Однако, выступая в апреле 1924 г. на совещании партийных и комсомольских работников, посвященном проблемам молодежи, Сталин умудрился затушевать эти осложнения и создать впечатление, будто все снова идет гладко. ЦК комсомола, действительно, хранил в партийных разногласиях молчание в тех случаях, когда ему следовало бы высказать свою позицию. Однако причиной тому были отнюдь не «нейтральность», а скорее чрезмерная осторожность³¹. Выступая месяц спустя на XIII съезде партии, Зиновьев себя подобными ограничениями не связывал, поэтому он подверг суровому осуждению попытку Троцкого к подстрекатель-

ству молодежи на войну против представителей старшего поколения — это поведение было им квалифицировано как «в корне и решительно неправильное»³². Прошедший в июле 1924 г. VI съезд комсомола оказался много послушнее своих предшественников. Он принял к сведению новые предостережения Зиновьева относительно призывов Троцкого к молодежи и пообещал оказывать поддержку «старому большевистскому ядру партии» в борьбе против оппозиции³³. Еще более знаменательным было то, что у съезда появилась настоятельная потребность в новом лидере, который появился в лице секретаря ЦК комсомола Чаплина, явно более подготовленного для того, чтобы организовать и вести комсомол в духе неукоснительной верности партии. «Никогда, — сказал Чаплин в своей речи на съезде, — Союз не чувствовал такого руководства со стороны партии, как сейчас»³⁴. Услуги Чаплина были скоро оценены, и он был назначен кандидатом в члены Оргбюро³⁵.

Отмечавшийся в эти годы, и в особенности в 1924 г., прогрессирующий рост численности комсомола оказал такой же парадоксальный эффект, что и соответствующее увеличение партии, — сделал организацию более податливой к управлению. Начав во время I съезда в октябре 1918 г. с 22 тыс. членов, комсомол уже через два года насчитывал 480 тыс. человек. Два года спустя его численность вследствие чистки, проведенной в период НЭПа, сократилась до 260 тыс. членов и 13 тыс. кандидатов. С этого низкого уровня численность организации снова начала стабильно расти. В январе 1924 г. было заявлено 406 тыс. членов и 94 тыс. кандидатов, а шесть месяцами позже — 630 тыс. членов и 110 тыс. кандидатов. Вступление 170 тыс. новых членов объяснялось расширением комсомола вследствие «ленинского призыва». В январе 1925 г. численность организации достигла полмиллиона, а через два года уже приближалась к двум миллионам³⁶. Если массовая организация растет с такой скоростью, то количество в ней до некоторой степени неизбежно заменяет качество. Для многих вступление в комсомол стало рутинным делом и, как и вступление в партию, путем к продвижению по службе и материальным выгодам. В широких слоях рядовых членов комсомола независимость — будь то независимость личного мнения или независимость комсомола от партии — стала, по всей видимости, понятием не только утраченным, но и попросту забытым.

Поэтому, когда в ноябре 1924 г. над партией, словно бомба, взорвались «Уроки Октября», комсомол был уже приручен и готов послушно следовать за партией. Однако поскольку сама партия оказалась тогда расколота, то покорность комсомола привела к парадоксальному результату, способствуя воспроизведению внутри него тех же линий борьбы, что были в партии, и вновь угрожая разорвать организацию на куски. В комсомоле традиция приоритета и превосходства Петрограда в великие революционные дни сохраняла еще большую жизненную силу, чем в партии.

В комсомоле были сравнительно с партией более сильны влияние и престиж Ленинградской организации и более слабые позиции центральных московских органов. Так что в борьбе, развернувшейся в партии в 1925 г., комсомол проявил точно ту же тенденцию следовать «ленинградской линии», как в 1923 г., — линии Троцкого, хотя это и объяснялось совершенно различными причинами. В обоих случаях, чтобы призвать его к порядку, потребовалось жесткое вмешательство из Москвы.

На начальной стадии особых осложнений не наблюдалось. 6 ноября 1924 г., на самом восходе кампании против «Уроков Октября», ЦК комсомола разослал детальную инструкцию, где содержалась рекомендуемая линия пропаганды против троцкизма³⁷. Комсомол тут же развернул активную деятельность, проводя агитацию и организуя митинги для осуждения Троцкого. На сей раз в его рядах не было слышно ни единого слова симпатии в адрес Троцкого. Опубликованное в печати 12 ноября 1924 г. заявление, подписанное от имени ЦК комсомола, ленинградского и московского комитетов, порицало Троцкого и становилось на защиту Зиновьева и Каменева, чьи прошлые ошибки были ими «признаны и исправлены»³⁸. Однако этот энтузиазм привел к тому, что в комсомоле развернулась широкая поддержка предложениям Зиновьева об исключении Троцкого из партии. Уже 21 ноября 1924 г. созданный по инициативе губернской парторганизации митинг ленинградской комсомольской организации проголосовал за требование «вырвать троцкизм с корнем»³⁹. Когда ЦК партии принял, вопреки голосам оставшихся в меньшинстве Каменева и Зиновьева, решение не предпринимать против Троцкого никаких дисциплинарных мер⁴⁰, Зиновьев поощрял в рядах комсомола агитацию против этого «компромиссного» решения и добился большинства в ЦК комсомола⁴¹. Собравшись 27 января 1925 г., комитет благоразумно воздержался от того, чтобы делать по этому острому вопросу какие бы то ни было прямые заявления. Но раскол в комитете выявился, когда ленинградские делегаты предложили дополнительно ввести в бюро двух представителей — из Ленинграда и с Урала, где, как было известно, комсомольские организации отрицательно относились к принятым партией решениям. Предложение было принято большинством, 25 к 15 голосам; поправка, предполагавшая предварительно обратиться по этому вопросу в ЦК партии, была отклонена таким же большинством голосов⁴². Этот акт неповиновения повлек за собой прямое вмешательство Политбюро партии, которое предостерегло 12 февраля 1925 г. ЦК комсомола, что такого рода «узкие политические группировки» могут повлечь за собой «всевозможные организационные выводы»⁴³.

Тем не менее дух непокорности в ленинградском комитете комсомола сохранился. На февраль 1925 г. была намечена ленинградская комсомольская конференция, и комитет принял решение пригласить на нее делегатов из 15 губернских комсомольских

организаций Советского Союза, а также «наблюдателей» из узбекской и казахской организаций⁴⁴. Это было почти уже неприкрытой попыткой мобилизовать против решения партии комсомольскую общественность и образовать в Ленинграде соперничающий центр, который играл бы роль противовеса московскому. Подобный шаг вряд ли мог быть предпринят без поддержки Зиновьева и без уверенности, что эта поддержка достаточно сильна, чтобы защитить от репрессий тех, кто нес за это ответственность. Конференция была проведена в назначенное время, и зал гремел от осуждений в адрес Троцкого⁴⁵. Приглашенные гости, разумеется, так и не появились. Это, однако, не умерило ярости партийных руководителей, возмущенных столь пренебрежительным отношением к вето, наложенному ими на «групповую политику». Одобрение же ленинградских акций большинством бюро ЦК комсомола показывало, что от рук отбилась вся комсомольская организация в целом⁴⁶. Зиновьев, конечно, сделал попытку защитить своих протеже. Позднее он прочувственно говорил о «немыслимой кампании», направленной против него и Каменева и пытавшейся обвинить их в том, что они хотели «втянуть в это дело комсомол». Бухарин упоминал об этих разногласиях как об «одном из крупнейших конфликтов, которые когда-либо возникали в ЦК»⁴⁷. Однако позиции Зиновьева были весьма слабыми. Налицо было явное нарушение дисциплины, и ему ничего не оставалось, как только взывать к молодости и неопытности тех, кому суждено было стать козлами отпущения. 5 марта 1925 г. ЦК принял решение послать в Ленинград комиссию для проверки деятельности комсомольской организации⁴⁸. Когда, однако, комиссия — в составе которой были Ярославский, Каганович, Угланов, Ильин и Чаплин — прибыла в Ленинград, местные партийные руководители сделали вид, будто не имеют о случившемся ни малейшего представления, а комсомольские лидеры утверждали, что, посылая приглашения делегатам из других городов, они не преследовали никаких задних мыслей. Возвратившись в Москву, комиссия собрала бюро ЦК комсомола — те явились, держась прежних позиций. Теперь уже разногласия зашли слишком далеко, чтобы можно было обойтись без хирургического вмешательства. Секретарь Ленинградского губкома комсомола Толмазов был снят, на его место назначили Румянцева. О смещении с постов было объявлено половине членов комитета. Был снят также Сафаров, отвечавший за работу комитета комсомола в Ленинградском губкоме партии. За то, что не принял своевременных мер, получил выговор секретарь Ленинградской парторганизации Залуцкий. Строгая чистка была проведена в ЦК комсомола: немедленно были переведены на другую работу пять членов ЦК: впоследствии их число достигло пятнадцати⁴⁹. На собравшемся впервые после чистки 16—17 марта 1925 г. заседании ЦК комсомола от имени Политбюро выступили Бухарин и Андреев, но, хотя мятеж уже кончился, в воздухе еще витал дух неповиновения. Пространная резолюция, подвергшая

резкому осуждению прежние действия бюро, прошла небольшим большинством голосов, 21 против 18. Меньшинство голосовало за другую резолюцию, где просто принимались к сведению объявленные Бухариным и Андреевым решения Политбюро и ни словом не упоминалось о прошлом⁵⁰. Похоже, однако, что после этой стычки с обеих сторон возобладали доводы благоразумия; мир был восстановлен, и делались определенные шаги к достижению согласия. Старый состав бюро — хотя и осужденный формально за ошибки — был вновь переизбран на новый срок, и даже «сами ленинградцы» поклялись тогда, что они «будут работать дружно и едино, и что партия решит, то и будут проводить в жизнь»⁵¹.

Следующий кризис в пестрой истории комсомола был связан с составом организации. Хотя, так же как и партия, он был в принципе организацией пролетарской, с самого начала значительный акцент в нем был сделан на работе в деревне. Один из выступавших на I съезде в октябре 1918 г. отстаивал идею вербовки «групп деревенской молодежи», чьи функции сводились бы к «сплочению бедноты в поддержку нового строя»⁵². Украинская группа, стремившаяся к тому, чтобы комсомол был исключительно пролетарским, выступала против приема туда крестьян, а также представителей интеллигенции⁵³. Однако, хотя все эти идеи выдвигались на всех первых съездах, большинства они никогда не получали. Согласно новой программе, принятой в октябре 1921 г. IV съездом комсомола, РКСМ «в деревне опирается на беднейшую крестьянскую и батрацкую молодежь, принимая в ряды и лучшие переходящие на сторону коммунизма элементы середняцкой молодежи»⁵⁴. Однако когда после кризиса «ножниц» политика партии повернулась в сторону умиротворения крестьянина, в комсомоле снова возникли осложнения. В докладе ЦК партии проходившему в мае 1924 г. XIII партийному съезду было обращено внимание на «неправильное» отношение некоторых комсомольских организаций, «задерживающих приток крестьян» в комсомол⁵⁵. Эхом этой критики стала резолюция съезда «О работе в деревне». В ней говорилось об «исключительном значении» комсомола в деревне и высказывалась мысль, что комсомол должен привлекать «батраков, маломощных крестьян (в первую очередь) и лучшую часть середняков»⁵⁶. Под воздействием этого толчка число членов комсомола стало расти в сельских областях даже быстрее, чем в городах, и он начал утрачивать свой характер преимущественно городской организации. ЦК комсомола посвятил в октябре 1924 г. длинную резолюцию задачам комсомола в деревне, а несколько недель спустя Оргбюро партии вновь осудило попытки ограничивать прием крестьян⁵⁷. На 1 января 1924 г., когда численность оправившегося от посленэповской чистки комсомола превысила 500 тыс. членов, процент в нем представителей сельского населения достиг 39,9. На 1 января 1925 г. общая численность возросла до 1 млн. 140 тыс. человек при 46,9% сельского населения, а год спустя составила 1 млн. 770 тыс. при

58,8% представителей сельского населения — это был самый высокий процент сельского населения за все время существования организации⁵⁸. Одной из особенностей сельской части комсомола было то обстоятельство, что в деревнях относились более терпимо, чем в городах, к пребыванию в организации членов, чей возраст превышал допустимый уставом; дело в том, что молодых рабочих принимали в партию охотнее, чем крестьян, и последние имели тенденцию оседать в комсомоле. По мнению одного наблюдателя, комсомол в сельских районах состоял в то время «не из шестнадцатилетних подростков, а большей частью из отцов и матерей семейств»⁵⁹. Такое положение способствовало усилению авторитета и влияния деревенского комсомола.

Изменение соотношения между городом и деревней вскоре привело к трениям и осложнениям. Сельские комсомольские организации начали задавать вопрос, почему, представляя такую большую и столь стремительно растущую часть всей организации, они должны считаться объектом руководства со стороны города. На комсомольской конференции Киевской губернии было заявлено, что, поскольку 55% комсомольцев составляют жители сельских районов, такая же пропорция должна соблюдаться и при выборах ЦК⁶⁰. Осенью 1924 г. группа представителей сельского комсомола зашла так далеко, что выступила с предложением реорганизовать в «Российскую рабоче-крестьянскую партию (большевиков)» с равными правами для рабочих и крестьян саму партию⁶¹. Подобные проявления независимости в деревне вызвали реакцию руководящих органов, принявших форму попыток сократить прием в комсомол в сельских районах. Однако эти меры были подвергнуты резкому осуждению в резолюции прошедшего в мае 1924 г. XIII съезда партии⁶², а затем в резолюции Оргбюро ЦК от 1 декабря 1924 г., где комсомолу напоминали об «основном вопросе учения Ленина — союзе рабочих и крестьян и руководящей роли пролетариата в нашей стране» — призывали деревенских членов комсомола осознать свою роль в деревне как «первого помощника партии»⁶³.

Комсомол теперь уже оказался столь тесно связан с партией, что невозможно было питать ни малейших надежд избежать его вовлечения в любой сколь-нибудь важный партийный спор. Зимой 1924/25 г. Зиновьев сделал попытку мобилизовать комсомол в поддержку своего требования об исключении из партии Троцкого. Весной 1925 г. сторонники крестьянской ориентации в партии попробовали за счет привлечения на свою сторону комсомола усилить свои позиции. В апреле 1925 г., в критический момент, когда проходила XIV партконференция, в партийном журнале «Большевик» появилась статья о комсомоле, написанная членом ЦК комсомола Горловым. Журнал получил «ряд жалоб от комсомольцев» в связи с тем, что «РКП держит курс на кулака, что кулаку сдают завоевания пролетариата и деревенской бедноты». Горлов, в соответствии с текущей линией партии, ответил, что долг ком-

сомола заключается не в том, чтобы «разжигать классовые противоречия в нашей стране, а, наоборот, способствовать их смягчению, их отмиранию». Он раскритиковал якобы высказанную ленинградским комсомольским журналом претензию, будто комсомол является «наиболее большевистски-настроенной организацией» и отклонил требование «большевизации» комсомола, если под этим подразумевается, что комсомол должен имитировать все функции партии. Единственное, что необходимо, — это усиление руководства со стороны партии. Статья завершалась фразой, которая вызвала резкие разногласия:

«Необходимо... разъяснять всей массе комсомольцев, в особенности городской его части, что комсомол по существу своему — организация не преимущественно пролетарская, как наша партия, а организация в массе своей крестьянская и должна таковой являться»⁶⁴.

Как и Бухарин, только что произнесший фатальные слова; «обогащайтесь!» — Горлов зашел слишком далеко. Позиции его еще больше ухудшались с появлением в комсомольской газете статьи, где одобрялся лозунг Бухарина⁶⁵. Чаплину была предоставлена возможность написать в «Правду» статью, где — прямо не ссылаясь на нескромные заявления Горлова — утверждалось, что «комсомол, будучи по своему составу рабоче-крестьянской организацией, по своей классовой сущности является пролетарской организацией, в которой руководящая роль принадлежит рабочей молодежи»⁶⁶. В июне 1925 г. на сцене вновь появился Горлов со статьей в комсомольском журнале, где он пишет, что комсомол «по своей сущности, по своему значению и роли является организацией пролетарской»⁶⁷. Это, однако, не смогло предотвратить оживленной дискуссии, происшедшей на собравшейся в том же месяце IV Всесоюзной комсомольской конференции, где раздавалась открытая критика в адрес так называемых крестьянских пристрастий, испытываемых секретарем Ленинградского губкома комсомола Румянцевым⁶⁸. В своей резолюции конференция, хотя и отказалась зафиксировать квоту в комсомоле для различных социальных групп, приняла тем не менее формулу Чаплина:

«РЛКСМ, будучи по своему составу рабоче-крестьянской организацией, по существу своих классовых задач является организацией пролетарской, коммунистической, в которой руководящая роль принадлежит рабочей молодежи»⁶⁹.

С другой стороны, резолюция конференции по организационным вопросам отменила ограничения, в соответствии с которыми желающая вступить в комсомол «средняя» молодежь должна была наравне со студентами проходить «кандидатский» стаж⁷⁰; и эта уступка середняку, полностью отвечавшая проводимой в то время политике партии, возможно, имела более ощутимые практические результаты, чем формальное признание пролетарской сущности комсомола⁷¹.

Так называемая опасность крестьянского уклона в комсомоле

по-прежнему играла в крупных партийных дискуссиях весьма незначительную роль. Привлекая всеобщее внимание к уклону в комсомоле, ленинградцы, так же как и местные партийные деятели, имели намерение изобразить из себя хранителей истинных пролетарских принципов. В августе 1925 г. центральный комсомольский журнал «Молодая гвардия» напечатал статью, где отстаивалась важность работы комсомола в деревне⁷². Залуцкий ответил в «Ленинградской правде» статьей, посвященной опасности преобладания в комсомоле мелкобуржуазных элементов — «даже поповичей» — и необходимости придать «пролетарски-революционную ленинскую ясность и определенность» принципам пролетарского руководства⁷³. Ленинградский член комсомола Тарханов опубликовал в ленинградском партийном журнале статью, где выразил опасения, что комсомол может оказаться в «хвосте крестьянской демократии». В панегирике пролетарским свойствам комсомола автор вновь обратился к старой претензии, что он «революционнее партии» и «авангард авангарда»⁷⁴. Для ЦК в Москве это было уже слишком, и он, официально осудив статью Тарханова, потребовал, чтобы в следующем номере журнала названные «ошибки» были исправлены⁷⁵.

В этой ситуации публикация книги Зиновьева «Ленинизм» произвела впечатление отвлекающего маневра. Глава о комсомоле — явно написанная еще до того, как Зиновьев отошел от крестьянской ориентации, — содержала, как выяснилось, кусок, где говорилось о желательности развития в деревне «всевозможных вспомогательных организаций, быть может, системы «делегатов» и т. д.»⁷⁶ Румянцев, желая потрогать партийному шефу, тотчас же послушно включил это предложение в опубликованный в местной комсомольской печати доклад, представленный на районную комсомольскую конференцию⁷⁷. Подобные акции требовали уже соответствующих контракций. Сталин в специально для этих целей организованном и опубликованном в «Комсомольской правде» интервью сразу же дал этому предложению резкий отпор: организация внутри комсомола особого союза «средняцкой» молодежи неизбежно вынудила бы его «противопоставлять себя существующему союзу молодежи и его руководительнице — РКП(б)» и создала бы «опасность распада комсомола на два союза — на союз рабочей молодежи и союз крестьянской молодежи»⁷⁸. По некоторым сведениям, было проведено несколько собраний крестьянской молодежи, которые превратились в «демонстрацию антипролетарских настроений»⁷⁹. Сам Зиновьев поспешил отойти с позиций, которые все равно было бы невозможно удержать, и в опубликованной одновременно с интервью Сталина статье заявил, что бедняцкое и середняцкое крестьянство должно приниматься в комсомол «лишь в меру возможности практически их обслужить, то есть обеспечить руководство пролетарских элементов»⁸⁰. Поступок Румянцева стал между тем предметом резолюции бюро, одобренной 10 ноября 1925 г. ЦК комсомола. Резолю-

ция осуждала Румянцева за выражение личного мнения по спорным вопросам без предварительной консультации с ЦК, отвергала выдвинутое им предложение и в конце упоминала о «заявлении товарищей ленинградцев об их отказе от своего предложения об организации делегатских совещаний»⁸¹. Все это время Горлов — так же как и Бухарин на более высоком уровне — служил «любимым мальчиком для битья» тем, кто разоблачал крестьянский уклон. Два члена бюро ЦК комсомола предприняли попытку включить этот вопрос в доклад комсомола XIV съезду партии, связав злополучную статью Горлова с текущей «недооценкой кулацкой опасности». Однако эти предложения были отвергнуты большинством бюро, хотя 12 членов ЦК комсомола и выразили протест в связи с тем, что в докладе недостаточно твердо ставился вопрос о крестьянском уклоне⁸². Нападки на статью Горлова со стороны оппозиции продолжались на XIV съезде партии в декабре 1925 г. и на VII съезде комсомола в марте следующего года.

Следующий инцидент, проиллюстрировавший, до какой степени Ленинградская комсомольская организация оказалась вовлечена в партийную борьбу, произошел после заседания ЦК партии в октябре 1925 г. Румянцев собрал и сложил в папку (получившую название «синяя папка») последние высказывания по крестьянскому вопросу Бухарина и его сторонников, начиная с бухаринского призыва «Крестьяне, обогащайтесь!», которые были призваны продемонстрировать существование в партии крестьянского уклона. На некоторых из этих материалов были критические пометки (включая и такую, где говорилось, что «Бухарин отвергает Ленина»), подготовленные ленинградским комсомольским журналом Барбашевым. Этот сборник был снабжен заголовком «Материалы к вопросу о классовой линии партии в деревне». Утверждалось, что он был размножен в количестве 40 экземпляров и роздан местным комитетам комсомола Ленинградской губернии. Экземпляр, попавший в конце концов в ЦК партии, носил гриф «Совершенно секретно», однако по слухам, этот гриф был приписан служащим аппарата ленинградского комсомола, предательски выдавшим документ Москве. Когда дело разбиралось в Центральной контрольной комиссии ВКП(б), Ленинградская парторганизация уверяла, что впервые об этом слышит. Члены Контрольной комиссии поверили — или их вынудили поверить, — будто «синяя папка» есть дело рук секретного «семинара», который провел для молодых членов партии и комсомольцев Зиновьев. Инцидент привел к росту взаимного озлобления с обеих сторон. ЦКК отозвала Румянцева с занимаемого им поста в Ленинградском комитете комсомола и вынесла выговор Наумову, отвечавшему за работу комсомола в Ленинградском комитете партии⁸³.

По мере приближения XIV съезда становилось все более ясно, что происшедший в партии раскол между Москвой и Ленинградом обретает те же формы и в комсомоле и что обе стороны готовы использовать помощь своих комсомольских сторонников как

подспорье в борьбе. Однако в критический момент оказалось, что преимущество по боевым качествам принадлежит центральной московской организации. 17 декабря 1925 г., накануне партийного съезда, было назначено заседание ЦК комсомола, где большинство — разумеется, без всякого предупреждения — представило резолюцию, где выражалось одобрение линии ЦК партии и осуждение установок, занятых «ленинградской оппозицией», причем Залуцкий, Саркис и Сафаров подвергались там поименной критике. Застигнутые врасплох ленинградские делегаты избрали тактику оттягивания времени и потребовали официального доклада и документов, которые служили бы подтверждением резолюции. В этом им было отказано, и резолюция была поставлена на голосование и поддержана большинством — 12 делегатов проголосовали против⁸⁴. Поскольку разногласия в комсомоле автоматически и в точности отражали теперь разногласия в партии, это голосование служило предзнаменованием и результатов съезда партии. Трудно представить себе, для каких еще целей оно могло понадобиться.

Однако, несмотря на то что взаимные обвинения по поводу деятельности комсомола фигурировали в дискуссиях на XIV съезде партии весьма широко, никаких выводов, которые бы конкретно затрагивали комсомол, из этого не делалось, и звучавшие в ходе съезда официальные заявления носили привычный рутинный характер. Молотов определил это в ставших уже знакомыми терминах как «по своему составу... рабоче-крестьянская организация», но «пролетарская, коммунистическая организация по своему существу». Он привел данные, что его общая численность составила 1 млн. 600 тыс. человек, процент промышленных рабочих упал за прошедший год с 38 до 36, но доля батраков возросла с 5 до 8%, так что «пролетарская часть» по-прежнему оставалась на уровне 44%⁸⁵. В тезисах, представленных Бухариным, утверждалось, что комсомолом теперь охвачено 50% молодых рабочих. Было отмечено «ослабление дисциплины и рост текучести в рядах» комсомола или, точнее говоря, «значительных размеров явление *выхода* из его рядов». Отсутствие дисциплины было отягчено «наличием безработицы в городах и огромным аграрным перенаселением». Эти подчеркинуты уже знакомые дилеммы. Необходимо завоевать доверие отсталых элементов в деревне и в городе, не отказываясь при этом от задач руководства, придать комсомолу свой собственный, неповторимый характер, не позволяя ему заявлять никаких претензий на независимость от партии в вопросах теории. В то же самое время осуждению была подвергнута и «нейтральность». Ни тезисы, ни их обсуждение на съезде не содержали ничего нового или значительного. XIV съезд партии является вехой в истории комсомола вовсе не потому, что на нем были приняты какие бы то ни было важные решения, а потому, что он засвидетельствовал кульминацию длительного и постепенного процесса, посредством которого комсомол оказался крепко

впаян в структуру партии. Концепция молодежной коммунистической организации, которая была бы независима от коммунистической партии, на самом деле практически никогда не имела смысла. Независимость комсомола была поставлена под вопрос уже на начальном этапе, когда он начал получать от партии финансовые средства — ведь это означало, что он перестал осуществлять контроль над своим собственным содержанием. Вскоре комсомол утратил и право иметь собственное мнение, отличное от мнения партийного руководства, или даже придерживаться нейтралитета по вопросам, вызывающим разногласия в партии. Судьба его была предreshена, когда он превратился в удачное охотничье угодье для ловли оппозиционных групп, представляющих угрозу для партийного руководства. Было совершенно естественно и неизбежно, что последующие оппозиционные течения обстоятельно станут пытаться эксплуатировать свойственные молодежи беспокойство и непокорность. Однако было бы опрометчиво утверждать, будто они были хоть немногим больше партии заинтересованы в существовании независимого комсомола — и те и другие хотели лишь использовать его как младший придаток и подспорье в кампаниях, которые они вели друг против друга. XIV съезд партии ознаменовал конец одной иллюзии, которая, возможно, уже давно перестала быть иллюзией и превратилась в претензию. С этого времени комсомол превратился в младшее отделение партии, повторял ее теории и ее действия и во всех деталях следовал ее судьбе.

ГЛАВА 16

МАНЕВРЫ ЗА ПОЗИЦИИ

Разработанная 5 сентября 1925 г. Зиновьевым, Каменевым, Крупской и Сокольниковым «платформа четырех»¹ стала первым формальным актом согласованных действий оппозиции. Нет никаких фактов, которые позволяли бы судить, как скоро узнал о ее существовании Сталин. Однако он, должно быть, догадывался, что что-то готовится. Представленную Зиновьевым через несколько дней после составления платформы статью «Философия эпохи» вполне можно было рассматривать как манифест новой группировки. Несомненно, Сталин именно так это и воспринял и подверг Зиновьева унижительной процедуре, заставив его представить статью на рассмотрение ЦК². Вскоре после этого инцидента последовала публикация Зиновьевым книги «Ленинизм», ставшая уже объявлением войны на широком фронте³. Последующие события показали тем не менее, что, хотя отношения между Зиновьевым и Сталиным теперь уже были безнадежно испорчены, лидеры с обеих сторон не решались еще атаковать друг друга открыто и публично. Несмотря на то что значительная часть второй половины зиновьевского «Ленинизма» была посвящена открытой критике Бухарина и в меньшей степени Сталина, поименно ни один из них не назывался. В ответ на это Бухарин и Сталин не критиковали открыто Зиновьева сами и не допускали нападок на него со стороны своих подчиненных. Эта конвенция о формальной взаимной сдержанности еще оставалась в силе, когда ЦК провел в октябре 1925 г. заседание, где был единодушно принят ряд резолюций по экономической политике⁴. Однако для достижения подобных результатов потребовалось провести четыре предварительных совещания⁵, где велись напряженные переговоры, и среди выдвинутых и снятых в ходе этих переговоров предложений был план назначить Сталина и Куйбышева в Совет Труда и Обороны, что было открытой декларацией недоверия к Каменеву⁶. Инициатива теперь принадлежала уже скорее не Зиновьеву и «ленинградской оппозиции», а Сталину и московскому секретариату; отныне он мог замедлять или форсировать ход событий, чтобы обострить проблему в тактически благоприятный момент. На октябрьском заседании Сталин сдвинулся влево ровно настолько, насколько это-

го требовала возможность достижения компромисса с оппозицией, отложив пока, таким образом, на неопределенное время открытый разрыв. Развал триумvirата стал теперь совершенно неминуем — в известном смысле он, в сущности, уже произошел. Но наступление момента открытого разрыва зависело от множества неуловимых факторов, и прежде всего от упорного стремления Сталина дожидаться того часа, пока оппозиция сама явно не продемонстрирует свою неправоту и, таким образом, сама не загонит себя в ловушку. Теперь контроль Сталина за центральной партийной организацией был полным. Весьма примечательно, что в обычном праздничном выпуске «Правды» от 7 ноября 1925 г. первой из статей с подписью шла статья Сталина, и опубликована она была на второй странице — первая была целиком посвящена фотографии и высказываниям покойного вождя — вместе со статьями Рыкова и Калинина, статья Зиновьева шла вслед за ними на третьей странице⁷.

В конце октября 1925 г. произошло одно событие, которое, вполне вероятно, могло быть и просто несчастным случаем, но в накаленной атмосфере взаимных обвинений в партии дало впоследствии повод для подозрений и слухов — речь идет о смерти Фрунзе, сменившего в январе того же года Троцкого на посту народного комиссара обороны⁸. Фрунзе, хотя он и был в течение многих лет известен как упорный противник Троцкого по военным вопросам, на другие темы высказывался или писал очень редко и, насколько можно судить, ни в какой форме не вмешивался в становившуюся все более и более явной размолвку между Зиновьевым и Сталиным⁹. Осенью 1925 г. он страдал каким-то внутренним заблуждением¹⁰ и получил противоречивый или нерешительный совет относительно желательности операции. Вопрос рассматривался в Политбюро — высшем арбитре во всех делах, которые затрагивали судьбы важных слуг партии. После ознакомления с медицинскими заключениями оно решило, что операцию делать надо. Нет никаких документов, которые позволили бы предположить, что это решение не было единодушным или вызвало какие бы то ни было разногласия. 28 октября 1925 г. Фрунзе была сделана операция, через три дня он скончался и был с полным почетом похоронен под аккомпанемент многочисленных хвалебных статей в печати. В сложившейся ситуации назначение на любой важный пост обрело особое политическое значение и служило индикатором соотношения сил в партии. На место Фрунзе был назначен Ворошилов, друг и сторонник Сталина, а его заместителем стал приверженец Зиновьева — Лашевич¹¹. Это решение с точностью отразило как перевес силы в пользу Сталина, так и его нежелание окончательно порывать в тот момент с Зиновьевым.

Возможно, смерть Фрунзе и не нуждалась бы в дополнительных комментариях, если бы шесть месяцев спустя литературный журнал «Новый мир» не напечатал рассказ одного писателя из

«попутчиков», Пильняка, с причудливым названием «Повесть непогашенной луны». Героем сказки был армейский командарм, который получил от своего политического начальника приказ подвергнуться хирургической операции. Он подчинился приказу неохотно, с предчувствием несчастья и действительно скончался. Дело же, как оказалось, было в том, что его смерти желало и активно добивалось некое высокопоставленное лицо. Чтобы еще ухудшить ситуацию, Пильняк предварил сказку кратким предисловием, датированным 28 января 1925 г. и утверждавшим, что он почти не был знаком с Фрунзе, не знает обстоятельств его смерти и предостерегает читателей, чтобы они не искали в рассказе «настоящих фактов и живых персонажей». Эта публикация, естественно, привела власти в ярость. Номер «Нового мира» был конфискован и заменен другим, где вместо рассказа Пильняка был напечатан какой-то другой рассказ. Эта конфискация не помешала, однако, опубликовать в следующем номере «Нового мира» письмо Воронского, которому Пильняк посвятил свою сказку, где тот с негодованием отрекался от посвящения, и заметку с извинениями от редакции, характеризовавшей публикацию сказки как «явную и грубую ошибку»*. Шесть месяцев спустя Пильняк, во время скандала находившийся за границей, сам написал письмо, также опубликованное в «Новом мире», где отрицал, что у него были какие бы то ни было намерения писать «злостную клевету» на партию, однако заявлял о своих «крупнейших ошибках» и признавал, что «многое, написанное мною в повести», представляет собой «клеветнические вымыслы»¹². Эти следовавшие один за другим отречения лишь способствовали кристаллизации легенды о Фрунзе как о человеке, до смерти затравленном Сталиным, сделав это постоянным предметом взаимных обвинений в партии. Не существует достоверных фактов, которые подтверждали бы, что Сталин был в этой истории виновен в чем-нибудь более предосудительном, чем его обычная коварная манера использовать любой несчастный случай для усиления своих собственных позиций.

Согласие, о котором свидетельствовала октябрьская резолюция ЦК, отнюдь не означало мирного договора между двумя фракциями. Это было всего лишь временным перемирием, заключенным только потому, что на той стадии ни одна из сторон еще не была готова форсировать события. В то же время обе стороны, безусловно, устраивало, чтобы это перемирие длилось достаточно долго, чтобы захватить период работы приближавшегося XIV съезда партии¹³. Однако никакое перемирие не могло обязать стороны оставаться в полном бездействии и воздерживаться от попыток улучшить свои позиции относительно друг друга. Никаких подобных обязательств не принимала на себя в период между октябрьским заседанием ЦК и декабрьским съездом ни груп-

* В переводе Э. Карра — «вопиющая и грубая ошибка». — *Прим. ред.*

пировка, под чьим контролем находился центральный аппарат, ни группировка, которая концентрировалась вокруг Зиновьева и Каменева. Зиновьев не повторил ошибки, которую годом раньше совершил Троцкий, когда ограничивал свою критику официальной политики лишь устными заявлениями и письменными аргументами. Он вполне отдавал себе отчет, что доводы должны подкрепляться организацией, и выставил против размещенного в Москве центрального партийного аппарата партийный аппарат Ленинграда. Престиж ленинградского пролетариата и его особый вес в партии позволяли на первый взгляд считать это мероприятие не таким уже безнадежным. Однако ленинградцы не смогли до конца оценить, какая подавляющая сила концентрировалась теперь в центральной партийной организации, а также тактической слабости той позиции нарушителей единства партии, в которой они по необходимости вынуждены были автоматически постоянно оказываться. Чтобы в этой ситуации избежать катастрофы, требовалось умелое и твердое руководство, которое Зиновьев мог обеспечить весьма слабо. Ему не удавалось удерживать своих сторонников от опрометчивых и рискованных поступков, которые он не мог полностью поддержать, но от которых и не мог решительно отмежеваться. И все та же самая нерешительность парализовала его в те моменты, когда требовалось нанести решительный удар.

Первый инцидент, совпавший по времени с октябрьским заседанием, был связан с секретарем Ленинградского губкома партии Залуцким. Этот пост делал Залуцкого ключевой фигурой в Ленинградской организации, и его критические высказывания в адрес официальной «московской линии» отличались особой настойчивостью и откровенностью. Его падение было делом рук некоего человека по фамилии Леонов. До сих пор не вполне ясно, был ли он агентом, предумышленно использованным Москвой, чтобы поставить Залуцкому ловушку, или это был просто-напросто лояльный член партии, который был в действительности шокирован услышанным и счел своим долгом об этом доложить. Что можно утверждать наверняка, так это то, что приблизительно во время октябрьского заседания Леонов написал в размещавшиеся в Москве центральные партийные органы письмо, где изложил содержание якобы состоявшегося между ним и Залуцким разговора. Залуцкий сказал, что партийные руководители «строят мешанское государство, то, что Ленин называл «царством крестьянской ограниченности», а они называют «строительством социализма», и что они «с Ленинградом не считаются, превращают его в провинцию». Он обвинял их в «перерождении» и в стремлении установить «Термидор» — слова, которые, по всей видимости, довольно часто срывались с уст Залуцкого, — и сравнивал личные позиции Сталина с позициями Бебеля, который пытался встать посередине пути между ортодоксами и «оппортунистами» в Германской социал-демократической партии¹⁴. Центральная контрольная

комиссия создала для расследования этого дела специальную комиссию, и Залуцкий был вызван держать ответ. По всей видимости, Залуцкий значительно облегчил задачу комиссии, заявив, что подписывается «обеими руками» под доносом Леонова и что не видит необходимости выступать, поскольку все, что он хотел бы сказать, там уже изложено. Однако тогда же или позднее он все-таки несколько смягчил это признание, исключив из него свои замечания относительно «термидорианского перерождения» — подобных обвинений он против ЦК никогда не выдвигал, хотя и выражал определенное недоверие к Бухарину, Молотову и Бубнову¹⁵. Обсудив эти факты, Центральная контрольная комиссия предложила Ленинградскому губкому партии сменить секретаря. Большинством голосов, при девяти против, губком решил подчиниться приказанию. Позднее, на заседании, где присутствовали уже члены районных организаций, это же самое предложение было принято еще более узким большинством — 19 против 16¹⁶. После этого Залуцкий был единодушным решением бюро губкома смещен со своего поста. Существовало, однако, мнение, что Ленинградская организация не потрудилась объяснить своим членам причины смещения Залуцкого, дав возможность распространиться впечатлению, будто это произошло вследствие ничем не оправданного вмешательства московских центральных органов. Комаров, которому было предложено занять этот пост, отклонил предложение, назвав, по его же собственному свидетельству, в качестве причины отказа то обстоятельство, что «результаты голосования меня убеждают, что трения с ЦК не прекратятся»¹⁷.

Вне зависимости от того, что в действительности было правдой, а что вымыслом в деле Залуцкого, бесспорно то, что это подняло новую волну недовольства среди ленинградских руководителей. На проходившем 7 ноября 1925 г., сразу же после смещения Залуцкого, юбилейном митинге Залуцкий, Сафаров и Зиновьев вместе появились на одной и той же трибуне. Залуцкий и Сафаров говорили о кулацком уклоне, и Залуцкий добавил, что Ленинградской организации тоже нужно «иметь кулак». Зиновьев добавил, что 15 тыс. бюрократов «изменили, переродили германскую социал-демократическую революционную партию», и нарочито спросил, больше или меньше партийных бюрократов сейчас в российской партии. Другой из выступавших выразил уверенность, что «Ленинград победит»¹⁸. Отношения между Ленинградским губкомом и московским ЦК представляли уже к тому времени жгучую проблему. Озабоченный тем, чтобы предотвратить дальнейшие инциденты и усилить свое влияние в Ленинграде, ЦК предложил командировать туда постоянного делегата, который принимал бы участие в текущей работе Ленинградского губкома партии. Предложение было принято, и в Ленинград был направлен Шверник, хотя между Сталиным и Зиновьевым возникли трения по поводу того, какими именно вопросами он будет там зани-

маться¹⁹. Продолжавшееся в течение девяти часов подряд заседание бюро Ленинградского губкома запомнилось всем участникам как самое бурное и тяжелое. Оно завершилось принятием резолюции, где обещалось оказать поддержку ЦК. На следующий день Зиновьев написал Комарову письмо, в котором выражались сожаления по поводу прошлых недоразумений и было обещано сделать все возможное «для срабатывания с большинством»²⁰. Однако эта оливковая ветвь на деле всего лишь означала, что недовольные Ленинграда по-прежнему не решаются на какие бы то ни было необратимые шаги. Открытая агитация против политики ЦК продолжалась на собраниях районных партийных организаций Ленинграда. Одному рабочему делегату показалось странным «читать о том, что у нас целый ряд недостатков» и что «наша организация как будто приравнивается к какой-нибудь уездной»²¹. Попытка сохранить сдержанность вела к началу поражения:

«Все говорили, что мы — за ЦК, за его линию и все прочее, но политика ЦК в крестьянском вопросе, в вопросе о печати, в различных вопросах нашей жизни так освещалась, что руководство этого ЦК, мягко выражаясь, не получало одобрения»²².

В словесной борьбе, которая велась между «Ленинградской правдой» и московской «Правдой», публицисты из Ленинграда оставляли далеко позади своих московских соперников в едкости и агрессивности. Две статьи, напечатанные в номерах от 15 и 22 ноября 1925 г., — первая носила с иронией позаимствованный у одного московского партийного публициста заголовок «А социализм это — Советская власть плюс смычка...», а вторая называлась «Ленинизм» с оговоркой²³ — задавали новые стандарты политической ядовитости, которым предстояло набирать все новую силу в последующие недели.

Пример этой ядовитой журналистской полемики дает кампания, которую вел почти в одиночку Саркис, уже скрестивший ранее шпаги с Бухариным по вопросу о рабкорах²⁴. Пролетаризация партии была проблемой, от которой не мог уклониться ни один добропорядочный марксист и которая была особенно близка сердцам ленинградцев, поскольку связывалась с уже освященным временем претензией, что Ленинградская организация содержит более значительный, чем любая другая, процент рабочих и что промышленные рабочие Ленинграда обладают более развитым партийным сознанием и более высокой степенью организации, чем любая другая крупная промышленная группа в Советском Союзе²⁵. Прием рабочих в партию был темой постоянных дискуссий еще со времен «ленинского набора», хотя особых практических выводов из них так сделано и не было. Здесь затрагивались, а порою и спутывались, две родственные проблемы. Представлялось желательным, во-первых, чтобы в партию вовлекалась как можно более значительная часть коренных промышленных рабочих, а во-вторых, чтобы промышленные рабочие составляли

как можно более значительный процент членов партии. Эти желания были официально выражены в мае 1924 г. на XIII съезде партии в связи с «ленинским призывом».

«Близится время, — было заявлено в основной резолюции съезда, — когда в партию будет входить вся основная масса нашего Союза. Съезд поручает Центральному Комитету всю работу вести в том направлении, чтобы громадное большинство членов партии в ближайшее время состояло из рабочих, занятых непосредственно на производстве»²⁶.

Что касается процента рабочих в партии, то Молотов в своем докладе на том же самом съезде поставил в качестве цели «поднять долю рабочих в партии до 90 процентов». Специальная резолюция съезда, посвященная вопросам партийного строительства более скромно, но с большей определенностью говорила о надежде, чтобы «в течение ближайшего года в партии было больше половины ее состава рабочих от станка»²⁷. Прошедшая в апреле 1925 г. XIV партийная конференция вновь, хотя и без особого удара, напомнила принятое «решение о том, чтобы в нашей партии было не менее 50% рабочих, непосредственно занятых в производстве»²⁸.

Двуединая задача, которая сводилась к приему рабочих в партию и к пролетаризации партии, была таким образом решительно включена в партийную доктрину. Никто этого не оспаривал, но никто в обычные времена не уделял этому особого внимания. Осенью 1925 г., в самый разгар партийных разногласий, изобретательный Саркис обнаружил, что это может быть свежей темой, которая годится для использования ленинградцами в спорах против Московской центральной партийной организации — ей можно было предъявить обвинение, что она прохладно относится к требованиям пролетариата. В середине ноября 1925 г. Саркис передал в московскую «Правду» статью о приеме рабочих в партию, где цитировалось высказанное Молотовым на XIII съезде партии предложение, чтобы «90% всего рабочего класса СССР взять в коммунистическую партию», и в качестве собственной точки зрения добавлялось, что в партии должны состоять 50 или 60% промышленных рабочих и что 90% членов партии должны к моменту открытия XV съезда — который должен был состояться предположительно через год, — составлять «рабочие от станка»²⁹. Редактор «Правды» Бухарин нашел цитату из Молотова несколько неуместной, а интерпретацию Саркиса и вовсе просто неприемлемой и через Зиновьева вернул статью назад Саркису, с критическими замечаниями и предлагаемыми исправлениями, явно давая при этом понять, что если все это будет сделано, то статья будет опубликована в «Правде»³⁰. Саркис поправил статью, включив туда «сельских рабочих», что означало батраков, опустив выражение «рабочие от станка» и упоминание о XV съезде, — в таком измененном виде статья была опубликована, хотя не в «Правде», а в «Ленинградской правде» от 3 декабря 1925 г.

В ней настаивалось, что целью на ближайшие годы должно стать вовлечение в партию 50—60% промышленных рабочих и повышение процента «промышленных и сельских рабочих» до 90% от общего состава партии.

К этому времени разногласия приняли широкие масштабы и страсти были накалены. Перед выходом статьи Саркиса Угланов опубликовал в «Правде» статью, где возражал против какого бы то ни было массового вступления рабочих в партию. В другой статье в «Правде» содержалось пояснение, что 13% всей рабочей массы Москвы являются членами партии и что дальнейшая задача в этом отношении — «не столько рост количества, сколько рост качества»³¹. Вылазка Угланова спровоцировала передовую статью в «Ленинградской правде», написанную ее редактором Гладневым и озаглавленную «Орабочение партии — залог внутрипартийной демократии». В ней был высказан упрек Угланову за «массобоязнь» и делались намеки на связь между нежеланием допустить рабочих в партию и репрессивными мерами против оппозиции³². «Правда» не осталась в долгу и ответила статьей, озаглавленной «Об орабочении нашей партии», где упоминалось о сделанном в 1908 г. меньшевиками предложении о партии рабочих и выдвигалось обвинение против Саркиса в том, что тот хочет «широкой рабочей партии» в духе меньшевика Аксельрода или же «реформистской партии макдональдовского типа»³³.

Наконец, Саркис сказал свое последнее слово статьей «Шаг вперед, но не два шага назад», которая, исказив название знаменитой книги Ленина, написанной им в 1904 г., отбивала обвинение в меньшевизме и обрушивала его на головы москвичей³⁴. Этот спор послужил предметом мелкой, носившей второстепенный характер, перестрелки на губернских партконференциях в Ленинграде и Москве, предшествовавших XIV съезду партии. Выступая на первой из них, Зиновьев поддержал требование Саркиса, а в резолюции московской конференции говорилось об осуждении «проектерских попыток немедленного вовлечения 50 и больше процентов всех рабочих в партию» и вновь упоминалось сравнение с Аксельродом. Эта тема фигурировала даже в дискуссиях на самом съезде³⁵. Однако никакого реального смысла — кроме того, что давала выход накопившемуся в Ленинграде и в Москве чувству озлобления, — она не имела.

Эти публичные взаимные обвинения служили индикатором той острой враждебности, которая превалировала теперь в отношениях между двумя самыми многочисленными и важными партийными организациями. Однако ничто особенно не свидетельствовало о том, чтобы эти разногласия распространялись на остальную часть партии. На проведенных как обычно по всему Советскому Союзу местных партконференциях послушно принимали к сведению информацию о двух зафиксированных в октябрьской резолюции ЦК уклонах, но никаких намерений встать на ту или другую сторону не проявляли. Время от времени контрольные ко-

миссии высказывали на этих конференциях упреки в «слабости и чрезмерной мягкости» — но отнюдь не в отношении оппозиции или фракционизма, а по поводу моральных проступков членов партии, «особенно в отношении пьянства»³⁶. Весьма знаменательно и то, что лидеры — хотя их и нельзя было считать полностью невинными в сообщничестве, когда шла речь о тех неосмотрительных заявлениях, которые позволяли себе с обеих сторон их оруженосцы, — сами открыто в этой кампании участия не принимали. Утверждалось, что Зиновьев «поливал холодной водой» некоторых своих рвавшихся в бой «левых» сторонников³⁷. В верхушке партии сохранялась видимость единства, и все еще казалось реальным, что кое-как залатанный на октябрьском заседании ЦК компромисс удастся сохранить в целости до намеченного на декабрь съезда. На этом допущении основывалась продолжавшаяся подготовка к съезду. В ноябре Лашевич уверял Микояна, что ленинградцы в драку вступать не собираются и будут поддерживать «единый фронт»³⁸. В своих выступлениях в различных районах страны партийные руководители обеих фракций на существовавших между ними разногласиях удара не делали и на опасность раскола не намекали. Каменев и Микоян выступали вместе с одной трибуны в Ростове, а Сокольников — в Казани³⁹. Проекты резолюций съезда (подготовлена по экономической ситуации Каменевым, по комсомолу — Бухариным, а по профсоюзам — Томским), а также проект измененного Устава партии были своевременно одобрены Политбюро и, как обычно, опубликованы за две-три недели до начала съезда. Тезисы Бухарина по комсомолу содержали два характерных абзаца, которые будут часто цитироваться в последующих дискуссиях. Он разоблачал те «остатки разбитых революций партий — эсеров и в особенности меньшевиков», которые «рисуют наши социалистические по своему типу госпредприятия как просто капитализм или ту либо иную форму государственного капитализма», косвенным образом утверждая таким путем свое собственное толкование ленинского взгляда на «государственный капитализм»⁴⁰. Далее в следующем отрывке он пытается уравновесить критику *«комчванства»* и *«излишнего оптимизма»* с помощью нападок на *«пессимизм и ликвидаторское безверие в социалистические пути нашего развития»*⁴¹.

Искра, которая зажгла этот легко воспламеняющийся материал, была порождена на предшествовавших съезду конференциях Ленинградской и Московской партийных организаций. Она была порождена в результате процесса трения между ними, и здесь бесполезны попытки приписывать основную вину за это одним и оправдывать других. Когда в последний день ноября открылась ленинградская конференция, страсти уже накалились и терпение было на пределе. Зиновьев, по всей видимости, был вполне искренне обеспокоен тем, чтобы сдержать своих наиболее

агрессивных сторонников⁴². На второй день конференции он представил доклад о работе ЦК, где содержалось обычное сбалансированное сообщение о двух отклонениях, заканчивавшееся типичным риторическим взлетом:

«Я думаю, товарищи, что имею моральные полномочия от всех до единого члена этой конференции, от всех до единого члена нашей ленинградской губернской партийной организации, от каждого коммуниста, рабочего, работницы, от каждого комсомольца, от каждого члена нашей великой семьи сказать, где и когда это понадобится, что наша Ленинградская организация, как один человек за ЦК, за единую ленинскую линию, за ленинизм»⁴³.

Однако остальные ораторы были менее сдержаны. Саркис заявил, что не видит разницы * между Бухариным и Богушевским — «обе фамилии начинаются с буквы Б» — и что Бухарин является первым со времен Троцкого видным членом партии, который принял ревизию ленинизма⁴⁴. Сафаров сосредоточил внимание на «неправильности взглядов товарищей Варейкиса, Богушевского и других по вопросу классовой дифференциации в деревне», критиковал Угланова и подчеркивал важность пролетарского руководства. Делались хвастливые воззвания к пролетарскому превосходству Ленинграда⁴⁵. В высказывании, которое вызвало особое недовольство Москвы, Сафаров охарактеризовал ленинградских пролетариев как «ту соль пролетарской земли, которые вынесли непосредственно на своих плечах тяжесть трех великих революций», и заявил, что именно ленинградский пролетариат «выдвинул такого вождя, как Владимир Ильич Ленин»⁴⁶. Присутствовавший на конференции в качестве делегата от ЦК Ярославский довольно сдержанно прореагировал на беспристрастное суждение Зиновьева относительно обоих упомянутых в октябрьской резолюции ЦК уклонов, но обвинил остальных выступавших в том, что те концентрировали внимание исключительно на так называемом кулацком уклоне.

«Я не стал бы выступать здесь по этому вопросу, — продолжил он, — если бы здесь не было перегиба в сторону критики — этого кулацкого уклона и забвения других опасностей». Он не стал бы защищать тех точек зрения, которых он не разделяет, например Богушевского и Варейкиса, однако некоторые сравнения, прозвучавшие здесь на конференции и снискавшие громкие аплодисменты, были совершенно непристойны⁴⁷. Этот вызов никто не принял. 3 декабря 1925 г. Зиновьев закончил дискуссию другой своей многословной, но примирительной речью⁴⁸, после чего была единодушно принята резолюция, зафиксировавшая полное и безоговорочное одобрение «политической и организационной линии ЦК», повторившая ритуальные выражения относительно двух уклонов и заканчивавшаяся декларацией веры в «ленинское единство» партии⁴⁹. Резолюция была представлена в ЦК партии в Мо-

* В выступлении Саркиса: «видит некоторое сходство». — *Прим. ред.*

ске, который формально ее одобрил⁵⁰. Преодолев этот барьер, конференция перешла к будничным обсуждениям, связанным с работой губкома партии и губернской контрольной комиссии.

Пока ленинградская конференция занималась всеми этими вопросами, в Москве 5 декабря 1925 г. собралась аналогичная конференция Московской губернской партийной организации. Сталин, по молчаливому соглашению возвысившийся уже над всеми местными организациями, на конференции не присутствовал. После того как Угланов официально открыл работу конференции⁵¹, Рыков представил доклад о работе ЦК. Хотя он и воздерживался от прямых нападок на ленинградские позиции, все же оказался менее осмотрительным, чем Зиновьев, в соблюдении равновесия при освещении даже двух инкриминируемых уклонов. Он повторил знакомые уже аргументы о государственном капитализме, цитируя статью Сафарова как пример распространения «еретических» взглядов, и высказал мнение, что, хотя, вне всякого сомнения, кулацкая опасность вполне реальна, нынешнюю «панику» по этому поводу оправданной считать нельзя⁵². В прениях с безобидными речами выступило несколько малоизвестных ораторов. Затем поднял руку Бухарин. Он начал с лукавой фразы, резко осудившей попытки атаковать «ленинградскую организацию нашей партии». Хотя и есть «ошибки со стороны некоторых руководителей ленинградского пролетариата», этот пролетариат — «действительно, лучшая часть нашего рабочего класса». И Бухарин выразил уверенность, что «ленинградские товарищи пойдут вместе с Центральным Комитетом нашей партии, вместе с партией, а отнюдь не против ЦК и не против партии в целом». Остальная часть его выступления представляла собой смесь рассуждений по принципиальным вопросам с выпускаемыми отравленными стрелами в адрес Зиновьева, не называя фамилии. Проблему крестьянства и частного капитала нельзя решить за счет всеобщей универсальной «болтологии» о кулаке, при рассмотрении этого вопроса снова делалась ссылка на «болтливые рассуждения». Бухарин довольно подробно развил свою теорию двух стадий в отношении Ленина к кооперации⁵³, а потом опять вернулся, чтобы еще раз облить презрением отсутствующего Зиновьева:

«Некоторые истерические барышни в нашей партии кричат: «Как бы не случилось греха, не повернуть ли нам обратно!» Партия хочет от ЦК «не истерики, а политики»⁵⁴». Закончил Бухарин несколько неожиданными размышлениями о руководстве:

«У нас сейчас может быть только коллективный авторитет. У нас нет человека, который бы сказал: я бегрешен и могу абсолютно на все 100 процентов истолковать Ленинское учение. Каждый пытается, но тот, кто выскажет претензию на все 100 проц.,

* Карр неверно цитирует. В оригинале сказано: «Центральному Комитету нужна не истерика, а политика». — *Прим. ред.*

тот слишком большую роль придает своей собственной персоне». Съезд партии является выражением ее коллективной власти, и он призывает к порядку всякого, кто выступит против этого⁵⁵.

Речь Бухарина, испытывавшего к Зиновьеву огромную личную неприязнь, оказалась провокационной, но таковой она и была задумана. Каменев ответил в тот же день, используя более мягкие выражения, но обратил острие своей критики против Бухарина, ссылаясь на опубликованную в мае 1925 г. статью, где Бухарин высказал несогласие с мнением Ленина о «государственном капитализме»⁵⁶. Единственное существующее в ЦК расхождение по этому вопросу — это расхождение «между ленинским пониманием государственного капитализма и бухаринским пониманием его». Переходя ближе к делу, Каменев зачитал резолюцию, принятую три дня назад ленинградской губпартконференцией. Он охарактеризовал ее как безупречную и направленную на развитие партийного единства, к которому от всей души стремится и Московская организация. Каменеву ответил Молотов. Он с несколько тяжеловесной шутливостью подчеркнул, что, хотя в подготовленных Каменевым к XIV съезду партии экономических тезисах проблема государственного капитализма вообще обойдена молчанием, линия партии по этому вопросу четко определена в тезисах о комсомоле, которые являются работой Бухарина⁵⁷. Он упомянул об «очень неловкой манере» Каменева всякую критику принимать на свой счет и перешел, осторожно и полунамеками, к сравнению нынешней «ленинградской оппозиции» с оппозицией 1923 г. — та тоже обвиняла Центральный Комитет в том, что он не видит опасностей, и предлагала себя в качестве «спасителей», дабы спасти партию от этой слепоты. Он закончил, снова процитировав выдержку из бухаринских тезисов о комсомоле, где говорилось о «пессимизме и ликвидаторском безверии в социалистическом пути нашего развития». Крупская, пояснив, что болезнь помешала ей проследить за всеми прениями, выразила сожаление по поводу «тона, в котором ведутся прения». Она не присутствовала на ленинградской конференции, но слышала, что Зиновьев «резко остановил одного из выступавших с указанием на то, что в таком тоне нельзя вести прения». Единственным существенным пунктом в ее выступлении было несогласие с бухаринской интерпретацией взглядов Ленина на кооперацию. Ввод в действие такой крупнокалиберной артиллерии еще более сгустил атмосферу взаимной враждебности, поскольку всем становилось совершенно ясно, что разногласия не ограничиваются относительно второстепенными членами партии, а затрагивают самую верхушку руководства. Со своими теоретическими изысканиями по принципиальным проблемам вмешался в прения Рыков, умудрившись своей обычной, наводящей скуку манерой несколько снизить общую температуру на конференции. Принятая в итоге резолюция была достаточно длинной, чтобы удовлетворить любым вкусам, хотя при внимательном чтении можно было заметить, как, не

прибегая к прямым нападкам, весы по определенным пунктам тяжело склонялись против ленинградцев. Резолюция была принята единодушно, и вместе с остальными за нее проголосовал и Каменев⁵⁸.

Ленинградская губпартконференция еще заседала, когда там стало известно о резолюции московской конференции и о некоторых сделанных в ходе прений замечаниях — ничего, разумеется, не потерявших в пересказе. Над конференцией прокатилась волна негодования, и, когда уже шло заключительное заседание, Зиновьев дал наконец выход переполнявшим его эмоциям:

«Я должен сказать, что до сегодняшнего утра я не понимал еще всего расположения, всего фронта, а сегодня, прочитав резолюцию, вынесенную на московской губпартконференции по докладу Центрального Комитета, этот фронт я вижу окончательно... Я утверждаю, что здесь определенная политическая оценка не только моим настоящим или мнимым ошибкам, а здесь есть слова прямо относительно Ленинградской организации, относительно ленинградских рабочих... Вы должны ясно сознавать, как обстоит дело под лозунгом „Бей ленинградцев!“»⁵⁹.

Несомненно, что именно на том же самом заседании Ярославский произнес свою особенно оскорбительную речь, которая была заглушена криками возмущенной аудитории и которую Евдокимов охарактеризовал как поворотный пункт конференции. Ярославский обвинил ленинградских руководителей в том, что они не удосужились избрать в президиум конференции Комарова и Лобова, другого видного ленинградского партийного деятеля, потому что те поддерживают линию ЦК, и заявил, что эта конференция не отражает реального мнения рабочих на заводах⁶⁰. После этого разгорелось настоящее сражение, и все ограничения оказались отброшены. Зиновьев обратился к Комарову с просьбой сделать на конференции заявление, что разделяет все выраженные на конференции взгляды и будет, если потребуется, их отстаивать, пригрозив при этом, что в случае если он откажется, его исключат из состава губкома партии и из ленинградской делегации на предстоящем съезде партии — угроза, которая будет в свое время приведена в исполнение⁶¹. Ярославский добавил масла в огонь, попросив разрешения посмотреть неисправленную стенограмму заключительного заседания, не скрывая подозрений, что из нее собираются выкинуть некоторые наиболее компрометирующие выражения⁶².

Ленинградская конференция закончилась 10 декабря 1925 г. на ноте вызова. Единодушно, всего при трех воздержавшихся, предположительно Ярославском, Комарове и Лобове, было принято решение направить письмо протеста московской губпартконференции. «Целый ряд речей, направленных против нашей организации», а также резолюция этой конференции угрожают единству партии, ставя в оппозицию друг к другу две крупнейшие парторганизации, и требуют ответа. Предъявленные Москвой об-

винения были опровергнуты по пяти пунктам: «о ликвидаторском неверии», государственного капитализма, отношении к крестьянству, «аксельродовщине» и пессимизме. Никаких имен — кроме неизбежных Богушевского и Слепкова — не называлось. Однако в этом защитном выступлении содержался серьезный вызов позиции Московской организации⁶³. Хотя текст этого письма сразу опубликован не был, суть его была широко известна. На другой день после закрытия конференции в «Ленинградской правде» была напечатана передовая статья, где выражался протест против нападок из Москвы и высказывалась надежда, что «XIV съезд нашей партии вынесет свои решения с достаточным единодушием», но при этом оговаривалось, что ленинградцы «не толстовцы, а большевики-ленинцы»⁶⁴.

Пока ленинградские руководители сжигали таким образом свои корабли, на московской конференции продолжались прения. Самым важным событием последних дней конференции был доклад Куйбышева о работе Центральной контрольной комиссии. До этого момента в официальных партийных документах оба уклона уравнивались и преподносились как равнозначные. Теперь Куйбышев открыто утверждал, что уклон, заключающийся в «панике перед кулаком» и «преувеличении расслоения в деревне», более опасен, чем противоположный уклон в сторону «замазывания происходящего расслоения, отрицания кулака»⁶⁵. Грех Богушевского был, таким образом, объявлен более простительным, чем грех Сафарова, и обвинение, лежащее на Бухарине, менее ужасным, чем то, под которое сам себя подставил Зиновьев. Письмо протеста из Ленинграда подоспело как раз вовремя, чтобы его можно было зачитать на последнем заседании московской конференции 13 декабря 1925 г. Составление проекта ответного письма было поручено Московскому губкому партии. Текст был быстро закончен и отнюдь не страдал недостатком силы и откровенности в выражениях. Он ответил на ленинградский обвинительный акт по тем же пяти пунктам, добавив к ним еще шестой о кооперации. В отличие от ленинградского письма оно не ограничивало критики лишь второстепенными фигурами. Письмо призывало к ответу как Каменева, так и Зиновьева, которые защищали в Политбюро пессимистические взгляды, будто бы «мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция». Далее шел отрывок, который стал ключевым в многочисленных выступлениях и речах, сделанных в течение последующих двенадцати месяцев:

«Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет идти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идем и будем идти вперед. Мы точно так же полагаем, что точка зрения тт. Каменева и

Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции».

В атаке максимально использовались все имевшиеся в распоряжении факты и подробности. В своей книге «Ленинизм» Зиновьев разделял ошибку Евдокимова, Саркиса и Сафарова по проблеме государственного капитализма и у него иногда «исчезал» крестьянин — здесь сравнение с Троцким все еще прямо не проводилось. В качестве вывода высказывался призыв к съезду, который должен вынести свое обвинительное заключение:

«В настоящее время, когда с нами нет больше т. Ленина, поистине смешна претензия отдельных лиц, хоть бы и крикливых, на монополию стопроцентного ленинизма. На место лиц становится коллектив. Верховным истолкователем ленинской линии может быть только ЦК и партийный съезд»⁶⁶.

Теперь событие, которое призвано было предотвратить октябрьское соглашение ЦК и которое в течение столь длительного времени казалось просто невероятным — открытый разрыв между руководителями прямо в зале заседаний партийного съезда, — стало совершенно неминуемым. Всего пять дней отделяли конец московской конференции от назначенного на 19 декабря 1925 г. открытия XIV съезда партии. Этот промежуток времени был заполнен приготовлениями и интригами, в которых ленинградцы оказались безоружными и выключенными из игры. Большинство руководителей верили в победу и были готовы к борьбе, но, однако, при условии, что не на них падет ответственность за разрыв единства партии. Ленинградцы были в нерешительности относительно того, бороться или нет, и если да, то на какой именно из пунктов разногласий делать основной упор. 15 декабря ЦК партии собрался, чтобы дать официальное одобрение уже принятому на Политбюро проекту резолюций⁶⁷. Голосование было единогласным. В тот же вечер восемь лидеров большинства — Калинин, Сталин, Бухарин, Рыков, Рудзутак, Томский, Молотов и Дзержинский — выработали после, по выражению Куйбышева, «длительных совещаний, увещеваний, разговоров и ночных бдений» письменные предложения о перемирии с Ленинградской организацией. Предложенные ими условия вкратце сводились к следующему: 1) принять московскую резолюцию от 7 декабря 1925 г. за основу главной резолюции съезда, «смягчив отдельные формулировки»; 2) не публиковать в печати ни письма ленинградской конференции московской конференции, ни московского ответа; 3) условиться, что члены Политбюро не должны на съезде выступать друг против друга; 4) отмежеваться в выступлениях на съезде от статьи Саркиса о составе партии и статьи Сафарова о государственном капитализме; 5) восстановить в прежнем положении Комарова, Лобова и Москвина (сместенного с постов в Ленинградской организации из-за поддержки им большинства в ЦК); 6) включить ленинградского представителя в Секретариат ЦК;

7) добавить ленинградского представителя в редколлегию «Правды»; 8) заменить нынешнего редактора «Ленинградской правды» на более «сильного» редактора, выбранного по согласованию с ЦК»⁶⁸.

Условия были жесткими, и ленинградская делегация, явно после некоторых колебаний, их отвергла. По мнению Рыкова, решающим пунктом было то обстоятельство, что большинство упорно настаивали на «одном центре» — ленинградцы же считали неперменным условием, чтобы «Ленинград остался самостоятельным, конкурирующим центром, со своим органом печати и т. д.»⁶⁹ Зиновьев охарактеризовал сделанное предложение как «требование нашей капитуляции, без всяких гарантий на дальнейшее». Существует утверждение, что Зиновьев и Каменев просили гарантии свободы выражения мнений в выступлениях и статьях — имея предположительно в виду наличие независимого органа печати, — но им было в этом отказано⁷⁰. Несколько часов, оставшихся теперь до начала съезда, лидеры провели, пытаясь укрепить свои позиции и проводя пробу сил. 17 декабря, накануне съезда, на заседании Центральной контрольной комиссии была принята резолюция, которая поддержала линию ЦК партии как «целиком и полностью правильную» и дала полномочия докладчику от ЦКК РКП(б) делать на съезде от ее имени «любые необходимые для сохранения ленинского единства заявления». Из общего числа в 150 человек только один член президиума — несомненно, Крупская — и еще четверо членов выразили свое несогласие с резолюцией, и четыре человека воздержались⁷¹. В тот же день было поспешно созвано заседание ЦК комсомола, где при 12 голосах против была принята резолюция, поддерживавшая ЦК партии и осудившая ленинградцев⁷². Ленинградская делегация, сделав логические выводы из той позиции, которую она заняла, выдвинула Зиновьева с содокладом основному докладу Сталина о работе Центрального Комитета. В отношении основного доклада на партийном съезде эта процедура еще никогда не применялась. Однако по Уставу это допускалось на съезде при условии письменного запроса 40 делегатов. Это было официальной декларацией враждебности к партийному руководству со стороны оппозиции.

В последние дни перед съездом наблюдалось усиление кампании в печати, где самые ожесточенные и многозначительные удары все еще по-прежнему наносились со стороны Ленинграда. В «Ленинградской правде» от 13 декабря 1925 г. Залуцкий признал, что некоторые из его формулировок о государственном капитализме были неверными. Однако он ни словом не обмолвился о своих более серьезных проступках, и, поскольку это признание было им сделано в контексте критической статьи под названием «О служилой „ортодоксии“ и фальсификации чужих взглядов», направленной против второстепенного московского руководителя Ломинадзе, отречение затерялось в облаке новых

оскорблений. Два дня спустя Саркис в своей статье, опровергавшей обвинение в меньшевизме⁷³, противопоставил пролетарскую линию «всей нашей Ленинградской организации» тому, что он называл «московско-уральско-тульской линией» ЦК⁷⁴. В том же самом номере Сафаров вновь сделал попытку опровергнуть обвинение в пессимизме и подверг резкой критике «ликвидаторский оптимизм» Москвы — эта статья, снабженная комментариями московского публициста Астрова, была с триумфом перепечатана в номере «Правды» от 17 декабря 1925 г. В тот же день в «Ленинградской правде» появилась статья ВАППовского писателя (с пометкой Лелевича, что она прислана из Москвы), чтобы показать, что у ленинградской оппозиции есть сторонники даже в столице, где содержались персональные выпады против Бухарина и Угланова, который был охарактеризован как «опаснейший выразитель вырожденческих тенденций в нашей партии»*. Наконец, 18 декабря 1925 г., утром того дня, когда должен был собраться съезд, «Ленинградская правда» опубликовала сенсационную статью коллеги Лелевича Вардина под заголовком «Где главная опасность?», которая по злобности выпадов против Бухарина и его сторонников оставила далеко позади все, что было напечатано ранее. Первый удар, не называя имени Бухарина, был нанесен по его прошлому.

«Старый „левый коммунист“, который был очень близок к левым эсерам, в действительности выжил в партии; во главе ее есть старые лидеры, и против них старая ленинско-большевистская борьба является настоящей необходимостью».

Затем Вардин перешел к поименной резкой критике Бухарина, Куйбышева, Угланова, Кагановича, а также менее значительных московских деятелей и закончил призывом «разбить очередное проявление правого уклона, вооруженного лево-эзовскими фразами»⁷⁵. Трудно сказать, в какой степени эту кампанию умышленно вдохновляли лидеры обеих сторон. Однако она помогает объяснить ту обстановку горького ожесточения, в которой собрался наконец съезд. Залуцкий, Сафаров и Саркис были членами ленинградской делегации, Лелевич и Вардин в нее включены не были.

* У Э. Карра перевод неточен: этот отрывок переведен как «один из самых очевидных свидетельств вырождения партии». — *Прим. ред.*

ГЛАВА 17

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД

XIV съезд партии официально открылся вечером 18 декабря 1925 г. После краткой приветственной речи, произнесенной с председательского места Рыковым, произошли две небольшие перепалки, которые задали тон тому, что должно было произойти позже. Первая из них была связана с выборами президиума, почетной группы из сорока—пятидесяти видных членов партии, которые должны были занимать места на сцене в течение всего времени работы съезда. Представленный съезду список президиума был заранее выработан советом старейших партийных руководителей, исполнявшим функции комиссии по выработке регламента. Обычная практика состояла в избрании в президиум по одному представителю от каждой из местных партийных организаций и по два представителя от Москвы и Ленинграда. И на этот раз ленинградская делегация выдвинула двух своих кандидатов. Совет принял одного из них, Евдокимова, а другого большинством голосов заменил Комаровым, который был исключен из ленинградской делегации за поддержку линии Центрального Комитета и теперь вполне благополучно получал таким образом другой мандат. Попытка ленинградской делегации вернуться к этому вопросу в ходе заседания съезда была отклонена голосованием поднятием руки, и список был официально принят при 16 воздержавшихся¹. Вторым инцидент был связан с местом проведения съезда. XIII съезд партии — возможно, под влиянием недавнего переименования города в честь Ленина или желая сделать приятное Зиновьеву — принял решение провести следующий съезд в Ленинграде. В то время это решение было бы неразумным даже с практической точки зрения: ведь партийный съезд стал теперь в высшей степени организованным мероприятием, требовавшим обширного секретарского персонала и аппарата по подготовке документации, которых нелегко было переместить из Москвы. Но при тех обстоятельствах, при каких должен был собраться XIV съезд, его перемещение в Ленинград было не только практически неудобным, но и политически несвоевременным. Центральный Комитет, по всей видимости единогласно, постановил собрать съезд в Москве и предложил ему аннулировать опрометчивое решение своего предшественника. Даже ленинградская делегация, осознавая сла-

бость своих позиций, это решение открыто не оспаривала, выступая лишь с просьбой, чтобы съезд посетил Ленинград и провел там одно или два официальных заседания. Это было отклонено, и решение проводить все заседания в Москве было принято лишь при трех воздержавшихся².

Затем Сталин выступил с докладом о политической работе Центрального Комитета. Он начал в своей обычной манере нарочитой умеренности, не делая ни против кого никаких личных выпадов и упиваясь главным образом многословными и нарочито прозаическими фактами, представлявшими обзор периода с прошедшего 19 месяцев назад XIII съезда. Поскольку оппозиция теперь получала возможность выступить с содокладом, он спокойно мог переложить на нее бремя ответственности за раскол партийного единства. Потенциально провокационный характер носили только два замечания, сделанные им уже к концу выступления. Он подхватил высказывание, которое сделал Куйбышев на московской конференции относительно двух уклонов в крестьянском вопросе. Он отказался признать, что один из них «хуже» или опаснее, чем другой. Однако в то время как партия готова и горит желанием ограничить кулака, она гораздо менее подготовлена к тому, чтобы иметь дело с теми, кто недооценивает важность союза с середняком. И по этой причине партии следует «сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном»³. Другое достойное внимания замечание относилось к грядущей победе социалистических элементов над капиталистическими в Советском Союзе — проблема социализма в одной стране:

«Кто не верит в это дело — тот ликвидатор, тот не верит в социалистическое строительство... Кто устал, кого пугают трудности, кто теряет голову — пусть даст дорогу тем, кто сохранил мужество и твердость»⁴.

Это предостережение носило общий и даже банальный характер. Но все прекрасно понимали, о ком идет речь.

Вслед за своим шефом с докладом о работе Центрального Комитета по организационным вопросам выступил Молотов. Он тоже был настроен весьма прозаически и благодушно. Он в общих выражениях говорил о необходимости «громальной работы по борьбе с уклонами от ленинизма», с удовлетворением отметил, что со времени предыдущего съезда выпуск «ленинской литературы» увеличился в тринадцать раз, и мягко подшучивал над Саркисом, который раскопал не меньше девяти уклонов от ленинизма⁵. На второй день с содокладом выступил Зиновьев. Учитывая характер обстоятельств, тон его был на удивление сдержанным, и выслушали его вежливо, ни разу всерьез не прерывая, хотя единственные аплодисменты исходили, по всей видимости, от ленинградской делегации. Он заключал теоретические изыскания сначала о НЭПе и государственном капитализме, потом об отношении партии к крестьянину: последнее содержало неизменное разоблачение лозунга «Обогащайтесь!» и поименную кри-

тику Бухарина. Он опроверг тезис о большей опасности «левого» уклона, приписав его Куйбышеву, который впервые выдвинул его на московской конференции. Единственной его ссылкой на тот факт, что он был подтвержден Сталиным, была фраза, послужившая отголоском фразы Сталина: «Открыть огонь нужно в другом направлении». Не упоминая имени автора, он отвел и обвинение в «усталости». Имя Сталина на протяжении всего его выступления не называлось ни разу⁶. Оно было менее витиеватым и менее риторическим, чем большинство речей Зиновьева, однако, по всей видимости, особого впечатления на слушателей не произвело. В нем звучала скорее жалоба, чем вызов, оно мало походило на призыв к действию, исходящий от потенциального лидера.

Ответная речь Бухарина начиналась с выражений удовлетворения по поводу того, что Зиновьев выступал «не в тоне того визга, который мы слышим ежедневно со страниц «Ленинградской правды», а в спокойном тоне, которым и подобает говорить на партийном съезде». Однако именно Бухарин ввел в дискуссию первые желчные ноты. Содоклад Зиновьева показал, что он противопоставил себя большинству Центрального Комитета и представлял собой «факт первоклассной политической важности» — эта тема была потом подхвачена почти всеми выступавшими, которые поддерживали линию большинства. Бухарин с издевкой заметил, что у оппозиции нет конкретных альтернативных предложений, которые она могла бы выдвинуть, — это не лишенное оснований обвинение также стало одной из излюбленных тем у последующих ораторов. Настаивая, что ключом всей дискуссии является вопрос об «отношении между рабочим классом и крестьянством», Бухарин еще раз подробно проанализировал знакомые уже проблемы социализма в одной стране, НЭПа, государственного капитализма и кооперации. Он вновь сказал о своем уже троекратно повторенном отказе от лозунга «Обогащайтесь!», что дало ему возможность обратиться к оппозиции с эффектной концовкой:

«Вы пользуетесь... тем, что мы не применяем по отношению к своим оппонентам той политики, которую применяете вы, потому что мы никогда не требовали от тов. Зиновьева: откажись публично от своей ошибки...»⁷

Всем, кто слышал эти слова, они должны были напомнить не только о недавнем отречении самого Бухарина, но и о проникновенном призыве признать ошибочность своих воззрений, обращенном на прошлом съезде Зиновьевым к Троцкому⁸.

На следующем заседании взволнованным выступлением Бухарину ответила Крупская. Его лозунг, прежде чем он от него отказался, принес огромный вред, и эта опасность была усилена количеством его учеников, поскольку «красная профессура, группирующаяся около т. Бухарина⁹, это ведь — готовящаяся смена, подготовка теоретиков, которые будут определять нашу линию».

Крупская еще раз повторила свое, уже выраженное на московской конференции, несогласие с версией Бухарина о трех различных взглядах Ленина на кооперацию. Она неосторожно подставляла себя под обвинение в «неверии», утверждая, что «успехи нашей промышленности всем нам немножко вскружили голову» — сделанные этой осенью сверхоптимистические оценки перспектив на урожай свидетельствовали о некоторой утере «трезвости», которую в прошлом рекомендовал соблюдать Ленин. Однако самая важная часть ее выступления носила более общий характер. Она с осуждением высказалась о подавлении свободы дискуссий накануне съезда:

«...Отдельные мнения не получили выражения на страницах нашего центрального органа, и благодаря тому, что этого не было, партия не подготовлена к дискуссии, которая, как снег на голову, обрушилась на партию за две недели до съезда». Нападки на Зиновьева за то, что он выразил свое личное мнение, неоправданны. Решения съезда партии обязательны, но съезд не всемогущ, как на то претендует английский парламент».

«Для нас, марксистов, — продолжила Крупская, — истина — то, что соответствует действительности. Владимир Ильич говорил: ученье Маркса непобедимо, потому что оно верно. И наш съезд должен озаботиться тем, чтобы искать и найти правильную линию. В этом — его задача. Нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право».

В отрывке, который был воспринят как очень оскорбительный, Крупская напомнила о съезде партии, проведенном в 1906 г. в Стокгольме, где большинство составляли меньшевики, и чьи основные решения были впоследствии пересмотрены. Из этого не был в явном виде извлечен — а возможно, и вовсе не предполагался — вывод, будто на XIV съезде большевистскому ядру, группирующемуся вокруг Зиновьева, Каменева и Крупской, противостоит временно захватившее контроль над партией меньшевистское меньшинство. Но аналогия лежала не глубоко от поверхности и была очевидна всем. Закончила Крупская одной из своих излюбленных цитат из Ленина:

«В истории были случаи, когда учение великих революционеров искажалось после их смерти. Из них делали безвредные иконы, но, предоставляя их имени почет, притупляли революционное острое их учения»¹⁰.

Это была угрожающая и в некотором роде неожиданная линия атаки — и дать на нее официальный ответ был выдвинут Петровский:

«По нашему большевистскому мнению, истина заключается в том, что вся масса, представители от всей партии съехались сюда и скажут: это есть истина. Истина заключается еще и в том, чтобы — по другому большевистскому принципу, который неоднократно провозглашал Владимир Ильич, — подчиниться большинству, когда решается дело. Надежда Константиновна здесь, на

коммунистическом съезде, сделала такое замечание о буржуазном парламенте, смысл которого такой: хотя вопросы и будут решаться огромнейшим большинством, но, если кто-нибудь будет не согласен, — это, может быть, и не будет истина. Это не в традиции большевиков...»¹¹

Делегация от Узбекистана (в прениях выступили несколько делегатов из отдаленных районов) поддержала официальную линию, придав ей персональное звучание. Когда в Средней Азии обсуждалась земельная реформа, некоторые члены Политбюро — он не станет называть имен — «даже не поинтересовалась этим вопросом». Самую активную поддержку и участие они встретили со стороны Сталина и Калинина¹².

К тому времени шел уже третий день съезда, и атмосфера явно ухудшилась. Лашевич был первым оратором от оппозиции, который был вынужден из-за постоянных насмешек и выкриков перейти на оборонительные позиции. Он высказал перед лицом шумной, недоброжелательной аудитории протест против «отсечения» Зиновьева и Каменева от руководящей роли в партии. Выдвинутое им требование, что «мы хотим, чтобы меньшинству не затыкали рты», было встречено ироническими выкриками, что это требование «свободы группировок»¹³. После того как Микоян возразил, что никто и не думает об «отсечении» Каменева и Зиновьева, просто требуют, «чтобы они подчинились железной воле большинства ЦК», Угланов повел личную атаку на Каменева, который был его предшественником в Московской организации. Шумное заседание закрылось выступлением Ярославского, который сделал все, чтобы посыпать соль на раны оппозиции, и выдвинул новый предмет для разногласий, процитировав, под аккомпанемент негодующих выкриков со стороны ленинградцев, выдержки из резолюций, якобы принятых ленинградскими партийными группами, которые отмежевывались от позиции ленинградской делегации¹⁴.

Утреннее заседание 21 декабря 1925 г. было почти исключительно посвящено длинному выступлению Каменева, которое было, по общему мнению, расценено как наиболее талантливый и наиболее эффективный вклад со стороны оппозиции¹⁵. Пытавшихся в начале речи прервать его он на некоторое время устыдил и заставил замолчать, обратившись к ним с вызовом: «Если у вас есть поручение перебивать меня, то вы так и скажите». Это было обвинением, возможно и обоснованным, в том, что демонстрации против выступивших от оппозиции были специально организованы. Он затронул те же принципиальные проблемы, что и другие ораторы, но свой анализ продолжил дальше. Он процитировал утверждение Сталина, будто прокулацкий уклон менее опасен, чем противоположный, и приступил к его опровержению:

«...Вся социальная обстановка, все соотношение классов в нашей стране, вся международная обстановка поддерживают и пи-

тают корни того течения, которое склонно прикрашивать нэп, а не срывать».

После этого он перешел к открытой критике личной позиции Сталина:

«Я тов. Сталина упрекал на ряде совещаний, я повторяю это перед съездом: ты вряд ли согласен с этой линией, но ты ее прикрываешь, и в этом твоя ошибка как руководителя партии; ты твердый человек, но ты не даешь партии твердо отвергнуть эту линию, которую большинство партии считает неправильной. Я говорил тов. Сталину: если лозунг «обогащайтесь» мог гулять в течение полугодия по нашей партии, то кто в этом виноват? Винтоват т. Сталин. Я спрашивал его: ты согласен с этим лозунгом? — Нет, не согласен. Почему же ты мешаешь партии ясно и точно отвергнуть этот лозунг? Теперь я вижу, товарищи, что т. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии, творцом и подлинным представителем которой является т. Бухарин».

В минуту раздражения он обвинил большинство Центрального Комитета в том, что оно проводит политику «обмана». Позднее он с извинениями взял это обвинение назад, однако оно было оставлено в официальной стенограмме¹⁶. Но настоящую сенсацию вызвала заключительная часть выступления Каменева, где содержался прямой вызов относительно руководящей роли Сталина:

«Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику, и организацию, стоял над политическим органом... Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда Секретариат объединяет и политику и организацию и фактически предпринимает политику».

В этом месте послышались выкрики с мест. Но Каменев бесстрашно продолжил:

«Но я должен договорить до конца. Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: Я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба».

Подобные слова, внезапно разорвавшие в клочья фикцию коллективного руководства, в которую еще стыдливо облекалась личная власть Сталина, еще никогда в Советском Союзе публично не произносились. Они вызвали бурю негодования со стороны большинства, одобрение со стороны ленинградских делегатов и выражения противоположных чувств, которые проявились в виде аплодисментов Сталину. Когда — по всей видимости по прошествии нескольких минут — шум улегся, Каменев произнес заключительные слова своей речи:

«Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя! Этими словами я и кончаю речь свою».

Бомба, брошенная Каменевым, изменила лицо всего съезда. Он произнес в запальчивости то, что некоторые — возможно и многие — думали, но никто еще до сих пор не осмеливался произнести вслух. Но в то же самое время он подставил оппозицию под еще одно новое обвинение, которое потом выдвигал почти каждый из принявших участие в дискуссии официальных ораторов: Каменев обнажил истинный мотив оппозиционной платформы — личная ревность и неприязнь к Сталину — и пустоту соответствующих принципиальных аргументов, на которые она опиралась. До сих пор не вполне ясно, разделяли ли широкие слои рядовых членов партии те мрачные опасения относительно личной власти Сталина, которые во всеуслышание произнес Каменев. Немедленный ответ следующего в списке выступавших, Томского, являл собой полное и безоговорочное опровержение:

«Смешно говорить то, что говорили здесь и что пытались изобразить некоторые товарищи, — будто кто-либо сосредоточил в своих руках власть, а остальное большинство ЦК его поддерживает».

Как это могло случиться? Нет, т. Каменев, если вы ставите вопрос о том, что система единоличных вождей не может существовать, мы говорим: мы все время против этого боролись; система единоличных вождей не может существовать и ее не будет, да, не будет».

И Томский закончил тем, что скоро превратилось в главный аргумент официальной линии, предлагая Каменеву и Зиновьеву: «то, чему вы учили т. Троцкого, советую, как урок, отнести к себе» и «склонить голову перед волей партии»¹⁷.

Следующим с длинной и хорошо аргументированной речью, где были рельефно представлены как точки соприкосновения с другими лидерами оппозиции, так и их расхождения, выступил Сокольников. Он тоже выдвинул предостережение: «Не переоценивайте зрелости социалистических элементов в вашем хозяйстве», однако сделал оттуда вывод, который ленинградская оппозиция не разделяла и который имел скорее привкус «правого» уклона, — что для стимулирования сельскохозяйственного экспорта необходимо развивать крестьянское производство. Аномальность его позиции иллюстрировалась тем фактом, что, в то время как остальная часть оппозиции считала, что Бухарин находится где-то далеко «справа», Сокольников обвинял его в возрождении того же самого «левого ребячества», в котором некогда обвинял его Ленин¹⁸. По вопросу о личных позициях Сталина он, однако, твердо поддержал Каменева:

«Поскольку генеральный секретарь партии, с одной стороны, является членом Политбюро, а с другой стороны, руководителем Секретариата, то, совершенно независимо от личности тов. Ста-

лина, создается такое положение, когда любое расхождение в Политбюро, возникающее по любому политическому вопросу, получает свое отражение на организационной работе, потому что в действительности один из членов Политбюро, являясь генеральным секретарем, т. е. руководя всей организационной работой, оказывается в таком положении, что любое его разногласие по любому вопросу в Политбюро может получить немедленно то или иное выражение по линии организационных мероприятий»¹⁹.

Шел уже пятый день дискуссий, и все, что могло быть сказано, уже было сказано. Некоторое разнообразие внесли лидеры оппозиции, распространив среди делегатов для информации — но не для публикации — «Сборник материалов по спорным вопросам». Среди прочих документов он, к раздражению Сталина, содержал его интервью в газете «Беднота», где он, как выяснилось, обсуждал вопрос о возврате к частной собственности на землю и чью подлинность он отрицал; ту статью Крупской, которую отказался напечатать Центральный Комитет, и ответ Бухарина, также не опубликованный²⁰. Рудзутак обвинял Каменева в том, что тот уже в течение самого съезда вел с ним разговоры, зондируя почву насчет совместных действий с целью свергнуть Сталина. Безвестный делегат из Тулы зачитал письмо Леонова в ЦК о его разговоре с Залуцким²¹. Список выступавших дополнил Ворошилов, произнесший первую, хотя еще и осторожную, но уже вполне явную хвалебную речь в адрес Сталина. Каменев ведь был председателем Политбюро, и тем не менее он жалуется, что Сталин пользуется чрезмерной властью:

«Товарищи, все это происходит по весьма простой причине. Тов. Сталину, очевидно, уже природой или роком суждено формулировать вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Политбюро. Тов. Сталин является — я это утверждаю — главный членом Политбюро, однако никогда не претендующим на первенство, в разрешении вопросов он принимает наиболее активное участие, и его предложения чаще проходят, чем чьи-либо другие. Причем предложения эти принимаются единогласно»²². Рыков вновь взвинтил дискуссию, придав ей новый импульс своим насмешливым замечанием, что у оппозиции нет единства. «Надежда Константиновна поддерживает тт. Каменева и Зиновьева с точки зрения сочувствия „бедным и угнетенным“, а тов. Сокольников поддерживает их „справа“, то есть выступая за дальнейшие уступки капиталистическим элементам. Надежда Константиновна говорит, что лозунг „Обогащайтесь!“ привел к проекту ликвидации монополии внешней торговли, автором которого был... тов. Сокольников. Все вновь вернулось к персональным вопросам: „никогда и ни перед кем, ни перед Сталиным, ни перед Каменевым, ни перед кем-либо другим, партия на коленях не стояла и не станет“». Рыков закончил весьма эффектно, процитировав произносимые Зиновьевым во время и после XIII съезда

тирады против «фракционизма» Троцкого. Мораль отсюда ясна и в комментариях не нуждается²³.

Теперь путь был расчищен, и можно было переходить к заключительным выступлениям трех основных докладчиков — Зиновьева, Молотова и Сталина, — которые были произнесены в этом же порядке. Первая часть немислимо длинной речи Зиновьева²⁴ была посвящена хорошо известной теоретической полемике: единственным новым пунктом было то, что Зиновьев привлек внимание к выдержке из сталинских «Основ ленинизма», которая, как выяснилось, отвергает возможность построения «социализма в одной стране»²⁵. Затем Зиновьев обратился к вопросам партийной организации. «Целый год, — воскликнул он, — Ленинградская организация живет в атмосфере рассказней, в полуосадном положении». Начиная с этого момента, его речь постоянно прерывалась шумными выкриками с мест. Любые сетования на несправедливость, проявленную по отношению к Ленинградской организации, и на выдвинутые против ее руководителей обвинения встречались выкриками «Как насчет Троцкого?». В конце концов он попытался опровергнуть злополучную параллель. В 1923 г., объяснил он, в партии еще не созрели условия для полной демократии. Но «что 1926 год не есть 1921 и не 1923 годы — теперь другие рабочие, другая активность масс, другие лозунги... В 1926 году надо подойти иначе, чем в 1923 г.» Однако даже это искусное жонглирование датами — ведь эти два события разделял, в сущности, всего лишь один год — не заставило этот хилый аргумент звучать более внушительно. Затем Зиновьев сделал заявление, которое на некоторое время повергло аудиторию в изумленное молчание, и в ответ на прозвучавшие выкрики повторил то же самое в идентичных выражениях:

«...Не допуская фракций, оставаясь в вопросе о фракциях на старых позициях, вместе с тем поручить Центральному Комитету привлечь к работе все силы всех бывших групп в нашей партии и дать им возможность работать под руководством ЦК».

Повторение было встречено криком «С кем вы заигрываете?», который Зиновьев проигнорировал. Он закончил предложением о реорганизации органов ЦК «под углом зрения полномочного Политбюро и служебного, подчиненного ему, Секретариата». Секретариат, заметил он, «имеет теперь несравненно большую власть, чем это было при Владимире Ильиче», — это был единственный конкретный намек на личные позиции Сталина.

Теперь задача Молотова и Сталина значительно облегчилась, и они в своих ответах могли себе позволить позу сторонников благоразумной и умеренной линии, которая уже сослужила им такую хорошую службу в прошлом. Молотов обратил особое внимание на расплывчатость и отсутствие единства в рядах оппозиции, слегка поиздевался над «Григорием Милостивым» за то, что тот хочет распространить свою благосклонность на все группы и тенденции в партии, и в заключение отметил, что «полно-

властное Политбюро», за которое ратуют Зиновьев и Каменев, означает такое Политбюро, «где у тт. Зиновьева и Каменева будет большинство»²⁶. Речь Сталина была более чем вполнину короче речи Зиновьева. Он дал жесткие ответы по четырем конкретным пунктам. Весьма примечательно, что три из них были поставлены Сокольниковым, членом оппозиции, политическая программа которого — оставляя в стороне любые личные соображения — вызвала у Сталина наиболее искреннее и чистосердечное несогласие. Он снова обсудил так называемые принципиальные вопросы — коротко, но значительно более резко, чем в своем предыдущем выступлении. отождествляя НЭП с капитализмом, Крупская несла «несуветную чепуху». Зиновьев был виновен в «постоянном вихлянии» по крестьянскому вопросу. Сталин позаимствовал у Бухарина выражение, которое тот употребил относительно Зиновьева на московской конференции: «Это ведь истерика, а не политика». Несколько минутами позже он с удовольствием посмаковал один из своих редких литературных шедевров, подхватив и разукрасив замечание, которое сделал до этого на съезде в адрес оппозиции Калинин: «Они требуют крови тов. Бухарина».

«Чего, собственно, хотят от Бухарина? — спросил теперь Сталин. — Они требуют крови тов. Бухарина. Именно этого требует тов. Зиновьев, заостряя вопрос в заключительном слове на Бухарине. Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте»²⁷.

Прежде чем перейти наконец к заключительной части своего выступления, он посвятил некоторое время истории настоящей дискуссии. Он против какого бы то ни было «отсечения» вождей. Но партия будет добиваться единства «вместе с тт. Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них — если они этого не захотят».

Шестидневный турнир ораторского искусства был закончен, оставалось лишь зафиксировать решение. Проект резолюции представил Угланов. Она расставляла точки над «і» в официальной линии, безоговорочно осуждая, таким образом, позиции ленинградцев, но не содержала никаких открытых нападок в их адрес и не повторяла обвинений в пораженчестве, ликвидаторстве и аксельродовщине. Короче говоря, она представляла собой тот самый компромисс, который предлагало оппозиции накануне съезда большинство, — это была резолюция, в основу которой, «смягчив отдельные формулировки», была положена резолюция московской конференции²⁸. Эта умеренность сильно смутила оппозицию, более чем когда бы то ни было затруднив для нее возможность занять четкую и определенную линию. В конце Каменев заявил от имени оппозиции, что в принципе резолюция для них приемлема, но тут же фактически аннулировал это утверждение, предложив ряд поправок, которые включали конкретное требование снять предъявленные оппозиции обвинения и включить хотя бы некоторые из их тезисов. Сталин, от имени «делегаций, предложивших прочи-

танный тов. Углановым проект резолюции», в нескольких словах дал четко и ясно понять, что это максимальные уступки, на которые сочло возможным пойти большинство, и что резолюция должна быть принята или не принята в том виде, в каком она есть. После того как было отвергнуто предложение передать резолюцию вместе с поправками на рассмотрение специальной комиссии, резолюция была поставлена на поименное голосование и принята 559 голосами против 65 — полный список голосов оппозиции²⁹. Это произошло поздним вечером 23 декабря 1925 г. На следующий день съезд решил отдохнуть от своих трудов.

Решающее голосование, проведенное 23 декабря 1925 г., переместило центр интересов из Москвы в Ленинград — теперь кардинальное значение приобретало отношение ленинградских местных партийных групп. В течение всей дискуссии «Ленинградская правда» продолжала в самых резких выражениях осуждать линию большинства. В передовой статье 20 декабря Сафаров вновь выступил с критикой Бухарина, и некоторые из опубликованных статей с негодованием цитировались выступавшими на съезде представителями большинства³⁰. 22 декабря, когда дискуссии все еще продолжались, Ленинградский губком партии выпустил инструкцию всем партийным организациям губернии воздержаться от обсуждения дискутируемых проблем до окончания съезда. В тот же день комитет Выборгского района Ленинграда, формально повиновавшись наложенному вето, принял большинством голосов решение обратиться по этому поводу с протестом к партийному съезду и послать съезду приветственный адрес — это нарушение дисциплины было осуждено губкомом³¹. «Ленинградская правда» напечатала, как положено, в номере от 24 декабря 1925 г. принятую съездом накануне вечером резолюцию, заметив, что она была «вынесена не единогласно», но не удосужившись привести точные результаты голосования. При этом давалось понять, что ленинградцы голосовали против нее потому, что предложенные ими поправки были отвергнуты без обсуждения, и утверждалось, что резолюция *«весьма существенно»* отличается от резолюции московской губпартконференции». Газета заявляла, что резолюция должна быть выполнена, но предостерегала читателей против «произвольно-расширительного толкования» и заканчивали призывом к «ленинскому единству».

Ситуация стала щекотливой, когда, оставив лишь ударный отряд для защиты рубежей в Москве, Зиновьев вместе с основной частью остальных ведущих членов ленинградской делегации вернулся в Ленинград. В путешествие отправились и представители противоположного лагеря — Угланов, Микоян и Орджоникидзе. Вскоре борьба за верность ленинградской партии и ленинградского пролетариата была в полном разгаре³². «Ленинградская правда» продолжала торжественно заявлять о своей приверженности партийному единству, однако испытывала некоторые трудности,

пытаясь согласовать это с тем фактом, что ленинградская делегация проголосовала против резолюции съезда.

Съезд тем временем возобновил 25 декабря свои заседания в Москве перед поредевшей аудиторией и в отсутствие многих видных деятелей. Дискуссия по представленному Куйбышевым докладу Центральной контрольной комиссии заслуживала внимания из-за ряда откровенных разговоров, касавшихся весьма неприятного вопроса о «доносах», который был поднят в резкой форме письмом Леонова о Залуцком³³. Крупская, начавшая свое выступление с того, что заявила, что она «с чрезвычайным волнением смотрела на судьбы нашей партии»*, поставила под сомнение вклад ЦКК в «охрану единства партии» и подвергла резкой критике неограниченную власть Оргбюро и Секретариата в перемещении или отстранении от работы членов партии. Центральная контрольная комиссия призвана хранить «независимость и объективность мысли» (кто-то задал вопрос: «Независимость от чего?»): именно по этой причине существует правило, что член ЦК не может также одновременно быть и членом этой комиссии. Крупская неосторожно высказала неодобрение по поводу действий Куйбышева как председателя этой комиссии за то, что тот внес вклад в подготовку проекта заявления московской конференции, где осуждалась ленинградская оппозиция, и тут ей напомнили, что она подписала «платформу четырех». Во время выступления ее часто прерывали, и она закончила запоздалым призывом к единству, патетика которого уже не произвела ни на кого никакого впечатления³⁴. Ярославский снова процитировал прозвучавший на XIII съезде призыв Зиновьева к Троцкому признать свои ошибки и сделать прозвучавшее весьма зловеще замечание на будущее: «Я убежден в том, что на XV съезде мы не будем иметь такого позорного явления, какое мы имеем здесь»³⁵. Куйбышев в своей заключительной речи произнес самый развернутый из всех, что были сделаны на съезде, панегирик в адрес Сталина:

«Я от имени всей Центральной контрольной комиссии заявляю, что именно тов. Сталин, являющийся генеральным секретарем нашей партии, является тем лицом, которое сумело вместе с большинством Центрального Комитета и при его поддержке сплотить вокруг себя все лучшие силы партии и привлечь их к работе. Совершенно бесспорно, что теперешнее руководство Центрального Комитета в период от XIII до XIV съезда является лучшим из когда бы то ни было существовавших составов Центрального Комитета в смысле увеличения руководства и связи с местными организациями... На основании действительного опыта, действительного знания нашего руководства я от имени ЦКК заявляю о том, что это руководство и этот генеральный секретарь нашей

* Автором допущена ошибка: данная цитата имеет следующий вид: «В. И. с чрезвычайным волнением смотрел на судьбы нашей партии». — *Прим. ред.*

партии являются тем, что нужно партии, чтобы идти от победы к победе».

И все-таки в тот момент Сталина еще можно было охарактеризовать как человека, склонного к сдержанности и умеренности. Во время работы губпартконференции Куйбышев сам вызвался поехать вместе с другими членами комиссии в Ленинград, чтобы на месте вмешаться в заседания конференции. И именно Сталин удержал его от этого шага, «потому что была еще надежда, что дело не пойдет так далеко»³⁶. Доклад комиссии был одобрен съездом при сорока воздержавшихся; сократившаяся числом ленинградская делегация не выказала склонности голосовать против³⁷.

Съезд мучительно и скорее безрезультатно протащился через вторую неделю работы — это было неизбежным спадом после бурных, полных возбуждения событий первой недели. 28 декабря Зиновьев вернулся в Москву, чтобы сделать доклад о работе Коминтерна. Содержание доклада не вызвало ни сомнений, ни споров и даже снижало некоторые вежливые аплодисменты, хотя Мануильский и Ломинадзе не смогли упустить возможности, чтобы не привлечь внимание к тому, какое отрицательное воздействие на Коминтерн окажет та позиция, которую занял в партийных разногласиях его председатель. В этой связи 101 стойкий сторонник большинства продемонстрировал свою антипатию к докладчику, воздержавшись от голосования³⁸. В тот же день съезд принял три решения, которые имели более или менее значительные последствия. Первым было принятие по предложению Калинина «Обращения к ленинградской организации РКП(б)», где содержалось осуждение ленинградских лидеров за то, что те угрожают нарушить единство партии, и Ленинградскую организацию призывали «исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией». Это был призыв к членам партии Ленинграда, направленный против их руководителей, и он был принят подавляющим большинством против 36 ленинградских голосов³⁹. Второе, более практическое решение предусматривало захват контроля над ленинградской партийной печатью. Вдохновили это решение две только что опубликованные статьи в «Ленинградской правде» от 27 декабря 1925 г. Первая, озаглавленная «Правда о нашей позиции», была без подписи, в ней вновь повторялись основные принципиальные пункты, отстаивавшиеся на съезде ленинградской делегацией, и делалась попытка доказать, что они вполне совместимы с резолюцией съезда. Вторая, за подписью Сафарова, заявляла, что «новая школа» стремится «спорить с людьми, стараясь завязать им глаза и закрыть рот», называла Зиновьева и Каменева «ближайшими учениками тов. Ленина» и провозглашала, что Ленинградская организация останется «неизменно верной» знамени ленинизма⁴⁰. Снести такое было уже попросту невозможно. Центральному Комитету было поручено «принять немедленные меры по изменению и улучшению состава редакции «Ленинградской

правды». Третье решение, частично продиктованное желанием унижить Каменева, а частично — нежеланием продлевать далее съезд, заключалось в снятии с повестки дня съезда доклада Каменева об экономической политике вместе с предполагавшейся дискуссией по этим вопросам⁴¹.

Следующий день был занят докладом Томского о профсоюзах⁴² и докладом Бухарина о комсомоле. Прения по обоим вопросам время от времени принимали острый характер, но в общем и целом были довольно вялыми. Никто уже не мог сказать ничего нового. Бухарин в своей ответной речи после дискуссий о комсомоле, отвлекшись от основной темы, поиздевался над драматическим призывом Зиновьева снова собрать вместе в партии все «бывшие группировки» и сделал из этого нравоучительные выводы о преимуществах нынешней оппозиции с прежними оппозиционными группами. Передразнивая Зиновьева, он приписал ему слова: «Я тону, тону! Тов. Шляпников, тов. Сапронов, тов. Дробнис, спасите и выручайте!»⁴³

Наконец, съезд с еще большей поспешностью обсудил доклад Андреева о внесении изменений в Устав партии. Наиболее трудным среди этих вопросов оказался вопрос, связанный с предложенным изменением названия партии — вместо Российской коммунистической партии (большевиков), как она называлась с момента своего рождения в 1919 г., переименовать ее во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков). Требование внести это изменение, исходившее от всех нерусских отрядов партии под руководством украинцев, было с логической точки зрения совершенно оправданным и бесспорным. Однако на предшествовавшем съезду заседании Центрального Комитета это предложение вызвало резкие возражения со стороны консерваторов, желавших сохранить традиционный титул. После недолгих дискуссий возражения были в конце концов отклонены, и партии было присвоено новое название⁴⁴. Были одобрены также и изменения в правилах приема в партию⁴⁵. Окончательный текст Устава был еще не готов, и была принята резолюция, возлагающая на Центральный Комитет партии завершение этой работы. В июне следующего года он был окончательно одобрен Комитетом⁴⁶.

Меры, направленные на то, чтобы выполнить решение призвать к порядку «Ленинградскую правду», были предприняты без малейших проволочек. Уже вечером того же дня, когда это решение было принято, — 28 декабря 1925 г. — ЦК собрался, чтобы обсудить выдвинутое большинством Политбюро предложение назначить на место редактора «Ленинградской правды» Гладнева редактора «Известий» Скворцова-Степанова⁴⁷. Зиновьев предложил ЦК просить съезд пересмотреть это решение, которое привело бы к полному расколу Ленинградского губкома партии. Дзержинский, выступая от имени большинства, возразил, что «восстание... против решений партийного съезда» не может быть прощено во имя «партийной демократии»⁴⁸. Хранившие молчание

в течение всего съезда лидеры троцкистской группировки, Троцкий, Пятаков и Раковский, все как один выступили против этого решения, мотивируя это тем, что редакторы местных органов печати не должны назначаться центральными органами партии, и предложили провести совещание с Ленинградским губкомом партии по поводу того, как лучше претворить в жизнь решение съезда. ЦК отвел все эти возражения и большинством голосов принял решение о назначении Скворцова-Степанова⁴⁹. Новый редактор тут же отбыл в Ленинград, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. Согласно его собственному рассказу, к нему приходили делегаты от самых различных местных партийных организаций, угрожая применить силу, если газета выйдет с «московским уклоном». Сотрудники издательства покинули редакцию и осуждали тех, кто остался, как шпионов и *провокаторов*. Особенно агрессивны были члены комсомола. Однако несмотря на все эти обструкции, 30 декабря 1925 г. появился первый, «истинно ленинский» номер газеты «Ленинградская правда»⁵⁰.

Изменение облика «Ленинградской правды», по всей видимости, совпало по времени с резкой и аналогичной по характеру сменой настроений среди рядовых членов партии. Последний номер, вышедший при старой редколлегии 29 декабря 1925 г., содержал материалы, призванные продемонстрировать, что подавляющее большинство районных парторганизаций Ленинграда поддерживает позицию своей делегации на съезде. Номер от 30 декабря, первый при новой редколлегии, сообщал о собрании в Выборгском районе Ленинграда, где выступали Крупская, Комаров, Микоян и Киров и где 850 голосами против всего лишь 50 была принята резолюция, осудившая позицию ленинградской делегации. Такие же резолюции были, как утверждалось, приняты большинством голосов в Петроградском и некоторых других районах⁵¹. Насколько оказалась ослаблена цитадель оппозиции под воздействием превосходящей силы и тактики Центрального Комитета, выявилось в Москве в последний день работы съезда. Почти все заседание — это было 31 декабря 1925 г. — было занято появлением на трибуне одной за другой делегаций от различных партийных организаций и групп, специально для этих целей вывезенных из Ленинграда. Две или три из них провозгласили солидарность с оппозицией. Однако подавляющее большинство из них клялись в верности решениям съезда и стереотипными бранными словами осуждали раскольническую и антиленинскую позицию ленинградских руководителей. Заседание превратилось в серию шумных демонстраций и контрдemonстраций. Однако они выполнили поставленные перед ними задачи, дав возможность победителям объявить после закрытия съезда, что оппозиция не только потерпела убедительное поражение, но была также осуждена теми, кто их выбирал и чьим именем они прикрывались, выступая на съезде.

Сталин и другие руководители большинства неоднократно заявляли, что они не стремятся к «отсечению» лидеров оппозиции. Выборы в партийные органы показали, что — во всяком случае, в тот момент, и неважно, по каким именно мотивам, — эти слова соответствовали действительности. Последним актом съезда было, по традиции, избрание состава Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии. Все лидеры оппозиции были вновь избраны в ЦК. Однако тяжело пострадали сторонники Зиновьева. Из членов ЦК, выступивших на съезде на стороне оппозиции, Залуцкий и Харитонов вообще исчезли из списка, а вместе с ними и Куклин, который сказал на партийном собрании в Ленинграде, что Центральный Комитет «кулацкий уклон проморгал». Николаева и Лашевич были понижены в статусе, превратившись из членов в кандидатов. Из числа бывших кандидатов в члены были исключены Сафаров и Глебов-Авилов⁵². Крупская, хотя и была переизбрана в состав Центральной контрольной комиссии, но место в Президиуме потеряла. 1 января 1926 г. ЦК собрался в новом составе, чтобы провести назначения на посты пониже. Число членов Политбюро было увеличено с семи до девяти человек. Из прежнего состава, куда входили Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский и Троцкий, были вновь избраны все, кроме Каменева, который был понижен до ранга кандидата. Были добавлены три новых члена — Ворошилов, Молотов и Калинин, — причем двое последних числились со времени предыдущего съезда среди кандидатов. Из старого состава кандидатов в члены Политбюро остались Дзержинский и Рудзутак, к ним присоединились Каменев, Петровский и Угланов. Сокольников статус кандидата утратил. Небольшие, не имевшие политического значения изменения были внесены в состав Оргбюро и Секретариата. Список из пятерых членов Секретариата включал теперь Сталина, Молотова, Угланова, С. Косиора и Евдокимова⁵³. Накануне съезда оппозиции было предложено добавить в состав Секретариата представителя от Ленинградской организации. Несмотря на то что оппозиция это предложение отвергла, оно все равно оказалось реализовано за счет включения Евдокимова. Это было явной попыткой — которая впоследствии оказалась безуспешной — завоевать расположение ленинградских руководителей второго ранга. Бухарин был вновь утвержден на своем посту главного редактора «Правды», его заместителем оставался Мануильский.

Ближе к концу того же месяца было объявлено о далеко идущих перестановках в правительственных кругах. Это не затронуло Зиновьева, не имевшего никакого правительственного поста. Однако Каменев и Сокольников были оба понижены в должности. На место Каменева в качестве председателя СТО был назначен Рыков (что носило чисто формальный характер, поскольку Рыков уже занимал пост председателя Совнаркома). Он перестал быть также заместителем председателя Совнаркома. Вместо него были назначены два новых заместителя — Куйбышев, занимавший

двойной пост Наркома рабоче-крестьянской инспекции и председателя ЦКК, и Рудзутак, который был Наркомом путей сообщения. Каменев сменил Цюрупу на посту Наркома торговли. Сокольников уступил Брюханову пост Наркома финансов и получил второстепенный пост заместителя председателя Госплана. Фрумкин стал вместо Шейнмана заместителем Каменева в Наркомторге, а Шейнман получил двойное назначение, став заместителем Наркома финансов и председателем Государственного банка⁵⁴. В общем и целом нельзя было сказать, чтобы победители проявили по отношению к своим главным оппонентам чрезмерную мстительность. Однако эта сдержанность имела оборотную сторону. Ценой за нее было абсолютное подчинение и полное воздержание от каких бы то ни было форм критики или попыток оправдаться. Это требовалось жестким характером партийной дисциплины.

ГЛАВА 18

НОВОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ СИЛ

Ошеломляющая победа Сталина на XIV съезде была неполной лишь в одном отношении: побежденное меньшинство под руководством Зиновьева все еще формально сохраняло контроль над Ленинградской партийной организацией. Последней стадией закрепления победы стала операция чистки в Ленинграде. Был успешно захвачен местный партийный орган, газета «Ленинградская правда». Оставалось превратить Ленинградский губком партии в верный бастион и аванпост размещенного в Москве Центрального Комитета. Ни минуты не терялось даром. Собравшись 1 января 1926 г., Центральный Комитет партии высказался против «личных выпадов против представителей меньшинства», но в то же время наставлял на *«необходимости критики поведения меньшинства на съезде и выявления ошибок ленинградской делегации»*¹. В то же самое время он во имя «большевистского единства» запретил членам ленинградской оппозиции выступать с партийной трибуны против принятых съездом резолюций². 5 января 1926 г. в Ленинград прибыла возглавляемая Молотовым³ представительная делегация ЦК, целью которой было разъяснение ленинградским трудящимся результатов съезда. Зиновьев написал членам приехавшей делегации горькое письмо, выражая в нем надежду на то, что они будут «настолько корректны», чтобы объяснить ленинградским трудящимся причину его молчания⁴. Нет никаких доказательств, чтобы кто-нибудь из них счел необходимым это сделать. Томский саркастически напомнил, что в те времена, когда «колотили» его, ему не приходило в голову «декларации писать»⁵.

Хотя путь им, таким образом, был расчищен, задача, которую предстояло решить прибывшим в Ленинград гостям, оказалась достаточно деликатной. По приезде их встретили известием, что бюро Ленинградского губкома партии организовало в тот же самый день собрание активных членов партии, на котором предполагалось заслушать доклад высоких гостей. Молотов счел, что подобное сборище — «еще далеко не действительное отражение организации», и сослался на решение Севзапбюро ЦК ВКП(б) — более высокую инстанцию в партийной иерархии, — которая предписывала делегатам «начать... с низовых партийных коллективов»⁶. В соответствии с полученными инструкциями члены этой

делегации решили обратиться непосредственно к партийным группам рабочих на предприятиях. Кампания была не из легких. «Ленинградская правда» признала, что обстановка на некоторых заводах была «нездоровой», что оппозиция «отчаянно обороняется» и «перебрасывает свои силы из района в район, с предприятия на предприятие»⁷. В промежуточном отчете о результатах первой недели работы, опубликованном в «Правде», Молотов рапортовал о том, что члены делегации выступили на 48 собраниях, на которых присутствовали 28 тыс. рабочих. В общем и целом единодушные или «огромное большинство» были обеспечены. Однако в одном из районов оппозиция была особенно активна, и кое-где «на отдельных предприятиях набиралось несколько десятков человек, голосовавших против резолюций, согласованных с ними»⁸. Киров в течение одного месяца выступил на 15 собраниях, проведенных на предприятиях⁹. Время от времени оппозиция вступала в открытые схватки, и выступавшим приходилось наталкиваться на «беспартийных рабочих, даже отсталых рабочих, которые иногда по адресу нашей власти и нашей партии отпускают, под тем или другим влиянием, слова совсем приемлемые»¹⁰. На проведенном 20 января 1926 г. собрании на Путиловском заводе, которому, по всей видимости, придавалось особое значение, основную речь произнес Томский, его поддержали Калинин, Молотов, Ворошилов и Петровский. От оппозиции выступили Глебов-Авиллов, Минин и Куклин. Резолюция, одобрявшая политику Центрального Комитета и осудившая ленинградскую оппозицию, была принята «огромным большинством» голосов¹¹. Подводя на другой день баланс всей кампании, Молотов рапортовал, что тот или другой из членов делегации выступили в 652 из 717 рабочих коллективов Ленинграда. На этих собраниях присутствовали 63 тыс. рабочих, или 82% всех членов партии города. На каждом из них была принята резолюция, одобряющая решения съезда партии и осуждавшая фракционистскую деятельность оппозиции. За большинство было подано более 60 тыс. голосов, против — более 2 тыс. В районе, где оппозиция пользовалась наиболее сильной поддержкой, ей удалось собрать всего 10% голосов. В партакчейках Красной Армии и Флота в собраниях приняло участие 89% членов партии, и 99% присутствовавших на этих собраниях проголосовали за линию Центрального Комитета¹². Какие еще дополнительные меры могли потребоваться, чтобы вырвать ленинградских рабочих из тисков Зиновьева и его сторонников, не сообщалось. Внезапность, с которой относительно большие группы членов партии могли в течение нескольких дней переменитьсь от почти единодушной поддержки оппозиции к почти единодушному одобрению линии партии, не могла предполагать ни истинного изменения идеологических позиций, ни каких бы то ни было специальных форм давления (едва ли их можно было практически осуществить в столь крупных масштабах). Она свидетельствовала о широко распространенной готовности следо-

вать за господствующим мнением. Было бы нереалистической задачей попытаться проанализировать эту готовность, подразделив ее на составные части, и определить, в какой степени она обязана полнейшему безразличию, в какой — убежденности в выгодах конформизма и в какой — знакомому психологическому импульсу встать на сторону победителей.

В то время, однако, как рядовые члены партии были столь легко завоеваны, а лидеры высшего ранга хранили молчание, наиболее упорное сопротивление исходило, по всей видимости, от партийных руководителей и партийных деятелей среднего уровня. В докладе Молотова признавалось, что среди тех, кто голосовал против резолюций, был «значительный процент партийных активистов». Из 61 члена ленинградской делегации на XIV съезде партии только трое своевременно предприняли шаги, чтобы отмежеваться от разбитой оппозиции¹³. Утверждалось, что пятеро членов Ленинградского губкома партии выразили протест против позиции ленинградской делегации на съезде¹⁴, а в «Правде» от 15 января 1926 г. было опубликовано заявление еще одного члена губкома:

«Отмежевываясь от оппозиции не по трусости (ибо честного коммунара в этом заподозрить нельзя) призываю и других членов губкома ВКП(б) последовать моему примеру».

В январе 1926 г. на страницах «Правды» перемену своих настроений зарегистрировали и другие «отступники»¹⁵. Однако число их было настолько невелико, что имелись основания предположить, что они были скорее исключением, чем правилом. Вместе с тем резолюция Северо-Западного бюро РКП(б) обвинила «некоторые подразделения партийной бюрократии» Ленинграда в том, что они пытались подавить мнение рядовых членов партии и запретить проведение собраний, выражавших поддержку линии партии¹⁶. Принятое визитерами из Москвы с самого начала решение избежать собрания активных членов партии и обратиться непосредственно к «более низкому рангу» представляется достаточно обоснованным. После интенсивной двухнедельной пропаганды на предприятиях московские делегаты были уже достаточно уверены в успехе, чтобы сыграть в открытую. Было обеспечено большинство в Ленинградском губкоме партии, и, по его решению, в феврале 1926 г. собиралась XXIII ленинградская губпартконференция, а в последнюю неделю перед ее открытием было решено провести районные и окружные конференции. Это решение было 25 января подтверждено Северо-Западным бюро и 27 января — Центральным Комитетом¹⁷.

Теперь все силы были направлены на то, чтобы сокрушить потерпевшую поражение оппозицию на предстоящей губпартконференции. Предварительные районные и окружные конференции предоставили московским гостям новые возможности, чтобы продемонстрировать свое ораторское мастерство. Прибывший для усиления делегации Бухарин произнес основную речь на конференции в Выборгском районе, главном опорном пункте рабочих

металлургической промышленности. Он начал с заявления, что Центральный Комитет партии апеллирует *«к низам ленинградской партийной организации»*, считая, что это «самый демократический путь» ликвидировать конфликт. Главная тема выступления сводилась к тому, чтобы связать «новую оппозицию» с прежними оппозициями — оппозицией Троцкого, группой «Рабочая правда» и «рабочей оппозицией». Зиновьев вновь изображался как человек, в отчаянии бросающийся к бывшему лидеру «рабочей оппозиции»: «Я тону, Шляпников, спаси!» Отдавая себе отчет, что он выступает в пролетарской аудитории, Бухарин еще рад покаяться в своем ошибочном лозунге «Обогащайтесь!», признавшись, что «этой ложкой дегтя испортил бочку меда»¹⁸. Выступавший в Петроградском районе Киров выразил сожаление, что в течение первых девяти месяцев 1925 г. в качестве кандидатов в члены партии от Ленинградской организации были приняты только девять «крестьян от сохи» и лишь трое из них стали членами партии, — обвинение в пренебрежительном отношении к крестьянству еще не умерло¹⁹. Молотов, выступивший в Володарском районе, затронул более тонкий вопрос. Было бы, по его мнению, неправильным считать, что «эти разногласия можно объяснить какими-нибудь личными несогласиями отдельных товарищей или личными их недостатками». Он задал вопрос, какие социальные слои представляет оппозиция, и нашел ответ, что это «новые элементы» пролетариата, «в особенности из деревни», которые не верят в социализм, а также те элементы среди рабочих, «которым недостаточно ясны обязанности рабочего класса по отношению к деревне»²⁰.

Главная конференция, которая заседала с 10 по 12 февраля 1926 г., никаких сюрпризов не принесла. С основной речью вновь выступил Бухарин, который снова обратился к теоретическим проблемам НЭПа и государственного капитализма и упрекнул оппозицию, хотя и в относительно вежливых выражениях, в том, что она не смогла распознать характерные черты текущего периода — возможность строительства социализма «даже в одной стране» и необходимость умиротворения крестьянина. Он закончил призывом к «нефальшивой, а настоящей внутрипартийной демократии», подготовив почву к наиболее острой части своего выступления:

«Мне кажется, да простят меня некоторые товарищи из бывших руководителей Ленинградской организации, что тот режим, который здесь был, можно характеризовать как соединение демагогии с фельдфебельскими методами управления партией...

Пусть будет поменьше парадов, поменьше словесной трескотни, пусть будет поменьше показного, пусть будет поменьше внешнего лоска, пусть будет поменьше внешних эффектов, но побольше работы по существу, и притом работы, проводимой более демократическим путем. Ведь всякий легко поймет, почему руководящий аппарат старого типа в Ленинграде так скоро потерял свой авторитет: не только потому, что сюда понаехало много чекистов (конечно, и это имело значение), но потому, что ЦК опирался

здесь на демократическое недовольство партийных низов против бюрократического аппарата ленинградских организаторов»²¹.

Это было явным и недвусмысленным объявлением того, что ни один квартал не будет отдан Зиновьеву, но что любой из его сторонников, готовый оставить его и отречься от него, будет принят с распростертыми объятиями. Очевидно, подавляющее большинство предпочло выбрать именно этот путь. Киров, Молотов и Ворошилов тоже выступали на конференции. Ворошилов заявил, что необходимо положить конец системе «феодалных княжеств в рамках нашей партии»²². Несмотря на то что многие делегаты были, конечно, настроены критически, лишь один из выступивших открыто высказался в защиту оппозиции. Бухарин в своем заключительном слове признал, что после выступления получил «изрядную кучу записок»²³. Резолюция конференции осудила ошибки оппозиции, включая «скептицизм и неверие во внутренние силы рабочего класса нашей страны и связанное с этим неверие в победоносное, успешное строительство социализма», обвинила старый ленинградский партийный аппарат в «наместничестве и сепаратизме» и закончила выражением веры в единство партии и в Центральный Комитет. Дополнительные резолюции, призванные подчеркнуть новообетенную верность ленинградской партии московским центральным властям, содержали приветственные обращения конференции к ЦК, к центральному партийному органу, газете «Правда», к Московской партийной организации и к заседавшему в тот момент в Москве расширенному пленуму ИККИ. Список из 154 человек, избранных в состав Ленинградского губкома партии, возглавляли Сталин, Калинин, Молотов и Киров. Ярославский был назван членом ленинградской Контрольной комиссии²⁴. Все резолюции были приняты единогласно. По окончании конференции Киров был назначен первым секретарем Ленинградского губкома партии и секретарем Северо-Западного бюро²⁵. «Ленинградская оппозиция» была ликвидирована. Не раз еще оппозиция поднимет голову в партии, но уже никогда больше у нее не будет локальной базы, и никогда не будут противостоять друг другу отдельные отряды партийного аппарата. Нигде за пределами Ленинграда никакой серьезной оппозиции решениям съезда отмечено не было²⁶. Отныне направляемая твердой рукой Москвы партийная машина будет работать как единый, неделимый организм.

Санкциям, аналогичным тем, что были применены к Ленинградской партийной организации, был подвергнут и комсомол. Согласно более позднему источнику, «Центральный Комитет комсомола, руководимый ЦК большевистской партии, направил в ленинградскую организацию целый ряд товарищей»; среди этой группы был и некто по имени Косарев²⁷, ставший впоследствии важным комсомольским боссом. Комсомольские руководители продемонстрировали свою верность линии партии. Авербах в комсомольском журнале, редактором которого он являлся, осудил

Вардина как «одного из наиболее последовательных «теоретиков» оппозиции»²⁸. И все-таки ленинградский комсомол оказался менее послушным, чем ленинградская партия, и было признано, что «большинство ленинградских комсомольцев шло за оппозицией»²⁹. На заседании Ленинградского комитета комсомола 14 января 1926 г. большинство изъявило готовность принять предложение, объявляющее решения съезда обязательными, однако поправка, предлагавшая признать их правильными, была отклонена 16 голосами против 8³⁰. Ленинградский комсомольский журнал «Смена», оказывавший в течение всего съезда поддержку оппозиции, после съезда укрылся за маской нейтральности. Восстание было подавлено лишь тогда, когда Центральный Комитет комсомола назначил новое бюро Северо-Западной области и когда руководители Ленинградского губкома комсомола были заменены более сговорчивыми преемниками³¹. На заседании губкома комсомола в Москве 7 января 1926 г. Чаплин сделал пространный доклад, который представлял собой обзор всей дискуссии под углом зрения ее воздействия на комсомол³². Хотя здесь никаких особых осложнений не произошло, тем не менее Угланов сетовал на отсутствие в комсомольских организациях ясности «в ряде вопросов, вытекающих из решений съезда партии»³³.

Проведенный в марте 1926 г. VII съезд комсомола был замечателен тем, что, как и XIV съезд партии, в последний раз предоставил трибуну лидерам оппозиции и позволил им, несмотря на частые попытки прервать их выступления, вволю высказаться³⁴. Чаплин сделал основной доклад, где обвинил оппозицию в попытках противопоставить комсомол партии. Тарасов, один из исключенных членов губкома комсомола, ставший главным оратором оппозиции, вновь высказал протест «против превращения нашего союза в крестьянский союз». Другой лидер оппозиции, Каталин, описал превалирующий психологический климат:

«Ты за кого? Сталинец или не сталинец? Если не сталинец — жми, дави, загоняй подальше, даже так, чтобы не пикнуть»³⁵.

В защиту официальной линии выступали Бухарин, Рыков и Ворошилов. Бухарин, по всей видимости, на сей раз выполнил свою миссию без особого вдохновения. Ведь уже четыре месяца он принимал на себя главный удар ораторской кампании против Зиновьева. Он жаловался, что «изо всех сил устал» и что у него больше уже не функционируют должным образом «нос, горло, уши и прочие органы»³⁶. Основная резолюция осудила «дезорганизаторское поведение меньшинства ЦК РЛКСМ и бывшей оппозиционной верхушки ленинградской организации союза». Тарасов от лица шести лидеров оппозиции заявил, что они признают «безусловно обязательной» любую резолюцию съезда, но считают выдвинутые против них в резолюции обвинения «неправильными». Съезд отказался принять эти «лживые» и «лицемерные» заявления и единогласно принял эту резолюцию³⁷. Следуя примеру съезда партии, этот съезд заменил в названии комсомола слово «Рос-

сийский» на слово «Всесоюзный», в результате он превратился во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ). Во всем, как в большом, так и в малом, ВЛКСМ был теперь интегрирован в систему монолитного партийного руководства.

Пока таким образом осуществлялось подчинение центральным партийным властям бывшего бастиона оппозиции, Сталин укреплял свою победу в идеологическом плане, занимаясь разработкой и распространением доктрины построения социализма в одной стране. Если учитывать то значение, которое ей суждено будет приобрести в дальнейшем, то в обсуждениях и спорах накануне и в течение XIV съезда партии тема построения социализма в одной стране играла на удивление незначительную роль. В сентябре 1925 г. глава отдела печати Секретариата партии Варейкис опубликовал брошюру под заголовком «Возможна ли победа социализма в одной стране?», где он отвечал на поставленный вопрос утвердительно и прославлял статью Сталина от декабря 1924 г. как единственный серьезный вклад в разработку ленинской теории, сделанный после смерти Ленина. В напечатанной в «Ленинградской правде» под заголовком «О коммунистических Ломоносовых»³⁸ рецензии второстепенного комсомольского лидера Барбашева тот раскритиковал Варейкиса — который был учеником Бухарина — за то, что он считал, будто СССР уже достиг первой стадии социализма, и за проповедь крестьянского социализма под видом НЭПа³⁹. Несколько недель спустя Зиновьев подверг критике социализм в одной стране в своем «Ленинизме»⁴⁰. Но он не входил в число его главных мишеней. Среди потока агрессивных статей в «Ленинградской правде» в ноябре и декабре лишь одна — принадлежавшая неизвестному автору по имени Соловьев — была посвящена наступлению на новую цитадель партийной ортодоксальности, и появилась она, по странному совпадению, утром того дня, когда было проведено первое заседание съезда⁴¹. На самом съезде Бухарин затрагивал этот вопрос в контексте опровержения теории «перманентной революции», которая, как он сказал, содержит «зародыш сомнений в возможности строить социализм в одной стране»*. «У нас», добавил он, так и не появив, кого именно он имеет в виду, социализм в одной стране всегда считался «основным вопросом». Затем он смешал проблему строительства социализма с проблемой совершения революции в отсталой стране и связал ее с предательством Зиновьева и Каменева в 1917 г.⁴². Игнорируя эту провокацию, Каменев задал вопрос, «построим ли мы социализм в этой стране, несмотря на задержку мировой революции», и ответил на него в следующих выражениях:

* Контекст не совсем верен, в источнике приведенная фраза Бухарина выглядит так: «Ошибки оппозиции таят в себе зародыш сомнений в возможности строить социализм в нашей стране» — *Прим. ред.*

«...Да, и теоретически это возможно, и доказано Лениным, а практически это выполнимо в той мере, в какой будем правильно видеть все трудности и будем правильно направлять огонь по той цели, которая действительно является опасной; в той мере, в какой мы не будем позволять идейным разногласиям перерастать в организационную борьбу»⁴³.

Зиновьев уклонился от этого вопроса в своем первом выступлении, но затронул его в ответном слове, стремясь привлечь внимание к непоследовательности тогдашней позиции Сталина в сравнении с заявлениями, которые он делал в 1924 г.⁴⁴ Затем он процитировал несколько цветистую выдержку из одного провинциального журнала и задал вопрос, «разве здесь не отдает духом национальной ограниченности». Однако единственным выводом, который он отсюда сделал, было то, что это «вопрос, не ясный для широких рядов нашей партии»⁴⁵. Сталин не сделал попытки ответить на это заявление Зиновьева. И лишь немногие из прочих выступавших вообще об этом упоминали. В резолюции съезда говорилось о «борьбе за победу социалистического строительства в СССР» и о необходимости «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность» за счет развития «производства средств производства». Но выражение «социализм в одной стране» там вообще не фигурировало.

К этому времени Сталин начал, однако, понемногу постигать ценность и широкую притягательность нового лозунга. В конце января 1926 г. он написал важную статью «К вопросам ленинизма», которая явилась обдуманым ответом на теоретические дискуссии XIV съезда. Она с посвящением «Ленинградской организации ВКП(б)» была опубликована в номере партийного журнала «Большевик» от 15 февраля 1926 г., а затем сразу же появилась на первых страницах сборника избранных очерков Сталина под общим заголовком «Вопросы ленинизма», в который вошли также опубликованный впервые в апреле 1924 г. очерк «Основы ленинизма» и напечатанные за этот промежуток времени статьи и выступления Сталина о социализме в одной стране⁴⁶. Значительная часть нового очерка «К вопросам ленинизма»⁴⁷ была посвящена озлобленной полемике с Зиновьевым по проблемам, по которым им пришлось скрестить шпаги на самом съезде или до него, — отношении к крестьянству, характер НЭПа, диктатура партии. Но основной отличительной чертой его был вновь возрожденный акцент на различии между двумя так называемыми препятствиями на пути строительства социализма в Советском Союзе⁴⁸. Первое — техническая отсталость экономики — было еще раз с твердостью опровергнуто: настойчивое утверждение, будто это является непреодолимым препятствием, составляет кардинальный грех оппозиции. Второе — угроза со стороны внешнего капиталистического мира — было признано как существующее и, следовательно, единственное препятствие на пути к окончательной победе социализма. Здесь — тоже как бы в ответ на язвительный упрек

Зиновьева по поводу его непоследовательности — было теперь введено различие, призванное объяснить «неполную» и «неправильную» формулировку этого вопроса в «Основах ленинизма», которая была исправлена в изданиях этой работы, вышедших после декабря 1924 г. Первоначальная версия⁴⁹ была написана в то время, когда определяющей проблемой было отношение победоносной революции к капиталистическому миру; возникновение новой проблемы строительства социалистической экономики в Советском Союзе настоятельно потребовало новой, более точной формулировки. Сталин предложил новое изложение этой доктрины, выдержанное в обычном для него категоричном, ясном и антитетическом стиле:

«Что такое **возможность** победы социализма в одной стране?

Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах.

Без такой возможности строительство социализма есть строительство без перспективы, строительство без уверенности построить социализм. Нельзя строить социализм, не будучи уверен, что его можно построить, не будучи уверен, что техническая отсталость нашей страны не является **непреодолимым** препятствием к построению полного социалистического общества. Отрицание такой возможности есть неверие в дело строительства социализма, отход от ленинизма.

Что такое **невозможность** полной, окончательной победы социализма в одной стране без победы революции в других странах?

Это значит невозможность полной гарантии от интервенции, а значит, и реставрации буржуазных порядков, без победы революции, по крайней мере, в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма»⁵⁰.

Впоследствии мало что было добавлено или, наоборот, изъято из провозглашенной в таком виде доктрины. С публикацией первого издания «Вопросов ленинизма» социализм в одной стране получил права как главный оплот советской ортодоксальной теории.

Как только доктрина была официально установлена, Сталин в соответствии со своей обычной практикой стремился отойти на задний план и предоставить своим сторонникам обеспечить ее успешное продвижение. Со времени XIV съезда самым упорным пропагандистом доктрины построения социализма в одной стране выступал Бухарин. В своем докладе о результатах съезда, сделанном 5 января 1926 г. на собрании Московской партийной ор-

ганизации, он привел вопросы, заданные ему группой рабочих во время посещения завода «Динамо»:

«Если мы заранее знаем, что не сможем справиться с этой задачей, то на кой черт нужно было делать Октябрьскую революцию? Если мы восемь лет справлялись, почему не справимся на девятом, на десятом, на сороковом?»⁵¹

Месяц спустя, в своей речи на ленинградской губпартконференции, он подробно остановился на роли различных национальных особенностей в развитии социализма:

«И наш социализм растет в известном смысле на иной основе, чем будет расти социализм в Америке. У нас он растет в иных — российских — условиях, а не американских и не французских. Совершенно естественно поэтому, что, подобно тому, как капитализм в различных странах имел свои особые черты, так точно и социализм в этих странах вначале будет иметь свои особые черты, которые только в конце концов, когда все мировое хозяйство объединится на развернутой социалистической основе, сгладятся и выравняются».

Он с триумфом возвратился к своему прежнему аргументу. К каким же последствиям ведет неверие в возможность построить социализм в Советской России?

«Тогда ведь нам нечего было идти на октябрьские баррикады, тогда были бы правы все меньшевики, которые говорили, что в такой отсталой стране, как Россия, нечего затевать социалистическую революцию, тогда бы оказался прав тов. Троцкий, утверждавший, что без государственной помощи со стороны победившего западно-европейского пролетариата мы обязательно столкнемся с мужиком, который нас обязательно свалит»⁵².

Киров на партийном собрании в Ленинграде охарактеризовал социализм в одной стране как «основной вопрос разногласий между большинством и меньшинством партии и нашего съезда»⁵³, он посвятил строительству социализма в СССР — теме, которую легко было преподнести так, чтобы она оказалась притягательной для молодого поколения, — добрую часть своего выступления на Ленинградской комсомольской конференции⁵⁴. Однако в самом откровенном виде выразить патриотическое содержание новой доктрины суждено было Рыкову на состоявшейся в апреле 1926 г. сессии ВЦИК:

«...Мы добились этих успехов и в области всего народного хозяйства... без какой-либо помощи извне. Наше государство является, вероятно, единственным, которое могло подняться из неслыханной разрухи, не прибегая к иностранным займам... Рабочие и крестьяне умеют строить свое хозяйство, организуя его лучше, чем это было при буржуазно-дворянском и капиталистическом строе».

И в этих достижениях он увидел «гигантскую моральную победу в смысле доказательства факта преимущества нашего строя перед буржуазно-капиталистическим»⁵⁵.

Происшедший на XIV съезде раскол триумvirата заслонил собой одну таинственную головоломку — позицию Троцкого. Враждебность к Троцкому была главной основой, на которой держался триумvirат. Представлялось маловероятным, чтобы новое размежевание сил могло долго оставаться без последствий для отношения обоих лагерей к Троцкому или Троцкого к ним. Мог ли Троцкий до бесконечности сохранять видимость индифферентного нейтралитета в столкновении между Зиновьевым и Сталиным? Могли ли Сталин и Зиновьев, которых ничто уже более не связывало, по-прежнему питать в отношении Троцкого все ту же одинаковую и непреклонную враждебность? Ожидать подобного постоянства в нашем переменчивом мире означало бы полное пренебрежение фактами политического опыта. Единственный вопрос заключался в том, кто сделает первый шаг, как скоро и в каком направлении?

Наиболее непреклонной представлялась позиция Троцкого. Будучи делегатом съезда, он надменно просидел все заседания, наблюдая, как две новые фракции в клочья разрывали друг друга, и ни разу не попросив слова. Если верить одному не слишком авторитетному источнику, то он, говорят, намеревался выступить на съезде против Зиновьева и Каменева, но от этого его отговорили свои же политические сторонники⁵⁶. Лишь один раз он прервал молчание, чтобы сказать: «Совершенно верно»⁵⁷, когда Зиновьев старательно объяснял, что он предложил исключить Троцкого из Политбюро, потому что это казалось ему логическим выводом из того факта, что он был осужден Центральным Комитетом. Презрительная реплика о Бухарине до официального отчета не дошла⁵⁸. Вот и все комментарии, которые он публично сделал по поводу дискуссий. На его частные комментарии проливает свет неопубликованный меморандум, написанный 22 декабря 1925 г., когда основные дискуссии съезда достигли самого бурного разлива. Текущий спор между крестьянством и промышленностью напомнил ему о старой борьбе марксистов против народников. Задержка с международной революцией способствовала развитию среди молодого поколения партии «элементов советского народничества», теоретиком которого был Бухарин. Но Зиновьев способствовал также тому, что «тенденции к национально-деревенской ограниченности развились и достигли уже весьма отчетливого выражения». Парадокс заключался в том, что ленинградские руководители, чьи позиции зависели от «классового сознания ленинградского пролетариата», оказались соучастниками развития этого уклона. (Здесь Троцкий вставил презрительное замечание о «выдвижении идеи закрытой национальной экономики, закрытого строительства социализма» — и это было единственным его упоминанием о социализме в одной стране.) «Ленинградцы, — заключал он, — называют сейчас настоящим именем ту самую опасность, в идеологической подготовке которой их лидеры сыграли основную роль». Он подверг критике партийный режим, установленный в Ленинграде, и высказал мнение, что «перемещение ленинградского руководства

и принятие ленинградской организацией менее комиссарского тона в отношении всей партии были бесспорными факторами положительного значения». Однако сутью всех обсуждений было противопоставление деревни городу: «Здесь мы имеем только первые предупреждения того процесса, который, по мере своего развития, станет роковым для роли пролетариата». И наконец: «Демократизация внутренней жизни этих (то есть Московской и Ленинградской) организаций является обязательным условием их активного и успешного сопротивления крестьянскому уклону»⁵⁹.

Как это часто случалось в произведениях Троцкого, анализ был чрезвычайно пронизателен, позитивные же предписания — теоретическими и нереальными. Примечательно, что в документе, раскрывавшем его сокровенные мысли, Троцкий все еще считал своей главной мишенью скорее Зиновьева, чем Сталина. Однако там не содержалось ни малейшего намека на какой бы то ни было сдвиг в его собственной позиции в связи с новым размежеванием сил. Если в 1917 г. Троцкий «пришел к Ленину с боями» и только потому, что Апрельские тезисы означали достаточное совпадение со взглядами, которых в течение длительного времени придерживался он сам, то он, судя по всему, отнюдь не склонен был проявить больше сговорчивости сейчас. И эта его непоколебимая твердость вряд ли была лишь вопросом личной гордости или отсутствия гибкости. В ходе кризиса 1925 г. Зиновьев — а за ним и Каменев — резко менял убеждения, переходя из одной крайности в другую. Присоединение к оппозиции Сокольниково было, как вскользь заметил в своем меморандуме Троцкий, «примером чисто личной беспринципности», Бухарин вилял, Сталин же столь твердо держался центра, что порой казалось, что у него вообще не было собственных убеждений и он лишь время от времени приспособливал свои мнения, дабы удовлетворять требованиям, которые предъявляло к нему положение верховного партийного босса. Лишь об одном Троцком можно было сказать, что его мнения определялись, а его действия направлялись глубокой и неизменной убежденностью в правильности избранного курса и безразличием к факторам личного характера, если они не имели отношения к этой убежденности. Это качество служило источником политической слабости, так же как и силы. Но оно внушало к нему уважение и ставило его в исключительное, единственное в своем роде положение. Как страстно стремился он вернуться к общественной жизни, видно хотя бы из того, с какой готовностью он принимал предложения выступить в связи с поводами, не имевшими политического характера. 26 декабря 1925 г., когда еще шел XIV съезд, он нашел время, чтобы выступить в Обществе политзаключенных в связи с годовщиной революции 1905 г., и закончил свою речь хвалебным гимном в честь грядущей мировой революции, которую он и его слушатели будут приветствовать, находясь на своих постах⁶⁰. Однако у него не было никакой программы в том, что касалось текущей партийной тактики. Он никому не пред-

лагал альянсов, а если кто-то обращался с подобными предложениями к нему, то союз мог бы быть заключен только на его собственных условиях.

С другой стороны, обе соперничающие группы с самого момента раскола целиком и полностью отдавали себе отчет в реальности проблемы их будущих взаимоотношений с Троцким, хотя каждая из них претерпела определенные колебания, пытаясь найти подход к ее решению. На XIV съезде соблазн приклеить оппозиции позорный ярлык «троцкизма» был чрезвычайно силен, и к этому приему прибегал почти каждый из защитников официальной линии. Бухарин выкопал старую цитату из произведений Зиновьева, стремясь показать, что он, так же как и Троцкий, игнорировал роль крестьянства в революции 1905 г. Во время выступления Крупской кто-то выкрикнул: «Лев Давидович, у вас новые соратники». Полонский заявил, что Троцкий оступился в «буржуазное болото» правой ногой, а Зиновьев — левой ногой, вот и вся разница между ними⁶¹. Напечатанная в «Правде» от 22 декабря 1925 г. передовая статья, призванная проследить линию преемственности от «рабочей оппозиции» через Троцкого и Зиновьева, окрестила ленинградцев «новой оппозицией». В тот же день Рыков повторил это выражение на съезде⁶², и с тех пор оно было введено в обращение. Посвященная съезду передовая статья в партийном журнале «Большевик» была построена вокруг темы, что «новая оппозиция» заражена тем же пессимизмом, что и Троцкий, и не верит в возможность построения социализма в Советском Союзе без мировой революции⁶³. Будучи не в состоянии избежать рокового клейма троцкизма, оппозиция в конце концов была вынуждена его признать. Лашевич, спровоцированный на съезде раздававшимися с мест выкриками, обвинявшими его в троцкизме, парировал их, возразив, что «Троцкий говорил не только неверные, но и верные вещи»⁶⁴. А когда Зиновьев выдвинул предложение вовлечь в партийную работу «бывшие группы»⁶⁵, он, несомненно, имел в виду намерение заключить мир с Троцким. В такие моменты новый альянс уже, по всей видимости, обретал очертания.

Определенные шаги, однако, предпринимались и с другой стороны. Не удивительно, что на съезде официальные ораторы свои самые острые стрелы направляли против «новой оппозиции», оставляя Троцкого сравнительно невредимым. Отвечая на выпады Каменева в адрес Сталина, Томский напомнил съезду, что именно Зиновьев и Каменев настаивали год назад на самых жестких репрессиях против Троцкого:

«Одни считали, что если ошибся, то мало — бей его, а и распни его. Другие считали, что наша партия не так богата силами, чтобы в отношении каждого ошибающегося — а у нас очень многие ошибались по разным вопросам, — после того, как его ошибка поправлена партией, вместо того, чтобы дать ему войти в русло нормальной работы, выставлять предложение: добей его. Такой подход мы считали неправильным».

И Томский продолжил в неблагоприятном свете для Каменева сравнивать его с Троцким, у которого всегда в запасе были конкретные предложения⁶⁶. Сталин в своем втором выступлении на съезде не забыл специально упомянуть, что он и его сторонники оказали сопротивление требованиям Зиновьева и Каменева исключить Троцкого из партии или из Политбюро. После съезда как Томский, так и Бухарин начали говорить о Троцком с такими нотками гуманизма, каких в отношении него уже не слышали более двух лет.

«Необязательно пинать человека, — говорил, как утверждали, Томский, — необязательно отсекал его, как они хотели сделать с Троцким. Только подумайте, сделать хотя бы четверть того, что сделали Троцкому! Даже индийский слон, и то не выдержал бы того, что сделали Троцкому»⁶⁷. Бухарин несколько недель спустя высказался в более позитивном плане:

«Троцкий никогда не говорил, что наша промышленность госкапиталистическая. Нет, он признавал нашу промышленность социалистической... В дискуссии с Троцким я был всегда противником такой постановки вопроса: скажи, что Троцкий меньшевик. Конечно, Троцкий — не меньшевик. Он сражался за Октябрьскую революцию, он проделал целый ряд вещей, за которые партия ему многим обязана...»⁶⁸

Подобные слова из уст Томского и Бухарина заставляют предполагать у них мимолетные вспышки настоящих угрызений совести, хотя на устах других они могли бы звучать как результат холодного расчета. Однако слишком далеко подобные чувства, по всей видимости, не заходили. Если в некоторых слоях партии было желание смягчить суровость вынесенного в прошлом партией вердикта Троцкому, другие негодовали при малейших признаках того, что «партия изменила свое отношение к троцкизму»⁶⁹. Единственным видным большевиком, который в то время действительно стремился устроить перемирие между Троцким и Сталиным, был изобретательный Радек, у которого были особые причины ненавидеть Зиновьева как автора своего падения и жаждал снова всплыть на поверхность с того второстепенного положения, до которого он был низведен в течение последних двух лет. Однако никто, судя по всему, не воспринял его попытку всерьез⁷⁰. Троцкий первого шага не сделал бы, а Сталин, который был бы, вне всякого сомнения, рад предотвратить или отсрочить возможное *rapprochement* между Троцким и Зиновьевым, вряд ли мог соблазниться альянсом, в котором ему пришлось бы состязаться с равным или, возможно, более искусным партнером.

Карты, однако, были уже подтасованы. Позиции Сталина обладали таким мощным перевесом, что его оппонентам ничего другого не оставалось, как только объединиться против него и примириться друг с другом, невзирая на все еще разделявшие их противоречия личного или идеологического характера. Удивительно не то, что это вообще произошло, а то, что этого пришлось ждать

так долго. Первый шаг был сделан Каменевым. Разговор с Троцким произошел, возможно, в конце марта или в начале апреля 1926 г. — это была их первая частная встреча с марта 1923 г. Единственное свидетельство об этом содержится в краткой выдержке из автобиографии Троцкого. Каменев сказал ему: «...Стоит вам с Зиновьевым появиться на одной трибуне, и партия найдет свой настоящий центральный комитет». Троцкий, по его собственным словам, мог только «посмеяться над этим бюрократическим оптимизмом». Он говорил о происшедшей за последние три года дезинтеграции партии и о господстве в партийном аппарате «правого крыла», предвидя «борьбу всерьез и надолго»⁷¹. Не ясно, как скоро после этого последовали другие разговоры и когда в эти обсуждения был впервые вовлечен Зиновьев. Но было уже порождено слишком много враждебности. Троцкий, в течение двух лет подвергавшийся со стороны триумvirата непрерывным массированным оскорблениям и искажениям, держался в стороне. Дело продвигалось вперед медленно. К моменту, когда 6 апреля 1926 г. собрался Центральный Комитет, никакого общего фронта установлено не было и никаких соглашений относительно общей тактики достигнуто не было.

Заседание ЦК, продолжавшееся с 6 по 9 апреля 1926 г., было замечательно тем, что в работе этого главного партийного органа после почти двухлетнего отсутствия вновь активно участвовал Троцкий. Благодаря расколу в триумvirате он снова мог взять на себя какую-то роль. И как прежде, он доминировал во всех дискуссиях, в которых принимал участие. По форме споры вращались вокруг выдвинутого Троцким альтернативного варианта проекта резолюции, который подготовил Рыков. По существу же, именно Троцкий, твердо держа в руках дискуссию, фокусировал ее на кардинальной проблеме взаимоотношений между сельским хозяйством и промышленностью⁷². Сталин сцепился с ним по вопросу, который по сути своей касался темпов индустриализации: является ли амбициозный проект Днепростроя все еще преждевременным и невыполнимым? Каменев подчеркнуто согласился с Троцким по поводу необходимости более твердой линии против кулака, впервые давая понять партии о предстоящем создании нового блока. Дзержинский открыто обвинил Троцкого и Каменева в том, что они стремятся создать «новую платформу», основанную на эксплуатации крестьянина⁷³. Троцкий, возможно желая опровергнуть впечатление о слишком тесном союзе между ними, упрекнул Каменева в том, что тот не понимает, сколь тесно взаимосвязаны между собой проблема кулака и политика индустриализации. В какой-то момент Троцкий заявил о своем намерении голосовать против резолюции⁷⁴. Но эту угрозу он не выполнил, и резолюция была принята единогласно. Фактически никаких явно спорных вопросов перед ЦК тогда не стояло. Позднее, в своем докладе об этом заседании, сделанном на московском партийном собрании, Рыков драматизировал эти события, представляя их как столкно-

вание между двумя крайними позициями — максимальной поддержки сельскому хозяйству ценою замедления темпов индустриализации и интенсивной индустриализации за счет процесса эксплуатации крестьянина, ассоциируя первое с именем Шанина, а второе с Преображенским⁷⁵. Однако первый из этих уже освященных временем уклонов считался к тому моменту среди партийных руководителей давно проигранной партией, и никакой открытой поддержки более не имел. Настоящей проблемой, действительно имевшей чрезвычайно важное значение, был вопрос о темпах индустриализации. Однако и тут вопрос об ужесточении сельскохозяйственного налога был уже урегулирован⁷⁶, а никаких других решений до уборки урожая принимать не предполагалось. Одно незначительное решение свидетельствовало о неослабном внимании Сталина в этот критический момент борьбы за власть в партии к распределению партийных постов. Эксперимент, заключающийся во введении члена ленинградской оппозиции Евдокимова в состав Секретариата⁷⁷, по всей видимости, к успеху не привел или просто уже достиг поставленной цели. Евдокимов «по его собственной просьбе» был освобожден от поста и заменен на Шверника⁷⁸.

В тот момент, однако, никому — по соображениям как политического, так и экономического характера — не хотелось ворошить золу прошлых разногласий. Доклад Рыкова на заседании звучал как продуманная бесстрастная справка о состоянии дел и подтверждал эклектический характер резолюции:

«XIV съезд ввел в состав Центрального Комитета и Политбюро главнейших лидеров оппозиции. Он сделал это в интересах соблюдения единства, в интересах использования всех сил партии для строительства социализма, он сделал это также для того, чтобы ЦК, учитывая все разногласия, все мнения, возникающие при разрешении актуальных вопросов, устанавливал правильную политику в соответствии с постановлениями съезда».

Он признал, что в ЦК возникло расхождение мнений, но отказался говорить об этом споре в деталях, «потому что не хотел, чтобы та или иная, даже самая объективная, информация об этом явилась зацепкой для новой дискуссии в партии»⁷⁹.

Сталин избрал местом произнесения ставшей уже традиционной речи по итогам заседания ЦК Ленинград — по всей видимости, это было данью важности Ленинградской организации и ее только что обретенной верности партии. Речь была явно приспособлена к ленинградской аудитории. Единственная — ретроспективная — атака на оппозицию содержалась в той части его выступления, где он связывал ее поражение с верностью Ленинградской организации принципам внутрипартийной демократии⁸⁰. Главный акцент речи был сделан на процесс восстановления экономики и перспективы индустриализации. Тщательно избегались любые полемические ноты. Заявив, что работа Центрального Комитета проходила под «главным лозунгом» индустриализации страны, который был провозглашен XIV съездом, Сталин посвятил заключи-

тельную часть своей речи прошлым достижениям партии и завершил следующими словами:

«Теперь перед нами встала новая задача — индустриализация нашей страны. Наиболее серьезные трудности остались позади. Можно ли сомневаться, что мы справимся и с этой новой задачей индустриализации нашей страны? Конечно, нельзя сомневаться. Наоборот, у нас есть теперь все данные для того, чтобы преодолеть трудности и провести в жизнь новые задачи, поставленные перед нами XIV съездом нашей партии»⁸¹.

В глазах ленинградских большевиков эта доктрина выглядела весьма благодатной. Социализм в одной стране под видом «индустриализации нашей страны» стал высшим большевистским достижением.

Зиновьев, Каменев и Троцкий хранили молчание по поводу того, что произошло на апрельском заседании ЦК, предоставляя возможность партии догадываться, насколько серьезным было хотя и частичное, но не вызывающее сомнений соглашение, возникшее между Троцким и Каменевым в процессе дискуссий. Ситуация оставалась неясной и неловкой даже для тех, кого это касалось самым непосредственным образом. Следующий шаг, который сделал Троцкий, представляется весьма загадочным и не поддается расшифровке. После первого шага к примирению с Каменевым и Зиновьевым, которого он теперь так страстно желал, он принимает решение поехать для медицинской консультации в Берлин и почти два месяца отсутствует в Москве. Никаких рецидивов «таинственной инфекции», которая донимала его в периоды острых политических кризисов две последние зимы⁸², зимой 1925/26 г. отмечено не было, и он часто появлялся в обществе⁸³. Однако теперь, когда перед ним возникла новая перспектива политической деятельности, он вдруг опять озабочился необходимостью лечения своей болезни. Политбюро, опасаясь каких-нибудь инцидентов за границей, сделало попытку отговорить его от этого путешествия, однако никаких официальных запретов не предприняло. Он уехал «в середине апреля». Каменев и Зиновьев пришли от этого поступка в полное замешательство. Согласно Троцкому, они «прощались со мной почти что трогательно», поскольку им «очень не хотелось оставаться со Сталиным с глазу на глаз». В Берлине врачи один за другим безуспешно пытались поставить диагноз, пока наконец специалист по горловым болезням не посоветовал удалить миндалины. Операция прошла благополучно, хотя впоследствии оказалось, что причины таинственной болезни остались невыясненными⁸⁴. Пока Троцкий в мае 1926 г. поправлялся в Берлине, в мире разразилась серия кризисов. Поскольку их отзвуки отчетливо раздавались в чувствительном московском климате, деятельность партийной оппозиции волей-неволей была приостановлена или, во всяком случае, велась лишь на более низком уровне в ожидании того, когда возвратится и возьмет на себя инициативу главный герой.

ГЛАВА 19

МОНОЛИТНАЯ ПАРТИЯ

а) Численность и состав

Самым разительным, так же как и самым важным, изменением, происшедшим в середине 20-х годов в Российской коммунистической партии (большевиков), был ее неожиданный и стремительный численный рост. Сохранить партию небольшой по численности было давним намерением Ленина, и он в течение последних двух лет своей активной жизни предпринимал успешные шаги по сокращению тех непомерно раздутых размеров (максимальный уровень составил 650 тыс. человек), которые она приобрела в период гражданской войны. Однако такая концепция, унаследованная от сложившейся еще до революции традиции подпольной партии, уже не подходила для партии, призванной обеспечить главный костяк правительства и администрации огромной страны, только что начинавшей приходить в себя после родовых мук войны и революции. И конец этому положил объявленный сразу же после смерти Ленина «ленинский призыв»¹. С этого момента партия стала непрерывно расти, дабы соответствовать выдвигаемым перед нею новым требованиям. С численности в 472 тыс. (350 тыс. членов и 122 тыс. кандидатов) в начале 1924 г. она выросла до 772 040 (420 670 членов и 351 370 кандидатов) в начале 1925 г. и до 1 078 182 (638 352 члена и 439 830 кандидатов) в начале 1926 г.² За два года число членов партии почти удвоилось, а общее число членов и кандидатов увеличилось более чем в два раза. Но радикальные изменения претерпели сами методы и характер набора. «Ленинский призыв» уже не был более набором воодушевленных революционным энтузиазмом личностей, а представлял собой проводимое в соответствии с сознательным решением Центрального Комитета партии внедрение в партию масс «рабочих от станка». Тот же самый смысл имела и предпринятая в следующем году попытка организовать призыв крестьян. Состав партии определялся теперь в меньшей, чем ранее, степени стихийными действиями «снизу», давлением со стороны стремящихся в партию будущих новобранцев и в большей — политическими решениями «сверху», осознанным стремлением придать партии такой вид и такую форму, которые соответствовали бы заранее заданной линии и позволяли ей служить вполне конкретным целям.

Проблема, которая вызывала в те годы в связи с составом партии наибольшие споры, касалась отнюдь не масштабов приема — необходимость быстрого роста была уже молчаливо признана почти повсеместно, — а желательности притока в нее крестьян. Известная противоречивость в подходе к приему крестьян в партию пролетариата имеет свои истоки в ее историческом наследии. Зависимость пролетарской революции в России от союза с крестьянством наметилась в 1905 г., была продемонстрирована в 1917 г. и вновь проиллюстрирована в 1919 г., когда в самый разгар гражданской войны партия протянула руку дружбы середняку и скрепила в 1921 г. печатью знаменитую «смычку» между пролетариатом и крестьянством. Но это еще не давало ответа на вопрос о допустимости приема крестьян в партию. Никто не отрицал желательности приема туда батраков или наемных сельскохозяйственных рабочих, чье существование было вновь легально признано в 1922 г. И никто не стремился утверждать, что туда допустимо принимать кулаков. Сложную головоломку представляли массы крестьян, не подпадавших ни под одну из этих категорий. Нельзя было исключить возможность их приема в принципе, ибо режим зависел от их доброй воли. Однако принять их в большом количестве означало бы изменение характера партии и отрицание ее пролетарской сущности.

В первые месяцы 1924 г. «ленинский призыв» ограничивался только пролетариатом — «рабочими от станка». Сталин в то время сопротивлялся предложению расширить его, включив туда «бедных крестьян и сельскохозяйственных работников»³, и принятая в мае 1924 г. XIII съездом резолюция хотя и отмечала, что «ленинский призыв» привел в партию «значительные группы рабочих, связанных с деревней», но явно воздерживалась от того, чтобы рекомендовать сколько-нибудь широкий прием крестьян, предлагая вместо этого «передвижку коммунистов в деревню... систематически в порядке сочетания добровольности и подбора»⁴. Привести партию к крестьянину представлялось все еще более реалистичным мероприятием, чем привести крестьянина в партию. Выдвижение летом 1924 г. лозунга «Лицом к деревне!» никаких существенных перемен в этом отношении за собой не повлекло. Партийные ортодоксы все еще оказывали сопротивление разжижению «партии рабочих» крестьянскими элементами. Принятая в октябре 1924 г. резолюция ЦК ограничивалась тем, что в общих чертах рекомендовала «постоянную передвижку коммунистов в деревню», «подготовку и выдвижение новых работников из самой крестьянской среды», а также предлагала, что «в отличие от партии в комсомольские организации должен быть широко открыт доступ не только батрачеству и маломощным слоям деревни, но и лучшей, более сознательной части середняков»⁵. Рекомендация принимать больше крестьян в комсомол выглядела как компромисс между теми, кто хотел принимать больше крестьян в партию, и теми, кто вообще не хотел увеличивать прием крестьян.

Этим, однако, дело не кончилось. После того как заседание ЦК закрылось, превалирующую роль стали приобретать более позитивные настроения, и 6 ноября 1924 г. была принята осторожная резолюция, адресованная Секретариатом к сельским партийным организациям и предписывающая им принимать в партию больше крестьян. Крестьяне, проявляющие признаки политической сознательности, должны были направляться на работу в Советах, а «наилучшие и наиболее выдающиеся элементы, находящиеся ближе всего к партии и наиболее преданные советской власти», должны были приниматься в партию. Никаких квот, которые ограничивали бы число принятых по отдельным губерниям и уездам заранее устанавливать не предполагалось. Работа по набору должна была проводиться «не в форме кампании, а в ходе повседневной работы»⁶. Несмотря на настороженный тон этой резолюции, результаты ее вскоре стали очевидны. Если в 1924 г. из 316 тыс. принятых в кандидаты крестьяне составляли всего лишь 11,1% (и то почти все они были приняты во второй половине года), то в 1925 г. из сходного общего числа принятых, составившего 321 тыс. человек, крестьян оказалось уже 29,5%⁷. В более поздней партийной литературе об этом наборе говорилось иногда как о «втором ленинском призыве», хотя в то время, похоже, это название к нему не применялось⁸.

Попытка усилить влияние партии в деревне за счет увеличения ее крестьянской компоненты имела, возможно, менее существенное значение, чем на то претендует статистика. Как показывают официальные статистические данные за эти годы о количестве членов партии, «ленинский призыв» 1924 г. увенчался успехом и привел к существенному увеличению процента рабочих в партии за счет третьей категории (служащих и интеллигенции). Что же касается увеличения числа членов из крестьян в результате набора, проведенного в следующем году, то результат его оказался едва достаточным, чтобы соответствовать общему росту числа членов партии, сохраняя при этом на прежнем или даже немного более низком уровне процент в ней крестьян. Приводились следующие данные на начало года о процентном содержании членов партии⁹:

Год	Рабочие	Крестьяне	Прочие
1924	44,0	28,8	27,2
1925	56,7	26,5	16,8
1926	56,8	25,9	17,3

Однако эти цифры менее, чем это кажется на первый взгляд, информативны в том, что касается социального состава партии, поскольку эта классификация отражает не текущее состояние, а происхождение¹⁰, а также отчасти и потому что, благодаря воз-

растающей важности роли партии в управлении многие из тех, кто вступал в партию как рабочий или крестьянин, вскоре находили себе полную или частичную административную работу и более или менее быстро теряли свои рабочие или крестьянские связи и привычки. Согласно докладу, представленному на прошедшей в апреле 1925 г. партийной конференции, большинство крестьянских членов партии «полностью или в известной мере порвало с крестьянским хозяйством», поэтому, несмотря на то что официальные цифры фиксировали процент крестьян в партии на уровне 25, на самом деле доля в партии людей, живущих исключительно за счет сельского хозяйства, составляла всего лишь 8%¹¹. Молотов жаловался в декабре 1925 г. на XIV съезде партии, что «у нас и до сих пор под рубрикой крестьян входят очень часто совершенно не крестьянские элементы, а нередко та служилая часть, которая хочет облегчить себе доступ в партию»¹². Когда в январе 1927 г. была предпринята попытка провести на основании нового партийного ценза классификацию кандидатов в члены партии в соответствии с ростом текущей деятельности, то оказалось, что 30% из них были в то время заняты как рабочие, 10,1 — как крестьяне, 38,5 — как служащие, 8,1% — как красноармейцы, а остальные попадали под прочие категории¹³. Процессы, происходившие в те годы среди членов и кандидатов партии, характеризовались как «отлив из рабочего класса и — в меньших размерах — из крестьянства в госаппарат, на хозяйственную, профессиональную, общественную и прочую работу». Из 638 тыс. членов и кандидатов, зарегистрированных как рабочие, и 217 тыс. членов, зарегистрированных как крестьяне, соответственно 184 тыс. и 56 тыс. человек по роду текущей деятельности попадали под категорию «служащих или общественных работников». Хотя число кандидатов и членов партии, которые были официально зарегистрированы как служащие, составляло всего 258 тыс., на самом деле такой работой занимались 440 тыс. человек¹⁴. Эти цифры, конечно, отнюдь не преувеличивали масштабов, в каких члены партии, официально зарегистрированные как рабочие и крестьяне, в действительности выполняли совершенно другие виды работ.

Свет на изменявшееся в те годы отношение к составу партии проливают периодически принимавшиеся поправки к действовавшим правилам, регулирующим прием в нее новых членов. В соответствии с Уставом партии, принятым в декабре 1919 г., — это был первый Устав, утвержденный после революции, — в кандидаты принимали при наличии двух рекомендаций от членов, состоящих в партии не менее шести месяцев; для рабочих и крестьян требовалось пройти испытательный срок в качестве кандидатов в течение двух месяцев, для прочих — в течение шести месяцев, лишь после этого они могли быть приняты в партию¹⁵. Эти относительно легкие условия, которые были характерны для периода гражданской войны, значительно ужесточились после введения НЭПа. В марте 1922 г., накануне XI съезда партии, Зиновьев поддержал

предложение, чтобы кандидатский стаж был продлен для рабочих и крестьян до шести месяцев, а для остальных — до года¹⁶. Это вызвало резкую реакцию у Ленина, пославшего в Центральный Комитет контрпредложение, где шестимесячный кандидатский стаж устанавливался для настоящих рабочих, не менее десяти лет проработавших на «крупных промышленных предприятиях», а для остальных этот срок увеличивался — до полутора лет для других рабочих, до двух лет для крестьян и красноармейцев и до трех лет для всех прочих¹⁷. Центральный Комитет оказал, по всей видимости, определенное сопротивление принятию столь явно дискриминационных правил, и решением от 25 марта 1922 г., принятым в отсутствие Ленина, пришел к компромиссу, устанавливавшему срок в шесть месяцев для рабочих, год для красноармейцев и полтора года для крестьян и прочих¹⁸. Но даже это не удовлетворило упрямого вождя, настаивавшего на том, что партия оказывается «недостаточно пролетарской», и требовавшего увеличить сроки стажировки для всех, кроме рабочих¹⁹.

Не в силах противиться этим энергичным требованиям, собравшийся через несколько дней XI съезд партии разработал четко дифференцированные правила приема в партию. Они устанавливали три категории: «рабочие и красноармейцы», «крестьяне и кустарные работники» и «прочие (служащие и т. д.)». Лица, относившиеся к первым двум категориям, принимались в кандидаты по рекомендации трех членов партии со стажем не менее трех лет; те же, кто подпадал под третью категорию, должны были представить рекомендации пяти членов партии со стажем не менее пяти лет. Кандидатский стаж устанавливался в шесть месяцев для первой категории, один год для второй и два года для третьей. Двухлетний кандидатский срок требовался для всех кандидатов, состоявших ранее в других партиях²⁰. Эти правила были включены в принятый в августе 1922 г. новый Устав партии²¹. Однако вскоре они стали объектом нового пересмотра. Прошедший в апреле 1923 г. XII съезд впервые открыто признал существование особой привилегированной категории «рабочие от станка», которые могли вступать в кандидаты при наличии лишь двух рекомендаций от членов партии со стажем не менее двух лет²². За этой уступкой последовал «ленинский призыв» рабочих от станка, объявленный в начале 1924 г. Затем, в апреле 1925 г., когда партия осуществила свой поворот в сторону крестьянина, та же уступка была распространена на «батраков, крестьян-землепашцев и красноармейцев», причем в дополнение к этому разъяснялось, что в тех случаях, когда крестьяне и батраки, желающие вступить в партию, оказывались не в состоянии найти членов партии, которые могли бы их рекомендовать, местные партийные органы должны были оказывать им помощь, обеспечивая необходимые рекомендации²³. Была выпущена партийная инструкция, призванная умерить строгости партийной дисциплины для «крестьян от сохи». От них не следовало требовать чрезмерно высокого уровня политического

образования, не рекомендовалось возражать и против наличия у них частной собственности (предположительно домашнего скота и сельскохозяйственного инвентаря) и даже единичных случаев совершения ими религиозных обрядов²⁴. Когда наконец новый Устав был в исправленном виде утвержден XIV съездом, особый акцент на крестьян отошел в нем на задний план и были введены дальнейшие уточнения, касавшиеся количества и характера рекомендаций, необходимых для вступления в кандидаты. Первая категория была подразделена на две группы — промышленные «рабочие... занятые непрерывно... наемным физическим трудом» (два члена партии с годичным стажем) и непромышленные рабочие, красноармейцы и батраки (два члена партии с двухлетним стажем). Для второй категории требовались рекомендации от трех членов партии с двухлетним стажем. Специальные дополнительные ограничения накладывались на кандидатов, состоявших ранее в других партиях²⁵. Специальное разрешение Центрального Комитета, не нашедшее отражения в Уставе, оговаривало, что «прием без кандидатского стажа может производиться только в исключительных случаях, имеющих политическое значение для партии»²⁶. Это был намек, говорящий о том, что производство в статут члена партии по-прежнему рассматривалось как вознаграждение, которое могло быть даровано за особые услуги. Из этого потока инструкций и правил с очевидностью следовали, однако, два вывода. Прежде всего, поскольку теперь сети вербовки в партию раскидывались гораздо шире, снижался интеллектуальный уровень партии. Во-вторых, разнородный состав партии способствовал и диктовал необходимость осуществления сильной власти из центра: единство партии уже более не обеспечивалось спонтанно возникающим ощущением общности целей — оно могло теперь поддерживаться только за счет твердого руководства управляющей партией группы.

б) Партийное образование

Из всех проблем, возникших в результате происшедшего в середине 20-х гг. широкого и разнородного набора новых членов, наиболее постоянным источником беспокойства со стороны руководителей явилось снижение интеллектуального потенциала партии. В течение первых двух лет существования строя сколь-нибудь значительного систематического контроля за уровнем образования тех, кто стремился вступить в партию, не осуществлялось. Но едва лишь кончилась гражданская война, как Бухарин представил на проведенной в декабре 1919 г. партийной конференции доклад о работе среди новых членов партии, который был должным образом одобрен конференцией. Бухарин отказался признать, что новые члены в *качественном* отношении отличаются от старых, но особо подчеркнул важность обучения «неграмотных коммунистов» грамоте и организации для них *«основных и элементарных лекций»* по проблемам коммунизма и партии²⁷. В течение последующих

нескольких лет этот вопрос поднимался на каждом партийном съезде. На прошедшем в марте 1920 г. IX съезде Каменев говорил о трудностях, возникающих в связи с большим притоком новых членов, а другой делегат отметил, что партия «в основном не подготовлена» к тому, чтобы осуществить необходимое образование принятых в нее крестьян²⁸. Год спустя, на X съезде, Преображенский говорил, что существует «огромный отрыв товарищей нашей партии, которые не имеют достаточного коммунистического воспитания, от старых коммунистов, имеющих этот марксистский багаж с давних пор», и между «коммунистически зрелым элементом» и молодыми членами партии, «которые не имеют достаточного терпения, чтобы прочитать «Капитал» или другие фундаментальные вещи». Рязанов же жаловался, что «процент тех товарищей, которые прошли основательную марксистскую школу, уменьшается с каждым днем»²⁹. В марте 1922 г. на XI съезде Зиновьев заявил, что в результате «быстрого, головокружительного роста нашей партии с 5000 до 500 000 членов» в партии состоит «много неграмотных членов», и предложил приостановить дальнейший прием с целью поднять уровень³⁰. Резолюция съезда, хотя и не приняв этого экстремистского решения, отметила тем не менее недостатки сложившейся ситуации:

«В ближайший год или в ближайшие годы РКП безусловно должна уделить свое внимание не столько увеличению количества своих членов, сколько улучшению качественного их состава... Бурные годы гражданской войны не дали возможности уделить достаточно внимания и сил поднятию марксистского образования и культурного уровня рядовых членов партии. Ближайшие годы должны быть посвящены именно этой первостепенной важности задаче»³¹.

Год спустя XII съезд вновь повторил, что «усиление партийно-воспитательной работы среди массы членов партии является в настоящий момент по совокупности обстоятельств задачей первостепенной важности»³². В этом направлении были предприняты активные усилия. Однако, по всей видимости, последовавшие вслед за этим волны нового набора свели эти усилия на нет. Когда в мае 1924 г. собрался XIII съезд, «ленинский призыв» был в полном разгаре. На основании данных по группе, выбранной в центральной губернии РСФСР, Сталин оценил средний процент «политически неграмотных» членов партии в 57%, в отдельных губерниях их доля достигала 70%³³. Молотов, признавая, что приток в партию новых членов придает «партийно-воспитательной работе» особую важность, привлек внимание к тому смущающему факту, что 41% ответственных работников центральных партийных органов, которые занимаются этой работой, сами ранее состояли членами других партий:³⁴ слишком большое число новых членов и слишком малое число надежных преподавателей создавали неразрешимую проблему. Съезд с удовлетворением заключил, что «в партийно-воспитательной работе на первое место на ближай-

ший период выдвигается работа с ленинским призывом»³⁵. Полтора года спустя, на XIV съезде, Сталин в общих словах констатировал, что «идейный уровень наших руководящих кадров, молодых и старых, вырос значительно»³⁶. Однако заявление Молотова на этот счет было более осторожным, а Рязанов утверждал, что, несмотря на то что «уровень этой элементарной партийной грамоты охватил такие массы, о которых мы не могли мечтать до сих пор», качественный уровень партийно-воспитательной работы в целом «страшно понизился»³⁷. Один партийный журналист заметил в тот же самый период с специальной ссылкой на набор крестьян, что «в организации все больше вливается сырой, еще недостаточно партийно-обработанный момент»³⁸.

Именно в таких обстоятельствах «политическое образование» превратилось в первейшую функцию партийной политики. Учреждения для обучения принципам коммунизма и партийной теории — предназначенные для обучения как масс, так и учителей — стали распространяться на всех уровнях. Самым высшим из таких учреждений была Коммунистическая академия. Основанная в 1918 г. (еще до того, как партия изменила свое название) как Социалистическая академия и реорганизованная в 1919 г., она с самого начала имела целью как обучение, так и проведение научно-исследовательской работы³⁹. Однако, судя по всему, она не вела никакой активной деятельности вплоть до состоявшегося в марте 1921 г. X съезда партии, который предложил не только использовать «научные средства» академии для организации «вокруг ответственных старых работников» специальных учебных курсов для «групп из молодых слушателей-коммунистов», но также образовать в академии «систематические курсы по теории, истории и практике марксизма»⁴⁰. Курсы были организованы с первоначальным набором в количестве 48 человек — все члены партии с трехлетним или четырехлетним стажем, в возрасте не старше 26 лет и с опытом партийной работы⁴¹. На следующий год было принято решение, что 40% набора (против 25% в первый год) должно состоять из рабочих⁴². Есть сведения, что Сталин взял на себя проведение в 1924 г. на этих курсах семинара по ленинизму⁴³. Однако нет никаких доказательств, подтверждающих, что он действительно это осуществил.

Следующим по иерархии в системе партийных учреждений высшего образования (комвузы) шел Свердловский университет, который был образован в 1919 г. под названием Рабоче-крестьянский коммунистический университет имени Я. Свердлова на основе краткосрочных курсов для пропагандистов, организованных партией в предшествующем году⁴⁴. Свердловский университет стал важнейшим учреждением, занимающимся подготовкой высших партийных работников. На церемонии по случаю первого выпуска в 1923 г. Бухарин сказал:

«... Мы впервые получаем марксистски отшлифованных, пре-

данных партии, знающих и деловых работников, которые, разъехавшись по всему лицу Советской страны, будут вести работу по строительству социализма»⁴⁵.

Сталин, прочитавший в 1924 г. в Свердловском университете первоначальный вариант своих лекций «Основы ленинизма» и вновь посетивший его в 1925 г., чтобы ответить на вопросы, заданные ему студентами, назвал Свердловский университет «одним из наиболее мощных орудий в деле выработки командного состава партии по руководству массами»⁴⁶. 1921 год стал годом создания партий в Петрограде Зиновьевского университета, моделью для которого послужил Свердловский университет в Москве⁴⁷, Коммунистического университета тружеников Востока и Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. В течение последующих трех лет коммунистические университеты были учреждены в Харькове, Казани, Тифлисе, Ташкенте и других центрах; их общее число достигло 13. Свердловский университет и университеты Востока и Запада насчитывали каждый более чем по 1000 студентов, в Зиновьевском университете их было более 800, остальные были поменьше. Общее число студентов во всех этих университетах составляло в середине 20-х годов около 6 тыс.⁴⁸

Основной трудностью при организации этих учреждений было обеспечение преподавательскими кадрами; ведь к 1924 г. 73% студентов были членами партии, 21 — комсомольцами и лишь 6% беспартийными, в то время как среди преподавательского состава беспартийными были 60%⁴⁹. Институт Красной Профессуры был основан в 1921 г. с целью нарушить буржуазную монополию в сфере подготовки работников образования и воспитания и обеспечить преподавательскими кадрами учреждения высшего образования. Первым его президентом был Покровский. Число студентов оставалось, однако, невелико: первоначальным постановлением предусматривалось 200 человек в Москве и 100 в Петрограде⁵⁰. Однако петроградская часть проекта так и осталась неосуществленной, и прошло много лет, пока эта цифра была достигнута в Москве. Основную часть первых студентов составляли представители молодой партийной интеллигенции. Как и остальные студенты, они были в партийных дискуссиях, происходивших зимой 1923/24 г.⁵¹, на стороне Троцкого, и институт был подвергнут серьезной чистке⁵². Дабы предотвратить возможность повторения этой ошибки, была предпринята попытка сократить преобладание интеллигенции среди состава студентов, и с этого времени доля рабочих, принятых в институт, стала возрастать. Однако к этому времени он попал под влияние Бухарина и тяжело пострадал в период его падения⁵³. За шесть лет с 1924 по 1929 г., число выпускников института составило в общем всего 236 человек; реальный же выпуск оказался — вследствие того, что институт был замешан в этих двух уклонах, — и того меньше⁵⁴. Из всех попыток, предпринятых партией с целью обеспечить контроль за интеллек-

туальной жизнью страны, эта, по всей видимости, оказалась наименее успешной.

Допуск во все эти учреждения был ограничен, и прием туда тщательно регулировался установленными требованиями как интеллектуального, так и партийного характера. Массовыми органами высшего политического образования и воспитания были так называемые совпартшколы. Первоначально их концепция была сформулирована одним из делегатов проходившего летом 1917 г., еще до Октябрьской революции, VI съезда партии:

«...Агитаторов и пропагандистов... надо создать из рабочих, которые являются единственными активными работниками, для чего необходимо организовать партийные школы»⁵⁵.

В марте 1919 г., в самый разгар гражданской войны, VIII съезд партии поручил Центральному Комитету «выработать общую программу и план занятий в местных партийных школах»⁵⁶. Немного, однако, оказалось сделано в этом направлении, когда год спустя X съезд вновь принял решение о том, что «особое внимание должно быть обращено на дальнейшее развитие партийных школ (высшего, низшего и инструкторского типа) для подготовки в области хозяйственно-административной работы»⁵⁷. В августе 1920 г., когда гражданская война была почти окончена, было решено основать «всероссийскую сеть (сначала губернских, а затем и уездных) коммунистических партийно-советских школ»⁵⁸. Прием в эти школы зависел от обладания минимального уровня образования, однако не был ограничен лишь членами партии⁵⁹. На прошедшей в декабре 1921 г. «первой всероссийской конференции советско-партийных школ» была разработана сложная система. В столицах губерний предлагалось учредить школы второй ступени, где организовывались девятимесячные курсы для подготовки кадров либо для пропагандистской и преподавательской работы, либо для практической работы в советских или партийных органах. В столицах уездов образовались школы первой ступени с элементарными трехмесячными курсами, целью которых было «повысить политическую сознательность масс»⁶⁰. Таким образом, в этой системе была предпринята попытка сочетать повышение уровня образования, направленное на подготовку должностных лиц, с курсами общего политического образования. Однако главный акцент при организации совпартшкол по-прежнему лежал на первом. В 1922 г. решение Центрального Комитета фиксировало число курсов второй ступени на уровне 53 и число учащихся — на уровне 9430, а число курсов первой ступени на уровне 150, где обучалось 10 825 человек⁶¹. В 1923 г. продолжительность обучения на курсах второй ступени была увеличена до двух лет, а школ первой ступени — до одного года⁶². В том же году на XII съезде партии Сталин охарактеризовал коммунистические университеты и совпартшколы как «аппарат, при помощи которого партия развивает коммунистическое просвещение, фабрикует командный состав по просвещению, который сеет среди рабочего населения се-

мена социализма, семена коммунизма и тем связывает партию духовными связями с рабочим классом»⁶³. Совпартшколы были главным инструментом, посредством которого рабочих готовили для партийной и советской работы. В 1925 г. было предпринято новое ужесточение условий приема в эти школы: теперь беспартийными могли быть не менее 25% учащихся, и все они должны были стать либо «рабочими от станка», либо «крестьянами от сохи»⁶⁴. С другой стороны, время от времени выражались сомнения, действительно ли из рабочих получаются лучшие пропагандисты, чем из представителей интеллигенции. Некоторые критики утверждали, что «недостаток теоретических знаний в конце концов перевешивает «естественные» положительные качества рабочего-пропагандиста»⁶⁵.

Хотя главной заботой партийных властей оставалось, по всей видимости, политическое образование будущих руководителей, не оставлялась без внимания и другая цель, направленная на теоретическое оснащение масс. Ленин в 1918 г. говорил о необходимости «перевоспитания всего русского народа»⁶⁶, а двумя годами позже он добавил к этому: «...Надо перевоспитать массы, а перевоспитать их может только агитация и пропаганда...»⁶⁷

Здесь, однако, быстро выявился парадокс. До революции партия постоянно прославлялась как авангард пролетариата — именно партии предстояло руководить массами и просвещать их. Теперь, после победы революции и в связи с прогрессирующим расширением партии, авангард, составляла уже не вся партия в целом, а группа внутри партии, которая была призвана руководить и просвещать не только массу рядовых членов партии, но и массы, которые все еще оставались вне партии. Различие между руководителями и руководимыми, между авангардом и массами не соответствовало более различию между партией и тем, что вне партии. По мере того как шло время, партийные и беспартийные массы даже, казалось, могли иметь между собой больше общего, чем партийная масса с партийной элитой. За попытку построить социализм в преимущественно примитивной и отсталой стране отыгрывалась на сей раз ортодоксальная партийная доктрина.

Эхо этой путаницы отразилось и на организации. В ноябре 1920 г. декретом ВЦИК был учрежден отдел Наркомпроса, названный Главным политико-просветительным комитетом (Главполитпросвет), которому подчинялись соответствующие подотделы в губерниях (политпросветы). Возглавляла его Крупская, и его функции включали управление библиотеками и школами для взрослых, борьба с неграмотностью и общее распространение политического просвещения среди населения⁶⁸. Однако каковы же взаимоотношения между Главполитпросветом, который был государственным органом, и Агитпропом — отделом Центрального Комитета партии, занимающимся распространением политических знаний от имени партии? Этот вопрос породил бурные дебаты на проходившем в марте 1921 г. X съезде партии⁶⁹. В его ре-

золюции была предложена картина взаимно переплетающихся функций и организаций, которая демонстрировала один из первых примеров практической неосуществимости проведения четкой границы между партией и государством, между партией и тем, что вне партии. Было принято, что «центр тяжести работы Главполитпросвета» лежит в «работе среди внепартийных масс», а центр тяжести работы Агитпропа лежит в «работе внутри партии по поднятию сознательности ее членов и по их коммунистическому воспитанию». Однако в функции партийных органов входило «руководство соответственными органами политпросветов», а органы Главполитпросвета должны были также принимать участие в работе среди членов партии. На самом деле совпартшколы, которые были первоначально призваны готовить партийных руководителей, школы политграмоты, целью которых было преподавание элементов партийной теории кандидатам и молодым членам партии, и даже коммунистические университеты финансировались за счет средств Главполитпросвета. И хотя это, возможно, скорее диктовалось просто соображениями бюджетного характера, чем принципиальными соображениями, здесь было ясно видно, сколь хрупка грань между государственными и партийными органами в вопросах политического просвещения⁷⁰. Год спустя, на XI съезде партии упоминалось о трениях, которые, естественно, возникли при выполнении этой смутной резолюции, и прозвучали призывы к соблюдению «личной унии в руководящем составе агитпропов и политпросветов»⁷¹. Остается неясным, насколько это решение было воплощено в жизнь. Однако нет никаких оснований сомневаться, что обычный принцип подчинения государственных органов руководству со стороны партии в полной мере применялся к организации массовой пропаганды.

К середине 20-х гг. наиболее развитые губернии СССР (недостаток информации не позволяет судить о более отсталых уездах) были покрыты сетью учреждений, занимающихся пропагандой среди масс. Весьма знаменательно, что лишь немногие из них — если таковые вообще были — предназначались исключительно для партийных или беспартийных людей; почти во все эти учреждения, по всей видимости, принимались лица обеих этих категорий. Когда в 1921 г. были впервые учреждены школы политграмоты, их цели формулировались в выражениях, не упоминавших членства в партии:

«Цель кампании политграмоты заключается в вовлечении широких масс рабочих и крестьян в социалистическое строительство путем распространения элементарных политических знаний, которые позволят массам осознать значение и важность коммунистической революции и понять текущие политические события»⁷².

Позднее школы политграмоты служили прежде всего для того, чтобы обеспечивать обучение только что вступивших в партию. Принятое в январе 1924 г. постановление Центрального Комитета «О ликвидации политнеграмотности среди членов РКП» было на-

правлено прежде всего на усиление этих школ. Для работы с «ленинским призывом» были в 1924 г. образованы специальные краткосрочные курсы⁷³. Совпартшколы же предназначались для более высокого уровня просвещения и образования. Однако в 1925 г. были учреждены вечерние совпартшколы с ускоренными курсами обучения⁷⁴; они, по всей видимости, были школами массовой пропаганды, и к ним, судя по всему, не применялись ограничения, которые устанавливали бы допустимый процент беспартийных учащихся⁷⁵. Рабочие клубы в соответствии с принятой в 1923 г. резолюцией XII съезда партии предписывалось «превратить в настоящие центры массовой пропаганды и развития творческих способностей рабочего класса»⁷⁶. В городах и на предприятиях были популярны группы по изучению марксизма-ленинизма; они находились под контролем партии, однако не вполне ясно, насколько прием туда ограничивался членством в партии. Передвижные школы политграмоты впервые появились в 1925 г., когда достигла наивысшей точки кампания «Лицом к деревне!»⁷⁷.

Разделение партии на элитарное руководство, которое давало инструкции и указания, и на массовых членов, которые эти инструкции и указания должны были исполнять, явилось, вне всякого сомнения, наиболее важным следствием быстрого увеличения числа членов партии. То же самое явление отмечалось и в рабочих партиях западных стран, а в сущности — во всех политических партиях. Однако в России, где масса рабочих находилась на столь примитивном уровне экономического развития и была столь необученной и отсталой в политическом отношении, это явление обрело поистине гротескную форму. Когда необходимость обучить и теоретически подковать в нужном для партии направлении своих членов становится главной заботой руководителей, характер партии неизбежно меняется, так же точно, как менялся характер советских профсоюзов под воздействием той же самой необходимости⁷⁸. Эволюции Российской коммунистической партии способствовали, без сомнения, и другие факторы, особенно те, которые явились следствием тесного отождествления партии с государством. Во время гражданской войны съезд партии еще мог позволить себе провозглашать освещенную временем доктрину, что члены партии «не имеют никаких преимуществ перед остальными рабочими, они имеют лишь более высокие обязанности»⁷⁹. В условиях реакции, которая установилась с введением НЭПа, на плечи членов партии легло бремя, становившееся, по всей видимости, ненормальным и непереносимым⁸⁰; и помимо сокращения вследствие чистки, наблюдался и добровольный отлив людей из партии⁸¹. Со времени объявленного в 1924 г. «ленинского призыва» эти настроения сменились противоположными. Недвусмысленно насаждался взгляд на партию скорее как на источник более высоких привилегий, чем более высоких обязанностей⁸²; а поскольку равенство привилегий является концепцией, которую гораздо труднее реализовать на деле, чем равенство обязанностей, осознание

партии как привилегированного института непроизвольно вело к расширению привилегий внутри партии. Мало того, что члены партии как таковые считали себя вправе претендовать на привилегии в рамках сообщества в целом, но вдобавок к этому и партийная элита начала таким же образом выделять себя из остальной массы рядовых членов партии. Начиная с 1923 г. появлялись постоянные предостережения против личного обогащения членов партии⁸³. Подобные злоупотребления, однако, случаются в любых институтах и вовсе не являются отличительной чертой Российской коммунистической партии. Основными определяющими факторами ее эволюции являлись, прежде всего, стремительный и ошеломляющий рост числа членов и, во-вторых, относительно низкий уровень политического и интеллектуального развития новых членов, сделавший императивно необходимым организовать сверху их обучение и политическое образование. Увеличение количества и снижение качества рядовых членов партии явилось тем фундаментом, на котором постепенно, незаметно для глаза аппарат власти Центрального Комитета превращался в огромную, монолитную диктатуру.

в) Партийный аппарат

Растущие размеры и изменяющийся состав партии служили бесспорными аргументами в пользу ужесточения партийной дисциплины. Даже простое увеличение численности членов партии приводит к автоматическому усилению власти центральных органов. Концентрация власти в центре повсюду является отличительной чертой современных массовых партий в сравнении с небольшими по численности элитарными партиями прошлого. В рамках же центральных властей периодически собирающиеся выборные органы имеют тенденцию все больше и больше терять реальную силу, уступая власть перманентному бюрократическому аппарату, состоящему из назначаемых на эти должности лиц. Избранный VIII съездом партии в 1919 г. Центральный Комитет, из членов которого состояли Политбюро и Оргбюро, включал 19 членов и 8 кандидатов. В апреле 1922 г., когда Сталин стал генеральным секретарем, Центральный Комитет состоял из 27 членов и 19 кандидатов, и теперь уже Политбюро, Оргбюро и Секретариат⁸⁴ были вполне готовы заменить Центральный Комитет в качестве эффективных органов власти. С этого времени его численность непрерывно разбухала, достигнув 40 членов и 17 кандидатов в 1923 г., 53 членов и 34 кандидатов в 1924 г. и 63 членов и 43 кандидатов в декабре 1925 г., когда проходил XIV съезд партии. Можно сказать, что возрос также и его репрезентативный характер. Раньше, когда Центральный Комитет представлял собой небольшую группу, управлявшую делами партии, в него никогда не входило больше одного или двух рабочих. На XIV съезде партии Молотов имел уже основания похвастаться, что нынешний состав

Центрального Комитета включает 53% рабочих⁸⁵. Но увеличение количества и представительности сопровождалось атрофией власти. Ленин в одной из последних своих статей заметил, что Центральный Комитет партии превращается в «высшую партийную конференцию»*, которая собирается один раз в два месяца, оставляя ведение текущей работы на попечение Политбюро, Оргбюро и Секретариата, — он согласился, что с этой тенденцией следует смириться и принять ее за норму⁸⁶. Чтобы завершить этот процесс, не хватало только сталинской дееспособности, сталинского честолюбия и сталинской безжалостности. Единственной проблемой, которую еще оставалось решить, было распределение власти между тремя или скорее — поскольку Оргбюро быстро превратилось в нечто чуть большее, чем президиум Секретариата⁸⁷, — двумя внешне как бы подчиненными Центральному Комитету органами — Секретариатом и Политбюро.

Сталин осторожно начал с меморандума, в котором содержались «предложения Секретариата по разделению функций» между органами Центрального Комитета. Он был обсужден на заседании ЦК в конце января 1923 г. В меморандуме предлагалось увеличить до 50 численность Центрального Комитета (возможно, в то время было уже известно датированное 25 декабря 1922 г. «завещание» Ленина, в котором содержались аналогичные предложения) и с пяти до семи человек, при четырех «кандидатах», состав как Политбюро, так и Оргбюро. Трудно не заметить во всех этих схемах преднамеренно рассчитанное стремление ослабить эффективность всех этих органов перед лицом Секретариата — единственного, чья форма постоянно сохранялась в прежнем виде. Сталин, однако, изобрел новую изощренную тактическую уловку: ослабить Политбюро под видом призывов к повышению авторитета Центрального Комитета. Проект возлагал на Политбюро обязанности представлять на рассмотрение ЦК «действительно важные политические предложения», при этом было особо отмечено, что такое изменение «уменьшает права Политбюро в пользу пленума Центрального Комитета — другой вопрос, насколько этого результата действительно рассчитывалось достигнуть на практике. Самым примечательным из всего было определение сферы компетенции Секретариата. Секретариату предоставилось право решать вопросы о назначении на все партийные посты «не выше губернского уровня», иными словами, на все посты, вплоть до и включая пост секретаря губкома партии, — подобные решения должны были вступать в силу, если они в течение 48 часов не опротестованы одним из членов Политбюро. Назначения на партийные посты более высокого уровня должны были представляться на рассмотрение Оргбюро. Решения Оргбюро могли быть опротестованы членами Политбюро. Результатом подобных протестов

* В работе «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин говорил о превращении в «высшую партийную конференцию» «пленумов ЦК». — *Прим. ред.*

могла стать отсрочка с исполнением данного решения, в то время как протесты членов ЦК против решений, принятых Политбюро, такого приостанавливающего действия не имели⁸⁸.

Имеющиеся в распоряжении документы не позволяют с уверенностью судить о том, какова была в точности судьба этих предложений. Создается впечатление, что на той стадии Троцкий выступал наиболее сильным защитником прерогатив Политбюро от посягательств со стороны Секретариата⁸⁹; этот факт, без сомнения, способствовал тому, что остальные члены триумvirата оставались верными Сталину. В апреле 1923 г., во время XII съезда партии, Сталин вновь выступил защитником прав Центрального Комитета против посягательств со стороны Политбюро и снискал похвалы Осинского, обрушившегося с резкой критикой на Зиновьева⁹⁰. Резолюция съезда включала рекомендации Сталина, что важные предложения Политбюро должны быть в будущем представлены на рассмотрение Центрального Комитета. Съезд также увеличил до 40 человек число членов ЦК, при этом кандидаты, в количестве от 15 до 20 человек, имели право присутствовать на его заседаниях, хотя и без права голоса, а также увеличил — в соответствии с содержавшимися в меморандуме Сталина предложениями — количество членов Политбюро и Оргбюро⁹¹.

Остается неясным, какова дальнейшая судьба предложений, определявших полномочия Секретариата в назначении на партийные посты. Вновь, уже не в первый раз, Секретариат извлек выгоду из широко распространенного убеждения в его незначительности. Функции Секретариата были рутинным делом, не стоившим того, чтобы обсуждать его на партийном съезде. Однако летом 1923 г. у Зиновьева зародились подозрения по поводу той возрастающей власти, которая сосредоточивалась в руках Сталина как генерального секретаря, и знаменитое «пещерное заседание» в Кисловодске выдвинуло разработанную им схему «политизации» Секретариата за счет его действительного подчинения Политбюро⁹². Первоначально вспышка разногласий между Сталиным и Зиновьевым приняла институциональную форму борьбы между Секретариатом, где Сталин играл роль беспорочного хозяина, и Политбюро, где Зиновьев пытался носить не слишком ловко на нем сидевшую мантию Ленина. Скоро выяснилось, что попытка обуздать власть Сталина оказалась безрезультатной. Кризис, начавшийся в октябре 1923 г. выдвижением «платформы 46-ти» и закончившийся осуждением XIII партийной конференцией в январе 1924 г. Троцкого, сыграл на руку Сталину, а разбавление партийных рядов за счет необстрелянных новобранцев «ленинского призыва» способствовало усилению контроля со стороны центрального партийного аппарата за новой массой членов партии⁹³. Последнее эхо борьбы было слышно в декабре 1925 г. во время XIV съезда партии, когда Зиновьев вновь потребовал «полновластного Политбюро и служебного, подчиненного ему, Секретариата».

та», а Молотов парировал, что «полновластное Политбюро» означало в интерпретации Зиновьева такое Политбюро, где у тт. Зиновьева и Каменева будет большинство⁹⁴. Политбюро заслонило собой Центральный Комитет. Теперь приводившийся в движение Секретариатом партийный аппарат затмил Политбюро. Партия уступила, подчинившись мастерской дирижерской палочке генерального секретаря.

Возрастающая власть Секретариата привела к возникновению на партийном и советском ландшафте новых примечательных явлений — «аппарата» и «человека аппарата», или «аппаратчика», сообщества безвестных и анонимных чиновников, которые были винтиками плавно и, как правило, бесшумно работающей партийной машины. Официальные заявления относительно количества этих партийных чиновников были весьма скупы. На XIII съезде было заявлено о существовании одного партийного работника на каждые 22 члена партии, а на XIV — на каждые 40 членов. Если предположить, что цифры, характеризующие число членов партии, соответствуют тому общему количеству, которое было объявлено соответствующими съездами (включая и кандидатов), то это означало 27 250 партийных работников в 1924 г. и 25 600 — в конце 1925 г.⁹⁵ Однако в категорию «партийных работников» включались все члены партии, назначенные на партийные должности на территории всей страны; как утверждалось, во времена XIV съезда на службе в Центральном Комитете находились лишь 767 человек⁹⁶.

Рост аппарата определил единственно возможное, наиболее важное различие между режимом Ленина и режимом Сталина. Главным упущением Ленина как государственного деятеля было то обстоятельство, что он никогда по-настоящему не отдавал себе отчета в существовании проблемы широкомасштабного управления в современном обществе. Импровизацию периода захвата власти и периода гражданской войны можно считать мерами временного характера: самая важная из этих импровизаций — создание из бывших царских офицеров офицерского корпуса Красной Армии — была творением Троцкого, а не Ленина. Ленин продолжал верить, что решение, говоря словами Программы 1919 г., лежит в «упрощении функций управления, сопровождающемся повышением культурного уровня трудящихся»⁹⁷, и, если он в конце концов и осознал, что повышение культурного уровня обещает стать процессом медленным, он так и не отдал себе отчета в утопическом характере требования об упрощении управления. Когда, после победы в гражданской войне и введения НЭПа, его начали осаждать практические вопросы управления, Ленин смог внести незначительный вклад в их решение, кроме серии мощных предостережений против пагубных последствий бюрократии в государстве и — в течение последних месяцев его жизни — в самой партии. Но когда Сталин захватил власть над Секретариатом и были удалены все ограничения, наложенные Лениным и ленинской тра-

дицией, исчезли последние преграды. Если Ленин не удосужился увидеть неизбежность бюрократии, Сталин тоже оказался слеп в отношении опасностей, которые она несет, и необходимости гарантий против этих опасностей. Заключительная глава сталинских «Основ ленинизма», впервые опубликованных в мае 1924 г., была озаглавлена «Стиль в работе» и призывала к сочетанию «русского революционного размаха» с «американской деловитостью»⁹⁸. Однако, несмотря на то что Сталин — при помощи и поддержке обильных цитат из Ленина — старался тщательно соблюдать баланс между достоинствами и недостатками обоих этих элементов, со временем становилось все более и более ясно, что в сталинском понимании «стиля в работе» содержится много такого, что Ленин мог бы осудить как проявления бюрократии. Было бы, однако, ошибкой рассматривать это как личную идиосинкразию Сталина. Творческая деятельность Ленина протекала в тот период, когда на взлете был еще революционный энтузиазм и главной задачей режима была необходимость выжить. Сталин был продуктом периода, когда основным требованием стало стабильное и упорядоченное управление, овладение сложной государственной машиной, и результатом этого — учитывая недостаточно высокое качество оказавшегося в распоряжении человеческого материала и выживание примитивной бюрократической традиции — стало введение системы жесткого и деспотического подчинения. Если партия более не поощряла независимости суждений, то она обеспечивала надежную карьеру тем, кто служил ей верно и эффективно. Сталинский «человек аппарата», «аппаратчик», был в этом смысле полной противоположностью тому интеллигенту, чья широта мыслей вдохновила революцию. Каждое столкновение между партийным руководством и следовавшими одна за другой оппозициями обострялось одной и той же характерной враждебностью и несовместимостью темпераментов. Теперь главной добродетелью члена партии и партийного деятеля был уже не революционный энтузиазм, а подчинение порядку и дисциплине. Именно эти добродетели и стремился внедрить Секретариат, возглавляемый Сталиным.

Центральный аппарат осуществлял свою власть над партией с помощью двух основных способов: с помощью назначения на посты, позволяющего бесшумно и незаметно вознаграждать тех, кто его поддерживает, и наказывать не слишком ревностных и враждебно настроенных, и с помощью применения прямых дисциплинарных мер к тем, кто упорствовал в непокорности. Второй из этих методов был более драматичным и привлекал больше внимания — именно на этой практике концентрировали свои атаки критики за пределами Советского Союза. Однако в создании основ неограниченной власти, которая оказалась впоследствии сконцентрирована в центральном партийном аппарате и лично в руках генерального секретаря, фактически неограниченное право назначать на ключевые посты сыграло, возможно, гораздо более

важную роль, чем карательные функции. Оба этих решающих инструмента власти требуют некоторого дополнительного рассмотрения.

г) Власть назначения на посты

Сосредоточение власти назначения на должности в руках центрального партийного аппарата относится к моменту, когда отдел Центрального Комитета (фактически отдел Секретариата), ведающий учетом квалификации и распределением партийных кадров (сокращенно называемый Учраспредом) переключил свое внимание с «массовых мобилизаций» периода гражданской войны и «военного коммунизма» на индивидуальные назначения для выполнения специальных функций, в особенности в экономической области, которые стали характерной чертой периода НЭПа⁹⁹. Этот курс укрепился, когда — вскоре после появления в апреле 1922 г. Сталина в Секретариате — во главе Учраспреда был поставлен 30-летний деятель по имени Каганович¹⁰⁰. Бросающейся в глаза особенностью первого года пребывания его на новом посту было сокращение в половину числа членов партии, которые получили назначение через Учраспред, что частично объяснялось закатом «массовых мобилизаций», а частично — намеренным стремлением освободить центральный аппарат от назначения на рядовые или второстепенные посты: из 10 тыс. назначений, осуществленных Учраспредом в период между апрелем 1922 г. и мартом 1923 г., около 5 тыс. составляли назначения на «ответственные» должности¹⁰¹. Прошедший в апреле 1923 г. XII съезд партии, выслушав замечание Сталина о важности Учраспреда, принял соответствующую резолюцию:

«... Съезд поручает ЦК принять все меры к расширению и укреплению учетно-распределительных органов партии в центре и на местах с целью охвата всей массы коммунистических и сочувствующих коммунизму работников во всех без исключения областях управления и хозяйствования»¹⁰².

Съезд дал свое одобрение созданию в центре основ мощного аппарата, имеющего отделения на местах, который осуществлял бы абсолютный контроль над назначением на «любой и каждый» пост в партийной и правительственной иерархии членов партии и своих надежных сторонников. В руках выдающихся организаторов — таких, как Сталин и Каганович, — такая возможность не могла быть упущена. Съезд засвидетельствовал свое доверие новому режиму, выбрав Кагановича кандидатом в члены Центрального Комитета; на следующий год он стал уже его полным членом.

Следующие несколько месяцев ушли на то, чтобы создать аппарат, который мог бы работать плавно и без сбоев. В июле 1923 г. Центральный Комитет утвердил по рекомендации Учрас-

преда список из 3500 постов в государственных и хозяйственных органах, назначение на которые должно проводиться «через Центральный Комитет», и еще 1500 постов, назначение на которые хотя и проводится соответствующими органами, но должно проходить с уведомления Учраспреда. Сходная классификация, детали которой не были обнародованы, устанавливалась и для ведущих партийных постов. Наряду с этим «Учраспредом» были выработаны правила, регулирующие формы согласования между Центральным Комитетом и ведомственными и местными партийными органами по поводу назначения и смещения работников местных учреждений». Три месяца спустя «был окончательно организован распределительный аппарат отдела в соответствии с системой, заложенной июльской резолюцией Секретариата»¹⁰³. Решение Оргбюро от 12 октября 1923 г., устанавливавшее или подтверждавшее полную классификацию должностей и определявшее степень ответственности, которая требовалась для осуществления или одобрения различных категорий назначений, оставалось в течение более двух лет хартией Секретариата в вопросах назначения на государственные и партийные посты¹⁰⁴. Месяц спустя, 8 ноября 1923 г., эти правила были одобрены резолюцией Центрального Комитета. Из нее явствовало, что наиболее важные назначения, которые предстояло сделать в ближайшем будущем, были связаны с постами в хозяйственных органах, в деревне и в Красной Армии; особое внимание в ней уделялось тому, что Учраспред должен изучать личные характеристики кандидатов на эти назначения. Была предпринята попытка обеспечить сочетание «подбора, производимого ЦК и парткомами, с выдвижением, идущим снизу, из губернских и уездных партийных организаций»¹⁰⁵. Однако политический кризис, возникший в связи с «платформой 46-ти» и письмом Троцкого, не благоприятствовал даже малейшему ослаблению контроля со стороны центральных органов. И деликатный намек на это действительно содержался в отчетном докладе Учраспреда:

«Вставшие перед партией после ноябрьской дискуссии внутрипартийные задачи внесли в эту систему работы учраспреда лишь дополнительные и частичные коррективы, в частности в отношении уточнения согласований перемещений и отзывов...»¹⁰⁶

Теперь уже общие принципы системы были заложены, и последующие изменения носили чисто формальный характер. В 1924 г. Учраспред был объединен с бывшим организационным отделом¹⁰⁷, и он стал называться Орграспредом; эта реорганизация была подтверждена распоряжением Секретариата, датированным 13 марта 1925 г.¹⁰⁸ Возможно, весьма примечательным было то, что подтверждения со стороны Центрального Комитета уже более не требовалось. Размах деятельности Учраспреда и Орграспреда показывает статистика назначений, проведенных ими в период между 1922 и 1925 гг.:

	Ответственные работники	Рядовые работ- ники	Прочие
С XI до XII съезда	4738	5613	10 351
С XII до XIII съезда	4569	1519	6 088
С XIII до XIV съезда	9419	2858	12 277

В каждом случае небольшую часть общего количества относили за счет продолжения массовых мобилизаций, однако основная часть этих назначений носила индивидуальный характер. Снижение численных показателей в промежуточный период объяснялось твердым намерением центрального аппарата освободить себя от растущего бремени рядовых назначений. Большинство подобных назначений оставлялось теперь на усмотрение соответствующей заинтересованной организации, хотя часть их, возможно, осуществлялась под контролем местных партийных органов. Рост цифровых показателей в течение третьего периода иногда объяснялся более длительным временем, разделявшим XIII и XIV партийные съезды (более 18 месяцев вместо года), но также и возрастающим количеством важных назначений в расширявшемся хозяйственном и политическом сообществе. Основная часть назначений касалась постов в хозяйственных органах, в кооперативах, в профсоюзах и в советском административном аппарате. Однако наиболее знаменательная цифра из всех показывала, что из 9419 назначений на ответственные должности, проведенных в период между маем 1924 г. и декабрем 1925 г., 1876 составляли ответственные посты в партии. Это были работники, из которых формировались ключевые посты, являвшиеся опорой всей политической структуры. Именно через них осуществлялась в конечном счете «диктатура пролетариата»¹⁰⁹.

Наконец, в январе 1926 г. система была еще раз пересмотрена, в результате чего была принята новая классификация, в соответствии с которой назначение на 5500 должностей требовало формального одобрения Центрального Комитета. В будущем назначение на 1870 из этих должностей (первая категория) все еще должно было представляться на одобрение Центрального Комитета, Оргбюро или Секретариата в целом. Назначение на 1640 постов (вторая категория) требовало санкций одного из секретарей и должно было рассматриваться в более высоких инстанциях только в том случае, если оно вызывало разногласия. Была основана новая группа из 1590 «выборных должностей», предположительно в партийных и советских органах, назначение на которые должно было согласовываться с комиссиями, формируемыми в каждом отдельном случае Центральным Комитетом: разработан-

ная особая процедура была признанием наличия деликатной проблемы примирения интересов имевшей несомненные преимущественные права власти центра, с одной стороны, и избирательного права местных органов, с другой. За пределами указанных категорий, на более низком уровне местные власти могли проводить назначения по своему собственному усмотрению, однако и они, на каждом конкретном уровне компетенции, являлись предметом рассмотрения областных, губернских или более низких партийных комитетов, которые в свою очередь тоже были уполномочены составить категории должностей, назначение на которые требовало их одобрения. Пунктом столкновения интересов, не имевшим определяющего значения, в принятии подобных решений было настойчивое требование провести четкое разделение функций между Центральным Комитетом и Московским губкомом партии, которому, по всей видимости, до этого времени не уделялось никакого внимания¹¹⁰.

Командные позиции Орграспреда были достигнуты не без длительных разногласий в партии. Теоретически предполагалось, что все посты в партии должны были распределяться путем выборов, однако это теоретическое положение было весьма трудно примирить с признанным правом партийных властей распоряжаться услугами членов партии так, как того могли требовать интересы партии. Первоначально власть центрального аппарата открыто использовалась для того, чтобы добиться пересмотра в нужном направлении или отмены результатов выборов, проведенных местной партийной организацией. Еще в апреле 1920 г., даже до основания Учраспреда, роспуск непокорного Центрального Комитета украинской партии был достигнут в результате простого приказа, отданного из Москвы Центральным Комитетом, переводившего его членов на работу в другие места¹¹¹. Партийная конференция, собравшаяся в сентябре 1920 г., признала «необходимым в исключительных случаях назначение на выборные должности», однако отдала предпочтение термину «рекомендация» перед словом «назначение» и добавила многозначительную поправку, что при назначении на должности не следует руководствоваться «какими-либо иными соображениями, кроме деловых», и что «какие бы то ни было репрессии» за инакомыслие «недопустимы»¹¹². В марте 1921 г., во время X съезда партии, Крестинский (бывший тогда одним из трех членов Секретариата и отвечавший за работу Учраспреда) говорил о проведенной в августе минувшего года неоправданной переброске, вызвавшей «недоумение, недовольство, подозрение, нет ли здесь каких-нибудь репрессий, нет ли карательного элемента», не признавая при этом, в сущности, что эти подозрения были обоснованны¹¹³. В течение следующего года, когда Молотов заменил Крестинского в качестве члена Секретариата, ответственного за работу Учраспреда, было сочтено необходимым применить «решительные и радикальные меры» против фракционной деятельности Самарской губернской партийной органи-

зации, сместив «всю верхушку партийных и советских работников»¹¹⁴. Если впоследствии подобных неприкрытых проявлений власти и удавалось в общем и целом избегать, то только потому, что из этого прецедента был извлечен урок, а также благодаря тому, что машина Учраспреда по производству назначений работала ровно и бесшумно, умудряясь устранять источники трений и улаживать осложнения, не позволяя им выходить на поверхность.

Одна принципиальная проблема оставалась тем не менее нерешенной, и, не прекращаясь, велась война по вопросу о том, в какой мере следует назначать или выбирать секретарей партийных комитетов. Постепенно усиливался контроль, осуществляемый Центральным Комитетом — или действовавшим от его имени Учраспредом, — над назначениями на уровне губерний. Этот процесс был в осторожных выражениях описан в марте 1921 г. на X съезде партии Крестинским:

«Мы предоставляем товарищей в распоряжение губернского комитета, мы рекомендуем их для той или иной работы, и мы приходим к соглашению с представителями губернской организации»¹¹⁵.

Это было скромным, но многообещающим началом. Раз уж признавались полномочия смещать — под видом продвижения по службе или во имя высших партийных интересов — людей, занимавших те или иные посты, и считалось обычным делом право «рекомендовать» того, кто займет освободившийся пост, до прямого назначения оставался всего лишь один шаг. И этот шаг был сделан в декабре 1921 г. на партийной конференции, на которой было выдвинуто предложение, чтобы секретари губернских и уездных партийных комитетов «утверждались вышестоящей партийной инстанцией». Это означало, что губернские секретари будут «утверждаться» Центральным Комитетом партии, а уездные секретари — губернскими властями. Это предложение было одобрено прошедшим в марте 1922 г. XI съездом¹¹⁶. Впоследствии это превратилось в признанное партийное правило. В докладе Учраспреда XII съезду сообщалось, что в минувшем году были перемещены или смещены 37 секретарей областных или губернских партийных комитетов (более одной трети их общего числа) и одновременно 42 партийных работника были рекомендованы губернским или областным комитетам для назначения в качестве секретарей¹¹⁷. Секретари губернских и областных комитетов представляли собой те ключевые посты, от руководящих и организаторских способностей которых в первую очередь зависела реальная власть партии в пределах данной территории. Для центральных властей было особенно важно, чтобы эти посты занимали люди, чья дееспособность и лояльность были бы вне всяких подозрений¹¹⁸.

Обеспечив контроль над назначением на ключевые посты областного и губернского уровней, центральный аппарат поставил себе целью распространить свое влияние на следующий уровень —

секретарей уездных партийных комитетов, назначение которых с 1922 г. требовало «утверждения» губернских властей. Главная трудность здесь, по всей видимости, состояла в том, чтобы найти на эти должности подходящих людей. На состоявшемся в апреле 1923 г. XII съезде партии Сталин заявил, что самой настоятельной потребностью в партийных кадрах является «резерв в 200 или в 300 уездных секретарей»¹¹⁹. Преображенский иронически отдав должное «умному» докладу Сталина, пожаловался, что 30% всех существовавших в то время секретарей губкомов являются, «как это принято выражаться, «рекомендованными» Центральным Комитетом», и высказал запоздалые опасения, как бы практика рекомендаций вместо того, чтобы быть исключением, не превратилась в систему¹²⁰. Никакого прямого ответа на протесты Преображенского высказано не было. Рыков признал, что все члены партбюро вновь образованных областей были ранее назначены Центральным Комитетом, и высказал предположение, что, возможно, в будущем можно будет постепенно ввести, хотя и с «величайшей осторожностью», систему выборов¹²¹. Эта благонамеренная надежда не нашла, однако, отражения в официальных решениях съезда. В решениях по вопросам партийно-организационной работы подчеркивалась важность «мер улучшения и подбора руководящего кадра работников партии, начиная от секретаря губкома и обкома и кончая секретарем ячейки», поручалось Центральному Комитету «принять все меры к расширению и укреплению учетно-распределительных органов партии» и предлагалось «организовать в срочном порядке при ЦК школу секретарей уездных парткомов в 200—300 человек»¹²². Осенью 1923 г. в Москве была открыта школа для уездных партийных секретарей. Провозглашалось, что целью таких школ является «формирование кадров квалифицированных секретарей уездных парткомов», при этом ясно подразумевалось, что определяющим фактором при назначении на эти посты будет скорее нужная квалификация, чем выборы, проведенные снизу¹²³. Секретари губкомов партии тем временем по-прежнему продолжали назначаться из центра. Когда в октябре 1923 г. Троцкий выдвинул свои первые обвинения против партийного руководства, в них неизменно фигурировал упрек в том, что назначение на посты стало в десять раз более обычным явлением, чем это было в худшие дни гражданской войны, и что «назначение секретарей губернских комитетов теперь является правилом»¹²⁴. Обнародованная несколькими днями позже «платформа 46-ти» резко критиковала «секретарскую иерархию» и описывала обнаружившийся в партии раскол между «назначаемыми сверху профессиональными партийными чиновниками и партийной массой, которая не принимает участия в общественной жизни»¹²⁵. Знаменитая резолюция от 5 декабря 1923 г., в которой был зафиксирован недолговечный компромисс, заключенный в конце этих споров между триумвиратом и Троцким, заявляла о необходимости «доказать полезность» системы утверждения назначений

на посты секретарей губернских комитетов партии и делала заключение о «недопустимости превращения права утверждать секретарей в их фактическое назначение»¹²⁶. Однако это осталось и было, по замыслу триумvirата, предназначено оставаться письмом, так и не достигшим адресата.

Расширение полномочий и рост влияния Орграспреда стали процессом, который автоматически ускорялся каждым следовавшим один за другим новым партийным кризисом. Краеугольным камнем в развитии этого процесса стал кризис, разразившийся осенью 1923 г. Это была первая объединенная атака на партийное руководство, предпринятая с того момента, как центральный партийный аппарат начал функционировать под эффективным управлением Сталина. Последовавшая вслед за этим борьба стала — если оставить в стороне ее политические и личностные аспекты — борьбой между партийной организацией и стихийным неупорядоченным партийным общественным мнением, которое, как это часто случается в подобных ситуациях, имело тенденцию консолидироваться с оппозицией, проповедующей «левацкие» принципы. Результатом, который тоже вполне вписывался в современную модель опыта, наблюдавшегося в других странах, стала победа партийной организации над неорганизованным массовым мнением, которому в общем и целом не удалось оказать сопротивления объединенным возможностям широкомасштабной организации, располагавшей средствами пропаганды и правом назначения на ответственные должности. Весьма знаменательно, что с течением времени и по мере того, как дискуссии перемещались из губерний в сторону центра, оппозиция становилась все более слабой и все больше опиралась скорее на интеллигенцию, чем на рабочих¹²⁷. Что было явным следствием этой борьбы, так это рост власти центральной партийной организации, инструмента Центрального Комитета, избираемого съездом партии, который состоял из делегатов местных партийных органов — тех мнимых хозяев, чьи голоса все чаще подавлялись и контролировались центральной партийной организацией. Этот контроль осуществлялся через массовую пропаганду, через власть назначения на должности и через угрозу репрессий: было бы нереальным оценить удельный вес этих трех средств давления. Нельзя также утверждать, что эти средства контроля и давления носили целиком и полностью негативный характер. Если оппозицию удалось обуздать с помощью угрозы наказания, то конформизм поощрялся надеждой на вознаграждение. Как это всегда бывает, карьеризм оказался двойником запугивания. Несмотря на то что на проходившем в апреле 1923 г. XII съезде партии ничего особенно подозрительного на поверхность не просочилось, Троцкий в своем письме, датированном 8 октября 1923 г., то есть шесть месяцев спустя после съезда, выразил «тревогу по поводу методов и процедур, посредством которых был проведен XII съезд партии», а в «платформе 46-ти» в резкой форме утверждалось, что «секретарская партийная иерархия во все

большей и большей степени определяет состав делегатов конференций и съездов, которые в свою очередь во все большей и большей степени превращаются в исполнительный орган этой иерархии»¹²⁸. Протесты против «бюрократии», «партийного аппарата» и системы назначений составляли основу оппозиционной кампании, а утверждения о «давлении со стороны партийного аппарата» в ходе выборов делегатов на проходившую в январе 1924 г. XIII партийную конференцию неоднократно звучали во время работы самой конференции¹²⁹. То обстоятельство, что руководство обеспечило себе на этой конференции подавляющее большинство по тем вопросам, по которым оппозиция несколько недель назад имела, казалось, широкую поддержку в партии, было наилучшим доказательством того, что эти утверждения имели под собой некоторые основания.

Начиная с 1924 г. и далее машина Орграспреда функционировала эффективно и без сбоев. Как и всякий отдел, ведающий назначениями в любой крупной организации, Орграспред отправлял свои функции с максимальным благоразумием и с минимальной степенью гласности. Следовало принимать во внимание личные амбиции и случаи персональной несовместимости, а от людей с беспокойным, норовистым характером надо было тихо и без лишнего шума освобождаться, назначая их на должности, где они не могли бы принести никакого вреда, и никогда не следует открыто излагать истинные причины, лежащие в основе тех или иных назначений или смещений с должности. В этих условиях не удивительно, что мера осуществляемого через Орграспред политического давления во многом определялась областью недомолвок и выводы приходится делать на основании времени от времени просачивавшихся полунамеков. Этот процесс был неизбежен и его можно оправдать, с какими бы оценочными мерками мы к нему ни подходили. Ни одна эффективно действующая организация не может благоприятствовать укреплению оппозиционных или диссидентских настроений. По мере того как Орграспред становился все более могущественным и уверенным в своих силах, он мог даже позволить себе роскошь слегка умиротворять несогласных, вводя внешние послабления в методы управления им своей власти. В начале 1924 г. Центральный Комитет дал Орграспреду указание принять «осторожный подход» к «снятию и переброскам работников выборных органов», при этом был «взят и проводился курс на отказ от непосредственных назначений на ответственные выборные посты в партийных, профессиональных и т. п. органах»¹³⁰. Летом 1925 г. было объявлено, что партийные работники, избранные на профсоюзные посты, не подлежат перемещению до истечения срока, на который они были избраны, а председатели и секретари губернских и областных профессиональных советов не могли перемещаться на другое место без явного одобрения Центрального Комитета партии¹³¹. В октябре того же года ЦК в своем обращении ко всем партийным организациям и членам

партии настоятельно требовал, чтобы «перевыборы в местные руководящие партийные органы и выборы на съезд происходили без навязывания тех или других кандидатов»¹³². По мере того как система стандартизовалась, была выдвинута новая формула, которая давала возможности спасти лицо и прикрыть назначение Орграспредом секретарей губернских и областных комитетов партии: кандидатуры на тот или иной пост «выдвигались» местной организацией и «утверждались» центральными властями¹³³. Предпринимались активные меры, чтобы умиротворить оппозицию соблюдением внешних приличий. На заседании Оргбюро в марте 1926 г. Молотов высказал протест против случаев, когда списки кандидатов на руководящие посты составлялись за кулисами партийных конференций, но так, что внешне все выглядело вполне корректно, а Сталин с негодованием воскликнул: «Парад!»¹³⁴. Два месяца спустя было выпущено распоряжение, в котором подвергались осуждению те губкомы партии, которые спускали на уездные партийные конференции списки тех, кого надлежало избрать в уездные партийные комитеты¹³⁵. Однако какие бы попытки ни предпринимались, чтобы соблюсти декорум формальных выборов, ничто уже, по всей видимости, не могло пошатнуть права вышестоящих партийных властей на то, чтобы последнее слово о назначении на ключевые партийные посты оставалось за ними.

На практике полномочия Орграспреда продолжали расширяться. Рыков выразил на XII съезде партии¹³⁶ надежду, что по мере распространения «районирования» по территории Советского Союза место «губерний» займут более значительные «области» и тогда право Центрального Комитета, действовавшего через посредство Орграспреда, назначать не только секретарей обкомов партии, но и весь состав президиума или бюро будет аннулировано в пользу выборов. Этой надежде не суждено было осуществиться. Практика назначения из центра превратилась в стереотип. Положение об «утверждении» таких назначений было официально включено в одобренный в декабре 1925 г. XIV съездом партии пересмотренный партийный Устав. А когда один из оппозиционных делегатов выразил протест против этого регресса в сторону от выборной системы, он получил ответ, что это, напротив, является шагом вперед в развитии партийной демократии, поскольку, когда впервые были основаны области, центральными властями назначался весь состав областных комитетов. Так или иначе, добавил докладчик*, «интересы партии должны быть выше интересов формальной демократии»¹³⁷. К тому времени, когда собрался XIV съезд, ни от кого уже не могло укрыться, какую огромную власть давало центральному партийному аппарату право назначать, смещать и переводить с одной должности на другую и какими путями это использовалось для контроля и организации голосования. Крупская, которая хотела ограничить полномочия Орг-

* Речь идет об Андрееве. — *Прим. ред.*

бюро и Секретариата в перемещении и смещении членов партии, утверждала, что «эти перемещения, эти снятия с работы... создают в партии часто невозможность откровенно, открыто высказываться» и что это несовместимо с «внутрипартийной демократией»¹³⁸. Ленинградский профсоюзный лидер Глебов-Авилов говорил на собрании партийной фракции профсоюзной организации, когда съезд еще продолжал свою работу, что «масса членов съезда в душе согласна с нами», что многие делегаты «подходили к нам, заявляя, что они с нами, и объясняя, почему они не голосуют с нами», и что «атмосфера на съезде» такова, что «не всякий поднимет руку против, чтобы потом за это попасть в Мурманск или Туркестан»¹³⁹. К тому времени стало уже трудно проводить различие между злоупотреблением властью и узаконенной и признанной процедурой. Задачей Центральной контрольной комиссии, заявлялось в резолюции съезда, «в будущем в большей мере, чем это было до сих пор, должно являться активное содействие соответствующим партийным и советским органам в деле подбора работников в хозяйственные и государственные области»¹⁴⁰. Но каждому было известно, что одним из достоинств, наиболее ценимых Контрольной комиссией, были ортодоксальные взгляды. Подобные формы давления ощущались порой и за пределами сферы партийных назначений. На проходившем в марте 1926 г. VII съезде комсомола было высказано утверждение, что, помимо смещения или перемещения на отдаленные посты членов оппозиции, тех, кто их поддерживал, увольняли с работы на предприятиях, так что они «месяцами ходят безработными, состоя на бирже труда»¹⁴¹.

д) Единство и дисциплина

Косвенный контроль, осуществлявшийся через власть назначать и смещать с постов, был сам по себе достаточно сильным и эффективным средством, которого могло бы быть достаточно, чтобы превратить центральный партийный аппарат в господствующую и руководящую силу в партии. Тем не менее он еще более усиливался — хотя в этот период весьма редко и осторожно — за счет прямых дисциплинарных мер против инакомыслящих. И этот страх перед репрессиями был, вне всякого сомнения, существенным фактором в насаждении единодушия среди тех, кто находился за пределами сферы партийных назначений. Органом партийной дисциплины была Центральная контрольная комиссия, которой подчинялась сеть местных комиссий. Контрольная комиссия была впервые учреждена в сентябре 1920 г. как уступка растущей оппозиции внутри партии. Ее главной функцией было рассмотрение жалоб против официальных партийных деятелей, включая даже членов Центрального Комитета. Именно в этом состояла причина условия, что член Центрального Комитета не может одновременно являться и членом Центральной контрольной комиссии¹⁴². Однако прошедший в марте 1921 г. X съезд партии, осудив «фракцион-

ность», превратил организованную оппозицию в самый тяжелый партийный проступок. И именно в этой атмосфере обретали в период с 1921 по 1923 г. формы деятельности Контрольной комиссии. Первое зафиксированное объединенное заседание ЦК и ЦКК партии — позднее эта процедура часто повторялась в борьбе с последующими оппозиционными группировками — было созвано в августе 1921 г. Лениным для рассмотрения дисциплинарных мер против Шляпникова¹⁴³. В то время, однако, дисциплинарные акции вовсе не обязательно должны были проводиться через контрольные комиссии. В. Косиор жаловался в марте 1922 г. во время XI съезда, что он, Сапронов и Мрачковский «были сняты с Урала по соображениям абсолютно неделового характера», по всей видимости, это была прямая акция, предпринятая Центральным Комитетом или Секретариатом:

«Если кто-нибудь имел смелость или считал необходимым выступить с критикой или указывать на те или иные недостатки, которые существуют у нас в области советского и партийного строительства, он сейчас же зачислялся в оппозицию и сейчас же доводилось до сведения кого следует, и такой товарищ изымался».

И он припомнил, что подобные акции были применены Политбюро против членов президиума Центрального Совета профсоюзов, которые выступали на стороне Троцкого в имевших место в прошлом году разногласиях по поводу профсоюзов¹⁴⁴. Тот же самый съезд, на котором звучали все эти жалобы, дал контрольным комиссиям первый официальный статус и привлек внимание к тому особому значению, которое они приобретают «в условиях новой экономической политики, в связи с которой растет угроза разложения наименее стойких и невыдержанных членов партии»¹⁴⁵. Съезд сократил с семи человек до пяти число членов Центральной контрольной комиссии и снова изменил ее состав. Сольц, который делал доклад о работе Контрольной комиссии на X съезде, был единственным членом старого состава, который был вновь переизбран XI съездом — подобная честь служила предзнаменованием его будущей важной роли в комиссии¹⁴⁶. Когда в апреле 1923 г. XII съезд партии увеличил число членов Центральной контрольной комиссии до 50 человек, слив ее с Рабкрином¹⁴⁷, и поставил во главе расширенного учреждения Куйбышева, началась карьера ЦКК как важнейшего партийного органа — партийной инквизиции и карательного органа, направленного против нарушителей партийного кодекса поведения или партийной ортодоксальности.

Было бы неверным считать, что дисциплинарные полномочия Центральной контрольной комиссии и подчиненных ей органов против членов партии применялись в то время в первую очередь с целью подавления инакомыслия. Значительная часть ее работы была посвящена более открыто признававшей цели — поддержанию среди членов партии высоких норм поведения и наказанию тех, кто нарушил этический кодекс членов партии. В течение

нескольких лет в официальном партийном органе регулярно публиковался — в соответствии с положением, оговоренным в партийном Уставе, — список лиц, исключенных из партии, с указанием причин исключения. Они были чрезвычайно разнообразны. Иногда описание нарушения ограничивалось словами «поведение, позорящее партию» или «нарушение партийной дисциплины». Но как правило, приводились подробности. Самой частой и ординарной причиной было пьянство, иногда с такими отягчающими обстоятельствами, как «непрерывное пьянство и скандалы с проститутками». Часто упоминались и должностные преступления. Одно должностное лицо было исключено за взимание налогов без расписки, другое — за «злоупотребление служебным положением и эксплуатацию подчиненных», третье — за «дачу рекомендации совершенно незнакомому лицу с целью извлечения личной выгоды». Один партийный чиновник был исключен за «превышение власти Пензенского губкома», хотя там говорилось, что он, по всей видимости, работал в советских органах. Часто приводились и причины идеологического характера. Один член партии был исключен как «личность с темным прошлым», другой — как «сомнительный и идейно нездоровый элемент». Один «бывший армейский офицер» стал, по-видимому, нэпманом и был исключен из партии за то, что «подписал контракты с частными фирмами с целью извлечения личной прибыли»¹⁴⁸. Конечно, не исключена возможность, как это однажды дал понять Преображенский¹⁴⁹, что обвинения в нарушениях морали иногда выдвигались против тех, кого хотели дискредитировать по мотивам политического характера. Однако тот уровень гласности, который был характерен для всех случаев, когда Центральная контрольная комиссия применяла дисциплинарные санкции против партийной оппозиции, и те усилия, которые прилагались, чтобы осудить их на основании формального нарушения партийных правил, свидетельствуют о том, что подобные инциденты все еще были чрезвычайно редки. Организация тем временем начала раскидывать свои щупальца по всему Советскому Союзу. В соответствии с цифрами, приведенными Куйбышевым на прошедшем в октябре 1924 г. заседании ЦКК, в различных центрах тогда уже функционировало 116 контрольных комиссий¹⁵⁰. Число членов, состоявших в 76 комиссиях, о которых имелись в распоряжении подробные цифры, составляло 832 человека против 536 шестью месяцами раньше¹⁵¹.

Быстро расширялась и сфера функций и полномочий Центральной контрольной комиссии. Ее первое знаменательное появление на сцене в качестве стража доктринерской ортодоксальности произошло в октябре 1923 г., когда совместное заседание ЦК и ЦКК осудило письмо Троцкого от 8 октября как «глубокую политическую ошибку», а «платформу 46-ти» как «фракционную группировку»¹⁵². Центральная контрольная комиссия приняла важную резолюцию о недопустимости оппозиционной деятельности в январе 1924 г., накануне XIV партийной конференции, а после этой кон-

ференции внесла свой вклад в чистку сторонников оппозиции¹⁵³. Начавшийся смертью Ленина 1924 год был продолжен «ленинским призывом» и началом культа ленинизма. Это был год, отмеченный прогрессирующей утратой независимости внутри партии. Он характеризовался как окончательной организацией Орграспреда, так и разработкой системы контрольных комиссий. Он был отмечен также прокатившейся среди членов партии волной самоубийств, которая оказалась достаточно велика, чтобы вызвать беспокойство партийных властей¹⁵⁴: относительно самых известных из этих случаев — самоубийство Лутовинова, Евгении Бош и секретаря Троцкого Глазмана¹⁵⁵ было достоверно известно или подозревалось, что они явились прямым результатом нового режима в партии. Инквизиторские акции ЦКК вскоре превратились в привычную и признанную процедуру. В феврале 1924 г., по окончании первой кампании против Троцкого, комиссия исключила за распространение запрещенных документов двух членов партии¹⁵⁶. Наиболее серьезным случаем подпольной оппозиции, которую раскопала комиссия в период между XIII и XIV съездами партии, было так называемое «дело Пилипенко»¹⁵⁷. В конце 1924 г., в самый разгар разногласий в связи с Троцким, член партии из Москвы по фамилии Хоречко, один из подписавших «платформу 46-ти» и бывший член группы «демократического централизма», написал некоему Пилипенко, занимавшему партийную должность в Харькове, письмо, где настаивал на необходимости его приезда в Москву, чтобы «обсудить многие принципиальные вопросы». Пилипенко переслал ответное письмо с членом партии по фамилии Костюбинский, который, как он писал, разделяет его взгляды и сможет подробно их разъяснить. Это письмо, как утверждалось, открыто предусматривало раскол в партии. Пилипенко предлагал глубоко прощупать настроения нового набора «ленинского призыва», а также беспартийных рабочих и «в порядке массовых рядовых выступлений, начиная не с Москвы, мобилизовать симпатии широких слоев партии»¹⁵⁸. Письмо это было доставлено не Хоречко, а Дробнису, который показал его В. М. Смирнову — оба они, как Дробнис, так и Смирнов, были демократическими централистами и подписали «платформу 46-ти». В какой-то момент в течение 1925 г. это письмо неизвестным путем попало в руки Центральной контрольной комиссии, которая провела допрос всех, кто был в этом замешан. В ноябре 1925 г. президиум ЦКК опубликовал решение. Пилипенко был исключен из партии. Дробнису и Хоречко объявлялся строгий выговор и высказывалось предупреждение, что в дальнейшем малейшее нарушение партийной дисциплины повлечет за собой их немедленное исключение. В. М. Смирнову и Костюбинскому был объявлен строгий выговор¹⁵⁹. Исключение из партии представляло собой высшую партийную санкцию и неохотно применялось к видным членам партии.

В то время как открытые репрессии против оппозиции все еще удерживались в определенных умеренных пределах, новая кон-

центрация власти, симптомом и символом которой стала Центральная контрольная комиссия, порождала тем не менее новое отношение к выражению оппозиционных взглядов в партии. Еще в 1921 г. Ленин рассматривал оппозицию как слишком опасную роскошь, чтобы ее можно было терпеть в периоды кризисов. Поскольку факты — или предлоги, — подтверждающие наличие кризиса, можно было найти в любое время, это отношение к оппозиции стало перманентным. По мере того как государственные институты оказывались все более тесным образом интегрированы с партийными органами, проявления нелояльности по отношению к партии становились неразличимы от нелояльности к государству. Сохранение формального и институционального разделения между партией и государством не затрагивало фактической тождественности между ними в том, что касалось целей, политики, доктрины и руководства кадрами. Достижению тех же самых результатов в общественных делах способствовало и отсутствие других признанных официально партий, которые играли бы вспомогательную роль или отстаивали альтернативные политические программы. Либеральная демократия устанавливала различие между концепцией верности партии и концепцией верности государству и находила место для обеих. В однопартийном государстве это различие исчезало, и с весьма существенными последствиями. С одной стороны, лояльность по отношению к государству стала теперь требовать признания специфических теоретических доктрин, которые ранее ассоциировались с партией. С другой стороны, несогласие с партийной доктриной или партийными предписаниями влекло за собой моральное клеймо, а позднее и физические санкции, ранее применявшиеся исключительно за нарушение лояльности в отношении государства. Эти последствия отождествления партии и государства, уже явно видные тогда, когда умер Ленин, развились в полную силу по мере того, как возрастала власть центральных партийных органов. Само существование эффективной репрессивной машины побуждает к ее использованию. Оппозиция превратилась в преступление потому, что в распоряжении имелись теперь средства, чтобы ее выявить и наказать. Тезисы, представленные в октябре 1924 г. Куйбышевым на рассмотрение Центральной контрольной комиссии, включали, в числе прочих функций комиссии, «окончательное изживание имевших место в партии разногласий перед XIII съездом партии»¹⁶⁰.

Изменение установок, связанное с возвышением Контрольной комиссии, проявлялось в двух основных направлениях. Во-первых, это поощряло практику доносов, которые уже получили в сфере общественных законов одобрение в новом уголовном кодексе¹⁶¹. Самым страшным проступком двух членов, исключенных из партии за распространение запрещенных документов в феврале 1924 г., было то, что они отказались назвать имена тех, от кого получили эти документы¹⁶². В деле Пилипенко обвинение, выдвинутое против Дробниса и Смирнова, сводилось к тому, что они, прочитав

письмо Пилипенко, не сообщили об этом в комиссию. В декабре 1925 г. «система доносов» подвергалась на XIV съезде критике со стороны делегатов оппозиции и отстаивалась докладчиками, представлявшими официальную линию. Ленинградский делегат Бакаев протестовал против практики доносительства, которая «принимает такие формы, такой характер, что друг своему другу задушевной мысли сказать не может». Несколько делегатов отмечали, что если один член партии знает о том, что другие члены партии принимают попытки образовать «идейные группировки», но не сообщает об этом куда следует, то это расценивается как нарушение долга перед партией. В экстремистском варианте это положение было сформулировано Гусевым:

«Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить. Я не предлагаю ввести у нас ЧК в партии. У нас есть ЦКК, у нас есть ЦК, но я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства».

Если «двое поговорили по душам по вопросам жизни партии или вообще о политике, — сказала делегатка из Ленинграда Николаева, — один обязательно напишет в ЦКК», а докладчик от комиссии Сольц вставил: «Смотря о чем поговорят». А когда Николаева продолжала возражать против этой практики, утверждая, что Чека (использовавшийся в ходе всей дискуссии широко распространенный синоним ОГПУ) представляет собой «орудие, которое направлено... против классового нашего врага... против буржуазии», ей в ответ раздались выкрики «Не всегда!»¹⁶³. Столь тщательно подготовленное всем ходом предшествующих событий сращивание функций ОГПУ и ЦКК стало теперь свершившимся фактом.

Еще одно нововведение было впервые внедрено в практику Зиновьевым, когда он на XIII съезде партии обратился с трибуны съезда с призывом к Троцкому, чтобы тот признал, что он «совершил ошибку, а партия была права»¹⁶⁴. Однако это новшество встретило сопротивление, и на XIV съезде осторожный Сталин уже не обращался с подобными призывами к оппозиции¹⁶⁵. Так или иначе, вне зависимости от того, какой именно тактике следовали публично в отношении лидеров, было совершенно очевидно, что к этому времени член партии, подвергнутый — будь то через осуществляемую Орграспредом процедуру назначения на должности или путем непосредственных дисциплинарных санкций Контрольной комиссии — наказанию за участие в оппозиционных объединениях или оппозиционной деятельности, уже не мог рассчитывать вернуть к себе благосклонность, если он не отрекся от своих прошлых убеждений и не присоединил свой голос к осуждению и преследованию тех, кто продолжал их поддерживать. Эта теперь уже признанная доктрина была — без комментариев, но с явной ссылкой на то обстоятельство, что лидеры разгром-

ленной оппозиции продолжают занимать партийные и государственные посты, — сформулирована в марте 1926 г. на VII съезде комсомола:

«Если тот или иной товарищ не признал свою ошибку и если его выбрали на ту или иную руководящую работу, это не значит, что мы ему дали амнистию. Амнистия... может быть только тогда, когда товарищ признает свою ошибку»¹⁶⁶.

Уже недалек был тот день, когда отречение от прежних ошибок стало одним из обычных инструментов, которым центральный партийный аппарат стал привычно пользоваться, чтобы обеспечить всеобщее подчинение требованиям ортодоксальности. В это время было введено новое правило, оговаривавшее, что бывший член партии — вне зависимости от того, был ли он исключен из партии или вышел из нее добровольно, — может быть вновь принять в нее только по решению ЦКК¹⁶⁷.

е) Вождь

Концентрацию во имя партийного единства власти в руках центрального аппарата и усиление партийной дисциплины обычно связывают с именем Сталина, который в конечном счете был главным действующим лицом, извлекавшим выгоду из этого процесса. Было бы неверно, однако, рассматривать это как творение одного человека. Этот процесс, возможно, никем сознательно не планировался, но никто в то же самое время последовательно не оказывал ему действенного сопротивления. Лидеры оппозиции протестовали против мер партийной дисциплины, когда их применяли лично к ним. Однако они же сами ранее с энтузиазмом приветствовали принципы подобных мер. Начало этого процесса заложил, возможно, страстный призыв Ленина к единству и принятая в марте 1921 г. X съездом резолюция, запрещающая фракции и группировки. Событием, которое в непосредственно следовавшие за этим годы внесло наибольший вклад в развитие этого процесса, была развернувшаяся зимой 1923/24 г. кампания против Троцкого, когда впервые в широких масштабах практиковалось наказание инакомыслящих внутри партии. Эпитет «монолитная» впервые использовался применительно к партии в резолюции прошедшей в январе 1924 г. XIII партконференции, осудившей Троцкого и противопоставившей так называемому оппозиционному взгляду на партию «как на сумму всевозможных течений и фракций» большевистский взгляд на нее «как на монолитное целое»¹⁶⁸. В мае, на XIII партийном съезде, Зиновьев провозгласил, что «нам нужна монолитность, в тысячу раз большая, чем до сих пор»¹⁶⁹. Да и сам Троцкий, хоть и не используя прямо этого слова, тоже не спешил выступать с протестами против верности этим принципам:

«...Внутрипартийная демократия ни в коем случае не предполагает свободу фракционных группировок... Я никогда не при-

знавал и не признаю свободы партийных группировок, ибо группировка есть в данных исторических условиях только другое наименование фракции»¹⁷⁰.

Из тех, кому суждено было шесть месяцев спустя стать ведущими публицистами ленинградской оппозиции, Залуцкий в то время сам недвусмысленно высказывался против группировок и фракций в партии и за «единство воли, единство взглядов, единство политической линии, единство политической платформы», а Сафаров провозгласил, что «вся партия, с самого низа до самого верха, — стальная слитность»¹⁷¹. Не только самого Зиновьева, но и его основных сподвижников можно с полным основанием обвинить не просто в проповедовании, но и в практическом применении принципов нетерпимости к инакомыслию, против которых они стали негодовать лишь тогда, когда в роли инакомыслящих оказались сами. Сталин в своих публичных выступлениях был в то время менее ревностным приверженцем требования монолитности партии, чем большинство из его будущих противников.

Невозможно проследить никакого различия между позициями лидеров и относительно практических выводов, которые должны были следовать из понятия «монолитности». Зиновьев и Каменев превзошли в январе 1925 г. Сталина в своем настоятельном требовании применить к Троцкому дисциплинарные меры наказания, и нет никаких оснований предполагать, что они отставали от других в преследовании сторонников Троцкого. Предпринятая Углановым чистка в Московской организации была осуществлена явно по настоянию Зиновьева и Каменева¹⁷², и именно в период неоспоримого единовластного правления Зиновьева «сотни и сотни рабочих» были, согласно приватному меморандуму Троцкого от 22 декабря 1925 г., «изгнаны из Ленинграда и разбросаны по всей стране»¹⁷³. Если отбор делегатов на партийные съезды теперь уже привычно «улаживался» местными партийными боссами под диктовку центрального аппарата, то более чем достаточно косвенных улик, подтверждающих, что именно ленинградские лидеры занимались вербовкой членов ленинградской делегации на XIV съезде партии¹⁷⁴. Один агрессивно настроенный критик следующим образом обрисовал эту ситуацию в ясном и сжатом виде:

«Ведь массы-то ни в Москве, ни в Ленинграде не были осведомлены о сущности разногласий. Голосовал аппарат»¹⁷⁵.

Чтобы ни было поставлено на карту на XIV съезде, было бы ошибочным видеть в нем борьбу защитников «внутрипартийной демократии», которая во имя свободы мнений и свободы выборов велась бы против сторонников монолитного единства мнений и организации. И все-таки съезд ознаменовал в развитии этих процессов новую и зловещую стадию. Впервые примененная в кульминационный момент первой кампании против Троцкого на XIII партийной конференции в январе 1924 г.¹⁷⁶ процедура глумления и насмешек над выступавшими со стороны оппозиции с целью

заставить их замолчать на XIV съезде, проходившем в декабре 1925 г., вновь возродилась уже как акция, преднамеренно организованная со стороны большинства, а возможно, даже и со стороны меньшинства. Теперь уже в зале съезда раздавались не аргументы, говорящие о продуманных и искренних разногласиях, но выкрики заранее натасканных, соперничающих за власть фракций. То обстоятельство, что споры все еще велись на понятном лишь для посвященных языке партийной доктрины или экономической теории, представляется скорее данью обычаям прошлого, чем реальности настоящего: даже сами эти уже знакомые аргументы стали приобретать схоластическую и лишенную смысла форму. В более явном, чем когда бы то ни было ранее в истории партии, виде решения XIV съезда явились неприкрытым результатом силы. Победа Сталина над своими бывшими партнерами по триумvirату была не триумфом разума, а торжеством организации.

Концентрация власти в партии в руках центра — будь то в руках Секретариата или Центральной контрольной комиссии — вначале сама по себе еще не предвещала последующего сползания в сторону личной диктатуры, в сторону возрастающего престижа и влияния одного конкретного вождя. Впервые это явление возникло в местных организациях, и его кумулятивный эффект на первый взгляд способствовал, казалось бы, скорее развитию плюралистических тенденций, чем выдвижению единичной фигуры. С того момента, когда в марте 1918 г. столица и главные органы партийного управления переместились в Москву, Зиновьев оставался самой заметной фигурой в Петрограде и автоматически стал во главе Петроградской партийной организации. Случай в сочетании с личными качествами выдвинули его как первого из видных партийных боссов. Каменев, отчасти следуя его примеру, занял аналогичные позиции в Московской партийной организации, хотя его положение омрачало постоянное присутствие в Москве прочих руководителей, а также центральных партийных и государственных органов. Своих признанных боссов имели и другие местные партийные организации: характерными примерами могут служить Орджоникидзе в Тифлисе и Киров в Баку. Слабыми партийными организациями, расположенными в отсталых районах страны, обычно управляли боссы, посланные из Москвы: Ярославский, а позднее Лашевич функционировали в этом качестве в Сибири, а Голощекин — в Казахстане. Эта система «воеводств», или «княжеств», как ее позднее называли, имела в течение длительного времени всеобщее признание, и лишь немногие члены партии заметили, как за спиной у обладающих властью на местах локальных боссов постепенно укреплялась несравнимая с ними по размаху власть центрального босса, опиравшаяся на Секретариат и на Центральную контрольную комиссию. До начала 1925 г. Зиновьев и Каменев, в чьих руках находился контроль над Ленинградской и Московской партийными организациями, рассматри-

вались большинством людей как обладавшие более значительной властью, чем генеральный секретарь Сталин.

Трещина в триумvirате и разногласия, вылившиеся в дискуссии на XIV съезде, впервые выявили скрытую дотоле истинную сущность создавшейся ситуации. Стало ясно, что Каменев, уступив Угланову реальный контроль над Московской организацией, утратил свою территориальную базу и превратился в политического прихлебателя, зависящего от ленинградской группы. С другой стороны, вызов, брошенный ленинградской оппозицией центральному партийному руководству, показал в мрачном свете потенциальную опасность системы «княжеств», которая стала мишенью для нападков со стороны Комарова, главного ленинградского сторонника Центрального Комитета. Весьма примечательно, что критика этой системы велась не с тех позиций, что она превращает боссов местного значения в диктаторов, правящих местной партийной организацией, а под углом зрения, что она ослабляет единую структуру партии, которая казалась менее прочной, чем была во времена Ленина. «Давать одному Москву, другому Ленинград, третьему Донбасс и т. д.», — сказал Комаров, можно было, когда был жив Ленин, а теперь это может превратить Центральный Комитет партии в Лигу наций¹⁷⁷. Угланов добился аплодисментов, когда заявил, что строил свою работу в Москве так, «чтобы не давать возможности делить нашу партию на сферы влияния отдельных вождей», а Ворошилов выразил удовлетворение по поводу того факта, что при Угланове Москва перестала быть чьим-то «воеводством»¹⁷⁸.

Этот аргумент производил безотказное действие. Никто не хотел повторного столкновения между Центральным Комитетом партии и какой-нибудь мощной местной партийной организацией. Ленинградская делегация громче, чем какая бы то ни было другая, клялась в своей преданности «ленинскому единству» партии, а выиграв она эту борьбу, контроль над Центральным Комитетом и центральным партийным аппаратом захватили бы они. Борьба, кульминация которой произошла на XIV съезде партии, была — вне зависимости от того, какая сторона оказалась бы победителем, — связана с окончательным исчезновением конфликтующих между собой центров власти, управляемых местными боссами.

Однако хотя этот процесс явно предвидел и приветствовал весь съезд в целом, отсюда вовсе не делалось вывода, что ликвидация местного босса как независимой фигуры будет достигнута за счет возвышения одного человека на пост, дающий ему центральную власть и полномочия, за счет создания единого партийного босса. Съезд вновь и вновь, явно искренне, провозглашал идею коллективного руководства. Сильным аргументом, говорящим не в пользу Зиновьева, было то обстоятельство, что он бесцеремненно считал себя преемником Ленина. Один из делегатов под аплодисменты процитировал то, что он описал как мнение типичного члена партии из провинции:

«Тов. Ленин оставил большой сундук всякого наследства, но что его кафтан начинают примеривать отдельные представители, отдельные члены Центрального Комитета, но этот кафтан никому не подходит, не по плечу он и содокладчику ЦК. Это наследство должно быть наследством всей нашей партии и всего Центрального Комитета».

«Когда ЦК руководит коллективно, — заметил другой делегат, — тут я думаю, от наместничества или от наместников нужно отойти». И это высказывание тоже приветствовали «бурные аплодисменты»¹⁷⁹. Ответом на личный выпад Каменева в адрес Сталина было страстное заверение Томского, что «система единоличных вождей не может существовать и ее не будет, да, не будет», так же как и пояснение Ворошилова, что, если Сталин и является «главным членом Политбюро», на первенство он никогда здесь не претендовал¹⁸⁰. Все эти протесты были отчасти искренними, и многие в них действительно верили. Тогда еще не понимали, что Угланов теперь, сменив Каменева, правит Москвой как агент Сталина и что это дало возможность противостоять ленинградской оппозиции, пользуясь удвоенной силой и двойной властью Московской организации и центральной партийной машины. Когда, потерпев поражение на XIV съезде партии, Зиновьев был оттеснен от управления ленинградским аппаратом и его место в конце концов занял переведенный из Баку в Ленинград верный сталинист Киров, уже ни одна местная партийная организация не была более достаточно сильна, чтобы оказать сопротивление центральной власти в Москве. Одновременно с этим Сталину теперь уже не мог противостоять ни один партийный лидер. Концентрация власти в центральной организации означала также и концентрацию власти в руках одного человека.

Часть IV
СОВЕТСКИЙ СТРОЙ

ГЛАВА 20

СОЮЗ И РЕСПУБЛИКИ

В 1924 г. полным ходом осуществлялось создание СССР в соответствии с направлениями, которым суждено было оставаться неизменными вплоть до 1936 г. Первоначально СССР включил в свои федеративные «объятия» четыре составные республики: РСФСР, Украинскую ССР, Белорусскую ССР и Закавказскую ССР, — к которым в следующем году прибавились Узбекская ССР и Туркменская ССР. Конституционное устройство этих республик, со всей пирамидой Советов, было построено по примеру самой РСФСР, а Конституция СССР повторяла модель первоначальной Конституции РСФСР¹. Поскольку РСФСР насчитывала две трети общего населения СССР² и занимала 95% его общей территории, то не удивительно, что порой СССР производил впечатление не федеративного союза равных республик, а скорее средства, которое давало возможность РСФСР утвердить и придать законный характер своему доминирующему влиянию на остальные республики. Формально принципы равноправия соблюдались. На практике же СССР неизбежно выступал скорее как наследник старой РСФСР, чем как совместное творение всех республик. Главные центральные органы союза — съезд Советов, Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) и Совнарком — были прямыми преемниками соответствующих органов РСФСР, в то время как РСФСР и другие вошедшие в его состав республики приняли в рамках СССР уже на более низком, подчиненном уровне сходные конституции и создали сходные органы. Пирамидальная структура советской системы сохранялась и совершенствовалась. Теперь уже весь СССР был организован как единая пирамида, вершиной которой был съезд Советов СССР.

а) Органы Союза

Конституция СССР признавала съезд Советов как свой «высший орган власти». Это определение с самого начала носило чисто формальный характер. От своего предшественника, Всероссийского съезда Советов, съезд Советов СССР унаследовал не только свой конституционный статус, но и парализовавшую еще до обра-

зования Союза деятельность этого органа фактическую атрофию³. Состоявшийся в декабре 1922 г. I съезд Советов подписал договор о создании Союза. II, в январе 1924 г., — утвердил Конституцию. После проведенного в мае 1925 г. III съезда они проводились лишь раз в два года⁴. Они приобрели характер массовых демонстраций, проводившихся в Москве в Большом театре при скоплении более 2000 делегатов, где зачитывали доклады один или несколько членов Совнаркома, где произносили речи специально отобранные для этих целей делегаты, где утверждались постановления низших органов и при шумном единодушном одобрении принимались подготовленные резолюции. На съезде никогда или крайне редко обсуждались вопросы, касавшиеся законодательства, и не обсуждалось никаких дел, кроме тех, что носили чисто формальный характер. Окружавшая съезды Советов атмосфера торжественности и широковещательности делала их удобными поводами для проведения периодических форумов, где дебатировались вопросы внешней политики, — они скорее служили предлогом, чтобы проинструктировать общественность внутри страны и произвести впечатление на общественное мнение за рубежом, чем инструментом воздействия на текущую политику Советского правительства⁵. Время от времени ему предоставлялась возможность утвердить бюджет, однако, поскольку собирался он не каждый год, эту функцию он выполнял эпизодически и нерегулярно. Завершив свою работу, которая редко продолжалась больше недели, съезд передавал полномочия ЦИКу, который избирался, чтобы заменить его до следующего съезда.

Поскольку официальная цель, которая ставилась перед Конституцией, состояла в том, чтобы примирить необходимость в сильном централизованном правительстве с потребностью предоставить входящим в состав Союза единицам определенную степень независимости или автономии, ее главное теоретическое значение фокусировалось на создании специально для этой цели спроектированного нового органа — двухпалатного ЦИКа, состоявшего из Совета Союза, избиравшегося съездом Советов, и Совета Национальностей, который избирали центральные исполнительные комиссии республик, автономных республик и автономных областей⁶. По мере того как реальная власть съезда Советов все больше и больше шла на убыль, ЦИК на первый взгляд казался вполне жизнеспособным органом; источником свежих сил и залогом возрастающей важности служила его двухпалатная структура, позволявшая широко рекламировать его как аналог западных «парламентов». Но даже ЦИК скоро стал обременительно громоздким. В 1925 г., после приема в состав Союза Узбекской и Туркменской ССР, Совет Союза увеличился в количественном отношении с 414 членов и 220 кандидатов до 450 членов и 199 кандидатов, а Совет Национальностей — со 100 до 131 члена и 53 кандидатов. 450 членов Совета Союза — из которых более 300 составляли представители РСФСР — формально включали в свой

состав десять народных комиссаров Союза и — по странной нелепости — советских дипломатических представителей в Лондоне и в Берлине. Состав Совета Национальностей — тяжело перегруженный в пользу маленьких и в особенности нерусских составных частей Союза (автономные республики, так же как и союзные, имели независимо от численности населения пятерых делегатов, а каждая из автономных областей — по одному) — был, очевидно, призван играть роль патентованного стража, охраняющего федеративный характер Союза. Однако благодаря большому числу автономных республик и областей, входящих в состав РСФСР, именно из этой республики были 68 из 131 члена Совета Национальностей⁷.

По конституционной аномалии I сессия ЦИКа СССР собралась в декабре 1922 г., до того, как была утверждена Конституция Союза, и даже до того, как был составлен ее проект⁸: тогда еще он не обрел своей двухпалатной формы. Второй созыв ЦИК провел свою I сессию в феврале 1924 г., сразу после утверждения Конституции. Однако деятельность его носила главным образом чисто формальный характер⁹. Порознь две палаты не собирались, и вопросы процедурного характера не обсуждались. Впервые они были подняты, когда в октябре 1924 г. второй созыв ЦИК собрался на свою II сессию. Эта сессия длилась целых две недели — с 17 по 29 октября 1924 г., — и она представляла собой единственный случай, когда обсуждались широкие проблемы конституционного характера, включая серьезные дебаты относительно взаимных прав Союза и входящих в его состав республик. Как заметил Енукидзе, у членов советских законодательных органов не было опыта работы по двухпалатной системе; поэтому, когда открылась эта сессия, было принято решение об общем порядке работы. В соответствии с этим решением отныне обе палаты должны были на совместном заседании заслушивать доклады представителей правительства, а затем порознь их обсуждать¹⁰. Эта процедура была соблюдена в отношении докладов об урожае, о внутренней торговле и о финансах, однако доклад Чичерина по иностранным делам обсуждался на совместной сессии, а дебаты об организации судопроизводства и об основах уголовного права были начаты на совместной сессии, а потом продолжались на раздельных сессиях. Никаких разъяснений по поводу этих отклонений от принятой процедуры дано не было. В докладах об урожае, о торговле и об иностранных делах никаких спорных вопросов затронуто не было. Доклад Сокольников по финансам затрагивал весьма важную область¹¹. Однако и здесь — кроме отдельных жалоб по поводу финансового бессилия республик, представлявших попытки защищать уже заранее проигранное дело, — никаких спорных проблем не возникло. Поводом для резких, а порой и ожесточенных споров стали доклады об организации судостроительства и об основах уголовного права, которые по самой своей природе затрагивали вопросы, требовавшие юридической точности.

Одним из самых неясных и запутанных вопросов, связанных с взаимоотношениями между центральными властями и союзными республиками, был вопрос о сферах юридической компетенции. До образования СССР единственной из советских республик, обладавшей техническими средствами и квалифицированным персоналом, необходимыми для составления законопроектов в любой мало-мальски важной области, была РСФСР. Поэтому у других республик все больше и больше входило в привычку заимствовать и присваивать себе — иногда молчаливо, как нечто само собой разумеющееся, иногда вводя в силу закона в неизменном виде, иногда и с поправками, призванными учитывать местные условия, — законы и декреты РСФСР. Это ненормальное положение привлекло к себе внимание в связи с принятием серии кодексов РСФСР. Самый первый из них, Уголовный кодекс, принятый в мае 1922 г., был принят Украинской и Закавказской республиками с небольшими поправками, а Белорусской республикой — вообще без каких бы то ни было поправок¹². Когда в октябре 1922 г. на сессии ЦИК РСФСР были приняты аграрный, трудовой, судебный и гражданский кодексы, все, казалось, принимали как само собой разумеющееся, что они будут автоматически распространены и на другие республики¹³. В таком неприкрытом виде это всеобщее убеждение могло болезненно ранить национальные чувства. Однако украинский делегат (по одной из аномалий, столь часто встречавшихся в советской конституционной практике, в обсуждении этих законопроектов принимали участие делегаты Украинской, Белорусской и Закавказской республик) нашел прекрасный выход из положения. Он заявил, что украинский ЦИК уполномочил украинское правительство заключить с РСФСР и другими республиками «юридический союз», и предложил, чтобы ЦИК РСФСР поручил своему президиуму обратиться к другим республикам с «дружественным предложением о проведении кодексов, принятых IV сессией ВЦИК так же и в их республиках». С этим предложением согласились единодушно и без всяких дискуссий¹⁴, и впоследствии оно, вне всякого сомнения, порой молча, порой путем принятия соответствующих законопроектов, проводилось в жизнь¹⁵. Эта ситуация без особого преувеличения была описана одним официальным деятелем на сессии ЦИК в октябре 1924 г.:

«...Единое законодательство для всего Союза, для всех республик, это было законодательство РСФСР. Так было фактически, и это законодательство было усвоено всеми союзными республиками, фактически получилась общность»¹⁶.

Именно такое понимание единства имели в виду составители Конституции СССР, когда они оговаривали за Союзом право заложить основы общей юридической структуры и общего гражданского и уголовного законодательства¹⁷. Именно в таком настроении умоз приступил в октябре 1924 г. только что оперившийся

ЦИК к обсуждению докладов об организации судостроительства и основах уголовного права.

Оба доклада обсуждались вместе. Однако наиболее существенные *contretemps** встретил первый из них. По Конституции, Верховный суд учреждался «при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик» в целях «усиления революционной законности и координации усилий союзных республик в борьбе против контрреволюции». Вопрос об организации судов должен был регламентироваться специальным декретом, и вот теперь на утверждение ЦИКа выносился уже одобренный Совнаркомом проект декрета «Об основах судостроительства СССР и союзных республик». Однако совершенно неожиданно все планы смешала резкая критика в адрес проекта со стороны заместителя народного комиссара юстиции РСФСР Крыленко. Обвинительная речь Крыленко основывалась на двух основных пунктах. Во-первых, проект предусматривал создание «единой судебной системы» в рамках СССР, и при этом суды входящих в его состав республик, включая и верховные суды, совершенно недвусмысленно подчинялись Верховному суду Союза. Подобная «централизация» была явным нарушением Конституции, которая оставляла народные комиссариаты юстиции как республиканские комиссариаты под исключительным контролем входящих в его состав республик. Во-вторых, проект предоставлял Верховному суду СССР право «рассмотрения и опротестования приговоров верховных судов по мотивам их несогласованности с Конституцией». А это, как заявил Крыленко, был «конституционный надзор, а не судебная политика». Советская власть всегда «отрицала фикцию независимости судебной власти». Проект же противоречит этому основополагающему принципу и представляет собой попытку протаскать «старую теорию разделения власти и верховенства судебных органов над административными представителями, представляющими центральную власть». В качестве вывода из обоих этих аргументов Крыленко потребовал, чтобы высшую юридическую власть представляли народные комиссариаты юстиции соответствующих республик, а не Верховный суд СССР¹⁸.

В последовавшей за этим выступлением дискуссии первым выступил Антонов-Саратовский, обвинивший Крыленко в стремлении разрушить Союз под предлогом следования букве Конституции. Нарком юстиции РСФСР Курский занял нейтральную позицию, тактично воздержавшись от того, чтобы оспаривать юридическую состоятельность аргументов Крыленко, однако утверждал, что единое законодательство и унифицированные условия для организации судопроизводства необходимо установить в рамках всего Союза. Единственным, кто целиком и полностью поддержал Крыленко, оказался делегат с Украины Скрыпник¹⁹.

* *Contretemps* (франц.) — помеха, препятствие. — Прим. ред.

«С глубокой ненавистью, с презрением мы вспоминаем о стародавних временах царской империи, об едином неделимом государстве. У нас нет единого неделимого государства».

Однако даже Скрыпник отверг идею, что СССР может представлять собой всего лишь «некоторую... конфедерацию». Калинин выступил в защиту представленного Совнаркомом проекта, аргументируя это в основном таким бесхитростным предлогом, что проблема якобы слишком сложна, чтобы в ней мог разобраться неспециалист. Ларин еще больше запутал все дело, попытавшись возвратиться к юридической философии первых дней революции. Проект Совнаркома, заявил он, представляет собой «проникновение мелкобуржуазных настроений в наше понимание». Нужна же не конституционная регламентация и не кодекс законов — все это было бы всего лишь орудием переходного периода, — а полная свобода судов выносить вердикты в соответствии с соображениями совести — Крыленко описал эту точку зрения как выражение «децентралистских, анархистских, федералистских, в худшем смысле этого слова», настроений²⁰.

На этом Совет Союза и Совет Национальностей, по предложению последнего, разделились и продолжили обсуждение на раздельных сессиях. Их тема теперь сдвинулась с вопроса об организации судопроизводства к обсуждению «основных начал уголовного законодательства»²¹. В Совете Национальностей они вызвали критику со стороны ревнивых представителей республик, увидевших в них посягательство на свои прерогативы. Делегаты из Казахстана и Узбекистана высказали вполне правдоподобную точку зрения, что разработанные в Москве основы уголовного законодательства будут неприменимы в Средней Азии, где все еще носят эндемический характер межродовая вражда и полигамия. Скрыпник, подкрепляя свои соображения аргументами менее практического характера, подчеркнул, что подписанный в декабре 1922 г. первоначальный текст Договора об образовании Союза предусматривал, что гражданское и уголовное законодательство будет в компетенции центральной власти, и вошедшая в окончательный текст Конституции пересмотренная формулировка представляла собой уступку республикам, которую сейчас собираются свести на нет²². В итоге этих неконструктивных и бесплодных дискуссий как Совет Союза, так и Совет Национальностей с радостью передали вопрос в комиссии по подготовке законопроекта, перед которыми стояла незавидная задача выработать компромиссные варианты с учетом прозвучавших выступлений. О них было объявлено ближе к концу сессии. В том, что касалось организации судоустройства, сохранялся принцип «единой системы судебных учреждений», и «единая судебная политика» должна была обеспечиваться как Верховным судом СССР, так и народными комиссариатами юстиции и верховными судами союзных республик²³. На практике, как и все в этой Конституции, эта формулировка означала победу жесткого централизованного конт-

роля, однако обязана была эта победа факторам, которые лежали целиком и полностью за пределами сферы, подлежащей конституционной регламентации.

Сходный компромисс был достигнут и в области уголовного законодательства. Проект его основ был одобрен лишь с несколькими незначительными поправками. Выработка уголовных кодексов оставалась прерогативой Союза республик. Вместе с тем «Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР предоставляется право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой карательной политики»²⁴. Безопасность — главная область, где СССР будет использовать эти свои «необходимые» полномочия в уголовном законодательстве и управлении, — представляла собой мощный стимул для централизации²⁵.

Хотя вопросы организации судостроительства и уголовного законодательства были единственными, по которым — пусть даже в приглушенной и завуалированной форме — произошло открытое столкновение, скрытые подводные течения, говорившие о ревности и соперничестве между властью Союза и правами республик, проходили через все заседания сессии октября 1924 г. Именно украинец Скрыпник упорно вносил ноту республиканской нетерпимости даже в военную область:

«Мы переводим нашу Красную Армию на украинский язык, в Грузии с первых дней организации Красной Армии и делопроизводство и команда ведутся на грузинском языке».

С другой стороны, Чичерин, выступая от комиссариата, чьи централизованные полномочия меньше всего подвергались сомнению и легче всего воспринимались как само собой разумеющиеся, твердо пояснил в своем докладе о юридической стороне советского гражданства, что «наше Союзное Советское государство есть вовсе не Союз государств, а есть единое Союзное государство»²⁶. Право официально подвести итоги было предоставлено Енукидзе:

«Если говорить вообще о единстве государства, то, конечно, наш Союз республик является самым единым государством в этом смысле слова, и что наше единство в тысячу раз превосходит то единство, которое существовало при царском самодержавии... Наше единство скрепляется не конституционными законами, не теми или другими параграфами, а скрепляется общими интересами рабочих и крестьян всех союзных республик...»

Вместе с тем впервые национальности Союза могут воспользоваться возможностью «полного развития и своего языка, и своей национальной культуры», и центральные власти никогда не оказывали никаких предпочтений и не предоставляли никаких «привилегий представителям великорусской нации» и не считали ее «великодержавной нацией в нашем Союзе»²⁷. Это утверждение не было лишено оснований. Однако все эти вопросы имели мало

отношения к несколько оторванным от реальности рамкам Конституции и диктовались они соображениями, не имевшими ничего общего с необходимостью соответствовать конституционным положениям.

Прошедшая в октябре 1924 г. сессия была последним — так же как, впрочем, и первым — случаем, когда ЦИК сыграл роль форума, где нашли отражение серьезные разногласия по поводу взаимных прав СССР и входящих в его состав республик и когда его двухпалатный статус представлял более чем просто исторический интерес. Статья 8 Конституции предписывала проводить съезды Советов и сессии ЦИК поочередно в столицах, входящих в состав Союза республик. В соответствии с этим правилом ЦИК провел в марте 1925 г. свою сессию в Тифлисе. После этого правило было спокойно предано забвению, и все последующие заседания проводились в Москве. Согласно статье 21 Конституции ЦИК должен был собираться три раза в год. На деле же он созывался весьма нерегулярно, через неравные промежутки времени, в зависимости от потребностей или интересов политического характера, но редко чаще одного раза в год²⁸. Вначале была предпринята попытка ввести на каждой сессии практику проведения общей дискуссии по делам одной из союзных республик: такого рода дискуссия по проблемам Закавказской республики была проведена на сессии в марте 1925 г., по делам Украинской ССР — в 1926 г. и по делам Белорусской ССР — в 1927 г. Затем, судя по всему, эта практика прекратилась. Под угрозой исчезновения оказалось даже само деление ЦИКа на две палаты, что явилось важным конституционным нововведением и крупной уступкой в пользу прав союзных республик. В начале сессии, собравшейся в марте 1925 г., было выдвинуто предложение заслушать, следуя прецеденту предыдущей сессии, доклад Рыкова как председателя Совнаркома на совместном заседании обеих палат. После этого до конца сессии обе палаты так и продолжали без дополнительных комментариев заседать вместе, хотя подсчет результатов голосования, проводимого поднятием руки, проводился раздельно по палатам. Несмотря на энергичные протесты против незаконности этой процедуры со стороны Скрыпника, было принято решение обсуждать на совместном заседании вопрос о сельскохозяйственном налоге²⁹. Нет никаких сомнений, что практике раздельных заседаний спокойно дали бы окончательно отмереть, если бы не новый протест со стороны все того же неутомимого Скрыпника, высказанный в самом начале собравшегося в апреле 1926 г. следующего заседания ЦИКа: в результате председательствующий был вынужден провести решение, что проведение раздельных заседаний признается обязательным и для отмены этого правила требуется единодушное желание участников³⁰. На последующих сессиях раздельные заседания чередовались с совместными. Но поскольку важные вопросы спорного характера возникали весьма редко, эта четко разработанная конституционная система не дава-

ла никаких видимых результатов и дискуссии, проводимые в обеих палатах, весьма бесполезно дублировали друг друга. Схема двухпалатного ЦИКа, достойная всяческого поощрения в теории, оказалась на практике бесплодной и лишенной смысла.

Стремительный закат престижа и авторитета ЦИКа СССР — хотя и имел свои особые, присущие лишь ему симптомы и характерные черты — был в то же самое время прямым продолжением того упадка, который еще до образования Союза претерпел соответствующий орган РСФСР, где решение всех практических вопросов постепенно переходило от широкого, представительного, обладавшего живым пульсом и непокорного собрания к подменявшему его в текущих делах его же собственному президиуму. Этот процесс, первоначальный импульс к которому дали следовавшие одна за другой поправки к Конституции РСФСР³¹, был необратимым, и относившийся к декабрю 1922 г. первоначальный проект Конституции СССР уже содержал статью, где признавалось, что в перерывах между сессиями ЦИКа «высшим органом власти» является его президиум. Так что президиум с самого начала утвердился как эффективный орган ЦИКа, уполномоченный действовать от его имени, — призрачной и нереальной становилась даже его формальная ответственность перед тем органом, из которого он первоначально возник. На сессии ЦИКа в октябре 1924 г. Енукидзе — скорее извиняющимся тоном, однако без всяких объяснений — упомянул о продолжительной задержке с созывом этой сессии и пообещал на следующей сессии или на предстоящем Всесоюзном съезде Советов представить подробный отчет о деятельности президиума. Что же касается текущей сессии, то президиуму нечего было предложить собравшимся, кроме списка принятых и введенных в действие законов и декретов, которые представлялись теперь на официальное одобрение ЦИКа. Что и было, в полном соответствии с уже установившейся традицией, получено без всяких дискуссий³². Весьма знаменательным симптомом — учитывая то символическое значение, которое придавалось бюджету, — был тот факт, что прошедший в мае 1925 г. III Всесоюзный съезд Советов специально наделил президиум ЦИКа правом вносить изменения в бюджет «в течение времени, остающегося до конца бюджетного года», и докладывать о любых изменениях такого рода следующей сессии ЦИКа³³.

Так что подмена пленарного органа, наделенного законодательными функциями, президиумом ЦИКа была фактически полной уже с самого начала. Летом 1923 г., когда было принято решение об учреждении двухпалатного ЦИКа, Скрыпник уже сделал из этого логические выводы и выдвинул предложение наделить президиум каждой из палат ЦИКа широкими полномочиями выступать каждый по отдельности от имени соответствующей палаты — таким образом небольшой президиум Совета Национальностей мог бы превратиться тогда в эффективного стража, охраняющего интересы республик. Однако возможные последствия

этого маневра были быстро разгаданы. И партийная конференция по национальным вопросам, занимавшаяся конституционными проблемами, высказалась по этому поводу вполне ясно и недвусмысленно:

«Президиум ЦИКа должен быть один. Он должен выбираться обеими палатами ЦИКа, конечно, с обеспечением представительства национальностей, по крайней мере наиболее крупных из них. Предложение украинцев о создании двух президиумов с законодательными функциями по числу двух палат ЦИКа взамен единого президиума ЦИКа Союза нецелесообразно. Президиум есть верховная власть Союза, действующая постоянно, непрерывно от сессии до сессии. Образование двух президиумов с законодательными функциями есть раздвоение верховной власти, что неминуемо создаст большие затруднения в работе. У палат должны быть свои президиумы, не обладающие, однако, законодательными функциями»³⁴.

В соответствии с этой директивой окончательный текст Конституции предписывал, что президиум ЦИКа должен состоять из семи членов президиума Совета Союза, семи членов президиума Совета Национальностей и еще семи членов, которые должны избираться совместно обоими советами³⁵. Затмение ЦИКа его президиумом означало, таким образом, и формальный отход от двухпалатного принципа, знаменуя собой окончательное банкротство этой попытки обеспечить охрану прав республик. После 1925 г. борьба между унификацией и федерализмом, между централизацией и передачей полномочий местным органам велась уже не в конституционном плане, а приняла иные формы.

Однако, так же как ранее в Конституции РСФСР, а теперь в Конституции СССР, власть ЦИКа все более и более подменялась не только его же собственным президиумом, но и — что было еще более знаменательно — Совнаркомом, который интенсивно обретал или присваивал себе как законодательные, так и исполнительные функции, совпадавшие с функциями ЦИКа. В период после принятия Конституции СССР власть Совнаркома — состав которого за счет исключения республиканских комиссариатов был сокращен до десяти — продолжала возрастать ценой ослабления сферы полномочий ЦИКа и его президиума. Конституционная неясность по поводу разделения функций между ЦИКом и съездом Советов или между ЦИКом и его президиумом также способствовала усилению связей и зависимости всех этих органов от Совнаркома. Полномочия, возложенные на Совнарком СССР по «непосредственному руководству различными отраслями государственного управления», были довольно странно обозначены и в самой Конституции. Это, однако, не помешало вновь созданному Совнаркому 17 июля 1923 г., через несколько дней после его назначения ЦИКом, объявить цикам и совнаркомам союзных республик, что он приступает к исполнению своих полномочий и

предлагает им направлять на его рассмотрение «вопросы, входящие, согласно Конституции, в его компетенцию»³⁶. В ноябре 1923 г. его функции и полномочия были подробно оговорены в специальном положении, одобренном ЦИКом³⁷. Однако определены они были в таких выражениях, что, демонстративно подчеркивая надлежащую субординацию административных и исполнительных функций Совнаркома относительно законодательных функций ЦИКа и его президиума, на деле возлагали на Совнарком право «рассмотрения и утверждения декретов и постановлений общесоюзного значения в пределах, предусмотренных Конституцией Союза ССР», а также «рассмотрение и осуществление мероприятий в области общего управления Союзом Советских Социалистических Республик».

Положение о Совнаркоме оставалось хартией вольностей его конституционных полномочий. Учитывая широкие пределы предоставленной ему свободы действий, было бы нелегко квалифицировать как *ultra vires* * ни одно из действий Совнаркома, да и никаких таких понятий в Конституции предусмотрено не было. Совнарком приобретал независимые конституционные полномочия даже в области заключения международных договоров. В соответствии с Конституцией заключение и ратификация международных договоров поручались «высшим органам» Союза, то есть съезду Советов и ЦИКу. На первой сессии в ноябре 1923 г. ЦИК формально обсудил и ратифицировал соглашение с Финляндией о плавании по Неве³⁸. Однако позднее подобные официальные соглашения уже не представлялись для ратификации ни в ЦИК, ни даже в его президиум. Положение о Совнаркоме уполномочивало этот орган не только «рассматривать договоры и соглашения с правительствами иностранных государств», но и «заключать такие договоры, не требующие специальной ратификации», и введения такого различия между обычными договорами, заключаемыми Совнаркомом, и договорами, которые в торжественной форме представлялись на одобрение ЦИКа или его президиума³⁹, ко всеобщему удовлетворению, оказалось более чем достаточно. На практике было весьма трудно — если вообще возможно — обнаружить хоть какое бы то ни было конституционное разделение сфер компетенции между Совнаркомом, президиумом ЦИКа, самим ЦИКом и съездом Советов. Во всех повседневных решениях — неважно, касались ли они исполнительных, административных или законодательных сфер деятельности — Совнарком практически обладал безусловным превосходством, и это превосходство проявлялось как в прикреплении к Совнаркому таких вспомогательных технических органов, как комиссия законодательных предположений и комиссия по финансовому управлению, и таких важных экономических органов, как СТО, Госплан и Главный концессионный комитет⁴⁰, так и в участии в Совнаркоме партийных дея-

* *Ultra vires* (лат.) — превышение полномочий. — Прим. ред.

телей более высокого, чем в любом другом правительственном органе, ранга. Советские юристы, специализирующие на конституционных вопросах, порой размышляли о сравнительной власти Совнаркома и президиума ЦИКа⁴¹. Хотя этот вопрос не имеет реального смысла, поскольку ни один из органов независимой властью не обладал, тем не менее как представитель партии по осуществлению политики и отправлению повседневных дел Совнарком был более значительным органом⁴². Из конституционного компромисса оказался явно изъят лишь вопрос о бюджете, поскольку как Конституция, так и Положение о Совнаркоме обязывали его представлять годовой бюджет на утверждение ЦИКа. Эта формальность, настойчивое стремление сохранить которую, без сомнения, отчасти обязано освещенному временем прецеденту западной демократии, представляла собой последний рудимент статуса ЦИКа как представительной ассамблеи, осуществлявшей народный контроль за общественным кошельком. Он осуществлялся регулярно, пока ЦИК продолжал собираться ежегодно, потом же эта прерогатива в отношении бюджета перешла к президиуму.

Туман эмпирической неопределенности, окутывавший взаимные отношения между центральными органами правительства СССР, в равной мере распространялся и на взаимоотношения между Центральным Исполнительным Комитетом СССР и центральным исполнительным комитетом союзной республики, а также и на отношения между Совнаркомом СССР и совнаркомом союзной республики. Ведь, поскольку в официальных документах постоянно заявлялось, что «высшей властью» на территории республик облечен съезд Советов данной республики⁴³, из этого с очевидностью следовало ограничение всемогущей «верховой власти» Всесоюзного съезда Советов и зависящих от него органов. В соответствии со статьями 19 и 20 Конституции все «декреты, постановления и распоряжения» ЦИКа были обязательны к непосредственному исполнению на всей территории СССР, и ЦИК имел право «приостанавливать или отменять» декреты и постановления съездов Советов или центральных исполнительных комитетов союзных республик. В статье 38 права Совнаркома определены в несколько менее бескомпромиссных выражениях:

«Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик, в пределах предоставленных ему Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик прав и на основании Положения о Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик, издает декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории Союза Советских Социалистических Республик». Однако даже это формальное ограничение относилось только к органам и законам СССР, а не республик: единственными арбитрами конституционности оно оставляло власти СССР. Там, где приходилось по тем или иным причинам отказываться от основной концепции ограничения или разделения власти, которую можно

было бы юридически обосновать и навязать на законных основаниях, и там, где Конституция рассматривалась как свод удобных и — при необходимости — гибких процедурных правил, всегда автоматически утверждалась всемогущая власть высшего органа. Этот процесс был скорее облегчен, чем затруднен формальным постановлением, предусматривавшим широкое представительство на заседаниях Совнаркома представителей республик «с правом совещательного голоса». Каждая республика не только назначала своего «постоянного представителя в Совете Народных Комиссаров СССР»⁴⁴, но и значительное число официальных лиц, которые по рангу могли присутствовать с правом совещательного голоса на заседаниях Совнаркома СССР, были включены председатели циков и Совнаркома союзных республик, а также наркомы этих республик при обсуждении вопросов, входящих в сферу их компетенции⁴⁵. Нет никаких оснований полагать, что эта процедура действительно регулярно применялась на практике или имела какое бы то ни было практическое значение. Однако она способствовала внедрению фиктивной гипотезы, будто решения Совнаркома СССР принимаются после консультаций с республиками и, следовательно, обязательны для исполнения на их территориях.

Наиболее деликатная ситуация создавалась не в связи с полномочиями ЦИКа или Совнаркома в целом, а относительно функций отдельных народных комиссариатов СССР. Самый высокий уровень в трехъярусной системе комиссариатов — общесоюзных, объединенных и республиканских⁴⁶ — составляли общесоюзные комиссариаты, не имевшие одноименных аналогов в республиках. Их положение было достаточно ясным. Статья 53 Конституции оговаривала, что такие комиссариаты «имеют при союзных республиках своих уполномоченных, непосредственно им подчиненных», а по статье 12, регламентирующей устав комиссариатов, эти уполномоченные «входят в совет народных комиссаров Союзных Республик с совещательным или решающим голосом по решению центрального исполнительного комитета Союзной Республики или его президиума»⁴⁷. Однако положение объединенных комиссариатов, занимавших второй ярус этой структуры, изобиловало многими неопределенностями. Хотя республиканский комиссариат явным образом подчинялся общесоюзному комиссариату, конституционные полномочия общесоюзного комиссариата были отнюдь не безграничны. Статья 59 Конституции разрешала центральным исполнительным комитетам союзных республик приостанавливать вступление в силу на их территориях декретов народных комиссариатов СССР (но, по всей видимости, отнюдь не распоряжений ЦИКа или Совнаркома в целом), если они находятся в «явном несоответствии» с существующим законодательством⁴⁸. Однако осуществивший это право Центральный Исполнительный Комитет должен был докладывать об этом Совнаркому СССР и соответствующему комиссариату СССР; при этом предполагалось, хотя и не констатировалось в явном виде, что последующее вслед за

этим решение Совнаркома СССР окончательно. С другой стороны, общесоюзные комиссариаты в соответствии с их общим статусом могли «приостанавливать или отменять» решения соответствующих республиканских комиссариатов, «противоречащие данным им директивам или общесоюзному законодательству», хотя это право и не распространялось на распоряжения республиканского комиссариата, которые основывались на точном предписании Совнаркома данной республики⁴⁹.

Все эти неясные и взаимно исключающие друг друга положения открывали путь к неразрешимому конституционному тупику. В октябре 1924 г. Енукидзе заверил ЦИК РСФСР, что, хотя решения объединенных комиссариатов РСФСР в принципе могут быть аннулированы соответствующими комиссариатами СССР, это неприменимо к решениям, принятым по специальному предписанию Совнаркома или президиума ЦИКа РСФСР⁵⁰. Принятая в мае 1925 г. новая Конституция РСФСР хранила по этому вопросу благоразумное молчание. Статья 10 Положения о Совнарком РСФСР, принятого в августе 1925 г., гласила, что хотя решения объединенных комиссариатов РСФСР могут быть «приостанавливаемы, изменяемы или отменяемы» соответствующими комиссариатами СССР, то из решений комиссариатов РСФСР, которые приняты по указанию Совнаркома РСФСР, могут быть отменены только по апелляции соответствующего комиссариата СССР, адресованной Совнаркому СССР⁵¹. Эта уступка, однако, не удовлетворяла центральные власти, и в сентябре 1925 г. вышло дополнительное постановление РСФСР, где ясно говорилось, что ответственность за апелляцию против приостановления или отмены несет комиссариат РСФСР и что подача апелляции сама по себе не приостанавливает вступление в силу спорного решения⁵². Это было еще одним шагом в сторону всевозрастающей концентрации реальной власти в центре, которая была характерна для истории советской Конституции⁵³.

Конституционное положение республиканских комиссариатов, занимавших третий и самый нижний ярус, на первый взгляд казалось ясным и неуязвимым, поскольку у них не было общесоюзных аналогов и они вроде бы могли спокойно пользоваться исключительными полномочиями. Но и они тоже оказались в зависимости от центральных властей, навязавших им свою опеку, наделив Союз правом устанавливать «основы», «общие принципы» и «основные законы» в тех областях, которые номинально считались сферой юрисдикции республик. Устоем этого конституционного права служила настоятельная необходимость обеспечить известную степень координации и единообразия, а также тормозившая деятельность всех республик (за исключением Российской и за частичным исключением Украинской республики) нехватка квалифицированных и опытных кадров. Положение республиканских комиссариатов в действительности гораздо меньше отличалось от положения объединенных комиссариатов республик и гораздо меньше

изменилось с тех пор, когда законодательство РСФСР было в неявной или явной форме принято другими республиками, чем на то претендовала конституционная доктрина. Высшие органы СССР свободно выпускали постановления и распоряжения по всем важным или спорным вопросам. Вне зависимости от того, помнили или нет авторы этих постановлений и распоряжений о соблюдении конституционных прав, результат все равно был один и тот же. Путаница с соблюдением формальностей была невообразимая.

«...Вследствие изобилия в нашем Союзе республик, — писал один юрист из Наркомотдела РСФСР... — у нас образовалось по меньшей мере два этажа в законодательстве: союзное законодательство и законодательство республиканское. То и другое весьма обильное, очень разбросанное и несистематизированное. А с другой стороны, осталось огромное наследство от предшествующих образованию Союза эпох, частью отмершее фактически, частью измененное последующими законами. В этом хаосе не только казак с пикой, но и самый квалифицированный спецюрист пропадет»⁵⁴. На практике же путаница была куда меньше. Всякий раз, когда в дело вступали центральные власти, их prerogatives никогда открыто не оспаривались, хотя между республиками и могли возникать существенные расхождения относительно интерпретации и применения этих решений. Тенденции к централизации работали неумолимо. На сессии ЦИКа в апреле 1926 г. украинский делегат жаловался, что «мысли о создании союзных наркоматов — наркомюста, наркомпроса — живут довольно глубоко» и что «т. Семашко не прочь создать союзный наркомздрав»; шагом в этом направлении было и недавнее создание Союзного совета по физической культуре⁵⁵. Крыленко по тому же случаю жаловался, что официальные сотрудники Наркомвнуторга настолько не имеют ни малейшего понятия о Конституции, что недавно написали письмо в несуществующий Наркомюст Союза, требуя создания «общесоюзного пищевого кодекса»⁵⁶. Тем не менее сохранялось обширное поле, куда — то ли из-за отсутствия интереса, то ли по недостатку квалификации — органы СССР не вмешивались. И здесь-то республики по-прежнему пользовались временной мерой конституционной автономии.

Сложность и распыленность этих конституционных установлений сделали бы их совершенно непригодными для работы, если бы за всем этим не стояла вполне конкретная реальность — всеподавляющая сила партии. В соответствии с советской точкой зрения на закон конституционные положения рассматривались как выражение воли суверенного государства и не могли быть использованы ему во вред; понятие конституционных гарантий, которые интерпретировались бы и охранялись судебной властью, было здесь неуместно и лишено смысла. При советской системе иллюзорными в той или иной мере были все внешние конституционные атрибуты, поскольку окончательные решения по важным политическим проблемам выносились партийными органами и передава-

лись ими конституционным властям для исполнения. Смерть Ленина, ни в коей мере не изменив сущности ситуации, сорвала некоторые маски. Престижное значение, которое он придавал советским учреждениям, регулярно выступая с основными политическими докладами на Всероссийском съезде Советов и, главное, возглавляя Совнарком, теперь оказалось в значительной степени фикцией. Из новых лидеров Зиновьев вообще никогда никакого поста в Совнаркоме не занимал, Сталин отказался от обоих своих прежних постов, и даже назначение Каменева на пост председателя СТО привлекло меньше внимания и казалось менее значительным событием, чем его партийные функции как председателя Политбюро и главы Московской организации. Остальные лидеры, игравшие теперь главные роли в ЦИКе и Совнаркоме СССР — Калинин, Рыков, Цюрупа, Дзержинский, Сокольников и Чичерин, — были в партийной иерархии людьми второго ранга. Субординация советских органов партийным стала теперь если и не более реальной, то более явной, чем в те дни, когда в обоих из них преобладающее влияние имел Ленин.

Исключительная и преобладающая роль партии обусловила необходимость официально зафиксировать в качестве финального акта конституционного процесса создания СССР изменение названия партии, которое было осуществлено прошедшим в декабре 1925 г. XIV съездом партии⁵⁷. Название «Российская Коммунистическая партия (большевиков)» было принято в марте 1918 г.⁵⁸, когда создавалась первоначальная Конституция РСФСР, и соответствовало тому периоду, когда РСФСР оставалась фактическим руководящим ядром многонациональной группы советских республик. Теперь когда на преобладающее конституционное превосходство России была за счет реорганизации этой группы в форме Союза Советских Социалистических Республик наброшена благопристойная вуаль, а РСФСР была низведена до статуса одной из составных частей этой группы, логично было внести соответствующие изменения и в название и организацию самой партии. Эта перемена встретила сопротивление, которое и объясняло задержку с ее претворением в жизнь. В партии нерусские элементы были слабее, чем в государственной машине, а сила традиции действовала сильнее. Казалось, было «трудно расстаться с этим старым, испытанным названием»⁵⁹. То, чего удалось достигнуть на XIV съезде, в сущности, было компромиссом. Название партии было изменено — не без определенной оппозиции со стороны возглавляемой Полонским старой большевистской гвардии — на «Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков)». С другой стороны, вполне логичное предложение образовать на тех же принципах, что и другие национальные партии⁶⁰, и отдельную Российскую партию в рамках Союза было решительно отвергнуто. Это было бы, как заявил докладчик, «величайшим вредом для нашей партии», поскольку, учитывая «удельный вес российской части», это означало бы «существование двух центральных руководящих

органов»⁶¹. Лежащие за этим аргументом реальные причины были ясны. Как в государстве, так и в партии органы, ранее носившие российскую вывеску, были переименованы, дабы пощадить национальные чувства других национальных групп. Однако на деле они оставались все теми же самыми органами: преемственность была сохранена. В рамках государства в форме РСФСР была создана новая система подчиненных органов. В партии этому прецеденту не последовали. Разделение исполнительной и административной власти было вполне терпимо и даже полезно. Разделение власти на высшем уровне принятия политических решений таковым не являлось.

б) РСФСР

С образованием СССР у РСФСР возникла уникальная конституционная проблема. Конституция РСФСР, создание которой относилось еще к 1918 г., была первой из всех советских конституций и моделью, на которой основывалась сама Конституция СССР, и теперь она явно не подходила, чтобы быть конституцией одной из составных республик СССР. В январе 1924 г., когда была официально одобрена Конституция СССР, XI Всероссийский съезд Советов обратил внимание на его понизившийся статус и поручил Всероссийскому ЦИКу внести соответствующие поправки в Конституцию⁶². Три месяца спустя ЦИК назначил для рассмотрения этого вопроса специальную комиссию, состоявшую из двенадцати человек⁶³. Задача была весьма деликатной — ведь дополнительного урегулирования требовали не только взаимоотношения РСФСР с вновь образованным СССР, но и его отношения со все еще входящими в его состав автономными республиками. Когда ЦИК собрался в октябре 1924 г., непосредственно перед сессией ЦИКа СССР, никакого соглашения еще достигнуто не было. Енукидзе объявил, что с 1918 г. в Конституцию было внесено много дополнений и что для приведения ее в соответствие с нынешними условиями «требуется много времени, тем более что эти изменения связаны с изменениями конституций автономных республик». В утешение он добавил, что только люди, «мировоззрение которых выросло в буржуазной юриспруденции», придают особую важность тому, «чтобы на бумаге все это было гладко согласовано и одна буква не противоречила другой». Советская точка зрения считает нормальным явлением, что конституция «может отстать, войти в частичное противоречие с нашей практикой или с теми или иными основными положениями», это всего-навсего означает, что конституцию надо время от времени пересматривать и «усовершенствовать»⁶⁴. В тот момент так ничего предпринято и не было, и ограничились лишь тем, что одобрили состав Совнаркома РСФСР в том виде, как он сложился в течение последних девяти месяцев.

Все время, оставшееся до мая 1925 г., когда собрался XII Все-

российский съезд Советов, прошло в закулисном обсуждении вопросов, связанных с изменением Конституции. Когда съезд открылся, нарком юстиции РСФСР Курский пояснил, что первоначально планировавшееся внесение в Конституцию отдельных поправок оказалось неосуществимым. Нужно будет разработать новую Конституцию, в которую вошли бы отдельные части старой, и проект новой Конституции был представлен съезду⁶⁵. Преамбула, касавшаяся основных принципов, содержала ряд интересных изменений. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, по инициативе Ленина в последний момент включенная в Конституцию 1918 г.⁶⁶, была опущена, хотя о ней и было упомянуто в 1-й статье. Она выглядела не вполне уместно и в первой Конституции, а теперь многие содержащиеся в ней формулировки должны были казаться странными и устаревшими⁶⁷. Кроме этого пропуска, знаменательны были и некоторые изменения формулировок. Целью Конституции 1918 г. было «установление диктатуры... пролетариата... в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Конституция 1925 г., приняв эту формулировку, заменила слова «водворение социализма» словами «осуществление коммунизма», напомнив таким образом марксистское различие между этими двумя стадиями и подготавливая путь для внедрения понятия «социализм в одной стране», который был бы совместим с выживанием государственной власти. Можно было различить и другие знаки времени. В то время как статьи 14—17 старой Конституции говорили о «крестьянской бедноте» или о «беднейших крестьянах», как партнерах «рабочих» или «рабочего класса», соответствующие статьи новой Конституции признавали только партнерство «рабочего класса и крестьянства» или «рабочих и крестьян»: весной 1925 г. политика расщепления крестьянства была временно предана забвению. Главным нововведением была статья (27), подтвердившая право президиума ЦИКа действовать от его имени в перерывах между сессиями (это положение целиком и полностью явилось результатом тенденций, развившихся в период после 1918 г.⁶⁸). Другими важными нововведениями была статья «Об автономных советских социалистических республиках и областях», появившаяся в Конституции впервые, и существенно расширенная статья «О местной власти». Это указывало на две наиболее актуальные проблемы того момента, требовавшие срочного конституционного урегулирования: усиление многонациональной структуры СССР за счет создания федерализованной иерархии республик, автономных республик и областей и попытка заложить основы более эффективной системы местного управления, в особенности в сельской местности, — так называемое «оживление Советов». Обсуждение новой Конституции ограничилось дискуссией по нескольким незначительным деталям, после чего она была без дальнейших церемоний принята⁶⁹. Остальная часть по-

вестки дня съезда была посвящена сельскому хозяйству, здравоохранению, а также ставшему теперь значительно менее самостоятельным и сильно сократившемуся в размерах бюджету РСФСР. Он был, как заметил Калинин, с грустью вспоминая былое величие, «в высшей степени скромнен»⁷⁰.

Порядок проведения съезда способствовал — в еще более явном виде, чем рутинные дискуссии о Конституции, — выявлению некоторых аномальных сторон нового статуса РСФСР. Формально РСФСР была не более чем одной из вошедших в состав СССР республик, наряду с Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской СФСР. На деле же РСФСР составляла ту основу, на которой был построен СССР, и все еще продолжала играть роль твердого каркаса более обширной структуры. Ее столицей была Москва, столица СССР; Рыков был одновременно председателем и Совнаркома РСФСР, и Совнаркома СССР; заседания Всероссийского съезда Советов и сессии ЦИКа РСФСР для удобства проходили в то же самое — или приблизительно то же самое — время, что и заседания соответствующих органов СССР. Когда собрался XII Всероссийский съезд Советов, на нем было сразу же выдвинуто и без дискуссий принято предложение, что его делегатам следует присутствовать на предстоявшем заседании III съезда Советов СССР, дабы заслушать отчетный доклад Рыкова о работе правительства СССР. Не возникло даже вопроса о том, чтобы Рыков сделал отдельный доклад о работе правительства РСФСР. Преждевременно закончив 11 мая 1925 г., на пятый день работы съезда, все свои дела, Всероссийский съезд Советов был продлен до 13 мая, когда должен был открыться главный съезд. В тот день его делегаты посетили съезд Советов СССР, чтобы заслушать адресованный этому органу доклад Рыкова, после чего, для удобства обойдя молчанием вопрос о правомочности подобной процедуры, доклад был наскоро обсужден на Всероссийском съезде Советов и единодушно им одобрен⁷¹. Реальное положение вещей можно было более ясно заметить не по небрежному стенографическому отчету российского съезда, а по некоторым замечаниям, сделанным одним делегатом РСФСР на Всесоюзном съезде. Произошло то, что аппарат объединенных комиссариатов (так же как и тех комиссариатов, которые существовали теперь исключительно при СССР) были захвачены в том виде, в каком они были созданы, новыми союзными властями, а РСФСР не оставалось ничего другого, как решать задачу создания новых комиссариатов, которые выполняли бы свои собственные, теперь уже подчиненные, функции.

Таким образом, «наш Союз оккупировал все комиссариаты РСФСР, и фактически РСФСР не имеет лица», а «обязанности комвнупорта РСФСР передоверяются комвнупорту Союза». С другой стороны, республиканским комиссариатам было трудно удержаться, чтобы не брать на себя более широкие полномочия, которые они ранее выполняли со всеобщего молчаливого согласия,

и ограничивать себя лишь рамками РСФСР, — так, Луначарского обвиняли, что он ведет себя, будто является наркомом просвещения всего СССР⁷². Многие из первых законов и декретов СССР были впервые напечатаны в официальном собрании законов РСФСР; свое собственное собрание законов СССР начал публиковать лишь в сентябре 1924 г.⁷³ Трудности с осуществлением действительного практического раздела имущества между аппаратом РСФСР и аппаратом СССР послужили причиной выдвижения поистине героического предложения перенести столицу РСФСР в Ленинград, а столицу СССР в Нижний Новгород — это предложение подкреплялось аргументом, что перенаселенность в Москве достигла почти таких же устрашающих масштабов, как в Лондоне, и что там теперь «пройти нельзя»⁷⁴. Прошло много времени до тех пор, пока РСФСР действительно создал свои собственные учреждения, и история СССР носила на себе неумовимые отпечатки того обстоятельства, что его основные правительственные органы были в самом начале позаимствованы у РСФСР.

Новая глава Конституции 1925 г. (статьи 44—48) была посвящена статусу автономных республик и областей в рамках РСФСР, которые создавались после вступления в силу Конституции 1918 г.⁷⁵, и представляла собой подтверждение продолжавшегося усиления власти РСФСР над оказавшимися в подчинении у нее единицами. Предложение вывести эти более мелкие национальные единицы в ее федеративной структуре из состава РСФСР и присоединить их непосредственно к СССР было в принципе отвергнуто еще на более ранней стадии⁷⁶, хотя, в сущности, именно эта процедура была принята при образовании в начале 1925 г. Узбекской ССР и Туркменской ССР как республик, входящих в состав СССР⁷⁷. Время от времени в существующую структуру вносились те или иные незначительные изменения. В июле 1924 г. Горская автономная республика была разделена на Северо-Осетинскую и Ингушскую автономные области, что явилось частью приготовлений к созданию Северо-Кавказской области⁷⁸. В начале того же года автономной республикой РСФСР стала Автономная область Немцев Поволжья, а на следующий год — Чувашская автономная область. Все эти повышения в званиях были присуждены, по всей видимости, за материальный прогресс и лояльность⁷⁹. С другой стороны, Калмыцкая, Чеченская, Кабардино-Балкарская и Северо-Осетинская автономные области подверглись порицанию за претензионную попытку называть свои областные исполнительные комитеты «центральными исполнительными комитетами» — этот более почетный титул оставлялся только за республиками⁸⁰, а Карачаево-Черкесская автономная область была разделена «по национальному признаку» на Карачаевскую автономную область и Черкесский автономный район, который в свою очередь был включен в Северо-Кавказскую область⁸¹. Необходимые, чтобы вдохнуть жизнь в эту обширную систему автономных республик и областей, конституционные меры так, по всей видимости, и остались — во

всяком случае в значительной степени — мертвой буквой. Автономные единицы, входившие в состав РСФСР, варьировались в широких пределах — от Автономной республики Немцев Поволжья, где проживало самое, возможно, развитое сельское население РСФСР, до Ойротской автономной области, не имевшей своей собственной письменности и отказавшейся на своем I съезде Советов от каких бы то ни было законодательных функций, так что на практике она пользовалась еще меньшей автономией, чем любая из число русских областей⁸². Статья 44 Конституции РСФСР гласила, что конституции автономных республик и законодательные акты автономных областей должны приниматься их собственными съездами Советов и передаваться на одобрение в ЦИК РСФСР и на Всероссийский съезд Советов. По-видимому, целью этих конституций и законодательных актов было определить полномочия республик и областей, которые так и не были определены в Конституции РСФСР. Некоторые автономные республики — включая Республику Немцев Поволжья, Дагестанскую и Башкирскую — составили для себя проекты конституций. Однако первые два проекта вызвали возражения, поскольку в обоих говорилось о республиках как о «государствах»⁸³, а проект башкирской Конституции — за то, что там утверждалось, что Башкирская Автономная ССР является республикой, «свободно входящей в состав РСФСР и через нее объединяющейся в Союз ССР»⁸⁴. Хотя автономные республики и области имели прямое представительство в Совете Национальностей, любой намек на прямые взаимоотношения между ними и СССР через голову РСФСР вызывали у властей РСФСР ревнивые чувства. К концу 1926 г. конституция автономной республики получила одобрение в Москве. После этого вопрос был отложен еще на несколько лет. Теперь уже интересы концентрировались вокруг нового разделения СССР на области, границы которых диктовались в первую очередь соображениями экономического характера, а также вокруг создания системы местного управления. Эти вопросы касались тех, кто занимался экономическим планированием и практическим управлением, но отнюдь не юристов, занимавшихся проблемами конституционного законодательства, чье вмешательство только испортило бы дело. В практике управления противоположные принципы концентрации и рассредоточения власти часто вступали в открытые конфликты. Степень признания особого статуса национальных групп, как больших, так и малых, время от времени претерпевала существенные колебания. Однако все эти споры и все эти вариации направлялись политическими решениями, совершенно выходящими за рамки сферы конституционного регулирования. Понятия конституционных прав и конституционных гарантий были так же далеки от теории марксизма, как они были далеки от традиционной российской практики. Похоже, что конституционным процедурам Советского Союза просто не на чем было укорениться.

в) Украинская и Белорусская ССР

Украинская ССР имела Конституцию, которая была принята 10 марта 1919 г., в самый разгар гражданской войны, и как две капли воды напоминала первоначальную Конституцию РСФСР⁸⁵. В отличие от РСФСР она не приняла новой Конституции, в которой был бы учтен факт ее включения в состав СССР, а удовольствовалась тем, что слегка подновила старую. Собравшийся в январе 1924 г. VIII Украинский съезд Советов, заслушав сделанный на украинском языке доклад Скрышника, формально одобрил новую Конституцию СССР и поручил Украинскому ЦИКу подготовить проект необходимых поправок к украинской Конституции⁸⁶. Этот процесс занял более года. Окончательное решение по этому вопросу было вынесено IX Украинским съездом Советов 10 мая 1925 г., за несколько дней до принятия новой Конституции РСФСР. Ряд поправок был тут же одобрен, и ЦИКу было поручено подготовить и дополнить к следующему украинскому съезду исправленный текст. Украинская Конституция в исправленном виде обнаруживала три знаменательных отличия от новой Конституции РСФСР. Во-первых, украинская Конституция в нескольких статьях сохранила в неприкосновенности упоминания о «бедном крестьянстве» как союзнике пролетариата, которые были вымараны из Конституции РСФСР: в плотно населенной Украине проблема батрака была вечной и от нее никуда нельзя было уйти. Во-вторых, украинская Конституция — с гораздо более явным ударением, чем в любых выражениях, появившихся в российской Конституции, — заявляла, что «Украинская Социалистическая Советская Республика входит в состав Союза ССР как независимая договорная республика. Суверенитет ее ограничен лишь в пределах, указанных в Конституции СССР, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза ССР». На Украине тезис формального суверенитета республик утверждался гораздо более энергично, чем в любой другой из входящих в состав Союза республик. В-третьих, в то время как в пересмотренной Конституции РСФСР конституционные положения относительно автономных республик трактовались как вопросы чисто практического характера, украинская Конституция использовала образование автономной Молдавской ССР как удобный случай, чтобы сделать красноречивое принципиальное заявление:

«...Стремясь создать свободное и добровольное, а следовательно, тем более полное и прочное единство трудящихся всех национальностей, населяющих Украинскую Социалистическую Советскую Республику, и признавая полностью право всех наций на самоопределение вплоть до отделения, Украинская Социалистическая Советская Республика, принимая во внимание твердо выраженную волю молдавского народа на оформление своего государственного бытия в составе УССР, объединяется с ним на нача-

лах образования в составе УССР Автономной Молдавской Социалистической Советской Республики...»

Признание национальных прав молдавского народа в рамках Украинской республики явно служило лишь поводом для декларации аналогичных прав украинского народа в рамках СССР⁸⁷. Проворство, с которым были проведены все эти конституционные мероприятия, было данью относительной эффективности и независимости Украинской ССР и, возможно, во многом обязано прозорливости и дальновидности Скрыпника. Кажется, все это даже не встретило ни одного зафиксированного возражения в Москве. Позднее Вышинский припомнил, что «ревизия конституций союзных республик (в 1925—1927 гг.) проходила в условиях борьбы с правотроцкистскими элементами и их националистическими союзниками», которые стремились обеспечить «конституционные гарантии» для беспрепятственного развития капиталистических элементов под прикрытием НЭПа⁸⁸. Однако эта борьба, во всяком случае на Украине, по-видимому, скорее следовала за конституционными поправками 1925 г., чем предшествовала им.

Автономная Молдавская ССР была учреждена решением Украинского ЦИКа от 12 октября 1924 г.⁸⁹ Ее Конституция, смоделированная по примеру конституций автономных республик, созданных в рамках РСФСР еще до образования СССР, была поставлена на голосование на I Молдавском съезде Советов в молдавской столице Балте 19 апреля 1925 г. В следующем месяце она была одобрена IX Украинским съездом Советов с одной знаменательной поправкой, призванной внести ясность в вопрос о том, что Молдавская республика подчиняется исключительно Украинской ССР и не имеет никаких прямых взаимоотношений с органами СССР⁹⁰. Украинская ССР так же ревниво, как и РСФСР, относилась к любым притязаниям своих автономных отпрысков обеспечить себе независимость от родительской республики.

В общем и целом Белорусская ССР не обладала той жизнестойкостью, какую имел ее украинский аналог. С самого начала Белоруссия была творением в значительной степени искусственным⁹¹, и, как заметил позднее один белорусский оратор, «только с 1923 года в Белоруссии начинает закрепляться советское строительство — гораздо позже, чем в других республиках»⁹². В то время Белорусская ССР занимала только бывшую Минскую губернию с населением около 1 500 000 человек. В марте 1924 г. ЦИК РСФСР и ЦИК Белорусской ССР заключили территориальное соглашение, в соответствии с которым для размещения Белорусской ССР уступались все районы, где проживало большинство белорусского населения. Эта уступка, передававшая в распоряжение Белорусской ССР значительные части Витебской и Гомельской губерний и небольшую часть Смоленской губернии и увеличившая ее население почти до четырех миллионов человек, превозносилась в специальном заявлении ЦИКа СССР как блестящий пример добрососедских отношений, превалирующих между

советскими республиками⁹³. В следующем году в пользу Белорусской ССР были сделаны новые территориальные изменения, на сей раз главным образом за счет Украинской ССР⁹⁴. Менее значительное, чем предыдущее, это приращение территории прибавило к населению республики еще 650 тыс. жителей. Одновременно с этой территориальной экспансией, происшедшей в марте 1924 г., были взяты в руки и конституционные вопросы. VI чрезвычайный Белорусский съезд Советов, созванный с целью утвердить новые территориальные приобретения, поручил ЦИКУ республики внести поправки в ее Конституцию в соответствии с недавно утвержденной Конституцией СССР⁹⁵. Этот процесс оказался трудным, возможно, из-за настойчивого стремления белорусских националистов обеспечить неправомерное утверждение суверенитета союзных республик СССР⁹⁶, так что новая Конституция была одобрена VIII Белорусским съездом Советов лишь три года спустя, 11 апреля 1927 г.⁹⁷

г) Закавказская СФСР

Конституционные проблемы Украинской и Белорусской ССР были связаны с их взаимоотношениями с СССР. Конституционные проблемы Закавказья происходили из беспрецедентного национального многообразия населения этого региона, а также из сложной запутанности этих народов, их языков и истории, делавшей неизбежной ту или иную форму федеративной структуры в том случае, если в качестве конституционной единицы предполагалось рассматривать все Закавказье в целом. Однако три основных закавказских народа — грузинский, армянский и азербайджанский — реагировали на создание Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР) по-разному. Грузины были самым развитым из трех народов и могли извлечь выгоду из Закавказской федерации, где превосходящие материальные ресурсы Грузии и ее политический опыт позволили бы ей играть главенствующую роль. Фактически эта федерация была образована в беспокойные дни 1918 г. Однако Грузия не была тогда еще достаточно сильна, чтобы утвердить свое господствующее положение и, подбадриваемая Германией, быстро отделилась и провозгласила свою независимость⁹⁸. Спустя четыре с половиной года Закавказская федерация создавалась уже при доминирующем влиянии Москвы, и Грузия в ней оказывалась в положении равного партнера с Арменией и Азербайджаном, встав перед необходимостью делить с ними свои естественные преимущества, что представлялось весьма малопривлекательным для грузинской интеллигенции. Став столицей федерации, Тифлис — где уже и так проживало смешанное население, состоявшее в пропорциях, соответствующих порядку перечисления, из грузин, армян и рус-

ских, — приобретал еще более интернациональный в противоположность национальному грузинскому характер. Принеся возросшую безопасность и престиж двум другим основным народам Закавказья, федерация, казалось, понизила независимый статус Грузии. Армянская интеллигенция, не менее многочисленная и влиятельная, чем грузинская, была более лояльна к Советской власти как в силу ревности к грузинам, так и из-за страха и ненависти к туркам. У Азербайджана своей национальной интеллигенции не было: интеллигенция Баку была главным образом русской и частично — армянской. Таким образом, только грузинская интеллигенция в целом оставалась враждебной к советскому строю и продолжала вынашивать мечты о независимости или автономии. Однако она находилась во все большей и большей изоляции и представляла угрозу власти только в случае крупного недовольства среди крестьян, которых она могла бы мобилизовать и повести за собой. Грузинское восстание в августе 1924 г.⁹⁹ имело смешанный социальный и национальный характер. Однако оно было подавлено через несколько дней. После этого Грузинская ССР заняла свое место в Закавказской федерации бок о бок с Армянской и Азербайджанской республиками, впоследствии уже более не нарушая покоя.

В отличие от первоначальных Конституций РСФСР и Украинской ССР проект Конституции ЗСФСР от 12 декабря 1922 г.¹⁰⁰ готовился уже, имея в виду перспективу вступления в СССР, который был тогда в стадии создания, поэтому она не нуждалась в фундаментальных изменениях. Тем не менее ряд поправок был все-таки принят в сентябре 1924 г. Закавказским ЦИКом и одобрен 14 апреля 1925 г. III Закавказским съездом Советов. Основной результат наиболее важных из них был направлен на то, чтобы обеспечить правомочность ЗСФСР перед лицом трех входивших в нее составных республик в таких вопросах, как «установление начал землеустройства и землепользования», «установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства», «руководство внутренней торговлей» и «законодательство о труде». Высшие органы власти ЗСФСР могли также аннулировать постановления и распоряжения органов входящих в ее состав республик, если они вступали в противоречие с Конституцией. С другой стороны, Конституция признавала формальный суверенитет этих республик как ограниченный только Конституциями ЗСФСР и СССР. В то же самое время съезд Советов уполномочил ЦИК подготовить для включения в Конституцию новую главу, в которой ясно говорилось бы, что, так же как бюджет ЗСФСР представляет собой составную часть бюджета СССР, бюджеты трех входящих в состав ЗСФСР республик входят в состав бюджета ЗСФСР. Это указание было осуществлено на сессии Закавказского ЦИКа, которая прошла в Эриване 29 января 1926 г., и утверждено президиумом ЦИКа 15 февраля 1926 г.¹⁰¹ Результатом этих постановлений, как

и всех прочих конституционных положений того периода, было усиление центральной власти.

Конституции трех республик, составлявших Закавказскую федерацию, — Грузинской, Армянской и Азербайджанской — относятся к периоду между 1920 и 1921 гг., то есть задолго до того, как возникли проекты создания ЗСФСР или СССР, и были явно несовместимы с новыми постановлениями. Первой здесь, судя по всему, оказалась Армянская республика; в марте 1925 г. IV Армянский съезд Советов проголосовал за принятие поправок к своей конституции¹⁰². Однако пришлось ждать 1926 или 1927 г., чтобы одобренными конституциями располагали также и Грузинская, Армянская и Азербайджанская ССР¹⁰³. Конституционную аномалию данного региона представляла Абхазская республика, занимающая узкую полосу вдоль побережья Черного моря со столицей в Сухуми. Обычно о ней упоминали как об автономной ССР в рамках Грузинской республики. На самом деле ее отношения с Грузией были результатом договора между двумя республиками, подписанного 16 декабря 1921 г.¹⁰⁴, и официально она считалась «договорной республикой». Она имела Конституцию, одобренную абхазским ЦИКом 27 октября 1926 г., в соответствии с которой она признается как государство рабочих и трудящихся крестьян, «входящее в силу особого договора в Социалистическую Советскую Республику Грузию и через нее в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику»¹⁰⁵. Несмотря на более тщательно отработанную конституцию, никаких практических различий в ее положении в сравнении с другими автономными республиками заметить было нельзя.

д) Среднеазиатские республики

В конституционной структуре СССР, в том виде, в каком она была создана в 1923 г., произошли уже описанные выше изменения. В 1924 г., после образования СССР, были осуществлены серьезные территориальные мероприятия, в результате которых значительная часть советской Средней Азии была выведена из орбиты РСФСР с образованием двух новых союзных республик СССР. В 1921 г. основная часть среднеазиатских территорий бывшей царской империи была организована как Туркестанская Автономная ССР, входящая в состав РСФСР, бывшие же Хорезмское и Бухарское княжества остались формально независимыми советскими республиками¹⁰⁶. Это урегулирование с самого начала имело временный характер как потому, что оно шло наперекор разделению по этнографическому признаку, так и потому, что статус «советских республик», который получили Хорезм и Бухара, предположительно играл роль переходной формы к полному социалистическому статусу. Составлявшими большинство населения Туркестанской республики двумя основными этническими

группами были узбеки и туркмены, обе по происхождению и языку принадлежавшие к тюркской группе. Еще в 1921 г. между этими двумя группами было проведено различие, в результате чего западная часть этой республики получила название «туркменская территория»¹⁰⁷. Населявшие пустынные степи туркмены были более примитивным народом, чем их узбекские родственники, составлявшие ядро населения дальше к востоку. Разделенные на несколько племен, они в значительной степени продолжали еще кочевой образ жизни. Оседлое сельское хозяйство почти повсюду зависело от искусственной ирригации, а земли по-прежнему оставались в собственности семейных или племенных объединений. Юго-западная часть Туркменской Автономной ССР была населена таджиками, по происхождению и языку относящимися к иранской группе, и киргизами, принадлежащими к тюркской языковой группе и по своим социальным условиям менее, чем туркмены, отдаленными от узбекского большинства. Советские республики Хорезма и Бухары никакого четкого этнографического базиса не имели, в обеих из них большинство населения составляли узбеки, а меньшинство — туркмены. Наконец, к северу от Туркестанской Автономной ССР лежала Казахская Автономная ССР, пустынная степь, занятая кочевым народом, также тюркского языка и происхождения, но представившим проблемы, отличные от тех, что были связаны с Туркестаном, и отделенным от него политически, хотя две губернии, населенные главным образом казахами, были временно включены в Туркестанскую республику.

Образование в 1922 г. СССР послужило толчком для пересмотра всех этих установлений. Сталин в своей речи в декабре 1922 г. на сессии ЦИКа, посвященной первоначальному договору о создании Союза, упоминал о Хорезме и Бухаре как о республиках, которые, возможно, однажды будут включены в Союз¹⁰⁸. В апреле 1923 г., во время XII съезда партии, когда Конституция Союза еще только обсуждалась, Сталин снова говорил о Хорезме и Бухаре в той части своей речи, которая была посвящена опасностям «наступательного» местного национализма и вызываемым им конфликтам между группами, представляющими большинство и меньшинство населения¹⁰⁹. За этим последовал арест Султан-Галиева, и выдвинутые против него обвинения включали попытку установить связи с туркестанскими и казахскими националистами¹¹⁰. На партийной конференции, где обсуждалось это дело, Сталин, воспользовавшись случаем, особо остановился на отсталости Туркестана, который по сложившейся там ситуации был «наиболее неблагоприятным, наиболее тревожным» районом из всех национальных республик: Туркестан был «самым слабым пунктом Советской власти». Далее он говорил о неудовлетворительном состоянии партии в Хорезме и Бухаре и о том, что бухарское правительство не выполняет возложенных на него задач. Судя по всему, Бухара хотела бы вступить в СССР. Вопрос, однако, состоит в том, настойчиво заметил Сталин с мрачной иронией, стоит

ли ее туда принимать¹¹¹. Было, однако, совершенно ясно, что момент для привлечения Хорезма и Бухары в Союз уже наступил. В течение следующих нескольких месяцев на всех, кто был с этим связан, было оказано мощное давление, направленное на то, чтобы провести далеко идущую реорганизацию всего этого региона по национальному и этнографическому признаку¹¹².

Первые официальные шаги были сделаны в сентябре и октябре 1923 г., когда на съездах Советов Бухары и Хорезма были приняты резолюции, предусматривающие превращение соответствующих республик из «советских» в «советские социалистические» республики и выражавшие желание, чтобы их приняли в СССР¹¹³. Но это была всего лишь прелюдия к гораздо более амбициозной схеме. В марте 1924 г. ЦК Туркестанской коммунистической партии зафиксировал свое решение в пользу национального перераспределения всего региона, а в следующем месяце Среднеазиатское бюро ЦК партии в Москве создало комиссию для проработки деталей¹¹⁴. К осени 1924 г. все было подготовлено к тому, чтобы пустить в ход официальную машину. 17 сентября 1924 г. ЦИК Автономной ССР Туркестана принял резолюцию, где заявлялось, что настало время реорганизовать республику в «национально однородное государство». Самой республике предстояло исчезнуть: узбекское население должно было создать в рамках СССР новую Узбекскую ССР, туркменское население — сформировать в рамках СССР новую Туркменскую ССР, казахские губернии в соответствии с давними обещаниями¹¹⁵ планировалось включить в Казахскую (там она еще называлась Киргизской) Автономную ССР, которая являлась бы автономной республикой РСФСР, киргизское население (тогда названное еще каракиргизским) должно было объединиться в новую автономную область в рамках СССР, а таджикское население — единственная группа в регионе, не принадлежавшая к тюркской языковой группе, — должно было образовать новую Таджикскую Автономную ССР в рамках Узбекской ССР. Каждое из этих предложений подкреплялось ссылками на «выраженную общую волю масс рабочих и декхан» соответствующих народностей¹¹⁶. Через несколько дней V Бухарский съезд Советов принял решение упразднить созданную четырем годами раньше Бухарскую Советскую Республику и одобрить включение узбекского и туркменского населения этой республики соответственно в Узбекскую и Туркменскую республики, которые предлагалось создать¹¹⁷. 2 октября 1924 г. аналогичный шаг предпринял и V съезд Совета Хорезма¹¹⁸. Так был положен конец формальной, но абсолютно нереальной независимости двух «советских республик» Средней Азии.

Теперь главное место действий переместилось в Москву, где делегат Туркестанской Автономной ССР выдвинул на проходившей в октябре 1924 г. сессии ЦИКа РСФСР указанные предложения, оправдывая их на том основании, что они обеспечат возможность для «более ясных, более простых межнациональных от-

ношений народов Средней Азии» через создание единиц, однородных как по национальному, так и по социально-экономическому составу. Полная гармония обсуждений была слегка нарушена лишь выступлением казахского делегата, который настаивал на новом пересмотре границы в пользу Казахстана. Затем были зачитаны и полностью одобрены предложения, выдвинутые Туркестанским ЦИКом¹¹⁹. К концу того же месяца на сессии ВЦИКа СССР появился бухарский коммунистический лидер Файзулла Ходжаев, поддержавший включение Бухары в предполагаемую Узбекскую ССР, и весь проект в целом без дальнейших дискуссий получил одобрение более высоких органов Союза¹²⁰. Несколько дней спустя он был официально одобрен Центральным Комитетом партии¹²¹. В начале 1925 г. были проведены новые незначительные территориальные изменения. Сильно заселенный горный район Памира, ранее разделенный между Киргизской автономной областью и Таджикской Автономной ССР, был объединен в единую автономную область в рамках Таджикской республики¹²².

Официально об учреждении новых Узбекской и Туркменской ССР было объявлено в соответствующих столицах этих республик в феврале 1925 г.¹²³ Три месяца спустя это было одобрено XII Всероссийским съездом Советов и III Всесоюзным съездом Советов, который принял эти республики в состав СССР в качестве пятой и шестой союзных республик¹²⁴. Рассмотрение этих вопросов прошло без всяких эксцессов. На Всесоюзном съезде Советов были зачитаны приветственные заявления от имени Узбекской и Туркменской ССР и Таджикской Автономной ССР, а узбекские крестьяне преподнесли выполненный из мозаики портрет Ленина¹²⁵. Новый штрих добавился к созданию Таджикской республики, когда один из ее делегатов назвал ее «Иранской советской республикой»¹²⁶. Конституции Узбекской и Туркменской ССР были окончательно приняты в 1927 г.¹²⁷ никаких добавлений к числу союзных республик не было вплоть до 1929 г.

Объединение казахских губерний Туркестана с Казахской Автономной ССР было отпраздновано на прошедшем весной 1925 г. V Казахском съезде Советов. Этот съезд, проходивший в казахской столице Кызыл-Орде, считался первым представительным Казахским съездом Советов; он собрал 394 делегата, из которых 59% составляли казахи и 30% — русские и из которых 75% был неграмотны¹²⁸. Сразу же после этого декрет РСФСР утвердил новое территориальное урегулирование и установил статус уступленной территории как Каракалпакскую автономную область Казахской Автономной ССР¹²⁹. Наконец по просьбе — как утверждалось — V Казахского съезда Советов был решен и вызывавший разногласия вопрос терминологии. В соответствии с декретами РСФСР от мая и июня 1925 г. область, первоначально получившая официальный титул Каракиргизской автономной области, была переименована в Киргизскую автономную область, а то, что было до этого официально известно, как Киргизская

Автономная ССР, стало Казахской Автономной ССР¹³⁰. Оба эти народа вновь обрели, таким образом, свои исторические названия, которых они столетие или больше были лишены по обычаям Российской империи. Приблизительно в то же самое время РСФСР была передана говорившая преимущественно по-русски Оренбургская губерния, ранее включенная в Казахскую Автономную ССР¹³¹.

Наиболее серьезной проблемой, которая была связана со сложной реорганизацией этого неразвитого региона, была нехватка квалифицированных кадров или хотя бы представителей местной интеллигенции, которые были бы достаточно образованны, чтобы занять административные посты любого уровня. В Туркменистане «весь госаппарат строился заново, в новой обстановке, из совершенно новых лиц и для новых целей»¹³². Кроме Узбекистана, унаследовавшего административный аппарат исчезнувшей Туркестанской республики, этот дефицит был очень острым во всем регионе. Небольшие неловкости вышли в связи с тем, что оказалось трудно подобрать новым республикам подходящие столицы. Первоначально было выбрано неожиданное решение сделать столицей Узбекской ССР не Ташкент, а Самарканд. Возможно, этот жест был продиктован стремлением умиротворить уязвленное самолюбие бухарцев в связи с утратой Бухарой своей независимости, хотя официально это объяснялось желанием сохранить Ташкент, единственный крупный город в Средней Азии, в качестве центра для всего этого региона, а не для отдельной его части. Однако это решение оказалось слишком неудобным, чтобы долго продержаться. Самарканд был старинным базарным городом без каких бы то ни было современных притязаний, и столицу вернули в Ташкент. Столицей для Туркменистана первоначально был предусмотрен Чарджуй-Ленинск. Но это оказалась не более чем «недостроенная станция», расположенная в точке, где Среднеазиатская железная дорога пересекала реку Аму-Дарью, и после непродолжительного периода столица окончательно разместилась в Полторацке (бывшем Ашхабаде), расположенном на железнодорожной линии вблизи от границы с Ираном; там было одно из немногих в этом регионе промышленных предприятий — завод по производству бутылочного стекла. Первой столицей Казахстана был город Кзыл-Орда (бывший Перовск) — отдаленный городишко в орошенном оазисе, расположенном посреди пустынной страны к югу от Аральского моря. Потом он был заменен Алма-Атой — горным курортом в самом юго-восточном уголке республики. Только Киргизская автономная область и Таджикская автономная республика непрерывно сохраняли свои первоначальные столицы, хотя киргизская столица Пишпек, переименованная в 1926 г. во Фрунзе, была небольшим рыночным городком, незадолго перед этим впервые соединенным железной дорогой с внешним миром, а таджикская столица Душанбе, позднее переименованная в Сталинабад, вообще не имела, когда она обрела свой но-

вый статус, ни железной дороги, ни «единого презентабельного строения европейского типа», так что народному комиссариату Таджикской республики пришлось разместиться в «сараях»¹³³. Подобные условия с необычайной ясностью показывают, сколь опасны и неуместны любые общие рассуждения о характере и работе советских учреждений.

ГЛАВА 21

РАЙОНИРОВАНИЕ

В течение первых семи лет существования строя структура Советской власти по всей стране по-прежнему основывалась на унаследованных еще от царской России принципах территориального деления на всех уровнях, от низшего до высшего, включавших в качестве основных единиц: поселок сельского типа (село), сельский округ (волость), район (уезд) и область (губернию). Единицей управления в сельской местности на самом низком уровне являлся сельский Совет¹, состоявший из делегатов, избравшихся сельским собранием (сходом). Сельские Советы направляли своих делегатов на волостные съезды Советов, обычно избиравшие один раз в год с основной целью — назначить волостные исполнительные комитеты. Они-то — за исключением некоторых примитивных функций, переданных сельсоветам, — и составляли низший исполнительный орган власти. На следующей стадии впервые встречались вместе представители города и деревни. Волостные съезды Советов каждого уезда, так же как и городские и заводские Советы столицы уезда, избирали делегатов на уездный съезд Советов, назначавший в свою очередь уездный исполнительный комитет. Уездные комитеты Советов каждой губернии наряду с городскими и заводскими Советами губернской столицы выдвигали делегатов на губернский съезд Советов. Наконец, губернные съезды избирали делегатов на Всероссийский съезд Советов. Декретом от декабря 1918 г. губерниям предлагалось группироваться в области, и областные съезды играли роль промежуточных стадий между губернскими съездами и Всероссийским съездом Советов². Весь этот проект оказался нежизнеспособным³, и в результате смутных времен гражданской войны и ее последствий мало что могло остаться незатронутым в этой официальной структуре местного управления. Вплоть до 1922 г. определяющей тенденцией был переход к децентрализации и увеличение местных органов власти. На территории РСФСР — единственной, для которой были доступны статистические данные, — в 1917 г. существовало 56 губерний, 476 уездов и 10 606 волостей; пять лет спустя их число увеличилось до 80 автономных областей и губерний, 601 уезда и 12 363 волости⁴.

Одновременно с развитием этого самопроизвольного процесса, однако, центральные власти вынашивали совершенно иные политические планы. В последние годы царского режима были признаны неудобства, связанные с наличием столь большого числа губерний (во всей царской империи их насчитывалось 97) в качестве высшей, наиболее крупной единицы административного деления. Все более активную поддержку приобретали предложения сгруппировать губернии в 19 краев или областей, хотя никакого реального воздействия в административной сфере эти предложения не оказали⁵. После революции новый импульс к административной реорганизации дали те, кто занимался экономическим планированием и был заинтересован не только в том, чтобы иметь число административных единиц, которое бы лучше поддавалось управлению, но и в осуществлении новой системы административного деления на высшем и низшем уровнях, основывающейся не на древних исторических традициях, а на текущей экономической действительности. В декабре 1919 г. VII Всероссийский съезд Советов поручил ВЦИКу «разработать практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР»⁶, и ВЦИК создал в соответствии с этим решением так называемую административную комиссию, которая должна была заниматься этим проектом⁷. Состоявшийся в марте 1920 г. IX съезд партии — в той же самой резолюции, где впервые было выражено желание иметь «единый хозяйственный план»⁸, — осторожно привлекал внимание к необходимости создания крупномасштабных «хозяйственно-областных органов»:

«Для обширных районов⁹, удаленных от центра и отличающихся своеобразием хозяйственных условий, съезд считает безусловно необходимым создание на ближайший период крепких и компетентных хозяйственно-областных органов путем представительства от соответствующих общегосударственных центров.

Эти областные бюро, составленные из опытных и стоящих на общегосударственной точке зрения работников, должны иметь широкие полномочия в области непосредственного руководства местной хозяйственной жизнью, чтобы, объединяя как губсовнаркозы, так и районные управления, производить на основе утвержденного центром плана все необходимые измерения, переброски сырых материалов и пр., какие вытекают из обстоятельств...

Определение границ областей, нуждающихся в создании областных агентур центра, должно быть произведено на основании хозяйственных соображений...¹⁰

Подхватив идею этой резолюции, VIII Всероссийский съезд Советов высказался в декабре 1920 г. в пользу «нового административно-хозяйственного деления Российской Социалистической Федеративной Советской Республики преимущественно на основе экономического тяготения»¹¹. В то время, однако, все проблемы вращались главным образом вокруг развития сельского хозяйства, и целью этого проекта было сгруппировать вместе те ре-

гионы, где были сходные условия и вставали сходные проблемы¹².

«В виде района должна быть выделена своеобразная, по возможности экономически законченная, территория страны, которая благодаря комбинации природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой к производственной деятельности представляли бы одно из звеньев в общей цепи народного хозяйства»¹³.

Более непосредственный вклад в окончательное принятие необходимости районирования внесли другие направления развития страны. VIII Всероссийский съезд Советов одобрил также и план электрификации, который при личной поддержке Ленина разрабатывался в течение последующего года специальной комиссией по электрификации (ГОЭЛРО)¹⁴. Электрификацию необходимо было организовать на региональной основе и план ГОЭЛРО предусматривал деление советской территории на семь обширных районов, каждый из которых должен был иметь свой план электрификации¹⁵. Тем временем основание Госплана не оставило уже никаких сомнений, что планы административной реорганизации всей страны на основе экономических соображений будут оставаться в центре внимания и акцент в них будет перенесен с сельскохозяйственного развития на промышленное. Летом 1921 г. в Госплане была образована «секция районирования» и опубликована написанная главой этой секции Александровым брошюра «Экономическое районирование РСФСР», которая была охарактеризована в журнале Госплана как первая попытка «глубоко продуманного, революционного и в то же время полностью научного и чисто марксистского подхода» — набор эпитетов, призванных создать впечатление, что работа ориентирована как на настоящее, так и на будущее и связано скорее с экономическим ростом, чем с удобствами административного характера. Общим замыслом этого проекта было подразделение европейских губерний РСФСР вместе с новыми индустриальными районами Сибири на 13 крупных административных областей, каждая из которых имела бы собственный план экономического развития¹⁶. Позднее в том же году Александров подготовил более детальную схему создания 21 области — 12 в европейской части России и 9 в азиатской, — которая получила одобрение Кржижановского¹⁷. Теперь уже были установлены контакты с «административной комиссией» ЦИКа, которая в принципе дала этим проектам свое одобрение, и они легли в основу дискуссий, развернувшихся на собранной в феврале 1922 г. под председательством Рыкова Всероссийской конференции работников по «районированию»¹⁸. В результате этих дискуссий комиссия представила на рассмотрение президиума ЦИКа серию тезисов, которые были им одобрены и переданы на обсуждение предстоящей сессии ЦИКа¹⁹. Предусмотренная этими тезисами региональная реорганизация предполагала меры по сокращению количества административных единиц, рекомендован-

ные IX Всероссийским съездом Советов²⁰. Эта реорганизация должна была основываться на «экономическом принципе», который понимался как обеспечение «целесообразного разделения труда между отдельными областями», а также «наилучшее использование всех возможностей» каждой из них. Предложенное Госпланом деление на 21 область было временно принято за основу, и предусмотренная новая структура предполагала трехступенчатую иерархическую систему территориальных единиц: область, затем округ, который должен был заменить существующие губернию и уезд, будучи промежуточным между ними по размеру, и район, призванный заменить волость. Автономные национальные республики и области должны были включаться в области без изменения границ и уменьшения своих политических прав. Место, которое предстояло занять в этой структуре республикам, чьи взаимоотношения с РСФСР оговаривались специальными договорами²¹, могло, разумеется, быть определено только посредством новых договоров. Эти тезисы вместе с пространным докладом, представленным комиссией²², были представлены на рассмотрение сессии ЦИКа в мае 1922 г. и обсуждались на специальной конференции, в которой приняли участие особо заинтересованные в этих вопросах делегаты. Здесь, очевидно, были высказаны возражения (хотя никаких подробных стенографических отчетов не публиковалось) относительно того, что этот проект предполагал ущемление прав национальных и местных территориальных единиц. По-видимому, отсутствие представителей отдаленных областей или, возможно, высказанные некоторыми из них возражения заставили ЦИК воздержаться от принятия каких бы то ни было решений по этому проекту. На той стадии Госплану было просто предложено распространить его для дальнейшего рассмотрения²³.

Так на пути сторонников реформ впервые замаячила тень национальных проблем. Представленный Госпланом в 1921 г. первоначальный проект Александрова был подвергнут критике в народном комиссариате национальностей на том основании, что он на деле уменьшал реальную автономию национальных республик и областей²⁴. Примерно в то же самое время, когда проходили дискуссии в ЦИКе, представитель Чувашской автономной области высказал протест, что «если автономные области и республики должны будут пользоваться только политическими правами, то не зачем считать их автономными национальными областями и республиками»²⁵. Эту дилемму не могла решить ни одна формулировка. С одной стороны, было ясно, что перераспределение советской территории на основе экономических принципов неизбежно таило в себе возможность нарушить столь страстно провозглашавшееся на первой стадии революции деление по национальному принципу. И конечно, нашлись люди, которые видели в выдвинутом под именем районирования территориальном планировании коррективу, направленную против зол и бед национального сепаратизма. Возможность потенциального конфликта между требо-

ваниями национального самоопределения и целями экономического прогресса можно заменить отнюдь не только в одной Советской России²⁶. С другой стороны, большевистская доктрина самоопределения представляла собой попытку уйти от этой дилеммы, настаивая на принципе равноправного экономического развития и равных экономических возможностей как обязательном условии равенства между нациями, а следовательно, и их национальной зависимости²⁷. Ведь утверждение, что одной из основных целей планирования — и призванного облегчить осуществление этой задачи территориального и административного перераспределения — являлось стремление принести достижения промышленного развития в наиболее отсталые районы страны, обеспечить их интеграцию с наиболее развитыми районами и способствовать таким образом проведению в жизнь политики унификации и равноправия, которая уничтожала бы последние следы дискриминации в отношениях между правящей и подчиненной нациями, было отнюдь не лишено смысла. Все национальные республики и автономные области, за единственным исключением Украины, представляли собой экономически отсталые регионы с низкой степенью промышленного развития и небольшой долей городского населения. Большинство из них вообще характеризовалось малой плотностью населения и страдало от неразвитости средств сообщения; некоторые еще находились на примитивном уровне развития. Таким образом, они представляли собой обширное и в значительной степени девственное поле для развития. Однако все же необходимо было прежде достигнуть рабочего компромисса между теми, кто желал бы пожертвовать всем ради скорейшего достижения единообразия и равноправия, и теми, кто хотел бы оставить открытым широкий простор для развития национальных различий и делал акцент на сепаратном и особом статусе национальных единиц в рамках более широкого сообщества.

Первоначально, однако, противодействие исходило не только со стороны национальной оппозиции, но также и боящихся ущемлений своих интересов представителей правящих групп в существовавших уже территориальных единицах — то, что Кржижановский назвал «своя колокольня» наших прежних губерний²⁸. Взяв за основу временную структуру «областей», Госплан поспешил назначить областные плановые комиссии, однако им в течение длительного времени не удавалось обеспечить признания или сотрудничества со стороны губернских властей²⁹. К моменту, когда этот вопрос был поднят на проходившем в апреле 1923 г. XII съезде партии, практические результаты здесь были незначительны или их не было вовсе. В докладе Рыкова были видны признаки сопротивления этим планам, и он признал, что некоторые члены партии не хотели выносить обсуждение этих вопросов на съезд. Он особо подчеркнул важность волостных организаций, которые представляли собой точки соприкосновения с крестьянскими массами; следует расширить волости с тем, чтобы повысить их эффектив-

ность. Другим критическим уровнем в правительственной структуре была область, которая особенно связывалась с экономическим планированием. Доклад Рыкова не вызвал никаких дискуссий, и выдвинутая им резолюция была принята единогласно³⁰. Она показывала необычно острое осознание связанных с осуществлением этих планов трудностей. Признавая «прежнее административно-хозяйственное деление республики» устаревшим, она вместе с тем признавала, что введение новой системы «требует осторожного подхода и большого срока для своего окончательного проведения». Она рассматривала одобренный комиссией ЦИКа проект Госплана как «предварительную рабочую гипотезу, нуждающуюся в дополнении, проверке и разработке на основании опыта». Отметив работу, которая уже велась тогда на Украине, резолюция поручала Центральному Комитету партии осуществить проект территориального перераспределения «для начала» в двух районах, одном промышленном и одном сельскохозяйственном. Что же касается «остальных областей, национальных республик и губерний», то изучение планов для них следовало продолжать, но их осуществление предписывалось отложить до тех пор, пока не будут переварены уроки двух первоначальных экспериментов. Вновь подтверждалась «абсолютная необходимость существования и дальнейшего развития национальных республик», а попытки подчинить их центральной власти были подвергнуты осуждению. Была еще раз особо подчеркнута необходимость контактов с массами населения: осуществление какого бы то ни было плана расширения волостей следует «производить с величайшей осторожностью и с полным учетом интересов широких масс крестьянского населения»³¹.

В течение последующих трех лет процесс районирования продвигался вперед в соответствии с установками прошедшего в апреле 1923 г. XII съезда партии. Примечательно было упоминание в резолюции съезда об Украине. Хотя и относительно небольшая по площади, Украина насчитывала около 20% всего населения СССР; она производила 20% зерна и 52 — товарного хлеба СССР, 80 — сахара, 70 — чугуна в чушках и 65% железной руды³². Кроме того, при царском режиме она имела наиболее развитую форму местного управления. В то же самое время Украина — более чем любая другая из частей Союза — страдала от хронической проблемы аграрного перенаселения, и в ней более, чем где бы то ни было еще, сказались опустошительные последствия гражданской войны. По этим причинам она представляла собой особенно важный и перспективный с точки зрения потенциальной отдачи регион для внедрения планирования. Однако Украина, более, чем любая другая из входящих в состав СССР республик, ревностно отстаивала свою независимость, могла действовать самостоятельно и имела возможность защищать свою собственную точку зрения. Украинская ССР с энтузиазмом приняла идею райо-

нирования. Она еще в 1922 г., быстрее любой другой республики, снизила число своих губерний с 12 до 10, а в пределах губерний заменила уезды меньшим числом округов, в волости — меньшим количеством районов³³. Эта новая организация обеспечивалась серией декретов, принятых весной 1923 г., непосредственно перед и сразу же после XII съезда партии³⁴.

Здесь, однако, возникли разногласия между Украинской ССР в том виде, в каком она была учреждена Конституцией РСФСР от 1923 г., и центральными властями Госплана. Предложенная первоначально Госпланом структура, предусматривавшая создание 21 области, включая предложение создать на территории Украинской республики две отдельные области — горнодобывающей и обрабатывающей промышленности с центром в Киеве. Такое разделение способствовало бы, по мнению украинских властей, увековечению дихотомии целостного организма Украинской республики, что уже само по себе таило угрозу ее национальному характеру. Такое деление просто-напросто воспроизводило и подчеркивало сложившееся различие между преимущественно сельскохозяйственным (и в подавляющем большинстве украинским) сектором республики, расположенным по правую сторону Днепра, и преимущественно промышленным (и частично русифицированным) сектором по левую сторону Днепра. Еще более неприемлемой эту схему делало предложение Госплана включить в Харьковскую область часть территории РСФСР со входившим сюда портом Ростов. Альтернативное предложение, выдвинутое Госпланом Украины, создать третью область с центром в Одессе этого возражения не снимало³⁵. Вместо того чтобы подчиниться предложению Госплана, Украинская ССР предпочитала даже вообще отказаться от какого бы то ни было административного деления на единицы типа губерний или областей. В соответствии с окончательной схемой реорганизации Украинская ССР была разделена на 41 округ, причем эти округа соответствовали не просто округам (расширенным уездам), но также областям остальной части СССР. Эта так называемая трехъярусная система (центр, округ, район) была одобрена летом 1925 г. и введена в действие с 1 октября 1925 г.³⁶ Молдавская Автономная ССР имела статус, соответствующий статусу округа.

Последовать примеру Украинской ССР поспешила и Белорусская ССР. Толчок к районированию был дан, по всей видимости, значительным расширением ее территории в результате зафиксированной в марте 1924 г.³⁷ передачи части территории РСФСР, что сделало реорганизацию настоятельной необходимостью. Как и на Украине, здесь было решено сделать из республики единую областную единицу и не создавать территориальных подразделений крупнее округа³⁸. После передачи Белорусской ССР бывшей Витебской губернии вместе с ее главным городом витебская губернская администрация была расформирована, а ее функции переданы в столицу республики — город Минск³⁹. Летом 1924 г.

в республике был проведен процесс «хозяйственно-административного деления», в результате которого было создано 10 округов (вместо 15 уездов), 100 районов (вместо 238 волостей) и 1202 (вместо 3405) села, имеющих свои собственные сельские Советы⁴⁰. Чтобы окончательно завершить эти сложные мероприятия, потребовался целый год, и новая административная организация Белорусской ССР вступила в силу 1 августа 1925 г.⁴¹ Нововведением, которое, судя по всему, не было воспроизведено больше нигде на территории СССР, было создание «местных» Советов в небольших городках, которые являлись столицами районов⁴². Увеличение размеров районных единиц автоматически вызвало необходимость в создании этих дополнительных Советов.

Двумя областями, где надлежало провести два предписанных XII съездом партии эксперимента по районированию, оказались Урал и Северный Кавказ. Районирование Урала носило характер откровенного планирования, ориентированного на развитие промышленности. Богатые железорудные месторождения Урала широко и успешно разрабатывались уже в течение двух столетий. Однако исчезновение крепостных рабочих, на использовании труда которых основывалась работа уральских металлургических предприятий, нанесло этой отрасли промышленности тяжелый удар. Этому упадку способствовали и примитивное оборудование, устаревшие методы производства и отсутствие коммуникаций⁴³; в результате всего этого в последней четверти XIX века центром зарождавшейся российской железорудной и сталелитейной промышленности стала Украина, чьи железорудные и угольные месторождения были более выгодно расположены. Подвергнув Украину разрушительным последствиям вражеской оккупации, война 1914 г. не затронула Урала; в значительной степени то же самое явление повторилось и в последовавшей за этим гражданской войне, когда борьба на Украине была более интенсивной, чем в любом другом районе страны, и продолжалась еще год после того, как район Урала был покорен и присоединен к советской территории. Поэтому, когда советская тяжелая промышленность переживала в 1920 и 1921 гг. самые трудные времена перспектива развития тяжелой промышленности на Урале представлялась более разумной, чем возрождение находившейся в полном запустении украинской промышленности. Достигнутое к 1923 г. восстановление Украины частично возвратило ситуации утраченное равновесие, тем не менее Урал по-прежнему оставался идеальным местом для проведения экспериментов по промышленному планированию и был самым естественным образом выбран как объект первых экспериментальных работ по районированию. В ноябре 1923 г., шесть месяцев спустя после принятия резолюции XII съездом партии, ЦИК РСФСР принял и опубликовал в виде декрета РСФСР положение об Уральской области⁴⁴. Проблем национального и конституционного характера удалось избежать за счет отказа от попыток включить в эту область Башкирскую Автономную ССР —

этот район так и оставался отдельной территорией новой области.

Учреждение Уральской области создало модель для всей последующей политики в области районирования и обнаружило ее прагматический характер. Нововведением вновь образованной области было то обстоятельство, что ее границы бесцеремонно пролегли наперекор старым географическим и административным рубежам, включив в себя территории по обе стороны Уральского хребта и соединив, таким образом, в единое целое западную часть Сибири (в общих чертах соответствующую бывшим Екатеринбургской, Тюменской и Челябинской губерниям) и восточный край европейской части России (часть бывшей Пермской губернии). С другой стороны, здесь оказалась выброшенной за борт первоначальная концепция области как экономически однородной единицы. Новая область, по площади вдвое превышавшая Францию и насчитывавшая 6,20 млн. жителей, была разделена на 15 округов, из которых пять были преимущественно промышленными и десять — преимущественно сельскохозяйственными, а один, Тобольский, самый большой по площади и самый маленький по населению, в основном состоял из необитаемой тундры⁴⁵. Округа разделились на районы (в среднем по 14 в каждом округе), а районы включали селения (в среднем по 16 в каждом районе)⁴⁶. В соответствии с обычной советской моделью высшей конституционной властью в области был областной съезд Советов и его исполнительный комитет; под ним находились окружные съезды Советов со своими исполнительными комитетами, а еще ниже под ними — районные съезды и комитеты. Основание этой пирамиды составляли сельсоветы, посылавшие своих делегатов на районные съезды, и городские и заводские Советы, посылавшие, в зависимости от своих размеров и статуса, своих делегатов на районные, окружные или областные съезды. Положение об Уральской области отличалось одной уникальной особенностью. Здесь знаменитое соотношение 5 : 1 между коэффициентами представительства в сельские и городские Советы, которое лежало в основе первоначального объединения крестьянских Советов с рабочими и включенное во все последующие конституции⁴⁷, было составлено в пользу соотношения 10 : 1. Целью этого нововведения являлось стремление еще более увеличить коэффициент представительства в пользу пролетариата в регионе, где основной задачей было промышленное развитие. Этому примеру не последовали ни в одной из других областей, и новшество исчезло и из положения об Уральской области, когда в 1928 г. была проведена стандартизация положений о различных областях страны⁴⁸.

Второй областью, указанной в резолюции XII съезда партии, был Северный Кавказ. Здесь процесс районирования занял основную часть 1924 г. и связан с совершенно иными проблемами, чем это было на Украине и на Урале⁴⁹. Занимавшееся примитивным сельским хозяйством, виноградарством и лесоводством население

склонов Северного Кавказа отличалось чрезвычайным разнообразием; в политическом отношении оно распределялось между Дагестанской и Горской Автономными ССР, а также Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Адыгейской и Чеченской автономными областями, все они входили в состав РСФСР. Главным решением, которое определяло ныне очертания и судьбы новой области, было включение в нее небольшой по размерам, но важной в промышленном отношении территории Нижнего Дона со значительным русским и украинским населением, которое по первоначальной госплановской схеме было отнесено к Харьковской промышленной области и могло бы более логично быть сгруппировано с планировавшейся Нижне-Волжской областью, столицей новой области должен был стать расположенный в устье Дона Ростов. Бесспорным преимуществом такого решения было бы объединение богатой промышленной зоны с потенциально богатой сельскохозяйственной зоной и одним и тем же маневром объединение преимущественно русского и преимущественно пролетарского населения с отсталым и разнообразным в этническом отношении населением склонов Кавказа⁵⁰. В то время считалось еще общепринятой доктриной, что автономные республики не могут включаться в «области», так что Дагестанская и Горская Автономные ССР туда не включались. Автономные области же в эти «области» включаться могли. Однако здесь деликатным моментом было определение будущих взаимоотношений между исполнительными комитетами четырех автономных областей и главным исполнительным комитетом этой области, который размещался в Ростове. По соглашению, заключенному в ноябре 1923 г. на конференции, в которой приняли участие только что образованные областные власти и власти соответствующих автономных областей, распределение сфер компетенции между ними было установлено на тех же самых принципах, что и зафиксированное в Конституции СССР распределение полномочий между властями СССР и входящих в его состав союзных республик. Это означало, что во всех вопросах, которые по Конституции находятся в ведении объединенных комиссариатов, за исключением тех, что оставлены в компетенции республиканских комиссариатов, власти автономных республик будут подчинены центральным областным властям. Автономные области сохраняли за собой право направлять своих делегатов в Совет Национальностей СССР и имели прямой доступ в центральные органы РСФСР⁵¹. По-видимому, чтобы избежать явно аномального включения автономной области в состав другой области, Северо-Кавказская область была официально названа не областью, а краем. Официальное заявление о намерении создать Северо-Кавказский край было опубликовано президиумом ЦИКа РСФСР 2 июня 1924 г.⁵²

Однако прежде, чем эти планы могли быть окончательно осуществлены, в них были внесены новые, еще более драматические изменения. 7 июля 1924 г. декрет ЦИКа РСФСР ликвидировал,

якобы в соответствии с выраженным желанием населявших ее народностей, Горскую Автономную ССР; ее территория была поделена по национальному принципу на две автономные области — Северную Осетию (Южная Осетия, расположенная в южной части Кавказского хребта, уже была автономной областью в рамках Грузинской ССР) и Ингушетию. Характерной особенностью этого решения было бы то обстоятельство, что Владикавказ, единственный крупный город в этой зоне, должен был оставаться местоположением администрации обеих этих автономных областей и сам должен был получить статус «независимой административной единицы», несущей непосредственную ответственность перед ЦИКом РСФСР; сходный статус предоставлялся и Сунженскому округу, где был расположен Владикавказ⁵³. Горская Автономная ССР никогда не была однородной в этническом отношении — весьма знаменательна сама возможность найти для нее подходящее национальное название. Возможно, недовольство этой автономной республикой, вызвавшее ее ликвидацию, было связано с расовой рознью и диким, примитивным характером коренного населения. Разумно предположить, что решение разделить республику было частично продиктовано трудностью держать под контролем эти славившиеся своим буйным, непокорным нравом и неуправляемые группы населения и в известной степени явилось применением на практике знакомого принципа «разделяй и властвуй»⁵⁴, а отчасти еще и желанием включить эту территорию в состав Северо-Кавказского края — решение, которое ранее блокировал ее статус автономной республики.

Официальное решение о создании Северо-Кавказского края было принято ЦИКом РСФСР на сессии в октябре 1924 г.; составление детального положения об этом крае было оставлено президиуму ЦИКа⁵⁵. Положение было в конце концов опубликовано 26 января 1925 г. В некоторых отношениях оно отличалось от аналогичного положения об Уральской области, отчасти благодаря более сложному характеру этого края. Во главе его стоял краевой съезд Советов со своим исполнительным комитетом, а ступенью ниже — съезды Советов автономных областей и округов, также имевших свои исполнительные комитеты. Однако, хотя как автономные области, так и округа подразделялись на районы, никаких пунктов, предусматривающих районные съезды Советов или районные исполнительные комитеты, в положении не было: сельские и заводские Советы посылали своих делегатов непосредственно на съезды автономных областей и округов, к которым они принадлежали. Наиболее интересная глава положения касалась прав автономных областей, которые, как там оговаривалось, «входят в край в качестве самостоятельных административно-хозяйственных единиц с оставлением неприкосновенными прав, предоставленных им постановлениями об их образовании». В конструктивной структуре автономные области находились бок о бок с округами, не имея никакого видимого различия в правах и функ-

циях, за исключением того, что автономные области в отличие от округов имели прямое представительство на Всероссийском съезде Советов и в ЦИКе СССР. Попыткой разработать и конкретно претворить в жизнь соглашение ноября 1923 г. было предоставление им определенной степени автономии в вопросах, которые в соответствии с Конституцией СССР находились в сфере компетенции союзных республик, а также права на исполнительную деятельность, при условии соответствующих распоряжений со стороны центральных органов, в областях, составляющих по Конституции СССР компетенцию объединенных комиссариатов. Однако на деле все эти различия могли сыграть лишь весьма незначительную роль. Кардинальным пунктом этой главы Положения было то, что краевой исполнительный комитет и исполнительный комитет автономной области могли в случае возникновения между ними разногласий каждый по отдельности апеллировать против решения другой стороны в ЦИК РСФСР. Однако здесь была существенная разница в терминологии. Краевой исполнительный комитет мог «опротестовать», а исполнительный комитет автономной области мог лишь «обжаловать» подобное спорное решение; это различие, вне всякого сомнения, означало, что «протест» более высокого органа имел в качестве следствия возможность приостановить вступление в силу спорного решения до тех пор, пока не поступит окончательный приговор из Москвы, в то время как «обжалование» низшего органа таких возможностей не имело⁵⁶. Более того, за всеми этими конституционными тонкостями, как и за другими установлениями в советской конституционной практике, лежал решающий контроль партии над всеми важными решениями, касающимися политических вопросов и назначений на ключевые должности. Эта санкция обеспечивала гладкое и беспрепятственное претворение в жизнь многих мероприятий, которые без этого могли казаться вовсе не осуществимыми.

I съезд Советов Северо-Кавказского края собрался через несколько дней после опубликования этого декрета, 31 января 1925 г. присутствовавший на нем в качестве представителя ЦИКа РСФСР Рыков неожиданно назвал край «государством в государстве»⁵⁷. Месяц спустя образование края было наконец завершено включением в него четырех частей ликвидированной Горской республики — Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей, Сунженского округа и города Владикавказа⁵⁸. Дагестанская автономная республика осталась за пределами края как независимая территориальная единица, входящая в состав РСФСР⁵⁹. Интересной чертой этого края было расселение на западе преимущественно русской территории Кубани 15 тыс. казаков, воевавших в гражданской войне против Советской власти и бежавших затем за границу. Теперь они возвратились в свои дома и, «склонив головы перед Советской властью» получили амнистию и были восстановлены в политических правах⁶⁰. Прошед-

ший в мае 1925 г. III Всесоюзный съезд Советов был превращен в удобный случай для жестов взаимного примирения. Казацкая делегация, состоявшая из пяти человек, включая одну женщину, появилась, неся два знамени, герб из колосьев и сноп гигантских подсолнечников, и провозгласила, что Калинин, Бухарин, Рыков, Сталин и Чичерин (то, что из этого списка были исключены Зиновьев и Каменев, возможно, является знаменательным фактом, показывающим, что трещины там уже появились) избраны «почетными казаками»*. Один «беспартийный казак» заявил, что «казачество повернуло лицо к Советской власти» и просит «о возврате казаков, уведенных Врангелем и Деникиным»⁶¹.

При всем том особом внимании, которое из-за расового разнообразия Северо-Кавказского края уделялось национальным вопросам, центральной целью этой новой региональной структуры — здесь в той же мере, как и на Урале, — было содействие экономическому развитию. Краевой экономический совет и его плановая комиссия были учреждены задолго до официального оформления создания этого нового края: именно они-то и являлись в действительности теми органами, которые подготовили путь для его создания. Ведь именно краевая плановая комиссия работала зимой 1924/25 г. и представила на рассмотрение Госплана первый проект канала, который должен был соединить Волгу с Доном, и глубоководного порта в Ростове — осуществление всего этого проекта должно было быть завершено в 1930—1931 гг. и обойтись в 130—140 млн. рублей⁶². В мае 1925 г. в эти края с целью изучения местных сельскохозяйственных условий была направлена назначенная Рабкрином комиссия⁶³. К началу 1926 г. уже существовал «завершенный план развития промышленности», предусматривающий крупномасштабные предприятия, находившиеся под контролем ВСНХ СССР, — такие, как «Донуголь» и «Грознефть», — а также предприятия, контролируемые ВСНХ РСФСР, и предприятия, находившиеся в ведении краевого экономического совета. К этому следует добавить план развития транспорта, включавший строительство железных дорог, почти полностью отсутствовавших в этом регионе⁶⁴.

После Уральской области и Северо-Кавказского края лишь обширные пространства Сибири настоятельно требовали регионального планирования. В относившемся к 1921 г. одному из первоначальных проектов Госплан предположительно поделил всю эту территорию на шесть областей: три к западу от озера Байкал — Западная Сибирь, или бассейн реки Обь со столицей в Омске, Кузнецко-Алтайская область со столицей в Новониколаевске и бассейн реки Енисей со столицей в Красноярске; и три к востоку от озера Байкал — Якутия со столицей Якутск, Ленско-Байкальская область со столицей в Иркутске и Приморская область со столицей во Владивостоке⁶⁵. До тех пор пока японские

* В указанном источнике: «почетные члены Кубани». — *Прим. ред.*

войска оставались в Восточной Сибири, подобное планирование представляло собой не более чем академическое упражнение, поэтому промежуточным решением стало образование Дальневосточной республики, создавшее некую административную единицу в западной части Сибири, хотя вслед за ее ликвидацией последовало создание в 1923 г. Бурят-Монгольской и Якутской Автономных ССР. Следующий удар по первоначальному проекту Госплана был нанесен, когда большая часть предполагавшейся Западно-Сибирской, или Обской, области была включена в Уральскую область. Тем временем на борьбу против дальнейшего расчленения подчиненных им по закону территорий поднялись два органа, в чьем ведении все еще оставалась администрация западной и восточной части Сибири — сибирский революционный комитет (Сибревком) и Дальневосточный революционный комитет (Дальревком) — и чьи интересы оказывались в результате этого под серьезной угрозой. Без особых трудностей было достигнуто соглашение, по которому вся Сибирь к западу от озера Байкал, за исключением территории, уже включенной в Уральскую область, становилась Сибирской областью со столицей в Новониколаевске⁶⁶, и в эту же область включалась уже образованная в 1922 г. Ойротская автономная область⁶⁷. На сессии ЦИКа РСФСР, прошедшей в октябре 1925 г., было надлежащим образом принято положение, в соответствии с которым эта область разделялась на 17 округов, в ней создавалась административная машина, сходная той, что была образована в Уральской области⁶⁸. Первый Сибирский областной съезд Советов открылся в Новониколаевске 3 декабря 1925 г.⁶⁹ В начале 1926 г. Новониколаевск изменил свое название на Новосибирск⁷⁰.

Будущее восточной части Сибири стало предметом длительных споров, в которых Госплан отстаивал создание независимой Ленско-Байкальской промышленной области, а Дальревком стремился сохранить целиком всю восточную часть Сибири, оставляя за ее пределами две автономные республики под единой юрисдикцией. За совещанием, проведенным в 1924 г. в Чите, последовало еще одно совещание в Москве в апреле — мае 1925 г., в результате которых никаких соглашений заключено не было. В октябре 1925 г. эти разногласия были переданы на рассмотрение президиума ЦИКа РСФСР, который принял резолюцию о создании Дальневосточной области со столицей в Хабаровске и о замене старой системы губерний, уездов и волостей новой системой округов и районов. Однако эта резолюция все еще не содержала решения спорного вопроса о том, должна ли быть включена в эту новую область вся восточная часть Сибири, и в течение всей осени 1925 г. Госплан продолжал вести уже заранее проигранное сражение за предложенную им структуру, которая казалась реликтом его первоначальной, но давно отброшенной концепции экономически однородных областей. Наконец в январе 1926 г. президиум ЦИКа принял решение о включении в Дальневосточ-

ную область целиком всего Забайкалья⁷¹. Это решение не затронуло планов создания со временем важной индустриальной базы в зоне реки Лены, хотя это было на втором месте по сравнению с промышленным развитием Кузнецко-Алтайской зоны, расположенной к западу от озера Байкал. Образованная таким образом Дальневосточная область оказалась самой обширной по площади из всех существовавших или планировавшихся областей, за исключением Сибирской области и Якутской Автономной ССР, и имела самое маленькое население, по сравнению с любой из них, за исключением Бурят-Монгольской и Якутской Автономных ССР. Она включала в себя четыре бывшие губернии — Приморскую, Амурскую, Забайкальскую и Камчатку. Теперь она подразделялась на десять округов — Владивостокский, Хабаровский, Николаевский, Амурский, Зейский, Сретенский, Читинский, Камчатский и Сахалинский; к золоторудному Зейскому округу был присоединен небольшой золотоносный участок Якутской Автономной ССР⁷². Первый областной съезд Советов Дальневосточной области состоялся в Хабаровске весной 1926 г.⁷³

Проведенный в декабре 1925 г. XIV съезд партии мог уже с полным правом говорить об «успешном проведении районирования», посредством которого Советская власть стала «подводить материально-хозяйственный базис под области, автономные и союзные республики»⁷⁴, и дал указание преобразовать в соответствии с этими изменениями структуру местных партийных организаций⁷⁵. Несколько месяцев спустя появилось сообщение о завершении всего процесса районирования, включая создание округов и районов с соответствующими органами на каждом из уровней, в Уральской, Северо-Кавказской, Сибирской и Дальневосточной областях РСФСР, а также в Украинской, Белорусской и Туркменской ССР⁷⁶. В октябре 1926 г. Узбекская ССР оформила свое территориальное устройство как область, разделенная на 11 округов. В то же самое время для всех среднеазиатских республик был образован единый объединенный экономический совет, наделенный функциями планирования⁷⁷. Первые областные организации, включая плановые комиссии, были учреждены в 1923 г. для Центральнопромышленной и Нижневолжской областей, а в 1924 г. — для Северо-Восточной, Западной, Центральночерноземной и Вятско-Ветлужской областей⁷⁸. Однако они все еще так и не завершили свою работу: создание Нижневолжской области все еще оставалось яблоком раздора между различными местными властями, чьи интересы здесь оказались затронуты⁷⁹. В Закавказской СФСР вряд ли вообще дело хоть как-то сдвинулось с места. В общем и целом прогресс был самым медленным в тех областях, где старая административная машина была наиболее полно развита и оказывала наиболее сильное сопротивление планам, которые были призваны ее вытеснить. Были случаи, когда старые губернские власти отказывались признавать новомод-

ные областные плановые комиссии⁸⁰. В Средневолжской области даже еще до того, как эта область была учреждена, высказывались протесты по поводу вмешательства самарских губернских властей в экономические дела Татарской и Чувашской автономных республик⁸¹. Однако со временем подобные оппозиционные выступления были усмирены. Конституционным нововведением, которому ранее оказывалось успешное сопротивление⁸², обе эти республики были включены в Средневолжскую область. Состоявшийся в ноябре 1927 г. XV съезд партии принял решение, что процесс районирования должен быть окончательно завершен в течение периода первого пятилетнего плана⁸³, и к 1928 г., когда вступил в действие первый пятилетний план, эта форма была уже на пути к завершению. По всей стране старая административная структура, основанная на губерниях, уездах и волостях, заменялась новой структурой — области, округа и районы⁸⁴.

Процесс районирования был с самого начала тесно связан с принятием политики планирования. Самым сильным и настойчивым сторонником этой реформы в государственном аппарате был Госплан, который заявлял, что она должна основываться на «фундаментальном принципе, что политика есть концентрированная экономика»⁸⁵. Абсолютно все новые области были очерчены исходя из экономических соображений, хотя применявшиеся критерии не были повсюду одни и те же. Иногда провозглашавшейся целью было создание экономически однородной области, иногда — комбинация взаимодополняющих друг друга противоположностей. Два этих контрастных метода получили названия «интегрального районирования»⁸⁶. Порой ставилась цель увековечить и организовать существующие формы производства, порой — создать и развить новые формы: различие между ними имело определенную аналогию со столкновением между «генетической» и «телеологической» концепциями планирования⁸⁷. Поскольку в качестве одной из главных целей районирования провозглашались «децентрализация государственной экономической политики и построение планового хозяйства широких хозяйственных областей»⁸⁸ и поскольку в осуществлении этих проектов значительную роль играли областные плановые комиссии, общий результат призван был в долгосрочной перспективе утвердить власть, престиж и эффективность центральных властей, и в особенности Госплана СССР, который теперь превратился в конечный источник особо важных политических решений в экономической области. Новые областные органы были прежде всего и главным образом органами плановой экономики. Без районирования пятилетние планы были бы неосуществимы.

Районирование было, однако, не только «экономическим», но и «общественно-политическим» процессом⁸⁹, и его воздействие проявлялось за пределами экономической сферы. Это была реформа административная в той же мере, что и экономическая — путь к сокращению числа административных единиц и упрощение

административного аппарата. Этот процесс начался уже в 1922 г. как реакция на характерное для первых лет существования строя увеличение числа территориальных единиц и по причинам, не связанным с целями тех, кто занимался экономическим планированием⁹⁰. Первоначально мотивом для проведения политики «укрупнения» уездов и волостей (так обычно именовалось сокращение их числа) была нехватка рабочей силы и нехватка денег. Необходимость более эффективного местного управления выявила острую нехватку компетентных и заслуживавших доверия работников, и начатая с введения НЭПа экономическая компания, а в особенности восстановление осенью 1921 г. губернских бюджетов⁹¹, обусловила мощное давление, направленное на сокращение числа административных единиц. В декабре 1921 г. IX Всероссийский съезд Советов проголосовал за «сокращение числа губернских исполнительных комитетов за счет объединения соседних губерний»⁹², и было совершенно логично, что уменьшение количества губерний должно было сопровождаться соответствующим сокращением числа административных единиц более низкого уровня. В период между летом 1922 г. и летом 1924 г. этот процесс «укрупнения» на каждом из уровней местной администрации шел наиболее быстрыми темпами на территориях европейских губерний РСФСР и на Украине и с определенными спадами и подъемами на всей остальной территории страны. В европейских губерниях РСФСР (единственных, для которых имелась статистика) процесс укрупнения и численного сокращения проводился в весьма умеренных масштабах, а порой и не проводился вовсе в уездах и приобретал особенно крутой характер применительно к волостям, число которых сократилось в пропорциях, варьировавшихся между 1/3 и 2/3; если в 1922 г. лишь немногие волости имели население свыше 10 тыс. жителей, то к 1924 г. едва ли вообще оставались такие, где население было меньше этой цифры, и обычным явлением стали волости с населением 20 тыс. и 30 тыс. жителей⁹³. За два года 5854 волости европейских губерний РСФСР со средним населением 7480 жителей были трансформированы в 2389 волостей со средним населением 21 237 жителей⁹⁴. Случайные статистические данные по автономным республикам воспроизводят ту же самую картину. Декрет Татарской Автономной ССР от марта 1924 г. сократил число волостей в республике с 223 до 125; в Башкирской Автономной ССР оно было сокращено с 295 до 117⁹⁵. Согласно более всеобъемлющей, но, возможно, менее надежной статистике, общее число волостей в РСФСР сократилось с 7325 в 1922 г. до 3368 в 1924 г.⁹⁶ На всей территории СССР количество волостей, составлявшее в 1917 г. 13 913, упало к 1924 г. до 6840⁹⁷.

Процесс «укрупнения» существующих единиц — хотя он был инициирован независимо от районирования и по совершенно иным мотивам — постепенно подхватывался и становился частью более широкого политического процесса. Логическим продолжением этой

замены губернии областью или краем было замещение уезда округом, а волости — районом, и все эти перемены означали, что более мелкие административные единицы заменяются на более крупные. Подсчеты для РСФСР на 1924 г. показали, что среднее население губернии составляло 1380 тыс. жителей, уезда — 180 тыс. жителей и волости — 14,5 тыс. жителей; соответствующие цифры для всей территории СССР были несколько ниже, зато площади территорий этих единиц были в два или три раза больше⁹⁸. Население новых «областей» варьировалось в пределах от немногим более 1 млн. в Туркменской ССР до 29 млн. в Украинской ССР — причем обе эти республики представляли собой единые области. Население вновь созданных европейских областей РСФСР варьировалось в пределах от пяти до десяти миллионов жителей. Население округа варьировалось в пределах от 50 тыс. до более миллиона, а обычной цифрой было около 500 тыс. человек (или примерно в три раза больше, чем в среднем по стране). Районы с численностью населения вплоть до 50 тыс. жителей (или приблизительно в два с половиной раза больше, чем в среднем для волости) стали обычным явлением, и были известны случаи, когда эта цифра была значительно ниже⁹⁹. Обычно концентрация была наиболее интенсивной в наиболее густонаселенных областях; в зонах с небольшой плотностью населения этот процесс в определенной степени лимитировался большими расстояниями. В Тульской губернии, где районирование на низших уровнях предшествовало включению этой губернии в еще не сформированную тогда Центральнопромышленную область, вместо 229 волостей было образовано 56 новых районов. На Украине вместо 102 уездов было создано 49 округов, а вместо 1898 волостей — 706 районов¹⁰⁰. В Уральской области половина из 205 районов приблизительно соответствовала старым волостям или в редких случаях была получена в результате их деления, другая же половина являлась результатом комбинаций, сопровождавшихся слиянием от двух до семи старых волостей¹⁰¹.

Естественным следствием укрупнения волостей явилось и укрупнение административных единиц уровня, расположенного непосредственно под ним, а именно сел, хотя это укрупнение не входило в первоначальные намерения тех, кто нес ответственность за проведение районирования, и было продиктовано теми же практическими соображениями, что и в укрупнении волостей. Как отметил Каганович, укрупнение сельсоветов «произошло не на основе планового хозяйства, а от нужд и дефицитности»¹⁰². Хотя села всегда представляли собой селения с варьирующимися размерами, Конституция РСФСР от 1918 г. устанавливала для Советов фиксированное соотношение — один депутат на каждые 100 жителей — а сельские Советы могли состоять из не менее трех и не более 50 депутатов, что означало, что в селах должно было быть не менее 300 и не более 5 тыс. жителей. Мертворожденное положение о сельсоветах от января 1922 г.¹⁰³, явно запамätовав об

этом пункте Конституции, установило минимальное число жителей для образования в селе своего сельсовета в 400 человек, однако определило соотношение представительства на уровне один депутат на каждые 200 человек населения при максимальном числе депутатов 25 человек, что соответствовало максимальному числу жителей села, равному 5 тыс. человек. То, что эта цифра не подразумевала предельного значения, показывает, однако, другая статья, которая позволяла сельсоветам, представлявшим более 10 тыс. жителей, образовывать свой исполнительный комитет — этот пункт в соответствии с Конституцией 1918 г. распространялся на все Советы, хотя, по всей видимости, никогда так и не был использован применительно к сельским Советам. Исправленное новое Положение, принятое в октябре 1924 г.¹⁰⁴, вернулось в качестве минимального уровня, необходимого для образования собственных сельсоветов, к цифре 300 жителей и к соотношению один депутат на каждые 100 человек населения, однако оговаривало, что сельсовет должен состоять из не менее трех и не более 100 депутатов. Это означало, что село должно включать в себя где-то между 300 и 10 тыс. жителей¹⁰⁵.

Эти широкие пределы оставляли большую свободу действий для тех, кто проводил реформы; в результате количество сел (в смысле единиц, имевших свои сельсоветы) на территории РСФСР упало с 80 тыс., каждое из которых состояло в среднем из 200 домовладельцев, или 1000 жителей, в 1922 г. до 50—55 тыс., каждое из 300 домовладельцев, или 1500 жителей, в 1924 г. Перед началом этого процесса укрупнения половина сел РСФСР имела население менее 1000 жителей, после него с таким низким уровнем населения остался лишь 31% сел. Доля сел с населением свыше 1500 жителей возросла с 15 до 45%¹⁰⁶. В Уральской области число сел сократилось с 60 тыс. до немногим более 30 тыс. при среднем уровне населения в 1825 жителей¹⁰⁷. В Башкирской Автономной ССР их число упало с 3698 до 1905, в результате чего оказалось, что некоторые крестьяне жили более чем за 20—30 верст от места расположения своего сельсовета¹⁰⁸. На Украине за сокращением числа сел с 15 969 до 9307 последовало в 1925 г. его увеличение на 1607¹⁰⁹. В Крыму средняя численность населения в селе составляла более 40 тыс. жителей, которых отделило от местоположения сельсовета расстояние, достигавшее 30 верст¹¹⁰: упоминался один случай в Сочинском районе на побережье Черного моря, когда некоторые жители села, насчитывающего 60 тыс. человек, оказались на расстоянии 60 верст от центра¹¹¹. Согласно данным одного официального докладчика, село оказалось административной единицей с населением, численность которого примерно варьировалась в пределах от 300 до 13 тыс. жителей¹¹².

Громкие заявления делались относительно экономии, которую несли с собой эти изменения. В Уральской области число административных единиц было сокращено с 7080 до 3430, в Северо-

Кавказском крае — с 1470 до 1252¹¹³. Весьма проблематично, насколько это сокращение в действительности облегчило растущее бремя бюрократии. Утверждалось, что на Украине число чиновников сократилось с 92 304 до 49 811 человек¹¹⁴. В Северо-Кавказском крае общее их число, по сообщениям, сократилось на 24%, в Уральской области — на 39%¹¹⁵. Однако это последнее сообщение не подтверждалось другими источниками, в соответствии с которыми выходило, что достигнутое на Урале сокращение составило всего лишь 5% и число сотрудников аппарата вновь продолжает расти¹¹⁶. Ввиду расширения общественных служб и разного рода общественной деятельности весьма маловероятно, чтобы любое временное сокращение числа служащих могло удержаться на достигнутом более низком уровне. Однако нет никаких оснований ставить под сомнение утверждение, что районирование представляло собой важную меру, направленную в сторону рационализации.

Районирование, однако, служило политическим целям и помимо упрощения административного аппарата. Достигнутый в первые дни районирования компромисс между национальными и экономическими факторами не был устойчивым, и яростные битвы по-прежнему продолжались. В 1925 г. Александров, навлекший на себя в 1921 г. огонь национальной критики¹¹⁷, стал объектом особенно опасных обвинений в сменовеховских тенденциях и великорусском шовинизме¹¹⁸. В марте 1926 г. председатель Украинского Госплана жаловался, что «Госплан СССР строит свою работу по вертикальным разрезам народного хозяйства — металл, уголь, хлеб, транспорт — без достаточного учета роли данных отраслей в республиках и мало занимается оценкой роли последних как целостных единиц народного хозяйства»¹¹⁹. Украина смогла оказать сопротивление предложениям, которые были направлены на ослабление ее единства под предлогом районирования. Закавказье или Узбекистан могли добиться отсрочки с введением новой системы, однако у более слабых административных единиц таких возможностей не было, и всеохватывающая, всепроникающая единая власть Госплана и его агентов заставляла тускнеть первоначальную истинную картину федеративного разнообразия. В пределах РСФСР тот же самый процесс развивался даже еще более стремительно. Теоретически принципиальная установка все еще предписывала «не только союзные республики, но и отдельные автономии рассматривать как национальное целое с *хозяйственным организмом*»¹²⁰. Из 11 автономных республик, входивших в состав РСФСР, семь наиболее крупных — Башкирская, Крымская, Дагестанская, Бурят-Монгольская, Якутская, Казахская и Киргизская¹²¹ — были независимыми и пользовались статусом областей. Остальные четыре — Карельская, Татарская, Чувашская и Немцев Поволжья — были как административные единицы включены в состав областей, к которым они принадлежали географически, и приравнены к статусу обычных округов, имея, по сути дела,

ту же самую, что и они, меру автономии — ни больше, ни меньше¹²². Башкирская АССР, приравненная к статусу области, подразделялась на районы таким образом, чтобы создавать компактные и замкнутые национальные единицы, населенные башкирцами, русскими и прочими национальностями. Однако такой способ урегулирования оказался весьма неэффективным из-за того, что было трудно найти квалифицированных служащих для работы в национальных административных единицах¹²³. Автономные области имели административный статус округов той области, в которую они оказались включены¹²⁴. Повсюду «отдельные территориальные объединения оказались после реформы даже с урезанными правами», и противники этого проекта осуждали его как «чрезмерную централизацию»¹²⁵.

На всем протяжении этого периода теория провозглашала, что «национальный момент (принцип самоопределения национальностей СССР) и принцип экономического районирования лишь дополняют друг друга»¹²⁶. Однако национальные различия, хотя они не отрицались и по-прежнему пользовались уважительным признанием, стали казаться менее важными и рассматриваться теми, кто занимался практическими административными вопросами, со все более возрастающим нетерпением. Новый порядок основывался на других критериях. Никто не принял всерьез предложение эксцентричного юриста Рейснера трансформировать Совет Национальностей в Совет экономических областей¹²⁷. Тем не менее это было вполне логическим выражением текущих тенденций. Наконец, результатом районирования было то, что оно разрушило старую административную систему и заменило ее другой, якобы инспирированной новыми и революционными идеалами. В известном смысле, бесспорно, области, округа и районы были не более чем просто старые губернии, уезды и волости, которые в приказном порядке превратились в более крупные территориальные единицы: многие старые столицы и центры были сохранены, многие чиновники унаследованы новым строем от старого. Однако то, что осталось нетронутым, было менее поразительно, чем то, что изменилось.

«По всей России, — писал один исполненный энтузиазма комментатор, — рушатся условные межи старых территориальных образований, освобождая место для наилучшего сочетания людских, природных и технических сил в целях максимального экономического развития каждого отрезка территориальной и людской массы»¹²⁸.

Старые уездные столицы, которые были «мелкобуржуазными городами, бывшими дворянскими, помещичьими, чиновничьими, мещанскими гнездами», вытеснялись теперь новыми «производственными пролетарскими центрами»¹²⁹. Исчезновение старых межевых знаков и старых названий, появление границ новых крупных и мелких административных единиц, прибытие из Москвы специалистов и экспертов в области планирования — все это были ви-

димые символы консолидации революции в деревне. Революция развила свою собственную административную структуру, и акцент в ней был сделан скорее на концентрацию, чем на рассредоточение.

«Территория ни в коем случае не делится, — гласило еще одно заявление того времени, — а организуется. Районирование не есть прием децентрализации, а, наоборот, один из важных методов концентрации сил, внимания, воли, руководства и организации в советском строительстве»¹³⁰.

Только что построенная пирамида областей, округов и районов имела во многом то же самое значение, что и создание во Франции по окончании Французской революции наполеоновских департаментов. Одним взмахом смело оно административные атрибуты прошлого, разрубило местные привязанности, традиции и различия и заложило основы единой централизованной системы.

Общий баланс районирования имеет, однако, как свои приходные, так и расходные статьи. Оно было прежде всего административным мероприятием, направленным на рационализацию управления. Оно было спроектировано бюрократами для того, чтобы заложить основы или установить рамки для эффективной бюрократии. Его важность в этом отношении не следует недооценивать. Административный аппарат, унаследованный революцией от царского режима, был олицетворением отсталости и неэффективности. Поскольку без крупномасштабной бюрократии не может существовать ни одно современное государство, то эффективная бюрократия становится условием выживания. Однако верно также и то, что чем более эффективен и более высокоцентрализован оказывается административный аппарат, тем больше он отчуждается от повседневных забот населения, которому он призван служить, и тем более нетерпим он становится в отношении разнообразных и иррациональных местных потребностей и претензий. Хотя по необходимости большевизм оказался великим покровителем бюрократии, враждебное отношение к бюрократическому духу («бюрократизму») было глубоко заложено в большевистских традициях. Кампания, которую вел в последние годы жизни Ленин, была направлена не просто против неэффективной бюрократии, а против «бюрократизма» как такового.

«Каким же иным способом можно прекратить бюрократизм, — писал он, — как не привлечением рабочих и крестьян?.. Если мы хотим бороться с бюрократизмом, то мы должны привлечь к этому низы»¹³¹.

Районирование, навязанное сверху в интересах более эффективной и более централизованной власти, не только совершенно не принимало в расчет «низы», но и, сократив по всей стране число и увеличив размеры самых мелких административных единиц, судя по всему, было склонно скорее ограничить, чем расширять контакты администрации с массами. Поэтому не удивительно,

что оно должно было вызвать здоровую реакцию в форме требований усилить административную структуру на этих самых низких уровнях, которую политика районирования игнорировала или стремилась свести к минимуму, и обеспечить за счет этого более широкие возможности для участия «низов». Это стало важным элементом кампании, которая развернулась осенью 1924 г. за «оживление Советов».

ОЖИВЛЕНИЕ СОВЕТОВ

а) Советы в упадке

Конституционная теория, нашедшая выражение в большевистском лозунге «Вся власть Советам!», рассматривала все без исключения местные Советы рабочих и крестьян как олицетворение и залог выражения воли суверенного народа, как источник, откуда съезды Советов и их исполнительные органы черпали свои законодательные полномочия. Уже в первые месяцы существования строя попытки анархического применения этой теории пришли в столкновение с практическими потребностями в эффективном централизованном правительстве; и начался процесс превращения Советов в органы местной администрации и представительства центральной власти¹. Радикальное воздействие на эти процессы оказало несколькими различными путями гражданская война. Она напроць смела значительную часть построенной после революции хрупкой и непрочной советской структуры. В тех городах, где Советы выжили, они оказались быстро интегрированы в государственную машину и утратили свой независимый или репрезентативный характер. В тех же сельских местностях, где они выжили, они обнаружили тенденцию обретать беспартийную или даже эсеровскую окраску и — в особенности после реквизиции зерна и большевистского эксперимента с комитетами крестьянской бедноты — превратились в явные или тайные плацдармы новой консолидации сил потенциальной оппозиции к строю. Именно голоса представителей, выражавших оппозиционные настроения, наиболее громко раздавались в Советах во время гражданской войны. На прошедшем в декабре 1919 г. VII Всероссийском съезде Советов Мартов жаловался в связи с «вымиранием основных учреждений, на которых покоится Советская конституция»²; а эсеры год спустя представили на VIII съезд резолюцию, где выражалось недовольство, что «Советы перестали собираться или собирались только для того, чтобы поставить свой штампель на работу, которую производили по собственному усмотрению и без всякого действительного контроля исполкомы и президиумы», и что «многомиллионное крестьянство» оказалось лишено своих политических прав³. Приблизительно в это же самое время Ленин признал, что большинство делегатов совещания председателей уездных, волостных и сельских исполкомов Московской губернии

«и прямо, и косвенно... ругали центральную власть»⁴. Наследием этой оппозиции во время Кронштадского восстания стал лозунг «Советы без коммунистов». Когда окончилась война и введение НЭПа возвестило о возврате к стабильным условиям, перед теми, кто пытался восстановить подорванную структуру местной администрации, встали две различные задачи. Первая заключалась в том, чтобы преодолеть анархию и дезорганизацию за счет создания эффективной и более или менее единообразной системы — и это предполагало значительную степень централизованной дисциплины и контроля. Вторая сводилась к организации системы органов, которые обеспечили бы лояльную поддержку строю в деревне; — а это предполагало применение политических методов примирения и компромисса, которые соответствовали бы экономическим методам НЭПа. Проблема, связанная с выполнением двух этих задач под руководством партии, сельский состав членов которой был слабым как в количественном, так и в качественном отношении, представляла собой одну из сторон более широкой проблемы — установления и поддержания в преимущественно крестьянском обществе строя, чьи кадры и чья программа были преимущественно городскими.

Восстановление иерархии советских учреждений после гражданской войны представляло собой постепенный процесс, распространявшийся от центра к периферии и сверху вниз. Губернский и уездный административный аппарат в центральных губерниях пережил гражданскую войну или был постепенно восстановлен. Декреты, предусматривавшие учреждение уездных съездов Советов и исполнительных комитетов, волостных съездов Советов и волостных исполнительных комитетов и сельских Советов, были приняты уже в январе 1922 г.⁵ Сомнительно, однако, насколько эффективно они действовали на нижних уровнях. Восстановление советских учреждений на высших уровнях никаких непреодолимых трудностей не представляло. Положение, определявшее полномочия и регламентирующее порядок работы губернских съездов Советов и их исполнительных комитетов, было принято в октябре 1922 г.⁶ Начали восстанавливать свои права и полномочия и уездные съезды Советов, и уездные исполнительные комитеты. На этих уровнях — и в центральных губерниях⁷ — сложная система работала с разумной степенью порядка и формальной эффективности, хотя съезды Советов собирались, судя по всему, менее часто, чем по первоначальным замыслам. Однако в чисто сельских частях этой машины — волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах, а также в сельских Советах — нарушения и злоупотребления было скорее правилом, чем исключением. Эти организации представляли собой самые слабые звенья в советской цепи.

Волостной исполнительный комитет представлял собой самый нижний советский исполнительный орган, который находился в регулярном контакте с крестьянским населением. Номинально

он избирался волостным съездом Советов, в котором участвовали делегаты из сел. Однако избирательная система в то время действовала явно неэффективно, если вообще хоть как-то действовала. В тех условиях, когда она работала, результаты могли оказаться весьма обескураживающими. В апреле 1923 г. во время VII съезда партии Рыков жаловался, что волостные исполнительные комитеты просто-напросто превратились в орудия «кулацкой власти» на селе⁸. Зиновьев на состоявшемся в октябре 1924 г. Пленуме ЦК партии процитировал саркастическое замечание о связях между «пьяным попом» и «пьяным волисполкомом» как идеальный пример, демонстрирующий «смычку» между рабочим и крестьянином. Более того: «Пойдет бедняк крестьянин хлопотать — концов не найдет, а пойдет имущий хлопотать — ему все сделают. Ну да, потому что взятку даст»⁹. Рыков заявил, что «взяточничество, изгнанное с железных дорог и из нашего верхушечного губернского и центрального аппарата, еще остается в аппарате низовом», где служащим платят всего 20 червонцев в месяц¹⁰. В то же самое время, возможно, имели под собой основания и знакомые обвинения в бюрократическом высокомерии со стороны верхушки советских властей.

«По-прежнему имеет место со стороны губернских и уездных аппаратов, — писал один критически настроенный автор, — недопустимое высокомерное и чванливое отношение к работникам волости, передающееся от волостных работников на сельских»¹¹.

Низовые советские органы были объектом непрерывного изнурительного потока инструкций сверху:

«В каждом декрете есть пункт, где говорится, что такому-то наркому поручается выработать инструкцию по его проведению.

Наша деревня, низовой советский аппарат живет по этим циркулярам»¹².

Административный аппарат был перегружен, не обладал нужным опытом и был лишен контакта с рассеянным и политически неграмотным крестьянством. Не удивительно, что он трещал по всем швам.

Примитивный уровень и неэффективность волостной организации в десять раз увеличивались на уровне сельского Совета. На селе, как сказал Енукидзе, «каждое общественное дело наталкивается на некультурность»¹³. Сельский Совет все еще оставался учреждением, чуждым селу. Пока он в соответствии с первоначальными намерениями действовал как общее собрание граждан, он следовал хорошо всем известному образцу старинных сельских собраний или сходов¹⁴. Но как только сельский Совет повсюду превратился в некий орган, состоявший из избираемых населением депутатов, появились незнакомые доселе процедуры. В сходе обычно, хотя и не всегда, принимали участие только главы дворов или хозяйств, и там, где это было обычной практикой, убедить крестьянина в том, что участвовать в выборах в Советы имеют право все взрослые, было весьма трудно. Глава двора шел

голосовать в убеждении, что «он один представляет всю семью»¹⁵. В обществе, совершенно непривычном к тому, чтобы решения принимались большинством через голосование, взгляд на участие в выборах как на право индивидуума не имел никакого смысла.

«Крестьянство мало участвует в выборах, — заметил один наблюдатель, — но это не по злу, а просто потому, что плохо оно развито и плохо понимает значение выборов».

А другой наблюдатель добавил:

«Исторические условия у нас были такие, что крестьянские и рабочие массы никогда не привлекались к выборам органов власти: разумеется, за 7 лет мы не могли переродить взглядов крестьянства на власть, на выборы, на участие в государственной власти»¹⁶.

Даже если бы размеры сел * и не делали для избирателей все более и более трудно осуществимым путешествие до центра, все равно персональное участие в голосовании было бы весьма нереальным; ведь признание голосования с юридической точки зрения действительным должно было проводиться общим собранием избирателей, которым следовало находиться одновременно в одном и том же месте. Как описывалось, одно такое собрание избирателей длилось с двух часов дня до пяти часов утра следующего дня — по всей видимости, на этот раз партийные работники отказались назначить кандидатов и предоставили крестьянам решать это самим¹⁷. Такая коллективная процедура была сопряжена с той трудностью, что во многих сельских центрах не было достаточно больших помещений, чтобы вместить всех участников голосования; при этом аргумент, что выборы должны проходить в тот период года, когда нельзя заниматься полевыми работами, оказывался в противоречии с другим аргументом, что их следует проводить летом, когда собрание можно организовать на открытом воздухе¹⁸. Об отсутствии опыта проведения выборов свидетельствует и применявшаяся кое-где система «чистых» голосов. Там, где этот метод был введен в действие, избирателям предоставлялось право делать в списках против каждого кандидата пометку «за» или «против»; полученное затем путем вычитания количества голосов «за» число «чистых» голосов и определяло место кандидата в окончательном списке¹⁹. Что происходило, если ни у одного из кандидатов положительного остатка не оказывалось, оставалось тайной. Варьировался и метод выдвижения делегатов на волостные съезды Советов: иногда их выбирали сельские Советы (именно это, по всей видимости, соответствовало первоначальным намерениям), а иногда они избирались теми же собраниями, на которых выбирали сельские Советы²⁰. Образцовый сельский Совет — один такой существовал, в частности, на Украине — соби-
рался 19 раз в год, обсуждал вопросы ремонта дорог и строений,

* Речь идет об укрупненном селе как административной единице, имеющей свой сельсовет. — *Прим. ред.*

снабжения топливом сельской школы, ликвидации неграмотности и прочие проблемы: 44 из 46 членов этого сельсовета были грамотными²¹. Другой сельсовет на Украине образовал под председательством врача комиссии по абортам, так что «без разрешения врача никакого аборта в деревне устроено быть не может» — абсолютно противозаконное, но, возможно, благотворное с точки зрения охраны здоровья превышение власти²². Однако такие активные Советы были явлением редким. Наверное, более типичным был сельский Совет, расположенный в 75 милях от Одессы, который даже никогда не слышал о том, что существует Положение о сельсоветах. Были распространенным явлением жалобы, что сельские Советы и даже волостные исполнительные комитеты не располагают официальными кодексами законов и собраниями декретов и находятся в полной зависимости от приказов и циркуляров, получаемых от вышестоящих местных властей²³.

Одной из вечных преград на пути к созданию дееспособной системы местного управления была трудность с определением функций и сферы компетенции органов, находившихся на различных уровнях советской иерархии. Теория, что верховная власть в стране находится в руках Советов, официально никогда не отменялась, а это означало, что к действиям Советов неприменима никакая концепция превышения ими своих полномочий. Если сельский Совет мог фактически взимать с крестьян поборы или вводить трудовую повинность, то никакая вышестоящая инстанция не могла здесь вмешаться. Один профессор Института советского строительства — одного из филиалов Коммунистической академии — выставил на посмешище серию предписаний, выпущенных Ярославским губернским исполнительным комитетом и подверг критике инструкции других местных органов власти. Однако речь здесь шла о том, что эти инструкции оказывались абсурдными по содержанию, а отнюдь не о том, что они представляли собой превышение полномочий²⁴. Некоторые местные власти узурпировали право решать, начиная с какой даты должны вступать в силу на территориях, находящихся в сфере их юрисдикции, выпущенные в Москве декреты. Крестьяне жаловались, что если выходил декрет, дающий населению какие-нибудь льготы или послабления, то волостные власти задерживали его применение, когда же выходил закон, «который берет что-либо с населения», то он вступал в силу немедленно²⁵. С другой стороны, власть низовых Советов лимитировалась нехваткой средств и каких бы то ни было способов принуждения, кроме тех, которые были унаследованы от местных традиций, так что часто раздавались жалобы, что сельские Советы не имеют вообще никаких прав²⁶. Совхозы, как это было хорошо известно, высокомерно отказывались признавать любую власть ниже губернского уровня и не желали вступать ни в какие отношения с сельскими Советами или даже волостными исполкомами, на чьих территориях они были расположены²⁷. Однако равным образом не поддавались их

контролю также мир и колхоз, невзирая на то что Аграрный кодекс требовал от них, чтобы они регистрировались при сельских Советах²⁸. Там, где в теории превалировало столько путаницы и неопределенности, реальная власть, осуществляемая советскими учреждениями на всех уровнях, во многом зависела от финансов. Весьма знаменательно, что первая серьезная попытка определить с помощью декрета РСФСР²⁹ законодательные полномочия районных и волостных исполкомов была предпринята в апреле 1925 г. — именно в тот самый момент, когда вводились независимые районные бюджеты³⁰. Относившийся приблизительно к тому же самому времени декрет, разрешающий сельским Советам объявлять принудительные работы для борьбы с лесными пожарами и ремонта дорог³¹, был странной аномалией, которая, очевидно, была вызвана какими-то чрезвычайными и ныне забытыми причинами. Власть, осуществлявшаяся на практике сельскими Советами, конечно же, не ограничивалась подобными непредвиденными обстоятельствами и отнюдь не основывалась на декретах. На том уровне, где денежная экономика еще не достигла эффективности, главными факторами, определявшими компетенцию низовых советских органов, все еще оставались традиция и привычка.

Отчасти причиной, а отчасти симптомом всех этих недостатков было то обстоятельство, что коммунистическая партия не обрела еще никакой хоть сколько-нибудь твердой опоры в деревне. В 1925 г. партийные ячейки имелись лишь в одном из каждых 25 или 30 сел³², а еще позднее один наблюдатель засвидетельствовал впечатление, что «в деревне партия работает больше на бумаге»³³. Осенью 1924 г. из общего числа членов партии, составлявшего около 700 тыс. человек, только 150 тыс. жили и работали вне городов. Из них 45 тыс. человек приходились на центральные губернии РСФСР, а 16 тыс. — на Украину. В более отдаленных регионах страны члены партии были распределены весьма тонким слоем. В самой нижней части шкалы размещалась Белорусская ССР, где было всего 3700 членов партии, и Дальневосточная область, где их было 3000. Из этого общего количества лишь 35%, по оценкам, были активно заняты сельскохозяйственной деятельностью и лишь 15% занимались исключительно этим трудом. От 20 до 30% составляли партийные работники, посланные из центра для руководства местными партийными организациями и не имевшие настоящих связей с местными условиями. При столь широкой разбросанности членов партии собрания партийных ячеек проводились редко, а летом, когда все руки были нужны для урожая, и вообще прекращались. Низкий моральный уровень самих членов партии можно, несомненно, отчасти отнести за счет их изоляции. Процент выхода из партии и исключения за плохое поведение был в деревне значительно выше, чем в городах³⁴.

В этих условиях контроль партии за работой администрации вне пределов крупных центров был шатким и ненадежным. Про-

цент коммунистов в советских органах РСФСР — единственной республики, для которой имелась статистика, — варьировался в соответствии с определенной закономерностью: он был выше в верхних органах, чем в низовых, в городах по сравнению с сельской местностью и выше в исполнительных комитетах, чем среди делегатов назначавших их съездов Советов. В городских и заводских Советах губернских центров РСФСР процент коммунистов достигал в начале 1924 г. 91; в городских Советах уездных центров — составлял 61%. На уровне уезда съезды Советов на 54,5% состояли из делегатов-коммунистов, а исполнительные комитеты включали 81% коммунистов. Ниже уездного уровня коммунисты во всех советских органах были в меньшинстве. В волостных исполнительных комитетах их доля достигала 40%, однако падала до 11,7% на волостных съездах, состоявших из делегатов из сельских местностей, однако и эти цифры, как утверждалось, представляли улучшение в сравнении с положением двумя годами раньше. Более того, около половины работающих в советских органах членов партии составляли, судя по всему, не настоящие рабочие и крестьяне, а «служащие», значительную часть которых были, возможно, партийные работники, посланные из центральных аппаратов в соответствии с пользовавшимся дурной славой назначением³⁵. Численная слабость партии на селе ставила руководителей перед постоянной дилеммой. Если партия воздерживалась от активного вмешательства в работу низовых советских органов, то они оказывались под контролем зажиточных крестьян, и тут же поднимались крики, что Советы находятся в руках кулаков. Если же партия давала своим назначенцам инструкции усилить партийную политику, неизбежно возникало обвинение в партийной диктатуре. Оба эти зла достигли критического состояния и резко ударили по сознанию партийных руководителей осенью 1924 г.

Растущее экономическое влияние кулачества, которое впервые ясно проявилось во время урожая 1924 г., быстро и автоматически переводилось во влияние политическое. Еще с самых первых дней, когда сельские Советы находились в основном под контролем эсеров и в них доминирующее влияние оказывал «кулацко-буржуазный элемент»³⁶, состоятельные крестьяне, возможно, всегда имели в них численное превосходство — бедные крестьяне зачастую просто боялись присутствовать на собраниях или не могли в них участвовать из-за недостатка свободного времени или транспортных средств. В последние месяцы 1924 г., когда более 90% членов сельских Советов составляли крестьяне, всего около 10% из них приходилось на долю «безлошадных» крестьян³⁷. Что оказалось новым, так это организованная эксплуатация тех возможностей, которые создавало это преобладающее положение. В июне 1924 г. Рыков жаловался, что объявленные продналоговые льготы были использованы «кулаками, которые сидели в сельских и волостных Советах»³⁸. Несколько позднее расска-

зывалась история, происшедшая в Полтавском округе, где секретарь сельского Совета аннулировал под кулацким давлением распоряжение возратить 200 десятин «украденной» кулаками земли³⁹. Однако самое важное было в том, что кулацкое влияние уже не ограничивалось более незаконными сделками, но переходило в наглые открытые действия. Бухарин в августе 1924 г. описал эту ситуацию следующим образом:

«В деревне происходят сложнейшие процессы: растет разница между бедными и богатыми; с другой стороны, подрастает активный, советски-настроенный крестьянский молодежь; поворачивают к нам учителя и агрономы. А в то же время часто кулак пролезает в органы управления или держит в экономической зависимости местную власть...»⁴⁰

«Активность кулацких элементов растет, — с особым ударением заявил в сентябре 1924 г. Зиновьев, — и не только экономическая, но и политическая». Кулак, чья сила увеличилась за счет плохого урожая, проникал на низовые уровни советской системы⁴¹. Месяц спустя Каменев сказал на Московском губернском комитете партии:

Поскольку «...кулацкие элементы имеют возможность скорее ориентироваться, приобрести необходимые знания и тем самым нажимать на органы Советской власти и на организацию хозяйственной жизни в деревне — их влияние становится все сильнее»⁴².

Вместе с тем этот нежелательный феномен нельзя было и безоговорочно осуждать. Политически, так же как и экономически, кулак мог выступать и как прогрессивная сила. Ведь именно со стороны зажиточного крестьянина исходили главным образом требования улучшить администрацию на селе. Один наблюдатель предложил в январе 1925 г. весьма убедительный диагноз источника нового недовольства:

«Неужели наш аппарат стал хуже по сравнению с прошлым? Нет, товарищи, наш аппарат все-таки улучшается. Он и раньше был чиновничий, и сейчас чиновничий, но, хоть и в чиновничьей форме, он стал улучшаться. Но сейчас ненормальности выпуклее видны, потому что наше крестьянство сейчас немного выросло по сравнению с прошлым, и в особенности вырос у нас зажиточный элемент на селе, который на всякую мелочь, на всякую ненормальность быстро реагирует, быстро стучит куда следует. Вот почему сейчас мы и почувствовали тот произвол, те недостатки, которые имеются на селе»⁴³.

Оставалась все та же постоянная дилемма:

«В деревне нет „советского актива“, который мог бы вокруг себя организовать деревню. Его нет, но его может заменить, если мы прозреваем, „анти-советский актив“»⁴⁴.

Другим распространенным злом — которое являлось, по-видимому, единственной практической альтернативой засилью кулачества в сельских Советах — была диктатура горстки партийных

чиновников и партийных работников. Оба эти зла существовали бок о бок и сталкивались между собой. Партийные ячейки, как утверждалось, редко существовали в волостных исполнительных комитетах, а тем более в сельских Советах, так что влияние партии вообще не могло быть здесь ощутимым. Один наблюдатель подытожил в январе 1925 г. слабость партии в одной весьма живописной фразе: «на селе, как правило, советский аппарат пожирает партийный», а в городах, наоборот, «губернский комитет партии чаще вмешивается во все вопросы советского строительства, в которые, по существу, он не должен был бы вмешиваться»⁴⁵. Были, однако, в сельской местности и случаи, когда партийная фракция полностью узурпировала функции президиума волостного исполнительного комитета⁴⁶. В общем говоря, передачей партийных директив в низовые органы на селе занимался обычно один-единственный партийный чиновник, который легко мог навлечь на себя обвинение в диктаторском поведении. Обычным стереотипом было избрание в качестве председателя сельского Совета одного из «квалифицированных партийных работников». Затем он вел дела Совета вместе с секретарем и редко собирал членов Совета, прибегая к помощи масс исключительно в тех случаях, когда надо было провести ту или иную работу во исполнение распоряжений волостного исполнительного комитета⁴⁷. Часто раздавались жалобы, что выборы на всех уровнях превращались в фарс, оборачиваясь партийными назначениями. Когда партийные чиновники из руководящих органов, так называемые партийные главки, понуждали крестьян голосовать, крестьяне отвечали: «Что же нам присутствовать на выборах? Нет никакого смысла: вы, ведь, список-то нового исполнительного комитета привезли с собой в кармане»⁴⁸.

Говорили, что в Казахстане секретарь партийной организации появился на выборах с заранее заготовленным списком кандидатов, который он представил на собрании с вопросом: «Кто против?»⁴⁹ Когда в одном из сибирских сел крестьяне отказались голосовать за список, предложенный избирательной комиссией, эта комиссия ограничилась тем, что просто-напросто отложила собрание на следующий день. Так продолжалось семь дней; наконец на седьмой день крестьяне сдались и не пришли вовсе — и список был принят⁵⁰. В Ставропольском округе в сельских Советах была заведена привычка приглашать участвовать во всех своих мероприятиях и заседаниях местного партийного секретаря или всю партийную ячейку в полном составе; однажды произошел случай, когда председатель одного сельского Совета предложил партийному секретарю поделиться с ним своей зарплатой в обмен за помощь и руководство⁵¹.

Общая картина, которая складывалась в результате всех этих урегулирований, сводилась к почти полному разрыву и вследствие этого взаимному недоверию между кучкой партийных чиновников, с одной стороны, и массой крестьянства всех категорий.—

с другой. «Малосознательные и неопытные работники, — говорилось в одном из относившихся к марту 1923 г. партийных отчетов, — очень быстро теряют авторитет у крестьянина»⁵². Приехавший из города партийный работник не испытывал по отношению к крестьянину никаких симпатий: чем более эффективно он работал, тем меньше у него было терпения. «Бороды (мужики) для декларации в наших исполкомах уже есть, — приводились слова одного такого работника, — а больше ничего не надо: какой толк от мужиков?»⁵³ Когда на собраниях сельских Советов или волостных исполнительных комитетов крестьяне задавали какие-нибудь вопросы, то партийный работник, не зная на них ответы, находил выход из положения в том, что оскорблял спрашивающего, голословно обвиняя его в контрреволюционных настроениях и меньшевизме⁵⁴. Много историй рассказывалось о проявлявшихся в отношении крестьян произволе и беззаконии. Один председатель волостного исполнительного комитета, партийный назначенец, как утверждалось, использовал против крестьян кнут или, случалось, «арестовывает крестьян без всякой причины и, продержав некоторое время в подвале, отпускает их так же самовольно, как арестовывал»⁵⁵. Один партийный чиновник собрал крестьян, которые опоздали с уплатой налогов, в свой кабинет и заставил их стоять в углу⁵⁶. Крестьяне мстили, относясь к членам партии как к людям чужеродным, пришлым, которые вмешиваются не в свои дела. Крестьяне, которым давал в марте 1925 г. интервью Сталин, объясняли, что «почти повсюду партийные ячейки держатся в стороне от крестьян»; как выразился один крестьянин из Тамбова, «они живут там сами по себе, а мы сами по себе»⁵⁷. Согласно мнению другого наблюдателя, большинство крестьян считают, что коммунисты — это «ловкачи — захотят, и жеребца проведут в волисполком»⁵⁸.

Еще более серьезную неприязнь вызывали члены комсомола, начало активной деятельности которых в сельских районах относилось к 1924 г., в особенности после того, как она снискала поощрение прошедшего в мае того же года XIII съезда партии⁵⁹. Циркулярное письмо, выпущенное в феврале 1924 г. Центральным Комитетом комсомола, предостерегало членов сельских отделений комсомола против отношения «отчуждения» от крестьянства⁶⁰. Однако обвинение в отчуждении вскоре стало менее распространенным, чем обвинение в активном вмешательстве. Один делегат из окрестностей Москвы жаловался на комсомольцев, являвшихся на выборы с заранее заготовленными списками:

«Когда имеется материал, что из 27 членов Совета выбирается 9 женщин и 9 комсомольцев, я сомневаюсь, чтобы такой сельсовет был авторитетен для крестьянства, которое привыкло в сельсовете видеть не комсомольца, не женщин, а бородачей»⁶¹.

В декабре 1924 г. Оргбюро резко осудило антирелигиозные крайности комсомольцев на селе, а шесть месяцев спустя выпустило предостережение по поводу «недопустимости неосторожных и

неумелых приемов антирелигиозной пропаганды» среди крестьян⁶². Другими распространенными и вполне обоснованными обвинениями против комсомольцев были обвинения в пьянстве и хулиганстве⁶³. Грехи комсомола усугубляли непопулярность партии, поскольку никакого явного различия между ними не делалось, и еще больше затрудняли решение задачи установления партийной власти на селе.

Все эти обиды и недоразумения медленно накапливались в течение первых лет НЭПа. Симптомом, который вызывал в партийных кругах наибольшее беспокойство, было то, что участие в выборах в Советы, претерпев резкий рост в 1923 г., на следующий год снова упало. Согласно официальным отчетам, на которые ссылался Каганович, — они, правда, охватывали лишь 12 губерний — в 1922 г. в голосовании приняло участие 22,3% избирателей, в 1923 г. — 35, а в 1924 г. — всего 31%⁶⁴. Как показывали наиболее, по своей видимости, полные сведения, в 1923 г. в 68 губерниях на выборы пошли 14 млн. из общего потенциального количества 37,6 млн. избирателей, что соответствовало 37%, а в 1924 г. в 49 губерниях — 8,4 млн. из 29,2 млн. избирателей, или 28,9%. В 1923 г. в половине охваченных губерний процент голосовавших колебался от 35 до 50, и лишь в одной трети губерний он упал ниже 35. В 1924 г. этот процент упал ниже 35 в двух третях охваченных губерний⁶⁵. Поскольку все эти цифры, скорее всего, относились к губерниям, где процесс голосования прошел наиболее активно, содержащаяся в партийном отчете оценка, согласно которой в общем и целом в выборах 1924 г. приняло участие от 15 до 20% правомочных избирателей⁶⁶, могла оказаться вполне правильной. Увеличивало беспокойство то обстоятельство, что, несмотря на то что процент голосовавших упал, процент избранных коммунистов существенно возрос. Процент членов партии и комсомола, выбранных в сельские Советы, увеличился с 7,8 в 1923 г. до 12 в 1924 г., на волостные съезды — с 17,8 до 27 и в волостные исполнительные комитеты — с 48,5 до 61,4⁶⁷. Однако, как признал позднее Молотов, в этом прогрессе было «немало дутого, непрочного, некрепкого» и «такое кажущееся, внешнее, статистическое увеличение руководства партии деревней совершенно не свидетельствовало о действительном улучшении этого руководства»⁶⁸. Совсем наоборот: растущая апатия рядового избирателя в то время, когда в сельские Советы входило все больше коммунистов, свидетельствовала, судя по всему, об усиливавшемся безразличии и враждебности в массах крестьянства к партии и к строю.

б) «Лицом к деревне!»

Таковы были условия, когда осенью 1924 г. партия впервые обратила серьезное внимание на вопрос о сельских Советах, на отсталость местной администрации и нехватку подходящих кад-

ров, в особенности на самых нижних уровнях. Административная децентрализация была частью общей реакции против суровостей «военного коммунизма». Вначале это применялось главным образом к организации основных отраслей промышленности и не распространялось на ту, требовавшую столь неотложных действий, сферу политической администрации, где в наличии было мало партийных или советских работников и где недоверие крестьян представляло собой труднопреодолимый барьер на пути к нововведениям⁶⁹. Только начиная с 1923 г., по мере того как крестьянин все больше и больше становился фокусом экономической политики, начали действительно осознавать политическое значение советского аппарата в деревне. В апреле 1923 г. в своей речи на XII съезде партии Сталин подверг критике «упрощенческую» форму управления, при которой все решается в центре, и продолжил:

«Мы в Советской стране осуществляем другую систему управления, ту систему управления, которая дает возможность предугадывать все изменения до точности, все обстоятельства и среди крестьян, и среди националов, и среди так называемых «инородцев», и среди русских, чтобы в системе вышних органов был ряд барометров, угадывающих всякое изменение, учитывающих и предупреждающих... всякую возможную бурю и невзгоды. Это есть советская система управления»⁷⁰.

Это явно была идеализированная картина того, как система должна была бы работать, а не описание того, как она в действительности работала. Однако это было симптоматично с точки зрения нового признания этой проблемы. Резолюция съезда о работе партии в деревне — первая специальная резолюция, посвященная этой проблеме, которая была принята на партийном съезде, — привлекала особое внимание к существовавшим в то время недостаткам:

«Волостной и сельский аппарат Советской власти в значительной части заполнен теми элементами деревенской полуинтеллигенции, которые истари были связаны преимущественно с зажиточными слоями деревни и которые приносят и в советский аппарат навыки крепостнической грубости, презрения к крестьянству и его нуждам, высокомерного пренебрежения к его темноте, неграмотности, неумению разобратся в советском аппарате». В плане конкретных предписаний резолюция, однако, мало что могла предложить, кроме призывов общего характера. «Волостной и сельский аппарат власти» должен быть усилен; вместо «старого волостного писаря, бывшего одним из основных орудий угнетения крестьянских масс», надо посадить в качестве волостного секретаря крестьянина, прошедшего гражданскую войну и школу партийного обучения. Однако кандидатов, которые удовлетворяли бы указанным требованиям, явно не доставало, а конкретное предложение послать надежных партийных чиновников из центрального аппарата, с тем чтобы они заняли ключевые посты в деревне, оказалось слишком непопулярным даже среди

самих партийных чиновников, чтобы получить широкое одобрение⁷¹. Год спустя, на XIII съезде партии, были повторены те же самые рекомендации. К этому времени растущая сила кулачества начинала привлекать внимание; как цель провозглашается избавление «низового деревенского советского и партийного аппарата» от кулацкого влияния, а также улучшение качества этого аппарата⁷². Однако дискуссия, имевшая место в этой связи относительно крестьянских комитетов взаимопомощи, выявила, что влиятельные элементы в партии оказывали сопротивление попыткам нарушить сложившуюся ситуацию, при которой контроль над местными органами управления в деревне в основном находился в руках состоятельных крестьян, сочувствовавших новым политическим направлениям строя⁷³. И чем дальше от центра требовалось действовать, тем больше усилия, направленные в сторону реформ, теряли свою силу.

Осенью 1924 г. ситуация стала слишком угрожающей, чтобы ее можно было оставить без внимания. С урожаем случился частичный недород; популярными темами обсуждений в партийных кругах были грузинское восстание и скандал в Дымовке, и Зиновьев только что провозгласил лозунг «Лицом к деревне!». Зиновьев, находившийся тогда в зените своей карьеры и своих честолюбивых амбиций, снова оказался впереди. Чтобы противостоять растущей угрозе, связанной с неэффективностью и недовольством в деревне, статья в «Правде» от 11 октября 1924 г. * — предназначавшаяся, по всей видимости, для того, чтобы задать тон предстоящей сессии ЦИКа и Пленуму Центрального Комитета, — выдвигала новый лозунг — «Оживление Советов»⁷⁴. «Крупные успехи», утверждал Зиновьев, были достигнуты в улучшении управления на губернском и отчасти уездном уровне. Теперь реформы следует распространить на волость и село. Он признал, что этот вопрос уже много раз поднимался раньше, однако безрезультатно. Лозунг «Долой кулаков и их подпевал!» не следует понимать так, будто он подразумевает, что в Советы и в советские органы надо допускать только членов партии. Отождествление партии с Советами было старой ересью. Чтобы оживить советский аппарат, необходимо «связать местный совет неразрывными нитями с беспартийными массами рабочих и крестьян». Директивы были следующие: **«Обернуться лицом к деревне; больше внимания беспартийным; оживить Советы на местах во что бы то ни стало».**

Был как раз первый прилив этой кампании, когда в октябре 1924 г. ЦИК РСФСР обсуждал проект Положения об уездных и волостных съездах Советов и исполнительных комитетах и о сельских Советах. Официальный докладчик Киселев объявил, что местным органам будут даны более широкие полномочия. Теперь,

* Статья Зиновьева «На очереди» опубликована в «Ленинградской правде» — *Прим. ред.*

когда начинают оформляться «хозяйственные возможности волости», самое время подумать об оформлении их прав. Волостным съездам Советов и их исполнительным комитетам будут, таким образом, предоставлены права обсуждать «все государственные вопросы», включая «милицию и уголовный розыск», и волости впервые будут иметь независимые бюджеты. Что касается сельских Советов, то здесь он проявил большую сдержанность, ограничившись признанием того, что до настоящего времени они имели «одни обязанности и ни каких прав». Между тем «с укрупнением волостей нужно было наделить и сельские Советы такими правами, какими раньше в известной степени располагали вол-исполкомы»⁷⁵. В развернувшихся после этого дискуссиях Ларин выразил недовольство по поводу неучастия женщин в выборах в сельские Советы: в 1923 г. проголосовали лишь 3 млн. женщин, и это по сравнению с 16 млн. мужчин; процент же выбранных женщин был еще ниже. Другой выступавший восхвалял предложение «создать советскую общественность в деревне, руководимую коммунистической партией»⁷⁶. Калинин возразил против упоминания о волостных исполнительных комитетах как «органах местного самоуправления» и выдвинул — возможно, уже практически в последний раз — классическую доктрину суверенитета Советов:

«Наши волостные и вообще советские учреждения не отождествляют собой принципиально органов самоуправления. При создании Положения о наших исполкомах — уездных, волостных и сельских — главный принцип в том, что они включены в общую цепь власти, что они должны быть проникнуты единым принципом власти. Любой наш Совет — это частица верховной власти, которая полностью олицетворяется в общесоюзном съезде Советов.

Даже сельсовет, по существу говоря, имеет все права всесоюзного съезда, в том числе и международные, в пределах своей территории. Он только потому не имеет посланников в иных странах, что его территория ограничена Советским Союзом. Принципиально, мне кажется, это — единая власть. Поэтому наше Положение должно быть проникнуто единством власти»⁷⁷.

Однако это было заранее проигранным делом или путешествием в область утопии. ЦИК обсуждал вовсе не теорию политической власти: что его интересовало — так это создание системы местного управления. В конце дискуссии, 16 октября 1924 г., были должным образом приняты три декрета — об уездных съездах Советов и уездных исполнительных комитетах, о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах и о сельских Советах⁷⁸. Обычная конституционная туманность в выражениях явно проявилась в положении о сельских Советах. Сельский Совет «выполняет все законные постановления общих собраний граждан», которыми он избран. Но в то же самое время он «подотчетен подлежащему волостному исполнительному комитету».

Отдельный декрет был принят о необходимости стимулировать участие женщин в работе Советов ⁷⁹. Соответствующие декреты Украинской и Белорусской ССР установили сходные системы местного управления и для этих республик ⁸⁰.

Центральный Комитет партии, который собрался 25 октября 1924 г., был озабочен тем, как бы и эти декреты снова не оказались мертвой буквой. Накануне пленума Сталин и Каганович выступили на собрании секретарей волостных партийных ячеек. Сталин вновь изложил зиновьевскую программу: оживить Советы, установить связи между членами партии и беспартийными массами в деревне — грузинское восстание связывалось именно с неудачей в осуществлении этого положения — и привлечь политически активных крестьян к работе органов управления. Каганович охарактеризовал функции Советов как «сочетание классовой диктатуры пролетариата с величайшей, невиданной в мире самостоятельностью * и поддержкой миллионов трудящихся» и «сочетание централизма государственной власти с широчайшим самоуправлением мест» ⁸¹. Сталин и Зиновьев выступили по этому вопросу на Пленуме ЦК ⁸². Молотов в своем докладе деликатно занял нейтральную позицию, критикуя позицию партии в отношении кулака:

«...Вместо того чтобы в лице партии и Советской власти отделить и отделиться от небольшого сравнительно процента кулачества в деревне, под общую рубрику кулачества иной раз зачисляется такой крупный процент сельского населения, который в своем большинстве является не только не враждебным, но который ни в коем случае не должен делаться враждебным Советской власти» ⁸³.

Принятая резолюция содержала достаточно детальное предписание функций партии в оживлении Советов. Первым пунктом шло обеспечение избрания в волостные Советы и исполнительные комитеты большого числа беспартийных крестьян и крестьянок, «в особенности тех, которые имеют авторитет в крестьянской среде», и обеспечение избрания процента беспартийных крестьян на республиканский и общесоюзный съезды Советов. Должен соблюдаться принцип свободных выборов, и партия должна воздерживаться от «незаконного вмешательства» в работу Советов. С другой стороны, надлежало «в целях усиления политического руководства работой Советов усилить работу коммунистических фракций в Советах и в местных исполкомах». Провести линию водораздела между воздержанием от незаконного вмешательства и усилением политического руководства партии через партийные фракции на деле оказалось весьма трудно. Наконец, резолюция требовала «особо осторожного подхода к вопросам антирелигиозной пропаганды» и накладывала безусловный запрет на «меры

* Э. Карр ошибочно перевел этот отрывок как «...невиданной независимостью и поддержкой...». — *Прим. ред.*

административного воздействия (закрытие церквей и т. п.), в большинстве случаев достигающие только обратных результатов»⁸⁴.

Политика улучшения аппарата управления активно претворялась в жизнь. 20 октября 1924 г. Оргбюро назначило партийную комиссию для изучения путей и средств усиления советской работы⁸⁵. Возглавил комиссию Каганович — восходящая звезда на партийном небосводе⁸⁶. В начале декабря 1924 г. комиссия в общих выражениях доложила о задачах, которые предстоит выполнить, и рекомендовала для подготовки необходимых мероприятий назначить специальную правительственную комиссию при ЦИКе СССР⁸⁷. Результатом воздействия этих рекомендаций явилось принятое 19 декабря президиумом ЦИКа решение созвать совещание «по вопросам советского строительства», на которое предполагалось пригласить около 50 делегатов⁸⁸. Однако еще до того, как смогло собраться это совещание, партийным руководителям суждено было столкнуться со свежим примером, продемонстрировавшим слабость партийной работы в деревне. Результаты ежегодных выборов в Советы — которые в разных местах проходили в течение периода с сентября по ноябрь 1924 г. — показали заметное снижение и без того низкого процента избирателей, которые не пожалели труда и времени и зафиксировали свои голоса⁸⁹. Было очевидно, что принятие энергичных мер против растущей апатии крестьянина по отношению к строю стало настоятельной необходимостью. Постановление ЦИКа от 29 декабря 1924 г. обращало внимание на «неправильные действия и упущения в работе избирательных комиссий», в результате которых «избиратели недостаточно полно участвовали в выборах»; там, где были допущены подобные нарушения или проголосовало менее 35% избирателей, ЦИКа́м союзных и автономных республик, а также областным и губернским исполнительным комитетам предлагалось объявить недействительными проведенные уже выборы и провести новые⁹⁰. Возможно, это был главный и наиболее драматический момент во всей кампании за оживление Советов.

Совещание «по вопросам советского строительства», которое было задумано как совещание, посвященное оживлению Советов, провело свою работу в два приема — в январе и апреле 1925 г. Отчет о его работе представляет собой существенный источник информации о советской деревне, и его резолюции заложили основы советской политики в области местного управления на несколько лет вперед⁹¹. Основной доклад на январском заседании — которое прошло под председательством Калинина и на котором выступили также Рыков, Енукидзе и Киселев — был доверен Кагановичу. За четыре года, прошедшие со времени введения НЭПа, лишения гражданской войны преодолены, повсюду растет благосостояние, и массы проявляют «широкую политическую активность». Эта активность должна быть направлена в Советы, кото-

рые предстояло сменить практиковавшиеся в период гражданской войны «методы принуждения» на методы, совместимые с «общественной самодеятельностью масс». Главная задача, стоящая перед совещанием, состояла в том, чтобы «улучшить работу Советов в деревне». Это означало претворение в жизнь решения ЦИКа провести перевыборы там, где процент проголосовавших оказался ниже 35, и установить усовершенствованную процедуру проведения выборов. Каганович признал, что во многих местах крестьянин еще видит в Советах «свои собственные выборные органы». Он и другие выступавшие приводили примеры, когда списки кандидатов навязывались сопротивлявшимся избирателям партийными секретарями, комсомольскими группами или даже местными избирательными комиссиями: только на Украине (где все еще существовали комнезаможние⁹²) бедные крестьяне иногда отказывались выставить своих собственных кандидатов. В заключение Каганович выдвинул два новых положения. Первое касалось необходимости в независимых волостных бюджетах как условии настоящего местного самоуправления. Второе было связано с усилением «революционной законности»: крестьянин должен чувствовать себя защищенным «от произвола, от безобразий, от беззакония, от нарушения революционных законов»⁹³.

В любой из кампаний по оживлению Советов и улучшению местного управления молчаливо предполагалось, что непартийные элементы, симпатизирующие строю, должны привлекаться к сотрудничеству с ним. Попытка скомпенсировать неадекватную численность партийных кадров за счет призыва к беспартийным принять участие в работе Советов относится еще к прошедшему в мае 1924 г. XIII съезду партии. В тот раз Сталин с особым ударением подчеркнул, что «без обращения особого внимания на дело вовлечения беспартийных в советскую работу в губернии и уезде серьезная строительная работа невозможна» и что без такого «расширения базы» советских органов управления «Советы могут серьезно потерять в своем весе и влиянии»⁹⁴. И резолюция съезда в довольно осторожных выражениях высказалась за то, что «наряду с партийными товарищами во всю эту работу должны вовлекаться также беспартийные работники»⁹⁵. Для разъяснения «важности Советов и перевыборной кампании» по инициативе партии были проведены совещания беспартийных крестьян⁹⁶. Вступительная речь Калинина на прошедшем в январе 1925 г. совещании по оживлению Советов была завуалированной попыткой оправдать беспартийных работников, чья «основная цель заложена в том самом, над чем он сейчас работает», у кого нет «конечных, отдаленных перспектив» и кто «смотрит на то, что непосредственно сейчас выполняется перед его глазами»: это, молчаливо давал понять Калинин, вносит здоровую коррективу в «бюрократизацию», которой грешит партийный человек⁹⁷. Этот жест, однако, дал основание для весьма неожиданных и щекот-

ливых толкований. Позднее на том же самом заседании Киселев сослался на разговоры в деревнях о том, что «должны быть Советы без коммунистов» и что точно так же, как рабочие организованы в профсоюзы, и крестьянам тоже следует иметь свои собственные организации⁹⁸. Предложение об организации беспартийных крестьян как самостоятельной группы, четко отделенной от рабочих и от членов партии, тотчас же вызвало к жизни мрачные опасения о доминирующем положении в ней кулаков или эсеров; возможно, именно по этой причине о пополнении Советов за счет беспартийных крестьян особенно не упоминалось ни в докладе Кагановича, ни в резолюции совещания. Совещание рекомендовало проведение перевыборов во все Советы, где во время выборов осенью 1924 г. проголосовало менее 35% избирателей или были допущены нарушения, и разработало проект инструкций избирательным комиссиям, которые запрещали этим комиссиям выдвигать списки кандидатов, предоставляли избирателям неограниченную свободу в выдвижении кандидатов либо заранее, либо во время избирательных собраний и предусматривали проведение избирательных собраний в местных центрах, а не только в тех центрах, где располагались сельские Советы⁹⁹. Рекомендация о проведении новых выборов была поспешно осуществлена принятым 16 января 1925 г. декретом ЦИК¹⁰⁰. На этот раз право ЦИК выпускать законодательные постановления относительно выборов было, по всей видимости, соблюдено, а соответствующие конституционные права союзных республик — молчаливо проигнорированы¹⁰¹.

Это решение подняло одну важную практическую проблему. В соответствии со статьей 65 первоначальной Конституции РСФСР и соответствующими статьями конституций других союзных республик лица, использующие наемный труд или живущие на проценты с капитала, лишались, среди прочих категорий населения, избирательных прав. Конституция СССР обходила этот вопрос молчанием, поскольку избирательные права были делом республик. С другой стороны, республики, кроме содержащихся в их конституциях формальных деклараций принципиального характера, относились к этим вопросам как к не имевшим практического значения и — за единственным исключением Украинской ССР¹⁰² — вообще, по всей видимости, не выпускали никакого законодательства, которое определяло бы, каким именно способом этот принцип должен был бы претворяться в жизнь. В то время еще не существовало практики составления списков избирателей; так что когда проходили выборы, то решение о том, кого следует исключить, полностью оставалось в зависимости от каприза избирательной комиссии¹⁰³. Впоследствии рассказывалось множество историй о том, каким образом осуществлялась эта дискриминация. Один красноармеец был лишен права голосовать, потому что его дед держал в 1902 г. сельскую лавку¹⁰⁴. Русский крестьянин, живший в Казахстане, был отстранен от участия в выборах за то, что в прошлом был членом церковного совета¹⁰⁵. По-

всюду рассказывали случаи, когда крестьян лишали избирательных прав по таким обвинениям, как кража козы, «зарезал у бедняка корову» или брал взятки, — хотя ни одно из этих обвинений в суде не рассматривалось. Еще один крестьянин не был допущен к выборам, потому что в свободное время служил извозчиком у зажиточного торговца. Говорили, что в одном уезде до выборов не допустили всех крестьян, кто был когда-нибудь оштрафован за варку самогона. Рассказывали, что в одном из районов Самарской * губернии до выборов не было допущено 30% крестьян¹⁰⁶. Что было совершенно ясно — это то, что в период между 1921 и 1924 гг. этот вопрос не вызвал никакого интереса: политика «молчаливого безразличия к вопросам избирательного права»¹⁰⁷ превалировала повсюду.

Возрождение этой конституционной головоломки было прямым следствием изменений в аграрной политике. Лишение избирательных прав тех, кто использует наемную рабочую силу, было применительно к крестьянству политическим двойником положения в принятом 19 февраля 1918 г. декрете о социализации земли, которое ограничивало право использовать землю лишь теми, «кто обрабатывает ее собственным трудом»¹⁰⁸. Таким образом, когда принятый в мае 1922 г. «Основной закон» и принятый в октябре 1922 г. земельный кодекс в осторожных выражениях санкционировали в отдельных случаях возможность аренды земли и найма рабочей силы¹⁰⁹, то естественным следствием этого представлялись и определенные политические уступки. Однако лишь летом 1924 г. желание умиротворить состоятельного крестьянина стало в партии достаточно сильным, чтобы решиться на эти перемены. 11 августа 1924 г. президиум ЦИКа РСФСР принял постановление, что лица, пользующиеся наемным трудом в соответствии с условиями, оговоренными в Земельном кодексе, или получающие проценты с вкладов в сберегательных кассах, не лишаются на основании этого избирательного права. Несколько позже аналогичные постановления были приняты Украинской и Белорусской ССР¹¹⁰. Поскольку крестьянин-середняк и так никогда не лишался избирательных прав за то, что нанимал дополнительную рабочую силу на время урожая, то эта уступка совершенно недвусмысленно давалась крестьянину, который был достаточно богат — и у которого работа была поставлена на достаточно широкую ногу, — чтобы использовать наемную рабочую силу постоянно. Это решение не избежало критики на прошедшей в октябре 1924 г. сессии ЦИКа РСФСР, где Ларин энергично требовал лишить, в соответствии с положениями Конституции, кулачество избирательных прав¹¹¹. Но раз уж теперь было желательно умиротворить единственный элемент среди крестьянства, где можно было найти компетентных людей, способных работать

* Э. Карр вопреки источнику ошибочно ссылается здесь вместо Самарской на Саратовскую губернию. — *Прим. ред.*

хотя бы на низшем административном уровне, необходимо было ослабить и жесткость закона. 23 октября 1923 г. ЦИК, невзирая на соответствующий пункт Конституции, постановил, что лица, пользующиеся наемным трудом в пределах, оговоренных Земельным кодексом, «не лишаются избирательного права»¹¹². Постановление ЦИКа от 16 января 1925 г., которое предписывало провести новые выборы, сопровождалось еще одним постановлением, датированным тем же самым числом, где — в еще более вопиющее нарушение прав республик — пояснялось, что лица, ранее лишенные избирательных прав на основании указанных причин, могут быть восстановлены в этих правах, если они представят доказательства, что живут теперь на доходы от результатов своего собственного труда и что лица, использующие наемный труд в пределах, оговоренных Земельным кодексом, и лица, получающие проценты с вкладов в сберегательных кассах, не подлежат лишению избирательных прав¹¹³. Последовавшее за этим постановление президиума ЦИКа от 8 апреля 1925 г. повторяло все эти положения и подчеркивало, что для обоснования лишения избирательных прав необходимы определенные доказательства — только «заявлений отдельных граждан» для этого недостаточно. Согласно тому же самому постановлению, некоторые местные власти лишали избирательных прав кустарей, имеющих «подсобные» предприятия, а также служителей, певчих или организмов в храмах и членов церковных советов — лишение избирательных прав на таком основании объявлялось неоправданным¹¹⁴. Небольшие сложности возникли относительно крестьян, которые раньше служили в полиции, и которые — по Конституции РСФСР — на этом основании подлежали лишению избирательных прав; судя по всему, таких граждан, по установившейся практике, восстанавливали в правах, если за них подавались ходатайства от других жителей данной местности¹¹⁵.

Партия продолжала с удвоенной силой выпускать все новые призывы, направленные на то, чтобы обеспечить как можно более широкое участие в голосовании. В инструкции Центрального Комитета партии за подписью Кагановича говорилось о необходимости «шире, чем это было в прошлые выборные кампании, выдвигать беспартийных (в частности, женщин)». Беспартийные должны иметь возможность выдвигать свои собственные списки кандидатов, а с «попытками некоторых комсомольцев грубо и бестактно продиктовать свою волю избирателям» необходимо всячески бороться. Не должно предприниматься никаких попыток устранить от выборов «отдельных крестьян, в той или иной мере критиковавших действия местных органов Советской власти»: даже казаки не должны лишаться избирательных прав лишь на том основании, что они воевали против Советов во время гражданской войны¹¹⁶. Орджоникидзе в своей речи в Баку в январе 1925 г. заявил, что каждый беспартийный крестьянин должен участвовать в советской работе, а коммунистов, которые творят

безобразия, «надо гнать из партии и из деревни». Он продолжил с вызывающим ударением:

*«Надо беспартийному крестьянину дать почувствовать, что он хозяин земли, а партийцу указать, что он вовсе не является таким человеком, которого тронуть ни в какой мере нельзя»*¹¹⁷.

В течение всего февраля страницы «Правды» были полны предостережений против возможных злоупотреблений со стороны членов партии в период избирательной кампании — в особенности против незаконного лишения крестьян избирательных прав и навязывания партийных кандидатов. Каганович с особым ударением высказался на апрельском заседании совещания по оживлению Советов против «незаконного лишения избирательных прав» как во время выборов, так и на перевыборах. Термин «кулак» толковался раньше очень широко: необходимо определить эту категорию более четко, «чтобы распространительно и произвольным образом не толковали Конституцию». Избирателей отстраняли от выборов под предлогом того, что они «против Советской власти» лишь на том основании, что они выступали с критикой председателя волостного исполнительного комитета или сельского Совета¹¹⁸. С наибольшей откровенностью настроения момента были выражены в заявлении по вопросу о лишении избирательных прав так называемых кулаков, сделанном Калининым на апрельском совещании 1925 г.:

«Безусловно, у нас часто бывают злоупотребления в этом отношении. Вполне понятно, что состоятельное крестьянство даже в меньшинстве, иначе говоря, состоятельное меньшинство деревни иногда умеет продиктовать свою волю маломощному большинству. Это правильно. Но все-таки, несмотря на это, я думаю, лишать избирательных прав надо очень осторожно»¹¹⁹.

Реальная практика варьировалась в зависимости от конкретного места. Орджоникидзе приводит экстремальный случай, когда один человек, имевший трех коров, продал третью корову, дабы его не включили в категорию кулаков и не лишили избирательных прав¹²⁰. Но весной 1925 г. на основании обвинения в принадлежности к кулачеству крестьян было отстранено от выборов явно немного. Позднее один критически настроенный наблюдатель включил в число ошибок, совершенных в то время, «распространение избирательного права на категории лиц, лишенных этого права по Конституции», добавив к этому утешительное замечание, что «существенно» это на положении дел не отразилось¹²¹. При господствовавшей избирательной системе существенную роль играл скорее моральный, чем численный перевес.

Перевыборы в сельские Советы начались в феврале 1925 г. и продолжались в отдельных случаях вплоть до мая или июня. Трудности материального характера, а также организованные кое-где на местах служащими и партийными работниками обструкции¹²² помешали реализовать намеченную программу в полном объеме. Однако, когда в начале апреля собралось второе за-

седание совещания по оживлению Советов, Каганович смог отпарировать, что полные перевыборы уже проведены или находятся в стадии проведения в десяти губерниях, а еще в нескольких осуществляются частичные перевыборы¹²³. Шесть недель спустя, на III съезде Советов СССР, было объявлено о переизбрании одной трети всех сельских Советов¹²⁴. Весьма обнадеживающую оценку происходивших событий дал на пленуме Исполкома Коминтерна Бухарин:

«...Крестьянин стал гораздо активнее, чем он был прежде. Его политический горизонт расширился, самостоятельность выросла, он чувствует потребность более энергичного участия в политической жизни, в органах государственного аппарата — сельсоветах, кооперации и пр.»¹²⁵.

Общий вердикт сводился к тому, что «выборные собрания в массе проходили гораздо более оживленно и деловито, чем раньше»¹²⁶. Приводились некоторые весьма впечатляющие цифры, демонстрирующие рост числа участвовавших в перевыборах — их процент увеличился с 25 до 57 в Гомельской губернии, с 13 до 38 — в Рязанской губернии, с 25 до 39 — в Воронежской губернии, с 20 до 55 — в Иркутской губернии и с 23 до 61 — в Харьковской губернии¹²⁷. Однако это были случаи исключительные. Общие данные о выборах в РСФСР, проведенных в 1924—1925 гг., показывали, что процент участвовавших в выборах в сельские Советы составил 41,1 по сравнению с 37,2 в 1923 г. Однако эти цифры наряду с результатами перевыборов, проведенных весной 1925 г., были включены и результаты не подлежащих аннулированию выборов, прошедших осенью 1924 г.¹²⁸

Еще более, судя по всему, значительные успехи были достигнуты в осуществлении другой из провозглашенных целей, которые были поставлены перед перевыборами, — увеличении участия в Советах беспартийных. В то время как выборы, проведенные осенью 1924 г., выявили «резкое повышение в составе советов процента коммунистов и бедняцких элементов деревни и одновременно ясно выраженный абсентеизм избирателей», перевыборы весны 1925 г. показали «резкое падение процента коммунистов и бедноты в Советах и высокую активность избирателей»¹²⁹. Процент коммунистов в Советах сократился в результате повторных выборов с 12 до 7 — или, согласно другим подсчетам, наполовину; поскольку в связи с ростом числа избирателей увеличилось и общее количество членов Советов, то абсолютное снижение процента депутатов-коммунистов составило, как утверждалось, от 30 до 35. Это снижение с откровенностью объяснялось не только как следствие решения Центрального Комитета партии стимулировать избрание беспартийных кандидатов, но также и «в значительной степени» как результат отклонения крестьянскими избирателями в ходе этих первых относительно свободных выборов «негодных коммунистов»¹³⁰. В категорию «коммунистов» в этом контексте включались не только члены и кандидаты в члены партии, но так-

же и члены комсомола. Число последних по сравнению с предыдущими цифрами сократилось на одну пятую или на одну седьмую; их явная непопулярность частично объяснялась той репутацией, которая укрепилась за ними вследствие их необузданного поведения, частично — из-за проводимой ими активной антирелигиозной кампании, но главным же образом — нежелания крестьян выбирать в Советы неопытную молодежь ¹³¹.

в) Кулак и партия

Достигнув явных успехов в осуществлении той цели, для которой они были предназначены, повторные выборы вместе с тем выявили острые дилеммы партийной политики. Не исключено, что возможные результаты, к которым могли привести эти перевыборы, вообще не оценивались. Поначалу говорили, что некоторые зажиточные крестьяне опасались, что перевыборы могут вызвать приток в органы, где доминировали ранее зажиточные, бедных крестьян и батраков ¹³²; Ларин, возможно, скрепя сердце назвал перевыборы «ярким актом проведения нашей противокулацкой линии» ¹³³. Последующее развитие событий оказалось в противоречии с какими бы то ни было ожиданиями такого рода. В связи с отсутствием какого бы то ни было точного определения различных категорий крестьянства статистические данные на сей счет отсутствуют. Однако в целом результаты подтверждали правоту тех, кто видел в этих перевыборах «отказ партии и Советской власти от поддержки бедноты... поворот в сторону крепкого хозяина, в руки которого и отдается руководство сельсоветами» ¹³⁴. Бросавшейся в глаза чертой этих выборов было «страшнейшее стремление кулачества пролезть к власти» ¹³⁵. «Зажиточные и кулацкие слои деревни, — по словам другого обозревателя, — проявили к новым выборам громадный интерес и готовились к ним весьма интенсивно» ¹³⁶. Оживление Советов на Украине на деле означало, что «кулацкий элемент изучает законы, чтобы использовать их для своих групповых интересов» ¹³⁷. Согласно оценкам, доля крестьян-середняков, избранных в Советы, возрасла с 30—40 до 70—75% ¹³⁸. И это тоже было весьма знаменательно: ведь кулак часто укрывался за спиной середняка, «который ближе стоит к кулаку, чем к незаможнику» ¹³⁹. «В целом ряде районов нашей страны, — отметил несколько позднее Сталин, — **середняк оказался на стороне кулака против бедняка**» ¹⁴⁰. Бедняки, невежественные и недееспособные, подчинялись кулаку или середняку, от которых зависел хлеб их насущный. В отсутствии сильного партийного руководства и поддержки они оставались политически пассивными и, судя по всему, повсюду теряли позиции ¹⁴¹. После повторных выборов процент «безлошадных» крестьян в сельских Советах упал, как утверждалось, до 4 ¹⁴², в то

время как процент батраков и несельскохозяйственных наемных работников, вместе взятых, составил всего лишь 2,9 ¹⁴³.

Все эти явления были особенно заметны в отдаленных районах, расположенных на большом расстоянии от центрального контроля, — там состоятельный крестьянин имел возможность осуществить свое влияние, не боясь ограничений и не маскируясь. Один делегат с Северного Кавказа нарисовал на прошедшей в апреле 1925 г. XIV партийной конференции картину, которая — хотя там, возможно, и были несколько сгущены краски, ведь в этом районе кулак всегда был особенно силен, — дает истинное представление о ситуации в других районах СССР. Поначалу к новым лозунгам отнеслись с недоверием, как к очередному «обману». Но потом, после того как были проведены повторные выборы, отношение зажиточных крестьян изменилось.

«Как только убедились, что коммунисты на местах действительно прекратили командование, что нет ненавистных обязательных списков, что есть возможность индивидуальных выборов, возможность даже провалить коммуниста, намозолившего им глаза, оскандлившегося на работе, хлебоборобы и казаки поверили нам, толпами пошли на выборы, и сразу авторитет Советской власти в этих районах вырос невероятно» ¹⁴⁴.

В районе Кубани курс «Лицом к деревне!» понимался как поворот к зажиточности; свобода выборов — как отказ со стороны партии от руководства перевыборной кампанией и Советами. Переход к «либеральным» концепциям свободы привел — как, по утверждению марксистов, он и должен был привести — к верховенству капиталистов и стимулировал участие в выборах «бывших атаманов, белогв. офицеров и др. антисоветских элементов» ¹⁴⁵. Во время выборов в Башкирии «классовый принцип вообще не соблюдался, и в Советы часто попадали кулаки и попы», а причина этого заключалась в том, что «советский аппарат был в общем очень слабым и число идейно выдержанных работников в местных Советах и исполкомах было недостаточно» ¹⁴⁶. В Узбекистане русские кулаки угрожали бойкотировать Советы и не использовать более наемных работников, если их лишат избирательных прав ¹⁴⁷. В Казахстане «Советское строительство в ауле было воспринято по форме, а не по существу, социальная основа власти осталась прежней: советы были орудием в руках баев-родовичей».

Объектами такого проникновения оказались не только советские, но и партийные органы; бывшие члены Алаш-орды* «стремились насаждать под флагом ячеек ВКП(б) свои контрреволюционные организации» и раздавали своим сторонникам партийные билеты ¹⁴⁸. В одном из уездов Казахстана кулачество и байство проявило большую активность, толкая бедноту на избрание опре-

* «Алаш-Орда» — националистическая контрреволюционная организация в Казахстане. — *Прим. ред.*

деленных байских ставленников», один из которых оказался муллой¹⁴⁹.

Тревогу, которую эти неблагоприятные симптомы посеяли в партийных кругах, успокоить было весьма нелегко. Попытка наводнить сельские Советы беспартийными крестьянами и сократить — относительно или даже абсолютно — в них число членов партии вызвала во многих партийных группах — особенно на отдаленных аванпостах — глубокое возмущение. Один комментатор констатировал «растерянность и упадочность настроений деревенских коммунистов», которые с горечью сопротивлялись тому, что «партийцы, участвовавшие в гражданской войне, без жалости выбрасываются за борт»¹⁵⁰.

«Их состояние было растерянным, даже паническим. Поворот партии «лицом к деревне» их потряс. Он казался опасным отступлением перед кулацким элементом — шагом, намного более важным и рискованным, чем НЭП»¹⁵¹.

Бухарин год спустя вспоминал, как многие коммунисты были в то время «растеряны» и «сбиты с толку», не знал, как себя вести¹⁵². Ведь не произошло ничего такого, что могло бы изменить соотношение общественных сил в деревне. Оживление Советов, сопровождавшееся значительной мерой самоотречения со стороны партии, казалось, всего лишь вложило в руки врагов строя новое орудие власти. Один оратор, выступавший в январе 1925 г. на московской губернской партийной конференции, с угрозой заметил, что «определенные эсеры и зажиточные крестьяне, которые, по-видимому, в разные времена бежали из деревни, теперь объявляются под видом беспартийных крестьян»¹⁵³. На апрельском заседании совещания по оживлению Советов Каганович подтвердил, что «на выборах некоторых сельсоветов под видом беспартийных проскальзывали эсеры, которые выступали, выставя лозунг «Советы без коммунистов», т. е. старый мялюковский лозунг»¹⁵⁴. К концу того же месяца, во время XIV партийной конференции, он снова настаивал на испытанной необходимости в партийном руководстве в Советах, хотя и признал, что если все дела Советов будут заранее предрешаться в партийной фракции, то тут «большой живости не проявится». Однако кроме призывов осуществлять партийное руководство «более гибко, более эластично», никаких других выходов из этой дилеммы не предлагалось. Наконец, Молотов, подводя итоги дискуссиям, пояснил, что «оживление Советов» вовсе не предполагает «какого-нибудь послабления или смягчения по отношению к враждебным советской диктатуре политическим группировкам» — рука дружбы и сотрудничества протягивается не «меньшевикам, эсерам и т. д.», а «широкой беспартийной массе»¹⁵⁵. В резолюции этой конференции говорилось о «восстановлении и укреплении работы коммунистических фракций» в Советах и других органах и о желательности избрания в эти органы беспартийных крестьян и рабочих, «вообще преданных Советской власти»¹⁵⁶. Никаких дальнейших разъ-

яснений по поводу того, как именно следует применять эти принципы по отношению к зажиточному крестьянству и кулачеству, дано не было.

Собравшийся через месяц после этой конференции III Всесоюзный съезд Советов обнаружил меньше замешательства по поводу результатов этих выборов. Калинин перечислил недостатки сельских Советов: «недостаточно широкое вовлечение трудящихся, в особенности женщин и в особенности в наших автономных республиках, областях и на окраинах Союза»; «умаление роли Советов как органов подлинной народной власти, подмена их персонально председателями исполкомов» и «низведение Советов до роли учреждения, регистрирующего готовые решения». Он дал понять, что представители партии все еще злоупотребляют «механическим манипулированием», чтобы обеспечить принятие заранее заготовленных списков кандидатов, и — будучи верным своей политике покровительства состоятельному крестьянину — выразил неудовольствие в связи с «исключением из списка избирателей неугодных лиц под видом кулаков»¹⁵⁷. Резолюция съезда по докладу Калинина, одобрявшая рекомендации совещания по оживлению Советов, ничего, кроме затасканных банальностей, не содержала¹⁵⁸. Тем не менее у руководства были все основания чувствовать себя удовлетворенным. «Ставка на кулака» достигла теперь наивысшего подъема. Ее политическим двойником служил курс на оживление Советов. Когда один официальный журнал приветствовал новую политику как доказательство намерения выбирать в Советы тех, кто знает, «на чем родится хлеб»¹⁵⁹, то это выражало правду как в буквальном, так и в метафорическом смысле. Состоятельные крестьяне были не только самыми умелыми земледельцами, они были еще и людьми, которые, скорее всего, смогут наиболее эффективным образом организовать работу Советов: за неимением присылаемых из центра квалифицированных администраторов — которых все равно не было ни в каком количестве — они были единственными людьми, способными это сделать. Оживление Советов, так же как и ставка на кулака, представляло собой политику, ориентированную на максимальную эффективность. Политика, проводимая летом 1925 г., производила впечатление — если не считать мнения отдельных особенно стойких партийцев и доктринеров — политики, исполненной безупречного здравого смысла. Между тем съезд Советов, не удовлетворившись простым одобрением политики оживления Советов, внес свой вклад в выдвижение беспартийных, избрав 146 из них в только что сформированный ЦИК, что соответствовало 22% от его общего состава. В предыдущем составе ЦИКа беспартийных было всего лишь 11%¹⁶⁰. ЦИК, избранный прошедшим в то же самое время XII Всероссийским съездом Советов, пошел еще дальше, демонстративно избрав беспартийного крестьянина и беспартийного рабочего в состав своего президиума¹⁶¹.

Если, однако, оживление советских органов проводилось в то время главным образом за счет поисков новой поддержки за пределами партийных рядов, партийное давление было достаточно сильным, чтобы не допустить забвения второй из целей, провозглашенных XIII съездом партии, — «усилить влияние партии в этих органах». В самом деле, несмотря на то что на первый взгляд эти две цели могли казаться несовместимыми, в конечном счете стало ясно, что в государстве, всецело подчиненном партии и руководимым ею, аппарат местного управления не может работать гладко и эффективно, если он не является объектом активного проникновения в него влияния партии. Точнее говоря, в стране, где отношения центрального правительства с крестьянством — и с отдельными категориями крестьянства — представляют основную политическую проблему, контролирующая центральное правительство партия не может относиться безразлично к вопросу о том, какая именно категория крестьянства контролирует органы местного управления. И чем более эффективными становились эти органы — ведь предметом политики как раз и являлось повышение их эффективности, — тем меньше безразличия могла в этом позволить себе партия.

Следовательно, в то время, как партия громогласно провозглашала свое желание вовлечь в работу Советов «беспартийные элементы» и ослабить тот прямой контроль, который партия осуществляла здесь прежде, противоположные силы все более и более настойчиво вынуждали ее к такому вмешательству. Теоретически рост влияния партии в деревне можно было бы наилучшим образом обеспечить за счет более широкого привлечения крестьян в партию. Однако после того, как этот метод был испробован и подвержен ограничениям из-за извечных запретов, связанных с недопустимым разжижением партии непролетарскими массами¹⁶², уже не оставалось ничего другого, кроме как прибегнуть к альтернативному методу — посылать в деревню членов партии в качестве миссионеров партийных целей и исполнителей партийной политики. Но и этот метод был тоже лимитирован нехваткой пригодных работников, общим нежеланием в партийных кругах брать на себя столь непривлекательные и малопочетные обязанности и теми трудностями, которые проистекали из специфики самой этой задачи¹⁶³.

Общие рекомендации прошедшего в мае 1924 г. XIII съезда партии и проведенного в октябре 1924 г. Пленума ЦК о переводе членов партии в сельские местности вызвали весьма слабый ответ, если таковой вообще был. В декабре 1924 г. Центральный Комитет партии «санкционировал решение» Центрального Комитета комсомола о посылке на посты в сельской местности 600 комсомольцев¹⁶⁴ — что служило индикатором невозможности найти для этих целей партийных работников. Это было явным уклонением партии от своих прямых обязанностей. Весной 1925 г. Молотов посетит от имени Секретариата ЦК ряд организаций в Тамбов-

ской, Курской и Тульской губерниях; самой важной из рекомендаций, которые он сделал по возвращении, была рекомендация направить в сельские районы больше партийных работников¹⁶⁵. В апреле 1925 г., в самый разгар кампании по оживлению Советов, XIV партийная конференция приняла решение послать в деревню до 1 сентября 30 тыс. партийных пропагандистов, а также 10 тыс. партийных работников для использования в качестве инструкторов при уездных партийных комитетах и 20 тыс. комсомольцев для укрепления местных молодежных организаций¹⁶⁶. Это решение было выполнено. 60 тыс. человек были распределены по деревням. Однако официальный отчет об этом мероприятии, сделанный на следующее лето, выявил некоторые связанные с этим затруднения. Много жалоб было зарегистрировано относительно «неумелого и бестактного подхода отдельных товарищей к работе в деревне». С другой стороны, местные партийные организации иногда не оказывали вновь прибывшим «деловой поддержки» и относились к ним как к «чужим». Общераспространенным было недовольство по поводу посылки в деревню и желание вернуться в города. 5% из всех посланных в деревню эту работу оставили — об этих случаях упоминалось как о «дезертирстве», — а в некоторых местностях этот процент оказался еще выше. Несмотря на выраженное формальное одобрение того, что было достигнуто, создавалось явное впечатление, что эта кампания отнюдь не принадлежала к числу успешных¹⁶⁷. Такие практические трудности все еще стояли в середине 20-х годов на пути реализации смычки между пролетариатом и крестьянством и установления авторитета партии в сельских местностях Советского Союза.

Средством, которое в то время широко использовалось или рекомендовалось для повышения уровня партийной работы в деревне, было осуществление так называемого «шефства»¹⁶⁸. Это означало, что партийная организация рабочих брала под свое покровительство соответствующую сельскую организацию, обеспечивая ей консультации, материальную поддержку и, главное, помощь опытных партийных работников. Ленин несколько раз говорил о необходимости такого рода поддержки, оказываемой деревне со стороны города и завода¹⁶⁹. Создание официального органа или учреждения, занимающегося содействием и развитием «шефства», относится, по всей видимости, к началу 1923 г. Прошедший в мае 1924 г. XIII съезд партии рекомендовал создание специальных рабочих обществ с целью усиления «общей работы культурного шефства над деревней» и с одобрением упоминал «рабочие общества культурной смычки города с деревней», созданные уже Ленинградской партийной организацией¹⁷⁰. Однако в действительности эта программа начала функционировать только зимой 1924/25 г., с введением лозунга «Лицом к деревне!» и осуществлением кампании по оживлению Советов. В ноябре 1924 г. Центральный Комитет выпустил резолюцию, где предпринималась попытка определить характер «культшефской работы». Концентра-

ция усилий исключительно на агитации и культурной пропаганде или на материальной помощи объявлялась отклонением от правильного курса: нужно было сочетать оба эти направления¹⁷¹. Вторая годовщина этой программы была отмечена статьями, опубликованными в самом начале 1925 г. в новогодних выпусках газет¹⁷². В последующие месяцы Ленинградская партийная организация провозгласила «неделю смычки между городом и деревней» и провела совещание «рабочих обществ культсмычки». В резолюции XIV съезда партии это «шефство» получило одобрение партии, хотя там и содержались предостережения против таких ошибок, как «легкомысленная политическая и антирелигиозная пропаганда» и «соединение шефских командировок с развлечениями»¹⁷³, которые все эти мероприятия приняли к концу года, дали основания Молотову заявить о существовании миллиона членов шефских организаций, из которых 60—70% составляли рабочие¹⁷⁴; в апреле 1926 г. в Москве было проведено всесоюзное совещание по шефской работе¹⁷⁵. Понятие «шефство» в точности отражало кардинальную партийную доктрину руководящей роли пролетариата, которая единственно только и могла дать возможность загнать отсталое крестьянство в революционное стадо. Помимо этого, оно обеспечивало еще и подходящее средство вовлечь городского партийного рабочего в выполнение обязанностей, которые лежали на партии в деревне. Но поскольку найти способы такого вовлечения всегда довольно трудно, то, возможно, в этом и состояло его основное практическое значение. Шефство еще в течение нескольких лет продолжало широко фигурировать в партийной пропаганде и в партийных проповедях.

Кампания по перевыборам в Советы — так же как и проведение аграрной политики, обеспечивающей более широкую поддержку кулачеству, — достигла наивысшей точки в мае 1925 г. Затем стали все больше проявляться настроения критики и разочарования, что, по всей видимости, отражало новые размежевания сил в самой партии. Разумеется, случались и вопиющие перегибы и злоупотребления. Говорили, что в некоторых местах усердие местных властей превзошло даже требования, выдвинутые официальным постановлением: они требовали, чтобы в выборах приняло участие 70% населения и аннулировали результаты тех выборов, где это требование не было соблюдено. В других местах, случалось, милиция сгоняла избирателей на выборы в приказном порядке, угрожая штрафом тем, кто не подчинялся этим требованиям¹⁷⁶. В июне 1925 г., когда Сталин уже предпринимал маневры с целью охладить пыл энтузиастов прокулацкой политики¹⁷⁷, он обратил также свое критическое внимание и на осуществление политики оживления Советов, признав публично, что до настоящего времени «в целом ряде районов выборы Советов в деревне представляли не действительные выборы, а пустую канцелярскую процедуру протаскивания «депутатов» путем целого ряда ухищ-

рений и нажима со стороны узкой группы правителей, боящихся потерять власть», хотя и утверждая при этом, что «теперь такой практике выборов в деревне кладется конец»¹⁷⁸. Еще более категоричная практика содержалась в опубликованном двумя месяцами позже официальном партийном отчете:

«Мало хорошего пока можно сказать о результатах осуществления директив партии по оживлению Советов; достижения здесь крайне незначительны. Принимаемые в этом направлении мероприятия в ряде мест пока еще не выходят за бумажные рамки...»¹⁷⁹ В тот момент линия партии в отношении к крестьянину все еще колебалась и была неопределенной. Следовательно, и политика оживления Советов жестко ориентировалась в соответствии с этой линией.

Наиболее знаменательным барометром перемены мнений была дискуссия о расширении избирательных прав, которая имела скорее символическое, чем практическое значение и продолжалась в течение всего лета и осени 1925 г. В первые месяцы 1925 г. неспешно велась разработка новой Конституции РСФСР¹⁸⁰. Совершенно очевидно, что логический курс заключался в том, чтобы включить в нее новые правила, установленные январским Постановлением ЦИКа, в соответствии с которыми избирательное право предоставлялось тем, кто в допускаемых теперь пределах использовал наемный труд и получал проценты с вкладов в сберегательных кассах¹⁸¹. Этот курс был принят, а когда в начале мая 1925 г. проект пересмотренной Конституции был передан на рассмотрение ЦИКа РСФСР¹⁸², оказалось, что в нем повторялись соответствующие пункты январского Постановления ЦИКа. Однако чувствовалось, что такое открытое отступление от того, что было однажды провозглашено как фундаментальные принципы Конституции, встретило определенные возражения. В конце концов, можно было выдвинуть доводы, что эти «временные правила», позволявшие применение наемного труда в сельском хозяйстве, были введены не навсегда и было бы неразумно основывать на них конституционные положения. В принятом окончательном тексте статьи 69 новой Конституции оказалось точным воспроизведением статьи 65 старой Конституции, отдельные изменения в формулировках сути этих положений не затронули: «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли», и «лица, живущие на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала...» вновь объявлялись неспособными избирать или быть избранными в советские органы. Это демонстративное утверждение революционных принципов можно было бы объяснить либо как один из последних ударов, нанесенных доктринерами раннего периода революции, либо как один из первых симптомов наступления против прокулацкой политики весны 1925 г. — возможно, это было сочетанием обоих элементов. Практического эффекта это не имело. Поскольку в ближайшее время никаких новых выборов не предвиделось, противоречие между новой Конституцией РСФСР и постановлением ВЦИКа оста-

валось чисто академическим. Невзирая на текст Конституции, народный комиссариат юстиции опубликовал месяц спустя, 18 июня 1925 г., инструкцию, в соответствии с которой кустари и ремесленники, имеющие до двух учеников, не приравниваются к лицам, эксплуатирующим наемный труд, и не подлежат лишению избирательных прав¹⁸³.

То обстоятельство, что повторные выборы, назначенные после выборов осенью 1924 г., не везде были закончены до июня 1925 г., давало повод для определенной свободы действий относительно назначения сроков следующих выборов¹⁸⁴, и они были растянуты на последние два месяца 1925 г. и первые месяцы 1926 г.¹⁸⁵ Тем временем произошло некоторое смещение акцентов. В конце сентября 1925 г., в связи с намечавшимся на первую неделю октября важным Пленумом Центрального Комитета партии, была опубликована пространная инструкция за подписью Молотова, адресованная местным партийным организациям. Она начиналась с констатации того, что кампания по оживлению Советов значительно «усилила связь партии с широкими рабочими и крестьянскими массами» и утверждения необходимости продолжать эту кампанию. Новой нотой был акцент на необходимости организации бедных крестьян и на принятие мер, которые обеспечили бы союз с ними середняков¹⁸⁶. 2 октября 1925 г., накануне пленума, «Правда» опубликовала доклад Молотова «О работе партии среди деревенской бедноты», в котором содержалось специальное предписание местным партийным организациям обеспечить перед выборами особые собрания крестьянской бедноты — что было впоследствии одобрено Центральным Комитетом. Это создавало впечатление важной уступки в пользу антикулацкого направления в партии и должно было, казалось бы, предотвратить опасность разрыва по этому вопросу с Зиновьевым и Каменевым¹⁸⁷. Однако это равновесие было — после того как отложили заседание Пленума Центрального Комитета — до некоторой степени восстановлено Постановлением РСФСР от 14 октября 1925 г., которое, полностью игнорируя непоследовательность в этом отношении Конституции, повторяло положения январского декрета ВЦИКа, предоставляющего избирательные права лицам, применяющим наемный труд в пределах, предусмотренных Аграрным кодексом¹⁸⁸. В то же самое время ЦИК опубликовал декрет, предлагавший ЦИКа́м союзных республик — редкий жест в сторону исполнения конституционных установлений — образовать в каждой из республик избирательную комиссию «для общего руководства избирательной кампанией и для рассмотрения жалоб на действия краевых (областных) и губернских избирательных комиссий»¹⁸⁹. Было ясно, что вне зависимости от указанного предписания единство мнений относительно предоставления или лишения избирательных прав достигнуто не было и практика варьировалась в зависимости от конкретной местности, причем главным определяющим фактором была степень влияния кулаков и склонность местных властей предпринимать ме-

ры для их умиротворения. Тем не менее создается впечатление, что предоставленное послабление в общем и целом применялось довольно широко. Число лишенных избирательных прав в сельских районах РСФСР сократилось с 541 тыс. во время избирательной кампании 1924—1925 гг. до 416 тыс. человек во время выборов 1925—1926 гг.; утверждалось, что эти цифры представляли собой соответственно 1,3 и 1,0% всего населения этого региона, достигшего возраста, позволявшего участие в голосовании¹⁹⁰.

Инструкция, предписывавшая организацию особых крестьянских бедняцких групп, судя по всему, существенного воздействия не возымела и не была воспринята слишком уж всерьез. Когда на собрании Московской партийной организации, проведенном сразу же вслед за Пленумом Центрального Комитета, Каменеву задали вопрос, как именно следует организовывать такие бедняцкие группы, он ответил, что «ЦК не дал здесь точной организационной формы, и не дал этого сознательно»; а когда другой из делегатов спросил, не равносильно ли создание таких групп возрождению комбедов и возврату к классовой войне в деревне, он пояснил в ответ, что теперь партия в состоянии достигнуть своих целей «не в порядке гражданской войны, а в порядке гражданского мира, имея весь государственный аппарат в своих руках»¹⁹¹. Некоторые особенно твердо приверженные крестьянской ориентации местные партийные организации создавали препятствия на пути к выполнению этой инструкции или медлили с ее реализацией под теми предлогами, что она недостаточно ясно сформулирована, что не предоставляется возможным найти достаточно представительные группы крестьянской бедноты или из-за отсутствия явно выраженной кулацкой деятельности¹⁹². В некоторых районах местные организации заняли «позицию своеобразного нейтралитета в отношении избирательной кампании, устранив себя от руководства трудящимися массами при выборах в Советы»¹⁹³. Там, где собрания деревенской бедноты были созваны, они оказались сорваны кулаками, в других местах кулачество начинает искать пути для обеления себя как «поборника интересов бедноты»¹⁹⁴. Цель использовать такие собрания для выдвижения в качестве кандидатов на выборы представителей крестьянской бедноты оказалась, по всей видимости, достигнута в весьма редких случаях. Как и прежде, особенно плохая ситуация сложилась в отдаленных районах. В Казахстане — хотя там, как утверждалось, проголосовало 62% населения — выборы прошли по линии семейных кланов и «баи... в большинстве случаев оказались победителями»¹⁹⁵. На Кавказе кулаки солидаризировались с «бывшими баями» и представителями местной мелкопоместной знати и использовали все средства — включая физическое насилие и подкуп в форме ссуд сельскохозяйственной продукцией или скотом, — чтобы вынудить бедных крестьян оказать им поддержку¹⁹⁶. Настоящим раем для политически сознательного кулака казалась Сибирь, где население было

относительно редким и рассеянным и сохранилось много крупных земельных владений; один иностранный обозреватель сообщал в 1926 г., что «Советы в Сибири даже сейчас еще считаются слишком зависимыми от деревенской психологии и, следовательно, от сильных крестьян, чтобы быть полностью приемлемыми для партии», и что представители партии и правительства «снискали у запуганных крестьян особую ненависть и достаточно часто подвергались не только избиениям, но и опасности быть убитыми»¹⁹⁷.

Снова была организована энергичная пропагандистская кампания с целью обеспечить широкое участие в выборах. В начале ноября 1925 г., когда вот-вот должны были начаться новые выборы, было опубликовано твердое предостережение, подписанное Калинин, что любой принявший хоть сколь-нибудь массовые масштабы отказ от голосования повлечет за собой новое аннулирование результатов выборов¹⁹⁸. Когда во время проходившего шестью неделями позже XIV съезда партии Молотов подводил предварительные итоги кампании, он с осторожностью заявил, что «это оживление Советов началось, кое-где, правда, только-только еще начинается». Процент принявших участие в голосовании увеличился в ходе недавних выборов до 45, что означало пятидесятипроцентное увеличение по сравнению с предыдущим годом и здоровый признак интереса со стороны «беспартийных масс»¹⁹⁹. Когда стали известны полные и окончательные результаты выборов зимы 1925/26 г., то они показали, что в РСФСР приняло участие 47,3% наличных избирателей по сравнению с 41,1% в 1924—1925 гг. Если в предшествующие годы в 27,5% всех губерний, областей и автономных республик РСФСР этот процент упал ниже 35, то в 1925—1926 гг. этого минимального уровня не было отмечено ни в одной из них²⁰⁰. Еще более высокие показатели были зарегистрированы в других республиках: на Украине — 54% (против 46,6 в 1924—1925 гг.), в Белоруссии — 46,5, в Армении — 47,9, в Грузии — 51,3, в Азербайджане — 60,2, в Узбекистане — 45,7, в Туркменистане — 52%²⁰¹. Продолжал ли по-прежнему падать процент избранных коммунистов — неясно. Молотов в своем предварительном отчете в декабре 1925 г. утверждал, что да, однако к такому заключению он пришел, смешав вместе результаты недавних выборов и результатами перевыборов, проведенных весной 1925 г.²⁰² Согласно более поздним данным, процент избранных коммунистов после резкого падения, отмеченного в 1924—1925 гг., на выборах 1925—1926 гг. снова слегка возрос²⁰³. Это находилось бы в согласии с новым поворотом в партийной политике, которая начиная с этого времени стала оказывать резкое противодействие практиковавшемуся в 1925 г. умиротворению зажиточного крестьянина.

Однако было бы, возможно, ошибочным делать заключение, будто этот новый поворот в политике был достаточно определенным, чтобы оказать какое бы то ни было серьезное воздействие на выборы в Советы, проведенные в 1925—1926 гг. В своем до-

кладе Молотов вновь открыто говорил о возрастающей классовой дифференциации в деревне, об усилении «наступления кулачества» и о трудностях, стоящих на пути организации бедняков²⁰⁴. Большинство свидетельств того времени говорит о том, что, каковы бы ни были прочие достижения курса на оживление Советов, он, бесспорно, привел к усилению влияния и уверенности в собственных силах зажиточного крестьянина. Оптимистический отчет из Кубанского района рапортовал, будто в ходе выборов, проведенных в январе — феврале 1926 г., кулак оказался менее активным, бедняк стал лучше организован, а середняк проявлял меньше склонности идти рука об руку с кулаком²⁰⁵. Однако если это и было правдой, то скорее представляло исключение, чем правило. Бухарин в январе 1926 г. заявил, что кулак «пролез» в Советы, но произошло это исключительно потому, что «за него голоснул середняк, а может быть, и бедняк»²⁰⁶, а несколько позднее добавил, что кулак следовал одной из двух линий: «стремился завоевать себе место в советах», или, если встречал здесь надлежащий отпор, «шел в кооперацию», ставя себе целью «захват тех организационных командных высот, которые есть в деревне»²⁰⁷. Более поздний комментатор свидетельствовал, что во время выборов 1925—1926 гг. «враждебные классовые элементы» проникли в Советы и что кулаки даже заседали в избирательных комиссиях²⁰⁸. Двусмысленность сложившейся ситуации отразилась в относившемся к тому времени партийном документе, который после заверений, будто «растерянность деревенских коммунистов изживается», признавал далее, «что этим самым можно посеять смуту в деревне, кулачество может в противовес создать свой актив, который на выборах возьмет первенство в свои руки»²⁰⁹. Выборы 1925—1926 гг. показали, что за счет того, что выборы стали частично свободными, и за счет привлечения избирателей к процессу голосования был сделан значительный вклад в оживление Советов, однако достигнуто это было ценой передачи инструмента потенциальной власти в руки зажиточного крестьянина, который получал теперь возможность перевести на язык политики экономические последствия «ставки на кулака».

Одним из второстепенных последствий кампании по оживлению Советов оказалось то, что она стимулировала сопротивление политике «укрупнения» волостей и сел²¹⁰. Когда этот процесс переживал точку наивысшего подъема, проходивший в апреле 1923 г. XII съезд партии предусмотрительно выразил в принятой им резолюции по вопросу о районировании предостережение, что укрупнение волостей должно осуществляться «с величайшей осторожностью и с полным учетом интересов широких масс крестьянского населения»²¹¹. Особого внимания этому предостережению не придали. Увеличенная удаленность волостных центров от периферийных частей укрупненных территориальных единиц не могла не повлиять на участие населения в делах волости. Жалобы, что про-

должительность волостных съездов Советов была ограничена четырьмя или пятью часами, что не давало времени для серьезных дискуссий, парировались доводом, что крестьянских делегатов, посылаемых в отдаленные центры для участия в более продолжительных по времени съездах надо размещать на квартиры и кормить, а на это не было никаких государственных средств²¹². Одним из последствий укрупнения волостей стало снижение процента крестьян в волостных исполнительных комитетах, поскольку многие из них могли позволить себе тратить много времени и обеспечить себя транспортом для поездок в волостной центр. В Тульской губернии, где концентрация достигла экстремальных размеров — вместо 229 старых волостей здесь было образовано 56 новых районов, — процент крестьян в исполнительных комитетах упал с 80,9 до 54,8, а процент членов партии одновременно увеличился с 38,6 до 89,3²¹³. Не подлежит сомнению, что районные исполнительные комитеты стали более эффективными, однако в то же самое время они стали менее репрезентативными с точки зрения представления интересов крестьянства и в них более явным образом господствовали партийные и государственные назначенцы, что давало основание порой саркастически именовать их «волостными совнаркомами»²¹⁴. А это был результат, прямо противоположный тому, чего стремились достигнуть за счет оживления Советов.

Эта же самая проблема предстала в еще более серьезной форме, когда политика укрупнения была распространена на села. Один критически настроенный автор усмотрел во всем этом процессе тенденцию не к тому, чтобы «сельсоветы и вообще Советы приблизить к населению, но, наоборот, чтобы нижестоящие инстанции Советов притянуть к вышестоящим, чтобы легче ими командовать»²¹⁵; и желание вышестоящих властей иметь дело с легче поддающимся контролю количеством укрупненных административных единиц сыграло здесь, разумеется, роль одного из сознательных или бессознательных факторов. Это явилось одним из аспектов того столкновения между централизованной эффективностью и децентрализованной репрезентативностью, которое было внутренне присуще всей проблеме оживления Советов. Когда волость заглатывалась более крупным районом, то административная единица, оказавшаяся непосредственно уровнем ниже — сельский Совет, — неизбежно приобретала большее значение. В известном смысле оказалось, что место волости в административной иерархии заняло именно село: приводился даже один случай, когда волость оказалась переименована в село²¹⁶. Однако вне зависимости от мотивов укрупнения сельских Советов и от происшедшего в результате этого сокращения их числа его последствия для сельского населения сомнению не подлежат. «При наших огромных пространствах, бездорожья, разбросанности населенных пунктов и при наличии почти половины безлошадного населения» укрупнение было «с точки зрения связи населения с сельсоветом... нецелесообразно»²¹⁷. Прошедшее в 1925 г. совещание по оживлению Советов

на своем апрельском заседании приняло резолюцию, в которой заявлялось, что укрупнение сельских Советов противоречит положению Постановления от октября 1924 г., разрешавшего создание своих сельских Советов пунктами с численностью населения начиная с 300 жителей, и привлекалось внимание к его «отрицательным результатам». Даже укрупнение волостей — хотя оно, как было признано, и принесло «известное улучшение волостного советского аппарата» — имело такую отрицательную сторону, как «большая отдаленность сел от волостного центра», и должно было применяться «со всей необходимой осторожностью и без спешки»²¹⁸.

К тому времени опасности и недостатки укрупнения сельских Советов стали достаточно очевидны, чтобы положить этому процессу конец. Однако повернуть вспять то, что было уже сделано, оказалось намного труднее. Рекомендациям совещания по этому вопросу не хватало официальной авторитетности, к тому же осуществлялись они неохотно и недостаточно²¹⁹. Лишь год спустя, уже в апреле 1926 г., официальный журнал Наркомвнудела РСФСР выступил с недвусмысленным заявлением о необходимости проведения процесса «разукрупнения» сельских Советов, а ближе к концу того же месяца президиум ЦИКа РСФСР выпустил с этой целью декрет, хотя там и содержались оговорки относительно финансовой целесообразности этого предложения²²⁰. Однако настоящее средство борьбы с этим было найдено в другом, совершенно отличном направлении.

Неожиданным результатом укрупнения сельских Советов оказалось возросшее значение традиционных сходов, которые продолжали действовать в меньших по размерам населенных пунктах старых сел²²¹. Когда на исходе гражданской войны предпринимались первые шаги к восстановлению сельских Советов, партийные и государственные работники особого внимания на сходы не обратили, считая их допотопными, примитивными собраниями, «не стоящими внимания»²²². На практике же, в то время как советские учреждения оказалось создать довольно трудно, именно этот традиционный характер схода и служил причиной его жизнеспособности.

«...У нас до сих пор в деревне существует сходка, как, может быть, существовала раньше, — заметил один наблюдатель, — со времен вечерового порядка, и, может быть, до сих пор есть еще колокола, как и раньше в Древней Руси, при помощи которых скликают на сход»²²³.

Склонность крестьянина рассматривать сход как главное средство осуществления местного самоуправления можно было усилить только за счет сокращения числа сельских Советов. «На местах, — написал другой комментатор, — укоренилось понятие, что высшей властью на селе являются не сельсовет, а сельский сход»²²⁴. Сход занимался такими видами необходимых местных

работ, как починка дорог, а иногда и накладывал штрафы на тех, кто отказывался в этом участвовать. Возможно, это было и противозаконно — если, конечно, сход на самом деле не выступал в данном случае от имени мира, отражая интересы совместных владельцев земли, — однако никто никаких возражений против этого не выдвигал²²⁵. Сход с успехом восполнял тот разрыв, который образовался из-за несостоятельности работы советской системы на низшем уровне.

Результат всех этих процессов — как определило его в 1925 г. упомянутое совещание — был совершенно очевиден. Члены партии «старались отгородиться от схода»; и вследствие этого сход попал в орбиту не Советов, а «нашего врага, кулака»²²⁶. Лекарством было не игнорирование схода, а его интеграция в рамки советской системы. Необходимо, сказал на апрельском заседании указанного совещания Каганович, «чтобы сельсовет имел своей задачей руководство сходом, чтобы каждый крестьянин воспитывался на сходах как участник управления в местных органах власти и как участник управления всем государством в целом». После этого призыва совещание включило в свою основную резолюцию о работе Советов раздел «Об улучшении работы сходов». Резолюция формально подтвердила суверенитет сходов, еще раз повторив уже включенную в Положение о сельских Советах доктрину, что «сельсовет как орган, избранный населением села, обязан отчитываться в своей работе на общих собраниях (сходах)». Однако оговоркой, безошибочно свидетельствовавшей о последствиях оперативного характера, было установление власти сельских Советов над сходами. Сельские Советы несли ответственность за созыв сходов не менее чем один раз в месяц, а также за подготовку их повестки дня и руководство их проведением. Советы призваны были стать «единым руководящим органом власти в деревне»²²⁷. Однако, хотя совещание высказалось на этот счет достаточно ясно, должно было пройти еще около двух лет, прежде чем был опубликован декрет, оформивший эти рекомендации официально²²⁸. Формальное включение сходов в советскую систему явилось логической кульминацией длительного процесса. Когда сельский Совет стал организованным и официально оформленным учреждением, со своими установленными функциями и оплачиваемым штатом, получавшим указания от некоей вышестоящей организации и отдаленным расстоянием и самим своим бюрократическим характером от повседневной жизни крестьян, возникла потребность в более миниатюрном, более неформальном и более местном органе, через который крестьянин мог бы самовыражаться и который он ощущал бы как свой собственный. Эта потребность была удовлетворена за счет сходов. Случилось то, что учреждения на каждом из уровней обрели возросшее значение и масштабы и сдвинулись вверх по иерархической лестнице. Поскольку власть, по словам Кагановича, превратилась в «почти маленький уезд»²²⁹, а сельский Совет, как по размерам, так и по природе своих функ-

ций, стал скорее напоминать первоначальный замысел волостных исполнительных комитетов, сходы поднялись снизу вверх, чтобы принять первоначальную форму сельских Советов. Парадоксально, что организации, которая наиболее близко соответствовала первоначальной большевистской концепции Совета, не суждено было носить этого имени.

г) Городские Советы

Во время кампании по оживлению городские Советы²³⁰ привлекали меньше внимания, чем сельские, что объяснялось отчасти тем, что в период, когда партийная политика фокусировалась на деревне, они в известной мере отошли на второй план, а отчасти также и вследствие того, что их затмевали тоже располагавшиеся в городе более важные по значению партийные организации и губернские или уездные советские органы. Они, таким образом, оказались менее важными в политическом отношении, чем сельские Советы, которые часто были единственной точкой соприкосновения между властями и местным населением. В январе 1922 г. ЦИК обнародовал — одновременно с положениями об уездных и волостных советских органах и о сельских Советах — Положение о городских Советах РСФСР²³¹. Оно сохранило достаточно много следов традиционного языка периода революции, описывая городской Совет как «высший орган власти в пределах города». Однако функции Совета оно характеризовало в слишком общих выражениях, чтобы они могли иметь хотя бы какой-нибудь точный смысл, и не содержало никаких пунктов, предусматривающих создание независимых исполнительных органов, которые превратили бы его в эффективный инструмент управления. Исполнительные комитеты, которые городские Советы — как и все другие Советы — должны были по первоначальному замыслу образовывать, либо оказались мертворожденными, либо увяли под порывами гражданской войны. В городах, которые были столицами губерний или уездов — то есть во всех городах независимо от размеров, — никаких попыток вдохнуть в них жизнь не предпринималось. Городские Советы несли «непосредственную ответственность перед соответствующими губернскими и уездными съездами Советов и перед вышестоящими исполнительными комитетами». На практике исполнительные комитеты губернских или уездных съездов Советов исполняли функции исполнительных органов городских Советов; отделы, которые ведали муниципальными предприятиями, финансами, образованием, здравоохранением и административными службами, были общими для губернии или уезда и для города²³², и они были подотчетны губернскому или уездному исполнительному комитету, за которым, по всей видимости, и оставалось во всех случаях последнее слово. В положение был включен один важный новый пункт. Городские Советы наделялись правами образовывать из своих членов «секции» или комитеты

с функциями надзора за деятельностью определенных отделов местных правительственных органов. Создание таких «секций» не было обязательным и зависело от соответствующего желания. Они не были наделены никакой исполнительной властью, и их подчиненный статус был виден из того факта, что глава отдела оказывался председателем соответствующей секции в Совете. Однако они представляли собой первую серьезную попытку обеспечить контакты между Советами и текущей администрацией.

Свидетельств того, что происходило с городскими Советами в период между 1922 и 1924 гг., весьма немного. Пионерами среди Советов, где были организованы такие «секции», оказались, как было заявлено, «и Москва, и Ленинград, и Нижний Новгород, и в некоторой степени Екатеринослав и ряд других городов»²³³. Особенно процветающей организацией, члены которой активно участвовали в работе таких секций, стали городские Советы Казани. Но здесь не существовало никакого губернского исполнительного комитета, у городского Совета был независимый президиум, а его председатель имел прямой доступ в Совнарком Татарской автономной республики²³⁴. По заявлению Каменева, в декабре 1924 г. в деятельности секции московских городских Советов принимали участие шесть тысяч партийных и беспартийных работников²³⁵. Однако, в то время как в нескольких ведущих городах Советы постепенно превращались в эффективные органы местного управления, по поводу недостатков и нарушений в деятельности советского аппарата в городах второстепенного значения часто раздавались жалобы²³⁶. Даже в наиболее активных Советах больше времени тратилось на заслушивание докладов и проведение заседаний церемониального характера, чем на обсуждение текущих проблем; и секции — там, где они существовали, — редко или вообще никогда не осмеливались критиковать работу соответствующих отделов²³⁷.

Положение от января 1922 г. — хотя там и проводилась ссылка на статью Конституции о лишении избирательных прав — никаких специальных правил относительно выборов в городские Советы не устанавливало. Тем не менее инструкция избирательной комиссии московского Совета по поводу выборов 1922 г. показывает, как много еще сохранилось от первоначальных профессиональных основ Советов:

«Выборы проводятся на базе заводов, цехов и железнодорожных мастерских, предприятий в городах, профсоюзных организаций и красноармейских и милицеских подразделений, а также на специальных собраниях, созданных районными избирательными комиссиями»²³⁸.

Некоторые городские Советы ввели дискриминационные ограничения на право участвовать в выборах по образцу содержавшейся в первоначальной Конституции РСФСР дискриминации в отношении рабочих и крестьян²³⁹: в качестве примера приводились выборы в городские Советы, проведенные на основе соот-

ношения один депутат на каждые 50 организованных рабочих и на каждые 200 человек неорганизованного населения или соотношения один депутат на каждые 100 рабочих или красноармейцев и на каждые 300 служащих или других квалифицированных избирателей²⁴⁰. Избиратели, принимавшие участие в выборах в городские Советы, на сей раз ограничивались главным образом организованными рабочими. Отдельные слои городского населения оказались политически отстранены²⁴¹. В 1923 г. процент принявших участие в выборах в городские Советы из всех лиц, имеющих избирательное право, составил в СССР 32, а в РСФСР — 38²⁴². В 1924—1925 гг. это соотношение возросло в РСФСР до 40,5%, хотя и было распределено по территории весьма неравномерно: обычно в крупных городах оно оказывалось выше, чем в небольших. Не меньше чем в 125 из числа последних — а это составило 41% всех населенных пунктов, подпадавших под категорию «городов», — этот показатель упал ниже 35%²⁴³. Если эти цифры оказались ниже, чем соответствующие показатели для сельских Советов²⁴⁴, то объяснение тому долго искать не приходится. В Нижнем Новгороде, где процент принявших участие в выборах в городские Советы в 1924 г. в целом достиг 43 всех наличных избирателей, в заводских районах этот показатель снижался до 32, причем 62% всех проголосовавших составили члены профсоюзов²⁴⁵. В том же году из всех красноармейцев, допущенных к участию в выборах в городские Советы, проголосовали 72%, а из всех членов профсоюзов — 39%; из всех остальных правомочных избирателей своим правом голоса воспользовались лишь 16%, а во многих городах процент «прочих» избирателей был вообще незначительным²⁴⁶. Во время выборов в городские Советы Татарской автономной республики за пределами Казани вообще никто, кроме членов профсоюзов, не голосовал²⁴⁷. Более 69% всех депутатов, избранных в городские Советы на территории РСФСР в результате выборов, прошедших в 1922 и 1923 гг., являлись членами или кандидатами в члены партии или членами комсомола²⁴⁸ — что представляет поразительный контраст по сравнению с незначительным процентом коммунистов в сельских Советах.

Решение президиума ЦИКа от 19 декабря 1924 г. организовать совещание «по вопросам советского строительства»²⁴⁹ включало в число его задач улучшение деятельности городских Советов, и к этой проблеме время от времени обращались как на январском, так и на апрельском заседаниях этого совещания. Январская резолюция, предусматривавшая проведение повторных выборов там, где проголосовало менее 35% всего электората, относилась к городским Советам в той же мере, что и к сельским. Совершенно очевидно, однако, что в городах эти перевыборы не проводились. Еще более знаменательной была рекомендация совещания, что вдобавок к выборам в городские Советы, организованным на базе заводов и профсоюзов, должны быть проведены и выборы на базе территориальных единиц «для граждан, не вхо-

дящих в предприятия или не организованных в профсоюзы, как-то: кустарей, домашних хозяек, извозчиков и т. д.²⁵⁰ Инструкция Центрального Комитета партии от 27 января 1925 г.²⁵¹ призывала предпринять особые усилия с целью привлечения в Советы так называемого «неорганизованного населения» городов — это было аналогом обращения к беспартийным крестьянам в деревне. В апреле 1925 г. совещание заслушало официальный доклад о городских Советах, посвященный главным образом недостаткам в их работе, и рекомендовало разработать проект нового положения, которое должно было заменить положение, принятое в январе 1922 г. Проект положения превратил секции в нормальную часть организации городских Советов и, что весьма характерно, предоставил Советам полномочия выносить решения в случае расхождения мнений между президиумом и секциями, усилив таким образом в одно и то же время власть самих Советов и повысив статус секций. Однако полное разделение полномочий между городским Советом и Советом губернии или уезда, где располагался данный город, было, как опасались, чревато «двоевластием». Исполнительный комитет губернии или уезда по-прежнему нес ответственность за городское управление и должен был дважды в год отчитываться за свою работу перед городским Советом²⁵². Эта рекомендация, как и другие рекомендации этого совещания, получила одобрение прошедшего в мае 1925 г. III съезда Советов²⁵³. Однако, поскольку основное внимание оказалось в то время приковано к борьбе внутри партии и к вопросам аграрной политики, реформа городских Советов в сравнении с этим особой срочности не представляла. Ведь, как благодушно заметил на заседании Московского Совета Каменев, «оживления» больше всего требовали именно сельские Советы²⁵⁴. Только в октябре 1925 г. — то есть через год после того, как было принято аналогичное Положение о сельских Советах — ЦИК РСФСР одобрил и обнародовал новое Положение о городских Советах, основанное на рекомендациях этого совещания. По новому Положению, все поселения городского типа с населением свыше 20 тыс. жителей или числом избирателей свыше 20 тыс. человек наделялись правом образовывать городские Советы; города с населением свыше 50 тыс. жителей подразделялись на районы, где создавались районные Советы. Все рабочие поселки, вне зависимости от числа жителей, имели заводские Советы. Городские и заводские Советы, так же как и сельские, избирались каждый год и должны были собираться дважды в месяц²⁵⁵. Городской Совет формировал президиум, состоящий не более чем из 11 человек — эта цифра могла быть превышена в Московском и Ленинградском городских Советах — и осуществлявший контроль над «городским хозяйством» и определенными специальными городскими службами. Во всем остальном окончательный контроль все еще оставался за губернским исполнительным комитетом, и городские Советы по-прежнему не имели никакого независимого бюджета.

В городе, так же как и в деревне, успех кампании по оживлению Советов измерялся увеличением числа избирателей, участвующих в выборах, и ростом числа беспартийных избирателей и беспартийных депутатов. Процент избирателей, принявших участие в выборах в городские Советы на территории РСФСР, возрос с 40,5 в 1924—1925 гг. до 52 в 1925—1926 гг. Была опубликована следующая таблица, показывающая процент лиц с различным социальным происхождением среди избранных в городские Советы ²⁵⁶:

	1922 г.	1923 г.	1924—1925 гг.	1925—1926 гг.
Рабочие	44,0	36,6	46,0	38,8
Служащие	40,9	49,9	35,7	39,2
Красноармейцы	7,7	7,4	5,1	4,8
Прочие	7,4	6,1	13,2	17,2

В этих результатах содержатся два интересных момента. Первый—это быстрый рост процента «служащих» в первые годы НЭПа, остановленный в 1924 г. частично за счет кампании по оживлению Советов, а отчасти—за счет «ленинского призыва» рабочих в партию. Второй момент заключается в быстром росте числа «прочих» депутатов, который был прямым результатом кампании по оживлению Советов, отражая призыв к участию в выборах беспартийных и непролетарских элементов населения. С другой стороны, не представляется противоестественным то обстоятельство, что процент лиц, лишенных избирательных прав на основании их социального и экономического статуса, оказался в городах выше, чем в деревне, достигнув в 1923 г. 8,2, а в 1924 г.—5,3, причем чем крупнее город, тем больше там оказывалось лиц, лишенных избирательных прав. Около 75% исключенных из списков избирателей составляли, как утверждалось, торговцы или лица, использующие наемный труд ²⁵⁷. Процент коммунистов среди избранных в городские Советы упал с наивысшей цифры в 69, достигнутой в 1923 г., до 57—в 1924—1925 г. и 45,5—в 1925—1926 г. ²⁵⁸.

д) Баланс

Летом 1926 г., когда были уже в основном закончены выборы 1925—1926 гг., предпринималась попытка подвести баланс всей кампании. Обескураживающий отчет, полностью подтвердивший более ранние неблагоприятные оценки, был представлен в Оргбюро относительно результатов мобилизации для работы в деревне

60 тыс. партийных и комсомольских работников. Начало этой кампании было отсрочено из соображений осторожности или из-за намеренного сопротивления, и старт был взят лишь после состоявшегося в декабре XIV съезда партии. В отчете осуждалась ошибка, заключающаяся в подходе к беднякам как к отдельной группе крестьянства, требующей особых методов партийной работы, и попыткам организовать их как некую целостную категорию. Тайно, словно речь шла о каких-то заговорщиках, собирались совещания бедняков, в которых участие середняков исключалось. Нужно же было организовывать бедняков в Советы, в кооперативы, в кусткомы и т. д. Вместе с тем позитивные директивы были весьма туманны, а выступление Молотова и резолюция Оргбюро отнюдь не сделали их яснее²⁵⁹. Сдвинувшись в направлении бедняка и в сторону от кулака, партийная политика все еще оставалась нерешительной и противоречивой.

Те же самые качества были явно присущи и резолюции, принятой по докладу Молотова на прошедшем в июне 1926 г. совместном Пленуме Центрального Комитета партии и Центральной контрольной комиссии²⁶⁰. В ней отмечался благоприятный рост процента избирателей, принявших участие в выборах, который в РСФСР достигал теперь 47. «В дело советского строительства» вовлечены «новые слои рабочих и особенно новые слои крестьянства, кустарей, служащих, сельской интеллигенции (учительства) и т. п.». Кулачество было вынуждено отказаться «от открытой защиты своих классовых интересов и антисоветской политики» и прикрывать свои вожеления фальшивыми прикрытиями «интересов бедноты» и «революционной законности». Резолюция отметила также возросшее участие в выборах в городские Советы на территории РСФСР «неорганизованных в профсоюзы пролетарских слоев (жен рабочих, безработных и рабочих, не состоящих членами профсоюза, и т. п.) и трудящихся слоев мелкой буржуазии (мелких кустарей, ремесленников и т. п.), оценив участие этих групп в 1925—1926 гг. в 37 % против 24% в 1924—1925 гг. С другой стороны, цель политики по оживлению Советов была там — в более жестких, чем раньше, выражениях — определена как намерение «окончательно подорвать остатки политического влияния буржуазных элементов (нэпманов, кулаков, буржуазной интеллигенции) на трудящиеся массы». Резолюция резко осудила как «перегибы... при выработке избирательных инструкций», так и «неправильно расширительное применение» этих инструкций в том, что касается избирательных прав: эти ошибки привели к неоправданному «сокращению числа лиц, лишенных избирательных прав, в то время как и в городе, и в деревне происходит некоторый рост буржуазных элементов»²⁶¹. «Отказ от методов командования и назначения по отношению к Советам», сам по себе необходимый и похвальный, приводил порой к противоположной крайности — в сторону «прямого отказа от партруководства, в сторону хвостистского²⁶² понимания своих задач в перевыборной кампании». Од-

нако это поставленное перед партией двустороннее обязательство — обеспечить эффективное руководство в деятельности Советов и в выборах в Советы, не навлекая на себя обвинений в «командовании» и в «назначенстве», и расширить социальную базу Советской власти, не принося в жертву претензий партии на исключительную руководящую роль и на неоспоримое право принимать окончательные решения, — было гораздо легче сформулировать, чем осуществить на деле. Резолюция заканчивалась призывами увеличить участие беспартийных рабочих и крестьян, а также продолжать и усиливать «истинно ленинскую политику оживления Советов».

Одним из новшеств этой резолюции было введение в нее раздела, посвященного необходимости использования новых избирательных процедур в «кочевых или полукочевых районах», а также работы в автономных республиках и областях, где «непосредственная задача создания и укрепления Советов как действительных органов Советской власти» еще «во многих случаях» впереди. В большинстве таких отдаленных районов, где находившиеся на примитивном уровне развития коренные народы были перемешаны с более или менее многочисленными русскими поселенцами, создание советского аппарата только еще едва начиналось и власть, как официальная, так и реальная, оставалась в руках центральных административных органов данного района. В 1925 г. в Калмыцкой Автономной ССР не было, за исключением одного района, ни одного сельского Совета; органом самого низшего уровня был волостной исполнительный комитет²⁶³. Согласно сообщению, поступившему в том же самом году из Башкирской Автономной ССР, «сельсоветы подчас не заседают»*, хотя и существуют неорганизованные сельские собрания; в других местах Башкирии Советы, как утверждалось, оказались во власти «негодных и даже вредных элементов», которые «завоевывают перед крестьянством авторитет молчанием и укрывательством преступлений крестьян, как-то: сокрытие от учета предметов обложения сельхозналога, страхование скота, недостатков в пожарном деле и т. д.»²⁶⁴. В Узбекистане и в Бурят-Монгольской республике «многие сельсоветы со дня выборов вообще не собираются». В Казахстане председатель волостного исполнительного комитета или глава местной милиции правили единолично²⁶⁵. В районах Бухарской республики, оказавшихся в рамках Туркменистана, до того времени вообще никаких Советов не было, и впервые они были созданы в 1925 г.²⁶⁶ В Киргизии существовало движение за «родовые советы» или «советы без коммунистов», которые не имели бы никаких классовых основ и стали орудием в руках баев и богачей²⁶⁷. В автономной области Памира никакого советского аппарата не было создано вплоть до 1927 г.²⁶⁸ На проходившем в тот год XV съезде партии

* У Э. Карра ошибочно переведено как: «сельские Советы не существуют». — *Прим. ред.*

Молотов признался, что «по отношению к ряду районов, в особенности советского Востока, нам приходится говорить не об оживлении Советов, а о создании Советов»²⁶⁹.

Собственно кампания по оживлению Советов как таковая закончилась летом 1926 г. и впоследствии не возобновлялась. Однако взятая в те времена политическая линия была продолжена и распространена на те регионы, где она ранее не применялась. Бесспорно, эта кампания совпала с ростом политического самосознания в деревне; можно лишь размышлять о том, насколько это явление было обязано возросшему материальному благосостоянию периода НЭПа, насколько определялось остротой проблем, выдвинутых новой «дифференциацией» между различными слоями крестьянства, и насколько — самой этой кампанией как таковой. Не приходится также сомневаться, что сами Советы стали более эффективными и что они были созданы там, где их ранее не было. Выборы проводились регулярно, и избиратели голосовали по спискам, которые так или иначе согласовывались заранее в результате компромисса между назначениями и предварительными переговорами. Время от времени собирались Советы, исполнительные комитеты и съезды Советов; текущую работу выполняли состоявшие на жалованье секретари и президиумы. Машина функционировала. Она работала не только более эффективно, но и давала меньше сбоев. Более значительную роль, чем в предшествующие годы, играли разъяснение и убеждение, меньшую — командование и принуждение. В этом смысле политика оживления Советов представляла собой известный прогресс в сторону такого управления, которое осуществляется при согласии тех, кто является объектом управления.

Вместе с тем не менее очевидно, что в столкновении между двумя первоначальными ипостасями Советов — их функциями как органа, представляющего интересы суверенного народа, и их функциями как органа местного управления, функционирующего по повелению со стороны центральной власти, — верх со временем все больше и больше одерживали последние. И произошло это в значительной степени благодаря возматывавшей власти и возматывавшей эффективности центрального правительства, особенно в связи с развитием планирования и расширением районирования. Советский Союз не является единственной страной, где характерное для современного мира растущее вмешательство правительства в социально-экономическую политику способствовало усилению роли центральной власти; при столь обширных территориях и столь рассеянном населении определенная степень насильственного единообразия и централизации представляли собой, возможно, одно из условий выживания. Однако прогрессирующее наступление центра объяснялось отчасти также и слабостью принципа репрезентативности в российской политической традиции. Первоначальная и легко поддающаяся пониманию концепция Советов как групп рабочих и крестьян, собирающихся вместе, чтобы сообща решить свои

дела, оказалась по необходимости подменена концепцией Советов депутатов, избранных большинством в результате голосования, чтобы выступать от имени всего общества в целом. А это не имело уже прежней притягательности и не внушало прежнего доверия. Аромат нереальности, который стойко исходит от советских представительных учреждений, был в такой же мере продуктом апатии снизу, как и командования сверху.

Таким образом, когда большевистские руководители говорили об оживлении Советов, они имели в виду два совершенно различных и, возможно, несовместимых процесса. Первый заключался в создании по всей стране эффективного аппарата местного управления, которому можно будет спускать для пунктуального исполнения решения, принятые центральной властью, существенный прогресс в этом направлении наблюдался в середине и в конце 20-х годов на значительной части территории Советского Союза. Вторая цель состояла в стремлении добиться лояльного отношения со стороны масс города и деревни, заручившись прямой или косвенной поддержкой как можно более обширной части населения в деле управления государственными делами и заставив их поверить, что Советы в известном смысле представляют их собственные взгляды и их собственные интересы. Осуществление первой из этих целей получилось весьма несовершенным. Строй, который — стремясь к достижению долгосрочных целей, обладавших универсальной и всенародной притягательностью, — оказался самой дилеммой захвата власти в отсталой стране и вынужден был добиваться этих целей за счет краткосрочных политических средств, возлагавших на массы рабочих и крестьян огромное бремя, популярным быть не мог. Места для постепенного развития народных представительных учреждений и традиций — так, как это ранее случилось в Западной Европе, — в советских условиях не было. Да и время для подобных процессов было уже неподходящее. Процесс же оживления Советов был совершенно иным. Это была попытка лидеров перебросить мост через пропасть, традиционно отделявшую правительство и народ; и хотя в этом процессе и были использованы отдельные формы представительных учреждений, позаимствованные у Запада, эта операция была главным образом операцией пропагандистской и организационной — попыткой создать связующее звено за счет сознательного политического акта.

«Мы постепенно привлекаем беспартийных крестьян, т. е., по существу, мелкую буржуазию, в нижние этажи, имея сверху обеспеченное пролетарское руководство; мы переделываем крестьян по-своему, вовлекаем в систему нашей работы, приучаем работать на новых рельсах, вовлекая в процесс социалистического строительства»²⁷⁰.

Это было частью процесса политического образования, частью усилий по созданию «нового типа» советского человека²⁷¹.

Но здесь в политику оживления Советов закралось еще одно противоречие — оно явилось отражением внутреннего противоре-

чия, присущего аграрной политике тех лет. Оживление Советов началось и так или иначе развивалось как политический аналог и двойник экономической «ставки на кулака» и имело тот же самый подтекст. Оно было подвергнуто осуждению со стороны оппозиции как «затопление» партии мелкой буржуазией, как «отход, спалзывание нашей государственной власти с пролетарских рельс»²⁷². И один весьма ответственный партийный комментатор с исчерпывающей наглядностью подтвердил эту точку зрения, написав, что «расширение круга избирателей в деревне за счет ее эксплуататорских элементов происходит при одновременном сужении участия в политической жизни полупролетарских и пролетарских элементов и уменьшении влияния партии в Советах»²⁷³. Это, однако, не могло оставаться конечной целью. Начавшаяся осенью 1925 г. реакция против «ставки на кулака» равным образом затронула и политику оживления Советов и поставила акцент на другом аспекте ее первоначального замысла — вовлечении в советскую орбиту масс середняцкого и бедняцкого крестьянства. В этом отношении она шла параллельно кампании по борьбе с неграмотностью и по распространению образования в деревне. Ее успехи были ограничены хронической нехваткой людей и материальных средств. Повсюду в истории революционного движения предпринимались попытки добиться слишком грандиозных результатов, располагая слишком малыми ресурсами. И все-таки в период снижения напряженности и роста материального благосостояния, который последовал за консолидацией НЭПа, кое-что действительно было достигнуто. Была создана и мало-помалу распространена по всей стране определенная форма местного управления, которая не только формально была более эффективна, чем бы то ни было из известного в прошлом, но и была также в известной мере признана как связующее звено между массами и отдаленным и все-таки центральным правительством. Именно в этом состояла конечная цель, и хотя и не совершенное, но все-таки вполне реальное достижение политики оживления Советов.

Постоянной и характерной чертой выборов в Советы, которая скорее усилилась, чем ослабилась за счет кампании по оживлению, была чрезвычайно стремительная ротация депутатов на всех уровнях советской иерархии. Использование советских органов для осуществления принципа прямого участия максимального числа граждан в работе по управлению было одним из глубоко лелеемых идеалов. Программа партии, принятая в 1919 г., требовала:

«1) Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

2) Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством»²⁷⁴.

Переизбрание одного и того же лица только уменьшало число людей, которые могли воспользоваться возможностью приобрести

этот опыт. На практике частота случаев повторного избрания увеличивалась с ответственностью поста. Из всех лиц, избранных председателями волостных исполнительных комитетов, лишь 25,8% в 1924—1925 гг. и 30,1% в 1925—1926 гг. занимали этот пост впервые; в те же самые годы соответственно 51,2% и 47% избирались во второй раз, а остальные имели еще более длительную предысторию службы на этом поприще²⁷⁵. Однако за исключением таких неординарных постов, повторное избрание представляло собой скорее исключение, чем правило. Из всех избранных в период между 1918 и 1927 гг. в сельские Советы, городские Советы, на съезды Советов или в исполнительные комитеты РСФСР одна треть исполняла эти функции лишь в течение одного года и никогда более не переизбиралась²⁷⁶. 74% всех избранных в 1925 г. в Московский городской Совет оказались там впервые²⁷⁷. Сходная ситуация была и в партийных комитетах. Лишь 26,4% из всех избранных в 1925 г. в уездные, волостные или городские районные комитеты партии работали в этих органах раньше²⁷⁸. Еще более знаменательно, что входившие в составы советских исполнительных комитетов члены партии переизбирались на второй срок чаще, чем беспартийные. Около 50% всех избранных в 1924—1925 и в 1925—1926 гг. членов губернских и волостных исполнительных комитетов на территории РСФСР были избраны впервые; процент выбранных в эти два года в первый раз беспартийных членов комитетов существенно превысил 80²⁷⁹. Та преемственность, которая существовала в кадрах советских представительных органов, обеспечивалась за счет членов партии.

Первоначальная вера в то, что интенсивное обновление состава депутатов обеспечит желанное средство дать как можно большему числу граждан возможность приобрести опыт и наслаждаться привилегиями участия в правительственных органах, была одновременно и упорной, и искренней — хотя позднее партийные руководители осознали также и пользу ротации кадров как средства снижения возможностей для организованной оппозиции²⁸⁰. Однако какими бы ни были в действительности истинные мотивы, регулярные и радикальные перемены в составе всех этих органов неизбежно мешали накоплению в среде рядовых членов советских органов какого бы то ни было административного опыта, что с еще большей неотвратимостью приводило к тому, что эти органы попадали под контроль партийных фракций или председателей и секретарей, которые обычно были членами партии, — этот результат оказался не столько следствием предумышленных коварных расчетов, сколько отсутствия на всех уровнях четкого понимания тех условий, которые обеспечивали бы эффективное функционирование демократической системы управления.

Свой вклад в достижение того же самого результата внесла, возможно, и политика увеличения процента рабочих и крестьян среди депутатов и делегатов на съезды Советов. Как и политика «ленинского призыва» в партии, этот проект, безусловно, заслу-

живал всяческих похвал и сомнений не вызывает. Однако в долгосрочной перспективе он привел к формированию не более активного и более независимого, а более послушного и покорного состава депутатов. Хотя эффективность советской системы управления на всех уровнях в этот период, бесспорно, возросла, неясно, достигла ли кампания по оживлению Советов хотя бы каких-нибудь успехов в повышении эффективности демократического представительства или в повышении действительного участия избранных депутатов в повседневной работе советских органов. Впрочем, до тех пор, пока продолжали превалировать господствовавшие тогда взгляды на функции представительства, этих целей было не так-то легко и достигнуть. Когда один автор выступил в журнале Наркомвнудела с предложением заменить систему ежегодных выборов в Советы системой выборов раз в три года, мотивируя это тем, что депутаты, избранные на срок всего в один год, не успевают приобрести опыт и проявить себя на этом поприще, тут же последовало резкое возражение, что это предложение противоречит политике оживления Советов, предполагавшей вовлечение в них максимального процента населения страны²⁸¹.

Не менее характерной чертой начальной фазы развития теории и практики советской системы управления было и отсутствие четкой грани между функциями выборных представителей и функциями состоявших на жалованье служащих. Поначалу, по-видимому, казалось само собой разумеющимся, что с незначительной по объему бумажной работой сельских Советов и даже волостных исполнительных комитетов могут без труда справиться председатель и секретарь, избранные из числа членов соответствующих органов. Потом довольно скоро возникла практика назначать председателям и секретарям за выполнение этих функций мизерные жалованья; принятое в январе 1922 г. Положение о сельсоветах предусматривало, что председатели сельских Советов должны оплачиваться из средств губернского исполнительного комитета — самого низшего из органов, располагавших в то время своим собственным бюджетом²⁸². Однако поскольку эти служащие редко переизбирались на другой срок, во всяком случае на уровне сельского Совета, то проблема преемственности оставалась нерешенной. Впервые она была всерьез поднята одним официальным докладчиком, выступившим на апрельском заседании прошедшего в 1925 г. совещания по оживлению Советов:

«Вопрос о секретарях — большой вопрос. Мне кажется, что вопрос о секретарях надо решить таким образом, чтобы секретари были постоянные. Чехарду, которая у нас происходит во ВИКах, когда председатели сельсоветов меняются по очереди и секретари — тоже почти по очереди, при том положении, когда мы даем большие права сельсоветам, чехарду пора прекратить; нам надо добиться того положения, которое было раньше. Раньше писарь сидел несколько лет и знал назубок все дела, а у нас, при частой смене, такой кавардак получается, что иногда в сельсовете или

ВИКе никакого толку не добьешься... Пусть секретарь будет не выборный, пусть он служит за деньги, будет наемным, но зато пусть будет специалистом дела, ибо председатель часто меняется, а секретарь, который будет сидеть постоянно, будет в совершенстве владеть предметом и сыграет в волости большую роль»²⁸³.

Этот простой урок находился в слишком большом противоречии с господствовавшими в то время партийными концепциями самоуправления, чтобы его можно было с легкостью переварить, и, судя по всему, никаких официальных постановлений за этим не последовало. Увеличение масштабов и власти сельских Советов и учреждение независимых волостных бюджетов постепенно превратили постоянного оплачиваемого служащего в незаменимую и привычную в органах местного управления фигуру. Однако это обстоятельство все больше и больше расширяло пропасть, разделявшую постоянного служащего, который знает все, и непрерывно сменявшегося депутата, который не знает ничего. Только в 1928 г. было официально признано, что еще существуют такие «сельсоветы, пленумы которых регулярно не собираются и где работа сельсовета сводится к работе председателя и секретаря»²⁸⁴. Не подлежит сомнению, что в середине и в конце 20-х годов аппарат местного управления был кардинально улучшен на всей территории Советского Союза, и это улучшение отчасти явилось продуктом кампании по оживлению Советов. Однако его представительный характер оставался самым слабым его пунктом.

ГЛАВА 23

КРАСНАЯ АРМИЯ

В истории создания и организации Красной Армии, которая вышла победительницей из гражданской войны, кроется не один парадокс. Социалисты всех мастей всегда особенно враждебно относились к концепции постоянной армии — этому мощнейшему оплоту власти, которую они стремились свергнуть. Теоретически считалось, что всемирная победа социализма сделает однажды устаревшей и ненужной всякую военную силу: армия отомрет вместе с государством, которому она служила. Однако даже Российская социал-демократическая партия не мыслила в терминах столь отдаленной утопии. Непосредственной целью социалистической революции должно было стать уничтожение постоянной армии и создание вместо нее того, что обычно называли «народной милицией». В 1905 г. Ленин писал о «реакционности постоянного войска» и «полной осуществимости народной милиции»¹. Эту мысль он твердо повторил после Февральской революции:

«Народу нужно поголовно учиться владеть оружием и поголовно входить в милицию, заменяющую полицию и постоянную армию».

Так будет сформирована «всенародная милиция» — милиция всех мужчин и женщин страны, которые будут наделены правом избирать и отзывать всех командиров и начальников². В соответствии с этим замыслом милиция должна была стать организацией по преимуществу территориальной — состоящей из мужчин (и женщин), мобилизованных для обеспечения местной обороны или поддержания порядка, но не оторванных от своих домов и обычных занятий. Отряды Красной гвардии, принимавшие участие в Октябрьской революции в Петрограде и некоторых других городах, были — по совершенно ясным соображениям практической необходимости — организованы именно на этой основе.

Созданная сразу же после заключения Брест-Литовского договора³ Красная Армия если вообще хоть что-нибудь и переняла от находившейся в согласии с социалистической доктриной концепции народной милиции, то напоминала ее весьма отдаленно. Она была инструментом диктатуры пролетариата, и ее основной функцией было свержение и уничтожение буржуазии, а не осуществление принципов будущего бесклассового социалистического поряд-

ка. Следовательно, она представляла собой организацию классовую. Завоевавшие власть рабочие должны были взяться за оружие, чтобы защитить революцию и обезоружить врагов нового строя. К военной подготовке и службе в армии допускались только рабочие и крестьяне — прочие элементы подлежали включению в невооруженные трудовые батальоны, работавшие в тылу. Различие между Красной Армией и народной милицией будущего было отчетливо сформулировано в Программе партии, принятой проходившим в марте 1919 г., в самый разгар гражданской войны, VIII съездом партии:

«Красная Армия, как орудие пролетарской диктатуры, должна по необходимости иметь открыто классовый характер, т. е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию»⁴.

Красная Армия имела две характерные черты, которые особенно смущали ортодоксальные партийные круги. Прежде всего, она отвергала свойственный милиционной системе принцип территориальных подразделений, который был несовместим с требованиями, выдвигаемыми войной. Период гражданской войны был отмечен, по словам Троцкого, борьбой «за создание централизованной, дисциплинированной армии, которая снабжается и управляется из единого центра»⁵. Во-вторых, офицерский состав Красной Армии был в значительной степени сформирован из офицеров, позаимствованных под двусмысленным названием «специалистов» из бывшей царской армии — эту практику провозгласил и отстаивал на прошедшей в июле 1918 г. сессии ЦИКа Троцкий⁶. Эта аномалия была смягчена, но не уничтожена полностью решением прикомандировать к каждому командующему офицеру одного — или чаще двух — «политических комиссаров», представлявших взгляды и интересы партии; хотя должности эти внешне считались военными, комиссары были всегда членами партии. Не претендуя на специальные военные знания и компетенцию, они тем не менее пользовались верховной властью. Даже оперативные, боевые приказы подписывались ими, дабы гарантировать, что данный приказ был «продиктован оперативными, а не какими-либо иными (контрреволюционными) соображениями»⁷. Тем не менее формировали офицерский состав и действительно командовали Красной Армией именно «специалисты». Столь ненормальная и столь противоречащая традиционным партийным взглядам система не могла — даже в критические моменты гражданской войны — не навлечь на себя критики. С одной стороны Смирла, стойкий член партии, который с самого начала был членом Революционного Военного Совета, довольно рано пришел к заключению, что вся полнота ответственности должна быть возложена на военных командиров, и предлагал упразднить должности политических комиссаров⁸. Однако получившая более широ-

кое распространение и более сильное влияние критика исходила от группы, в основном состоявшей из бывших «левых коммунистов» 1918 г. и более или менее совпадавшая с вновь сформированной группировкой «демократических централистов»⁹. Эти критики категорически возражали против введенной в Красной Армии Троцким традиционной системы военной организации и дисциплины и выдвигали доктрину «партизанской войны», которая должна организовываться и вестись по территориальному принципу — такие базировавшиеся на местах подразделения в отдельных случаях успешно практиковались во время гражданской войны.

Эта группа выступила в марте 1919 г. на VIII съезде партии под видом «военной оппозиции». Троцкий, вызванный в связи со срочной необходимостью на фронт, на съезде не присутствовал, и подготовленные им тезисы¹⁰ на съезде представлял Сокольников, сделавший доклад по военным вопросам. Сокольников заявил, что все проблемы, выдвинутые оппозицией, вращаются вокруг центрального вопроса; какой должна быть армия — партизанской или регулярной; это относилось к кампании, развернутой против специалистов, к требованию избирать командиров и комиссаров и к требованию дать больше власти партийным ячейкам в армии. Сокольников признал, что в то время шел процесс создания именно «армии регулярной, постоянной». Она представляет собой «армию... переходного периода», а нападки оппозиции есть не более чем неоправданные попытки перенести в эту армию «те черты, которые были в партизанской армии и которые могут воскреснуть только в коммунистической милиции». Для перехода к милиции время еще не пришло, хотя в принятой на этом съезде партийной Программе он провозглашался конечной целью. Те же, кто желает передать действительное управление Красной Армией в руки находившихся в ней членов партии, являются «партийными синдикалистами». С другой стороны, преждевременным является и выдвинутое Смилгой предложение, которое сводится к упразднению политических комиссаров¹¹. В. М. Смирнов, выступивший с содокладом от имени оппозиции, отрицал, будто оппозиция отвергает использование специалистов или требует немедленного перехода к милиции. Однако она не одобряет растущий акцент на централизацию в ущерб методам партизанской войны, ведущейся автономными локальными формированиями, и желала бы увеличить власть политических комиссаров¹².

После этих двух основных выступлений, сделанных на пленарном заседании, дискуссию перенесли на «военную секцию» съезда, состоящую из 66 делегатов¹³, которая собралась втайне и чьи материалы не были опубликованы. Ленин и Сталин выступили на заседании этой секции в поддержку тезисов Троцкого. Сталин, согласно опубликованным несколько лет спустя выдержкам из его выступления, ратовал за создание «строго дисциплинированной армии», аргументируя это тем, что вольно организованные отряды милиции будут ненадежными: «Те элементы, нерабочие, которые

составляет большинство нашей армии... не будут драться за социализм... добровольно»¹⁴. Однако, судя по всему, оппозиция тоже не молчала. По окончании дискуссий была создана комиссия по подготовке проекта решения из пяти человек — Зиновьев, Позерн и Сталин от большинства и Сафаров и Ярославский от оппозиции¹⁵. Но учитывая, что гражданская война переживала в этот момент критический период, было не до всех этих критических заявлений, так что в резолюцию, единодушно одобренную съездом, были с небольшими редакционными поправками включены первоначальные тезисы Троцкого¹⁶. Резолюция дискредитировала лозунг «народной милиции», ассоциируя его со II Интернационалом и сравнивая с требованием созыва Учредительного собрания. Это, однако, не означало разрыва с «программой милиции как таковой». Противопоставлять «идеи партизанских отрядов» «планомерно организованной и централизованной армии» означало «проповедь «левых» с.-р. и им подобных» и «карикатурный продукт политической мысли или недомыслия мелкобуржуазной интеллигенции»: «проповедовать партизанство как военную программу, то же самое, что рекомендовать возвращение от крупной промышленности к кустарному ремеслу». Для того чтобы набрать настоящую «рабоче-крестьянскую милицию», понадобятся годы или, во всяком случае, месяцы работы. Нынешняя армия представляет собой армию переходного типа: «будучи классовой по своему социальному составу, она является не милиционной, а «постоянной», «регулярной» по методам формирования и обучения». «Классовая милиционная армия» будущего должна стать армией, «вооруженной и организованной по последнему слову военной науки». Однако даже по прошествии нескольких лет, когда армия получит возможность полностью организоваться, все равно «у нас не будет никаких принципиальных оснований отказаться от привлечения к работе тех элементов старого командного состава, которые... внутренне стали на точку зрения Советской власти». Резолюция заканчивалась возобновленными требованиями создать «особые рабочие батальоны» для «кулацких и паразитных элементов», «ныне не осуществляемыми вопреки официальным постановлениям», обеспечить формирование и обучение командиров из «пролетариев и полупролетариев» и расширить полномочия политических комиссаров, которые, как отмечалось в резолюции, являются «не только прямыми и непосредственными представителями Советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии». Существовавшее до того времени Всероссийское бюро военных комиссаров — Всебюровоенком — было решено упразднить, а вместо него создать Политический отдел Революционного Военного Совета — Реввоенсовета — который был позднее переименован в Политическое управление Красной Армии, или ПУР¹⁷.

Эта резолюция, которая была опубликована вместе с другими резолюциями съезда, представляла, по всей видимости, беспрецедентную победу Троцкого и торжество его позиций. Однако этим

дело не кончилось. Оппонентам Троцкого удалось использовать те личные антипатии и зависть, которые Троцкий вызывал среди остальных руководителей. В результате закулисного компромисса одновременно с опубликованной резолюцией съезда была выпущена еще одна, неопубликованная, где Центральному Комитету поручалось предпринять шаги, направленные на улучшение работы Реввоенсовета, увеличение представительства партии в Генеральном штабе и организацию периодических совещаний партийных работников на фронте¹⁸. Эта неопубликованная резолюция была представлена в ЦК вместе с докладом Зиновьева, в котором ясно проглядывалось пренебрежительное отношение к Троцкому. В докладе выражались симпатии по отношению к «левой» военной оппозиции, выдвигалось требование изменить отношение к коммунистам в Красной Армии, что подразумевало осуждение дисциплинарных строгостей, которые применял к ним Троцкий. ЦК, по всей видимости, ограничился решением поручить направить неопубликованную резолюцию вместе с текстом доклада Зиновьева Троцкому. Зиновьев выполнил это поручение, сопроводив материалы письмом Троцкому, где он объяснял резолюцию как необходимую уступку оппозиции и советовал Троцкому рассматривать это как «предостережение»¹⁹. Троцкий, по всей вероятности, имел в то время основания считать своим главным соперником и врагом среди ведущих большевиков скорее Зиновьева, чем Сталина. Вскоре после съезда по авторитету Троцкого был нанесен еще один удар. Главнокомандующий Вацетис, назначенный на этот пост в сентябре 1918 г. Троцким, запретил осуществление предложенной влиятельным генералом и бывшим офицером царской армии Сергеем Каменевым наступательной операции против Колчака. В начале июля 1919 г. Центральный Комитет вопреки совету Троцкого сместил Вацетиса и назначил вместо него главнокомандующим Каменева. Троцкий подал в отставку, но она была отклонена Центральным Комитетом²⁰.

До тех пор пока продолжалась гражданская война, решение, принятое в марте 1919 г., всех более или менее устраивало, и концепция эффективных централизованных военных сил, как можно более близких по характеру к регулярной армии, серьезным сомнениям не подвергалась. Назначение на пост первого главы ПУРа такого стойкого защитника военных специалистов, как Смилга, весьма знаменательно отражало решимость отдать предпочтение требованию военной эффективности перед претензиями партийных доктринеров. На прошедшем в начале декабря 1919 г. совещании партийных работников Красной Армии Смилга целиком и полностью — хотя и не используя этот термин прямо — отстаивал концепцию регулярной армии и требовал «реорганизации Красной Армии по принципу единоначалия». Это знаменовало поворот к предложению об упразднении или подчинении политических комиссаров. Потенциальная возможность столкновения между системой политических комиссаров и принципом «единонача-

лия» была очевидна с самого начала. Троцкий пытался найти выход из этой ситуации еще осенью 1918 г.:

«Чем больше комиссар начинает проникать в строевую и боевую работу, а командир в политическую, тем ближе мы придвигаемся к... единоначалию...»²¹

Однако это было не решением проблемы, а скорее попыткой от него уйти, и на совещании в декабре 1919 г. Троцкий — правда без особого энтузиазма — поддержал систему политических комиссаров, которая, как некие леса, пока что необходима строящемуся зданию Красной Армии, но однажды будет снята и упразднена²².

Однако эти военные настроения слишком в большой степени были следствием военной необходимости и слишком расходились с господствовавшей в то время партийной доктриной, чтобы пережить победоносный конец гражданской войны. Когда в конце декабря 1919 г. Троцкий выступал на VII Всероссийском съезде Советов, разгром и Деникина, и Колчака был уже обеспечен и атмосфера была существенно иной, чем та, которая царила на прошедшем несколько недель назад военном совещании. Теперь Троцкий цитировал классическое социалистическое произведение Жореса «Новая армия» и заявлял, что идея милиции «стоит перед нами, как единственная возможная перспектива нашей постоянной вооруженной силы мирного времени»²³. Энтузиазм, вызванный победоносным завершением гражданской войны, был в самом разгаре, когда IX съезд партии, собравшись в марте 1920 г., направил приветствие «Красной Армии и Красному Флоту РСФСР»²⁴. В тот момент, когда внимание партии переключалось с военных вопросов на то, что Ленин назвал «бескровным фронтом» «хозяйственного восстановления», Троцкий сделал сбалансированный и осторожный доклад о военной организации²⁵. Он вновь сослался на Жореса, хотя и признал, что как Жорес, так и Бебель в своем подходе к военным вопросам впадали в «демократические, т. е. по существу мелко-буржуазные иллюзии». Однако он в то время явно находился под большим влиянием мечты Жореса об организации социалистических вооруженных сил будущего в форме местных милицеских отрядов, концентрирующихся вокруг производственных единиц — ферм или заводов, — где люди могут продолжать обычную работу, проходя военное обучение в вооруженных отрядах; практическую реализацию этой идеи Троцкий видел в использовании военных отрядов Красной Армии на производственной работе — так называемой «милитаризации труда»²⁶. В тот момент это казалось Троцкому главным пунктом милицеской системы:

«Милиция имеет то основное преимущество перед постоянной армией, что она не расчленяет оборону и труд, не отделяет рабочего класса от армии».

Однако его выводы были менее догматичными. Он утверждал, что милицию и постоянную армию не следует противопоставлять

друг другу как «два отвлеченных, абсолютных принципа», и продолжил:

«В известный период будут параллельно существовать дивизии, сформированные по старому типу, и милиционные дивизии, способные стать на ноги».

Съезд, впервые за последние несколько лет освободившись от постоянного гнета напряженности, вызванной хронически тяжелым положением на фронтах, не считал необходимым обсуждать доклад Троцкого и как-то даже слегка беспечно принял резолюцию «О переходе к милиционной системе». В ней подчеркивалось, что «сущность советской милиционной системы должна состоять во всемерном приближении армии к производственному процессу» и приспособлении ее подразделений к территориальному размещению промышленности, с тем чтобы рабочие могли обеспечить «основу для милиционных частей». Вместе с тем в ней прозвучали и надлежащие ноты предостережения. Переход должен был иметь характер «необходимой постепенности, в соответствии с военным и международно-дипломатическим положением Советской республики» и имея в виду как неперемненное условие поддержание эффективной обороноспособности²⁷.

IX съезд партии проходил в марте 1920 г. — в момент возматвавшей уверенности в собственных силах, когда казалось, что победа в гражданской войне уже выиграна. Вслед за ним произошла серия драматических событий. В мае 1920 г. вторгся на территорию Украины Пилсудский; ответом на это было предпринятое в августе 1920 г. наступление на Варшаву, за которым последовало не менее стремительное отступление, завершившееся в октябре перемирием. Врангель, последний из белогвардейских генералов, вновь открыл фронт на юге и не был вытеснен вплоть до последних дней ноября 1920 г. Теперь наконец гражданская война действительно подошла к концу. Впереди забрезжила длительная передышка, началась демобилизация Красной Армии. Вместе с тем все эти события оказали мощное воздействие на военное мышление и привели к образованию в партии новых группировок, которые всю зиму стягивали силы и дали бой на прошедшем в марте 1921 г. X съезде партии.

Две из этих группировок представляли диаметрально противоположные позиции. Первая из них выдвинула логическое требование, что теперь, когда чрезвычайное положение осталось позади, должна быть демобилизована регулярная армия и осуществлен полный переход к милиционной системе. Эту группировку возглавлял Подвойский, один из военных руководителей октябрьского переворота в 1917 г., однако, судя по всему, она была самой слабой из трех группировок и имела мало последователей в военных кругах²⁸. Во главе второй группировки стоял Смилга, который с новой силой и свежими аргументами продолжал свою кампанию за сохранение регулярной армии. Поражение под Варшавой в

августе 1920 г. многие объясняли слабостью полуобученных крестьянских отрядов, а получившие вслед за этим осенью и зимой того же года распространение крестьянские волнения дали новые основания усомниться в надежности построенных по территориальному принципу войск как основы национальной армии. Воспользовавшись удобным случаем, Смилга представил на закрытое собрание военных делегатов прошедшего в декабре 1920 г. VIII Всероссийского съезда Советов подготовленные им тезисы, где он на основании опыта гражданской войны в пух и прах разбил милиционную систему:

«Милиционная система, основной чертой которой является ее территориальная основа, представляет непреодолимые препятствия при ее введении в России в форме нашего политического строя. Учитывая небольшую численность пролетариата в России, мы не можем обеспечить в таких отрядах пролетарское руководство... Возвращаться к этой форме организации было бы грубой и совершенно неоправданной ошибкой»²⁹.

Обеспечив одобрение своих тезисов этим собранием, Смилга представил их затем 18 января 1921 г. в Московский комитет партии, который также в принципе их принял и выразил намерение выдвинуть их на предстоящем съезде партии³⁰. Троцкий, который в тот момент был озабочен главным образом разногласиями в профсоюзах³¹, все еще занимал между этими двумя крайними точками зрения промежуточную позицию. В своей речи, произнесенной в феврале 1921 г., он вновь цитировал Жореса и заявил о своей верности принципам милиции, но признал, что «сразу перейти к ней нельзя так же, как нельзя сразу перейти к социализму»³².

Третья группировка, которой суждено было по значению затмить две другие, образовалась на основе приверженности так называемой единой военной доктрине. Эта доктрина, в сущности, сводилась к утверждению — которое не раз повторялось в ходе развернувшихся в предыдущие годы споров, — что существует некая особая, специальная марксистская, пролетарская, революционная военная теория, в свете которой можно и должно разрешать все военные проблемы, хотя сторонники этой теории скромно умалчивали о вопросах конкретного применения этой теории, включая и спорный вопрос о милиции. Учитывая, что это движение объединяло несколько в корне различных элементов и апеллировало главным образом к личностям, простота и расплывчатость ее доктрины оказывалась скорее источником силы, чем слабости. Лидером этой группировки был Фрунзе, служивший в царской армии, но так и не произведенный официально в чин офицера, молдавского происхождения, родившийся в Киргизии в городе Пишпек, позднее переименованном во Фрунзе, и сделавший стремительную карьеру в Красной Армии. В 1919 г. он командовал войсками в Туркестане³³, был осенью 1920 г. командующим Южным фронтом в борьбе против Врангеля и теперь

пожинал лавры в связи с победоносным завершением гражданской войны. Теоретиком этой группы был Гусев, честолюбивый партийный работник, занимавшийся военными вопросами. Партийно-пролетарский дух этого движения обеспечивал присоединение к нему многих членов «военной оппозиции» 1919 г. Это движение было отмечено — а возможно, и инспирировано — плохо завуалированным антагонизмом по отношению к Троцкому, который был известен как откровенный противник применения классовой теории к вопросам военной политики³⁴. Таким образом, оно привлекало тех проповедников партизанской войны, которые оказались обиженными и не у дел в результате настойчивого стремления Троцкого к созданию регулярной централизованной организации и командования, а также недавно обученных офицеров с пролетарским происхождением и партийным прошлым, испытывавших зависть и соперничество по отношению к бывшим профессиональным офицерам царской армии, и, в более широком смысле, других партийных лидеров, завидующих военной славе и авторитету Троцкого. В эту группировку входили партизанский командир Ворошилов, вступивший в 1919 г. в открытый конфликт с Троцким, в котором пользовался покровительством Сталина, а также лихой кавалерийский командир, проявивший себя в гражданской войне и в Польской кампании 1920 г., Буденный³⁵. Аномальную позицию занимал Тухачевский, который командовал наступлением на Варшаву и был, по общему признанию, самым способным из нового, растущего поколения молодых офицеров. Никто с большим упорством, чем он, не настаивал на том, что особая пролетарская военная доктрина должна пронизывать стратегию, тактику и организацию армии. Тухачевский считал, что характер Красной Армии должен определяться ее миссией, которая заключается в том, чтобы нести пролетарскую революцию в другие страны, и он проповедовал «подготовку к внешней классовой войне» через создание генерального штаба Коммунистического Интернационала³⁶. Однако, хотя эти экстремистские взгляды предрасполагали его к чисто-сердечному признанию «единой военной доктрины», они же вели его к тому, чтобы разделить безоговорочное отрицание Смилгой милиционной системы — и не только на том основании, что, по словам Смилги, территориальные подразделения якобы окажутся под господствующим влиянием кулачества и будут равносильны тому, что «мы бы сами против себя создали контрреволюционные войска», а также и под тем, не выдвигавшемся Смилгой, предлогом, что милиция была бы несовместима с выполнением Советской Россией ее миссии как «распространителя социалистической революции для всего мира»³⁷. Так что Тухачевский оставался несколько эксцентричным членом группировки Фрунзе. Первой попыткой сформулировать «единую военную доктрину» и снабдить эту группировку программой были подготовленные Гусевым и Фрунзе на Украине зимой 1920/21 г. тезисы. Целью, выдвинутой в этих тезисах, было превращение Красной Армии в «единый ор-

ганизм, спаянный сверху донизу не только общностью политической идеологии, но и единством взглядов на характер стоящих перед республикой военных задач, способов их разрешения и методов боевой подготовки войск»³⁸. Они, по всей видимости, получили в январе 1921 г. поддержку Центрального Комитета партии Украины³⁹.

Х съезд партии собрался в марте 1921 г. в атмосфере острой тревоги, вызванной Кронштадским восстанием, — она была прямой противоположностью той атмосфере уверенности и триумфа, которая превалировала год назад на IX съезде. Три заседания, которые съезд посвятил военным вопросам, были проведены в обстановке секретности, и их материалы опубликованы не были. Две диаметрально противоположные точки зрения — за и против милиционной системы и за и против политических комиссаров — взаимно уравновешивали друг друга и особых забот не доставили. Тезисы о «единой военной доктрине» производили более тревожащее впечатление, и оппозиция, судя по всему сконцентрировала свои атаки именно на ней, критикуя Троцкого за то, что он не проявляет интереса к марксистской военной теории, и за его эмпирическое отношение к военным вопросам⁴⁰. Столкновение могло бы принять весьма серьезный характер, если бы Ленин в частной беседе не убедил Фрунзе отказаться от намерений и дальше настаивать на своем плане. Ленин сравнивал понятие пролетарской военной доктрины с понятиями пролетарской литературы или искусства. Он повторил Фрунзе то, что уже раньше говорил Бухарину:

«Пожалуйста, учитеесь, выдвигайте молодые силы, но ежели вы сейчас станете выступать с теорией пролетарского искусства, то впадете в опасность комчванства»^{41*}.

Поддавшись этому убеждению, оппозиция воздержалась от выдвижения своих тезисов в официальную повестку дня, и они остались среди неопубликованных материалов съезда⁴².

Вот так и получилось, что резолюция съезда «по военному вопросу», которая полностью была опубликована лишь несколько лет спустя⁴³, обошла молчанием вопрос о доктрине, ограничившись практическими проблемами военной организации. В ответ на предложения Смильги упразднить политических комиссаров и другие политические органы Красной Армии и доверить политическую работу в армии партийным органам⁴⁴ съезд принял решение «сохранить политический аппарат Красной Армии в том виде, как он сложился за три года войны» и усилить его связи с местными партийными организациями при сохранении за ним «полной самостоятельности». Вместе с тем съезд высказался за выдвижение на командные посты «комиссаров, приобретших соответственный

* Цитата Ленина дается по воспоминаниям Фрунзе неточно. Она сопровождалась словами: «Вот что приблизительно говорил мне тогда тов. Ленин» (там же. т. III, с. 180.) — *Прим. ред.*

опыт». По вопросу о милиции резолюция высказалась подчеркнуто и категорически. Поскольку никаких изменений в Программе партии не предусматривается, «формы, методы и темп перехода к милиции целиком зависят от международной и внутренней обстановки, от продолжительности передышки, взаимоотношений города и деревни и пр.». На ближайший период «основой наших вооруженных сил» должна оставаться Красная Армия в ее нынешней форме. Частичное исключение допускалось «лишь по отношению к районам с наиболее сплоченным пролетарским населением (Петроград, Москва, Урал)»; там же, где такие отряды милиции будут сформированы, к ним должны быть прикреплены «коммунистические отряды особого назначения», обеспечивающие необходимую дисциплину и порядок. Возможность для более широкого распространения милиционной системы будет дана только тогда, когда успех политики НЭПа восстановит доверие к лояльности крестьянина.

Снятие с повестки дня X съезда партии «единой военной доктрины» означало не поражение, а тактическое отступление. И защитники ее вскоре вновь появились на поле боя. В статье Фрунзе, опубликованной в июле 1921 г. одновременно в военном журнале «Армия и революция» и в литературном журнале «Красная новь», предпринималась попытка дать этой доктрине свежее определение:

«Единая военная доктрина есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вожделение на основе господствующих в государстве взглядов на характер, лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны».

Эти туманные утверждения общего характера нашли теперь новое выражение в наступательной доктрине: поскольку «самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению» против капитала, то из этого делался вывод, что в основе тактического обучения Красной Армии должна лежать наступательная тактика⁴⁵. Эта теория вновь возвращала к старому спору времен гражданской войны относительно партизанской войны и специалистов. Летом 1919 г. некий Тарасов-Родионов опубликовал в военном журнале весьма изощренную статью, где подверг критике специалистов за то, что они тяготеют к устаревшей традиции «позиционной» войны, утверждал необходимость «маневренного характера классовой войны» и требовал внимания к развитию кавалерии, мотоциклетных команд и легкой артиллерии⁴⁶. Возвращенная к жизни Фрунзе наступательная теория стала теперь главным наполнителем «единой военной доктрины» и эффективной точкой соприкосновения между Фрунзе и Тухачевским. В этой теории было нечто романтическое, что делало ее притягательной для нового поколения молодых офи-

церов, сделавших Тухачевского своим идиолом, и она пользовалась широкой популярностью. Ленин, занятый теперь главным образом проблемами НЭПа и бюрократии и чья деятельность к тому же вскоре оказалась ограниченной из-за ухудшающегося состояния здоровья, в военные вопросы более уже не вмешивался; ослабились соответственно и позиции Троцкого. Тем временем происшедшие осенью 1921 г. два новых назначения свидетельствовали о растущем влиянии оппозиционной группировки. Гусев сменил Смирнову на посту главы ПУРа, а Тухачевский стал начальником военной академии⁴⁷.

Осенью Троцкий принял бой, публично выступив против новой доктрины. Он подробно развил свои возражения в своем выступлении на собрании Военно-научного общества:

«Здесь нужна величайшая бдительность, чтобы не дать себя увлечь в какую бы то ни было мистическую или метафизическую ловушку, хотя бы и прикрытую революционной терминологией... Мы хотим конкретного, точного исторического содержательного понятия».

Позаимствовав аргумент, который уже сослужил свою службу в литературных спорах, он заявил, что, «чтобы выдумать что-нибудь, кроме тачанок⁴⁸, надо поучиться у буржуазии», и, осудив «спесь и революционное верхоглядство», добавил, что «когда стратегия развивается с точки зрения революционной молодежи, то получается хаос». Он подверг критике Тухачевского за его оппозицию милиционной системе и за наступательную теорию⁴⁹. Фрунзе, посланный с дипломатической миссией в Турцию, там не присутствовал⁵⁰. Но язвительные реплики Троцкого без ответа не остались. Согласно его же собственному свидетельству, «некоторые товарищи, из молодых наших командиров, которые были на фронтах гражданской войны, люди превосходные, надежные, храбрые, награжденные орденом Красного Знамени», по-прежнему продолжали поддерживать наступательную тактику, считая, что «так как мы революционная армия, то мы должны прежде всего наступать»⁵¹. Несколько недель спустя Троцкий продолжил свою кампанию, выступив с речью, где он сравнил доктрину военного наступления с революционным наступлением, которое проповедовали германские и итальянские леваки и которое было подвергнуто осуждению минувшим летом на III Конгрессе Коминтерна. Особенно резкой критике подверг он пропаганду Тухачевского в защиту создания международного Генерального штаба, считая этот проект как нереалистичным — до тех пор, пока не осуществится всемирная революция, — так и несовместимым с текущей политической линией на достижение временного перемирия с капиталистическими странами⁵². Относящаяся к декабрю 1921 г. иностранная статья под заголовком «Военная доктрина или мнимое военное доктринерство» — опубликованная первоначально в журнале Коминтерна, а позднее в виде отдельной брошюры — была посвящена подробному опровержению Фрунзе, Гусева и Тухачев-

ского⁵³. Никакой срочной необходимости для партийного заявления по главному вопросу не было. Однако в том же самом месяце резолюция партийной конференции объявила в качестве задачи партии «превратить казармы в параллельное отделение партийных школ» и обеспечить, чтобы красноармеец выходил после двухлетней военной службы «со знаниями, не уступающими знаниям курсантов губернской партийной школы»⁵⁴. Сторонники единой военной доктрины могли извлечь некоторое удовлетворение из этого признания важности изучения марксизма в ходе военной подготовки.

Теперь возобновление этой борьбы на предстоящем в марте 1922 г. XI съезде партии стало неминуемым. Предварительная проба сил была проведена на прошедшем в начале этого месяца в Харькове совещании военных работников. На Украине Фрунзе чувствовал себя на родной земле и пользовался широкой поддержкой. Он вновь повторил свою точку зрения на Красную Армию как на пролетарскую классовую армию, «сплоченную» идейным единством, и опять подчеркнул превосходство наступательной тактики над оборонительной и маневренной войны над позиционной. Вацетис, первый главнокомандующий Троцкого во время гражданской войны, был подвергнут критике за то, что в один критический момент отстаивал стратегию отступления на Восточном фронте⁵⁵. На съезде партии установившаяся в предшествующие годы традиция проводить обсуждение военных вопросов на закрытых заседаниях вновь сохранилась. На открытом заседании с докладом о Красной Армии выступил Троцкий. В конце своей речи, выдержанной в основном в недискуссионном тоне, он пренебрежительно упомянул о «единой военной доктрине» и с осуждением высказался по поводу некоторых заявлений, сделанных на совещании, прошедшем на Украине. Он высказал предположение, что сторонники этой доктрины заблуждаются, идеализируя прошлое и опыт гражданской войны, и что им было бы лучше заняться решением таких практических задач, как избавление армии от неграмотности и вшей. В заключение он предложил желающим делегатам принять участие в назначенном на следующий день совещании военных делегатов съезда⁵⁶.

Когда открылось это совещание, Троцкий занялся тщательно продуманным опровержением «единой военной доктрины», которую он связывал с именами Гусева и Фрунзе, подробно анализируя тезисы, выдвинутые на харьковской конференции.

«Война, — заявил он, — не есть наука, — война есть практическое искусство, умение... Война есть «ремесло» для тех, которые правильно изучают военное дело... Каким же образом можно приемы военного ремесла или искусства строить при помощи марксистского метода? Это то же самое, что строить при помощи марксизма теорию архитектуры или ветеринарный учебник».

Люди важнее доктрины. Военную доктрину нельзя строить на

идеализации успехов гражданской войны. Провозглашать наступательную теорию — все равно что верить, будто в игре в шахматы выигрывает обязательно тот, кто первым объявит шах⁵⁷. Фрунзе ответил. Начав с уверений, что никаких разногласий принципиального характера не существует, а есть лишь расхождения относительно конкретного применения этих принципов, он энергично поддержал приверженность наступательной теории, сравнив возражения против нее со стороны Троцкого с позицией «ликвидаторов» в партии после 1905 г. и позицией меньшевиков и эсеров в 1917 г.⁵⁸ Он красноречиво отверг обвинения Троцкого в идеализации прошлого: здесь Троцкий со своим обычным пренебрежением к факторам психологического характера явно ранил самолюбие многих молодых офицеров, как бы обесценивая славные подвиги гражданской войны⁵⁹. Среди ораторов, принявших участие в дискуссии, были Ворошилов и Буденный, которые восхваляли наступательную теорию, Тухачевский, «с оговорками» согласившийся с Троцким, и Муралов, уверявший, что хорошо начищенные сапоги и пуговицы — это еще не все». Троцкий ответил им коротко и мягко⁶⁰. Возможности для соглашения по теоретическим вопросам видно не было, но непосредственных проблем практического характера это за собой не влекло.

Выводы совещания военных делегатов представил на съезде не Троцкий, а Фрунзе. Среди итоговых документов была только краткая и явно недискуссионная резолюция, касавшаяся проблем демобилизации и роли партии в армии — она, как утверждалось, была принята открытым голосованием «явным большинством»⁶¹. Однако, как признал Фрунзе, в резолюцию не вошло два вопроса, обсуждавшихся на совещании. Одним из них был вопрос о военной дисциплине и необходимости сохранить «военно-революционные суды» — этим, как пояснил Фрунзе, должны были заниматься советские органы. Хотя формально это объяснение было правильным, в действительности совещание приняло по этому поводу специальную резолюцию, которую было бы неблагоразумно публиковать. В ней отмечалось, что «последние статистические данные показывают угрожающий рост дезертирства и других характерных военных преступлений», и было зафиксировано, что военное командование «не могут не волновать реальные боевые способности Красной Армии»⁶². Второй вопрос, который касался взаимоотношений между ПУРом и Главполитпросветом⁶³, косвенно затрагивал щекотливый вопрос о «единой военной доктрине». В принятых совещанием тезисах, которые получили одобрение Троцкого, подчеркивалась необходимость пробуждать в красноармейце «интерес к военному делу» и сделать из него «хорошего бойца», а также утверждалось, что политическое образование должно исходить «не из теории борьбы, а из конкретной политической обстановки сегодняшнего дня». Здесь отказ вынести эту проблему на обсуждение съезда был, возможно, связан с обструкционистской тактикой со стороны защитников «единой военной доктрины», которые не

могли рассчитывать на то, чтобы одержать победу над Троцким, но и не хотели подставлять себя под поражение⁶⁴.

Троцкий еще раз вернулся к «единой военной доктрине» в выступлении на заседании Военно-научного общества 8 мая 1922 г., которое носило название «Военное знание и марксизм»⁶⁵. К тому времени было уже совершенно ясно, что эта тема имела гораздо больше значения как орудие личной мести, направленной против Троцкого, чем как предмет, имеющий отношение к вопросам военной организации. Спор о военной доктрине отмер после XI съезда партии вовсе не потому, что по этой проблеме съездом были приняты какие бы то ни было решения, а потому, что с возраставшей демобилизацией Красной Армии проблема просто, по всей видимости, утратила актуальность. Дух НЭПа, с характерной для него острой реакцией на опыт и образ мышления периода гражданской войны, был весьма неблагоприятен для проявления каких бы то ни было форм военного энтузиазма и низвел Красную Армию — как численно, так и психологически — до самого низкого уровня. 1922 г. все еще оставался годом демобилизации, и лишь на следующий год проблема перестройки Красной Армии на постоянной основе, соответствующей условиям мирного времени, встала как конкретная проблема, требующая практического решения. Но даже теперь особенно значительных инициатив не последовало. Сфера основных интересов Троцкого, как он сам показывает, переключилась после гражданской войны с военных вопросов на экономические⁶⁶. Прошедший в апреле 1923 г. XII съезд партии оказался первым с момента революции съездом, где не было никаких дискуссий по военным вопросам.

Во время этого временного затишья в партийных разногласиях форма и организация Красной Армии на последующие десять лет были определены почти автоматически и без дополнительных дискуссий. Резолюции VIII и IX съездов партии в пользу перехода к территориальной милиционной системе были зафиксированы. Можно, однако, усомниться в том, возымели ли они, когда подошел критический момент, столь же решающее значение, как практические аргументы, продиктовавшие создание осенью 1923 г. первых территориальных войсковых частей. Численность армии оказалась сокращена с 4,4 млн. человек в марте 1921 г. до 560 тыс. в конце 1923 г.⁶⁷ При тех настроениях, которые господствовали в стране в 1923 г., и при том жестко ограниченном бюджете нечего было и думать о численном увеличении регулярной армии. Но если единственной военной силой будет регулярная армия такой численности, то призывники, состоящие на действительной службе, могли составить лишь менее одной трети наличного годового контингента, а это привело бы к тому, что численность обученных резервных войск, которые могли понадобиться в чрезвычайных обстоятельствах, упала бы до опасно низкого уровня. С одной стороны, напряженность ресурсов советского бюджета не позволяла

содержать большую регулярную армию, какая была в последние дни царского режима, когда в действующей армии постоянно под знаменами находились полтора миллиона человек⁶⁸. С другой стороны, небольшая по численности регулярная армия могла считаться эффективной с точки зрения современных представлений о боевых действиях лишь в том случае, если она механизирована и снабжена современным оружием. Хотя мнение военных кругов по-прежнему оставалось скептическим относительно военной ценности полуобученных территориальных формирований, главным аргументом в поддержку милиционной системы оказалась отсталость советской промышленности. В середине 20-х годов невозможно было предвидеть, что наступят времена, когда советская промышленность окажется в состоянии обеспечить вооружение и оснащение современной регулярной армии, которая сможет соперничать, как качественно, так и количественно, с армиями западноевропейских стран⁶⁹. Промышленная отсталость вынуждала советский режим ввиду отсутствия достаточного механического оснащения полагаться — как в организации армии, так и в других областях — на излишек рабочей силы. Именно поэтому оказалось практически невозможно обойтись без необученных и плохо оснащенных милиционных частей. Осенью 1923 г., когда настало время следующего очередного призыва на действительную службу в армии, было принято решение призвать весь годовой контингент. Однако лишь около одной четверти всех этих призывников могли потребоваться для укомплектования регулярной армии. Остальных предполагалось призывать поочередно, для подготовки в течение коротких периодов времени, на основе территориальных подразделений, для которых подразделения регулярной армии будут служить средством обеспечения дисциплины и порядка. Предписания IX съезда партии относительно милиции оказались устаревшими в двух отношениях. Не было предпринято никаких попыток ни базировать территориальные милиционные подразделения вокруг промышленных центров, ни связывать их с принудительной трудовой повинностью. Состав их в сельских районах был исключительно крестьянским, а функции — исключительно военными.

К делу быстро приступили, хотя к концу 1923 г. на территориальной основе было организовано лишь 17% всей армии⁷⁰, и из всех лиц, подлежащих призыву, 100 тыс. человек — очевидно, из соображений финансовой экономии — в действительности призваны на военную службу не были⁷¹. Первый призыв совпал по времени с неудавшимся революционным переворотом в Германии и сопровождался распространением слухов о военной мобилизации⁷². Когда на Украине формировалась Бессарабская дивизия, масштабы дезертирства достигали 50%. В общем и целом набор проходил, как утверждалось, лучше, чем можно было ожидать: средний процент уклонившихся от военной службы составил всего 2%⁷³. Как только крестьяне осознали, что их мобилизуют не для того, чтобы воевать, и даже не собираются отрывать от дома, а

всего лишь призывают на ограниченный период времени для военной подготовки, они стали воспринимать новую систему со спокойствием и невозмутимостью. Постепенно вышел из употребления старый аргумент против милиционной системы, основанный на мнимой нелояльности и ненадежности крестьянина. Новая территориальная Красная Армия стала символом примирения крестьянина со строем — типичным результатом периода НЭПа⁷⁴.

Создание новой системы еще начиналось, когда в связи со свирепствовавшей на протяжении зимы 1923/24 г. первой партийной кампанией против Троцкого было создано совещание высшего командного состава Красной Армии. Троцкий, вне всякого сомнения, пользовался симпатиями высших «профессиональных» группировок в Красной Армии — тех самых «спецов», которых он признал и отстаивал в мрачные дни гражданской войны. Что было еще более важно, он пользовался поддержкой многих армейских партийных ячеек⁷⁵, и особенно той партийной интеллигенции, которая составляла костяк ПУРа. Смещение Антонова-Овсенко, который подписал «платформу 46-ти» и был одним из главных приверженцев Троцкого, с поста главы ПУРа⁷⁶ послужило прелюдией к осуждению на прошедшей в январе 1924 г. XIII партийной конференции и самого Троцкого. Весьма знаменательно, что резолюция, осудившая Троцкого, содержала пункт, предписывавший «особенно строгое» наказание за попытки внести «фракционную деятельность» в Красную Армию⁷⁷. Несмотря на то что это не привело к смещению Троцкого со своего поста, это событие ознаменовало конец реальной власти Троцкого в военных делах. В конце конференции Центральный Комитет партии образовал комиссию под председательством Фрунзе — в которой Троцкий, находившийся в то время по нездоровью в Сухуми, участия не принимал — по реорганизации Красной Армии⁷⁸. Это было прелюдией к возымевшим потом самые широкие последствия изменениям и явно выдвинуло Фрунзе как будущего преемника Троцкого.

Шагом, не терпящим отлагательства, было назначение Бубнова на место Антонова-Овсенко в качестве главы ПУРа. На первый взгляд этот выбор казался странным. Бубнов искупил своим поведением числившуюся за ним с 1918 г. связь с «левыми коммунистами». В 1922 г. он стал главой отдела пропаганды Секретариата партии, а на прошедшем в апреле 1923 г. XII съезде был избран кандидатом в члены Центрального Комитета⁷⁹. Однако осенью того же года он снова впал в немилость, подписав — хотя и с оговорками — «платформу 46-ти». Он, однако, оказался одним из немногих, кто, едва в декабре разразился кризис, поспешил отречься от содеянного, и вот теперь его проворное возвращение в ортодоксальную веру оказалось вознаграждено. Бубнов отменил свое назначение тем, что отменил подписанное Антоновым-Овсенко еретическое циркулярное письмо от 3 февраля 1924 г.⁸⁰ о «внутрипартийной демократии» в Красной Армии. Теперь было ясно дано понять, что партийные дискуссии запрещены исходя из

требований военной дисциплины и что партийный аппарат Красной Армии — кроме уровня полковых партийных ячеек — более не избирается снизу, а назначается сверху⁸¹. Бубнов проявил себя как весьма эффективный глава ПУРа. В мае 1924 г. он был избран XIII съездом партии в члены Центрального Комитета, и в течение многих лет его лояльность по отношению к партийному руководству была безукоризненной.

Отчитывавшаяся в феврале и апреле 1924 г. перед пленумами ЦК партии комиссия Фрунзе пришла к бескомпромиссному выводу, что «Красная Армия в своем нынешнем виде к боевым действиям неспособна»⁸². Хотя этот вердикт и не был лишен оснований⁸³, его лезвие было намеренно заострено, дабы использовать в качестве оружия против Троцкого; за этим последовала генеральная чистка в армейском командовании, в которой явно ведущая роль принадлежала группировке Фрунзе — Гусева. Занимавший с 1921 по 1923 г. пост заместителя председателя ЧК и ГПУ Уншлихт был — после происшедшего у него осенью 1923 г.⁸⁴ расхождения мнений с его начальником Дзержинским — перемещен в народный комиссариат по военным делам, где стал активным членом указанной группировки. В начале 1924 г. Троцкого — который все это время был болен или поправлял свое здоровье в Сухуми — посетила делегация, состоявшая из Томского, Фрунзе, Пятакова и Гусева, с целью обеспечить его одобрение проведенным изменениям в организации и кадровом составе народного комиссариата по военным делам. Троцкий описывал этот визит как «чистейшую комедию», поскольку «обновление личного состава в военном ведомстве давно совершалось полным ходом за моей спиной». Кульминацией этих процессов стало назначение в марте 1924 г. Фрунзе на пост заместителя народного комиссара по военным делам, где он сменил Склянского, занимавшего этот пост с 1918 г. и переведенного теперь на экономическую работу⁸⁵. В ходе перестройки высшего командного состава пост главнокомандующего был упразднен, и Сергей Каменев стал генеральным инспектором Красной Армии⁸⁶. Лебедев — профессиональный солдат, в течение нескольких лет занимавший пост начальника штаба и державшийся в стороне от текущих разногласий, — по всей видимости, тихо удалился в отставку; «обязанности начальника штаба» принял на себя Фрунзе⁸⁷. Тухачевский стал заместителем начальника штаба со специальной миссией по осуществлению реорганизации армии⁸⁸. Троцкий — за которым номинально оставался титул народного комиссара по военным делам и председателя Революционного Военного Совета — молчаливо покорился тем изменениям, которые терпеливо разрабатывались с целью устранить его единомышленников и разрушить его авторитет в военных делах. Фрунзе, чей статус повысился избранием после XIII съезда партии кандидатом в члены Политбюро, играл лидирующую роль в широкомасштабном комплексе военных реформ, предпринятых в течение 1924 г., — Троцкий же беспомощно

и равнодушно наблюдал за этим со стороны. В произнесенных Троцким в течение 1924 г. многочисленных речах не содержалось никаких существенных заявлений по военным делам. В ходе развернувшейся осенью 1924 г. новой кампании против Троцкого, спровоцированной публикацией «Уроков Октября», Гусев вновь повторил старые нападки на основы проводимой Троцким военной политики; обратившись к наполовину забытым разногласиям по вопросу о единой военной доктрине, он обвинил Троцкого в том, что тот отделял военную науку от марксизма, и возродил старые обвинения Фрунзе в меньшевизме и ликвидаторстве⁸⁹. Но в огромном потоке обличений эти нападки представляли лишь незначительные ручейки. Когда в январе 1925 г. Троцкий был полностью отстранен со своего военного поста, и на смену ему был поставлен Фрунзе с Уншлихтом в качестве заместителя⁹⁰, эти назначения всего лишь официально оформили то положение вещей, которое уже фактически существовало на всем протяжении последнего года. В мае 1925 г. начальником штаба стал Каменев⁹¹, а заместителем начальника штаба остался Тухачевский.

Реформы, введенные Фрунзе и связанные с его именем, охватывали широкий круг вопросов и заложили те основы, на которых Красная Армия развивалась в течение следующего десятилетия. Две наиболее важные и наиболее спорные из них касались состава и реорганизации армии, а также взаимоотношений между политическими комиссарами — и политической работой в более широком смысле — и военным командованием. Основная линия в будущей организации Красной Армии — комбинация регулярных и территориальных формирований — была фактически уже predetermined призывом, осуществленным осенью 1923 г. Было принято решение стабилизировать численный состав вооруженных сил на существующем уровне. Из всего наличного годового контингента в 800—900 тыс. человек 280 тыс. должны были ежегодно призываться для прохождения двухлетней службы в регулярной армии, численность которой будет таким образом поддерживаться на уровне 560 тыс. человек. Это должна была стать армия, живущая в казармах и обучающаяся использованию современных видов вооружения: она включала военно-морские, военно-воздушные и технические соединения. Еще 250 тыс. человек подлежали ежегодному призыву для прохождения службы в территориальных подразделениях, где призванники должны были проходить краткосрочную ежегодную подготовку в течение пятилетнего периода, но не более двух месяцев в каждом году. Остальная часть годового контингента оставалась военнообязанной и могла быть призвана для прохождения военной подготовки по мере надобности, но без отрыва от дома и обычных занятий⁹². Эти мероприятия послужили основой для призыва, осуществленного осенью 1924 г., и были включены в выпущенную в конце ноября 1924 г. официальную

резолюцию Реввоенсовета, которая была опубликована в печати⁹³. Ее публикация совпала с самым разгаром ожесточенных споров по поводу «Уроков Октября» и вызвала некоторые разногласия. В военных кругах, судя по высказываниям представителей офицерского состава, предпочли бы — если это оказалось осуществимо — иметь более значительную регулярную армию, мотивируя это большей ее эффективностью⁹⁴. Сам Фрунзе подчеркивал свое категорическое несогласие с доктринерской точкой зрения на милицию как «совершенную самое по себе и наиболее отвечающую нашим условиям», защищая милиционную систему как необходимую «с точки зрения финансовой и общехозяйственной», но делая оговорки относительно ее эффективности. Во время призыва 1924 г. он высказал предостережение, что милиция — если к ней не будут «с достаточной серьезностью» подходить партийные, советские и профсоюзные органы — может стать «источником нашей слабости»⁹⁵. Принятая в 1924 г. смешанная система не была идеальной ни в каком смысле. Она явилась выражением как промышленной отсталости страны, так и характерного для всего периода НЭПа компромисса с крестьянством. Красная Армия 20-х годов все еще оставалась армией, опирающейся в первую очередь на людские ресурсы⁹⁶.

Оставалось оформить компромисс, заключенный в ноябре 1924 г., в законодательном порядке. Это было осуществлено в течение 1925 г. в неспешной манере, позволявшей предположить, что за кулисами мнения разделились. Принцип сочетания регулярных войск с территориальными подразделениями был вновь сформулирован и одобрен на прошедшем в мае 1925 г. III съезде Советов⁹⁷. В следующем месяце Реввоенсовет подготовил, чтобы представить на рассмотрение Совнаркома и ВЦИКа, проект закона⁹⁸. Он был опубликован в окончательном виде 18 сентября 1925 г. и должен был вступить в силу с 1 октября. Все граждане в возрасте от 21 до 40 лет подлежали призыву на военную службу — с соответствующей предварительной подготовкой в возрасте от 19 до 21 года⁹⁹. Служба могла проходить в одной из трех форм: призыв в регулярные войска сроком на два года; набор в территориальные подразделения, предполагающий службу в течение общего периода от 8 до 12 месяцев, распределенного на пятилетний срок, но не более трех месяцев ежегодно, или же военная подготовка в течение срока, не превышающего 6 месяцев, без призыва на действительную службу. Граждане, лишенные политических прав, подлежали призыву для прохождения службы в нестроевых частях¹⁰⁰. В партийных кругах явно чувствовалась некоторая озабоченность в связи с принятием новых постановлений. Накануне опубликования закона в партийном журнале была напечатана статья, где активно защищалась территориальная система под тем предлогом, что она завоевала доверие крестьянства¹⁰¹. Вскоре после этого попытка преодолеть враждебность или презрительное отношение, которые явно питали в отношении территориальных формирований

профессиональные солдаты, была предпринята в передовой статье военной газеты. Напечатанная под заголовком «Лицом к территориальной системе», статья поясняла, что эта система уже получила одобрение прошедшего в 1920 г. X съезда партии, что на ее основе уже перестроена «большая половина» армии и что «положение Союза такое, что оборона его опирается главным образом на территориальные части», которые следует рассматривать как «основу вооруженных сил». Было бы неправильно подходить к ним с тех же позиций, как если бы они были равноценны регулярной армии, но также неверно и относиться к ним скептически. В другой статье, напечатанной в том же самом номере газеты, доказывалось, что младших офицеров для территориальных подразделений следует вербовать из жителей того же района — еще одна попытка воплотить территориальный принцип¹⁰². Закон от 18 сентября 1925 г. предопределил формирование Красной Армии почти на десятилетие вперед. К 1926 г. на милиционной основе формировалось 65% состава Красной Армии¹⁰³.

Резкое сокращение масштабов Красной Армии повлекло за собой соответствующее сокращение численности офицерского состава. Вполне естественно, что в первую очередь старались освободиться от находившихся на службе бывших царских офицеров: из первоначальной общей их численности, составлявшей свыше 30 тыс. человек в 1921 г., как утверждалось, ушли в отставку около 12,5 тыс.¹⁰⁴ Однако первая систематическая реорганизация офицерского состава была предпринята Фрунзе весной 1924 г. и связана она была отчасти с общим процессом осуществления реформы в Красной Армии, а отчасти — с кампанией против Троцкого. Троцкий был известен как покровитель царских офицеров и как противник классового принципа в армии, так что он подвергся нападкам как со стороны старой «военной оппозиции» 1920 г., так и со стороны относившейся к более позднему периоду группировки Фрунзе — Гусева по обоим этим пунктам. Когда в апреле 1924 г. Фрунзе объявил чистку офицерского состава, он проявил достаточную осторожность, чтобы отрицать какие бы то ни было намерения осуществить «общее преследование специалистов». Он поставил акцент на необходимости дать возможность для продвижения молодых, недавно обученных людей из низов, чьим способностям ранее не давали проявиться, и выдвинул аргумент с явным намеком на критику политики Троцкого:

«Если бы мы этим путем шли более твердо раньше, то, вероятно, теперь у нас не было бы необходимости в той общей встряске, какая сейчас проделана»¹⁰⁵.

Несколько месяцев спустя он вновь объявил, что «предпочтение будет отдаваться тем, кто выдвинулся снизу, кто имеет большой боевой опыт, сохранив свежесть сил»¹⁰⁶.

В более старших возрастных группах все младшие офицеры и значительная часть штаб-офицеров, имеющих чин не ниже майора и не выше полковника, были, как утверждалось, уволены в от-

ставку¹⁰⁷. Подлежавшие увольнению старшие офицеры были, естественно, прежде всего бывшие царские офицеры. В 1924 г. уволено в отставку гораздо более значительное число офицеров и высшего командного состава, чем в 1923 г., — 9400 против 2750, — и доля среди них офицеров, подпадавших под категорию «бывших белогвардейцев», тоже была намного выше — 1500 против 50¹⁰⁸. С другой стороны, те, кто остался, наконец-то были освобождены от позорного клейма «бывших белых офицеров» и более не классифицировались в документах Красной Армии под отдельной рубрикой¹⁰⁹. «Мы хотим, — воскликнул Фрунзе в январе 1925 г., — иметь единый, вполне равноправный командный состав, не разделяя его в служебном отношении на партийцев и беспартийных»¹¹⁰. «Встряска» 1924 г. в офицерском составе была, судя по всему, более непосредственно направлена против сторонников Троцкого, чем против бывших царских офицеров. После того как этот процесс был завершен, 16,8% всех красноармейских офицеров составляли кадровые офицеры, окончившие высшие военные учебные заведения при советской власти, а 7,5% — кадровые офицеры царской армии¹¹¹. Ворошилов в своем панегирике «старым специалистам», произнесенном в феврале 1926 г., заявил, что «вряд ли сейчас существует какая-нибудь разница» между ними и другими красноармейскими командирами¹¹². Предубеждения, однако, отмирали с трудом. Более года спустя сам же Ворошилов жаловался на отсутствие «сплоченного коллектива командно-политического состава», которое иногда заставляет офицеров более старшего возраста впадать в «отчаяние»¹¹³.

Важным элементом в реформах Фрунзе были поиски путей повышения эффективности армии за счет улучшения положения офицеров, а также повышения дисциплины и уровня подготовки как среди офицеров, так и среди рядового состава. Первым шагом на пути к созданию квалифицированного и дееспособного офицерского корпуса было улучшение их материального положения. В дни гражданской войны, когда предубеждения против военспецов достигли крайнего предела, Троцкий выдвинул призыв против «неравенства» между чинами в Красной Армии¹¹⁴; и партийная директива от февраля 1921 г. предписывала политическим комиссарам жить вместе с солдатами в казармах, участвовать в жизни партийных ячеек и поддерживать принцип равенства между офицерами и солдатами¹¹⁵. Однако с приходом НЭПа вскоре стали проявляться совершенно иные тенденции. Прошедший в марте 1921 г. X съезд партии принял — ввиду того факта, что армия превратилась фактически в «длительную профессию», — решение «принять меры действительного улучшения материального положения командного состава, прежде всего низшего»¹¹⁶. В течение некоторого времени, пока активно продолжалась демобилизация, в этом направлении было сделано немного. В феврале 1923 г. впервые была зафиксирована постоянная шкала выплаты в твердых рублях жалованья офицерам, а в августе того же года, когда были за-

ложены основы территориальной системы, размеры жалования были существенно увеличены¹¹⁷. В ходе реформы 1924 г. жалование младшим и старшим офицерам увеличивалось дважды — общее увеличение достигло, как утверждалось, в среднем около 30%¹¹⁸. В феврале 1925 г. Фрунзе заявил, что материальные условия офицерского состава настолько улучшились, что они уже могут не «думать постоянно о куске хлеба» и имеют теперь возможность «обращать всю свою энергию на дело воспитания красноармейцев»¹¹⁹. Тем не менее три месяца спустя, на III Всесоюзном съезде Советов, он предпринял сравнение между жалованием советских офицеров и жалованием офицеров других европейских армий с целью показать, что оплата офицеров в других армиях существенно выше, а в британской армии — выше в 5—10 раз. Более того, у 70% красноармейских офицеров неблагоприятное положение с жильем, и женатые офицеры вынуждены вместе с семьями жить в одной комнате¹²⁰. Сменивший Фрунзе в ноябре 1925 г. на этом посту Ворошилов признавал, что офицеры Красной Армии не так высоко оплачиваются, как офицеры других армий, и не стремятся к «генеральским жалованиям», однако пообещал, что их экономическое положение будет улучшаться по мере роста благосостояния страны¹²¹. Принятый в марте 1926 г. важный декрет предусматривал широкие меры по социальному страхованию и пенсионному обеспечению офицеров Красной Армии и утверждал, что им будет гарантировано полное «государственное обеспечение»¹²². Эти мероприятия отражали не только улучшение материального положения, но и повышение статуса офицеров Красной Армии в советской иерархии¹²³.

По мере того как постепенно улучшались материальные условия, был достигнут прогресс и в решении более деликатного вопроса о военной дисциплине. И здесь тоже революционный эгалитаризм в своей крайней форме не пережил гражданской войны. Он, однако, оставил заметные следы в практике последующего периода. К концу гражданской войны партия инструктировала «членов реввоенсоветов, комиссаров и других должностных лиц» в Красной Армии, что им надлежит «проводить революционную дисциплину», однако тут же напоминалось, что они должны «решительно бороться с рутинной старой военной системы»¹²⁴. После окончания гражданской войны, в период демобилизации, когда материальные условия достигли самого худшего уровня, дисциплина тоже сползла к самой низшей отметке. Восстановить ее было одной из задач реформы 1924 г. Выступая в июне 1924 г. на V конгрессе Коминтерна, Бухарин сделал неожиданное отступление, остановившись на вопросе о дисциплине в Красной Армии:

«Наша армия в большой мере сходна с обычной буржуазной армией. Вначале мы полагали, что и здесь, и в вопросе построения нашей армии, мы должны ввести нечто абсолютно новое: полное отсутствие принудительной дисциплины — лишь одна «сознательная» дисциплина. Однако опыт показал, что формы этой созна-

тельной дисциплины в буквальном их смысле не могут быть применены, хотя, конечно, эта сознательность играет у нас гораздо большую роль, чем в других армиях. Мы имеем различные принудительные правила в армии, и это совершенно необходимо, мы даже расстреливаем дезертиров... Формально структура нашей армии сходна со структурой буржуазной армии. Однако не это является решающим. Решающим является то, что в нашей армии другой классовый характер»¹²⁵.

В выступлении перед армейскими офицерами в ноябре 1924 г. Фрунзе подверг критике небрежность некоторых офицеров и комиссаров в вопросе о дисциплине:

«Во многих случаях вместо твердого и категорического требования выполнения служебного долга имеет место беспринципное «подыгрывание» к красноармейской массе, желание проявить свой исключительный «демократизм».

Этот «демократизм» является грубейшим извращением всех и всяких основ в дисциплине нашей Красной Армии. Приказ есть приказ. Уговаривания и увещания к выполнению приказаний сами по себе суть грубейшие нарушения дисциплины»¹²⁶.

В выступлении месяц спустя он воспользовался недавним инцидентом, чтобы опровергнуть общепринятое утверждение, будто коммунизм и военная дисциплина несовместимы. Во время марша одно из территориальных подразделений «сильно растянулось, несмотря на все старания командира», который «в резкой и грубой форме сделал замечание». Собралась коммунистическая ячейка и голосованием вынесла ему порицание, доказав этим, что они ничего не понимают в военной дисциплине. В капиталистических странах дисциплина «основана на классовом подчинении рядового солдата». В Красной Армии она основана на «необходимости правильного разделения труда, правильного руководства и правильной ответственности»¹²⁷. А относиться «к военной выправке, дисциплине строя, внешнему порядку как к чему-то вредному, неревolutionонному и ненужному» есть «абсолютная чепуха»¹²⁸. Выступая в июне 1925 г. на комсомольской конференции, Фрунзе упрекнул эту организацию в низком уровне дисциплины. Члены комсомола составляли 30% личного состава Балтийского флота, но на них падал 61% всех дисциплинарных взысканий. В Украинском и Северокавказском военных округах в течение первых трех месяцев 1925 г. за дисциплинарные нарушения были наказаны более 30% мобилизованных комсомольцев, хотя, добавил в утешение Фрунзе, основная часть этих нарушений не была серьезной¹²⁹. В конце года ПУР доложил XIV съезду партии об улучшении дисциплины в Красной Армии как в общем, так и среди мобилизованных членов партии и комсомола¹³⁰.

Самым деликатным и спорным из вопросов, с которыми предстояло справиться Фрунзе, был вопрос о взаимоотношениях между партийным контролем в Красной Армии, и в частности поли-

тическими комиссарами и военным командованием. В капиталистических странах отношения между политиками и солдатами часто бывали непростыми. В Красной Армии — еще с ранних дней появления там военспецов — постоянно и в резкой форме отражались трения между специалистами-профессионалами и теми, кто представлял политику партии. Теоретически никто принципа единого командования сомнению не подвергал. Засвидетельствовано, что Ленин в 1920 г. с удовлетворением приветствовал «единоначалие» в армии¹³¹. На практике же, пока между партийными и беспартийными все еще делалось значительное различие, и в особенности пока значительную часть профессиональных военных специалистов все еще отождествляли со старым режимом, компромисс здесь был неминуем¹³². Нельзя сказать, что именно этот вопрос служил главным водоразделом между различными группировками в партии. Троцкий был известен как защитник интересов специалистов и профессионалов, а сторонники «единой военной доктрины» гордились своими пролетарскими и партийными взглядами. Тем не менее Троцкий на проходившем в 1922 г. XI съезде партии подчеркнул заявил, что не может быть и речи об упразднении политических комиссаров даже там, где военные командиры были членами партии¹³³, а Фрунзе, когда он уже достиг руководящих позиций, превратился в непоколебимого защитника прав и интересов офицерского состава.

Острота соперничества между политическими комиссарами и военными сторонниками единого командования имела тенденцию затушевывать неуловимые изменения, которые происходили в постановке самой этой спорной проблемы. Титул политических комиссаров оставался. Однако функции, исполнявшиеся первоначально комиссарами по обеспечению надзора за лояльностью военных командиров, к которым они были приставлены, оказались к концу гражданской войны отжившими и устаревшими. В мирное время подобные функции вообще лишены смысла, а после введения НЭПа лояльность оставшихся в Красной Армии бывших царских офицеров серьезным сомнениям уже не подвергалась. Главной функцией политических комиссаров в период НЭПа стал уже не надзор за лояльностью командиров, а наблюдение за моральным состоянием рядового состава. Это было задачей партийной пропаганды и политического образования и обрело чрезвычайно большое значение в армии, вынужденной полагаться главным образом на необученные крестьянские соединения. Вероятность соперничества и трений между политическими комиссарами и беспартийными военными командирами все еще существовала. Однако она стала менее ощутимой, чем в те дни, когда присутствие комиссара означало недоверие к лояльности командира. С другой стороны, теперь уже иногда стали возникать разногласия между политическими комиссарами и другими ответственными партийными работниками, поскольку комиссары делали попытки, пользуясь своим военным положением, обеспечить себе ту независимость, которой

не обладали другие партийные функционеры. Это в свою очередь породило в некоторых партийных кругах известное недоверие к самим политическим комиссарам, которые позволяли своей верности армии брать верх над верностью партии.

Впервые эти новые аспекты партийной работы в армии, а также новые стороны функций и статуса политических комиссаров оказались зафиксированы в официальной партийной резолюции в связи с партийной конференцией, прошедшей в сентябре 1920 г., когда гражданская война приближалась к концу. Конференция привлекла внимание членов Реввоенсовета, комиссаров и других должностных лиц в армии к задаче усиления «революционной дисциплины» за счет установления тесных контактов с рядовым составом, хотя при этом и было заявлено, что любая попытка обособить подобную деятельность от «общепартийной жизни и работы» считалось бы неприемлемой¹³⁴. Состоявшийся в марте 1921 г. X съезд партии с осторожностью настаивал как на «полной самостоятельности» политического аппарата Красной Армии, так и на необходимости «усилить его связь с местными партийными организациями»¹³⁵. Следующие два-три года были отмечены растущим вниманием к важности партийной и политической пропаганды в Красной Армии. Одним из результатов прошедшей в конце гражданской войны демобилизации явилось сокращение до минимума количества членов партии в Красной Армии: в 1922—1923 гг. вряд ли их можно было найти где-нибудь, кроме как среди командирского и политического состава¹³⁶. В основном армия состояла из крестьян. Крестьянин превратился в центральный фактор партийной и советской политики, и призыв давал наилучшую — а в сущности, практически единственную — возможность вдолбить в крестьянские головы добродетели партийной доктрины и лояльность по отношению к строю. Сталин в 1923 г. говорил на XII съезде партии об армии как о «сборном пункте рабочих и крестьян» — «единственном сборном пункте, где рабочие и крестьяне разных губерний, оторванные друг от друга, сходятся и, сходясь, вырабатывают свои политические взгляды»¹³⁷. А прошедший год спустя XIII съезд партии рекомендовал переход к территориальной милиционной системы, мотивируя это тем, что такой переход станет средством связи партии и государства с крестьянством¹³⁸. С ростом значения этой работы возрастала и настойчивость партийных властей на строгом подчинении им ПУРа и политических комиссаров, а это в свою очередь ослабляло престиж комиссара перед лицом военного командира.

Партийные разногласия, разгоревшиеся зимой 1923/24 г., неблагоприятным образом отразились на положении политических комиссаров. То обстоятельство, что Троцкий нашел в тот момент столь сильную поддержку в ПУРе и среди политических комиссаров Красной Армии, объяснялось главным образом его влиянием в рядах партийной интеллигенции, которые стремились дискредитировать эти институты в глазах партийного руководства. Бубнов

возвестил свое назначение в ПУР инструкцией, которая — в противоположность линии его предшественников, поощрявших свободные политические дискуссии, — давала, по-видимому, понять, что в будущем работа политических комиссаров будет подчиняться требованиям военной дисциплины¹³⁹. В течение нескольких месяцев происходила переориентация в этом направлении. Назначенная в январе 1924 г. комиссия по реорганизации Красной Армии рапортовала три месяца спустя, что единоначалие является «практическим вопросом, к разрешению которого мы подходим всей системой нашей работы военного строительства», хотя и признавала, что в настоящее время «форсировать проведение единоначалия» невозможно¹⁴⁰. В июне 1924 г. заявление в пользу единого командования сделало Оргбюро, признав его «целесообразным принципом строительства Красной Армии», но оставляя за органами Красной Армии выработку конкретных планов его осуществления¹⁴¹. Когда Бубнов в следующем месяце сказал, что сущностью проводимых военных реформ является «ликвидация пережитков военного коммунизма»¹⁴², он прибег к излюбленному демагогическому лозунгу, которому можно было придать множество различных значений. Однако одним из этих значений в данном контексте являлось ограничение полномочий такого характерного для периода гражданской войны института, как политические комиссары Красной Армии. Почти в то же самое время Фрунзе охарактеризовал институт политических комиссаров как «временный» и говорил о взятом партией «твердом курсе» на «переход к так называемому единому командованию». Он признал, что осуществление этой реформы несколько запаздывает, но что «Реввоенсовет считает свой обязанностью, поскольку налицо оказываются благоприятные условия для единоначалия, это неуклонно проводить в жизнь»¹⁴³.

Между тем решение это было отнюдь не из порстых. Основная потребность в компромиссе между полномочиями военных специалистов и полномочиями партии по-прежнему сохранялась, а власть и влияние политических комиссаров, чьи интересы здесь затрагивались, были сильны. Прошедшее в ноябре 1924 г. совещание армейских политработников настаивало на том, что «единоначалие в армии не может рассматриваться как ликвидация института комиссаров», поскольку они являются необходимым элементом «партийного руководства и политического воспитания в армии»¹⁴⁴. Ноябрьская резолюция Реввоенсовета свидетельствовала о том, что в этом вопросе по-прежнему господствовала неразбериха¹⁴⁵. Она вновь повторяла все элементы этой дилеммы, и главным ее вкладом в решение проблемы оказалось, по всей видимости, изобретение новой туманной формулировки. Теперь различались две формы единоначального командования. Одна заключалась в концентрации военной, хозяйственной и административной власти в руках командира, оставляя политические функции за комиссаром, — это, по всей вероятности, отменяло

контроль комиссара во всех вопросах, не имевших политического характера, однако было еще весьма далеко от того, что ранее подразумевалось под единоначальным командованием. Другая форма сводилась к концентрации в руках командира всех функций, что было осуществимо только при том условии, если командир состоял членом партии и пользовался полным доверием партийных властей. Фрунзе признавал, что эта вторая форма не может стать «широко распространенным явлением» в связи со строго ограниченным количеством подходящих людей и что «преобладающим типом нашего единоначалия» будет первая его форма¹⁴⁶. Некоторые ортодоксальные партийцы интерпретировали это решение как «решительный отпор» той «тенденции к подчинению политорганов штабам», которая проявлялась в предшествующие месяцы 1924 г.¹⁴⁷ Однако интерпретация, содержащаяся в выступлении Фрунзе несколько недель спустя, была более тактичной и осторожной. Большинство военных командиров, сказал он, даже если они и коммунисты, должны довольствоваться преимущественной властью в строевой, административной и хозяйственной областях, оставляя политическую сферу в компетенции комиссаров. Однако он подчеркнуто прибавил, что «беспартийная часть комсостава должна рассматривать решения пленума по этому вопросу как выражение полного доверия к ней советского правительства и коммунистической партии»; что же касается «процесса перехода к единоначалию», то он, по его мнению, будет, по-видимому, осуществляться в течение ближайших лет¹⁴⁸.

В январе 1925 г. Фрунзе сменил Троцкого на посту народного комиссара по военным делам и председателя Реввоенсовета¹⁴⁹ и начиная с этого времени стал все более открыто тяготеть в сторону военных командиров. Вина за конфликты внутри Красной Армии возлагалась на головы тех политических работников, которые не оказывают военному командованию поддержки в обеспечении дисциплины; некоторые из них обвинялись в попытках заигрывать с рядовым составом, изображая из себя защитников его интересов перед лицом военных командиров¹⁵⁰. Однако преграды на пути принятия ясного и недвусмысленного решения были труднопреодолимы. Распоряжение Реввоенсовета от 2 марта 1925 г. предписывало, что все важные приказы должны подписываться совместно военным командиром и комиссаром, а рутинные приказы, касавшиеся повседневных дел, — каждым из них независимо, в пределах соответствующей сферы компетенции; однако попытка прояснить, где пролегает демаркационная линия, разделявшая эти функции, была весьма вялой и безуспешной. Знаменательным пунктом было то, что, хотя комиссар обладал правом апеллировать в вышестоящие инстанции против приказа командира, эта апелляция не имела силы приостановить выполнение приказа, послужившего причиной несогласия¹⁵¹. За этим распоряжением последовало циркулярное письмо, выпущенное от имени Центрального Комитета партии и носившее название «Об еди-

ноначалии в Красной Армии». В этом циркуляре заявлялось, что «задачи комиссарского состава... должны коренным образом измениться». Строевые и административные функции полностью передаются в руки командира, а комиссар, «отвобождаясь от обязанностей повседневного контроля» за этим, все же «сохраняет руководство политической и партийной работой в части и несет ответственность за ее морально-политическое состояние». Там, где военный командир является членом партии и способен сам обеспечить исполнение этих функций, военные и политические функции могут быть объединены в одном и том же лице. Эта инструкция не относилась к национальным военным подразделениям и к флоту, где введение единоначального командования должно было осуществляться более медленными темпами¹⁵². Те изменения, которые претерпевал партийный аппарат, были подчеркнуты на совещании секретарей армейских партийных ячеек, на котором выступил Фрунзе. Если некогда функции политических комиссаров состояли в том, чтобы не спускать глаз с военного командира, то теперь его функции, так же как функции партийных ячеек по всей армии, сводились к тому, чтобы «помогать всему военному аппарату в деле установления железной дисциплины в рядах армии и флота»¹⁵³.

Тем временем Фрунзе, комментируя несколько недель спустя мартовский циркуляр, сделал оптимистическое заявление, что вопрос о принципе единого командования разрешен «в совершенно точном и определенном смысле»: единственное, что задерживало полное и немедленное осуществление этого решения, было связано с необходимостью переквалификации и трудоустройства политических комиссаров, которые обладали слишком большим влиянием, чтобы просто-напросто уволить их с занимаемых постов¹⁵⁴. В июне 1925 г. Фрунзе заявил на ленинградской военно-окружной партийной конференции, что Красной Армии совершенно необходим офицерский состав, несущий всю полноту ответственности, и что «наша прежняя система двоевластия, вызванная политическими соображениями, выработке такого комсостава мешала», настаивая при этом, что отныне даже беспартийные командиры будут обладать всей полнотой власти во всех вопросах, кроме партийных¹⁵⁵. Гусев более реалистически отметил растущее влияние партии в военных делах и признал силу оппозиции, противодействующей введению «единоначалия», хотя и добавил в утешение, что сопротивление называет не сам этот принцип, а «форсирование этого вопроса». Тем не менее конференция, не поддавшись этим сомнениям, приняла резолюцию в пользу «военизации политсостава»¹⁵⁶. Продолжая эту кампанию, Реввоенсовет разработал в конце июля 1925 г. «Временное положение о военных комиссарах РККА и Флота», основанное на приказе и циркуляре, выпущенных в марте того же года¹⁵⁷. Однако ни одному из этих мероприятий не удалось добиться успеха в искоренении упорного сопротивления. В феврале 1925 г. Фрунзе признал, что

некоторые члены партии пытаются оттянуть установление единоначалия до тех пор, пока весь командный состав не станет партийным, хотя «этого никогда не будет, да мы этого и не хотим»¹⁵⁸. Шесть месяцев спустя он вновь отметил, что «среди некоторой части нашего комиссарского состава продолжает еще держаться отрицательное отношение ко всей этой реформе», в результате чего достигнуто в этом направлении пока еще очень немного¹⁵⁹. Согласно официальному партийному сообщению, сопротивление среди комиссаров и других армейских партийных работников было столь сильным, что некоторых из них пришлось просить демобилизоваться с работы в армии¹⁶⁰. В конце 1925 г. принцип единоначалия в одной из двух ныне признанных форм был осуществлен, как сообщалось, в командовании 73,3% корпусов, 44 — дивизий и 33,4% полков¹⁶¹. В самый разгар кампании за достижение единоначалия в командовании эти цифры отражали нечто весьма далеко от окончательного успеха.

Так что к тому времени, когда осенью 1925 г. стал заметен раскол в триумvirате, первый из двух основных вопросов военной политики — размеры и форма новой армии — был решен принятием закона от 18 сентября 1925 г.¹⁶² Второй — касавшийся взаимоотношений между военными командирами и политическими комиссарами — находился на пути к решению, которое встречало поддержку в военных кругах, но наталкивалось на сильное сопротивление в партии. Данью сильной партийной традиции избегать публичных дискуссий по военной политике было то обстоятельство, что эта вызывавшая разногласия проблема никогда не играла хоть сколь-нибудь заметной видимой роли в борьбе в партии. Однако ситуация, когда партия могла бы нажать себе капитал на любом не пользующемся популярностью шаге, отнюдь не благоприятствовала решительным действиям. Любой шаг вперед неминуемо задел бы определенные влиятельные круги в партии, так что летом и осенью 1925 г. мероприятия по усилению единоначалия в Красной Армии продвинулись, по всей видимости, весьма незначительно¹⁶³. Последовавшая в конце октября 1925 г. смерть Фрунзе способствовала еще большей отсрочке. На прошедшей в декабре 1925 г. ленинградской губпартийконференции один из делегатов по фамилии Шелавин с опасениями заявил о том, что «все явственнее проскальзывает намерение подчинить политорганы командованию», и поделился соображениями о необходимости обратить более пристальное внимание на «те уклоны, которые происходят в такой важной области, как Красная Армия»¹⁶⁴. На проведенном вскоре после этого XIV съезде партии Шелавина за то, что тот усмотрел «троцкистский уклон» в партийной работе в Красной Армии, довольно мягко высмеял Молотов, а Орджоникидзе высказал ему свое неодобрение в более серьезной форме¹⁶⁵. Однако больше никак этот вопрос в ходе дискуссии не затрагивался, и ни Сталин, ни Зиновьев и ни один из прочих лидеров никакую сторону открыто в нем не приняли. Когда Ворошилов

был назначен преемником Фрунзе, а Лашевич стал его заместителем, Тухачевский заменил Сергея Каменева на посту начальника штаба Красной Армии¹⁶⁶. Однако Тухачевский — чьи симпатии, возможно, и были на стороне военных командиров — был к тому же и хитрым политиком, а Ворошилов — человек куда менее решительный и независимый, чем Фрунзе, — большой склонности настаивать на столь взрывоопасной теме, как единоначалие, не изъяснял. Нелегкий компромисс между властями военного командования, с одной стороны, и политическими и партийными кругами, представленными ПУРом и политическими комиссарами, — с другой, оставался источником трений на всем протяжении 20-х годов.

Между тем окончательно склонил в этих разногласиях чашу весов в пользу решительной победы военных кругов один-единственный основной фактор. Дело в том, что система независимых политических комиссаров была создана в то время, когда режим вынужден был полагаться на офицерский состав, который был ему идейно чуждым и даже враждебным. Когда у режима появилось время, чтобы подготовить офицерский состав, воспитанный в его собственных традициях, и когда значительная часть высших армейских офицеров — как, впрочем, и руководящий состав в других областях — оказалась партийной, должно было исчезнуть и оправдание тому аномальному и к тому же чреватому многими неудобствами положению, которое сопряжено с разделением ответственности. Мнения по поводу оценки количества «коммунистов», то есть членов партии или комсомола, в офицерском составе в этот период были неоднозначны. Молотов на XIV съезде партии утверждал, что их процент возрос с 19 в 1924 г. до 29 в 1925 г.¹⁶⁷ Однако в других источниках приводился значительно более высокий показатель — 22,5% в 1922 г., 32 — в 1924 г., 43 — в 1925 г. и 47% — в 1926 г.¹⁶⁸ Ускорению этого процесса способствовали два фактора. Прежде всего, значительная часть молодых офицеров, являвшихся выпускниками военных учебных заведений, теперь уже были членами партии или комсомола¹⁶⁹. Во-вторых, к этому времени в партию — в знак благодарности за оказанные услуги — принимались уже и те старшие офицеры, которые начинали военную службу при царском режиме. В 1926 г. весь командный состав, 75% начальников военных учебных заведений и 55% командиров дивизий были членами партии, а среди среднего и младшего офицерского состава их доля составляла около 38%¹⁷⁰. Середина 20-х годов оказалась переходным периодом от состоявшего преимущественно из «военспецов» офицерского корпуса гражданской войны к офицерскому составу, включавшему преимущественно членов партии; так что в этих условиях закрепленные законом интересы политических комиссаров — которые все до единого были членами партии и могли в случае крайней необходимости рассчитывать на поддержку в партийной верхушке — оказались серьезной преградой на пути осуществления реформ.

Но когда переход к преимущественно партийному офицерскому составу был завершен, ничто уже не стояло на пути к осуществлению потребности в едином командовании. Однако Красная Армия сохранила еще достаточно сословного духа, чтобы вызывать время от времени вспышки недоверия в партийных кругах, так что проблема политических комиссаров будет в различных формах возрождаться в отдаленном будущем.

Гражданская война, по сути дела, означала конец советского военно-морского флота. Она отрезала центральную власть от всех незамерзающих портов: из всех бывших русских военно-морских баз в руках Советов оставался только Петроград. Наиболее крупные суда Черноморского флота были уведены Врангелем и нашли приют в расположенной во Французской части Северной Африки Бизерте. При всех тех ресурсах, которые концентрировались тогда на снабжении Красной Армии, оставшиеся в ее распоряжения суда все равно оказались лишены кадров и материального обеспечения. Троцкий вспоминал позднее случай, происшедший в 1920 г., когда в Центральном Комитете партии дискутировался вопрос, ставить ли суда на ремонт или топить их, поскольку трудно было поверить, чтобы они когда-нибудь снова оказались полезны¹⁷¹. Происшедший в марте 1921 г. Кронштадский мятеж бросил подозрение и на оставшуюся часть флота; по выражению Троцкого, — «Кронштадская крепость — место оплота моряков и в то же время — знамя мятежа против Советской власти»¹⁷². Тем не менее именно X съезд партии, заседавший во время подавления Кронштадского восстания, провозгласил «меры к возрождению и укреплению Красного военно-морского Флота». Укомплектование личного состава должно было осуществляться «преимущественно из фабрично-заводских рабочих», Реввоенсовету и ПУРу предписывалось уделить флоту особое внимание и было дано указание назначить для работы там политических комиссаров, предпочтительно «моряков-коммунистов»¹⁷³.

Это была трудная задача, и осуществление ее продвигалось медленно. Прошедшее в декабре 1921 г. совещание военных делегатов IX Всероссийского съезда Советов, на котором ведущую роль играл Троцкий, приняло решение «напомнить всей стране о славной роли Кронштадта в зарождении и развитии пролетарской революции» и сделало заявление, что Кронштадт после случившегося в марте 1921 г. «трагического эпизода» снова стал «сторожевым постом пролетарской революции»¹⁷⁴. И снова именно Троцкий на прошедшем в апреле 1922 г. Всероссийском совещании военных моряков заявил, что столь сложная и требующая специального подхода организация «будет развиваться у нас медленно по самому существу дела», и говорил, что необходимо «закладывать теперь только первые кирпичики здания»¹⁷⁵. Поскольку флот — в отличие от армии — не мог в укомплектовании рядового

состава полагаться на темное крестьянство, проблема обеспечения кадрами была здесь непреходящей проблемой. Предприняв одну из попыток решить ее, привлекли комсомол, который на своем V съезде, прошедшем в октябре 1922 г., принял решение стать «шефом» флота: как утверждалось, туда уже были направлены служить 2000 комсомольцев и планировалось привлечь новое пополнение¹⁷⁶. Выступая на этом съезде, Троцкий выразил надежду, что новобранцам из комсомольцев удастся противостоять как тому, что еще осталось от прежней «замкнутости и обособленности» этой «наиболее привилегированной, высокомерной исполненной предрассудков корпоративного духа» военной касты, что характерно для всех военно-морских сил мира, так и появившемуся начиная с 1917 г. «духу военно-революционного высокомерия»¹⁷⁷. В том же месяце Троцкий посетил расположенный на Черном море дивизион истребителей. По возвращении он написал письмо, где отметил «значительные успехи в деле возрождения Красного Флота» и пообещал, что Реввоенсовет «будет прилагать все усилия к тому, чтобы улучшить положение военных моряков, и в частности командного и комиссарского состава»¹⁷⁸. В декабре 1922 г. Центральный Комитет партии поручил ПУРу и ЦК комсомола организовать совместно в период с 15 по 22 января 1923 г. во всех губернских центрах и городах, расположенных на морских побережьях, неделю военно-морского флота с целью популяризации флота¹⁷⁹.

Такие методы набора оказались достаточными для того, чтобы поддерживать существование флота и чтобы придать ему характер, несколько отличавший его от Красной Армии. Бубнов в 1924 г. хвастал, что 75% из нового набора в военно-морской флот составляли рабочие (63,5% составляли рабочие металлисты, то есть «рабочие от станка»): 74% новобранцев были комсомольцами, а 25% — кандидатами или членами партии. Во всем личном составе флота 42% в то время составляли рабочие, отчасти благодаря чистке, проведенной после Кронштадского мятежа, а также вследствие такого порядка набора в 1923—1924 гг. никакой троцкистской оппозиции во флоте замечено не было. С другой стороны, и во флоте, особенно среди комсомольцев, существовали те же самые проблемы дисциплины, что и в армии: утверждалось, что эти проблемы находятся на пути к разрешению¹⁸⁰. Прошедший в июне 1924 г. V конгресс Коминтерна направил для посещения Балтийского флота делегацию, и по этому случаю произошел обмен революционными приветствиями¹⁸¹. Первое официальное заявление Фрунзе о флоте содержалось, по всей видимости, в его речи, произнесенной в ноябре 1924 г., когда недавнее юридическое признание Советского правительства Францией возродило надежды на возврат интернированных и находившихся в Бизерте кораблей. Фрунзе заявил, что в течение предшествующего года был сделан «гигантский шаг вперед», и сказал, что не видит никаких оснований «ставить крест над своим морским строительст-

вом», хотя в силу стесненных средств и придется, возможно, ограничиться здесь строительством «мелких судов оборонительного характера»¹⁸². На Черном море советскому флоту водоизмещением в 26 тыс. тонн противостояли турецкий, румынский и болгарский флоты, суммарное водоизмещение которых составляло 63 тыс. тонн. С другой стороны, на Балтике водоизмещение советского флота составляло в сумме 83 тыс. тонн против 18 тыс. тонн, проходившихся на долю остальных стран Балтийского моря¹⁸³. Проведенные летом 1925 г. учения Балтийского флота вызвали, как утверждалось, беспокойство в соседних странах, и посетивший флот во время учений Фрунзе заявил, что сильный Балтийский флот необходим для обороны Ленинграда¹⁸⁴. В резолюции III Всесоюзного съезда Советов по Красной Армии были отмечены «значительные достижения в деле строительства рабоче-крестьянского Красного флота»¹⁸⁵. Однако то обстоятельство, что военно-морской флот оказался в стороне от попыток внедрить единое командование¹⁸⁶, недвусмысленно показывает, что — каковы бы ни были социальные или политические настроения его рядового состава — военно-морское командование пока еще не пользовалось безоговорочным доверием партии. Тем временем энтузиазм комсомола, судя по всему, начал спадать: на его VII съезде было с сожалением зафиксировано снижение «шефской работы в Красном Флоте»¹⁸⁷. Теперь создание военно-морского флота было обеспечено, и порядок набора в него стабилизировался. Однако как боевая сила он имел весьма небольшую ценность, если вообще ею обладал, и со стороны влиятельных партийных и советских кругов ему уделялось внимание лишь время от времени. Похоже, что в этот период не было построено или приобретено ни одного нового судна.

Авиация в гражданской войне никакой роли не сыграла. Судя по всему, идея создания советских военно-воздушных сил была вдохновлена отчасти благодаря германскому руководству и сотрудничеству в результате заключенного в 1922 г. секретного соглашения¹⁸⁸, а отчасти — вследствие международного кризиса, разразившегося в первые месяцы 1923 г. вслед за французской оккупацией Рура. В марте 1923 г. Троцкий заявил, что «с очень большими усилиями и с упущением многих сроков» вопрос о советском воздушном флоте «поставлен наконец в повестку дня», и объявил о создании Общества друзей Красного воздушного флота — ОДВФ. В следующем месяце он произнес в обществе речь, посвященную важности этой работы¹⁸⁹. Объявленный 8 мая 1923 г. Ультиматум Керзона подоспел в весьма благоприятный момент, чтобы способствовать более энергичному осуществлению новых планов. В конце мая была проведена «неделя воздушного флота»¹⁹⁰, а первая советская воздушная эскадрилья получила почетное название «Ультиматум»¹⁹¹. Год спустя ОДВФ было объединено с Добровольным обществом по химической защите, и в результате было образовано объединенное общество, известное

как «Авиахим»¹⁹². На следующий год несколько советских заводов, производящих аэропланы, были объединены в авиационный трест, которые, по утверждениям, был к 1925 г. способен удовлетворить потребности советского воздушного флота, и Фрунзе мечтал уже о «ликвидации авиационной неграмотности» в Советском Союзе¹⁹³.

ПОРЯДОК И БЕЗОПАСНОСТЬ

Безопасность — в смысле защиты режима от его внутренних врагов — представляла собой важнейшую заботу еще с первых дней революции. Вторя Марксу, Ленин еще в 1905 г. написал, что «великие вопросы в жизни народов решаются только силой», что первыми прибегают к силе именно реакционеры и что революционная диктатура есть по своей сути «защита от контр-революции и фактическое устранение всего противоречащего самодержавию народа»¹. В 1908 г. он использовал хорошо знакомый аргумент, взятый из опыта Парижской Коммуны, которая потерпела поражение, потому что упустила возможность применить достаточно безжалостные репрессивные меры против своих врагов². Революционная традиция использования террора для подавления контрреволюции была хорошо знакома каждому большевику, и вопрос этот широко обсуждался еще задолго до того, как настало время применить этот принцип на практике. С другой стороны, концепция преступления как продукта расстройства в обществе, а наказания — не как возмездия, а как меры исправления и воспитания была глубоко заложена в большевистской системе взглядов, как и в образе мышления других левых партий. Эта концепция нашла свое наиболее полное выражение в Программе партии, принятой в марте 1919 г., где выражались надежды прийти к «коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов»³. Парадоксальное противоречие между гуманистическими конечными идеалами и настоятельными потребностями, диктуемыми революционной ситуацией, проявилось здесь в особенно острой форме. Это противоречие можно было решить только сделав поистине героическое допущение, будто жесточайшие меры наказания, применявшиеся против классовых врагов, носили временный характер и были обусловлены потребностями революционной борьбы за власть и что они не имеют ничего общего с перманентными методами и политикой этого строя. Те-

перь уже это допущение позволило обоим системам развиваться бок о бок друг с другом без всякой видимой несовместимости между ними. В Программе даже содержалось утверждение, что Советская власть создала «единый народный суд вместо системы различных судов».

Эта дихотомия с самого первого момента отражалась в попытках провести различие между обычными преступлениями, в отношении которых можно было применять гуманные методы воспитания и исправления, и «контрреволюционными» преступлениями, которые следует подавлять посредством революционного террора. Это различие — хотя оно и редко выражалось в такой форме — означало различие между преступлением против индивидуума и преступлением против государства; при этом считалось общепризнанным, хотя и не часто провозглашалось в категорической форме, что если в преступлениях первого рода могли быть повинны рабочие и крестьяне, то «контрреволюционные» преступления были обычно — и даже обязательно — делом рук классовых врагов. Эти предположения подтверждали и оправдывали различие между двумя системами. Это двойственное отношение весьма знаменательно характеризует первый декрет от ноября 1917 г. об образовании советских судов, содержавший заключительную статью, которая предусматривала создание специальных «революционных трибуналов» для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией⁴. За этим вскоре последовало образование 7/20 декабря 1917 г. Чека, чьи ничем не определенные полномочия прибегать к внесудебным методам в борьбе со всеми формами контрреволюционной деятельности росли по мере возникновения все новых и новых чрезвычайных обстоятельств. К лету 1918 г. установлением наказаний за различные виды преступлений занимались три разных органа: обычные суды, революционные трибуналы и органы Чека⁵. Первые были связаны с преступлениями, которые не затрагивали и не представляли угрозы для безопасности государства. Второй и третий занимались преступлениями, угрожавшими государственной безопасности. Однако если подразумевалось, что революционные трибуналы являются органами судебными, то Чека откровенно считался административным органом, чьи действия не подчинялись никаким юридическим правилам процессуального характера и чья сфера компетенции не лимитировалась никакими юридическими дефинициями или ограничениями. Это различие между двумя разными категориями преступления и различие между двумя разными типами юрисдикции были, таким образом, внедрены в советскую практику с самого ее зарождения.

Все эти неопределенности были воспроизведены в ранней истории советской карательной политики. Маркс в своей работе «Критика Готской программы» подверг критике практику обращения с преступниками как со «скотом» и упоминал о «производительном труде» как о «единственном средстве исправления», способном сделать преступника лучше⁶. В большевистской каратель-

ной теории и практике исправление и подавление крепки и развивались бок о бок как элементы-близнецы, и термин «исправительные работы», похоже, одинаково подходил к ним обоим. Выражение «обязательные общественные работы» впервые появилось в декрете от 19 декабря 1917 г. — 1 января 1918 г.⁷ как одна из карательных мер, к которой мог присудить революционный трибунал; а в соответствии с декретом, выпущенным месяц спустя, заключенные могли входить в состав «рабочих команд для производства необходимых государству работ»⁸. Все, что имело отношение к тюрьмам, было уже поставлено под контроль специальной «коллегии» народного комиссариата юстиции — сокращенно Наркомюста⁹. Первой попыткой систематизировать уголовное законодательство был декрет Наркомюста от 23 июля 1918 г. — весьма характерно названный «временной инструкцией» — «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового»¹⁰. Она заложила основной принцип, что приговор к лишению свободы всегда предполагает принудительные работы, хотя возможен приговор к «принудительным общественным работам» на срок не более трех месяцев и без лишения свободы. Приговоренные к лишению свободы могли отбывать наказание либо в «общих местах заключения (тюрьмах)»¹¹, либо в «реформаториях и земледельческих колониях» — последние предназначались «в особенности для молодых преступников». Оба этих типа учреждений находились в ведении уголовного отдела Наркомюста. Решение о выборе одного из них принималось не приговором суда, а особой «распределительной комиссией», состав которой назначался уголовным отделом или по согласованию с ним¹². Этот декрет также впервые предусматривал «изоляторы специального назначения» — тюрьмы для заключенных, виновных в дисциплинарных нарушениях или оказывавших сопротивление вовлечению в принудительные работы; заключенный, переведенный в «изолятор», рассматривался как неисправимый¹³. Вдобавок к этим учреждениям создавались еще арестные дома — на практике обычно в качестве таких домов использовались городские тюрьмы — для лиц, ждущих суда или уже осужденных преступников, ждущих перевода в отдаленные места заключения. Эти учреждения находились в ведении Наркомвнудела — по-видимому, как органа, под чьим контролем находилась полиция.

Дихотомия между юрисдикцией судов и административными акциями Чека вскоре, однако, распространилась и на карательные учреждения. Чека быстро основала для арестованных ею лиц особые места заключения, находившиеся под ее контролем; и бок о бок с обычной официальной системой мест заключения, предусмотренных инструкцией от 23 июля 1918 г., стала существовать еще одна, независимая карательная система для тех, чья деятельность или потенциальная деятельность представляла угрозу для безопасности. Как и все другие стороны деятельности Чека, эта система не подчинялась никаким юридическим властям и не регу-

лировалась никакими конкретными юридическими установлениями. Похоже, что первое упоминание о концентрационных лагерях в советский период относится к августу 1918 г., когда Ленин по случаю вооруженного восстания в Пензе телеграфировал местным властям, предписывая применить «беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев» и запереть подозреваемых в концентрационные лагеря вне города¹⁴. Вскоре после этого было выпущено постановление от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре», где был сформулирован принцип, что «необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»¹⁵. Первоначально функции концентрационных лагерей были превентивными, а не карательными. Заключение в концентрационный лагерь представляло собой не юридический, а административный акт, и, похоже, с самого начала они оказались под контролем Чeka. В резолюции ВЦИКа от 17 февраля 1919 г. была сделана попытка внести ясность во взаимоотношения между Чeka и революционными трибуналами¹⁶, ограничив права Чeka приводить в исполнение смертные приговоры в случаях вооруженных восстаний, контрреволюционных выступлений и бандитизма, но признав за ней при этом неограниченные права по заключению в концентрационные лагеря. Однако этот переход от расстрела к концентрационному лагерю как основному репрессивному средству, находившемуся в руках Чeka¹⁷, сопровождался изменением характера и самих этих лагерей. До этого времени, поскольку функция лагерей рассматривалась как прежде всего превентивная, то принцип «принудительных общественных работ» здесь либо вовсе не применялся, либо применялся несистематически. Представляя на заседании ВЦИКа резолюцию от 17 февраля 1919 г., Дзержинский ясно дал понять, что пришло время положить этому аномальному явлению конец. Говоря о необходимости сохранить «административные наказания, и в особенности концентрационные лагеря», он продолжил:

«...Сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного понуждения, или если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д.»¹⁸

Это вновь появившееся настойчивое стремление применять в качестве адекватного средства борьбы с контрреволюционной деятельностью скорее принудительные работы, чем смертную казнь, сопровождалось, таким образом все большим и большим расширением концепции преступлений, подпадавших под сферу компетенции Чeka. Главная угроза безопасности, как пояснил в своем выступлении Дзержинский, исходит теперь не от «массового

мятежа», а от индивидуального «саботажа, коррупции и т. д.»¹⁹ С этого момента был впервые полностью установлен карательный характер концентрационных лагерей, и двери его оказались теперь широко открыты не только для опасных политических врагов, которых нужно было убрать с дороги, но также и для нарушителей, чьи преступления, не будучи по своему характеру политическими, были особенно вредные для строя. В этом смысле Чека вторглась в сферу, которая была сферой компетенции обычных органов правосудия.

В декрете от апреля 1919 г. — в который были внесены дополнения и поправки в другом декрете, принятом в следующем месяце²⁰, — была теперь предпринята попытка оформить статус лагерей принудительных работ. Правонарушитель мог быть направлен в эти лагеря решением народного суда или революционного трибунала, а также органов Чека или «других советских органов». Однако, если оставить в стороне эту едва уловимую связь, эти лагеря оказались полностью отделены от обычной системы уголовного права и не находились, как обычные карательные учреждения, под контролем Наркомюста. Ответственность за их организацию возлагалась на губернские органы Чека. В каждой губернии надлежало создать по одному лагерю, способному вместить 300 заключенных; в особых случаях лагеря можно было создавать и в уездных центрах. Администрация лагеря находилась в руках «отдела принудительных работ» Наркомвнудела. Командант лагеря подчинялся губернскому исполнительному комитету, а также «временно» и Чека, к тому же он должен был отчетываться перед отделом принудительных работ. Столь сложная система подчинения отражала, возможно, межведомственное соперничество. Однако ничто в этих декретах не затронуло права Чека держать концентрационные лагеря под своим собственным контролем или административным актом отправлять туда людей. Случайно или преднамеренно, но подтверждавшая это право резолюция ВЦИКа от 17 февраля 1919 г.²¹ была опубликована в том же выпуске официального бюллетеня, где был напечатан и первый декрет о лагерях принудительных работ. Таким образом, тройственная система уголовной юрисдикции — народные суды, революционные трибуналы и Чека — дублировалась созданием параллельной тройственной системы карательных учреждений — общих мест заключения и исправительно-трудовых учреждений, находящихся в ведении Наркомюста²², лагерей принудительных работ, находящихся под контролем особого отдела Наркомвнудела, и концентрационных лагерей, находящихся под контролем Чека.

С завершением гражданской войны и укреплением строя в период НЭПа эта дихотомия между обычной уголовной юрисдикцией и подавлением контрреволюционных преступлений путем исключительных норм, а также вносящее неразбериху множество этих процессуальных систем утратили какое бы то ни было види-

мое оправдание. В декабре 1921 г. ВЦИК принял решение «судить» полномочия Чека, «возложив борьбу с нарушением законов Советских Республик на судебные органы» и приняв меры для «усиления начал революционной законности». И в феврале 1922 г. Чека была упразднена, а вместо нее было создано ГПУ как обычный отдел Наркомвнудела²³. Логическим следствием упразднения Чека стало принятие в мае 1922 г. Уголовного кодекса²⁴, который сводил все виды преступлений — будь то против отдельной личности и собственности или против общественной безопасности — в рамки одного и того же законодательного права и передавал их в компетенцию одних и тех же судов. Как естественное следствие этой реформы в начале 1923 г. прекратили существование и революционные трибуналы — право созывать их для особых целей передавалось теперь ВЦИКу²⁵. Казалось, что как административные меры, так и особые процессуальные нормы революционных трибуналов были удалены из советской системы. Следующим логическим следствием этой реформы должна была бы стать унификация карательной системы. В частности, вполне допустимо было предположить, что с упразднением Чека исчезнут²⁶ также и организованные ею и находившиеся под ее контролем концентрационные лагеря. Однако эти надежды оказались иллюзорными. Внешне эта реформа была проведена, чтобы уничтожить различия между разными категориями преступлений, между разными формами уголовной юрисдикции и между различными типами карательных учреждений. В действительности же она послужила тому, чтобы все эти различия усилить и увековечить.

Прежде всего, Уголовный кодекс от мая 1922 г., ставя себе целью ввести все типы преступлений в рамки одного и того же закона, фактически в закондательной форме закрепил и освятил законом различие между обычными преступлениями и «государственными преступлениями» — это выражение, судя по всему, появилось здесь в официальном законодательном акте впервые — именно за счет того, что в нем была сделана попытка с юридической точностью сформулировать подобные преступления и соответствующие им меры наказания. Смертная казнь — до сих пор считавшаяся исключительной мерой возмездия, скорее актом военных действий, чем предметом законодательного регулирования — теперь, хотя и снабженная умиротворяющей перифразой, что это «высшая мера наказания», и ссылкой вскользь на ее временный характер²⁷, была введена в обычную практику советского уголовного права. Наиболее значительные преступления, за которые полагалась эта мера наказания, составляли класс контрреволюционных преступлений, сформулированных в знаменитой статье 57 как «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской власти рабоче-крестьянских Советов... а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капи-

тализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами»²⁸. Последующие статьи разрабатывали эту тему еще более детально, включая в рубрику контрреволюционных преступлений «организацию в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд», а также «сношения с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции» (ст. 58, 59). Статья, которая вводила принцип закона с обратной силой²⁹, допускала применение «высшей меры наказания» в качестве акта возмездия за «активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных постах при царском строе» (ст. 67). Поправка, принятая в 1923 г., включала в определение «контрреволюционных преступлений» любое действие, которое заведомо для совершившего его содержит в себе «покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции»³⁰.

Во-вторых, точно таким же образом, как попытка создать всеобъемлющую систему уголовного права на деле привела всего лишь к усилению различия между обычными и государственными преступлениями, и план стереть различия между обычными и чрезвычайными процессуальными нормами в определении меры наказания за преступление и передать все виды нарушений в компетенцию судов привел в конце концов к парадоксальному результату, проявившись в еще большем акцентировании этого различия и наделив эти чрезвычайные органы судопроизводства еще большей властью и полномочиями. Чека представляла собой временное средство, подходившее для периода беспорядков и гражданской войны, ей не требовалось ни функций ведения судопроизводства, ни официального статуса — ведь не случайно в ее названии фигурировало слово «чрезвычайная». ГПУ с самого начала представляла собой орган официальный и перманентный, пользовавшийся такими полномочиями и таким престижем, каких никогда не представлялось Чека. Это приумножение власти, в сущности, и представляло собой основное различие между новым учреждением и его предшественником. Преемственность была обеспечена, когда ГПУ заняло помещение Чека на Лубянской площади и, вне всякого сомнения, унаследовало основную часть ее штата. Глава Чека Дзержинский, занимавший уже пост народного комиссара внутренних дел, автоматически возглавил и вновь образованный орган³¹. Уншлихт, который был заместителем председателя Чека с апреля 1921 г., занял тот же самый пост и в ГПУ³², а Ягода, бывший ведущим работником в старом учреждении, играл не менее влиятельную роль и в новом³³. И хотя ГПУ было создано как придаток системы судопроизводства, его статус как одного из от-

делов Наркомвнудела показывал, что он не утратил того административного характера, который был свойствен Чека.

В-третьих, та же самая участь постигла и карательные аспекты этой реформы. Тройственная система, в соответствии с которой места заключения для разных категорий нарушителей были поделены между Наркомюстом, Наркомвнуделом и Чека, так же как и тройственная система отправления правосудия, состоявшая из народных судов, революционных трибуналов и Чека, была поставлена под вопрос реформой, упразднившей Чека и введшей в силу весной 1922 г. новый Уголовный кодекс. В соответствии со статьей 51 этого кодекса «надзор и руководство по исполнению приговоров к лишению свободы и принудительным работам возлагается на Центральный Исправительно-Трудовой Отдел Народного Комиссариата Юстиции и его органы на местах». Срок этой победы оказался недолог, и плоды ее рикошетом ударили по Наркомюсту. Аргументы в пользу унификации полномочий были неопровержимы. Но не таковы были Наркомвнудел и его только что созданный отдел ГПУ — преемник Чека, — чтобы можно было так легко ущемить их права. Решением Совнаркома от 5 июля 1922 г. упомянутый Исправительно-трудовой отдел Наркомюста был объединен с Отделом принудительных работ Наркомвнудела с образованием вместо них Главного управления мест заключения, которое и было создано — но не под эгидой Наркомюста, а в рамках Наркомвнудела. Новое управление появилось 12 октября 1922 г.³⁴ Контроль за местами заключения был полностью вырван из рук Наркомюста, и ему уже никогда не суждено было вернуть его назад.

Тем временем ГПУ, наделенное надежным статусом постоянного отдела Наркомвнудела, росло и процветало. Декрет от февраля 1922 г., в соответствии с которым оно было создано, требовал, чтобы арестованное им лицо было по истечении двух месяцев либо освобождено из-под ареста, либо дело его было передано на рассмотрение в суд — если не будет получено специальное разрешение президиума ЦИКа, санкционирующее дальнейшее содержание под арестом сверх указанного срока³⁵. Получение такого разрешения всегда было не более чем пустой формальностью. ГПУ продолжало — теперь уже в юридически узаконенной форме — пользоваться полномочиями на неограниченное содержание под арестом в административном порядке, то есть теми же полномочиями, которые осуществляло Чека вне обычной законодательной системы. Попытка подчинить его деятельность контролю судов вызвала слишком большое сопротивление. Первый шаг, по всей видимости, был сделан в августе 1922 г., когда «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям», была учреждена в качестве меры наказания высылка таких лиц за пределы страны или в определенные места РСФСР; приговор к этой мере наказания должен был выноситься не судом, а «Особой ко-

миссией» под председательством народного комиссара внутренних дел и состоящей из представителей народного комиссариата внутренних дел и народного комиссариата юстиции. Срок такой «административной высылки» не должен был превышать трех лет. Лица, высланные в места, расположенные на территории РСФСР, должны были находиться под наблюдением местных органов ГПУ³⁶. Соответствующий декрет Украинской ССР от 6 сентября 1922 г. включал дополнение, что «высылка из Украинской ССР на территорию РСФСР осуществляется по соглашению между Украинским ЦИКом и Всероссийским ЦИКом»³⁷. Как заметил позднее один русский докладчик, Украинская и Белорусская ССР не имеют своих собственных «отдаленных точек» и, следовательно, вынуждены «обратиться к помощи РСФСР»³⁸. Как РСФСР, так и Украинская ССР приняли декреты, добавлявшие к существовавшим категориям лиц, лишенных избирательных прав, еще и «лиц, в отношении коих применена административная высылка»³⁹, — этот шаг свидетельствовал о том, что данная категория становилась все более многочисленной. Принятая в январе 1923 г. Инструкция Наркомвнудела РСФСР предусматривала административную высылку — по рекомендации ГПУ — лиц, чье пребывание в данной местности «представляется... с точки зрения охраны революционного порядка опасным». Вдобавок к высылке за пределы территории РСФСР инструкция проводила различие между двумя степенями высылки в пределах РСФСР: простой высылкой «с воспрещением проживания в других определенных пунктах РСФСР» и высылкой в «определенный район РСФСР»; первая обычно означала на практике запрет на проживание в главных городах, вторая — ссылку в отдаленные районы азиатской части России⁴⁰. Весьма знаменательно, что законодательные акты советского правового кодекса, принятые в последние месяцы 1922 г., сопровождалась почти неприкрытым возрождением процессуальных методов царской административной юстиции. Однако, помимо этих полномочий, которые номинально считались превентивными, ГПУ быстро приобрело и карательные функции. 16 октября 1922 г., через несколько дней после того, как контроль за обычными местами заключения был передан из Наркомюста в Наркомвнудел, был принят еще один декрет, дающий ГПУ право назначать наказания — включая смертную казнь через расстрел — в случаях бандитизма и вооруженного грабежа и уполномочивающий «Особую комиссию», созданную согласно предыдущему декрету, — в которой, судя по всему, влияние ГПУ было определяющим — приговаривать лиц, виновных в антисоветской деятельности, к заключению в концентрационные лагеря сроком не более чем на три года⁴¹. То, что во времена Чека считалось чрезвычайными мерами, которые оправдывались чрезвычайными обстоятельствами, теперь получало официальную и перманентную санкцию. Так, помимо и сверх обычных процессуальных норм уголовной юрисдикции и наказания, в советскую законодательную систему была вписана

новая могущественная организация, располагавшая полностью независимыми полномочиями и призванная, в пока что еще отдаленном будущем, сыграть важную и совершенно самостоятельную роль в советском государственном аппарате.

Основание в 1922 г. СССР еще более усилило возраставшую важность государственной безопасности в советском уголовном законодательстве и увеличило полномочия и престиж органов госбезопасности. В соответствии с текстом Конституции власти СССР облечались полномочиями «установления основ... гражданского и уголовного законодательства Союза». В октябре 1924 г. ЦИК как положено обсудил и одобрил свод «Основных начал», которые должны были служить ориентиром для уголовного законодательства союзных республик⁴². Основной подход к преступлению как нарушению общественного порядка был без изменений взят из «Основных начал» 1919 г. и Уголовного кодекса 1922 г.⁴³ Хотя фигурировавшее в кодексе 1922 г. выражение «государственные преступления» здесь более не появилось, зато с новым акцентом проводилось главное различие между двумя категориями преступлений: преступлениями, «направленными против основ советского строя... и потому признаваемыми наиболее опасными», и «всеми остальными» преступлениями. Первые, как в кодексе 1922 г., предусматривали присуждение минимальных мер наказания, которые не могли быть уменьшены судом, вторые же — максимальные меры наказания, которые запрещалось превышать. Таким образом, эти принципы оставались последовательным и логичным воплощением той системы, в рамках которой преступления против общества рассматривались как более чудовищные, чем преступления против индивидуума. Однако к этому времени произошло некоторое изменение климата, характеризовавшего отношение к этим вопросам. Фактически единственным местом, которому удалось выжить из всех провозглашавшихся ранее гуманистических взглядов и принципов, было примечание к статье 13, в котором расстрел все еще квалифицировался как «временная» мера социальной защиты. Однако, в то время как более ранние документы сохраняли выражение «наказание», предполагавшее справедливое равновесие между совершенным преступником преступлением и присужденным ему наказанием, «Основные начала» 1924 г. говорили уже исключительно о «мере социальной защиты»⁴⁴. Усиление акцента на государственной безопасности как подминающей под себя все остальные главные цели уголовного права способствовало внедрению той точки зрения, что карательная функция закона направлена не на наказание преступника, а на защиту общественного порядка. Концепция персональной виновности, оправдывающей эквивалентную меру наказания, оказалась заменена концепцией потенциальной опасности, требовавшей применения превентивных мер. В ходе суда над двумя католическими ксендзами, обвиненными весной 1923 г. в измене,

Крыленко выдвинул точку зрения, что при оценке деяний отдельных лиц должна приниматься во внимание представляемая ими «общественная опасность»; осуществляя суд над преступником, необходимо учитывать «не только то, что он сделал, но и то, что может сделать в будущем»⁴⁵. В соответствии со статьей 22 принятых в октябре 1922 г. «Основных начал» высылка из одной местности в другую или запрет на проживание в определенной местности могли быть применены в отношении «лиц, признанных по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности социально опасными»; причем этот приговор мог быть применен к лицам, которым не предъявлено обвинений в каких бы то и было конкретных преступлениях, и даже к лицам, оправданных по предъявленным им обвинениям.

Здесь, однако, возник один весьма спорный вопрос. Теоретическая концепция советского права как орудия классовой борьбы и советских судов как «классовых судов против буржуазии»⁴⁶ не оказала почти никакого практического воздействия на раннее советское законодательство, где не предпринималось никаких попыток проводить различие между правонарушителями на основе их классовой принадлежности. Когда в конце 1918 г. один видный деятель Чека утверждал, что вовсе не обязательно искать улики, которые доказывали бы, что тот или иной подозреваемый действительно вел конкретную антисоветскую деятельность, — «ваша первая обязанность выяснить, к какому классу он принадлежит, каково его происхождение, образование и занятие», — Ленин протестовал против такого подхода, назвав его «величайшей глупостью»⁴⁷. Такого рода воззрения быстро исчезли, поддавшись суровой необходимости поддерживать закон и порядок против любых нарушителей, к какому бы классу они ни принадлежали. Вера в то, что обращение с правонарушителями должно соразмеряться в соответствии с его классовым происхождением, оказалось более живучей. Единственный след классовой дискриминации, который сохранился в «Основных началах» 1919 г., представляла собой рекомендация судье принимать во внимание классовое положение обвиняемого при определении меры наказания (ст. 12). В подписанном Дзержинским приказе Чека от января 1921 г. был выдвинут лозунг: «Тюрьмы — для буржуазии, товарищеское воздействие — для рабочих и крестьян». И хотя этот приказ осторожно признавал отжившими и устаревшими «грубые признаки различия на своего или несвоего по классовому признаку» и соглашался с необходимостью принимать во внимание личное поведение индивидуума, там тем не менее содержался твердый призыв к «изоляции в местах заключения буржуазии от арестованных рабочих и крестьян» и предлагалось «создать для буржуазии особые концентрационные лагеря»⁴⁸. В Уголовном кодексе РСФСР от 1922 г. классовому принципу места не нашлось. Тем не менее, как это ни парадоксально, его влияние оставалось достаточно сильным, чтобы сказаться на некоторых статьях принятого в том же

самом году Гражданского кодекса. Статья 3 его предписывала, что в случаях, когда разбирающийся вопрос не подпадает ни под одну из установленных конкретных правовых норм, «суд решает в соответствии с общими принципами советского законодательства и общений политикой рабоче-крестьянского правительства» — некоторые интерпретировали это предписание как наказ судье осуществлять принцип классовой дискриминации. Статья 406 гласила, что, если состоятельный ответчик не может быть согласно статьям данного кодекса приговорен к возмещению ущерба бедному истцу, суд тем не менее может в зависимости от сравнительного имущественного положения истца и ответчика присудить его к выплате причиненного истцу ущерба. Статья 411 же предписывала, что суд при оценке ущерба, причиненного вследствие нарушения обязательств или других гражданских нарушений, «во всех случаях должен принять во внимание имущественное положение потерпевшего и причинившего ущерб». Растущие требования обеспечить точность и единообразие судебных решений, которые явились характерной чертой кампании за «революционную законность», быстро привели к тому, что случаи подобной дискриминации стали казаться чем-то ненормальным.

Тем не менее классовый принцип был слишком прочно внедрен в партийную доктрину, чтобы ему позволили без борьбы исчезнуть из советской юридической теории и практики, и этот вопрос стал одной из побочных тем в партийных разногласиях, происходивших в 1924 и 1925 гг. В феврале 1924 г. назначенная Центральной контрольной комиссией партии специальная комиссия, выражая освященную временем партийную позицию, высказалась в пользу смягчения наказаний преступникам пролетарского происхождения и замену для таких правонарушителей более тяжелых форм наказания воспитательными и исправительными мерами, осуществляемыми в трудовых колониях. Резко изменив своим позициям, которые он отстаивал три года назад, Дзержинский выступил с категорическим протестом против этого предложения. Такая политика «*в настоящее время*» может иметь своим следствием только «увеличение преступлений, увеличение числа преступников». Дзержинский утверждал, что к преступнику «никакого классового признака» применено быть не может — по классовому признаку, то есть с точки зрения той угрозы, которое она несет государству рабочих и крестьян, может рассматриваться только само преступление. «Борьба... с преступниками, — сурово продолжал Дзержинский, — должна вестись по методу коротких, сокрушительных ударов», нынешняя же судебная практика представляет собой не более чем «либеральную канитель»⁴⁹.

Крыленко, твердый сторонник марксистской теории права и старый противник Дзержинского в вопросах карательной политики, вел теперь энергичный арьергардный бой в защиту чистоты пролетарской доктрины. Как прокурор РСФСР Крыленко обладал мощным влиянием в юридической сфере, хотя и не имел его за ее

пределами. Тезисы, которые он представил на V Всесоюзный съезд деятелей советской юстиции, прошедший в марте 1924 г., носили весьма знаменательный заголовок «Карательная политика и усиление в ней классового принципа». В них рекомендовалось осуществить «полное разделение двух групп преступников в местах отбывания наказания», создать «изоляторы специального назначения», зарезервированные исключительно для классовых врагов, и «с. — х. и фабрично-заводские колонии» для правонарушителей, принадлежащих к классу трудящихся⁵⁰. Еще один сторонник того же самого подхода горько жаловался, что «тенденция главного управления мест заключения совершенно ликвидирует ту классовую линию, которая намечена в партийной программе»⁵¹. Отстаивая свои тезисы, Крыленко утверждал, что они представляют одобренный партией классовый подход к уголовному правопорядку. Однако далее он несколько ослабил силу своего аргумента, признав, что в конкретном случае решение не может зависеть исключительно от классового происхождения правонарушителя, приведя афоризм, что «классовая политика, *ergo** — политика, направленная к достижению целей класса» и сделав уступку, что к преступникам, «хотя бы из пролетарского класса, но безусловно социально опасным», следует применять те же меры, что и к классовым врагам⁵². На съезде, где доминирующим было влияние Наркомюста, смягченные таким образом тезисы Крыленко получили, по всей видимости, всеобщую поддержку, и даже докладчик от Наркомвнудела согласился с тем, что для «классовых врагов» необходимо создавать отдельные изоляторы специального назначения⁵³. Тем не менее один критически настроенный участник съезда все-таки выступил с протестом, заявив, что уголовное право не знает концепции «трудящихся», что существующая система социальной классификации ненадежна, ибо иногда она основывается на происхождении, а иногда — на роде занятий, и что, следовательно, невозможно действительно сформировать тот классовый принцип, который Крыленко выдвинул как ключевой момент своих предложений⁵⁴.

Решения этого съезда хотя и не доставало официальных полномочий, но они служили индикатором настроений в юридических кругах. Опубликованный в июле 1924 г. приказ Верховного суда РСФСР напоминал советскому уголовному суду, что он, как и другие суды, является «классовым судом» и должен в своих приговорах «проводить четкую грань, с одной стороны, между лицами, которые чужды по духу пролетарскому государству вследствие своей классовой принадлежности, и, с другой стороны, лицами, принадлежащими к трудящимся массам, которые совершили преступление»⁵⁵. Когда осенью 1924 г. ЦИК включил в «Основные начала» уголовного права применение меры социальной защиты к лицам, расцениваемым как «общественно опасные» даже в том

* *Ergo* (лат.) — следовательно. — *Прим. ред.*

случае, если им не вменяется в вину никакое конкретное преступление⁵⁶, то этим был открыт путь к допущению, что общественно опасное лицо является классовым врагом и что классовый критерий будет служить основным средством распознавания. Статьи 31 и 32 этих «Основных начал» еще более способствовали распространению такого допущения, поскольку там говорилось, что «более суровая мера социальной защиты» применима к тем лицам, которые в прошлом или в настоящее время — ловкая попытка обойти неоднозначность классификации — относятся к классу эксплуататоров труда, и «более мягкая мера социальной защиты» — к рабочим и трудящимся крестьянам. В тот момент, когда ЦИК одобрил эти принципы, ЦИК РСФСР как раз готовил проект нового исправительно-трудового кодекса, и докладчик воспользовался этой возможностью, чтобы снова вдолбить все ту же самую мораль:

«...Острые нашей уголовной репрессии направляется главным образом против лиц, не принадлежащих к классу трудящихся... Внесение в исправительно-трудовой кодекс классового элемента отвечает и общей политике Советской власти»⁵⁷.

Однако текст кодекса до конца не учел этих заверений: в соответствии со статьей 47 высылке в изоляторы специального назначения подлежали «лица, не принадлежащие к классу трудящихся и совершившие преступление в силу классовых привычек, взглядов или интересов, а равно лица, хотя и принадлежащие к трудящимся, но признаваемые особо опасными для Республики или переводимые в порядке дисциплинарного взыскания»⁵⁸. Даже там, где этот принцип провозглашался наиболее громко, он применялся с оговорками, которые были далеки от того, чтобы окончательно его отменить.

К этому времени классовый принцип в правосудии начал приходить в столкновение с главными директивами партийной политики. Зимой 1924/25 г., когда лозунг «Лицом к деревне!» приравнивался к примирению с зажиточным крестьянином, а революционная законность провозглашалась как важная часть политики оживления Советов, призывы и процессуальные нормы классовой войны как-то вышли из моды. Решения по обеспечению революционной законности, принятые в апреле 1925 г. на XIV партийной конференции, не содержали даже намека на какую бы то ни было дискриминацию между правонарушителями по признаку социального происхождения или социального положения⁵⁹. Верховный суд РСФСР, молча изменив позиции, занятые им в июле 1924 г., выдвинул в своей инструкции от 29 июня 1925 г. со ссылкой на «директивы» III Всесоюзного съезда Советов по вопросу о революционной законности специальное предостережение против классовой дискриминации:

«Судам нужно помнить, что проведение классового подхода в карательной политике заключается не в обвинении «изпмана» или «кулака» и не в оправдании трудящегося или бедняка и середняка, а в отчетливом и ясном понимании социальной опасности действия

привлеченного к суду гражданина, расцениваемой с точки зрения интересов пролетариата в целом. Прежде всего требуется установление твердой границы между уголовно наказуемыми действиями и действиями, с точки зрения уголовной наказуемости безразличными, вне зависимости от того, кто именно их совершает. Совершенно недопустимо, чтобы при прочих одинаковых условиях один гражданин был бы привлечен к уголовной ответственности, а другой нет»⁶⁰.

Сольц, который был докладчиком по этому вопросу на XIV партийной конференции, как председатель Центральной контрольной комиссии партии прекрасно отдавал себе отчет, что оппозиция требует одинаково твердой руки, вне зависимости от того, исходит ли она со стороны рабочих или со стороны бывших классовых врагов, — и он стал активным сторонником движения против классовой дискриминации. Когда в октябре 1925 г. на заседании ЦИК РСФСР обсуждался проект нового уголовного кодекса, даже Крыленко частично отказался от своих прежних позиций, протестуя против «голой формулы» статьи 32 «Основных начал», которая предписывала более мягкие меры наказания за преступления, совершенные «рабочим или трудящимся крестьянином», и утверждал, что наказание должно зависеть не от «классовой принадлежности», а от «опасности совершенного преступления». Сольц выступил с предостережением против того, чтобы считать принятие мер против «общественно опасных» лиц признаком одобрения классового подхода к правосудию:

«Мы не должны говорить, что рабочие и крестьяне могут злоупотреблять благодаря тому, что у власти находится рабоче-крестьянское правительство. Мы не должны смягчать их участь, исходя из их классового происхождения. Это вредно»⁶¹.

О том, насколько быстро протекал процесс эволюции взглядов на эту проблему в течение последних лет, можно было судить по тому факту, что ЦИК РСФСР обратился во ВЦИК с просьбой внести поправки в те статьи «Основных начал», по поводу которых были выдвинуты упомянутые возражения⁶².

Через месяц после этой знаменательной сессии Сольц взял быка за рога в своем выступлении на совещании юридических работников, которое было опубликовано в качестве статьи в номерах «Правды» и «Известий» от 24 ноября 1925 г. Начав с утверждения, что существующее ныне право нельзя расценивать с точки зрения критериев будущего коммунистического общества, он заявил, что «вопрос целесообразности должен господствовать над формой права». Он опроверг точку зрения, будто рабочие должны подвергаться более мягким наказаниям, чем другие правонарушители: «для нас нет привилегированного класса» и «власть всегда должна думать о населении, даже независимо от того, к какому классу оно принадлежит». Он с презрением упомянул о «части населения», живущей «чувствами гражданской войны», и добавил, что «всякая власть заинтересована в том, чтобы, когда граждан-

ской войны нет, о ней, этой войне, скорей забыли». Столь беспощадно прямая ревизия заботливо взлелеянной партийной доктрины вызвала определенное сопротивление. Крыленко выдвинул против этого резкий и не лишенный убедительности аргумент, что в доводах Сольца не содержится обоснования для того, чтобы использовать к слову законность эпитет «революционная»⁶³. Однако, если оставить в стороне вопрос о доктрине, Сольц, вне всякого сомнения, весьма точно выражал усиливавшиеся тенденции в настроениях партийных кругов. Шел процесс замены первоначального подхода к обществу, дифференцированному по классовому принципу, концепцией советского закона как выражение политики Советского государства и сообщества советских граждан, по отношению к которым этот закон применяется. Три месяца спустя Бухарин, воспользовавшись случаем своего выступления на съезде комсомола, высмеял точку зрения, в соответствии с которой в глазах некоторых людей получается, будто «коммунистическое звание, в особенности наряду с пролетарским происхождением, в особенности, если у человека двое родителей и оба от станка или четверо родителей и все четверо от станка (смех), служит в качестве какого-то абсолютного иммунитета»⁶⁴. Сольц на сессии ЦИКа в апреле 1926 г. высказал протест против привычки копаться в прошлом и требовать «беспощадно расправляться за старые контрреволюционные преступления»⁶⁵. По мере того как шло время, основная проверка, которой подвергались все, кто попадал под обвинение в общественно опасном поведении, сводилась уже не к тому, принадлежал ли он в действительности к отверженному классу или группе, а к тому попустительству, которое он допускал по отношению к словам или поступкам, ассоциирующимся с принадлежностью к такому классу, — так что аргумент, связанный с понятием класса, утратил свой конкретный характер и превратился в расхожий нарицательный термин. Тем не менее концепция потенциальной виновности, впервые четко сформулированная в октябре 1924 г. в «Основных началах» уголовного законодательства, сохраняла свое значение в практике судопроизводства если не обычных судов, то, во всяком случае, в деятельности органов госбезопасности.

Помимо общих инструкций союзным республикам относительно характера и содержания их собственных уголовных законодательств, в «Основных началах» уголовного законодательства, принятых в октябре 1924 г., содержалось еще и положение, в соответствии с которым СССР зарезервировал за собой право издавать законы по вопросу о «воинских преступлениях». Одновременно с провозглашением этих «Основных начал» ВЦИК независимо от этого выпустил Положение о воинских преступлениях. Советское законодательство не признавало различия между военным законодательством и обычным уголовным законодательством: в Уголовном кодексе РСФСР от 1922 г. содержалась отдельная глава, посвященная военным правонарушениям. Новое положение,

хотя оно касалось главным образом случаев нарушения военной дисциплины и уставных правил, предписывало также вынесение смертного приговора за «военный шпионаж, т. е. соби́рание, сообще́ние, передачу сведений иностранным правительствам, контрреволюционным организациям и неприятельским армиям о вооруженных силах и об обороноспособности Союза ССР»⁶⁶. Весной 1925 г. президум ЦИКа одобрил планы по «охране революционного порядка», которые должны были вводиться в действие в случаях «исключительного положения» или «военного положения»: разработка соответствующих конкретных мероприятий была поручена комиссии, состоявшей из трех человек — народного комиссара по военным делам, прокурора Верховного суда СССР и председателя ОГПУ⁶⁷. В Постановлении СССР, опубликованном несколько месяцев спустя, шпионаж определялся как «передача, похищение или соби́рание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам», а предписываемые за это меры наказания варьировались от трех лет тюремного заключения до смертной казни через расстрел. Сбор или передача информации экономического характера, публикация которой являлась запрещенной, карались тюремным заключением сроком до трех лет⁶⁸. Эти следовавшие одна за другой меры ознаменовали изъятие вопросов госбезопасности из сферы обычного уголовного законодательства и уголовной юрисдикции. Вновь было утверждено разделение труда между обычным уголовным законодательством и практикой судопроизводства, которые были провозглашены республиками и осуществлялись судами республик, и чрезвычайным законодательством и чрезвычайной практикой судопроизводства, которые применялись по вопросам, связанным с госбезопасностью, в соответствии с декретами СССР и осуществлялись ОГПУ. Это разделение было признано и принято ЦИКом РСФСР в октябре 1925 г., когда, занимаясь подготовкой своего собственного Уголовного кодекса, она исключила из него фигурировавшие в первоначальном проекте статьи, касавшиеся госбезопасности, и передала законодательное урегулирование этих вопросов соответствующим инстанциям СССР⁶⁹.

Если Конституция СССР усилила различие между мерами государственной безопасности и осуществлением обычного уголовного судопроизводства, она также — и даже в еще более явной форме — повысила и статус того органа, на который первоначально была возложена ответственность за проведение этих мер. В ранний период Чека существовала на принятом с молчаливого согласия допущении, что она перестанет существовать вместе с тем вызванным чрезвычайными обстоятельствами государством, которое оправдывало ее создание. ГПУ было создано в 1922 г. уже как постоянное подразделение Наркомвнудела РСФСР. Но даже ГПУ

не было независимым органом и не имело своего собственного конституционного статуса. С созданием СССР ГПУ РСФСР было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление, или ОГПУ СССР, и даже было удостоено высокой чести быть упомянутым в Конституции, которая возлагала на него «объединение революционных усилий Республики по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». Освободившись от своей бывшей зависимости от Наркомвнудела РСФСР, оно стало независимым органом СССР со статусом «объединенного комиссариата», имеющего подчиненные ему комиссариаты в союзных республиках⁷⁰. Его председатель являлся членом Совнаркома, хотя и всего лишь с совещательным голосом. Его сотрудники пользовались на всей территории Советского Союза статусом и правами находящихся на действительной службе в вооруженных силах. У него были свои собственные «специальные войска», находившиеся под прямым командованием председателя ОГПУ или его заместителя. Его функции заключались в том, что он «руководит работой местных органов государственных политических управлений через своих уполномоченных при советах народных комиссаров Союзных Республик, действующих на основании специального положения, утвержденного в законодательном порядке». Таким образом, ОГПУ руководило мероприятиями по обеспечению госбезопасности на всей территории Советского Союза, было номинально подотчетно только перед ЦИКом и Совнаркомом и имело лишь весьма слабые связи с обычной практикой уголовного судопроизводства, осуществляемой в судах. Статус ОГПУ как всесоюзного органа и его обязанности, связанные с наиболее ужасающими и опасными видами преступлений, — все это вместе взятое придало ему такие полномочия и такой престиж, который намного превосходил власть и влияние любого из обычных республиканских органов юстиции.

Частью того же самого процесса оказалось то, что сфера компетенции ОГПУ постепенно распространялась, охватывая все более и более широкий круг наиболее значительных преступлений. С самого начала термин «контрреволюционный» использовался в советском газетном жаргоне применительно ко всем формам саботажа, шпионажа, бандитизма или спекуляции: сам характер Чека как органа, стоявшего над подлежащей законодательному регулированию сферой, делал подобные дефиниции излишними. В феврале 1919 г. Дзержинский объявил о своем намерении использовать под контролем Чека концентрационные лагеря как места для отбывания наказания «за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздания и т. д.», допускаемые работниками советских учреждений⁷¹. Там, где можно было придавать такое расширительное толкование таким понятиям, как «саботаж» или «контрреволюция», довольно легко создается ситуация, при которой не только малейший акт, направленный против государственной безопасности в точном смысле этого слова, но и всякий

проступок, наносящий серьезный ущерб общественным интересам — вне зависимости от того, оговорен ли он конкретной статьей Уголовного кодекса или нет, — может быть по усмотрению ОГПУ изъят из сферы компетенции обычных судов и разбираться за закрытыми дверями с помощью судебных процедур и правил, которые никогда не становятся достоянием широкой общественности⁷². Таким образом, если в начальный период ощущался определенный импульс к тому, чтобы стереть это различие за счет уподобления методов судопроизводства, применяемых Чека, практике обычных судов, то теперь то же самое стремление стереть эту разницу вело к прямо противоположному результату, способствуя приобретению ОГПУ верховных полномочий и влияния в вопросах уголовной юстиции. Образование СССР имело два важных следствия. Оно усилило доминирующее значение концепции госбезопасности в пределах всей сферы уголовного законодательства и привело к изъятию наиболее важных уголовных правонарушений — то есть таких, которые затрагивали безопасность государства, — из сферы юрисдикции республик, твердо и определено передав их в руки высокоцентрализованного органа СССР. На прошедшей в апреле 1925 г. XIV партийной конференции — той, что приняла резолюцию в поддержку «революционной законности»⁷³, — докладчик по этому вопросу, вооружившись цитатами из Ленина, заметил, что в отношении преступников, возможно, потребуется прибегнуть к мерам, «которые, может быть, с точки зрения буржуазного законника, могут показаться не совсем подходящими» и которые «не ограничиваются формальными рамками, установленными законом»⁷⁴. Во время дискуссии, прошедшей ближе к концу того же года в недавно созданном в рамках Коммунистической академии Институте советского строительства, с особой настойчивостью утверждалось, что любая попытка противопоставлять «революционную законность» «революционной целесообразности» является немарксистской, поскольку ни один революционер, оказавшись перед таким выбором, не сможет отвергнуть то, что целесообразно для дела революции⁷⁵.

Рост власти и полномочий ОГПУ — как в более ранний период это произошло и с Чека — оказался тесно связан с усилением его контроля над карательной политикой и карательными учреждениями. В течение всего этого периода обычные «места заключения» оставались в компетенции тюремных управлений, которые являлись отделами Наркомвнуделов союзных республик. В октябре 1924 г. ЦИК РСФСР принял Исправительно-трудовой кодекс, который содержал положения, оговаривающие все типы мест заключения, начиная с трудовых колоний, как заводских, так и сельскохозяйственных, чья основная цель провозглашалась как исправительная, и кончая «изоляторами специального назначения», предназначенными для «лиц, не принадлежащих к классу трудящихся»⁷⁶. Однако это ограничение поддерживалось не во всех статьях этого кодекса; и можно было заметить, что, хотя число классовых

врагов несомненно уменьшалось, все равно ощущалась потребность в увеличении количества изоляторов. V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции рекомендовал увеличение их числа на территории РСФСР до «не менее 15»⁷⁷. Согласно официальной статистике, общее число лиц во всех местах заключения составило в Советском Союзе на 1 января 1925 г. 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г.—149 тыс., на 1 января 1927 г.—185 тыс.; число мест заключения возросло с 571 в 1925 г. до 591 в 1926 г.⁷⁸ Бессмысленно гадать, включали ли эти цифры все обычные категории арестованных и все места заключения и были ли они полными в остальных отношениях⁷⁹.

Ничто во всех этих мероприятиях не затронуло, однако, концентрационных лагерей и прочих мест заключения, которые были унаследованы ОГПУ от Чека и, как и раньше, оставались за пределами системы обычных карательных учреждений. Знаменательно, что — хотя принятый в октябре 1924 г. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР не содержал никаких упоминаний о ОГПУ или находившихся под его контролем местах заключения — в первом проекте этого кодекса был пункт, исключавший из сферы, подлежащей регулированию данным кодексом, «заключенных, числящихся за судебными учреждениями, следственными органами и органами ОГПУ». В ходе дебатов по этому кодексу на сессии ЦИКа было принято решение — явно без обсуждений — этот пункт опустить⁸⁰. Это изъятие было сделано из соображений официальной осторожности, а отнюдь не из-за того, что существовали какие бы то ни было перспективы установить контроль со стороны республиканских органов за деятельностью ОГПУ. С другой стороны, отношение к заключению в концентрационные лагеря как к мере превентивной, а не карательной отмирало с большим трудом. Политические заключенные по-прежнему пользовались известным уважением и снисходительностью, которые проявлялись по отношению к ним при царском режиме⁸¹. Как правило, от них еще в то время не требовали принимать участие в физических работах, и заключение в концентрационный лагерь рассматривалось как более легкая мера наказания, чем обычный приговор к лишению свободы⁸². Эта аномалия, которая обеспечивала привилегии в обращении с заключенными, заклеяменными как враги строя, уже была во времена Чека подвергнута осуждению со стороны Дзержинского⁸³, однако эта критика оказалась менее действенной, чем можно было ожидать. И снова именно Дзержинский выступил в роли бича, направленного против политических заключенных, предложив приспособить концентрационные лагеря для проведения «колонизаторской политики» за счет создания их на отдаленных и ранее не освоенных территориях, «в которых заключенных поневоле можно будет заставить заниматься производительным трудом»⁸⁴. Экономические соображения не упускались из виду даже в тех случаях, когда политических правонарушителей приговаривали не к заключению в концентрационные лагеря, а всего лишь к ссылке в

отдаленные населенные пункты. Весьма знаменательно, что это нашло отражение в резолюции, принятой V Всероссийским съездом деятелей советской юстиции:

«Признать правильным предложение о введении высылки по суду особо социально опасных элементов взамен заключения их на длительный срок, в особо отдаленные местности, где бы высылаемые были поставлены в необходимость заниматься производительным трудом в целях пропитания»⁸⁵.

Именно к этому периоду относится начало превращения концентрационных лагерей в карательные учреждения особо строгого режима — процесс этот был связан как с возраставшей нетерпимостью к политическому инакомыслию внутри и вне партии, так и со все более настоятельной необходимостью добиться повышения производительности и запрячь всю наличную рабочую силу, заставив ее работать на нужды развития экономики. Давняя концепция, оставшаяся еще со времен гражданской войны и предписывавшая использовать врагов строя для выполнения «тяжелой и неприятной работы»⁸⁶, была расширена и систематизирована. Нет возможности даже попытаться оценить число людей, которые были в то время сосланы в концентрационные лагеря или высланы в административном порядке. К 1924 г. число их, во всяком случае, было достаточно внушительно, чтобы дать основания для довода, будто процесс этот имеет своим результатом скорее дислокацию производства, чем способствует его развитию. Красин в том же самом году в приватном порядке заметил, что «в концентрационных лагерях сидит очень много людей, которые, будь коммунисты более разумны и практичны в хозяйственных и производственных вопросах, могли бы быть использованы в хозяйственной работе», и привел в качестве примера случай с бывшим сотрудником своего ведомства по фамилии Эйдук, который находился в то время в лагере, занимавшемся строительством железной дороги в Семиречьи, одной из губерний Казахстана⁸⁷.

Ужесточение репрессивного аппарата сопровождалось более широкими переменами в отношении большевиков к политической оппозиции. Важной вехой в этом процессе явился суд над эсеровскими лидерами, прошедший летом 1922 г.⁸⁸ До этого время от времени практиковалась непостоянная и относительная терпимость в отношении других партий левого крыла или отдельных группировок внутри этих партий и не чинилось никаких препятствий на пути тех из них, кто желал покинуть советскую территорию. Теперь дали себя почувствовать некоторые новые факторы. Все более ужесточавшиеся требования единства мнений в партии, наметившиеся после 1921 г., автоматически благоприятствовали развитию требований к достижению большего единообразия и среди тех, кто принимал участие в общественной жизни; казалось, политическая дисциплина стала еще более необходимой, дабы служить противовесом экономической релаксации периода НЭПа.

Тревога, вызванная Кронштадским мятежом, улеглась далеко не сразу, послужив импульсом к более жесткому отношению ко всем формам оппозиции⁸⁹. Оппозиционные партии все больше и больше превращались в фокус антисоветской пропаганды за рубежом⁹⁰, а это в свою очередь способствовало закреплению за ними в официальных кругах репутации непримиримых врагов, не заслуживающих ни малейшего снисхождения. Когда на ранних стадиях гражданской войны были поставлены вне закона так называемые буржуазные партии, которые после этого не имели уже более на советской территории ни одного открытого сторонника, единственная выжившая оппозиция состояла из анархистов, эсеров и меньшевиков. Начиная с 1918 г. подвергалось аресту и содержалось в течение более или менее продолжительных сроков под арестом несколько сотен или, возможно, и тысяч анархистов, однако единой целостной группировки они никогда не составляли. С оставшимися эсерами было покончено в ходе судебного разбирательства, проведенного в 1922 г. Почти все меньшевистские лидеры к этому времени уже покинули страну⁹¹. Несколько десятков или сотен меньшевиков, которые остались, но не перешли в большевистскую веру, теперь были арестованы. В соответствии с недавно учрежденной практикой административной высылки некоторые из арестованных были всего лишь лишены прав проживания в главных городах, а другие — сосланы в два новых лагеря для политических правонарушителей: один в Суздале, а другой на Соловецких островах, расположенных на Белом море в 300 милях от Архангельска, на этих островах некогда был монастырь⁹².

Условия заключения в Суздале, где лагерное поселение было, по всей видимости, первоначально устроено для размещения грузинских меньшевиков, арестованных после волнений 1921 г., были довольно-таки мягкими. В Соловках⁹³ как климатические, так и прочие условия были крайне суровы. Летом связь осуществлялась с помощью редких пароходов, отправлявшихся от станции Кемь, расположенной на Мурманской железной дороге; в течение всей арктической зимы это поселение было полностью отрезано от внешнего мира. В декабре 1923 г. на острове произошли трагические события. В соответствии с выпущенными новыми правилами свобода передвижения заключенных с наступлением сумерек ограничивалась. Это был еще период, когда политические заключенные считали себя сами — и до некоторой степени рассматривались другими — как заключенные, пользующиеся определенными «правами», которых их не так-то легко можно было лишить. Заключенные устроили массовую демонстрацию против введения новых правил. Лагерное начальство оказалось охвачено паникой или же умышленно приняло решение безжалостно применить жесткие меры. Вызванные войска открыли стрельбу, было произведено несколько выстрелов по демонстрантам, из которых по меньшей мере пятеро оказались убиты, а трое тяжело ранены. Страстный протест со стороны заключенных и рапорт местного начальства были пе-

реданы в Москву, где было принято решение образовать комиссию по расследованию этого инцидента, состоявшую из представителей ЦИКа, ЦК партии и народного комиссариата юстиции. Находившимся в лагере группам эсеров, левых эсеров и меньшевиков было предложено направить в Москву своих делегатов, чтобы дать показания комиссии. Это предложение было отклонено на том основании, что это не более чем «бюрократическая комиссия», которая работает за закрытыми дверями, а не публично. Этот обмен репликами был весьма симптоматичен для статуса, который предоставлялся в то время политическим заключенным, и для той позиции, которую занимали они сами⁹⁴.

Лишь летом 1924 г., когда весть о несчастье достигла внешнего мира и проникла в зарубежные страны, стало достоянием широкой известности, что значительное количество эсеров, меньшевиков и анархистов подвергались Советским правительством столь же жестокому обращению, как и любые политические правонарушители при царском режиме. Потрясение от этого открытия было значительным. В июне 1924 г. представители групп эсеров, левых эсеров и меньшевиков, заключенных в этом лагере, направили письмо, в котором содержался протест против того, что случилось, и одновременно призыв к гуманному обращению с политическими заключенными — это письмо получило широкую известность в зарубежных странах⁹⁵. На это дело впервые обратила внимание и советская пресса, начали появляться статьи, в которых можно было без труда распознать извиняющиеся нотки. Декабрьские волнения 1923 г. объяснялись намеренной провокацией со стороны политических заключенных; людей, содержащихся там и в Суздале, вынудили засвидетельствовать, что в этих местах обычно с заключенными обращаются вполне гуманно⁹⁶. В сентябре 1924 г. в Соловки был направлен прокурор Верховного суда СССР Красиков с целью доложить об условиях, в которых содержатся заключенные. Доклад его, совершенно естественно, носил реабилитирующий характер. Ревизор нашел, что условия труда и жизни в течение года значительно улучшились — что означало молчаливое признание того факта, что ранее там было не все в порядке, — что 350 человек, включая 16 матросов, принимавших участие в Кронштадском мятеже, были недавно выпущены и что сами заключенные были повинны в том, что выдвигали слишком завышенные требования и нарушали установленный порядок⁹⁷. Тем не менее, несмотря на этот вердикт, летом 1925 г. был выпущен декрет, положивший конец использованию «Соловецкого концентрационного лагеря» для содержания «членов антисоветских партий (правых с.-р., левых с.-р., меньшевиков и анархистов)» и предписывающий их перевод в «подведомственные Объединенному Государственному Политическому Управлению места лишения свободы на материке»⁹⁸. В то время еще не умерла традиция, в соответствии с которой политические противники, чье лишение свободы было необходимо, исходя из интересов общественной бе-

зопасности, тем не менее не должны были подвергаться в заключении неподобающе жестокому обращению.

Другой эпизод, относящийся к тому же самому периоду, иллюстрирует состояние взаимоотношений между властями и политическими заключенными. Группа эсеров, приговоренных в 1922 г. к смертной казни, содержалась с тех пор, как было принято решение об отсрочке с приведением приговора в исполнение⁹⁹, в заключении где-то в Москве или в ее окрестностях¹⁰⁰. В начале 1925 г. двое из них — Артемьев и Ратнер — были оповещены, что будут освобождены из заключения и высланы в Нарым на дальнем севере Сибири, а остальным сообщили, что подобная судьба ждет и их тоже. Это привело к тому, что 28 января 1925 г. была объявлена голодовка. От имени всей группы Готц сообщил представителю ОГПУ, прибывшему, чтобы попытаться их увещевать, что «они не поедут в Нарым». Отклонено было также и предложение ОГПУ заменить Нарым на менее отдаленную, но столь же арктическую Усть-Цульму, расположенную на Печерском побережье. Эсеры требовали, чтобы местом их ссылки был город с населением не менее 200 тыс. жителей и расположенный на железной дороге, где они могли бы найти возможность заработать себе на жизнь. После дальнейших переговоров было достигнуто соглашение, что Артемьев будет сослан в Темир-Хан-Шуру, а Ратнер — в Кисловодск; оба города были расположены на Кавказе; причем голодовка была закончена на девятый день¹⁰¹. Куда были сосланы остальные, похоже, зафиксировано не было. Однако известно, что Готц — после ссылки, повторного ареста и еще одной голодовки — в конце 1925 г. жил «под домашним арестом» в Ульяновске (бывший Симбирск)¹⁰². Эсеры продолжали пользоваться в то время определенной мерой уважения и снисхождения — отчасти как старые революционеры, а отчасти благодаря той поддержке и известности, которые они снискали в кругах зарубежной социалистической общественности. Однако по мере того, как борьба внутри партии становилась все более интенсивной, с обеих сторон все шире использовались меры подавления и все могущественнее становилась власть ОГПУ, а это в свою очередь отражалось на растущей суровости карательной системы в отношении политических заключенных. Когда летом 1925 г. из Соловков были переведены политические заключенные, там оставались неополитические узники. Вскоре, однако, лагерь снова стал использоваться для содержания политических заключенных; арестованные после поднятого в августе 1924 г. мятежа грузинские меньшевики свидетельствовали, что были сосланы туда осенью 1925 г.¹⁰³

Летом 1924 г. советские органы госбезопасности добились заметного успеха в аресте, организации публичного судебного процесса, осуждении и отсрочке с приведением приговора в исполнение в связи с делом известного террориста Бориса Савинкова. В молодости Савинков активно участвовал в деятельности эсеров-

ской террористической организации и написал два революционных романа, не лишенных определенных достоинств, — «Конь бледный» и «То, чего не было». Начиная приблизительно с 1907 г. он порвал с эсерами и после революции основал независимую антибольшевистскую террористическую организацию, которую он назвал «Союз защиты родины и свободы». Во время гражданской войны он поддерживал контакты с враждебными к Советской России французскими, английскими и польскими политическими деятелями — среди них были Тардые, Уинстон Черчилль и Пилсудский, — а также с представителями Франции и Англии, участвовавшими в антисоветской деятельности. Позднее он тщательно обращался за помощью к Муссолини. Насколько значительной помощью он в действительности заручился и как много он достиг — возможно, уже никогда никто не узнает: доказательств, кроме его же собственных заявлений, существует крайне мало. Тем не менее к 1923 г. он оказался крайне разочарован. Опубликованный им в том же году в Париже очерк под названием «Конь черный» нес на себе свидетельства того, что убежденность его ослабевала. В августе 1924 г. он, изменив внешность и снабженный фальшивым паспортом, пересек границу якобы для того, чтобы навестить своих агентов и изучить перспективы будущей работы на советской территории. 18 августа 1924 г. в Минске он был арестован, и его личность раскрыта. 21 августа он написал заявление, где полностью признался в своей прошлой деятельности, сознался, что совершал ошибку, считая, что Советское правительство не является представителем русского народа и русских национальных интересов, и требовал, чтобы его рассматривали не как уголовного преступника, а скорее как «военнопленного». 23 августа ему было вручено обвинительное заключение, а 27 и 28 августа проходило судебное заседание. Савинков не предпринимал ни малейших попыток отрицать выдвинутые против него обвинения: это было неудивительно, ведь они, в сущности, были основаны непосредственно на его же собственных письменных показаниях. Он полностью описал свои контакты с представителями иностранных государств. Можно предположить, что в приватном порядке он раскрыл также и своих агентов и контакты в Советском Союзе. Однако в его заявлении об этом не упоминалось, и никаких вопросов по этому поводу ему на суде не задавали. Савинков повторил, что искренне изменил свои взгляды и раскаивается в своей прошлой деятельности, направленной против советского строя. Ему был вынесен смертный приговор, но сопровождавшийся рекомендацией о помиловании в свете полного раскаяния осужденного. Тут же последовало постановление ВЦИКа о смягчении приговора, заменившее его десятилетним сроком тюремного заключения¹⁰⁴. 12 мая 1925 г. в печати было объявлено, что несколько дней назад Савинков умер в тюрьме. Было дано понять, что он покончил жизнь самоубийством, однако никаких подробностей о том, как именно он умер, разглашено не было.

Капитуляция и отречение Савинкова символизировали конец определенного периода. Савинков был последним важным «белым» русским, который — прибегая время от времени к иностранной поддержке — занимался организованной террористической деятельностью, направленной против советского строя; и с роспуском всех левых оппозиционных партий можно было констатировать, что организованной оппозиции советскому строю положен конец. На всем протяжении 20-х годов почти все многочисленные российские партии, находившиеся в оппозиции к большевикам, продолжали — хотя и испытывая все более и более значительные трудности — поддерживать определенную форму организации в Париже, Берлине или Праге. В Париже процветала ежедневная кадетская газета «Последние новости», редактором которой был Милюков. В Берлине дважды в месяц, со случавшимися время от времени перерывами, выходил меньшевистский журнал «Социалистический вестник» — самое лучшее в литературном отношении и наиболее информированное из эмигрантских периодических изданий; ведь меньшевистская группа включала намного более значительную, чем все другие группировки, квоту представителей интеллигенции. Менее регулярно выходила в Праге эсеровская «Революционная Россия». В Берлине с перерывами выходили левозэсеровский журнал «Знамя борьбы» и газета правого крыла кадетов под названием «Руль». Однако ни одна из этих групп не имела теперь уже никаких прочных контактов с Советским Союзом и не оказывала там ровным счетом никакого влияния. Начиная с 1925 г. оппозиция в Советском Союзе начала принимать совершенно новый характер разногласий внутри самой партии. Кроме возникавшего время от времени, хотя и все менее правдоподобного, пугала иностранной интервенции, оппозиция в партии представляла теперь, по сути дела, единственное, чего мог опасаться строй. Госбезопасность уже не означала более защиту Советов против сторонников старого режима; не означала она и защиту — внутри Советов — большевистской революции от угрозы со стороны диссидентских левых партий. Теперь она означала — внутри самой большевистской партии — защиту определенной правящей группировки или порядка, а это в свою очередь влекло за собой видимые невооруженным глазом изменения и в характере и функциях органов безопасности. Отныне репрессивная власть ОГПУ стала направлена прежде всего против оппозиции в партии, которая превратилась в единственную эффективную форму оппозиции в этом государстве.

МЕСТНЫЕ ФИНАНСЫ

В политических мероприятиях, нацеленных на оживление Советов и создание эффективного аппарата местного управления, учреждение местной финансовой автономии играло хотя и вспомогательную, но весьма важную роль. При том государственном устройстве, которое сложилось в период гражданской войны, способы осуществления финансовых операций — как на уровне центральных властей, так и на местном — носили хаотический характер: в теории все доходы и расходы находились под непосредственным контролем Наркомфина, местные же органы не имели никакой признанной финансовой власти. В этом, как и во многих других отношениях, введение НЭПа принесло с собой возвращение к более привычным процедурам. В принципе вопрос о восстановлении финансовой автономии местных — что означало прежде всего губернских властей был решен осенью 1921 г.¹ В течение последующих двух лет размеры и значимость губернских бюджетов постепенно возрастали за счет предпринимавшихся от случая к случаю бессистемных мероприятий, которые возлагали на губернские власти новые полномочия и одновременно предоставляли в их распоряжение новые источники доходов², хотя — поскольку последние никогда полностью не уравнивались первыми — непосредственная государственная помощь губернским бюджетам продолжала оставаться необходимой. Постепенно восстанавливались и финансовая автономия и независимые бюджеты на уровне уездов, хотя в 1923 г., судя по имеющимся сведениям, уездные бюджеты все еще просто-напросто составлялись в губернских финансовых отделах³. В сентябре 1923 г. Сокольников объявил, что настало время установить независимые бюджеты и для волостей⁴, и в ноябре 1923 г. ЦИК принял «Временное положение о местных финансах», которое вместе с «Положением об имуществе местного значения» ознаменовало первую попытку внести порядок во всю эту систему, прокомментированную Сокольниковым как весьма полезный отход от практиковавшейся в период между 1918 и 1921 гг. «системы крайней централизации» в сторону «системы финансовой децентрализации»⁵. Однако никакой реальной независимости пока не предвиделось, ведь для взимания каких бы то ни было налогов или

сборов с населения требовалась в каждом отдельном случае санкция правительства той республики, чьи интересы тут оказывались затронуты⁶. Учитывая это ограничение, не удивительно, что развитие местных бюджетов оказалось в то время процессом прерывистым и несистематическим и — за исключением Украины, где к лету 1924 г. в общем и целом уже функционировали волостные бюджеты⁷, — ниже уровня уезда так и не спустился⁸. В своем выступлении по вопросу о бюджете на проходившей в октябре 1924 г. сессии ЦИКа Сокольников уделил значительное внимание местным бюджетам, жалуюсь, что некоторые люди так еще и не научились отличать их от бюджетов союзных или автономных республик, которые являются составными частями общего бюджета СССР. По его оценкам, общая сумма местных бюджетов должна была возрасти с 522 млн. рублей в 1923—1924 гг. до 705 млн. рублей в 1924—1925 гг.; он выдвинул возражение против системы прямых субсидий на эти цели из государственного бюджета, мотивируя это тем, что такая система лишает местные власти стимулов для достижения сбалансированных бюджетов, и признал, что «основные вопросы по возможности действительного вовлечения крестьянства в советскую государственную жизнь» теснейшим образом увязаны с финансовой проблемой. На смену принятому в предшествующем году «Временному положению...» был разработан новый, более подробный декрет о финансах губерний, уездов и волостей⁹. Наиболее важным его положением была замена существовавшей ранее системы субсидий из госбюджета системой дотаций, в соответствии с которой государственный бюджет принимал на себя оплату части расходов на определенные цели, которые находились в ведении местных бюджетов. С другой стороны, в компетенцию местных бюджетов были переданы административные расходы, связанные с обеспечением работы местных съездов Советов и исполнительных комитетов, а также местное здравоохранение, социальное обеспечение и образовательные учреждения¹⁰. Характерной чертой этой системы было то обстоятельство, что местные бюджеты в отличие от бюджетов республик были исключены из объединенного государственного бюджета СССР — за исключением, разумеется, тех статей, которые оказывались в зависимости от субсидий из госбюджета. Калинин уже отставал от времени, когда говорил в апреле 1925 г. о необходимости, чтобы «наш теперешний объединенный бюджет» распался на «государственный и местный бюджет». Однако он стоял на более практической позиции, когда добавил, что «местные бюджеты должны быть полностью переданы в распоряжение местных органов», и мечтал о том дне, когда единый сельскохозяйственный налог перестанет быть государственным налогом, а превратится в местный¹¹.

В то время, однако, как в системе губернских и уездных финансов постепенно наводился порядок, учреждение волостных бюджетов задерживалось из-за сопротивления уездных властей, чьим

интересам здесь наносился ущерб, а также из-за невозможности найти достаточное количество квалифицированных работников на волостном уровне; и именно эта проблема оказалась в течение всего периода самой спорной проблемой политики местного финансирования. Упомянутое «Временное положение...», принятое в ноябре 1923 г., сопровождалось специальным постановлением, предписывавшим введение, начиная с 1 января 1924 г. волостных бюджетов «повсеместно, за исключением республик, не имеющих территориальных единиц, соответствующих волости». На волостные власти возлагалась ответственность за обеспечение работы административного аппарата на уровне волостей и сел, а также за некоторые виды социального обслуживания; их доходы должны были складываться из прибыли от мелких предприятий местного значения, а также из одной десятой части дополнительного налога на местные доходы и единого сельскохозяйственного налога¹². Шесть месяцев спустя политическую важность волостных бюджетов подчеркнул прошедший в мае 1924 г. XIII съезд партии: они должны способствовать тому, чтобы создать «новые возможности развертывания хозяйственной и культурной работы волостных и сельских советских органов и вовлечения в их работу всей массы среднего и маломощного крестьянства...»¹³. Прогресс, однако, был чрезвычайно медленным. Из 31 волости, выбранной для обследования Рабкрином на территории РСФСР, лишь шесть имели свой собственный бюджет на полный 1923/24 фин. г., еще 16 волостей вводили его на протяжении указанного года. Однако, как показало более тщательное изучение, это не были реальные бюджеты волостных властей, а составлялись они уездными финансовыми от-
делами¹⁴.

К этому времени была введена в действие политика «Лицом к деревне!». В начале октября 1924 г. Оргбюро разослало местным партийным комитетам письма за подписью Молотова, где приводились примеры многих губерний, не удосужившихся учредить волостные бюджеты, что рассматривалось как доказательство недостаточного внимания, уделяемого нуждам деревни в сравнении с нуждами городов: важно как можно скорее превратить волость в «финансово-хозяйственную единицу»¹⁵. «Правда» опубликовала статью, где требовалось «создание волостных бюджетов при сознательном и активном участии крестьянских масс»¹⁶. В статье Зиновьева от 11 октября 1924 г., возвестившей начало кампании за «оживление Советов», выдвигалось требование о проведении реформы на уровне волостей и сел¹⁷. Прошедшая в октябре 1924 г. сессия ЦИКа РСФСР, на которой было выработано «Положение о волостях»¹⁸, приняла специальный декрет о волостных бюджетах, который, по словам докладчика, «расширяет объем волостного бюджета и из бюджета, который 63 % всех своих средств расходует на административный аппарат, превращает его в бюджет, охватывающий все основные нужды деревни, и в первую очередь культурные нужды»¹⁹. Опубликованный в том же месяце декрет ЦИКа

о местных финансах²⁰ равным образом относился к губернским, уездным и волостным бюджетам. Однако гораздо легче выпускать декреты, чем создать условия, необходимые для их осуществления на местах. Помимо Украины, областями, которые наиболее быстрыми темпами развивались в сторону финансовой автономии, оказались недавно созданные Уральская и Северо-Кавказская области: здесь, как утверждалось, районные бюджеты были внедрены в широких масштабах в 1924—1925 гг.²¹ Во всех же остальных местах по-прежнему преобладал скептицизм относительно реальности практического введения независимых волостных бюджетов— для этого безнадежно не хватало как источников местных доходов, так и квалифицированных местных кадров²². Судя по всему, на прошедшем в январе 1925 г. совещании финансовых работников было выдвинуто пожелание добиться с целью усовершенствования этой системы обеспечения для волостей «самостоятельных (и твердых) источников доходов»; это относилось и к создаваемым в соответствии с новой схемой районирования новым «районам»²³. В следующем месяце был опубликован декрет, вводивший стандартизацию жалования работникам волостных органов. Председатель волостного исполнительного комитета должен был получать от 38 до 54 рублей в месяц, а секретарь от 39 до 42 в зависимости от территориальных зон, которые были установлены в декрете; волостной народный судья должен был получать от 33 до 48 рублей в месяц²⁴. Однако выплата жалования волостным работникам в то время осуществлялась за счет дотаций из центрального бюджета, которые все еще играли существенную роль в губернских или уездных бюджетах; доля таких субсидий на выплату жалования составляла от 25 до 40%.

Между тем кампания за финансовую автономию волостей начала теперь понемногу набирать силу. На своей сессии, прошедшей в мае 1925 г., ЦИК проголосовал за «расширение и укрепление волостных (или районных) бюджетов»²⁵. Статья, опубликованная в журнале «Большевик», приводила к выводу, что учреждение волостных бюджетов является необходимым условием создания «гуманного и чуткого к нуждам крестьянства низового советского аппарата»²⁶, а Сталин описывал в апреле 1925 г. организацию местных бюджетов как задачу, определяющую наряду с сельскохозяйственным налогом главные задачи партийных работников в деревне. Эта проблема теперь сводилась к тому, «как расходовать деньги по местному бюджету и на какие именно нужды» и «как добиться того, чтобы злоупотребления на этой почве были выявлены и искоренены»²⁷. Вопрос о волостных бюджетах был постоянной темой в повестке дня для апрельской сессии совещания по «оживлению Советов». Этот вопрос, сказал в своей речи на первом заседании этого совещания Каганович, является, «по существу, вопросом передвижки некоторых функций от уездных исполкомов к волостному исполкому и оживления деятельности волостного исполнительного комитета»²⁸; Советы, по выражению другого де-

легата этого совещания, невозможно вернуть к жизни до тех пор, пока они остаются с «пустыми руками»²⁹. Была принята подробная резолюция, в которой содержались конкретные пути и средства превращения волости в действенную бюджетную и административную единицу. На волость предполагалось возложить ответственность за удовлетворение «культурно-хозяйственных» нужд населения; для достижения этой цели в ведение волостных исполнительных комитетов планировалось передать «имущества, учреждения и предприятия волостного значения», включая мельницы, которые представляли основную форму местного хозяйственного предприятия, а также кузницы*, школы и больницы. Волостям давалось разрешение удерживать доходы с местных предприятий и вводить независимые налоги, однако главным источником их финансирования оставалось гарантированная часть в общих доходах, выделяемая на местные нужды. Был предложен изобретательный план, в соответствии с которым в распоряжении волостей могло оставаться 70% собранного на их территории дополнительного сельскохозяйственного налога³⁰, оставшиеся же 30% оформлялись на уровне уездов в виде фонда, предназначенного для оказания помощи наиболее бедным волостям³¹. Именно под этим многосторонним нажимом ЦИК РСФСР выпустил в апреле 1925 г. два декрета о волостях (или районах): в первом из них предпринималась попытка сформулировать и определить границы их функций, а второй наделял их некоторыми временными полномочиями³².

Критическим моментом в процессе создания местных волостных бюджетов было, судя по всему, принятое в конце апреля 1925 г. на XIV съезде партии решение о том, что удержанные из единого сельскохозяйственного налога на местные нужды 100 млн. рублей следует передать в «волостные бюджеты в целях укрепления последних и содействия политическому и хозяйственному развитию волости»³³. Прошедший в мае 1925 г. XII Всероссийский съезд Советов проголосовал за «дальнейшее улучшение волостного бюджета и увеличение его объема, а также за передачу в его распоряжение «предприятий и имущества волостного значения»³⁴. Один делегат прошедшего в том же месяце III съезда Советов с удовлетворением отметил, что в соответствии с предварительными оценками местные доходы и расходы на 1924—1925 гг. впервые включают статью в 150 млн. рублей, покрывающую волостные бюджеты, и подчеркнуто связал это новшество с политикой «оживления Советов»³⁵. Резолюция съезда содержала рекомендацию увеличить в 1925—1926 гг. объем волостных бюджетов до 300 млн. рублей³⁶. В соответствии же с инструкцией Совнаркома СССР, адресованной совнаркомам союзных республик, это увеличение должно было главным образом финансироваться за счет процентного отчисления из общей суммы поступлений сельскохозяйствен-

* В книге ошибочно написано вместо «кузницы» — «кухни». — *Прим. ред.*

ного налога в каждой из республик, которые будут выделяться в пользу волостных или районных бюджетов³⁷. Эти официальные мероприятия были подкреплены выпущенной 18 июня 1925 г. инструкцией Центрального Комитета партии, адресованной местным партийным организациям, которая получила широкую гласность. В ней содержалось предостережение против «недоверчивого отношения к оформлению волости как финансово-хозяйственной единицы», которое превалирует еще во многих местах, и настаивалось на срочной необходимости введения волостных или районных бюджетов и подготовки местных работников, которые могли бы заниматься их составлением и осуществлением³⁸. Наконец декретом ЦИКа от 14 августа 1925 г. волостные и районные бюджеты были поставлены на твердую основу. Отныне на уровне волостных бюджетов должны были осуществляться местное управление, а также местные социальные и культурные учреждения; их доходы должны были состояться из поступлений с мелких местных предприятий, от сельскохозяйственного налога и из процентного отчисления от других государственных доходов и налогов, собираемых на территории данной волости или района³⁹. Статистические данные по всем местным бюджетам СССР показывают, что в 1924—1925 гг. 34,7% расходов выделялось на культурные и социальные цели, 29,2 — на хозяйственные предприятия, 20,6 — на управление, включая сюда и юридические органы, и 15,5% было распределено по статьям, цели которых не уточнялись⁴⁰. Из волостных бюджетов на 1924—1925 гг. на территории РСФСР 39% было истрачено на управление, 34,5 — на образование, 5% — на медицинское обслуживание, а остальное — на починку дорог, оказание сельскохозяйственной помощи, организацию противопожарных мероприятий и другие второстепенные общественные службы⁴¹. Медицинское обслуживание было на весьма примитивном уровне — во многих волостях вообще не было ни единой больницы. В том же самом году более 70% местных доходов на территории РСФСР, Украинской ССР, Закавказской СФСР и Узбекской ССР классифицировались как поступающие из местных источников. Однако более половины этой суммы приходилось на находящиеся под местным управлением хозяйственные предприятия — в двух других союзных республиках, где таких предприятий было меньше, соответственно уменьшалась и доля местных поступлений в общих доходах, — а основная часть оставлявшейся суммы шла из добавок к общесоюзным налогам. Доля поступлений от местных налогов оставалась незначительной⁴².

Как только волостные бюджеты стали реальностью, следующим логическим шагом было создание сельских бюджетов. Послышался тот же самый аргумент, что сельский Совет никогда не станет действенным, если у него не будет финансовых полномочий, и возникли — даже в более сильной форме — все те же практические возражения. Принятый в августе 1924 г. декрет СССР признавал за местными Советами право ставить на голосование вопрос о

добровольных взносах на местные нужды⁴⁸. Однако поскольку там ясно говорилось, что их выплата признается обязательной только для тех, кто за это проголосовал, и поскольку в каждом конкретном случае требовалось получить согласие волостного исполнительного комитета, то это мало способствовало укреплению власти сельских Советов. Принятое в октябре 1924 г. ЦИК РСФСР Положение о сельских советах⁴⁴ предписывало, что сельские доходы и расходы должны составлять часть волостного бюджета. Сельские советы «отчитываются перед избирателями и волостным исполнительным комитетом в израсходовании предоставленных в распоряжение сельского Совета средств», однако они носили характер мелких субсидий, выделяемых им на те или иные конкретные цели. Средний годовой «бюджет» — в этом смысле этого слова — сельского Совета на территории РСФСР не превышал 200—300 рублей, а в Харьковской губернии, расположенной на Украине, где села были, как правило, крупнее, а местное управление более развито, этот бюджет достигал 900 рублей⁴⁵. Условия, однако, были неравномерными, и практика, возможно, опережала теорию.

«В том или другом виде, — писал в то время один комментатор, — в форме добровольного самообложения, или натуральных повинностей, — село составляет свою смету и имеет свой бюджет»⁴⁶.

Положение, принятое в октябре 1924 г., признавало, что в исключительных случаях — и по специальному разрешению губернского исполнительного комитета — «укрупненные» сельские Советы могут быть наделены бюджетными правами. В том же месяце Автономная Республика Немцев Поволжья — где крестьянское население было более развито как в экономическом, так и в культурном отношении, чем где бы то ни было еще на территории Советского Союза, — учредила сельсоветовские бюджеты; сельские Советы должны были получать доходы от местных предприятий и местных пошлин, сборов и налогов, и в их ведение передавалось содержание начальных школ, местных дорог и противопожарной охраны⁴⁷. Однако похоже, что в те времена этот случай был уникальным. Декрет, принятый ЦИК РСФСР 8 декабря 1924 г., напоминал о наложенном уже ранее запрете на налогообложение населения местными властями, объявлял о случаях нарушения этого запрета и угрожал наказаниями, если будут вновь допускаться подобные нарушения⁴⁸.

Кампания за «оживление Советов» и та настойчивость, к которой подчеркивалась важность волостных бюджетов, привели в начале 1925 г. к распространению в партийных кругах движения за введение бюджетов на уровне сельских Советов. 1 апреля 1925 г., накануне открытия второй сессии совещания по «оживлению Советов», «Правда» поместила письмо от одного крестьянина, где выражалось это требование; а на самом совещании Калинин еще раз повторил довод, что «если мы хотим, чтобы местные Советы сделались действительно органами суверенного народа, то этого,

разумеется, без финансовой основы не создать»⁴⁹. Никаких официальных предложений выдвинуто не было, однако несколько делегатов заявили, что сельские Советы не могут существовать без уточнения соответствующих натурповинностей и источников доходов, и жаловались, что эти выплаты невозможно осуществить вопреки воле «двух или трех процентов» населения, которые предпочитают держаться в стороне от участия в подобных мероприятиях. Представитель Наркомфина, хотя он и твердо придерживался позиции, к идее натурповинностей относился с симпатией. Его ответ стороннику бюджетов был не лишен убедительности:

«Когда т. Коновалов говорит, что натурповинность — это худший вид самообложения и в этом заключается будто бы противоречие в нашем предложении, то он глубоко ошибается. Он не учитывает политической и экономической обстановки, в которой мы живем. Если принять во внимание избыток рабочей силы в деревне, неполную нагрузку рабочего скота и отсутствие возможности приложить эту рабочую силу в целях получения денежного эквивалента, то говорить о денежном самообложении в условиях НЭПа, как о лучшем виде обложения, я думаю, с точки зрения политической и хозяйственной абсолютно не приходится.

Мы говорим: поскольку существует необходимость исправлять мосты, дороги, нести пожарную охрану, гоньбу, подвозку дров и т. д., а волостным бюджетом эти нужды не предусматриваются... то надо перейти к тем или иным видам натуральной повинности».

Самое большее, что можно здесь сделать, — это разрешить некоторым крестьянам откупиться от натуральной повинности за счет соответствующей денежной выплаты⁵⁰. Это была щекотливая тема. Низкий уровень жизни и низкая эффективность работы сельского Совета не позволяли даже ввести денежную экономику. Резолюция этого совещания, пытаясь умиротворить поборников введения сельсоветовских бюджетов, признала, что счета сельских Советов могут включаться отдельной статьей в волостной бюджет, и нехотя добавила в качестве примечания, что:

«В отдельных случаях, в более крупных сельсоветах, признать возможности, с разрешения губисполкомов, создания сельского бюджета».

Рекомендовалось провести специальное обследование по вопросу о «хозяйственной и политической целесообразности сохранения некоторых видов натурповинности»⁵¹.

В общем и целом это совещание весьма мало поддержало предложения, направленные на оживление сельских Советов за счет превращения их в финансовую и бюджетную единицу. Прошедший в следующем месяце XII Всероссийский съезд Советов потребовал «уделить внимание наибольшему удовлетворению нужд сельских Советов», однако достигать этого предписывалось только путем отчислений из увеличенных волостных бюджетов⁵². Наркомфин по-прежнему оставался безоговорочно против планов сельских бюджетов, мотивируя это тем, что квалифицированных работников

для этих целей не хватает даже для того, чтобы обеспечить реализацию бюджетов на уровне волостей⁵³. Судя по всему, время от времени в некоторых местностях предпринимались беспорядочные попытки экспериментировать с введением сельских бюджетов; было объявлено о проекте ввести их с 1 октября 1925 г. на территории Северо-Кавказской области⁵⁴. Примерно в то же самое время был проведен — хотя и без особого успеха — опыт с распространением сельских бюджетов в наиболее крупных селах на Украине, чьи размеры было недавно увеличены в процессе районирования⁵⁵. По-прежнему достижению какого бы то ни было серьезного прогресса в сторону финансовой автономии сельских Советов повсюду мешал их чрезвычайно низкий уровень. Похоже, не было проведено никакого общего обследования относительно введения на уровне сельских Советов натуральной повинности. Возможно, это был один из вопросов, который легче решался за счет мер, диктовавшихся обычаями, чем путем официального урегулирования.

Последним законодательным актом, принятым в течение этого периода по вопросу о местных финансах, был подробный декрет, принятый на сессии ЦИКа в апреле 1926 г. взамен декрета от октября 1924 г.⁵⁶ Главной целью этого декрета было распространение процесса децентрализации от уровня округа и уезда вниз, вплоть до уровня города, волости и района. Городские и волостные бюджеты, пояснял докладчик, должны превратиться в «основные ячейки» системы местного налогообложения. Хотя он связывал вопрос о сельских бюджетах с городскими и волостными бюджетами, рассматривая их как средство обеспечения контакта с массами, он, однако, был менее оптимистичен относительно перспектив их развития: на первых этапах будет необходимо изучить результаты эксперимента с сельскими бюджетами, проведенного в тех немногих селах, где они уже были введены. Не следовало также полагать, что этот процесс децентрализации предполагает какое бы то ни было ослабление контроля со стороны центральных властей — необходимость такого контроля диктуется как принципами планирования, так и необходимостью выделения субсидий. Вместе с тем, учитывая эти ограничения, прямой контроль следует передать из общесоюзного правительства в ведение правительств союзных республик. В ответ на вопросы докладчик согласился, что селам может быть предоставлено право «самообложения» в форме натуральной повинности для строительства дорог, однако для этого следует испросить согласия волостного исполнительного комитета⁵⁷. Декрет заявлял, что районные, волостные и городские бюджеты будут играть роль «основных местных бюджетов», бюджеты же местных органов более высокого уровня будут служить как «регулирующие бюджеты в отношении низших бюджетов». Эта мера передачи полномочий на более низкий уровень, предназначенная для того, чтобы обеспечить более тесные контакты между финансовыми органами и массами населения, наверное, и составила основное значение этого декрета.

КРЕСТЬЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ ВЗАИМОПОМОЩИ

Крестьянские комитеты взаимопомощи (кресткомы), которые стали предметом разногласий на проходившем в мае 1924 г. XIII съезде партии¹, были среди институтов, призванных сыграть свою роль в общей политике усиления связей с деревней. Попытка вдохнуть в них новую жизнь была предпринята в декрете РСФСР от сентября 1924 г. Их функции определялись там как оказание помощи семьям солдат и ветеранов войны, а также, в более широком смысле, беднейшим слоям населения; борьба с проблемами беспризорных детей, проституцией и пьянством и организация кооперативов и других форм коллективных предприятий: явно ожидалось, что эти последние мероприятия смогут дать кресткомам необходимые средства, поскольку иначе они зависели исключительно от взносов своих членов. Единственное содержавшееся в этом декрете официальное признание того классового характера, который некоторые желали приписать кресткомам, состояло во включении в число их функций обеспечение юридической помощи, в особенности тем, кто стремился расторгнуть несправедливые трудовые соглашения². Декрет этот ничего не урегулировал. В то время как некоторые по-прежнему продолжали надеяться — а другие бояться — того, что кресткомы будут, соревнуясь с комитетами крестьянской бедноты 1918 г., играть ведущую роль в новой кампании против кулачества, ряд людей привлекли внимание к более непосредственной опасности, которая была связана с тем, что они могут подпасть под доминирующее влияние кулаков³. Калинин, самый стойкий официальный сторонник кресткомов, признавал, что многие смотрят на них с сомнением и недовольством, и ограничился доводом, что поскольку перед Советским правительством стоит такая «исключительная по своей трудности задача организовать миллионное крестьянство в стране, где организационные навыки особенно слабы», то оно не может позволить себе пренебрегать помощью, которую могут оказать ей даже кресткомы⁴.

Кресткомы повторяли историю комбедов в одном отношении: они тоже были потенциальными соперниками сельских Советов и тоже порождали оппозицию по этой причине. Совещание по «оживлению Советов», заседавшее в январе и апреле 1925 г., было в целом по отношению к кресткомам неблагоприятно. Киселев, офи-

циальный докладчик, считал, что волостные исполнительные комитеты должны «направлять до некоторой степени деятельность кресткомов», и обрушился с яростными нападками против коррупции среди кресткомовских работников. Выплаты им в ряде случаев поглощают более 80% доходов комитета; в других случаях такие работники вообще прекратили всякую деятельность, а здания, предоставленные в распоряжение этих комитетов, продавали на дрова. Под началом некоторых кресткомов эффективно и с прибылью функционируют те или иные предприятия. Однако все это осуществляется в ущерб сельским или волостным советским органам, ибо в противном случае прибыли от этих предприятий получали бы они⁵. Один критически настроенный выступавший намекнул, что слово «взаимопомощь» присутствует только в одном лишь названии этих комитетов. В лучшем случае они осуществляют «прямую помощь» на принципах социального обеспечения; в худшем же случае — уговаривают середняка одолжить бедняку лошадь, чтобы в обмен бедняк косил, жал и молотил для него, способствуя таким образом организации «скрытой эксплуатации». Еще один выступавший оправдывал ошибки кресткомов на том основании, что они «используются кулаками»⁶. Более распространенная критика была направлена против существования на селе «многих параллельных организаций» — сельские собрания, миры, сельские Советы, крестьянские комитеты взаимопомощи; причем кресткомы не только «безжизненны», но они «даже иногда тормозят работу сельсоветов»⁷. Лишь у одного делегата нашлось что сказать в их защиту:

«Крестьяне говорят: «Комитет взаимопомощи наш, он за нас старается, а сельсовет не наш, он нас давит»⁸.

Молотов на проходившем в декабре 1925 г. XIV съезде партии упоминал об этих комитетах без всякого энтузиазма и с одобрением констатировал сокращение их числа за счет упразднения многочисленных «бумажных кресткомов»⁹. Три месяца спустя в партийном докладе признавалось, что «недоверчивое» отношение крестьян к кресткомам разделяют многие низовые партийные работники¹⁰. Комитеты продолжали существовать в течение нескольких лет, но никогда так и не достигли общественного или политического значения. Один беспристрастный наблюдатель, подводя в 1927 г. итоги их деятельности, высказал мнение, что они оказались между двумя стульями, не будучи ни действительно благотворительными организациями, ни настоящими кооперативами, и назвал их «учреждениями мертворожденными»¹¹.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ

Уклончивая концепция «революционной законности» продолжала играть важную роль в дискуссиях по юридическим и административным вопросам в середине 20-х годов. Впервые она появилась в период 1921—1922 гг., служа одновременно для обеспечения идеологической основы как системе нормальных регулируемых гражданским правом отношений, необходимость которых диктовалась НЭПом, так и системе стабильного управления при соблюдении юридических гарантий, которая должна была прийти на смену безудержной инициативе революционного произвола. В этом последнем своем качестве она была тесно связана с функциями прокурора, который превратился в верховного стража революционной законности¹. Определительный эпитет «революционная» был в то время дружно забыт, и концепция предстала как выражение торжества принципов безопасности и стабильности над принципами революции и классовой борьбы.

Неслучайно новая волна культа революционной законности была вдохновлена принятой осенью 1924 г. политикой «Лицом к деревне!», за которой последовал поворот в сторону состоятельного крестьянина и кампания по «оживлению Советов». Бухарин комментировал это в ноябре 1924 г. как «форсированную "нормализацию" советского режима» в интересах крестьянина и заявил, что «крестьянин должен иметь перед собой советский порядок, советское право, советский закон»². Дни, когда крестьянство было заинтересовано в насильственном присвоении помещичьей земли или когда бедняка подстрекали к захвату кулацких запасов, были так же далеки, как и те дни, когда большевики занимались свержением законно установленной власти. Теперь уже правительству было мало того, чтобы просто править страной, а состоятельному крестьянину — мало того, чтобы просто владеть землей и ее обрабатывать: оба нуждались в стабильности закона. Молотов извиняющимся тоном пояснил, что знаменитая фраза Ленина «Грабь награбленное» была произнесена «в самую горячую эпоху Октября» и представляла собой не более чем перефразированное на простом русском языке выражение об «экспроприации экспроприаторов»³. Народный комиссар здравоохранения Семашко проиллюстрировал функции закона на более доходчивом примере:

«Если по нашим законам гражданин имеет право владеть полным комплектом одежды, то никто не имеет право раздевать его на основе принципа равноправия только потому, что ему случилось встретить на улице человека без одежды»⁴.

Пожалуй, в этом контексте революционная законность как раз и явилась выражением той самой политики, которую Бухарин попытался кристаллизовать в злополучном лозунге «Обогащайтесь!».

Понятие революционной законности подразумевало, однако, и другое значение — а именно правовые нормы в управлении, — которое было не менее важным и типичным для времени, когда главной целью стало установление упорядоченной и эффективной советской системы в деревне. Прямым вкладом в решение этой проблемы были дискуссии о революционной законности на проходившем в январе 1925 г. совещании по «оживлению Советов»⁵. Каганович намерено прокомментировал это в таких выражениях, в каких эта тема представляла наибольшую притягательность для крестьянина:

«...Мы должны и можем уже сейчас сделать так, чтобы крестьянство почувствовало, что мы не на словах, а на деле стремимся к тому, чтобы бороться со случаями произвола, бюрократизма, волокиты, со всякими случаями безобразий, которые мы имеем в настоящее время»⁶.

Калинин же в свою очередь пояснил, что революционная законность «означает, что необходимо стремиться минимально прибегать к административным распоряжениям, так сказать, к административному произволу, — хотя бы этот произвол и преследовал самые благие намерения, — а также необходимо тщательнее проводить закономерность в области управления». И совещание с готовностью приняло резолюцию «Об укреплении начал революционной законности»⁷. Разговор на эту тему был продолжен на прошедшей три месяца спустя XIV партийной конференции, где вопрос о революционной законности впервые появился как один из пунктов партийной повестки дня. Накануне конференции «Правда» опубликовала текст конфиденциального письма Ленина от мая 1922 г., где он жаловался на «море беззакония», в котором погрязли советские дела, и на «местное влияние» как большого врага законности⁸. Поняв намек, конференция добавила в свою резолюцию, посвященную революционной законности, пояснение «в особенности в низовых органах власти»⁹. Резолюция прошедшего в следующем месяце III съезда Советов СССР вновь отождествила революционную законность с борьбой «с административным произволом, взяточничеством, грубым и невнимательным отношением к гражданам и вообще со всякого рода фактами злоупотребления властью»¹⁰. Бухарин пояснил, что «революционная законность должна заменить собою все остатки административного произвола, хотя бы даже и революционного»¹¹. Культ законности — хотя он и озаменовал собой победу новой фазы революции, которая установилась с введением НЭПа, —

все-таки был особенно ориентирован на решение практической задачи усовершенствования управления и по-прежнему был связан с политикой «оживления местных Советов».

Укрепление революционной законности привело к усилению полномочий и престижа прокурора Верховного суда. Среди конкретных рекомендаций совещания по «оживлению Советов» была рекомендация, чтобы представители органов прокуратуры совершали объезд деревень с целью инспектирования административных властей, а также приема и проверки «жалоб населения на бюрократизм, административный произвол и т. п. нарушения закона»¹². В течение следующего года эта часть прокурорских функций быстро получила широкое распространение¹³. Работа велась параллельно с деятельностью Рабкрина, причем прокурор занимался главным образом законностью, а Рабкрин — эффективностью; за недостатком прочих подходящих кадров была даже предпринята попытка привлечь к этой работе рабкоров и селькоров. На проходившей в апреле 1925 г. XIV партийной конференции Сольц пел им дифирамбы как «защитникам революционной законности» от административных злоупотреблений¹⁴. В журнале Нарковнудела прокурор и рабкеры с селькорами описывались как «родные братья»; там приводилась информация о большом количестве случаев, когда рабкеры и селькеры посылали в органы московской губернской прокуратуры доклады о разного рода правонарушениях¹⁵. Циркулярное письмо Центральной контрольной комиссии инструктировало местные органы Рабкрина поддерживать в своих районах связи с рабкорами и селькорами и привлекать их к работе Рабкрина и контрольных комиссий¹⁶.

В более поздний период, когда аграрная политика сдвинулась влево и когда желали дискредитировать Бухарина, внимание было вновь привлечено к использованию применительно к слову законность эпитета «революционная», а неподобающий акцент, который делался в те времена на законность в чистом и прямом смысле, стал рассматриваться как уклон.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 11. Уроки Октября

1. «Междуцарствие...», гл. 14.
2. Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale (n. d.), i, 30—39.
3. «VI съезд Ленинского Коммунистического Союза Молодежи», 1924, с. 13.
4. «Ленинградская правда», 1 августа 1924 г. В отдаленных районах этот культ стихийно принял экзотические формы. Распространявшиеся в Центральной Азии в стихотворной и прозаической форме легенды о Ленине собраны в: «Красная новь», № 7, сентябрь 1925 г., с. 306—309, и № 6, июнь 1926 г., с. 188—201. Излюбленной темой было изображать его как освободителя, посланного Аллахом, чтобы сделать людей счастливыми. Закавказская СФСР выпустила в феврале 1925 г. специальный декрет, запрещающий без одобрения Наркомпроса республики продавать и распространять скульптурные или живописные изображения Ленина («Собрание узаконений Закавказской СФСР», 1925, № 2, ст. 359). Спустя год был выпущен еще один декрет, который требовал, чтобы все проекты установления памятников «революционному вождю или другим лицам» на территории республики представлялись в ЦИК Закавказской СФСР (там же, 1926 г., № 5, ст. 651).
5. «Систематическое собрание действующих законов СССР», т. 1, 1926 г., с. 278—279.
6. Там же, с. 280.
7. «Собрание законов», 1924 г., № 8, ст. 83; № 11, ст. 108; № 25, ст. 209.
8. Там же, 1925 г., № 25, ст. 171.
9. И. Сталин. Соч., т. 6, с. 257—258. Об истории выражения «диктатура партии» см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9.
10. Статья была напечатана в «Правде» 23 августа 1924 г. Сообщение Зиновьева о том, что позиция Сталина была осуждена и что он, как было отмечено, подчинился и с готовностью признал свои ошибки, было сделано на XIV съезде партии в декабре 1925 г. и возражений не встретило. На заседании, где был вынесен этот вердикт, присутствовало, по словам Зиновьева, 15 или 17 большевиков-ленинцев; оно, по всей видимости, было идентично заседанию 17—19 августа 1924 г.
11. Эту точку зрения с энтузиазмом подчеркнул один из последователей Троцкого в своей статье, напечатанной в «Красной нови», № 4(21), июнь — июль 1924 г., с. 341—343.
12. «Ленинградская правда», 13 июня 1924 г.
13. Выступление Троцкого напечатано в: Л. Троцкий. Запад и Восток, 1924, с. 30—41. Этот и другие более сложные вопросы были затронуты в статье в «Большевике», № 2, 31 января 1925 г., с. 9—23.
14. Вардин, ленинградский партийный деятель и сторонник Зиновьева, с иронической вежливостью проанализировал эту брошюру в «Большевике», № 10, 5 сентября 1924 г., с. 80—85, обвинив Троцкого, что тот утаил свои былые расхождения с Лениным и с большевизмом, намекнув на его склонность к самовосхвалению и припомнив ему разные ошибки. Троцкий пространно ответил там же, № 12—13, 20 октября 1924 г., с. 92—104, и ответ его был прокоммен-

тирован в редакционной статье, напечатанной в том же выпуске журнала, с. 105—109.

15. *Междущаствие...*, гл. 14.

16. Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale (n. d.), ii, S. 583, 619.

17. Сведения об этом заседании содержатся в заявлении Зиновьева на Пленуме ЦК партии в июле 1926 г., сохранившемся в архивах Троцкого. В списке, данном Зиновьевым, не было таких лидеров первого и второго ранга, как Калинин, Молотов, Ярославский, Дзержинский и Фрунзе, — возможно, дело происходило в праздничные дни или просто список был неполным.

18. Троцкий назвал эту группу «тайным Политбюро» семерых (*Л. Троцкий. Моя жизнь*. Берлин, 1930, с. 240).

19. См., например, *Л. Каменев*. Статьи и речи, т. 10, 1927, с. 256; *А. И. Рыков*. Сочинения, т. III, 1929, с. 110; статью Семашко в «Известиях», 21 августа 1924 г.

20. О роли военных вопросов в кампании против Троцкого см. ниже, гл. 23.

21. О его самоубийстве упоминается в: *Л. Троцкий. Моя жизнь*. Берлин, 1930, т. II, с. 149, 295, а также «Сталин», Нью-Йорк, 1946, с. 390. Никаких подробностей неизвестно.

22. «Большевистская революция...», т. I, гл. 3.

23. «Междущаствие...», гл. 13.

24. Шеститомник произведений Зиновьева (*Г. Зиновьев*. Собрание сочинений, I—III, V, XV—XVI) вышел в свет в 1924 г. Предисловие к первому тому было датировано октябрём 1923 г. В том же году вышли три тома сочинений Троцкого. Согласно недатированному письму Троцкого к Рязанову, сохранившемуся в архивах Троцкого, договор Троцкого с Госиздатом предусматривал оплату редакторов и машинисток, сам же он ничего за это не получал.

25. «Уроки Октября» с пометкой «Кисловодск, 15 сентября 1924 г.» были напечатаны с отдельной нумерацией страниц (*Троцкий*. Сочинения, т. III, I, с. XI—XVII). Совершенно очевидно, что основная часть тома была собрана раньше.

26. «Большевистская революция...», т. I, гл. 3.

27. Там же, гл. 4.

28. *John Reed*. Ten Days that Shock the World. N. Y., 1919, p. 38. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 40, с. 48. Предисловие было написано Лениным в конце 1919 г., когда он прочитал книгу, но впервые было опубликовано в русском переводе книги, напечатанном в 1923 г. (там же, т. 40, с. 372, прим. 18).

29. Выпущенные 500 экземпляров были быстро распроданы, и в разгар дискуссии книгу уже невозможно было достать, что послужило причиной слухов, будто она была официально запрещена (*M. Eastman, Since Lenin Died*, 1925, p. 123).

30. *Л. Каменев*. Статьи и речи, т. II, 1929, с. 209—210.

31. «Большевик», № 14, 5 ноября 1924 г., с. 105—113.

32. «Бюллетень оппозиции». Париж. № 9. февраль — март 1930 г., с. 31—

34. Сходные свидетельства цитировались в: Сталинская школа фальсификации. Берлин, 1932, с. 101—108.

33. Текст, напечатанный в «Правде» и «Известиях» от 26 ноября 1924 г. под заголовком «Ленинизм или троцкизм?», был представлен как «стилистическая обработка» доклада, прочитанного по первому из упомянутых случаев; насколько точно он отражал то, что в действительности говорил Каменев, выявить не представляется возможным. Аудитория во время третьего выступления состояла из около 200 политкомиссаров, представителей центральных органов и штаба Красной Армии («Известия», 23 ноября 1924 г.), здесь было очевидно стремление обратиться к тем кругам, где Троцкий мог претендовать на определенное влияние. Речь неоднократно перепечатывалась в брошюрах, а также вошла в «Статьи и речи» *Л. Каменева*, 1925, с. 188—243.

34. Некоторые из этих выдержек цитировались в: «Большевистская революция...», т. I, гл. 3.

35. Цитированные отрывки в: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 81, т. 31, с. 137.
36. «Междущарствие...», гл. 13.
37. Там же, гл. 11.
38. О «центре», описанном в протоколах ЦК как «военно-революционный центр», см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 4. О нем не упоминается ни в одном документе, датированном ранее 1924 г., когда Сталин заново открыл его с целью преуменьшить роль Троцкого. Оценка этого события, данная в «оппозиционной платформе» 1927 г. (*L. Trotsky. The Real Situation in Russia* (п. д.), pp. 221—223) и дополненная деталями в цитированном уже Сталин, N. Y., 1946, pp. 332—335, представляется вполне правдоподобной.
39. В опубликованном варианте выступления Сталина этот отрывок, касающийся позиции Троцкого в 1917 г., снабжен обстоятельной сноской, где аналогичной критике подвергаются его воспоминания о событиях гражданской войны. Сталин, «будучи далек от того, чтобы отрицать важную роль т. Троцкого в гражданской войне», опровергает легенду о Троцком как о «главном организаторе побед на фронтах»; победы над Колчаком и Деникиным были достигнуты «вопреки планам тов. Троцкого».
40. Ленин о Троцком и троцкизме, под ред. *М. Ольминского*, 2-е издание, 1925, с. 217—219. Это письмо уже цитировалось в: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 2, с. 63. О публикации письма Троцкого к Ольминскому от 1921 г. см. ниже, с. 28.
41. *И. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 324—357. Речь была впервые опубликована (вместе с речью Каменева) в «Правде» и «Известиях» от 26 ноября 1924 г., обе они в течение последующих недель были неоднократно перепечатаны.
42. «Ленинградская правда», 25 ноября 1924 г., «Правда» и «Известия», 12 декабря 1924 г.
43. «Ленинградская правда», 13—20 ноября 1924 г.
44. Она появилась там же, ноябрь 1924 г., и была процитирована в «Известиях» 23 ноября 1924 г.
45. «Правда», 9 декабря 1924 г.; «Ленинградская правда», 10, 11 декабря 1924 г.
46. Статья Крупской была опубликована в «Правде» 16 декабря 1924 г.
47. Там же, 17 декабря 1924 г. Эта статья послужила предисловием к брошюре, озаглавленной «Наши разногласия в военном деле», которая содержала критику Троцкого за отказ признать марксистскую военную науку и была первоначально опубликована в виде двух статей в «Большевике», № 15—16, 10 декабря 1924 г., с. 34—49; № 1, 15 января 1925 г., с. 58—70.
48. «За ленинизм» (1925). Немецкое издание вышло под заголовком: «Um den October», 1925, а английское, содержащее только основные статьи, — под заголовком «The Errors of Trotskism» (CPGB, 1925). Предисловие Рыкова, впервые опубликованное в «Известиях» 23 декабря 1924 г., напечатано в: *А. И. Рыков. Сочинения*, т. III, 1929, с. 376—382. Статья об этом томе была напечатана в «Известиях» 22 января 1925 г.
49. Об этих статьях см. т. 1, гл. 5. Статья Бухарина в «Большевике» предшествовала чрезвычайно едкой неподписанной заметке против Троцкого, принадлежавшая, возможно, перу недавно вошедшего в редколлегию Ярославского.
50. «Известия», 28 декабря 1924 г.
51. О содержании этой статьи, в то время особого влияния не оказавшей, см. гл. 12.
52. Об этом назначении см.: «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 192—193. Как особо отмечалось, это назначение было сделано по настоянию Зиновьева и Каменева, несмотря на то что Угланов был, по-видимому, переведен в 1921 г. из Ленинграда в результате трений с Зиновьевым, сведения об обстоятельствах которых весьма противоречивы (там же, с. 510—512, 954—955). Дата назначения зафиксирована в: «Энциклопедический

- словарь Русского библиографического института Гранат», т. 61, I, 1927, Приложение, кол. 143; т. 61, III, 1928, Приложение, кол. 175—176.
53. См. гл. 20.
 54. «Правда», 19, 23 ноября 1924 г.; Internationale Presse-Korrespondenz, N 152, November 25, 1924, pp. 2065—2066.
 55. «Известия», 23 ноября 1924 г.
 56. «Ленинградская правда», 21 ноября 1924 г.; *И. Сталин. Соч.*, т. 7, с. 379; «Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 70.
 57. «Известия ЦК РКП(б)», № 11—12 (86—87), 23 марта 1925 г.
 58. «Справочник партийного работника», 1925, т. V, 1926, с. 319.
 59. «Известия ЦК РКП(б)», № 1 (176), 5 января 1925 г. Об отношении комсомола см. гл. 15.
 60. «Междущаствие...», гл. 9.
 61. Там же. Статья Куусинена была опубликована в «Правде» 30 ноября 1924 г. и в «Ленинградской правде» 2 декабря 1924 г., а также включена в коллективное издание «За ленинизм» в зарубежном варианте на иностранных языках.
 62. Die Internationale, vii, No. 9—20, October 1, 1924, S. 614—615, 618—621.
 63. «Правда», 21 ноября 1924 г.; Internationale Presse-Korrespondenz, N 154, November 28, 1924, S. 2106.
 64. «Междущаствие...», гл. 9.
 65. Там же.
 66. «Большевицкая революция...», т. 3, гл. 30.
 67. Тем не менее это было опубликовано в: Internationale Presse-Korrespondenz, N 164, December 19, 1924, S. 2254—2255, вместе с пространной статьей, содержавшей ответ на нее со стороны левых.
 68. Другой немецкий перевод с запозданием появился там же, № 18, 29 января 1925 г., с. 222—238, в том же самом выпуске, в котором было опубликовано и письмо Троцкого от 15 января 1925 г. и осудившее его решение ЦК партии (см. выше, с. 27).
 69. Там же, № 157, 5 декабря 1924 г., с. 2130—2131; № 163, 16 декабря 1924 г., с. 2240; № 166, 22 декабря 1924 г., с. 2283—2284.
 70. «Известия», 13 декабря 1924 г.
 71. *Л. Троцкий. Моя жизнь*. Берлин, 1930, с. 259.
 72. Ленин о Троцком и троцкизме под ред. *Ольминского*, 2-е издание, 1925, с. 219—220.
 73. *Л. Каменев. Статьи и речи*. 1929, т. II, с. 285.
 74. «Правда», 10 декабря 1924 г. Статья была перепечатана в: *Л. Каменев. Статьи и речи*, 1925, т. I, с. 244—249.
 75. Экземпляр, который находится в архивах Троцкого (Т 2969), содержит пометку «Только копия. Напечатано не было» и дату «Конец ноября 1924 г.», по всей видимости добавленную позже. Единственным точным подтверждением даты служит ссылка в сноске статьи Куусинена, опубликованной в «Правде» 30 ноября 1924 г.
 76. «Экономическая жизнь», 10 декабря 1924 г.
 77. «Междущаствие...», гл. 12.
 78. Письмо Троцкого было опубликовано в: «Известия ЦК РКП(б)», № 3, (78), 19 января 1926 г., «Правда», 20 января 1925 г. Английский перевод с одним пропуском появился в: *M. Eastman. Since Lenin Died*, 1925, pp. 155—158.
 79. Никакого протокола об этих дискуссиях не публиковалось, и информация о них исходит из воспоминаний участников почти год спустя (*И. Сталин. Соч.*, т. 7, с. 379—380; «XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 276 (Томский), с. 318 (Калинин), с. 458—459 (Зиновьев); Ленинградская организация и XIV съезд, 1926, с. 70 (Андреев). Елейное объяснение, которое дал своей позиции Сталин, примечательно его явным стремлением избежать крайностей: «Мы... знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекали, завтра другого, послезавтра третьего — что же у нас останется в партии?»

80. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 636—641. Согласно *И. Сталин*, Соч., т. 8, с. 295, проект резолюции был подготовлен Зиновьевым. Ссылка в резолюции на «европейский» характер троцкистской «ереси» была в то время излюбленной идеей Зиновьева. Он говорил о «европейских» теориях троцкизма в своей статье «Пролетариат и крестьянство», опубликованной в «Известиях» 13 января 1925 г.

81. Имена инакомыслящих официально обнародованы не были, однако их разгласил Каменев на московской губпартконференции 27 января 1925 г. (*Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 58). Крупская была членом Центральной контрольной комиссии и, по всей видимости, проголосовала за эту резолюцию. Правдин был одним из 22, кто обратился в Коминтерн после исключения в 1922 г. из партии Мясникова («XI съезд РКП(б)», 1936, с. 732. Об обращении см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8); в тот раз он избежал конкретных санкций, по-видимому как второстепенный участник.

82. «Правда», 31 января 1925 г., вместе с полной биографией Фрунзе 21 января 1925 г. сразу же после резолюции ЦК «Правда» опубликовала пространную статью Фрунзе, озаглавленную «Как Красная Армия выполняет наказы Ленина».

83. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 484.

84. Это сообщение вместе с биографией Уншлихта появилось в «Правде» 7 февраля 1925 г.

85. *Л. Троцкий*. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 261.

86. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8.

87. «Междущарствие...», гл. 14.

88. «Бюллетень оппозиции». Париж. № 75—76, март — апрель 1939 г., с. 32.

89. К позиции Троцкого можно, не меняя ни слова, применить описание нерешительности «либеральных» католических епископов, которые выступали в 1871 г. против провозглашения указа о папской непогрешимости: «Епископы, даже те из них, кто принадлежал к меньшинству, столь долго культивировали в себе привычку к слепому повиновению, что в конце концов стали уже органически не способны к действенной оппозиции... Всякий раз, когда у них появлялось искушение отклонить какой-нибудь указ, они решали, что лучше побережь силы для главного сражения, но к моменту, когда это сражение наступило, оказалось, что и силы, и решимость уже растрacены» (*G. Himmelfarb*. Lord Acton, 1952, p. 107). К описанию позиции Троцкого полностью применимы слова того, кто следующим образом говорил о мотивах своего отречения в великий момент действий: «Это было актом чистого повиновения, он не был основан на устранении мотивов моей оппозиции к этим указам» (неопубликованное высказывание, цитированное там же, с. XXVI—XXVII). Троцкий, по справедливому утверждению Зиновьева, делал «попытки все отрицать, ничего не признавать, ограничиться формальным, лояльным «Я слушаюсь» («Ленинградская правда», 5 февраля 1925 г.).

90. Речь Каменева была напечатана в «Известиях» 30 января 1925 г. и в: *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 7—59; речь Зиновьева — в «Известиях» 6 февраля 1925 г.

91. *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 44, 59.

Глава 12. Социализм в одной стране

1. См. гл. 11.

2. *Л. Троцкий* Перманентная революция. Берлин, 1930, с. 168.

3. См. выше, с. 13.

4. Об этих дискуссиях см.: «Большевистская революция...», т. I, гл. 3.

5. В этом письме ЦК партии от 15 января 1925 г. Троцкий писал, что «формула «перманентной революции... целиком относящаяся к прошлому», если и упоминалась им по какому-то современному поводу, то это было в порядке

«обращения к прошлому», а не в порядке выяснения нынешних политических задач».

6. По поводу позиций, занятых различными лидерами осенью 1923 года относительно германской проблемы, см. «Междущарствие...», гл. 9.

7. Там же, гл. 14.

8. *И. Сталин*. Соч., т. 6, с. 349.

9. Там же, т. 6, с. 358—401.

10. См. гл. 11.

11. Три эти процитированные Сталиным выдержки из Ленина см. в: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354—355; т. 25, с. 183—206. Вопрос о правомерности той интерпретации этих цитат, которую придал им Сталин, носит, возможно, чисто академический характер. Цитата, относившаяся к 1915 г., из которой была взята эта знаменитая фраза, первоначально использовалась применительно к захвату власти, а не к строительству социалистической экономики; нет к тому же никаких доказательств, что Ленин вообще имел в виду именно Россию. Как видно из контекста, Ленин пытался парировать возможный аргумент со стороны, скажем немецких рабочих, что они не начнут революцию, пока не смогут рассчитывать, что одновременно с ними поднимутся и французские рабочие. Позднее Зиновьев, упорно отказываясь признать, что эта цитата относится не к России, лишил себя возможности воспользоваться этим аргументом (*Г. Зиновьев*. Ленинизм, 1925, с. 297—298); однако Каменев вполне убедительно возражал, что это относилось и могло относиться только к Западной Европе («XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1927, с. 475). По мнению Троцкого, эта цитата Ленина была «опрокинута на голову и безграмотно истолкована» (*Л. Троцкий*. Перманентная революция. Берлин, 1930, с. 125). На первый взгляд более убедительными кажутся две цитаты, относящиеся к позднейшему периоду. Однако в 1918 г. Ленин уже описал большевистскую стратегию как направленную на то, чтобы «провести максимум осуществимого в одной стране для развития поддержки, пробуждения революции во всех странах» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 304; как в контексте оригинала, так и в цитировании его Сталиным в марте 1923 г., *И. Сталин*. Соч., т. 5, с. 179, явно делается особое ударение на международных целях большевизма). Не вполне ясно, что ответил бы Ленин, если бы спросить у него, подразумевал ли он в двух последних отрывках больше, чем сказал. Однако бессмысленно размышлять о позиции которую занял бы Ленин по поводу непредвиденных обстоятельств, случившихся, когда его уже не было в живых.

12. В собрании сочинений Сталина есть одно датированное 25 января 1925 г. письмо к неизвестному корреспонденту, где он объясняет и отстаивает эту теорию (*И. Сталин*. Соч., т. 8, с. 16—18), но опубликовано это было впервые только в 1947 г.

13. Этот вопрос будет рассмотрен в части V следующего тома.

14. *Н. Бухарин*. Текущий момент и основы нашей политики, 1925, с. 7—9; ссылка в статье в журнале «Социалистическое хозяйство», 1925, № 3, с. 6 (опубликованной в мае 1925 г. на «вопрос, поставленный Бухариным, о возможности построения социализма в одной стране»), показывает, что в тот момент этот вопрос был тогда еще непривычным и не ассоциировался с именем Сталина.

15. *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, с. 141.

16. О письме МГК партии, откуда взята эта цитата, см. гл. 16.

17. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 135—136.

18. *И. Сталин*. Соч., т. 8, с. 73.

19. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 397—398. Подтверждением того впечатления, что на заседании Политбюро в апреле 1925 г. эта проблема всерьез не обсуждалась, могут служить выступления на XIV съезде партии Бухарина и Молотова; когда Каменев назвал апрельскую резолюцию «компромиссом» (там же, с. 471), Бухарин парировал, что «мы только сегодня об этом узнали», а Молотов — что «до вчерашнего дня Каменев и Зиновьев нигде о своем несогласии с этой резолю-

цией не упоминали» (там же, с. 602, 662). Томский (там же, с. 277) тоже упоминает о дискуссии как о деле, не выходящем за рамки привычного.

20. Труды Исполкома Коминтерна будут рассмотрены в части V следующего тома.

21. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 383; эти заметки были впервые опубликованы в «Большевике», № 7, 15 апреля 1925 г., с. 72—80.

22. Выраженная в докладе на конференции позиция по этому вопросу Зиновьева была многословной и довольно путаной: «При всей технической отсталости нашей страны мы можем и должны продолжать строительство, мы должны построить и построим социализм, несмотря на замедленный темп международной революции. Мы ясно сказали, что окончательная победа лежит на международной арене, что замедленный темп революции задерживает не саму победу, а отодвигает только ее срок» («XIV конференция РКП(б)», 1925, с. 244). О сталинской интерпретации этого различия см. гл. 18.

23. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 26—31.

24. И. Сталин. Соч., т. 8, с. 266.

25. Там же, т. 7, с. 109—121.

26. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 158.

27. Л. Каменев. Статьи и речи, 125, т. I, с. 229.

28. «Социалистический вестник». Берлин, № 11—12 (105—106), 20 июня 1925 г., с. 21.

29. Например, Устрялов в своей статье от 7 ноября 1925 г. приветствовал это как «национализацию Октября» (Н. Устрялов. Под знаком революции, 2-е издание, 1927, с. 212—218).

30. Относительно Зиновьева см. гл. 18; Л. Троцкий. Перманентная революция. Берлин, 1930, с. 168.

31. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.

Глава 13. Трещина в триумвирате

1. См. гл. 11.

2. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 193. Тот факт, что Угланов переметнулся от Зиновьева и Каменева к Сталину, подтверждается в книге Б. Базанова «Сталин», немецкий перевод с французского, 1931, с. 37—38. Переход, возможно, совершился постепенно, так что назвать точные даты не представляется возможным.

3. См. гл. 11.

4. См. гл. 15. Позднее, пытаясь создать базу для независимой оппозиции в Ленинграде, Бухарин упоминал об этом как о «второй стадии» («Известия», 10 января 1926 г.).

5. По поводу этой конференции см. т. I, гл. 5, прим. 2. Статья в «Ленинградской правде» от 12 декабря 1924 г. резко критиковала мнение большинства как подразумевающее, будто «рабкоры вообще не имеют ничего общего с партией». Бухарин ответил на это в статье, перепечатанной в книге: Н. Бухарин. О рабкоре и селькоре, 1925, с. 68—73. Об истории этого вопроса см. статью в «Ленинградской правде» от 4 февраля 1925 г.

6. Г. Зиновьев. Лицом к деревне!, 1925, с. 66—67. О патронаже, см. гл. 22. Каковы бы ни были прочие качества Саркиса, он, очевидно, был все-таки немногом *frondeur*: его резкие нападки в «Ленинградской правде» от 18 марта 1925 г. на партийное образование вызвали несколько разгневанных ответов и последовавшее вслед за этим редакционное опровержение (там же, 31 марта 1925 г.).

7. Цитируется по стенографической записи этой конференции, опубликованной в: И. Сталин. Соч., т. 7, с. 380. Выступление Саркиса вкратце освещалось в «Ленинградской правде» от 28 января 1925 г.

8. См., например, там же, 13 февраля и 3 марта 1925 г.; «Правда», 28 февраля 1925 г., где были резкой критике подвергнуты ленинградские рабкоры.

9. «Большевик», № 13—14, 31 июля 1925 г., с. 65—75. О Вардине см. гл. 14.
10. «Известия ЦК РКП(б)», № 22—23 (97—98), 22 июня 1925 г.
11. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 61.
12. «Ленинградская правда», 11 апреля 1925 г.
13. Там же, 16 апреля 1925 г.
14. Там же, 18 ноября 1925 г. Этот отрывок Рудзутак процитировал на XIV съезде партии.
15. Выступление Сафарова по этому случаю, освещенное в «Ленинградской правде» от 13 мая 1925 г., было проигнорировано в «Правде». Раздражение Москвы в связи с этим эпизодом было выражено на XIV съезде партии.
16. «Ленинградская правда», 21 ноября 1925 г.
17. Там же, 6 декабря 1925 г.
18. «Известия ЦК РКП(б)», № 40 (115), 19 октября 1925 г., № 43—44 (118—119), 16 ноября 1925 г. Критерием классификации, конечно, было социальное происхождение, а не текущий вид деятельности (см. т. I, гл. 3).
19. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», 1928, с. 19.
20. «Ленинградская правда», 9 декабря 1925 г.
21. Там же, 13 января 1925 г.
22. Там же, 5 февраля 1925 г. Это замечание было сделано Лениным в одной из его последних статей «Лучше меньше да лучше» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 45, с. 405). Речь Зиновьева была произнесена на ленинградской губпартконференции 26 января 1925 г.
23. См. речь, упомянутую в предыдущем примечании.
24. *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 94.
25. «Междоусобица...», гл. 13.
26. Т. I, гл. 5.
27. О выступлении Каменева и Зиновьева и реплике Сталина см. т. I, гл. 5.
28. Это был момент, когда явное превосходство Сталина стало впервые бросаться в глаза. Один проницательный наблюдатель из Москвы писал в «Социалистическом вестнике». Берлин, № 11—12 (105—106), 20 июня 1925 г., с. 21: «Судя по некоторым данным, героем дня будет Сталин: его портреты на обложках иллюстрированных журналов, его бюсты в окнах книжных магазинов, его речи печатаются отдельными оттисками на другой день после произнесения».
29. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 197.
30. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.
31. Неопубликованное заявление от 22 декабря 1925 г. (см. гл. 18). Ту же истину, только в перевернутом виде, признавал и сам Зиновьев: «Эта попытка громить ленинградскую организацию... теснейшим образом связана со всем социальным переплетом в стране» («XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 451—452).
32. Т. I, гл. 5. О смысле, вкладываемом в данный контекст в термин «отступление», см. ниже, с. 60.
33. «Ленинградская правда», 31 мая 1925 г.
34. Т. I, гл. 5.
35. Там же. Речь, произнесенная в июне 1925 г., где Зиновьев привлекал внимание к происходившим в то время волнениям в Марокко и Китае и делал из этого заключение, что «перед нашими глазами разгорается не просто европейская революция, а настоящая *мировая* революция» («Известия», 16 июня 1925 г.), и статья на ту же тему под заголовком «Эпоха войн и революций» (там же, 28 июня 1925 г.) можно было бы рассматривать как свидетельство растущего протеста против «социализма в одной стране», однако все-таки главным фактором, определившим перемену фронта Зиновьевым, была, пожалуй, скорее крестьянская ориентация.
36. Об этом заседании см. гл. 20.
37. Сообщение об этой катастрофе было вместе с некрологами напечатано

в «Правде» от 24 марта 1925 г. О Мясникове см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 5.

38. Рассказ Троцкого об этом опубликован в: «Бюллетень оппозиции». Париж, № 73, январь 1939 г., с. 11—12. К этому моменту воображение начинает играть существенную роль в реконструкции Троцким событий прошлого.

39. *Л. Троцкий. Моя жизнь*. Берлин, 1930, т. II, с. 261. Второе из этих назначений объясняет причину того интереса, который он проявлял с самого начала к проекту Днепростроя (см. т. I, гл. 6); о третьем см. *N. Ipatieff. The Life of a Chemist*. Stanford, 1946, pp. 412, 423—424. Согласно этой книге, Троцкий отказался принять на себя какую бы то ни было ответственность за эту работу и вскоре перестал посещать заседания. Троцкий был освобожден от должности председателя Главэлектро в январе 1926 г. «по его собственной просьбе» («Экономическая жизнь», 28 января 1926 г.) — возможно, в данном случае это рутинное выражение на самом деле соответствовало действительности.

40. Среди них была речь, посвященная памяти его бывшего сотрудника Склянского («Известия», 23 сентября 1925 г.; сообщение о смерти Склянского было опубликовано там же, 29 августа 1925 г. вместе с написанным Троцким некрологом. О Склянском см. гл. 23), а также речь памяти Менделеева на химическом конгрессе (*N. Ipatieff. The Life of a Chemist*. Stanford, 1946, p. 417).

41. Т. I, гл. 10.

42. Текст этого письма см. в книге: *Л. Троцкий. Моя жизнь*. Берлин, 1930, т. II, с. 251—252. Точность ссылок на него Истмена позволяет предположить, что он видел письмо: это, конечно, было первым упоминанием о нем в печати.

43. «Междущарствие...», гл. 11.

44. Телеграмма Джексона и заявление Троцкого были опубликованы в «Правде» от 9 мая 1925 г. В «Санди уоркер» заявление появилось 10 мая 1925 г. в сопровождении резкой рецензии Джексона на книгу Истмена, озаглавленной «Бедный Троцкий».

45. Источниками сведений об этом инциденте являются заявление Троцкого от 1 июля 1925 г., опубликованное в «Санди уоркер» от 19 июля 1925 г. и в «Большевике», № 16, 1 сентября 1925 г., с. 67—70, а также его письмо из Алма-Аты от 11 сентября 1928 г., опубликованное в: «Бюллетень оппозиции». Париж, № 19, март 1931 г., с. 38—39. Предпринятая Троцким в письме от 1928 г. попытка разделить ответственность за принятое им решение подписать это заявление с «ведущей группой оппозиции» представляет собой патетическую отговорку. Нельзя считать, что в полной мере соответствует действительности и его оправдание, будто это заявление «ни в личном, ни в политическом плане не бросало никакой тени на товарища Истмена». Это был один из поступков в карьере Троцкого, о котором, оглядываясь назад, он должен был вспоминать, испытывая наименьшее удовлетворение.

46. Об этой истории см. «Междущарствие...», гл. 11. Сам Троцкий рассказ об этом в своем письме от 24 октября 1923 г. (там же, гл. 12).

47. Поскольку оригиналы текстов этого заявления и письма Крупской были, скорее всего, написаны по-русски, я предпочел сделать свой собственный перевод, отказавшись от использования неуклюжего, хоть и не содержавшего серьезных ошибок, английского текста, опубликованного в «Санди уоркер».

48. С ней «с разрешения президиума» были ознакомлены делегаты XIV съезда партии, что было несколько мелодраматично описано Андреевым как «ультиматум большинству ЦК в виде платформы», «Ленинградская организация и четырнадцатый съезд», 1926, с. 72.

49. «Междущарствие...», гл. 11.

50. Т. I, гл. 9.

51. См. по этим вопросам: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.

52. Интересно отметить, что, когда эту политику, обретшую в конце концов форму НЭПа, начали впервые обсуждать в 1920 г., присоединившийся впоследствии к «рабочей оппозиции» Осинский сразу же подверг ее критике как «прокулацкую политику» («Большевистская революция...», т. 2, гл. 17).

53. *Л. Троцкий. Литература и революция*, 1923, с. 73, 80.

54. «Ленинградская правда», 18 июня 1925 г. Эта речь была произнесена на Всесоюзной комсомольской конференции в Москве.
55. На XIV съезде партии Зиновьев привел и подверг критике это выражение из статьи Слепкова, однако в стенографический отчет это не вошло.
56. *Г. Зиновьев*. Ленинизм, 1925, с. 223, 226, 255.
57. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.
58. Об этой дискуссии см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16. Статья Бухарина, содержащая резкую критику «государственного капитализма», была опубликована в: «Коммунист», № 3, 16 мая 1918 г., с. 8—11.
59. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.
60. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 222—225.
61. Ленинский сборник, т. IV, 1925, с. 383—384.
62. «Правда», 8 февраля 1922 г.
63. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 84—85.
64. См., например, важную статью в журнале «Народное хозяйство», № 6—7. июнь — июль 1921 г., с. 20—42.
65. Protokoll des Vierten Kongress der Kommunistischen Internationale (Hamburg, 1923), S. 276.
66. *Л. Троцкий*. Сочинения, т. 21, с. 158—159. В статье, на которую делается ссылка, Ленин упоминал о сомнениях, которые вызывали у некоторых «молодых товарищей» его взгляды на государственный капитализм, и использовал несколько нарочито туманных выражений, которые можно толковать так, что государственный капитализм ограничивается теперь практически только концессиями (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369).
67. «Вестник Социалистической академии», 1922, т. II, с. 182, 1923, т. VI, с. 304.
68. «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», 1924, с. 5.
69. «Красная новь», № 4, май 1925, с. 265—266.
70. *Г. Зиновьев*. Ленинизм, 1925, с. 234, 236, 251—258.
71. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369.
72. Об антикулацкой линии Сокольников см. т. 1, гл. 11. Сокольников точно определил осенью 1925 г. свою позицию в следующих выражениях: «Я защищал точку зрения необходимости, наряду с обеспечением возможности быстрого подъема сельского хозяйства как базы мощной промышленности, отчетливой классовой политики в деревне» («Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, ч. III, 1928, Приложение, с. 97). Однако он не объяснил, каким образом можно было бы примирить друг с другом эти две явно несовместимые цели.
73. Одним из многочисленных парадоксов, связанных с этой историей, является то обстоятельство, что обвинение это было выдвинуто триумфатором против оппозиции 1923 г. во время кризиса «ножниц». «Что у них общего? — спросил в январе 1924 г. во время XIII партийной конференции Каменев, имея в виду Преображенского и Красина, и ответил: «Общее у них — паника, неверие в то, что элементы социалистического хозяйства действительно растут в нашей бедной, нищей, ограбленной России». И ту же самую тему подхватил Микоян: «Этот панический тон в речах нашей оппозиции, особенно у т. Пятакова, имеет свои корни во временных неудачах германской революции... в отсутствии у этих товарищей веры в наши силы». Несколько позже Бухарин писал о «скрытых скептиках», среди которых «считается признаком дурного тона говорить о нашем продвижении вперед» («Большевик», № 2, 1924, с. 8).

Глава 14. Дискуссии о литературе

1. Об этой группе см. т. 1, гл. 2.
2. Сообщение об этом журнале, написанное одним из его сотрудников, было напечатано в: «Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и

- языка», т. 13, 1954, с. 339—358. В период с марта 1923 г. по март 1925 г. вышло всего семь номеров этого журнала.
3. «Литературная энциклопедия», т. I, 1930, с. 28—29. Авербах явно имел в партии репутацию подающего надежды молодого человека: Троцкий написал предисловие к его книге, опубликованной в 1923 г. под названием «Вопросы юношеского движения и Ленин» (*Л. Троцкий. Сочинения*, т. 21, с. 354—355, прим. 124).
4. Цитируется в переводе, данном в книге: *G. Reavey and M. Slonim, Soviet Literature: an Anthology*, 1933, p. 405. Манилов — самодовольный землевладелец из гоголевских «Мертвых душ».
5. *Л. Троцкий. Сочинения*, т. 21, с. 157—159. О Плетневе см. т. I, с. 63.
6. *Л. Троцкий. Литература и революция*, 1923, с. 9.
7. Там же, с. 159—268.
8. Там же, с. 91—116.
9. «Правда», 16 октября 1923 г.
10. Цитируется из «Рабочей Москвы» по публикации Пролеткульта: *Н. Чужак. Литература*, 1924, с. 74—76. В то время Бухарин не был особенно связан с «попутчиками», но написал предисловие к роману «Хулио Хуренито» И. Эренбурга, который еще с юношеских лет был его старым товарищем (см. т. I, гл. 4).
11. «Правда», 19 февраля 1924 г. Восемь подписавших были: Авербах, Безыменский, Вардин, Волин, Ингулов, Лелевич, Либединский и Родов.
12. «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе», 1924, с. 106—107.
13. «Отчет о выступлениях был опубликован в: «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе», 1924, и перепечатан в: «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата», 1925, с. 56—139.
14. Вардин был грузинского происхождения, его настоящая фамилия — Мгеладзе («Литературная энциклопедия», 1930, т. II, с. 105, содержит упоминание: «Вардин, см. Мгеладзе», однако к 1934 г., когда вышел в свет соответствующий том, на имена участников оппозиции уже было наложено табу и обещанная статья так и не появилась). Он участвовал в левой оппозиции в 1918 г., а с 1922 до 1924 г. возглавлял подотдел печати ЦК («IX съезд РКП(б)», 1934, с. 581).
15. Это было опубликовано в журнале «Красная новь», № 3 (20), с. 540. май 1924 г., с. 306—307, с примечанием Воронского, что это было принято «подавляющим большинством» голосов.
16. «Тринадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1924, с. 540.
17. «ВКП(б) в резолюциях...», 1942, т. I, с. 602.
18. Его выступление в отличие от других выступлений на этой конференции было неприметным образом прокомментировано в «Правде» от 15 января 1925 г., а также напечатана в: *В. Полонский. Очерки литературного движения 1925 г.*, где отмечалось несогласие с некоторыми из высказанных им точек зрения.
19. Резолюция была «для информации» опубликована в «Правде» от 1 февраля 1925 г., а также напечатана в: *В. Полонский. Очерки литературного движения революционной эпохи*, 2-е издание, 1929, с. 173—174.
20. Это выступление было опубликовано в журнале «Красная новь», № 4, май 1925 г., с. 263—272, и перепечатано в: «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата», 1925, с. 140—152.
21. Об этом случае см. т. I, гл. 2.
22. В результате конференции, проведенной в январе 1925 г., была создана новая Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), занявшая место более или менее угасавшего ВАППа. МАПП был ее московским отделением. После 1928 г. название ВАПП появилось вновь, обозначая Всесоюзную ассоциацию пролетарских писателей («Литературная энциклопедия», т. 9, 1935, с. 519—521).
23. *М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. 3, 1927, с. 150—155.
24. «Правда», 1 июля 1925 г.; опубликовано также в: «Справочник партийного работника», т. V, 1925, 1926, с. 349—352.

25. «Большевик», № 11—12, 30 июня 1925 г., с. 9—19. О Пролеткульте см. т. 1, гл. 2.
26. «Большевик», № 15, 15 августа 1925 г., с. 66—77; № 16, 1 сентября 1925 г., с. 58—65.
27. В процитированной выше статье Слепков обсуждает вопрос о позициях, которые следовало бы занять «попутчикам», пользуясь языком, который наводит на мысль об аналогии с середняком: «Не политика «жми-дави», а последовательная, систематическая критика, товарищеская работа по подтягиванию к нашим позициям, к нашим взглядам, нашим стремлениям и нашим идеалам тяготеющих к нам элементов из непролетарской части советского общества».
28. «Литературная энциклопедия», т. 9, 1935, с. 521, приписывает причину раскола непосредственно резолюции 18 июня 1925 г., однако на самом деле это произошло несколько позднее и явилось, на наш взгляд, отражением развития борьбы в партии. Авербах позднее говорил, что его разногласия с левыми начались за шесть месяцев до съезда партии («Большевик», № 7—8, 30 апреля 1926 г., с. 112), однако к этому времени он был очень озабочен тем, чтобы создать впечатление, будто оттолкнул их как можно раньше. После раскола Лелевич утверждал, и, несомненно справедливо, что он, Вардин и Родов возглавляли большинство в ленинградском отделении РАППа (там же, № 9—10, 30 мая 1926 г., с. 91).
29. См. об этом гл. 16.
30. «Большевик», № 3, 15 февраля 1926 г., с. 88—95; № 4, 28 февраля 1926 г., с. 37—48; № 9—10, 30 мая 1926 г., с. 86—93. Авербах написал в защиту своей позиции статью: там же, № 7—8, 30 апреля 1926 г., с. 101—114; козырем его был аргумент, что «ультралевые теории, которые развивались Вардинами... порождены политическими теориями оппозиции».

Глава 15. Комсомол

1. «Девятый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1934, с. 387.
2. «ВЛКСМ в резолюциях...», 1929, с. 10.
3. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 311.
4. Комсомольская делегация жаловалась, что многие члены партии обращались с комсомольцами так, будто «это малыши какие-то, занимаются пустяками, только мешают взрослым» («VIII съезд ВКП(б)», 1933, с. 300—301).
5. «Первый Всероссийский съезд РКСМ», 3-е издание, 1926, с. 40.
6. «Правда», 24 августа 1919 г., «Справочник партийного работника», т. I, 1921, с. 141—142.
7. Первый съезд комсомола принял резолюцию, где «требовал» от Наркомпроса ассигнований для организации Союза («ВЛКСМ в резолюциях...», 1929, с. 11). Один из делегатов вспоминал позднее о визите нескольких делегатов к Ленину, в конце которого Ленин написал Свердлову, исполнявшему тогда обязанности секретаря партии, записку с просьбой выделить ЦК комсомола 10 тыс. рублей (*А. Киров и В. Далин*. Юношеское движение в России, 1925, с. 244—245). Позднее контроль со стороны партии стал более жестким, и региональные отделения комсомола стали финансироваться через региональные комитеты партии («Известия ЦК РКСМ», № 1, 26 марта 1920 г., с. 1).
8. «II Всероссийский съезд РКСМ», 3-е изд., 1926, с. 7.
9. «ВЛКСМ в резолюциях...», 1929, с. 15—16.
10. «II Всероссийский съезд РКСМ», 3-е изд., 1926, с. 109.
11. Об этом упоминал один из комсомольских делегатов на IX съезде партии в марте 1920 г., однако этот съезд не принял по вопросу о комсомоле никаких резолюций.
12. *А. Шокин*. Краткая история ВЛКСМ, 2-е изд., 1928, с. 89, 92—94.
13. «ВКП(б) о комсомоле», 1938, с. 80—82.
14. «III Всероссийский съезд РКСМ», 1926, с. 89.
15. «Правда», 3 октября 1920 г.
16. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 298—318. Эта речь была при-

нята не очень хорошо; ответы Ленина на посланные в президиум «многочисленные записки», очевидно, зафиксированы не были (там же, прим. 192). Согласно официальной истории, комсомольская аудитория «только что вернулась после побед в гражданской войне и, находясь на низком уровне политического опыта, не была готова к тому, чтобы полностью понять ленинское обращение» (А. Шокин. Краткая история ВЛКСМ, 2-е изд., 1928, с. 87—88).

17. «III Всероссийский съезд РКСМ», 1926, с. 235. Позднее Дунаевский был прощен и вновь появлялся на комсомольских конференциях и съездах, но в ЦК уже больше не избирался.

18. Там же, с. 257—261.

19. «ВЛКСМ в резолюциях...», 1929, с. 42—51; на X съезде партии в марте 1921 г. Рязанов хотел снизить верхний возрастной предел до 18 лет, но поддержки ему добиться не удалось.

20. В партийной брошюре «Троцкизм и молодежь», 1924, с. 4—5, с неодобрением упоминается об «очень широко распространенной легенде о Троцком как „вождя молодежи“».

21. В качестве типичного отрывка из «Нового курса» см. «Междущарст-вие...», гл. 13.

22. «VI съезд РКСМ», 1924, с. 53.

23. Т. I, гл. 3.

24. «Справочник партийного работника», т. IV, 1924, с. 255—257.

25. «Междущарст-вие...», гл. 13.

26. Л. Троцкий. Новый курс, 1924, с. 100—104. Это заявление подписали члены ЦК комсомола В. Далин и Федоров, считавшиеся одними из основателей комсомола Безыменский, Пеньков и Дугачев, бывшие секретари Московского комитета Делюсин и Трейвас, а также сотрудник ЦК и будущий историк комсомола Шокин.

27. «Правда», 21 декабря 1924 г.

28. А. Шокин. Краткая история ВЛКСМ, 2-е изд., 1928, с. 130—131.

29. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 613. Об этой «ереси» говорилось в июле 1924 г. на VI съезде комсомола, где она была названа «страусовой политикой» («VI съезд РКСМ», 1924, с. 144, 349).

30. Там же, с. 177, где белорусская делегация жаловалась на непрерывную спешку местной организации.

31. И. Сталин. Соч., т. 6, с. 65—68.

32. «Тринадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1924, с. 157—159.

33. «VI съезд РЛКСМ», 1924, с. 49—50, 349.

34. Там же, с. 143.

35. «Правда», 3 июня 1924 г.

36. А. Шокин. Краткая история ВЛКСМ, 2-е изд., 1928, с. 115; О «ленинском призыве» см.: «Междущарст-вие...», гл. 14.

37. «Троцкизм и молодежь», 1924, с. 41—47.

38. «Ленинградская правда», 12 ноября 1924 г.

39. «Троцкизм и молодежь», 1924, с. 48.

40. См. гл. 11.

41. На XIV съезде партии Чаплин сначала сказал, что «некоторые члены Политбюро» подстрекают комсомол, а когда от него потребовали, чтобы он привел имена, он назвал Зиновьева; Зиновьев фактически признал обвинение справедливым («XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 376, 460). Горлов на VII съезде комсомола в марте 1926 г. сказал, что оппозиция в комсомоле была приведена в движение оппозицией в партии: это было «первым разведывательным отрядом нашей партийной оппозиции».

42. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 845.

43. Н. Чаплин. Партийная оппозиция и комсомол, 1926, с. 14. Возможно, под руководством Бухарина в то время был сделан серьезный шаг, направленный на то, чтобы придать сталинистскую ориентацию существовавшему с 1922 г. ежемесячному комсомольскому журналу «Молодая гвардия». Начиная с номера № 2—3 за февраль—март 1925 г. пост редактора был захвачен Варейки-

сом, главой отдела печати ЦК и сторонником Бухарина. № 4 за апрель 1925 г. вышел с фотографией Сталина на фронтописе (в номере № 1 за январь 1925 г. была опубликована сходная фотография Ленина в память первой годовщины его смерти). Напечатанная в № 6 за июнь 1925 г., с. 64—77, статья Ломинадзе — яркого сталиниста и тоже члена редколлегии — о результатах XIV партконференции была посвящена главным образом теме социализма в одной стране.

44. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 377, 845. Список приглашенных см. в: *Н. Чаплин. Партийная оппозиция и комсомол*, 1926, с. 15.

45. «Ленинградская правда», 24 февраля 1925 г.

46. *Н. Чаплин. Партийная оппозиция и комсомол*, 1926, с. 15—16.

47. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 460; «Ленинградская организация и четырнадцатый съезд», 1926, с. 88.

48. Текст этой резолюции см. в: *Н. Чаплин. Партийная оппозиция и комсомол*, 1926, с. 16—17.

49. Сведения об этой чистке содержатся в книге: *Н. Чаплин. Партийная оппозиция и комсомол*, 1926, с. 18, а также в неопубликованном докладе, хранящемся в Смоленских архивах (ВКР, 522, с. 6). Чаплин называет имена пятерых, кто был выведен из состава ЦК комсомола; Зиновьев в своей речи на XIV съезде партии упоминал, что «не менее 15 декистов комсомола было разогнано» («XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 459), но не уточнял, за какой период. Существует еще и чисто технический вопрос, были ли они «разогнаны» на самом деле, подали в отставку добровольно или получили другие назначения.

50. *Н. Чаплин. Партийная оппозиция и комсомол*, 1926, с. 19—21.

51. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 378.

52. Первый Всероссийский съезд РКСМ, 1926 г., с. 97—99.

53. См. выше, с. 77.

54. «IV съезд РКСМ», 1925, с. 266—267, 321—322; «ВЛКСМ в резолюциях...», 1929, с. 88.

55. «Известия ЦК РКП(б)», № 5 (63), май 1924, с. 30.

56. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 593.

57. «Известия РКП(б)», № 4 (9), 27 октября 1924 г., с. 8—10. № 11 (16), 15 декабря 1924 г., с. 3—4.

58. «ВЛКСМ за десять лет в цифрах», под ред. *Балашова и Нелепина*, 1928, с. 32.

59. *Ю. Ларин. Рост крестьянской собственности*, 1925, с. 68.

60. «Правда», 31 декабря 1924 г.

61. *Л. Каменев. Статьи и речи*, 1929, т. XI, с. 205.

62. См. выше, с. 77.

63. «Справочник партийного работника, 1925», 1926, т. V, с. 395—397.

64. «Большевик», № 8, 30 апреля 1925 г., с. 34—45.

65. Об этой статье и реакции Секретариата см. т. I, гл. 5.

66. «Правда», 8 мая 1925 г.

67. Цитируется в: «VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 137—138.

69. *Н. Чаплин. Партийная оппозиция и комсомол*, 1926, с. 25—26. Стенограммы выступлений на этой конференции в распоряжении не было, однако о них коротко сообщалось в «Правде» от 18 и 19 июня 1925 г.

69. «ВЛКСМ в резолюциях...», 1929, с. 106.

70. «Справочник партийного работника, 1925», 1926, т. V, с. 446—447.

71. Число середняков в комсомоле возросло в 1925 г. за счет бедняков, хотя никаких точных цифр не приводилось; начали раздаваться жалобы, что из-за низкого уровня образования бедняков «середняки берут руководство в свои руки» (там же, с. 423).

72. «Молодая гвардия», № 8, август 1925 г., с. 101—112.

73. «Ленинградская правда», 30 августа 1925 г.

74. Эти цитаты взяты из доклада Чаплина на VII съезде комсомола в марте 1926 г.

75. «Известия ЦК РКП(б)», № 39 (114), 12 октября 1925 г., с. 3.
76. Г. Зиновьев. Ленинизм, 1925, с. 358.
77. Н. Чаплин. Партийная оппозиция и комсомол, 1926, с. 34; доклад Румянцева был опубликован в «Смене» от 16 октября 1925 г.
78. И. Сталин. Соч., т. 7, с. 245.
79. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 378—379; «Справочник партийного работника, 1925», 1926, т. V, с. 457—458, 461—471.
80. «Ленинградская правда», 29 октября 1925 г. В той же самой статье настаивалось на том, чтобы в комсомол принимали «сто процентов рабочей молодежи», «сто процентов батрацкой молодежи» и «лучшую часть середняцкой молодежи». Согласно более позднему заявлению Зиновьева (там же, 9 декабря 1925 г.), «ЦК высказался» с одобрением этой статьи. В том же номере «Ленинградской правды», где на первой странице была опубликована эта статья, на последней странице было напечатано интервью Сталина. Выпуск «Правды» от 29 октября 1925 г. поместил интервью Сталина на первой странице, а статью Зиновьева не опубликовал вовсе.
81. «Справочник партийного работника, 1925», 1926, т. V, с. 457—458.
82. Этот эпизод был описан на VII съезде комсомола одним из зачинщиков Тарасовым («VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 72—74).
83. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 280—281, 846—848; «VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 123.
84. Там же, с. 375, 830; эта резолюция была опубликована в «Правде» от 18 декабря 1925 г.
85. Там же, с. 62.
86. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 71—80.

Глава 16. Маневры за позиции

1. См. гл. 13.
2. Об этом инциденте см. т. I, гл. 5. Первая часть статьи в «Ленинградской правде» от 19 сентября 1925 г. содержала две опечатки, которые были исправлены в заметке, опубликованной на следующий день. Первая по невероятному совпадению повторяла ту же самую ошибку в цитате Ленина — «нэпмановская Россия» вместо «нэповской России», — за которую Сталин уже однажды критиковал Каменева; вторая в цитате из Дана заменила «ленинское евангелие» на «ленинградское евангелие». Ни одна из этих опечаток не появилась в версии этой статьи, опубликованной в «Правде», хотя распределение шрифта в обоих этих отрывках вполне согласуется с предположением, что исправления были внесены там в последний момент. Если считать эту догадку верной, то ошибки были в рукописи Зиновьева.
3. Т. I, гл. 5.
4. Там же.
5. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 401.
6. Там же, с. 340.
7. В соответствующем выпуске за 1924 г. статья Зиновьева была опубликована одна на первой странице, а статьи Троцкого и Рыкова — на второй; Сталин там вообще не фигурировал.
8. См. гл. 11.
9. В своей речи, произнесенной в январе 1925 г. по случаю годовщины смерти Ленина, Фрунзе изменил своей обычной манере, упомянув, хотя и не называя имен, об оппозиции Зиновьева и Каменева Ленину в октябре 1917 г. (М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. III, 1927, с. 22); в следующем месяце он с одобрением процитировал выступление Сталина о четырех союзниках пролетариата (там же, с. 75). Это, конечно, весьма легковесные косвенные доказательства, но они, во всяком случае, не позволяют сделать предположение, что Фрунзе в то время склонялся более в сторону Зиновьева, чем в сторону Сталина.

10. Согласно свидетельству Ворошилова (Статьи и речи, 1937, с. 7—8), ушибы, полученные Фрунзе в результате перенесенной им несколькими месяцами раньше автомобильной катастрофы, привели к внутреннему кровоизлиянию, однако никаких подтверждений этой версии, которые относились бы к указанному времени, обнаружить не удалось.

11. Об этих назначениях было объявлено в печати 7 ноября 1925 г. Объявление о назначении Ворошилова было также опубликовано в: «Сборнике законов», 1925, т. II, № 86, с. 226.

12. Подробное описание этих двух выпусков «Нового мира», № 5, май 1926 г., и последующих опровержений (там же, № 6, июнь 1926 г., с. 184—185, и № 1, январь 1927 г., с. 256) содержится в: «Soviet Studies», v. X, N 2, October 1958, p. 162—164.

13. Это было подтверждено обеими сторонами на съезде («XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 294, 361).

14. Текст письма Леонова в том виде, в каком оно было зачитано на XIV съезде партии в: «XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 358—360; для сравнения свидетельство Бухарина, там же, с. 140. Согласно более поздней версии («Большевик», № 19—20, 31 октября 1926 г., с. 4). Залуцкий обвинил ЦК также и в том, что он «защищает товарища Троцкого» — отголосок дискуссии января 1925 г. Крутой поворот, который сделал Залуцкий, был почти столь же полным, что и у Зиновьева: на проведенной в мае 1924 г. ленинградской губпартконференции он охарактеризовал точку зрения, будто НЭП означает «перерождение», как «меньшевистский тезис» («Ленинградская правда», 8 мая 1924 г.). Однако никто, по всей видимости, не потрудился обратить на это внимание.

15. Эту историю приходится по кускам составлять из сведений, сообщенных на XIV съезде партии Петровским, Ворошиловым (оба были членами комиссии по расследованию), Рыковым и самим Залуцким; по свидетельству Рыкова, Залуцкий в какой-то момент делал вид, будто эти его замечания делались умышленно, чтобы ввести в заблуждение Молотова, чьим эмиссаром был, по его убеждению, Леонов.

16. По всей видимости, именно на одном из этих заседаний секретарь Ленинградского комитета комсомола Румянцев воскликнул: «Нас ЦК бьет за то, что мы проводим правильную ленинскую линию»; в записи это замечание было опущено (там же, с. 218), но не исключено, что оно отражало точку зрения большинства присутствующих.

17. Там же, с. 218—219, 361.

18. Никаких официальных записей этих выступлений не велось, и этот рассказ — возможно и преувеличенный — зависит от воспоминаний озлобленных свидетелей, которые относились к периоду шестью неделями позже. Ярославский в статье, опубликованной в «Большевике», № 19—20, 31 октября 1926 г., с. 4, вспоминает об агитации, которую вели в то время ленинградские партийные ораторы на заводах против ЦК и в поддержку «платформы четырех».

19. Самый полный рассказ об этом эпизоде исходит от Комарова («XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 218—219).

20. Там же, с. 219—220, 361.

21. «Ленинградская правда», 17 ноября 1925 г.; Томский в карикатурном виде изобразил эту позицию Ленинградской партийной организации так: «Мы не какая-нибудь Калуга или Тула, чтобы в общем порядке доклады делать» («XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 283).

22. Там же, с. 361—362.

23. Обе они перепечатаны в: «Новая оппозиция», 1926, с. 119—125, 130—134.

24. См. гл. 13.

25. Там же.

26. «ВКП (б) в резолюциях...», 1941, т. I, 567.

27. «Тринадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1924, с. 533; «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 570. Молотов объяснял потом, что,

приводя цифру 90%, он не имел в виду «рабочих у станка»; об отличии между «рабочим» и «рабочим от станка» см. т. I, гл. 3.

28. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 12.

29. Оригинал статьи не сохранился, но о ее общем содержании можно судить по тому, что говорил о ней на съезде сам Саркис и по статье, которую он в то же самое время опубликовал в ленинградском партийном журнале «Под знаменем коммунизма» и процитированной в: «Новая оппозиция», 1926, с. 106.

30. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 132.

31. «Правда», 29 ноября, 3 декабря 1925 г.

32. «Ленинградская правда», 2 декабря 1925 г.

33. «Правда», 5 декабря 1925 г.; ответ Саркиса был напечатан с критическими редакционными замечаниями там же, 9 декабря 1925 г.

34. «Ленинградская правда», 15 декабря 1925 г.

35. Там же, 8 декабря 1925 г.

36. «Известия ЦК ВКП(б)», № 9 (130), 8 марта 1926 г., с. 3—4.

37. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 220.

38. Там же, с. 186.

39. Там же, с. 247, 302.

40. См. гл. 13.

41. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 72, 75. Согласно заявлению, которое было за подписью Рыкова и Молотова опубликовано в «Правде» от 15 декабря 1925 г. и в «Ленинградской правде» двумя днями позже, тезисы Бухарина «были приняты Политбюро не единогласно, а большинством голосов». Возможно, Зиновьев и Каменев возражали против того или другого из двух отрывков этих, хотя не менее вероятно предположение, что они могли незаметно вкратце в весьма пространный документ. Особое внимание к ним привлекла передовая статья в «Правде» от 5 декабря 1925 г., дня открытия московской губпартконференции. Тезисы Бухарина были впервые опубликованы в «Ленинградской правде» 29 ноября 1925 г. — мелким шрифтом, возможно потому, что никто не предполагал, что они имеют такое уж большое значение.

42. Томский согласился, что Зиновьев и Каменев «пытались радикализм ленинградской организации тормозить», когда было уже слишком поздно («XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 292).

43. Это выступление было опубликовано в следовавших один за другим номерах «Ленинградской правды» от 4—8 декабря и в сокращенном виде — в «Правде» и «Известиях» 8, 9 декабря 1925 г. Оно также частично перепечатано в: «Новая оппозиция», 1926, с. 23—25.

44. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 227, 587. Статья из-за ее провокационного характера не была напечатана и была изъята из официальной стенограммы конференции (там же, с. 451).

45. См. гл. 13.

46. Эта выдержка была с негодованием процитирована Ломовым, одним из немногих защитников ЦК, на самой конференции («Ленинградская правда», 10 декабря 1925 г.), Рудзутаком на XIV съезде партии и позднее в: *И. Скворцов-Степанов*. Избранные произведения, т. II, 1931, с. 345.

47. Об этих выступлениях сообщалось в «Ленинградской правде» 2, 3 и 4 декабря 1925 г. и в сокращенном виде — в «Правде» 6 декабря 1925 г.

48. Это было опубликовано в «Ленинградской правде» 9 декабря 1925 г. и с опозданием — в «Правде» и «Известиях» от 17 декабря 1925 г.

49. Эта резолюция, опубликованная в «Ленинградской правде» от 4 декабря 1925 г., в московской прессе, по всей видимости, напечатана не была, но она опубликована в: «Новая оппозиция», 1926, с. 25—27.

50. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 349—350.

51. В выступлениях Угланова содержался только один намек, который прозвучал как отражение ленинградских выступлений, но это было выделено в «Правде» жирным шрифтом: **«Может быть, нас можно упрекнуть в том, что мы мало кричим о ленинизме, но мы стараемся по-ленински делать, не кричать, а делать — это наше основное правило»** («Правда», 6 декабря 1925 г.). Угланов позднее уверял, что на конференции не было произнесено «ни одного слова, ни одной фразы» против Ленинградской организации и ее руководителей («XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 193).

52. Об этом выступлении сообщалось в «Правде» и «Известиях» от 8 декабря 1925 г., оно также в сокращенном виде опубликовано в: «Новая оппозиция», 1926, с. 28—35.

53. См. об этом: т. I, гл. 5.

54. В апреле 1918 г. Ленин в заключительной части работы «Очередные задачи Советской власти» писал: «Нам истерические порывы не нужны» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 36, с. 208); этот намек был понятен каждому большевику. Сталин на XIV съезде тоже обвинил Зиновьева в «истерике, а не политике» (*И. Сталин. Соч.*, т. 7, с. 378).

55. Дискуссия, проходившая 6 декабря, вплоть до выступления Бухарина и включая само это выступление, освещалась в «Правде» от 10 декабря 1925 г. Речь Бухарина в тот же день появилась в «Известиях». На более поздней стадии дискуссий — неясно, когда именно и под чьим давлением это произошло, — Бухарин сделал официальное заявление, где еще раз отказался от своего ошибочного лозунга «Обогащайтесь!». Он отметил, что уже делал это дважды — в своей статье в «Правде» про Устрялова и в выступлении на заседании ЦК комсомола. Это заявление было опубликовано в «Ленинградской правде» от 11 декабря и в «Правде» от 13 декабря 1925 г.

56. Об этой статье см. гл. 13.

57. См. гл. 16.

58. Эта резолюция, принятая 7 декабря, была напечатана в «Правде» и в «Известиях» от 8 декабря 1925 г.; остальная часть дискуссий была освещена в номере от 13 декабря, а заключительное выступление Рыкова — в «Правде» от 13 декабря и в «Известиях» от 15 декабря 1925 г. Резолюция опубликована также в: «Новая оппозиция», 1926, с. 36—40. Эта позиция была подытожена в краткой передовой статье «О кулацкой опасности», опубликованной в «Правде» от 8 декабря 1925 г.: «Осмотрительное налаживание планового руководства нашим хозяйством является одной из наших центральных задач, между прочим, и под углом зрения борьбы с кулаком»; но с другой стороны, борьбу с кулаком нельзя вести «истерическими выкриками».

59. Впоследствии Зиновьев сказал, что ленинградская конференция распалась на две части — до и после московской резолюции (там же, с. 451). Сокольников также рассматривал эту резолюцию как фактор, который форсировал разрыв (там же, с. 322).

60. Ссылки на это выступление, которое было, несомненно, главным событием, см. там же, с. 200, 217, 351.

61. Там же, с. 220—221. Комаров и Лобов, оба члены губкома партии, впервые, по сведениям Сафарова, выразили свое несогласие с Зиновьевым «по некоторым организационным вопросам» накануне конференции (там же, с. 382).

62. Там же, с. 587. На XIV съезде партии Ярославский признал, что провокационные места из выступления Зиновьева были опущены, но потом взял свое признание назад (там же, с. 587, 604).

63. «Правда», 20 декабря 1925 г. Перепечатано в: «Новая оппозиция», 1926, с. 40—44.

64. «Ленинградская правда», 11 декабря 1925 г.; статья была подписана редактором газеты Гладневым.

65. Доклад Куйбышева был опубликован в «Правде» от 11 декабря 1925 г. Критический отрывок был процитирован в статье «Где главная опасность», напечатанной в «Ленинградской правде», 18 декабря 1925 г. (см. ниже, с. 122).

66. «Правда», 20 декабря 1925 г. Перепечатано в: «Новая оппозиция», 1926, с. 44—50.

67. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 197.

68. *И. Сталин*. Соч., т. 7, с. 389. В этой версии из списка подписавших были изъяты имена Бухарина, Рыкова, Рудзутака и Томского. Полностью он был приведен в: «XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 507. Тон этого предложения был отражен в передовой статье в партийном журнале «Большевик» № 23—24, 30 декабря 1925 г., с. 3—6, которая была написана явно накануне съезда. Она подробно останавливалась на существующих «настроениях паники и пессимизма» в партии, но приписывала их «отдельным скептически настроенным товарищам (таковые, к сожалению, существуют: Сафпов, Саркис и т. д.)»; там, однако, не утверждалось, что подобные «настроения» разделяют ленинградские руководители.

69. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 413.

70. Там же, с. 297, 423.

71. Там же, с. 532; текст резолюции см. с. 590. По всей видимости, именно в связи с этим случаем была предпринята последняя попытка убедить Крупскую снять свою подпись под «платформой четырех» (там же, с. 528).

72. См. гл. 15.

73. См. выше, с. 98.

74. Эта фраза вызвала на съезде особое возмущение («XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 240); бессознательно Саркис повторил старую колкость, которую использовал против большевиков Троцкий (см. т. I, гл. 4).

75. Эта статья была перепечатана в: «Новая оппозиция», 1926, с. 62—67.

Глава 17. Четырнадцатый съезд

1. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 4—6. Решение исключить Комарова из состава делегации было принято Ленинградским губкомом партии (там же, с. 343).

2. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 7—8.

3. *И. Сталин*. Соч., т. 7, с. 337.

4. Там же, т. 7, с. 349—350.

5. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 83—84.

6. Там же, с. 97—129.

7. Там же, с. 130—153.

8. «Междуцарствие...», гл. 14.

9. Об Институте красной профессуры, см. гл. 18.

10. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 158—166. Крупская приводила подобные цитаты полтора годами раньше на съезде комсомола (см. гл. 11).

11. Там же, с. 167. Отступление Крупской на тему о природе истины имело много отголосков как во время съезда, так и после него. «Товарищ Крупская, — заметил Томский, — сказала, что понятие о том, что истинно и что не истинно, — понятие субъективное. У нас же есть одно мерило. У рабочего класса, руководимого своей партией, может быть только одно мерило — воля большинства ленинской партии» (там же, с. 288). Калинин пошел еще дальше: «Кто будет судья, арбитр? Кто рассудит, где же истина? Мне кажется, таким судьей может быть только время». А когда его прервали выкрики «Съезд!», он перешел в более практическую плоскость: «Мысль о том, что истина остается истиной, допустима в философском клубе, а в партии решения съезда обязательны и для сомневающихся в правильности решения» (там же, с. 321). Более изощренный Бухарин на съезде на эту тему не говорил, однако коснулся ее несколькими днями позже в своем докладе о съезде, который он сделал в Московской партийной организации. Он признал существование «объективной действительности», а потом предложил: «Само собой разумеется, что

и вся партия в целом может ошибаться, и весь съезд, и отдельные вожди партии могут ошибаться. И даже Ленин ошибался, так же как неоднократно ошибался и Маркс. Но к чему такие разговоры? Разве это не было известно до сих пор? Конечно, известно. В чем же смысл таких разговоров? В чем смысл их, когда не в философском клубе, а на коммунистическом съезде рассуждают, что правда заключается не в том, за что голосует большинство, а в соответствии с действительностью? Нетрудно сообразить, в чем здесь дело. Если мы выбросим решение большинства, а будем говорить, что истина заключается в соответствии с действительностью — что само по себе правильно, — то сейчас же возникнет вопрос: кто же решает, что соответствует и что не соответствует действительности?» («Правда», 10 января 1926 г.).

12. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 175.

13. Там же, с. 185—186.

14. Там же, с. 197—206. Ярославский дал понять, что имеет полномочия от Сталина, когда читал выдержки из неопубликованного письма Секретариата партии в редакцию «Комсомольской правды» о кулацком уклоне (см. т. I, гл. 5); позднее в ходе дискуссии выдержку оттуда зачитал и Сталин (*И. Сталин*. Соч., т. 7, с. 383—384).

15. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 244—275. Киров отдал дань Каменеву, сказав, что он произвел «самое большое впечатление на съезд из всех выступавших здесь от оппозиции» (там же, с. 365), а Молотов охарактеризовал его выступление как «наиболее систематическое изложение» взглядов оппозиции (там же, с. 473). Согласно «Социалистическому вестнику». Берлин, № 1 (119), 16 января 1926 г., с. 16, оно продолжалось в течение пяти часов; если это верно, то в официальном отчете оно, должно быть, появилось в существенно сокращенном виде и было «самой успешной речью на съезде, по мнению участников».

16. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 875.

17. Там же, с. 289—292.

18. Там же, с. 327.

19. Там же, с. 335.

20. Этот сборник неоднократно упоминался в ходе дискуссий (там же, с. 368—369, 372, 388; *И. Сталин*. Соч., т. 7, с. 362). Об интервью в «Бедноте» см. т. I, гл. 4—5; о статье Крупской и ответе Бухарина см. т. I, гл. 5.

21. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 344, 358—360; о письме Леонова см. гл. 16.

22. Там же, с. 397.

23. Там же, с. 406—420.

24. Там же, с. 422—469. Согласно «Социалистическому вестнику». Берлин, № 1 (119), 16 января 1926 г., с. 16, оно длилось четыре с половиной часа и по продолжительности было превышено только пятчасовой речью Каменева; в официальном отчете, однако, оно заняло гораздо больше места, чем речь Каменева.

25. Об этой выдержке см. «Междуцарствие...», гл. 14. Не подлежит сомнению, что Сталин изменил свою точку зрения в статье, относившейся к декабрю 1924 г. (см. гл. 12), и в вышедших в 1925 г. изданиях этот отрывок был изменен. Но публично признал и объяснил эту перемену в убеждениях Сталин лишь после XVI съезда партии (см. гл. 15).

26. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 470—486.

27. Об этой цитате см. т. I, гл. 4. В предыдущей части своей речи Сталин употребил фразу: «Мы стоим и будем стоять за Бухарина». В более поздней версии (*И. Сталин*. Соч., т. 7, с. 365) слова «и будем стоять» были опущены.

28. Тот факт, что эта резолюция представляла, в ленинградской точки зрения, улучшенный вариант в сравнении с московской резолюцией, показывает утверждение «Ленинградской правды» на следующий день (см. выше, с. 116) и сделанное впоследствии ленинградской делегацией замечание, что «знаменитая московская резолюция была «наполовину, только к сожалению наполюви-

ну, похороненной, но все-таки похороненной» резолюцией съезда («XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 582).

29. Там же, с. 521—524.

30. Там же, с. 158, 192.

31. Там же, с. 591—592.

32. Там же, с. 618, 920. Сообщалось, что Орджоникидзе выступал перед ленинградским гарнизоном. Об особенно непримиримом выступлении со стороны оппозиции профсоюзного делегата Глебова-Авилова см. гл. 19.

33. Об этой дискуссии см. гл. 19.

34. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 571—575. Относительно высказывания о власти Оргбюро и Секретариата см. гл. 19.

35. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 593.

36. Там же, с. 628—629.

37. Там же, с. 630.

38. Там же, с. 721.

39. Там же, с. 710—711.

40. Статья Сафарова была перепечатана в: «Новая оппозиция», 1926, с. 7—12.

41. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 716. Число голосов ленинградской делегации по обоим последним решениям составляло 38.

42. Т. I, гл. 7.

43. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 857. Бухарину так понравилась эта острота, что он повторил ее месяц спустя во время выступления в Ленинграде (см. гл. 18). Шляпников был лидером «рабочей оппозиции», а Сапронов и Дробнис — демократическими центристами.

44. Там же, с. 876—894. О некоторых деталях дискуссии см. гл. 20.

45. См. гл. 20.

46. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 60. Тем не менее окончательный текст был включен в резолюцию съезда (там же, т. II, с. 80—90).

47. Скворцов-Степанов (первая часть фамилии настоящая, вторая — псевдоним) был автором распространенного русского перевода «Капитала» Маркса. Он сменил Стеклова на посту редактора «Известий» в июне 1925 г. После недолгого редактирования «Ленинградской правды» он вновь возвратился к оставленному посту в Москве, который продолжал занимать вплоть до самой смерти в 1928 г. («Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, с. III, 1928, Приложение, с. 44, 127; *И. Скворцов-Степанов. Избранные произведения*, 1930, т. I, с. XXX—XXXII).

48. *Ф. Дзержинский. Избранные произведения*, 1957, т. II, с. 233—234.

49. *Е. Ярославский. Краткие очерки по истории ВКП(б)*, 1928, с. 361—362.

50. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 926, 935.

51. Четыре резолюции местных ленинградских организаций, поддерживавших в то время позицию делегации, а также намного превышающее число резолюций, ее осудивших, см. в: «Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 32—36, 41—54, 57—58; в некоторых из числа последних содержалось отречение от предшествующих резолюций, где выражалась поддержка.

52. Списки членов и кандидатов, избранных XII и XIV съездами, содержатся в соответствующих отчетах, а также в: «ВКП(б) в резолюциях...», 5-е изд., 1936, т. I, с. 635—636, т. II, с. 80—81 (в более поздних изданиях они были опущены). Члены приводились в алфавитном порядке, а кандидаты (по видимому) — в зависимости от количества полученных голосов: Николаева и Лашелевич занимали два из трех последних мест. О Куклине см. «XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 221; о Глебова-Авилове, ленинградском профсоюзном дея-

теле, который был в 1917 г. первым наркомом почт и телеграфа (там же, с. 784—789, 896, 952; о Николаевой см. гл. 19).

53. Об этих трех назначениях сообщалось в «Правде» 8 января 1926 г.

54. Об этих назначениях сообщалось в печати 17 января 1926 г. Важные назначения делались официальными декретами («Собрание законов», 1926, т. II, № 3, с. 13, 14, 16; № 5, ст. 29). О карьере Брюханова, старого члена партии, ничем особенно не отличившегося, см. «Деятели рабочего движения», 1931, т. V, с. 514—517.

Глава 18. Новое размежевание сил

1. И. Скворцов-Степанов. Избранные произведения, 1931, т. II, с. 329.

2. Краткое сообщение о речи Дзержинского в поддержку этого решения в: Ф. Дзержинский. Избранные произведения, 1957, т. II, с. 235—236.

3. Точный состав делегации достоверно не известен. Томский, кроме себя, называл Ворошилова, Калинина, Кирова и Молотова («Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 65); среди выступавших упоминался также и Андреев (там же, с. 69—77). Интервью с Петровским, опубликованное в «Правде» от 22 января 1926 г., показывает, что и он был членом делегации.

4. «Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 65—66. В течение недели после съезда было опубликовано огромное количество брошюр, посвященных партийным разногласиям (их библиографию см. в: «Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 185—188);—все они поддерживали официальную линию, кроме перепечатанных в виде брошюр выступлений Зиновьева и Каменева.

5. Там же, с. 66. О том, как «колотили» Томского, см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

6. Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 138.

7. «Ленинградская правда», 7, 12 января 1926 г.; цитировалось в: И. Скворцов-Степанов. Избранные произведения, 1931, т. II, с. 327, 335.

8. «Правда», 19 января 1926 г.

9. С. Киров. Избранные статьи и речи, 1912—1934, 1939, с. 69.

10. Там же, с. 187, 193.

11. «Правда», 22 января 1926 г.

12. Там же, 22 января 1926 г., перепечатано в: «Новая оппозиция», 1926, с. 271—274.

13. «Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 55.

14. «Правда», 29 декабря 1925 г.

15. Подшивки «Ленинградской правды» за этот период, содержавшей, возможно, другие материалы в поддержку этого утверждения, в распоряжении не было.

16. «Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 59—60. Эта резолюция не датирована, но явно относится к периоду этой заводской кампании.

17. Там же, с. 83—84. Сообщение об этом опубликовано в: «Правда», 29 января 1926 г.

18. «Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 84—115.

19. Там же, с. 115—121.

20. Там же, с. 122, 132—133. Один из выступавших на съезде комсомола в марте 1926 г. высказал эту точку зрения еще более точно: «... Партийная оппозиция объективно явилась выразительницей тех настроений, тех переживаний, которые приносят на наши фабрики, в наш рабочий класс новые слои рабочих, идущих из деревни» («VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 140).

21. Н. Бухарин. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б), 1926, с. 42—43. Сталин двумя месяцами позже с неменьшим рвением эксплуатировал ту же самую тему: «Ежели членам нашего ЦК с помощью ленинградского актива удалось в две недели оттеснить и изолировать оппозицию, которая вела у вас борьбу с решениями XIV съезда, то это потому, что разъяснительная кампания о решениях съезда совпала с той тягой к де-

мократизму, которая была, которая прорвалась наконец, в ленинградской организации» (*И. Сталин*. Соч., т. 8, с. 145).

В своем неопубликованном меморандуме от 22 декабря 1925 г. Троцкий упоминал о «комиссарском тоне» зиновьевского режима в ленинградской партийной организации (см. ниже, с. 133), хотя вряд ли он считал, что это обвинение с меньшим основанием можно было бы предъявить также и режиму, царившему в Москве.

22. *Н. Бухарин*. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б), 1926, с. 53.

23. Там же, с. 44, 45.

24. Эти резолюции были опубликованы в «Правде» 13 февраля и 14 февраля 1926 г. Основная резолюция опубликована также в: «Новая оппозиция», 1926, с. 302—304.

25. *С. Киров*. Избранные статьи и речи, 1912—1934, 1939, с. 69. Его заключительную речь на указанной конференции см. там же, с. 231—233.

26. Тон сообщения об общих итогах прошедших по всей стране партийных собраний с целью разъяснения результатов съезда был довольно благодушным: «Оппозиционные выступления на собраниях насчитываются единицами: содержание этих выступлений — либо явно демагогического характера, либо свидетельствуют о непонимании, недостаточной проработке вопроса» («Известия ЦК ВКП(б)», № 8, (129), 1 марта 1926 г., с. 2). В Смоленских архивах (WKP 522) содержится подробный доклад, присланный из Москвы Секретариатом и предназначенный для того, чтобы использовать его при разъяснении решений съезда на смоленской губернской партийной конференции.

27. «Комсомольская правда», 22 декабря 1934 г.

28. «Молодая гвардия», № 1, январь 1926 г., с. 139.

29. «Ленинградская правда», 8 января 1926 г. Цитируется в: *И. Скворцов-Степанов*. Избранные произведения, т. II, 1931, с. 329.

30. «Ленинградская организация и четырнадцатый съезд», 1926, с. 140.

31. «Правда», 30 января 1926 г.

32. Это было напечатано в: *Н. Чаплин*. Партийная оппозиция и комсомол, 1926.

33. «Правда», 28 февраля 1926 г.

34. «Правда», 2 апреля 1926 г., выражала горькие сожаления, что, несмотря на то что у оппозиции не было на съезде ни одного делегата с решающим голосом, ее представители «тем не менее пытались большевистской линии всего съезда противопоставить свою антиленинскую линию, партией уже осужденную».

35. «VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 69, 108.

36. Там же, с. 243.

37. Там же, с. 502, 506—507.

38. Здесь имеется в виду ссылка на выдержку из работы «Что делать?» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, с. 68), где Ленин с иронией упоминает о Мартынове как о «нашем Ломоносове», подразумевая, что тот, делая вид, будто приходит к величайшим открытиям, на самом деле путает элементарные истины.

39. «Ленинградская правда», 13 сентября 1925 г.

40. Т. I, гл. 5.

41. «Ленинградская правда», 18 декабря 1925 г.; «Правда» от 29 декабря 1925 г. упоминала о Соловьеве как о студенте Института Красной профессуры.

42. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 135—137.

43. Там же, с. 273.

44. См. гл. 17.

45. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 429—431.

46. О самой первой публикации книги «Основы ленинизма» см. «Междущарствие, 1923—1924», гл. 14. Название «Вопросы ленинизма» было оправдано для опубликованного в марте 1926 г. первого издания этого сборника. Однако выходявшие в свет вплоть до 1941 г. многочисленные последующие его издания оказались настолько поглощены включенными в них текущими политическими

выступлениями Сталина, что смысл его первоначального названия был утрачен.

47. *И. Сталин*. Соч., т. 8, с. 13—90.

48. О том, как это различие появилось в первый раз, см. гл. 12.

49. Текст его см. «Междущаствие...», гл. 14. Как не преминул заметить Троцкий на «XV конференции ВКП(б)» это объяснение было весьма не убедительным, поскольку в первоначальном тексте речь шла явно об «организации социалистического производства».

50. *И. Сталин*. Соч., т. 8, с. 65—66.

51. «Известия», 10 января 1926 г.

52. *Н. Бухарин*. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б), 1926, с. 17, 37. Тот же самый аргумент использовал Сталин в своей книге «К вопросам ленинизма»: «Не надо было брать власть в октябре 1917 года — вот к какому выводу приводит внутренняя логика аргументации Зиновьева (*И. Сталин*. Соч., т. 8, с. 70). Как явствует из статьи Троцкого «К социализму или к капитализму?», Троцкий этот вопрос оставил открытым: «Если все же окажется, что капитализм все еще способен выполнять прогрессивную историческую роль... то это будет означать, что мы, коммунистическая партия Советского Союза, преждевременно говорили об этом массам, иными словами, что мы взяли власть в руки слишком рано, чтобы строить социализм» («Правда», 20 сентября 1925 г.).

53. «Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 118.

54. *С. Киров*. Избранные статьи и речи, 1912—1934, 1939, с. 190—195.

55. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва. 2-я сессия», 1926, с. 5—6.

56. Это утверждение основано на письме, которое было написано в 1927 г. Антоновым-Овсеенко и процитировано потом Рыковым («Правда» 27 ноября 1927 г.). Из меморандума от 22 декабря 1925 г. ясно видно, что Троцкий в тот период испытывал гораздо больше враждебности к Зиновьеву, чем к Сталину.

57. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 459.

58. Т. I, гл. 4.

59. Отпечатанный на машинке и скрепленный личной подписью Троцкого меморандум находится в архивах Троцкого, Т 2975.

60. «Известия», 8 января 1926 г. Среди прочих выступлений этого периода можно назвать речь на конференции по охране матери и ребенка (7 декабря 1925 г.), на конференции врачей (8 декабря 1925 г.), на конференции рабкоров (13 января 1926 г.) и в Обществе друзей радио (1 марта 1926 г.). Все они напечатаны в избранных произведениях Троцкого (Сочинения, т. 21, с. 44—45, 384—405, 410—423); ни в одном из них не затрагиваются спорные вопросы. Троцкий произнес также речь 25 февраля 1926 г. по случаю 5-й годовщины создания Грузинской ССР (там же, т. 21, с. 405—409).

61. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 138, 166, 171—172.

62. Там же, с. 410.

63. «Большевик», № 1, 15 января 1926 г., с. 3—13.

64. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 183.

65. См. гл. 17.

66. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 276, 290.

67. Цитируется из выступления на Путиловском заводе (по этому поводу см. гл. 17), сделанном 20 января 1926 г., см. в: «Бюллетень оппозиции». Париж, № 29—30, сентябрь 1932, с. 31. Это выступление было упомянуто в «Правде» 22 января 1926 г.; никаких сообщений, где бы приводился текст выступления, не было, однако цитата, возможно, и соответствует тому, что Троцкий в действительности говорил.

68. «Ленинградская организация и XIV съезд», 1926, с. 96, 108. О том, что Бухарин испытывал в это время угрызения совести по поводу того, как посту-

пили в прошлом в отношении Троцкого, свидетельствует переписка между ними, относящаяся к этому периоду (см. т. I, гл. 4).

69. Ответия по этому поводу были высказаны в статье в: «Известия ЦК ВКП(б)», № 10—11 (131—132), 22 марта 1926 г., с. 9. Курьезный пример отношения к Троцкому представляет неопубликованная речь Луначарского, произнесенная им в Большом театре 21 января 1926 г. по случаю годовщины смерти Ленина (этой речи были посвящены несколько незначительных строчек в «Правде» от 22 января 1926 г.). Луначарский, который всегда был наивен в вопросах политики, был вынужден обсуждать в своей речи возможность того, что «некоторые люди, которые приобрели популярность и пользуются влиянием в стране», могут попытаться «свергнуть нашу гегемонию», заручившись поддержкой капиталистических и мелкобуржуазных элементов. Далее он продолжил: «Не думайте, пожалуйста, что я намекаю здесь на Л. Д. Троцкого; я должен сказать, что товарищ Троцкий никогда об этом не думал и, возможно, дальше от этого, чем кто бы то ни было из нас». Тем не менее, когда Троцкий ушел в оппозицию, «они» (никаких дальнейших пояснений не дается) хотели преподнести ему «корону на бархатной подушке» и «наречь его Львом I». Но когда Троцкий вернулся к «нормальной позиции», они «перестали его любить и сказали, что он такой же коммунист, как и все остальные». Угланов позднее сказал Луначарскому, что речь эта Троцкому не понравилась, и Луначарский послал 3 марта 1926 г. Троцкому письмо с объяснениями, где он написал: «Я вовсе не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, будто я числюсь среди ваших врагов». Это письмо и выдержки из выступления находятся в архиве Троцкого.

70. Много лет спустя Троцкий писал об этом в: «Бюллетень оппозиции». Париж, № 54—55, март 1937, с. 11, добавив: «Именно в этот момент несчастный Мрачковский выдвинул крылатую фразу: «Ни со Сталиным, ни с Зиновьевым; Сталин обманет, а Зиновьев убежит»».

71. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 265—266. О встрече 1923 г. см. «Междущарствие...», гл. 11, примечание 1.

72. Об источнике этих дискуссий и их выводах, которые оказали влияние на развитие промышленности и сельского хозяйства, см. т. I, гл. 5—6.

73. Т. I, гл. 10.

74. Это заявление содержится в материалах архива Троцкого, Т 2982.

75. «Правда», 23 апреля 1926 г. Шесть месяцев спустя, на XV партконференции, Рыков повторил то же самое утверждение, но не называя имен.

76. Т. I, гл. 5.

77. См. выше, с. 125.

78. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 91; решения этого заседания ЦК были опубликованы в «Правде» 13 апреля 1926 г.

79. Там же, 23 апреля 1926 г.

80. Об этой цитате см. выше, с. 129.

81. И. Сталин. Соч., т. 8, с. 148.

82. См. гл. 11.

83. См. выше, с. 130.

84. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 266—268.

Глава 19. Монолитная партия

1. О «ленинском призыве» и его первых последствиях, см. «Междущарствие...», гл. 14.

2. А. Бубнов. ВКП(б), 1931, с. 613.

3. «Междущарствие...», гл. 13.

4. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 594—596.

5. Там же, т. I, с. 631—633.

6. Это циркулярное письмо было в сокращенном виде (по случаю опускавшем последние три абзаца и подпись Молотова) напечатано в: «Известия ЦК ВКП(б)», № 7(12), 17 ноября 1924 г., с. 7, и перепечатано полностью в:

там же, № 8, (13), 24 ноября 1924 г., с. 7. В обоих случаях оно было напечатано мелким шрифтом и в той части этого официального издания, которая обычно резервировалась для документов второстепенной важности; инструкция была составлена таким образом, чтобы свести к минимуму ее новизну и важность. Позднее признано, что вплоть до середины ноября 1924 г. отношение партии к приему крестьян было «нерешительным» и что это было «поворотным пунктом» (там же, № 15—16 (90—91), 21 апреля 1925 г., с. 8).

7. А. Бубнов. ВКП(б), 1931, с. 617; более детальный анализ показывал, что из всех принятых в кандидаты в течение первой половины 1925 г. 62,4% составляли рабочие, 22,5% — крестьяне и 15,1% — служащие; во второй половине 1925 г. эти цифры составили соответственно 43,8, 39,6 и 16,6% («Большевик», № 12, 30 июня 1926, с. 64).

8. Это выражение использовалось в передовой статье в «Ленинградской правде» 19 февраля 1925 г. применительно к проведенному в первые недели 1925 г. усиленному набору кандидатов, не выделяя особо крестьян; Молотов упоминал об «оживлении Советов» как о «продолжении ленинского призыва», но только как об отдаленной задаче партийной политики («XIV конференция РКП(б)», 1925, с. 10).

9. А. Бубнов. ВКП(б), 1931, с. 616. Провал попытки добиться более высокого процента крестьянских «кандидатов», принятых в 1925 г., который найдет отражение в более поздней статистике, позволяет предположить, что необычно высокую пропорцию крестьян удержать не удалось; процент крестьян среди кандидатов продолжал оставаться более высоким, чем среди членов партии («Социальный и национальный состав ВКП(б)», 1928, с. 44).

10. О правилах этой классификации см. т. I, гл. 3. Правила, предусматривающие различные условия приема для различных категорий, давали новые возможности для фиктивной регистрации. Когда после Всесоюзного съезда учителей, прошедшего в январе 1925 г. (см. т. I, гл. 3), Оргбюро дало указание принять в партию учителей из 2000—3000 деревень («Справочник партийного работника», т. 5, 1925—1926, с. 243), в инструкции ЦК было оговорено, что учителя, «вышедшие из крестьян и не утратившие связей с крестьянской средой», должны рассматриваться как принадлежащие ко второй категории кандидатов в члены партии («крестьяне»), а не к третьей категории («служащие») («Известия ЦК ВКП(б)», № 8, (83), 23 февраля 1925 г., с. 5).

11. Там же, № 15—16 (90—91), 21 апреля 1925 г., с. 6; Молотов утверждал на конференции, что две трети сельских членов партии составляли служащие («XIV конференции РКП(б)», 1925, с. 21).

12. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 76.

13. «Социальный и национальный состав ВКП(б)», 1928, с. 42.

14. Там же, с. 45, 47.

15. «ВКП(б) в резолюциях...» 1941, т. I, с. 318.

16. «Правда», 17 марта 1922 г.

17. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 17—18.

18. Там же, с. 19—20.

19. Там же, с. 17—18.

20. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 432.

21. Там же, т. I, с. 454.

22. Там же, с. 503.

23. Там же, т. II, с. 12.

24. «Справочник партийного работника», т. 5, 1925, 1926, с. 512—514.

25. О пересмотренном Уставе см. гл. 17. О детальном анализе изменений, внесенных в правила приема, см. «Большевик», № 23—24, 30 декабря 1925, с. 53—58; проект основных положений был разработан Оргбюро весной 1925 г., накануне XIV партконференции («Известия ЦК ВКП(б)», № 9, (84), 2 марта 1925 г., с. 8).

26. Там же, № 16—17 (137—138), 3 мая 1926 г., с. 5.

27. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941 т. I, с. 323—324.

28. «Девятый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1934, с. 324, 355.

29. «Десятый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1921, с. 61, 66.
30. «Одиннадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1936, с. 424—425.
31. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 431.
32. Там же, т. I, с. 504.
33. *И. Сталин*. Соч., т. 6, с. 205—206; несколько недель спустя, накануне «ленинского призыва», Сталин оценил их долю в 60% и высказал опасения, как бы она не возросла до 80% (там же, т. 6, с. 255—256). Относящиеся к тому же самому периоду цифры по комсомолу классифицируют 66,6% его членов как «политически неграмотных», 24,6 — как «частично политически неграмотных» и лишь 8,8% — как «политически грамотных» (*А. Шокин*. Краткая история ВЛКСМ, 2-е издание, 1928, с. 112).
34. «Тринадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1924, с. 535.
35. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 573.
36. *И. Сталин*. Соч., т. 7, с. 348.
37. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 82, 691.
38. «Большевик», № 23—24, 30 декабря 1925 г., с. 45.
39. О ее ранней истории см. «Вестник Социалистической академии», т. I, 1922, с. 13—39. Декрет от 1919 г. («Собрание узаконений», 1919, № 12, ст. 123) определил ее задачи как «подготовку научных работников по социализму и ответственных работников по социалистическому строительству».
40. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 381.
41. Об истории этих курсов см. «Большевик», № 21, 15 ноября 1931, с. 78—83; их первым директором был Рязанов. Об условиях приема см. «Справочник партийного работника», т. 2, 1922, с. 96.
42. «Известия ЦК РКП(б)», № 7, (43), 1922, с. 6.
43. «Вестник Коммунистической академии», т. 8, 1924, с. 379.
44. О его ранней истории см.: *В. Невский*. Отчет Рабоче-крестьянского Коммунистического университета имени Свердлова, 1920; его создание было результатом решения «организовать высшую партийную школу при ЦК», принятого в марте 1919 г. на VIII съезде партии («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 305).
45. «Записки Коммунистического университета им. Свердлова», 1924, т. II, с. 253.
46. *И. Сталин*. Соч., т. 7, с. 215—216.
47. «Известия ЦК РКП(б)», № 33, октябрь 1921 г., с. 17; после 1925 г. он стал Ленинградским коммунистическим университетом, а позднее назывался Сталинским университетом.
48. Об этих цифрах см. «Коммунистическое просвещение», № 3—4, 1924, с. 58—61; «СССР: год работы правительства, 1924—25», 1926, с. 649—650; там же, 1925—1926, 1927, с. 524.
49. «Коммунистическое просвещение», № 3—4, 1924, с. 62; отдел Агитпропа ЦК партии тем не менее имел у себя список всех преподавателей коммунистических университетов и держал под своим контролем их назначение («Известия ЦК РКП(б)», № 11—12, ноябрь — декабрь 1922, т. 19).
50. «Собрание узаконений», 1921, № 12, ст. 79.
51. Об отношении к этому студентов см. «Междущарствие...», гл. 13.
52. Путаный и неубедительный отчет об этом был дан Ярославским в октябре 1924 г. на заседании ЦКК. Он отрицал якобы голословные утверждения, будто 60% студентов были на стороне оппозиции, но признал, что треть из них была исключена: высокий процент среди них составляли «бывшие сионисты... бундовцы, эсеры, меньшевики всякого оттенка». Он добавил, что московская Контрольная комиссия восстановила более одной трети исключенных, а в конце концов и 80% остальных («Правда», 8 октября 1924 г.). Утверждалось, что слушатели курсов марксизма-ленинизма в Коммунистической академии в отличие от студентов Института Красной профессуры выступили 1923—1924 гг. против Троцкого, хотя некоторые из них поддержали в 1925 г. ленинградскую оппозицию («Большевик», № 21, 15 ноября 1931 г., с. 82—83).

53. О критических замечаниях Крупской по этому поводу на XIV съезде партии см. гл. 17.
54. «Партийное строительство», № 2, 1930, с. 25. Неудовлетворительная и поверхностная статья об Институте Красной профессуры, напечатанная в «Большой советской энциклопедии», т. 34, 1937, с. 600—601, оценивает ежегодное число выпускников в период между 1921 и 1929 гг. в 75—140 человек, из которых 7—8% составляли рабочие, однако общее их число представляется завышенным. Название этой статьи относится к институтам во множественном числе, однако, насколько можно судить, до 30-х годов, кроме Москвы, нигде подобных институтов не существовало.
55. «VI съезд РСДРП(б)», 1934, с. 183.
56. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 305.
57. Там же, т. I, с. 343.
58. «Справочник партийного работника», т. I, 1921, с. 58; о подробных учебных программах этих школ см. там же, т. I, с. 59—63.
59. Там же, т. II, 1922, с. 33.
60. Там же, т. II, с. 57, 60.
61. «Известия ЦК РКП(б)», № 4 (52), апрель 1923, с. 51. Половина тех, кто посещал школы второй ступени, и одна треть посещавших школы первой ступени были членами партии (там же, № 3 (51), март 1923, с. 126). Утверждение, сделанное в марте 1922 г. на XI съезде партии, будто тогда функционировали 70 школ второй ступени и 200 школ первой ступени, в которых обучалось 30 тыс. человек, представляется преувеличенным; согласно данным, опубликованным в журнале «Коммунистическое просвещение», № 2, 1922, с. 35—36, 102, в статистику было включено много учащихся, которым так и не удалось закончить курсы. В ежегоднике «СССР: год работы правительства, 1924—1925», 1926, с. 649—650; там же, 1925—1927, с. 524, было дано общее число учащихся на 1 января 1925 г.—21 553, а на 1 января 1926 г.—29 789 человек. Как учебник для совпартшкол была написана книга Бухарина «Теория исторического материализма», 1922 («Известия ЦК РКП(б)», № 3, (39), март 1922, с. 7).
62. «Коммунистическое просвещение», № 4—5, 1923, с. 231—232.
63. И. Сталин. Соч., т. 5, с. 203.
64. «Справочник партийного работника», т. 5, 1925—1926, с. 322—323.
65. «Коммунистическое просвещение», № 2, 1927, с. 36—38.
66. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 415. Этот вариант речи Ленина на Всероссийском совещании политпросветов, откуда была взята эта цитата, был первоначально опубликован в «Правде» 30 августа 1918 г. и характеризовался как «сокращенное газетное изложение». Более поздние издания произведений В. И. Ленина (2-е издание, т. XXIII, с. 197—199; 4-е издание, т. 28, с. 66—69) содержали существенное отличие, хотя и тоже краткое, изложение этой речи, которое, как там указывается, было взято из опубликованных в 1919 г. протоколов совещания.
67. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 455—456.
68. Этот декрет ВЦИК цитируется в: «Коммунистическое просвещение», № 1, 1920, с. 49.
69. «Десятый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1921, с. 54—75; эти замечания Преображенского и Рязанова уже цитировались выше, с. 146.
70. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 379—380; о финансировании школ политграмоты и коммунистических университетов, см. также: «Известия ЦК РКП(б)», № 8, (45), сентябрь 1922, с. 21; № 11—12 (47—48), ноябрь—декабрь 1922, с. 19.
71. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 448.
72. «Коммунистическое просвещение», № I, 1922, с. 107—109.
73. «Справочник партийного работника», т. 4, 1924, с. 152—154.
74. Там же, т. 5, 1925, 1926, с. 325—326.
75. См. выше, с. 152.
76. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 506.
77. В приведенной ниже таблице содержатся данные о числе учащихся заведений массового политического образования за два года:

	1924 — 1925 гг.	1925 — 1926 гг.
Краткосрочные школы политграмоты	339 680	200 000
Обычные школы политграмоты	125 940	185 340
Вечерние совпартшколы	1 000	9 000
Группы по изучению марксизма-ленинизма	63 500	53 000
Группы по изучению, организованные в частном порядке		95 000

Вдобавок к этому сообщалось, что в 1925—1926 гг. действовало еще 1645 передвижных школ политграмоты («Коммунистическое просвещение», № 2, 1927, с. 31—32).

78. Т. I, гл. 7.

79. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 343.

80. Многочисленные примеры подобных настроений содержатся в книге: Л. Троцкий. Вопросы быта, 2-е издание, 1923, с. 112—113, 115, 121, 125. Члены партии направлялись на работу по решению партийных властей, в то время как беспартийные могли выбирать работу по собственному усмотрению. У членов партии не было времени, чтобы побыть с семьей: даже их жены должны были «работать как лошади», тоже испытывая давление и боясь, как бы не уронить престиж мужа как члена партии. Никто не хотел жениться на женщине — члене партии, которая стала бы ради партии пренебрегать своими обязанностями по отношению к мужу и к семье.

81. Имеются сведения, что этот отлив достиг в 1922 г. в некоторых районах страны 10% от общего числа членов партии («Известия ЦК РКП(б)», № 11—12, 1922, с. 30).

82. «Междущаствие...», гл. 14.

83. См., например: «Справочник партийного работника», т. 4, 1924, с. 115.

84. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8.

85. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 81.

86. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 363—384.

87. Ленин рассматривал «распределение партийных сил» как главную функцию Оргбюро, считал, что этот орган должен подчиняться Политбюро, поскольку организационные вопросы не могут быть независимы от политических. Эта точка зрения, впервые высказанная в 1920 г. и повторенная в апреле 1922 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 237, 262—263; т. 45, с. 122), полностью обходила молчанием вопрос о Секретариате.

88. Этот документ находится в архивах Троцкого с пометками, сделанными Троцким во время дискуссии 29 января 1923 г.: одна из пометок гласит: «Ничего не утверждать сегодня».

89. Меморандум Троцкого от 22 февраля 1923 г., адресованный ЦК; находится в архивах Троцкого.

90. И. Сталин. Соч., т. 5, с. 227; «XII съезд РКП(б)», 1923, с. 122. О критике Осянского в адрес Зиновьева см. «Междущаствие...», гл. 11.

91. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 501—502.

92. «Междущаствие...», гл. 11.

93. О последствиях «ленинского призыва» см. там же, гл. 14.

94. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 468, 484; об этом обмене репликами см. гл. 17.

95. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 76, 81; о данных за 1924 г. см: И. Сталин. Соч., т. 6, с. 201 (расчеты, приведенные в тексте, основаны на данных от 1 мая 1924 г., составивших 600 тыс. членов).

96. Там же, с. 89.

97. «Большевистская революция...», т. I, гл. 9.

98. И. Сталин. Соч., т. 6, с. 186—188.

99. «Большевистская революция...», т. I, гл. 9. Крестинский представил отчет о массовых мобилизациях, проведенных в минувшем году, на проходившем в марте 1921 г. X съезде партии; новая концепция персональных назначений, требовавших специальных характеристик, берет начало с решения от декабря 1921 г. («Известия ЦК РКП(б)», № 1 (49), январь 1923., с. 11—14).

100. О карьере Кагановича см. «Большая советская энциклопедия», т. 30, 1937, с. 514—518.

101. «Известия ЦК РКП(б)», № 3 (51), март 1923 г., с. 39—40.

102. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 504.

103. «Известия ЦК РКП(б)», № 9—10 (57—58), октябрь—ноябрь 1923., с. 33; № 4 (62), апрель 1924, с. 40—42; в то время Учраспред располагал весьма скромным персоналом, состоявшем из 1 начальника, 3 заместителей и 12 помощников (там же, № 7—8 (55—56), август—сентябрь 1923, с. 24).

104. Похоже, что текст этого решения так и не был опубликован: ссылка на него содержится в резолюции ЦК от 8 ноября 1923 г. (см. ниже).

105. «Известия ЦК РКП(б)», № 1 (59), январь 1924 г., с. 64—67; о «выдвижении», см.: т. I, гл. 3.

106. «Известия ЦК РКП(б)» № 4 (62), апрель 1924, с. 42.

107. Этот отдел первоначально назывался «отделом организации и инструктажа» и ведал «связями Центрального Комитета с местными организациями» (там же, № 3, (51), март 1923, с. 3); теперь он был разделен на две части, одна половина слилась с Учраспредом, образовав Орграспред, а из другой был основан новый «информационный отдел».

108. «К XIV съезду РКП(б)», 1925, с. 1; «Известия ЦК РКП(б)», № 17—18 (92—93), 11 мая 1925, с. 7—8.

109. «К XIV съезду РКП(б)», 1925, с. 27—29.

110. Текст этого решения с комментариями опубликован в: «Известия ЦК ВКП(б)», № 1 (122), 18 января 1926, с. 2—5.

111. М. Равич-Черкасский. История Коммунистической партии (большевики) Украины, 1923, приложение 13.

112. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 351.

113. «Десятый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1921, с. 12.

114. «Одиннадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1936, с. 57—58.

115. «Десятый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1921, с. 44.

116. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 412, 436.

117. «Известия ЦК РКП(б)», № 3 (51), март 1923 г., с. 51.

118. Таблица, показывающая в процентном выражении социальное происхождение секретарей губкомов партии во время XI (1922 г.), XII (1923 г.) и XIII (1924 г.) съездов партии, была опубликована в 1924 г.:

Год	Рабочие	Крестьяне	Служащие
1922	24,7	3,6	71,7
1923	44,6	0,9	54,5
1924	48,6	—	51,4

(«Известия ЦК РКП(б)», № 4 (62), апрель 1924, с. 5).

119. И. Сталин. Соч., т. 5, с. 217—218.

120. «Двенадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1923, с. 133.

121. Там же, с. 438.

122. «ВКП(б) в резолюциях...», т. I, с. 504—505.

123. «Известия ЦК РКП(б)», № 6 (54), июль 1923 г., с. 84; № 7—8 (55—56), август—сентябрь 1923, с. 95. Сталин выступил в этой школе 17 июня 1924 г. с важной речью, объясняя, что причина выбора им этой аудитории как раз в том и заключается, что в сложившихся условиях уезд стал узловым пунктом во взаимоотношениях между партией и крестьянством (И. Сталин. Соч., т. 6, с. 259—260); с краткой речью на заключительном занятии этих курсов выступил 30 июня 1924 г. Троцкий, извинившись, что из-за болезни

не смог ранее прочитать на этих курсах лекцию (Л. Троцкий. Сочинения, т. 21, с. 365—368).

124. О письме Троцкого от 8 октября 1923 г. см. «Междущарствие, 1923—1924», гл. 12.

125. Там же.

126. Там же.

127. Там же, гл. 13.

127. Там же, гл. 12, 14.

129. Там же, гл. 13.

130. «Известия ЦК РКП(б)», № 4 (62), апрель 1924, с. 42, 77.

131. Там же, № 31—32 (106—107), 24 августа 1925, с. 6.

132. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 45.

133. Ниже приводится типичное для весны 1926 г. объявление: «В связи с избранием тов. Антипова в члены секретариата и бюро Ленинградского губкома Центральный Комитет согласен с предложением Уральского обкома утвердить тов. Сулимова первым секретарем Уральского обкома» («Известия ЦК ВКП(б)», № 10—11 (131—132), 22 марта 1926, с. 6).

134. Там же, с. 3—4.

135. Там же, № 19—20 (140—141), 24 мая 1926, с. 1.

136. См. выше, с. 162.

137. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 83.

138. Об этой выдержке из речи Крупской см. «Междущарствие...», гл. 13.

139. «Правда», 29 декабря 1925 г. Глебов-Авилов в своем письменном обращении к съезду жаловался, что его слова исказили, однако это отречение явно относится только к заключительному замечанию.

140. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 54.

141. «VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 113; другой делегат съезда цинично прокомментировал это заявление словами известной поговорки: «Лес рубят, щепки летят» (там же, с. 130).

142. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8. Дзержинский и Преображенский, которые тоже были членами ЦК, вышли из состава комиссии за некоторое время до прошедшего в марте 1921 г. X съезда партии и съезд полностью избрал новый состав, состоящий из семи человек.

143. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8.

144. «Одиннадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1936, с. 133—134; ссылка на профсоюзных руководителей была, возможно, связана со смутными воспоминаниями об акциях, предпринятых в мае 1921 г. против Томского, Рудзутака и Рязанова (см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19).

145. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 441—442.

146. Имена тех, кто был избран на X и XI съезды, приведены в: там же, 5-е издание, 1936, т. I, с. 404, 462; в последующих изданиях они были опущены.

147. «Большевистская революция...», т. I, гл. 9.

148. Мотивы исключения в течение первого квартала 1925 г. 2382 членов партии (были исключены также 1766 кандидатов) классифицировались в процентном выражении следующим образом: нарушение коммунистической этики — 22,9%; преступления по должности — 18,3; пьянство — 16,3; уголовное преступление — 15,4; чуждый элемент — 8,9; нарушение партийной дисциплины — 8,8; отрыв от партии — 5,8; исполнение религиозных обрядов — 3,3%. Из всех исключенных 57% были приняты в партию в 1919 или в 1920 г. (когда прием в партию был широко открыт); только 1,5% из них состояли в партии до 1917 г. («Известия ЦК РКП(б)», № 34 (109), 7 сентября 1925, с. 5). В период между июлем 1924 г. и июлем 1925 г. были призваны к ответу за проступки против партии 46 600 членов партии, из них 31% был исключен; большинство обвиняемых классифицировались как «служащие». Наиболее частым нарушением было пьянство, потом шло нарушение партийной дисциплины («XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 534, 535).

149. «Междущарствие...», гл. 14.

150. В то время, по всей видимости, контрольные комиссии создавались главным образом при губкомах и обкомах партии; одобренный в декабре 1925 г. XIV съездом партии новый Устав предусматривал создание контрольных

- комиссий и на уровне округов («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 87).
151. «Ленинградская правда», 8 октября 1924 г.: 158 из 832 членов были заняты работой по линии Рабкрина, то есть контролем и инспекцией советских учреждений — интересное свидетельство того факта, что эта сторона деятельности контрольных комиссий в значительной мере отошла на второй план, уступив место партийной работе.
152. «Международствие...», гл. 12.
153. Там же, гл. 13—14.
154. Т. I, гл. 2.
155. О Лутовинове см. «Международствие...», гл. 4. Бош была женой Пятакова, выступавшего от оппозиции на партконференции в январе 1924 г. (о ее смерти без всяких комментариев сообщалось в: «Правда», 6 января 1925 г.); о Глазмане см. гл. 11.
156. «Международствие...», гл. 14.
157. Это было единственным делом такого рода, упомянутым в докладе ЦКК на XIV съезде партии. Написанное Медведевым в январе 1925 г. «письмо в Баку», по всей вероятности, обнаружено комиссией в какой-то момент в течение 1925 г., но не было открыто разоблачено вплоть до лета 1926 г., что, возможно, объясняется тем, что в этот период еще продолжалось расследование. Об этом будет рассказано в следующем томе.
158. Сведения о содержании этого письма основаны на выдержках, приведенных Ярославским — не слишком надежным свидетелем — на прошедшей в декабре 1925 г. ленинградской губпартконференции («Ленинградская правда», 6 декабря 1925 г.).
159. «Правда», 22 ноября 1925 г. Примечательно, что в то время партийные взыскания не влекли за собой автоматически отстранения от работы в советских органах; «Власть советов», № 3 и 4, 17 и 24 января 1926 г., опубликовала статью Дробиниса по проблеме беспризорных детей.
160. «Правда», 5 октября 1924 г.
161. В соответствии со статьей № 89 Уголовного кодекса РСФСР от 1922 г. «недонесение» о контрреволюционных преступлениях, «известных, готовящихся или совершенных», карается лишением свободы с максимальным сроком до одного года.
162. «Международствие...», гл. 14.
163. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 566, 570, 595—596, 600—601, 612—613.
164. «Международствие...», гл. 14.
165. Эта сдержанность дала возможность Бухарину припомнить это в своем выступлении против Зиновьева (см. гл. 17).
166. «VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 96.
167. «Известия ЦК ВКП(б)», № 16—17, (137—138), 3 мая 1926, с. 5.
168. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 542.
169. «Тринадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1924, с. 112.
170. Там же, с. 159—160.
171. «Ленинградская правда», 8 мая, 28 мая 1924 г.
172. См. гл. 11; в результате этого были смещены или переведены «десятки, а возможно, и сотни» московских партийных работников («XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 384).
173. О меморандуме Троцкого см. гл. 18.
174. Об исключении Комарова из состава делегации см. гл. 17; сходной тактике следовали, без сомнения, обе стороны.
175. «Большевик», № 14, 31 июля 1926 г., с. 59.
176. «Международствие...», гл. 13.
177. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет, 1926, с. 221.
178. Там же, с. 193, 394; назвал Москву «империей товарища Угланова» один из выступавших от оппозиции (там же, с. 384).
179. Там же, с. 173, 179.
180. Об этих высказываниях см. гл. 17.

Глава 20. Союз и республики

1. Информацию о самой Конституции СССР см. в: «Большевистская революция...», т. I, гл. 14.

2. Данные о численности населения в соответствии с переписью, проведенной в декабре 1926 г., представлены ниже:

РСФСР	100 891 244
Украинская ССР	29 018 187
Белорусская ССР	4 983 240
Закавказская СФСР	5 861 529
Узбекская ССР	5 272 801
Туркменская ССР	1 000 914
СССР	147 027 915

3. См.: «Большевистская революция...», т. I, гл. 9.

4. В статью 11 Конституции, предписывавшую собираться «один раз в год», IV съездом была внесена поправка «один раз в два года». Однако даже это не выполнялось: в период между 1931 и 1935 гг. съездов вообще не было.

5. На проходившем в мае 1924 г. XIII съезде партии Зиновьев настаивал на том, чтобы «у нас не было ни одного губернского съезда советов и даже, может быть, ни одного уездного съезда советов, который прошел бы без подробного доклада о работе Наркоминдела», в целях популяризации внешней политики среди крестьян («Тринадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1924, с. 50). На проходившем в мае 1925 г. III Всесоюзном съезде Советов некоторые делегаты выступили с речами, где требовали более жесткой и энергичной внешней политики, и Чичерин ответил заверениями относительно намерений правительства («III съезд Советов», 1925, с. 66—100, 114—117, 130—131, 145—147). Хотя было бы опрометчиво отрицать какой бы то ни было спонтанный характер этих выступлений, тем не менее ясно, что они были рассчитаны на то, чтобы укрепить позиции Советского правительства в переговорах с иностранными государствами; один из критиков упомянул о присутствии в зале иностранных дипломатических представителей (там же, с. 147). Прецеденты критических выступлений по поводу внешней политики повторялись и на более поздних съездах, когда уже Литвинов заменил Чичерина. Выступления же о внутренней политике, которые следовали за традиционными докладами председателя Совнаркома, носили почти исключительно восхваляющий характер и редко затрагивали спорные проблемы.

6. Положение о ЦИК, составленное в ноябре 1923 г., напечатано в: «Постановления Третьей сессии ЦИК СССР», 1923, с. 3—11, и в: «Собрание узаконений», 1923, № 106, ст. 1030.

7. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 541—545.

8. «Большевистская революция...», т. I, гл. 13.

9. «Международство...», гл. 14.

10. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия», 1924, с. 5.

11. Т. I, гл. 8.

12. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия», 1926, с. 615. Украинский уголовный кодекс вступил в силу 15 сентября 1922 г. («Збирник узаконень та распоряжень», 1922, № 36, ст. 554).

13. Согласно: М. Рейкель. Союз Советских Социалистических Республик, Харьков, 1925, т. I, с. 47, преамбула к кодексу в том виде, в каком она была первоначально составлена, содержала положение, предусматривающее его распространение на другие республики; если считать это верным, то любые упоминания об этой бестактной формулировке были из стенографического отчета об этой сессии вычеркнуты.

14. «IV сессия ВЦИК IX созыва: бюллетень», № 8, 1 ноября 1922, с. 21.

15. Гражданский кодекс был принят Украинской ССР 1 февраля 1923 г., Армянской ССР — 10 апреля 1923 г., Грузинской ССР (с поправками в главе о наследовании) — 1 сентября 1923 г. («Das Recht Sowjetrusslands», ed. A. Maklerow, 1925, S. 253—354); аграрный кодекс был принят с поправками

Украинской ССР — 29 ноября 1922 г., Грузинской ССР — 15 мая 1924 г. и Белорусской ССР — 24 февраля 1925 г. (*V. Gsovski, Soviet Civil Law, v. I, Michigan, 1948, p. 660*), где цитируется советский учебник: «Земельное право», 1940).

16. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия», 1924, с. 454.

17. «Большевистская революция...», т. I, гл. 14.

18. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия», 1924, с. 404—414.

19. Пикантный оттенок этому альянсу придает то обстоятельство, что Крыленко и Скрыпник были противниками, выступавшими в противоположных лагерях, когда в мае 1922 г. была учреждена должность прокурора (см. т. I, гл. 2); переменившим тон оказался именно Крыленко.

20. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия», 1924, с. 439—440, 452.

21. Об этих «основах» см. гл. 24.

22. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия», 1924, с. 465—466; 469—470.

23. Там же, с. 589—590; «Постановления ЦИК Союза ССР: 2-ая сессия», 1924, с. 93—99.

24. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия», 1924, с. 616—624.

25. Дальнейшее обсуждение этого вопроса см. гл. 24.

26. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия», 1924, с. 468, 491.

27. Там же, с. 507—509.

28. Подробные сведения о частоте и продолжительности его заседаний собраны в: *J. Towster. Political Power in the USSR, 1917—1947, N. Y., 1948, p. 229—230*; в период между 1923 и 1936 гг. в среднем приходилось менее 10 дней в год.

29. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 3-я сессия», 1925, с. 8, 101—102.

30. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-я сессия», 1926, с. 568—570.

31. «Большевистская революция...», т. I, гл. 9. О различных видах полномочий, осуществляющихся президиумом, см. *J. Towster. Political Power in the USSR, 1917—1947, N. Y., 1948, p. 244*.

32. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия», 1924, с. 506—507, 515—517; «Собрание законов», 1924, № 19, ст. 183.

33. «Третий съезд Советов СССР: постановления», 1925, с. 30.

34. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 528.

35. В соответствии с поправкой, одобренной в мае 1925 г. III съездом Советов, их число было увеличено до 27 (по девять человек из каждой категории). («Третий съезд Советов СССР: постановления», 1925, с. 9). На следующем заседании ЦИК, где должны были проходить выборы президиума, Енукидзе представил список кандидатур, «предложенных» обоими этими Советами, предполагая, что они требуют утверждения ЦИК как единого целого; Скрыпник выступил с протестом против такой интерпретации, но безрезультатно, хотя теперь этот вопрос представляет чисто академический интерес («СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 1-ая сессия», 1925, с. 11—13). Каждая палата тоже имела свой президиум, но эти органы занимались исключительно вопросами организации работы и никаких законодательных или исполнительных полномочий не имели.

36. «Систематическое собрание действующих законов СССР», т. I, 1926, с. 30—31.

37. «Постановления Третьей сессии ЦИК СССР», 1923, с. 13—15; за этим последовало общее Положение о народных комиссариатах СССР (там же, с. 16—22). Эти документы были также опубликованы в: «Собрание узаконений», 1923, № 106, ст. 1031; № 107, ст. 1032.

38. «Третья сессия ЦИК СССР», 1923, с. 68—73.

39. Это различие было формализовано декретом от мая 1925 г. («Собрание законов», 1925, № 35, ст. 258).

40. О статусе этих органов см. «Систематическое собрание действующих законов СССР», т. I, 1926, с. 36—45, 52—54.

41. Относившиеся к этому времени соображения на этот счет приведены в: *J. Towster. Political Power in the USSR, 1917—1947*, N. Y., 1948, p. 245, note 10.

42. В ходе V Татарского съезда Советов был пролит свет на взаимоотношения между ЦИКом и Совнаркомом Татарской Автономной ССР. Там президиум ЦИК был признан как «малый» Совнарком. Эта реорганизация была «продиктована главным образом соображениями формальности, хотя как положительную характеристику малого Совета народных комиссаров следует отметить, что в его состав включен заместитель председатель Центрального Исполнительного Комитета, и благодаря этому изменению достигается прекрасная координация работы Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров»; еще одним результатом этой реформы было то, что теперь уже редко возникала необходимость представлять решения Совнаркома на утверждение в ЦИК («Пятый съезд Советов Татарской ССР», Казань, 1925, с. 34, 56, цит. в: *W. R. Batsell. Soviet Rule in Russia*, N. Y., 1929, pp. 334—335.

43. См., например, ст. 3 Конституции РСФСР от мая 1925 г. («Собрание узаконений», 1925, № 30, ст. 218).

44. О декретах РСФСР и Белорусской ССР о создании этих постов см. «Собрание узаконений», 1924, № 70, ст. 691; «Собрание узаконений ССР Белоруссии», 1924, № 21, ст. 185, которые предписывали, чтобы белорусские представители «принимали участие в заседаниях ЦИК, Совнаркома и СТО СССР». Титул «представителей» имел квазидипломатический оттенок, который, несомненно, льстил республикам.

45. «Систематическое собрание действующих законов СССР», т. I, 1926, с. 33—34.

46. «Большевистская революция...», т. I, гл. 14.

47. «Систематическое собрание действующих законов», т. I, 1926, с. 68—72; существует официально зарегистрированный декрет РСФСР, который предоставлял Ворошилову как «полномочному представителю Народного комиссариата по военным и морским делам СССР в Совнаркоме РСФСР» право участвовать в работе его заседаний с правом решающего голоса («Собрание узаконений», 1925, № 55, ст. 416). Аналогичное постановление Белорусской ССР предусматривало прикомандирование к белорусскому Совнаркому «полномочного представителя Народного комиссариата почт и телеграфа СССР» («Собрание узаконений СССР Белоруссии», 1924, № 27, ст. 240). Из статьи 11 положения о Совнаркоме Молдавской Автономной ССР, перевод которой можно найти в: *W. R. Batsell. Soviet Rule in Russia*, N. Y., 1929, p. 625—632, вытекает, по всей видимости, что их полномочные представители прикомандировывались и к совнаркомам автономных ССР.

48. Эта статья основывалась на статье 17 первоначального договора об основании Союза от 30 декабря 1922 г.; эта первоначальная статья содержала ограничительное выражение «в исключительных случаях», которое было опущено в тексте Конституции.

49. «Систематическое собрание действующих законов СССР», т. I, 1926, с. 71.

50. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 286.

51. «Собрание узаконений», 1925, № 70, ст. 553.

52. Там же, № 72, ст. 569.

53. «Большевистская революция...», т. I, гл. 14; один советский комментатор, объясняя рост преобладающей власти федеральных органов, предусмотрительно прибегнул к параллели с доктриной Вудро Вильсона о «подразумеваемых полномочиях» («implied powers»). (*М. Рейкель. Союз Советских Социалистических Республик*. Харьков, 1925, т. I, с. 96—100.)

54. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 92.

55. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия», 1926, с. 625.
56. Там же, с. 632.
57. См. гл. 17.
58. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8.
59. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 891.
60. Национальные отряды партии из вселенности назывались Украинской партией, Белорусской партией, Грузинской партией и т. д., однако было с самого начала ясно дано понять, что они не являются независимыми и пользуются лишь правами региональных комитетов единой партии (см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 12). Предложение лишить их титула партий было отвергнуто под тем предлогом, что это «набросило бы определенную тень на нашу национальную политику» («XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 892).
61. Там же, с. 881.
62. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 285; «Собрание узаконений», 1924, № 27, ст. 258.
63. Д. Курский. Избранные статьи и речи, 1948, с. 107—111, содержит речь, по всей видимости, произнесенную на заседании этой комиссии, где Курский уже подвел к выводу о том, что этой поправки будет недостаточно и что потребуются разработка новой Конституции; дата там не указана.
64. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 282—283, 288.
65. «XII Всероссийский съезд Советов», 1925, с. 136—178; проект Конституции был напечатан в: «Известия», 3 мая 1925 г.
66. «Большевистская революция...», т. I, гл. 6.
67. По-видимому, именно Госплан первым выдвинул возражения против того, чтобы сохранить текст этой декларации, и получил поддержку Совнаркома РСФСР («Экономическая жизнь», 29 апреля 1925 г.). В декларации *inter alia* рекомендовалось введение «советского закона о рабочем контроле» и «всеобщей трудовой повинности», из которых первое быстро оказалось неосуществимым практически, а второе кончилось военным коммунизмом. В новой Конституции была также опущена цитата «Кто не работает, тот не ест», и дело ограничилось лишь заявлением, что РСФСР «признает труд как обязанность всех граждан республики» (статья 9).
68. «Большевистская революция...», т. I, гл. 9.
69. «XII Всероссийский съезд Советов», 1925, с. 252—253; окончательный текст Конституции см. в: там же, с. 5—23.
70. Там же, с. 267.
71. Там же, с. 6, 261—267.
72. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 133—134.
73. Первый выпуск «Собрания законов СССР» был датирован 13 сентября 1924 г. и содержал законы и постановления, принятые с 1 июля 1924 г.
74. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 133; Рязанов предложил, чтобы Москва и Ленинград обе стали объединенными столицами РСФСР («Третья сессия ВЦИК XI созыва», 1925, с. 69).
75. Об их списке см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 13.
76. Там же; доводы против этого предложения аргументируются в: И. Сталин. Соч., т. 5, с. 151—152.
77. Об этих изменениях и о последующих конституционных урегулированиях в Средней Азии см. гл. 20.
78. См. гл. 21.
79. «Собрание узаконений», 1924, № 7, ст. 33; № 20, ст. 199; «Собрание узаконений», 1925, № 26, ст. 184; № 43, ст. 319. Документ областного съезда Советов Автономной области Немцев Поволжья, датированный 4 января 1924 г. и провозгласивший превращение области в автономную республику, заканчивался запоздалым призывом, отражавшим революционные надежды прошедшей осени относительно Германии: «Съезд обращает внимание борющегося германского пролетариата на нашу маленькую автономию и еще раз подчеркивает

различие между демократической свободой Германии, попираемой как собственным, так и европейскими капиталами, и действительной свободой национальностей, объединенных в Союз Советских Социалистических Республик» (*Е. Гросс. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья*. Покровск, 1926, с. 33—34).

80. «Собрание узаконений», 1926, № 11, ст. 82; в сентябре 1925 г. Кабардино-Балкарская автономная область обратилась в четвертую годовщину с момента своего создания с петицией о преобразовании ее статуса в автономную республику, но безуспешно («Власть Советов», № 43, 25 октября 1925 г., с. 9—10).

81. Там же, № 25, ст. 198; о конституции Северо-Кавказской области см. гл. 21.

82. Цит. в: *В. Дурденевский*. Равноправие языков, 1927, с. 237.

83. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 113—117; о конституции Немцев Поволжья см. также: «Власть Советов», № 15, 11 апреля 1926 г. Позднее автономные республики были признаны как «социалистические государства рабочих и крестьян» (*А. Вышинский*. Советское государственное право, 1938, с. 284).

84. «Советское строительство», № 3—4, октябрь—ноябрь 1926 г., с. 33.

85. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

86. «Пролетарская правда» (Киев), 22 января 1924 г.

87. Это решение от 10 мая 1925 г. было опубликовано в: «Съезды Советов в документах», т. V, 1964, с. 149—155.

88. *А. Вышинский*. Советское государственное право, 1938, с. 110.

89. *W. R. Batsell*. Soviet Rule in Russia, N. Y., 1929, p. 354—356.

90. Эта резолюция Украинского съезда, резолюция Молдавского съезда и текст Конституции опубликованы в: «Резолюции Всеукраинских Живидв Рад», 1932, с. 223—231; молдавский съезд вкратце освещен в: «Власть Советов», № 20, 15 мая 1925 г., с. 14. Текст молдавской Конституции был первоначально опубликован в: «Сборник узаконений та распоряжений», 1925, № 51, ст. 313. Оба пересмотренных текста украинской и молдавской Конституций опубликованы в: «Конституция СССР та МССР». Харьков, 1927.

91. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

92. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 3-я сессия», 1927, с. 67.

93. «Собрание узаконений», 1924, № 24, ст. 237; № 39, ст. 357 (о заявлении см. там же, № 47, статья без номера); «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 3-я сессия», 1927, с. 93. Подробное изложение всех стадий, которые предшествовали принятию этого решения, дано в: «Исторические записки», т. 46, 1954, с. 291—292; оно обсуждалось местными и центральными партийными органами в период между маем и декабрем 1923 г. и было утверждено V белорусским съездом Советов в январе 1924 г.

94. О содержании переговоров между Белоруссией и Украиной, которые привели к этой передаче, см. «Советское строительство: сборник», т. II—III, 1925, с. 184—185; в первоначальном предложении речь шла об обмене, но в конце концов Белоруссия так ничего практически взамен и не дала. Соглашение было одобрено ЦИКАми обеих республик (утверждение Белоруссией опубликовано в: «Собрание узаконений ССР Белоруссии», 1925, № 8, ст. 72) и наконец 16 октября 1925 г. было одобрено ЦИКом СССР («Известия», 31 января 1926 г.).

95. «История Советской Конституции в декретах», 1936, с. 268—269; об эмбриональной конституции Белорусской ССР от 1919 г. см «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

96. На это есть намек в: *В. Игнатьев*. Советский строй, 1923, с. 113.

97. Это было опубликовано на четырех языках — белорусском, русском, польском и идише — в приложении к стенографическому отчету съезда («Восьмий Усебеларуски Зъезд Советау», Минск, 1927); опубликовано также в: «Собрание советских конституций и конституционных актов», под ред. *А. Малицкого*, Харьков, 1928, с. 63—76.

98. Об этих событиях см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

99. Т. I, гл. 5. Его национальные аспекты будут рассмотрены в следующем томе.

100. «Большевистская революция...», т. I, гл. 14.

101. Конституция в своем окончательном виде вместе с резолюциями от 14 апреля 1925 г., 29 января 1926 г. и 15 февраля 1926 г., зафиксировавшими ее одобрение и внесение в нее поправок, опубликована в: «Основной Закон (Конституция) Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики». Тифлис, 1926; эта конституция напечатана также в: «Съезды Советов в документах», т. 6, 1964, с. 39—49.

102. «Власть Советов», № 14, 5 апреля 1925 г., с. 15.

103. Они опубликованы в: «Собрание советских конституций и конституционных актов», под ред. А. Малицкого. Харьков, 1928, с. 89—106, 107—129, 147—163.

104. Там же, с. 204—205.

105. Там же, с. 129—146.

106. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

107. «Вопросы истории», № 2, 1950, с. 7.

108. И. Сталин. Соч., т. 5, с. 151.

109. Там же, с. 249—250.

110. «Междоцарствие...», гл. 11.

111. И. Сталин. Соч., т. 5, с. 328—333.

112. обстоятельный рассказ о трудностях, которые возникли при поисках представителей, которые выражали бы настроения различных групп местного населения, а также об аресте и «интернировании» Бухарского правительства приведен в: *Baymirza Hayit. Turkestan im XX Jahrhundert*, Darmstadt, 1956, S. 108—109, 140—141; рассказ этот, по-видимому, основан на устной информации, и, хотя в нем и нет недостатка в правдоподобии, все-таки следует относиться к нему с осторожностью.

113. «Вопросы истории», № 2, 1950, с. 8. Как утверждалось, решение Бухарского съезда Советов сопровождалось приказами о смещении «чиновников, купцов и священнослужителей» с правительственных постов и лишении избирательных прав, а также конфискации имущества «капиталистических классов или элементов» (*Baymirza Hayit, Ibid.*, S. 141, где, однако, никаких источников не приводится): это было бы логическим следствием перехода к социалистическому статусу.

114. «Вопросы истории», № 2, 1950, с. 10—11.

115. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11. Об этой терминологии см. там же.

116. Эта резолюция была зачитана на сессии ЦИК РСФСР, проходившей в октябре 1924 г. («Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 320—322), а также в: «Собрание узаконений», 1924, № 87, ст. 874.

117. Этот декрет, датированный 20 сентября 1924 г., опубликован в: Ф. Ксенофонов. Узбекистан и Туркменистан, 1925, с. 31—33; выдержанный в том же духе обмен нотами между РСФСР и Бухарской республикой был напечатан в: «Правда», 5 октября 1924 г.

118. «Вопросы истории», № 2, 1950, с. 11; согласно одному не очень надежному источнику, это решение было принято под угрозой физического воздействия, поскольку помещение, где заседал съезд, было окружено советскими посланцами, сопровождаемыми отрядом войск (*Baymirza Hayit, Ibid.*, (S. 157).

119. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 309—324.

120. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-я сессия», 1924, с. 542—548; «Собрание законов», 1924, № 19, ст. 187.

121. Л. Каменев. Статьи и речи, т. XI, 1929, с. 189—190.

122. «Систематическое собрание действующих законов СССР», т. I, 1926, с. 207.

123. Декларации первых Узбекского и Туркменского съездов Советов опубликованы в: «История Советской Конституции в декретах», 1936, с. 271—

277. Краткий отчет об Узбекском съезде, который проходил в Бухаре (по-видимому, как акт примирения с переставшей существовать республикой) 14—18 февраля 1925 г., был опубликован в: «Власть Советов», № 11, 15 марта 1925 г., с. 16—17. Был избран ЦИК, состоявший из 160 членов и 44 кандидатов, 20% из которых были беспартийными; Файзулла Ходжаев был выбран председателем Совнаркома.

124. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 331; «Собрание узаконений», 1925, № 31, ст. 222; «Собрание законов», 1925, № 35, ст. 244, 245.

125. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 14—16, 18—21.

126. Там же, с. 135.

127. «Собрание советских конституций и конституционных актов», под ред. А. Малицкого. Харьков, 1928, с. 164—186, 187—200.

128. «Власть Советов», № 23—24, 14 июня 1925 г., с. 24—26.

129. «Собрание узаконений», 1925, № 31, ст. 222.

130. Там же, № 36, ст. 259; № 43, ст. 131.

131. Там же, № 49, ст. 377.

132. «Власть Советов», № 13, 28 марта 1926 г., с. 5.

133. «Плановое хозяйство», № 11, 1925, с. 246; «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 136. Эти трудности не ограничивались пределами Средней Азии. О тщетных попытках найти столицу для Калмыцкой автономной области, которая могла бы заменить Астрахань, русский город, отделенный от этой области широким устьем реки Волги, см. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 120—121; столица Адыгейской автономной области располагалась в Краснодаре, который лежит за пределами ее территории («Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 224).

Глава 21. Районирование

1. Об эластичности термина «село» см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 6.

2. «Собрание узаконений», 1917—1918, № 99, ст. 1019.

3. В действительности были образованы четыре «области» РСФСР (Московская, Уральская, Северная и Западная), но все они были ликвидированы в мае 1918 г. (*Л. Каганович*. Местное советское самоуправление, 1923, с. 51—52, цитировалось в: «Вопросы экономического районирования СССР», под ред. Г. Кржижановского, 1957, с. 237.)

4. А. Лужин. От волости к району, 1929, с. 15.

5. Детальный план сгруппировать 97 губерний (включая Финляндию) с образованием из них 14 краев был выдвинут в 1896 г. советником Витте — ученым и географом Менделеевым (*Д. И. Менделеев*. Сочинения, т. XXI, 1952, с. 197—212); когда были опубликованы результаты переписи населения, проведенной в 1897 г., 89 губерний (исключая Финляндию, где переписи не проводилось) были группированы в 19 краев.

6. «Съезды Советов в документах», т. I, 1959, с. 116.

7. «Районирование СССР», под ред. К. Егорова, 1925, с. 18.

8. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 29.

9. Здесь было использовано слово «район», которое не приобрело еще тогда своего специального смысла как обозначение самой мелкой административной единицы, пришедшей на смену волости: весь процесс административной реорганизации был известен под получившим широкое распространение названием «районирование».

10. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 332.

11. «Съезды Советов в документах», т. I, 1959, с. 135.

12. Эта концепция сохраняла свое влияние и значительное время спустя и явилась темой выпущенной в 1925 г. Наркомземом книги К. Н. Книповича. Сельскохозяйственное районирование; пространная научная статья о «сельско-

хозяйственном районировании», рассматривавшая вопрос именно под этим углом зрения и написанная явно в начале 1926 г., была опубликована в: «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, ч. II, 1927, ст. 42—133.

13. Прочитировано в: «Плановое хозяйство», № 11, 1936, с. 145—146.

14. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

15. Этот первоначальный проект был издан как: «План ГОЭЛРО», 1955.

16. «Социалистическое хозяйство», № 4, 1925, с. 73—79 (обещанное продолжение этой статьи так и не появилось); «Плановое хозяйство», № 3, 1925, с. 235—236.

17. Оба проекта Александра были в сокращенном виде напечатаны вместе со статьей Кржижановского в: «Вопросы экономического районирования», под ред. Г. Кржижановского, 1957, с. 66—101.

18. «Плановое хозяйство», № 3, 1925, с. 235—238.

19. Относительно этих тезисов см. «Районирование СССР», под ред. К. Егорова, 1925, с. 47—50, или: «Вопросы экономического районирования», под ред. Г. Кржижановского, 1957, с. 102—108; факт их одобрения президиумом зафиксирован там же, с. 305.

20. Об этих рекомендациях см. ниже, с. 203.

21. Об этих республиках см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 29.

22. «Вопросы экономического районирования», под ред. Г. Кржижановского, 1957, с. 109—174; это, как отмечалось, был сокращенный вариант доклада.

23. «III сессия ВЦИК IX созыва», № 12, 28 мая 1922 г., с. 16—20.

24. «Жизнь национальностей», № 21 (119), 10 октября 1921 г.

25. Там же, № 12 (147), 15 июня 1922 г.

26. В манифесте состоявшегося в июле 1920 г. II конгресса Коминтерна отмечалось, что «рабочее государство способно безболезненно сочетать национальные потребности с хозяйственными, очищая первые от шовинизма, освобождая вторые от империализма», и далее говорилось: «Социализм стремится связать все области, все районы, все национальности единством хозяйственного плана». («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 151.)

27. О дискуссии по этим вопросам см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 12.

28. «Плановое хозяйство», № 3, 1926, с. 39. Ревность и соперничество, связанное с опасением утратить позиции, не ограничивались лишь кругами облеченных властью бюрократов; упоминался случай, когда после слияния нескольких волостей в один новый район крестьяне настаивали на том, чтобы районный исполнительный комитет был укомплектован из людей со стороны, предпочитая это перспективе оказаться под властью начальства одной из бывших волостей («Советские по вопросам советского строительства, январь 1925», с. 153).

29. «Плановое хозяйство», № 3, 1926, с. 105.

30. «Двенадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1923, с. 429—438, 574—575.

31. «ВКП(б) в резолюциях...», т. I, с. 497—498.

32. Эти цифры были приведены в: «Плановое хозяйство», № 6, 1926, с. 179.

33. Соответствующие решения были приняты ЦИКом Украинской ССР на сессии, состоявшейся в октябре 1922 г. («Районирование СССР», под ред. К. Егорова, 1925, с. 112.)

34. Декреты относительно губерний были датированы 7 марта 1923 г. («Сборник узаконень та распоряжень», 1923, № 18—19, ст. 306—314; № 20—21, ст. 317), относительно округов и районов — 30 мая 1923 г. (там же № 20—21, ст. 318—319); история этого процесса зафиксирована в резолюции состоявшегося в мае 1925 г. IX Украинского съезда Советов («Пути укрепления рабоче-крестьянского блока», 1925, с. 90).

35. Об этих разногласиях см. «Плановое хозяйство», № 6, 1926, с. 180—181; «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия»,

1926, с. 406. «Вопросы экономического районирования», под ред. Г. Кржижковского, 1957, с. 320.

36. Это постановление Украинского ЦИКа от 1 июля 1925 г. было напечатано на украинском и русском языках в: «Радянська Україна», № 3 (9), 25 июля 1925 г., с. 52—67; об изложении этой системы с последующим выступлением Чубаря, обращенным к представителям распущенных губернских и вновь созданных окружных исполнительных комитетов см. там же, № 4 (10), август 1925 г., с. 7—15.

37. См. гл. 20.

38. Здесь, так же как и на Украине, Госплан сначала пытался навязать деление на области («СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия», 1926, с. 452).

39. «Исторические записки», т. 46, 1954, с. 297; ни в Гомеле, ни в Смоленске подобной проблемы не возникло, поскольку, хотя части этих губерний и были переданы, их столицы оставались в РСФСР.

40. Соответствующие декреты в: «Собрание узаконений ССР Белоруссии», 1924, № 13, ст. 113—117; обзор этих реформ см. «Власть Советов», № 6, сентябрь 1924 г., с. 204; «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 260; «Исторические записки», т. 46, 1954, с. 296—299.

41. «Собрание узаконений ССР Белоруссии», 1925, № 2—3, ст. 12; № 31, ст. 289—291.

42. Там же, № 19, ст. 177; № 31, ст. 292.

43. Это было описано в 1899 г. Лениным в одной из частей работы «Развитие капитализма в России» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 278—481), которую должны были хорошо знать все советские планировщики и руководители.

44. «Собрание узаконений», 1923, № 104, ст. 1028.

45. Большое количество статей было опубликовано по Уральской области: «Вестник финансов», № 3, март 1925 г., с. 131—146, содержал полное описание ее организации, а «Плановое хозяйство», № 11 1925, с. 215—245, — обзор планов промышленного и сельскохозяйственного развития.

46. Там же, № 3, 1926, с. 200. Уральская область приводилась впоследствии как пример «районирования сверху», т. е. сначала были сформированы округа, а потом проведено их более мелкое подразделение (там же, № 5, 1926, с. 190; № 3, 1927, с. 258); основную часть этой территории представляли недавно освоенные зоны, поэтому здесь менее, чем где бы то ни было еще, затрагивались интересы тех, кто был облечен властью и оказался ущемлен.

47. Об истоках и характере этой дифференциации см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 6.

48. «Собрание узаконений», 1928, № 70, ст. 503.

49. В уже упоминавшихся статьях он противопоставлялся Уральской области как случай районирования снизу.

50. Говоря словами сообщений, относящихся к тому времени, «наряду с районами, переживавшими свой бурный экономический рост, ютились районы совершенно отсталые как в хозяйственном, так и в культурном отношении: край жил в атмосфере поддерживаемой национальной розни сословных противоречий» («Плановое хозяйство», № 3, 1926, с. 229).

51. Много дискуссий было о статусе этих четырех автономных областей, включенных в состав Северо-Кавказского края, который, по всей видимости, воспринимался как возможный прецедент для последующих решений; см. «Власть Советов», № 3—4 (июнь — июль), 1924, с. 94—97; «Плановое хозяйство», § 4, 1925, с. 275—280; «Советское строительство: сборник», т. II—III, 1925, с. 262. Как и большинство вопросов, связанных с конституционной теорией в Советском Союзе, на последующие практические решения это большое влияние не оказало.

52. «Районирование СССР», под ред. К. Егорова. 1925, с. 120; «Советское строительство: сборник», т. II—III, 1925, с. 253.

53. «Собрание узаконений», 1924, № 66, ст. 656.

54. Один автор, который ребенком оказался в тех местах, следующим образом вспоминает эти события: «Возраставшие надежды северокавказского

населения получить полную независимость привели к принятию Москвой к июлю 1924 г. декрета, который положил конец их частичной независимости. Ведущие национальные коммунисты были арестованы, остальные сосланы в отдаленные области Советской империи». Он добавил, что «его поколение в то время, естественно, не смогло оценить значения происходивших событий» (*G. A. Tokaev. Betrayal of an Ideal*, 1954, pp. 14—15). Хотя никаких свидетельств арестов или ссылок, которые исходили бы из независимых источников, нет, тем не менее это вполне согласовывалось бы с обычной советской практикой — раз решение принято, удалять со сцены потенциальных нарушителей спокойствия.

55. «Собрание узаконений», 1924, № 87, ст. 881.

56. Там же, 1925, № 11, ст. 76.

57. «Советское строительство: сборник», т. II—III, 1925, с. 253.

58. «Собрание узаконений», 1925, № 18, ст. 118.

59. Это привело к жалобам, что ингуши оказались отделены от расположенных в Дагестане пастбищ, которыми они пользовались с незапамятных времен («Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 222).

60. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 3-ая сессия», 1925, с. 83, 90; ЦК партии отметил, что это предполагает восстановление казачьих общин, и предложил, что в казачьих районах нужно восстановить название «казачьи депутаты», которое употреблялось применительно к Советам после революции, но давно уже вышло из употребления («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 649—650).

61. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 23—24, 139—140.

62. План этого проекта в: «Плановое хозяйство», № 4, 1925, с. 327—328.

63. Некоторые из выводов этой комиссии уже приводились: там же № 10, 1925, с. 31—42 (см. т. I, гл. 5).

64. Весьма туманное сообщение об этих и других проектах в: «Плановое хозяйство», № 3, 1926, с. 232—236.

65. Там же, № 9, 1925, с. 239.

66. «Собрание узаконений», 1925, № 38, ст. 268.

67. Там же, 1922, № 39, ст. 550.

68. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XII созыва: вторая сессия», 1925, с. 25—61; «Собрание узаконений», 1925, № 85, ст. 651.

69. «Известия», 5 декабря 1925 г.

70. «Собрание законов», 1926, № 9, ст. 73.

71. «Собрание узаконений», 1926, № 3, ст. 8; о предшествующих этому дискуссиях и решениях см.: «Плановое хозяйство», № 9, 1925, с. 239; № 5, 1926, с. 196—197. Доводы Госплана в пользу отделения Ленско-Байкальской области подробно обсуждались в: там же, № 9, 1925, с. 239—257; здесь отстаивалась точка зрения, что Ленско-Байкальская область необходима как «мост на Дальний Восток и незаменимая экономическая база в его тылу» (с. 253), а также в последующих статьях: там же, № 10, 1925, с. 259—271.

72. «Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 203—220.

73. «Власть Советов», № 17, 25 апреля 1926 г., с. 18—20.

74. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 47.

75. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 878, 885—886.

76. «Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 189. По окончательной схеме РСФСР была поделена на 19 областей; из каждой из республик — Украинской и Белорусской ССР, Закавказской СФСР и Узбекской и Туркменской ССР — было образовано по одной области.

77. *Н. Архипов*. Средне-Азиатские республики, 1927, с. 135—137.

78. «Плановое хозяйство», № 3, 1926, с. 204.

79. См. серию статей в: «Плановое хозяйство», № 4, 1927, с. 247—286.

80. Там же, № 3, 1926, с. 205.

81. Эти протесты были зафиксированы в стенографическом отчете прошедшего в 1925 г. V Татарского съезда Советов («Пятый съезд Советов Татарской ССР». Казань, 1925, с. 24—25) и процитированы в: *W. R. Batsell. Soviet*

- Rule in Russia, N. Y., 1929, p. 648; Чувашская автономная область была в 1925 г. повышена в статусе и стала автономной республикой (см. гл. 20).
82. В 1928 г. было впервые официально указано, что автономная ССР может «на принципах добровольного соглашения» быть включена в состав одной из областей РСФСР («Собрание узаконений», 1928, № 79, ст. 554); в 1926 г. такой шаг описывался даже таким официальным органом, как Госплан, как «несвоевременный и неуместный» («Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 194).
83. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 244.
84. Точные цифры, показывающие процесс этого замещения, приведены в: «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», 1929, т. III, с. XII; удобный схематический план, показывающий деление территории СССР на области на период переписи населения, проведенной в декабре 1926 г., см. *F. Lorimer. The Population of the Soviet Union. Geneva, 1945*, pp. 44—45.
85. «Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 193.
86. Там же, № 6, 1927, с. 240.
87. Т. I, гл. 10.
88. «Плановое хозяйство», № 3, 1926, с. 209; до того момента, когда они были подвергнуты «районированию», губернии никаких планирующих органов не имели, этот дефицит вполне благополучно восполнял центральный орган — Госплан («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 410).
89. «Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 192.
90. См. гл. 21.
91. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
92. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 221.
93. См. таблицы в: *А. Лужин. От волости к району*, 1929, с. 47, 63.
94. «Районирование СССР», под ред. *К. Егорова*, 1925, с. 221.
95. «Собрание узаконений Татарской республики», 1924, № 17, ст. 128; «X лет Советской Башкирии». Уфа, 1929, с. 415.
96. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 50.
97. *Г. Зиновьев. Лицом к деревне*, 1925, с. 38.
98. «Власть Советов», № 7, 1924, с. 205.
99. Примеры, характеризующие численность населения округов и районов в период их образования, см. «Районирование СССР», под ред. *К. Егорова*, 1925, с. 285—296.
100. Там же, с. 241.
101. «Вестник финансов», № 3, март 1925, с. 132.
102. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 13.
103. См. ниже, с. 305.
104. См. ниже, с. 322.
105. Конституция РСФСР от 1925 г. устанавливала предельные нормы для сельсоветов в 50 депутатов (и 5 тыс. населения), однако на подобные конституционные правила особого внимания не обращали.
106. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 44—45.
107. «Вестник финансов», № 3, март 1925, с. 134.
108. «Власть Советов», № 45, 8 ноября 1925 г., с. 15.
109. «Районирование СССР», под ред. *К. Егорова*, 1925, с. 258; сходные цифры приводятся в: «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия», 1926, с. 406.
110. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 176.
111. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 148.
112. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 72. О среднем числе жителей «укрупненного» села в различных областях и республиках см. таблицы в: «Районирование ССР», под ред. *К. Егорова*, 1925, с. 263; эти цифры варьируются от 1500 до 4000.

113. «Плановое хозяйство», № 3, 1926, с. 200; № 5, 1926, с. 222. Термин «административная единица» представляется, однако, понятием весьма растяжимым, и на этот счет проводились и другие вычисления (там же, № 3, 1927, с. 260). Еще одни такие расчеты позволили даже утверждать, будто число административных единиц в Северо-Кавказском крае возросло, так что в результате районирования «власть приблизилась к населению»; похоже, это утверждение подтверждают сравнительные цифры, приведенные в: «Районирование СССР», под ред. *К. Егорова*, 1925, с. 279.
114. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия», 1926, с. 406.
115. «Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 222; № 3, 1926, с. 200.
116. «Вестник финансов», № 3, март 1925, с. 135; сравнительные цифры, приведенные в: «Районирование СССР», под ред. *К. Егорова*, 1925, с. 279, относятся только к служащим районных исполнительных комитетов и сельсоветов.
117. См. выше, с. 215.
118. «Большевик», № 5—6 (21—22), 25 марта 1925 г., с. 115—125. Эти нападки отражали, по всей видимости, чувства зависти и подозрительности, которые испытывали в кругах ВСНХ по отношению к Госплану, ведь большинство госплановских специалистов были беспартийными и потому особенно уязвимыми для критики. На сей раз Александров ответил в: «Плановое хозяйство», № 11, 1925, с. 297—301, и был вновь подвергнут критике в: «Большевик», № 5, 15 марта 1926 г., с. 70—75.
119. «Экономическая жизнь», 14 марта 1926 г.
120. «Плановое хозяйство», № 5, 1926, с. 194.
121. Киргизская автономная область стала автономной ССР в апреле 1927 г. («Собрание узаконений», 1927, № 40, ст. 258).
122. Тот же самый статус имели соответственно Молдавская Автономная ССР, Абхазская и Аджарская Автономные ССР и Таджикская Автономная ССР в рамках Украинской, Грузинской и Узбекской ССР.
123. «XII Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет: вторая сессия», 1925, с. 209.
124. В состав РСФСР входили 12 автономных областей — Адыгейская, Черкесская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Ингушская и Чеченская автономные области были включены в Северо-Кавказский край; Коми автономная область входила в Северо-Восточную область; Марийская и Вотякская автономные области входили в Вятскую область; Калмыцкая автономная область была включена в Нижне-Волжскую область; Ойротская автономная область входила в Сибирскую область; и наконец, Каракалпакская автономная область входила в Казахскую Автономную ССР. В Закавказскую СФСР входили Юго-Осетинская автономная область, включенная в состав Грузинской ССР, и Нахичеванская Автономная ССР с Нагорно-Карабахской автономной областью, обе из которых были включены в состав Азербайджанской ССР. Населенная турками Нахичеванская Автономная ССР административно входила в состав Азербайджана, хотя была отдалена от Азербайджана куском армянской территории, расположенной вдоль турецкой границы Армении.
125. «Плановое хозяйство», № 2, 1927, с. 231.
126. «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», 1929, т. III, с. 11.
127. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 192—207.
128. «Социалистическое хозяйство», № 3, 1925, с. 234.
129. «Районирование СССР», под ред. *К. Егорова*, 1925, с. 13—14.
130. «Экономическое обозрение», март 1926, с. 188.
131. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 37.

Глава 22. Оживление Советов

1. О первых шагах в развитии этого процесса см.: «Большевистская революция...», т. I, гл. 6.

2. «7-й Всероссийский съезд Советов», 1920, с. 61.
3. «Восьмой Всероссийский съезд Советов», 1921, с. 55—56.
4. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.
5. «Собрание узаконений», 1922, № 10, ст. 91, 92, 93.
6. Там же № 72—73, ст. 907; об изменениях, внесенных в это положение на следующий год, см. «Собрание узаконений», 1923, № 103—104, ст. 1026.
7. В общем и целом — хотя это и зависело от специфики местных условий — можно считать бесспорным, что до середины 20-х годов система местных Советов в восточных республиках, автономных республиках и автономных областях практически не существовала (см. ниже, с. 268).
8. «Двенадцатый Съезд РКП(б). Стенографический отчет», 1923, с. 432.
9. Г. Зиновьев. Лицом к деревне, 1925, с. 68.
10. А. И. Рыков. Статьи и речи, 1929, т. III, с. 93.
11. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 209—210.
12. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 3-я сессия», 1925, с. 63.
13. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 140.
14. Сход, который относился еще ко временам царизма, представлял собой сельское собрание; там, где еще преобладала система общинных земель, сход был также собранием мира или общины. Председателем схода был сельский староста. Строго говоря, сход не был общественной организацией. У него не было конституционного статуса и никаких официально признанных функций, кроме периодического перераспределения земель и обязанности собирать и платить налоги; однако иногда он исполнял и примитивные функции органа местного управления. В обществе, где не была определена граница между публичным правом, относящимся ко всему населению, и частным правом, действующим в отношении конкретного лица, а концепция «собственности» на землю была неясной и колеблющейся, не было проведено никакого четкого различия между селом как административной единицей и миром как сообществом, в чем владении находилась земля; так что сход, не проводя никаких различий, функционировал как собрание обоих этих организмов. В первоначальной Конституции РСФСР упоминалось об «общем собрании избирателей» села, которое избирает депутатов в сельские Советы или, «где это будет признано осуществимым», само представляет собой Совет. Однако никакого разъяснения по поводу того, в чем состояло сходство или, наоборот, различие между собранием избирателей и традиционным сходом, дано не было. Аграрный кодекс, принятый в 1922 г., провел различие между административными и хозяйственными единицами, признав сельский Совет как государственный орган, а мир или общину как общества, наделенные правами владения землей, причем сход считался органом мира. Но и здесь тоже вопрос о его сходстве с общим собранием граждан оставался неясным; можно считать, что, какие бы там в Москве ни провозглашали юридические или конституционные теории, собрание крестьян, собиравшееся, чтобы выбрать свой сельский Совет, рассматривало себя как сельский сход.
15. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 26, 173; там же, апрель 1925, с. 31.
16. Там же, январь 1925 г., с. 77, 173.
17. Там же, с. 152.
18. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 297; «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 74; «Власть Советов», № 22, 30 мая 1926, с. 21.
19. «Большевик», № 7—8, 30 апреля 1926, с. 64.
20. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 60.
21. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 52—53.
22. Там же, с. 85.
23. Там же, с. 82, 121.
24. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 78—81.
25. Там же, с. 93—94.

26. Одна из таких жалоб из Дагестана весьма живописно запечатлена в: «Власть Советов», № 28—29, 19 июля 1925, с. 25.
27. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 20, 55.
28. Там же, с. 51; выступавший, который высказал эти жалобы, повторил общую неспособность проводить различие между публичным и частным правом, утверждая, что причина неповиновения землевладельческих ассоциаций общественному контролю состояла в том, что они были признаны как юридическое лицо.
29. «Собрание узаконений», 1925, № 24, ст. 170.
30. Приложение А. Местные финансы.
31. «Собрание узаконений», 1925, № 57, ст. 455.
32. «Большевик», № 23—24, 30 декабря 1925 г., с. 44.
33. А. М. *Большаков*. Советская деревня, 1917—1927, 1927, с. 425.
34. «На аграрном фронте», № 2, 1925, с. 103—112, — сбалансированный и информативный обзор; о наличии «элементов, дискредитирующих партию в деревне», см. там же, № 5—6, 1925, с. 207.
35. Эти цифры см. в таблицах, опубликованных в: «Советы, съезды Советов и исполкомы», НКВД, 1924, с. 11—53: они приводились Сталиным на XIII съезде партии (*И. Сталин*. Соч., т. 6, с. 200—201). Они относятся предположительно к советским органам в том виде, в каком они сложились по результатам выборов 1923 г.; цифры, относящиеся к 1923 г., приведенные в: «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. II, с. 19, 39, отличаются в некоторых деталях, но дают в общем и целом ту же самую картину. Соотношение между числом «служащих» и числом коммунистов в советских органах довольно стабильно варьировалось вокруг 50%: если сделать вполне разумное предположение, что фактически все «служащие» были членами партии, то это означает, что около половины всех членов партии в советских органах составляли «служащие», Молотов определил пропорцию членов партии в волостных исполнительных комитетах после выборов, проведенных осенью 1924 г., в 61% — эта цифра относится ко всему СССР в целом и показывает, что процент членов партии в исполнительных комитетах других республик был выше, чем в РСФСР (где соответствующая цифра составляла 40%).
36. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.
37. «Власть Советов», № 1, 4 января 1925 г., с. 9.
38. А. И. *Рыков*. Статьи и речи, 1929, т. III, с. 120.
39. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 107.
40. Н. *Бухарин*. О рабкоре и селькоре, 2-е изд., 1926, с. 66.
41. Л. *Каменев*. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 109.
42. Там же, с. 204.
43. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 87.
44. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 135.
45. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 15.
46. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 210.
47. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 62, 64, 69.
48. Там же, с. 152.
49. «На аграрном фронте», № 9, 1925, с. 118.
50. Там же, № 5—6, 1925, с. 61.
51. Там же, № 10, 1925, с. 10.
52. «Известия ЦК РКП(б)», № 3 (57), март 1923 г.
53. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 7.
54. Там же, январь 1925 г., 1925, с. 163.
55. Там же, 1925, с. 142.
56. Много примеров, свидетельствующих о высокомерном поведении и непопулярности партийных служащих, приведено в: «Советское строительство:

- сборник», т. II—III, 1925, с. 356—357; А. М. *Большаков*. Советская деревня, 1917—1927, 1927, с. 329—331.
57. «Беднота», 5 апреля 1925 г.; об этом интервью см. т. I, гл. 4; об общей дискуссии о недостатках партийной работы в сельской местности см. «Большевик», № 3—4 (19—20), 25 февраля 1925 г., с. 74—86.
58. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 126.
59. См. гл. 15.
60. «Справочник партийного работника», т. IV, 1924, с. 255.
61. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 93; о предрассудках против женщин в Советах см. ниже, с. 248.
62. «Справочник партийного работника», т. IV, 1924, с. 396; т. V, 1925, с. 431.
63. А. М. *Большаков*. Советская деревня, 1917—1927, 1927, с. 334; о недостатках комсомольской работы в деревне упоминал в апреле 1925 г. Сталин (*И. Сталин*. Соч., т. 7, с. 80—82).
64. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 111.
65. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 39—40.
66. «Известия ЦК РПК(б)», № 9 (84), 2 марта 1925 г.
67. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 51.
68. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 66.
69. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 5—8.
70. *И. Сталин*. Соч., т. 5, с. 259—260.
71. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 516—519. Начиная с 1923 г. Наркомвнутделом выпускался журнал под названием «Советская волость»; подшивок этого журнала в распоряжении не имелось.
72. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 595.
73. «Международство...», гл. 4; о последующих попытках использовать эти комитеты см. Приложение Б: «Крестьянские комитеты взаимопомощи».
74. Это выражение первоначально принадлежало Ленину, который в своем письме к Мясникову от мая 1921 г. (см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8) впервые выдвинул или поддержал лозунг: «Оживлять Советы, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных!» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 81); судя по контексту, это выражение могло быть позаимствовано или приспособлено Лениным из письма или брошюры Мясникова, которой в распоряжении не имелось. Знаменательно, что с самого начала «оживление Советов» связывалось с привлечением беспартийных элементов.
75. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 44—50.
76. Там же, с. 56, 64.
77. Там же, с. 71.
78. Там же, с. 422; «Собрание узаконений», 1924, № 82, ст. 825, 826, 827.
79. Там же, № 82, ст. 828. На всем протяжении последующей кампании время от времени предпринимались судорожные попытки увеличить представительство женщин в Советах, но эти попытки наталкивались на сильное сопротивление. Крестьяне привыкли видеть на сельских собраниях «не женщин, а бородачей»; выбрать женщину означало иметь «пустое место», поскольку «ее на собрания сельсовета не вызывают, а если и зовут, то совершенно не спрашивают» («Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 93, 95). Рассказывали истории об одном крестьянине, который, узнав, что его жену выбрали в Совет, запер ее дома, чтобы не дать ей возможности там присутствовать, и о женщинах, выбранных членами Совета, которые занимались тем, что мыли полы в здании, где был расположен Совет («Советское строительство: сборник», т. II—III, 1925, с. 359). Кампания имела некоторые результаты, и процент женщин в сельских Советах возрос с 2,2 в 1923 г. до 9 в 1924—1925 гг. и 10,5 — в 1925—1926 гг.; на волостных съездах Советов — соответственно с 2,6 до 7,6 и 8,8%, а в волостных исполнительных комите-

тах — с 0,6 до 7,1 и 9% на те же самые годы (Г. Михайлов. Местное советское управление, 1927, с. 426). Однако объяснялось это «определенным нажимом», оказанным на избирателей: «раз нужен был большой процент женщин, то он и явился, но он не является результатом определенного желания крестьянства двинуть женщину к власти» («Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 67). Одна женщина жаловалась, что все в Советах, включая и партийных работников, дразнили женщин «кикиморами» якобы потому, что они были неграмотные (там же, с. 104). В результате повторных выборов весной 1925 г. число избранных женщин, как утверждалось, сократилось в тех местах, где ранее применялся нажим с целью обеспечения определенной квоты женщин в Советах, однако увеличилось в остальных районах («На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 70, 72). В феврале 1926 г. была проведена партийная конференция о работе среди работниц и крестьянок. Оргбюро опубликовало резолюцию, где содержались выводы конференции по этому вопросу («Известия ЦК ВКП(б)», № 9 (130), 8 марта 1926 г., Приложение, с. 1—4); полный текст ее рекомендаций был также опубликован (там же, № 12—13 (133—134), 5 апреля 1926 г., Приложение, с. I—VI). Однако преобладало впечатление, что это представляло собой обычную рутинную работу, которой особенно важного значения не придается.

80. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 5—8, рассматривает ряд деталей, демонстрирующих различия между отдельными республиками: так, декреты Белорусской республики были приняты в июле 1924 г., раньше соответствующих декретов РСФСР («Собрание узаконений ССР Белоруссии», 1924, № 13, ст. 113—116).

81. И. Сталин. Соч., т. 6, с. 302—312.

82. Там же, с. 313—320; Г. Зиновьев. Лицом к деревне, 1925, с. 67—72. В течение нескольких последующих дней Зиновьев произнес еще две речи, где подчеркивалась важность принятых решений (там же, с. 73—84).

83. «Правда», 1 ноября 1924 г. Сводоклад А. П. Смирнова см. в: «ВКП(б) в резолюциях...», 5-е издание, 1936, т. I, с. 645; из дальнейших изданий этой книги ссылки на него были опущены, и, по всей видимости, он так и не был опубликован. Смирнов был народным комиссаром по сельскому хозяйству РСФСР, принадлежал к правому крылу партии и, возможно, как и Калинин, тяготел к кулачеству.

84. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 630—633.

85. «Известия ЦК РКП(б)», № 3 (8), 20 октября 1924 г.

86. См. гл. 19.

87. «Известия ЦК РКП(б)», № 11 (16), 15 декабря 1924 г.

88. «Правда», 21 декабря 1924 г.

89. См. выше, с. 245.

90. «Собрание законов», 1925, № 1, ст. 3.

91. Его стенографический отчет был опубликован в 1925 г.: «Совещание по вопросам советского строительства, 1925 г.», в двух томах, с подзаголовками «Январь» и «Апрель».

92. Т. I, гл. 5.

93. Речь Кагановича в: «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», с. 97—117; о других упомянутых здесь вопросах см. там же, с. 88, 95—96. Совещание полностью освещалось в «Правде» 7—11 января 1925 г. По вопросу о волостных бюджетах см. Приложение А (ниже, с. 346—354); о «революционной законности» см. Приложение В (ниже, с. 357—359).

94. И. Сталин. Соч., т. 6, с. 213.

95. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, с. 584.

96. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 9; в Смоленском архиве содержатся стенографические отчеты подобных собраний в районах и волостях Белоруссии.

97. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 5—8.

98. Там же, с. 144.

99. Там же, с. 221—229; положение, разрешавшее голосование в местных центрах, было важным, потому что с увеличением размеров сел как адми-

нистративных единиц принимать участие в этих собраниях, проводимых главным образом именно там, могли, как правило, лишь крестьяне, жившие вблизи центра этой административной единицы («На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 60).

100. «Собрание законов», 1925, № 6, ст. 54.

101. ЦИК Белорусской ССР выпустил 31 января 1925 г. декрет, повторявший в тех же выражениях декрет ВЦИК от 16 января («Собрание узаконений ССР Белоруссии», 1925, № 16, ст. 112); за этим 21 февраля 1925 г. последовало воззвание, подтверждавшее решение о проведении повторных выборов там, где в голосовании приняло участие менее 35% избирателей, и призывавшее население принять участие в голосовании (там же, № 9, ст. 74). Сходные декреты были, по всей видимости, приняты и в других республиках.

102. Декреты от апреля, июля и октября опубликованы в: «Сбир законив и распоряжень», 1921, № 7, ст. 203; № 13, ст. 355; № 22, ст. 620. Эти декреты в жесткой форме исключали всех крестьян, использующих наемную рабочую силу; о положениях, касавшихся избирательных прав при выборах в городские Советы, см. ниже, с. 273.

103. Совещание по «оживлению Советов» рекомендовало, чтобы список лиц, лишенных права участвовать в голосовании, был публично оглашен накануне выборов («Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 224). Это действительно практиковалось на Украине («Радяньска Украина», № 13 (19), апрель 1926 г., с. 34); но, по всей видимости, эта формальность соблюдалась не везде.

104. «Правда», 27 мая 1925 г.

105. «На аграрном фронте», № 9, 1925, с. 116.

106. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 76—77, 105.

107. Там же, т. I, 1925, с. 127. Хотя вокруг вопроса о лишении избирательных прав шло много разговоров, число исключенных было, по всей вероятности, невелико; согласно: *Ю. Ларин*. Рост крестьянской общественности, 1925, с. 12, в 1922 и 1923 гг. процент лишенных права голосования составил всего лишь 1,4, и только 40 из них составляли лица, устраненные от участия в выборах по причине их социально-экономического статуса.

108. Об этом законе см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

109. Там же, т. 2, гл. 19.

110. «Собрание узаконений», 1924, № 71, ст. 695; «Сбирник узаконень та распоряжень», 1924, № 34, ст. 235; «Собрание узаконений ССР Белоруссии», 1924, № 19, ст. 177. Украинское постановление было более детальным, чем другие, и там была предпринята попытка дать позитивное определение тех, кто наделяется правом участия в голосовании — сюда были включены «иностранцы, принадлежащие к рабочему классу или к трудовому крестьянству»; в одном украинском селе, где в 1924 г. были лишены избирательного права 250 крестьян, все они, за исключением 46 человек, были в январе 1925 г. в этом праве восстановлены («Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 57).

111. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 59. Согласно утверждению, содержащемуся в: *Ю. Ларин*. Рост крестьянской общественности, 1925, с. 44, на Пленуме Центрального Комитета партии, прошедшем в октябре 1924 г., Калинин возражал против предложения реструктурировать избирательные комиссии по выборам в сельские Советы и волостные исполнительные комитеты с тем, чтобы они обеспечили устранение от выборов кулаков: предложение, однако, было принято.

112. Это распоряжение было процитировано в: «Большевик», № 13; 15 июля 1926 г., с. 24, но больше нигде никаких его следов не отмечалось.

113. «Собрание законов», 1925, № 6, ст. 55. В преамбуле этого постановления имеются ссылки на статьи 9 и 10 Конституции СССР, хотя эти статьи касаются исключительно порядка выборов на Всесоюзный съезд Советов и там не устанавливается компетенция Союза выпускать законодательные акты относительно выборов в советские органы более низкого уровня. Один автор заметил, что положения этого постановления «нельзя рассматривать как соответствующие букве или смыслу Советской Конституции, тем более что эти указы

- были выпущены даже без сессий ЦИК» (*М. Рейкель*. Союз Советских Социалистических Республик. Харьков, 1925, т. I, с. 66). Один автор критиковал в украинском журнале два постановления ЦИКа от 16 января 1925 г. — о проведении повторных выборов и о лишении избирательных прав — как вмешательство в дела, входящие в сферу компетенции республик; кроме того, были разосланы инструкции, противоречившие постановлению Украинской ССР от сентября 1924 г. («*Радянська Україна*», № 1—2 (7—8), июль 1925 г., с. 27—29; об украинском постановлении см. выше, с. 253).
114. «Собрание законов», 1925, № 42, ст. 313.
 115. «Двенадцатый съезд Советов РСФСР», 1925, с. 178.
 116. «Известия УК РКП(б)», № 6 (81), 9 февраля 1925 г.
 117. *Г. Орджоникидзе*. Статьи и речи, 1956, т. I, с. 374.
 118. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 11—12.
 119. Там же, с. 163.
 120. *Г. Орджоникидзе*. Статьи и речи, 1956, т. I, с. 405.
 121. «Советское строительство», № 1, август 1926 г., с. 31.
 122. Примеры обструкции приведены в: «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 61—63.
 123. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 4—5.
 124. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 302.
 125. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 370.
 126. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 68.
 127. Там же, с. 68; «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 28.
 128. «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. 1, с. 10—11.
 129. «Советское строительство», № 1, август 1926, с. 15.
 130. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 71, 209.
 131. Там же, с. 69—70, 72.
 132. Там же, № 3, 1925, с. 97—98. Говорят, что казаки из Северо-Кавказской области получали обман: «Нечего нам ставить доклады об оживлении Советов, дайте нам практические указания, как работать» («Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 298); в Казахстане поначалу эти выборы были встречены с недоверием, как попытка посеять рознь между семьями и родами («Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 122).
 133. *Ю. Ларин*. Рост крестьянской общности, 1925, с. 21.
 134. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 65.
 135. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 26.
 136. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 66.
 137. «Бюллетень Всеукраинского Центрального Выканавчого Комитету», № 2, 16 февраля 1925 г., с. 231; выступавшим был Петровский.
 138. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 209.
 139. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 62.
 140. *И. Сталин*, Соч., т. 7, с. 123.
 141. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 65—66, 70—71, 211.
 142. Согласно брошюре Ларина, рецензия на которую была опубликована в: «Вестник финансов», № 9, сентябрь 1925 г.; о более ранних оценках, соответствующих 10%, см. выше, с. 241.
 143. *Л. Каганович*. Партия и общество, 1928, с. 86.
 144. «XIV конференция РКП(б)», 1925, с. 24—25; в статье, опубликованной в: «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 65, упоминалось также, что на Северном Кавказе «после повторных выборов значительная часть Советов перешла в руки середняков и зажиточных казаков».
 145. «Большевик», № 7—8, 30 апреля 1926 г., с. 56.
 146. «X лет Советской Башкирии, 1919—1929». Уфа, 1929, с. 413.

147. «Власть Советов», № 20, 15 мая 1925 г., с. 20.
148. «Вопросы истории», № 10, 1946, с. 5—7, где делаются ссылки на неопубликованный доклад 1925 г.; об Алаш-Орде см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.
149. «Власть Советов», № 20, 15 мая 1925 г., с. 20.
150. «На аграрном фронте», № 5—6, 1925, с. 199—200; эта анонимная статья носила явно авторитарный характер. Другой протест того же рода содержится в: там же, № 10, 1925, с. 11.
151. «Советское строительство: сборник», т. II—III, 1925, с. 357.
152. А. И. Рыков и Н. Бухарин. Партия и оппозиционный блок, 1926, с. 71.
153. «Экономическая жизнь», 27 января 1925 г.; речь, в которой содержалось это замечание, была — возможно случайно — опущена из отчета об этом совещании, опубликованного в: «Правда», 28 января 1925 г.
154. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 10. Молотов описал на проходившем в декабре 1925 г. XIV съезде партии подобные упоминания о «Советах без коммунистов» как о «мечтах белогвардейцев» и «выражении паники» («XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 68).
155. «XIV конференция РКП(б)», 1926, с. 38—39, 58.
156. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 8.
157. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 261—262.
158. «Собрание законов», 1925, № 35, ст. 247.
159. Там же.
159. «Власть Советов», № 20, 15 мая 1925, с. 19.
160. «Третий Съезд Советов СССР», 1925, с. 542. Согласно Енукидзе (там же, с. 543), «и союзным республикам, и отдельным местам — губерниям, областям — рекомендовалось при наменчении членов Центрального Исполнительного Комитета больше выдвигать работников непосредственно от станка и от сохи, то есть уменьшить процент лиц, занимающих те или иные административные или партийные должности»; увеличение процента рабочих, занимающихся физическим трудом, автоматически означало сокращение процента членов партии.
161. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XII созыва: первая сессия», 1925, с. 6; в самом ЦИКе этого состава было 60 (или 26%) беспартийных членов против 49 (16%) в предыдущем составе (там же, вторая сессия, 1925, с. 540).
162. См. гл. 19.
163. Это было уже отмечено в партийном отчете от 1923 г. («Известия ЦК РКП(б)», № 3 (51), март 1923, с. 53); вдобавок к нежеланию ехать в деревню «неустойчивые коммунисты, попадая в деревню, не могут противопоставить деревенской стихии коммунистической выдержки и быстро разлагаются».
164. Там же, № 12 (17), 22 декабря 1924 с. 8
165. О докладе Молотова и резолюции по нему Центрального Комитета партии см. «Известия ЦК РКП(б)», № 13—14 (88—89), 6 апреля 1925 г.
166. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 11, 13; согласно детальной инструкции, выпущенной Центральным Комитетом партии в июле 1925 г., для организации в сельских районах школ политграмоты направлялось 3 тыс. пропагандистов («Известия ЦК РКП(б)», № 29—30 (104—105), 10 августа 1925, с. 1—2).
167. «Известия ЦК ВКП(б)», № 21—22 (142—143), 7 июня 1926; на прошедшем в марте 1926 г. съезде комсомола было признано множество случаев «бегства из деревни» «посланных туда товарищей для укрепления основных пунктов в деревне в целях пролетарского руководства».
168. Первым опытом «шефства» было, очевидно, установление шефства городов над подразделениями Красной Армии. Троцкий пояснил, что это является аналогом присвоения имени членов царской семьи воинским частям царской армии, после чего они номинально становились «шефами» или «покровителями» этих воинских частей: «рабоче-крестьянская армия тоже отныне будет иметь своих «шефов» (Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. III, ч. 1, 1924, с. 74—323).
169. Впервые это было в 1918 г. (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, с. 97—106).

170. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 594.
171. «Правда», 23 ноября 1924 г.; «Известия ЦК РКП(б)», № 9 (14), 1 декабря 1924 г., с. 2. Сообщение о таких ленинградских обществах появилось в: там же, № 7 (12), 17 ноября 1924 г., с. 6.
172. «Известия», 3 января 1925 г.; «Правда», 4 января 1925 г.
173. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 11. Эти «развлечения» часто принимали форму пьянок; жалобы на этот счет прозвучали на XIV съезде партии в декабре 1925 г.
174. Там же, с. 60.
175. «Большая Советская Энциклопедия», т. 62, 1933, кол. 366—371, ст. «Шефство»; это совещание было коротко освещено в «Правде» 20 апреля 1926 г., где было сказано, что эта организация «пользуется большой популярностью в рабочих массах». Благосклонное сообщение о ленинградском обществе «Кульцмычка» было опубликовано в: «Известия ЦК ВКП(б)», № 24—25 (145—146), 28 июня 1926 г.
176. Эти подробности исходят из более позднего сообщения, опубликованного в: «XV лет советского строительства», под ред. *Е. Пашуканиса*, 1932, с. 439—440.
177. Т. I, гл. 5.
178. *И. Сталин*. Соч., т. 7, с. 184.
179. «Известия ЦК РКП(б)», № 31—32 (106—107), 24 августа 1925 г.
180. См. гл. 20.
181. См. выше, с. 253.
182. См. гл. 20.
183. «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», № 23 (44), август 1925, г., с. 161.
184. «Собрание законов», 1925, № 68, ст. 506.
185. «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. I, с. 5—6.
186. Эта инструкция была напечатана на том месте, которое обычно отводилось передовой статье, в: «Правда», 29 сентября 1925 г.
187. О трудах этого Пленума Центрального Комитета партии см. т. I, гл. 5, а также гл. 16.
188. «Собрание узаконений», 1925, № 79, ст. 603; в следующем году, когда началась реакция против кулачества, этот декрет был подвергнут критике в партийном журнале как противоречащий Конституции РСФСР («Большевик», № 9—10, 30 мая 1926, с. 40—42). Соответствующий декрет Украинской ССР от 27 ноября 1925 г. включал в число лиц, допускаемых к участию в выборах, людей свободных профессий, учителей, кустарей и ремесленников, использующих не более двух подмастерьев, лиц, занимающихся домашним хозяйством, мелких торговцев, имеющих лицензию первой категории (об этих категориях см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19), а также крестьян, использующих вспомогательную рабочую силу в пределах закона («Сборник узаконений», 1925, № 97, ст. 531).
189. «Собрание законов», 1925, № 68, ст. 506; декрет РСФСР, претворивший это предложение в жизнь, был принят лишь спустя четыре месяца, в феврале 1926 г. («Собрание узаконений», 1926, № 8, ст. 59).
190. «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. I, с. 6—7; из всех, лишенных избирательного права, 37,6% в 1924—1925 гг. и 46,7% в 1925—1926 гг. были лишены этого права как лица, использующие наемный труд или занятые торговлей (*Г. Михайлов*. Местное советское управление, 1927, с. 425). Процент лиц, лишенных избирательного права, был намного выше в городах, чем на селе (см. ниже, с. 256). «Радянська Україна», № 13 (19), апрель 1926 г., с. 37, определяет процент лишенных избирательного права на Украине в 1,5; на Кубани устранено от участия в выборах было 1,4%, из которых 45% были торговцами, 11 — священниками, 9 — бывшими служащими полиции и 8% — предпринимателями («Большевик», № 7—8, 30 апреля 1926, с. 64).
191. *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 409—411.

192. Примеры такого отношения в нескольких широко рассеянных по стране центрах были приведены в статье в: «Ленинградская правда», 25 декабря 1925 г.
193. «Советское строительство», № 1, август 1926, с. 32.
194. «Известия ЦК ВКП(б)», № 2 (123), январь 1926 г.; в этом отчете упоминается также об оппозиции со стороны некоторых партийных работников по отношению к организации среди бедняков. Один автор резко заявил в «Правде» 26 июля 1926 г., что решения партии в пользу бедняков попросту саботировались.
195. «Вопросы истории», № 10, 1946, с. 8—9.
196. «Ленинградская правда», 19 декабря, 15 декабря 1925 г., со ссылкой на тифлисскую газету «Заря Востока».
197. *G. Cleinow. Neu — Siberien*, 1928, p. 402—403.
198. «Известия», 8 ноября 1925 г.
199. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 65.
200. «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. I, с. 10—11.
201. «Советское строительство», № 1, август 1926, с. 12; к относительно высокому проценту, зарегистрированному в некоторых из наиболее отсталых республик, можно относиться скептически, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что представляется вообще сомнительным, могли там в действительности существовать полный список избирателей.
202. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 65—66.
203. «Советское строительство», № 1, август 1926 г., с. 16.
204. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 67.
205. «Большевик», № 7—8, 30 апреля 1926, с. 57—60.
206. *Н. Бухарин*. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б), 1926, с. 29.
207. «VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 254.
208. «XV лет советского строительства», под ред. *Е. Пашуканиса*, 1932, с. 436, 459.
209. «Известия ЦК ВКП(б)», № 2 (123), 25 января 1926 г., с. 2.
210. См. гл. 21.
211. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, 498; об этой резолюции см. выше, с. 280.
212. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 12—13, 37.
213. «Власть Советов», № 8, ноябрь 1924 г., с. 27; это явление рассмотрено в: *Ю. Ларин*. Рост крестьянской общественности, 1925, с. 152—153.
214. «Советское строительство», № 1, август 1926, с. 9.
215. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 94.
216. Там же, с. 131.
217. Там же, с. 149.
218. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 180—182.
219. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 151.
220. «Власть Советов», № 14, 4 апреля 1926 г., с. 7—8; № 21, 23 мая 1926 г., с. 1—2.
221. О сходе см. выше, с. 237.
222. «Власть Советов», № 6, 7 февраля 1926, с. 13.
223. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 153.
224. «Советское строительство», № 5, декабрь 1926, с. 44.
225. «Власть Советов», № 52, 27 декабря 1925, с. 20.
226. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 85, 153.
227. Там же, «Апрель 1925 г.», с. 12, 172—173.

228. «Собрание законов», 1927, № 51, ст. 33. Этот декрет сделал то, что не удалось сделать рекомендации, — он возложил на сельский Совет ответственность за исполнение решений схода, который таким образом лишился исполнительных функций; сельский Совет мог апеллировать против решений схода в районный исполнительный комитет. Теперь сход впервые открыто и явно признавался как общественная организация — «общее собрание граждан» — и отличался от «общего собрания общества по совместному владению землей».

229. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 12.

230. Понятие «город» включает все виды городских поселений, начиная с больших городов типа Москвы или Ленинграда и кончая небольшими отдаленными уездными городишками.

231. «Собрание узаконений», 1922, № 10, ст. 90; о других положениях см. выше, с. 235.

232. Это относилось даже к Москве, где, как говорили, 95% всех дел, которыми занимались отделы Московского губернского исполнительного комитета, были связаны с вопросами городского хозяйства («Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 92, сравнить с: там же, с. 149, 153). В Москве и Ленинграде размеры собственно городов были столь обширны, что губерния превращалась в придаток города; в других местах обычно происходило обратное.

233. Там же, «Апрель 1925 г.», с. 132.

234. Там же, с. 145.

235. Л. Каменев. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 271—272; цифра в 5000 была приведена в: «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 91.

236. Множество жалоб, взятых из советской прессы, приводится в: «Das Recht Sowjetrusslands, ed. A. Maklezow, 1925, S. 110; о ссылке на «отмирание» городских Советов» см. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 149.

237. Там же, «Апрель 1925 г.», с. 127—128.

238. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 136.

239. «Большевистская революция...», т. I, гл. 6.

240. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 138—139; единственной республикой, где дискриминационные меры относительно местных выборов были предписаны декретом, была Украина («Сбир законив и розпоряжень», 1921, № 7, ст. 202; № 13, ст. 355; № 22, с. 620).

241. Украинский декрет относительно городских Советов от июля 1921 г. исключал из числа лиц, допущенных к голосованию, тех, кто «по тем или иным причинам не состоял членом профсоюза» («Збир законив и розпоряжень», 1921, № 13, ст. 355). Еще в 1924 г. во время выборов в городские Советы в Москве и других крупных городах рабочие и служащие голосовали, а ремесленники и напманы были отстранены (Ю. Ларин. Цит. соч., с. 13).

242. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 113; Л. Каганович. Партия и Советы, 1928, с. 86.

243. «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. I, с. 47—48.

244. См. выше, с. 256.

245. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 33.

246. Там же, с. 129.

247. Там же, с. 145.

248. «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. I, с. 66.

249. См. выше, с. 250.

250. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 227.

251. «Известия ЦК РКП(б)», № 6 (81), 9 февраля 1925 г.

252. Относительно этого доклада см. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 125—135 (сравнить также с. 17); о резолюции и проекте постановления см. там же, с. 186—196.

253. См. выше, с. 253.
254. Л. Каменев. Статьи и речи. 1926, т. XII, с. 273.
255. «Собрание узаконений», 1925, № 91, ст. 662.
256. Л. Каганович. Партия и Советы, 1928, с. 86, 87; согласно: «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. I, с. 47—48, процент принявших участие в голосовании во время выборов в городские советы РСФСР составил 48,7, а в 14 городах (против 125 в 1924—1925 гг.) так и не удалось достигнуть 35.
257. «Советское строительство: сборник», т. I, 1925, с. 110.
258. «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. I, с. 110.
259. «Известия ЦК ВКП(б)», № 23 (144), 14 июня 1926 г.; № 26 (147), 30 июня 1926 г., № 29—30 (150—151), 26 июля 1926 г. О сведениях, относящихся к более раннему периоду, см. выше, с. 262.
260. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 103—111; доклад был опубликован в: «Правда», 20 августа 1926 г.
261. В двух следовавших один за другим выпусках партийного журнала «Большевик», № 13, 15 июля 1926 г., с. 23—44, и № 14, 30 июля 1926 г., с. 13—30, была опубликована пространная статья, где подвергалось критике «массовое расширение круга избирателей на новые слои населения, которые ранее этих прав не имели»; согласно оппозиционной платформе октября 1927 г., «проникновение в Советы мелких кулацких и «полукулацких» элементов и городской буржуазии, которое началось в 1925 г.», было «частично приостановлено нападками оппозиции» (L. Trotsky. The Real Situation in Russia (n. d. 1928), p. 97).
262. Об этой еретической теории см. «Большевицкая революция...», т. I, гл. I.
263. Т. Борисов. Калмыкия, 1926, с. 62.
264. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XII созыва: вторая сессия», 1925, с. 89—90.
265. «Большевик», № 21—22, 30 ноября 1925, с. 54.
266. «Власть Советов», № 10, 7 марта 1926, с. 9—10.
267. «Большевик», № 13, 15 июля 1926, с. 73—75.
268. «Революция в Средней Азии», т. II. Ташкент, 1929, с. 193.
269. «XV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет». 1928, с. 1047.
270. А. И. Рыков и Н. Бухарин. Партия и оппозиционный блок, 1926, с. 72; цитата взята из речи Бухарина, произнесенной 28 июля 1926 г. на ленинградском собрании партийной фракции.
271. Т. I, гл. 3.
272. Это выражение было приписано оппозиции Бухариным (А. И. Рыков и Н. Бухарин. Партия и оппозиционный блок, 1926, с. 70—71). Относившиеся к тому времени оппозиционные высказывания обнаружить трудно, однако датированный 1927 г. неопубликованный меморандум группы демократических централистов осудил «оживление Советов» как «лозунг расширения мелкобуржуазной демократии» и требовал «восстановления истинно рабочих большевистских Советов» (с. 37 меморандума, хранящегося в архивах Троцкого).
273. «Правда», 8 июля 1926 г. Тот же самый автор (Карпинский. — *Ред.*) в опубликованной в «Правде» на следующий день статье о городских Советах таким же образом отметил, что «расширение круга избирателей за счет городской мелкой буржуазии происходит одновременно с некоторым падением удельного веса пролетарской части избирателей в общей их массе и при гораздо меньшей политической активности их по сравнению с новыми кадрами избирателей из мелкой буржуазии». Однако в городах — во всяком случае в крупных городах — «пролетарский слой» был намного сильнее, а мелкобуржуазный элемент — намного слабее, чем в деревне. Эта параллель здесь вряд ли уместна.
274. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 286.
275. Г. Михайлов. Местное советское управление. 1927, с. 429.
276. Л. Каганович. Партия и Советы, 1928, с. 60—61.
277. «Советское строительство: сборник», т. II—III, 1925, с. 267.

278. «Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат», 1926, с. 16. Более примечательно, что чрезмерная мобильность кадров отмечалась в первые годы даже среди партийных работников высшего ранга. На проходившем в декабре 1925 г. XIV съезде партии Молотов жаловался, что из 767 работников аппарата ЦК партии за период, протекавший со времени последнего съезда партии, поменяли работу 704 человека, и отметил, что «нам необходимо действительно стабилизировать технический аппарат ЦК» («XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 89); за этим последовал партийный циркуляр, осудивший «массовую, бесплановую передвижку членов партии, которая в значительной мере является пережитком времен военного коммунизма» («Известия ЦК ВКП(б)», № 1 (122), 18 января 1926 г., с. 3).

279. «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, т. II, с. 43.

280. Зиновьев в 1924 г. рекомендовал, в частности, «достаточно частую смену» на руководящих постах комсомола как гарантию против уклонов («VI съезд РЛКСМ», 1924, с. 64—65).

281. «Власть Советов», № 10, 7 марта 1926, с. 14; № 19, 9 мая 1926, с. 21—22.

282. Об этом Положении см. выше, с. 236. Упомянулось, что жалование варьировалось в пределах от 6 до 15 рублей в месяц («Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», 1925, с. 79, 128, 136—137). Это было меньше чем прожиточный минимум; волостные учителя получали в то время 22 1/2 рубля в месяц (там же, апрель 1925 г., с. 99). Каменев в октябре 1924 г. сказал: «Чтобы улучшить низовой советский аппарат, нужно дать такое жалование, чтобы не брали взятки» (*Л. Каменев*. Статьи и речи, т. XI, 1929, с. 207).

283. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 76—77.

284. *Л. Каганович*. Партия и Советы, 1928, с. 78.

Глава 23. Красная Армия

1. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, с. 114.

2. Там же, т. 31, с. 287.

3. Об истоках Красной Армии см. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 22.

4. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 287.

5. *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. I, 1923, с. 17.

6. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 22.

7. Похоже, что институт политических комиссаров берет свое начало в «двоевластии» Февральской революции: ЦИК с самого начала приставил политических комиссаров к Петроградскому гарнизону и другим петроградским военным соединениям, и эта практика была после Октябрьской революции унаследована Реввоенсоветом. Первый приказ, регулирующий статус политических комиссаров, относится к 6 апреля 1918 г. (его текст см. *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. I, 1923, с. 406—407). Троцкий очень рассчитывал на комиссаров, пытаясь преодолеть сопротивление в партии в связи с использованием царских офицеров: «у каждого специалиста», сказал он на заседании ЦИКа в июле 1918 г., «должен стоять комиссар справа и комиссар слева, каждый с пистолетом» («Пятый Всероссийский съезд Советов», 1918, с. 80).

8. Ссылка на брошюру Смильги под названием «Строительство армии», где содержалось это предложение, была сделана Сокольниковым в докладе на проходившем в марте 1919 г. VIII съезде партии.

9. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8.

10. В своем первоначальном виде эти тезисы опубликованы не были, однако съезд внес в них лишь весьма незначительные поправки (см. гл. 23).

11. «Восьмой съезд РКП(б)», 1933, с. 146—155.

12. Там же, с. 155—160.

13. Там же, с. 464.

14. *И. Сталин*. Об оппозиции, 1928, с. 668—669; в версии, опубликованной в: *И. Сталин*. Соч. с. IV, с. 249—250, некоторые выражения были смягчены или вовсе опущены.

15. «Восьмой съезд РКП(б)», 1933, с. 273, 465.

16. Там же, с. 337; Троцкий признавал свою ответственность за окончательную форму этой резолюции, опубликовав ее в: *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. I, 1923, с. 186—195.

17. «ВКП(б) в резолюциях...», т. I, с. 296—302; приказ Реввоенсовета от 18 апреля 1919 г. о создании политического отдела и последующий приказ от 26 мая 1919 г. о преобразовании его в политическое управление Красной Армии см. в: *А. Геронимус*. Партия и Красная Армия, 1928, с. 80. Одним из следствий этого решения было основание в Петрограде Толмачевского института для подготовки квалифицированных политических инструкторов для Красной Армии, сведения об этом институте, данные в связи с его пятой годовщиной, приводятся в: «Ленинградская правда», 25 мая 1924 г.

18. Эта резолюция была явно впервые опубликована в: «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 303; в более ранние издания этой книги она не включалась.

19. Этот эпизод известен в деталях из сохранившегося в архивах Троцкого длинного и сердитого ответа: Троцкий принял содержащиеся резолюции формулировки, хотя и утверждал, что некоторые из них проистекают из неправильного понимания ситуации, но охарактеризовал доклад Зиновьева как «полностью ошибочный» и отстаивал необходимость дисциплины в армии.

20. Об этом эпизоде см. *Л. Троцкий*. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 185—186; относящаяся к этому переписка хранится в архивах Троцкого.

21. *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, 1923, т. I, с. 184.

22. Там же, т. II, ч. I, 1924, с. 76—82; точка зрения Смилги была впервые выдвинута в журнале «Военная мысль», (там же, т. II, ч. I, с. 453, прим. 31). Приблизительно в это же самое время бывший царский офицер Свечин написал в журнал «Военное дело» статью, где требовал, чтобы Красная Армия была освобождена «от всех перестраховок в виде милиций, всеобуча, военных советов и советчиков, лишена действительной власти всякого начальника, и командира в особенности» (там же, т. II, ч. I, с. 454, прим. 37).

23. «7-й Всероссийский Съезд Советов», 1920, с. 93.

24. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 347—348.

25. «Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 405—418.

26. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

27. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 345.

28. «ВКП(б) и военное дело», 2-е издание, 1928, с. 282; эти тезисы, представленные на X съезде партии Подвойским, опубликованы в: «Десятый съезд РКП(б)», 1933, с. 674—676.

29. Эти тезисы были опубликованы в: *И. Смилга*. Очередные вопросы строительства Красной Армии, 1921, с. 15—18.

30. Информация о его работе опубликована в: «ВКП(б) и военное дело», 2-е издание, 1928, с. 283.

31. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

32. *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. III, ч. I, 1924, с. 10—14.

33. «Большевистская революция...», т. I, гл. II.

34. В 1919 г. Троцкий обрушился с яростными нападками на некоего автора, который выступал против использования бывших царских офицеров на том основании, что «пролетарской классовой политики они не понимают» (*Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. II, ч. I, 1924, с. 59, 452, прим. 26).

35. Как Ворошилов, так и Буденный были удостоены на IX съезде партии в марте 1920 г. поименных похвал со стороны Троцкого, хотя не исключено, что он в завуалированной форме хотел дать понять, что их подвиги имеют мало отношения к текущим условиям.

36. *М. Тухачевский*. Война классов, 1921, с. 57—59; о его письме к Зиновьеву, относившемся ко времени II конгресса Коминтерна, проходившего в июле 1920 г., см. там же, с. 138—140.

37. Там же, с. 71; статья «Красная Армия и милиция», где выдвигались эти идеи, была среди партийных «материалов» опубликована к X съезду партии.

38. 21 тезис опубликован в: «Десятый съезд РКП(б)», 1933, с. 676—682, и в: С. Гусев. Гражданская война и Красная Армия, 1925, с. 91—96; последние шесть из них, которые, как утверждалось, были написаны Фрунзе, также опубликованы в: М. Фрунзе. Сборник сочинений, т. I, 1929, с. 205—206.

39. А. Геронимус. Партия и Красная Армия, 1928, с. 124.

40. Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. III, ч. II, 1925, с. 258.

41. М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. III, 1927, с. 150; Бубнов в своем предисловии к собранию сочинений Фрунзе подтвердил, что Ленин выступал против «единой военной доктрины» (там же, т. I, 1929, с. XXVI). Фрунзе конкретно случай вмешательства Ленина не упоминал; однако содержащееся в: «Десятый съезд ВКП(б)», 1933, с. 682, утверждение, что тезисы Фрунзе — Гусева были сняты «по соглашению с Лениным», делает такое предположение в разумных пределах достоверным.

42. Краткая информация об этих событиях содержится в: Троцкий. Сочинения, т. XXI, с. 453—454, прим. 2; автор этого примечания утверждает, что Троцкий «убедил их (т. е. Фрунзе и Гусева) снять эти тезисы с обсуждения на съезде».

43. Сокращенный вариант опубликован в: «ВКП(б) и военное дело», 2-е издание, 1928, с. 90—92, со ссылкой на номер партийного журнала за апрель 1921 г. (там же, с. 282). Их текст был опущен в первоначальном издании стенографического отчета съезда и был явно впервые напечатан полностью в более позднем его издании: «Десятый съезд РКП(б)», 1933, с. 617—621; текст их опубликован так же в: «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 392—394.

44. И. Петухов. Партийная организация и партийная работа в РККА, 1928, с. 57—58.

45. М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. I, 1929, с. 207—227.

46. Эта статья была процитирована и опровергнута в статье Троцкого озаглавленной «Партизанство и регулярная армия (Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. II, ч. I, 1924, с. 59—60, 452, прим. 26). Троцкий отнюдь не был сторонником «позиционной» войны: он противопоставлял статический характер мировой войны «войне нашей», которая «имеет маневренный характер, требует наивысшей подвижности» (там же, т. III, ч. I, 1924, с. 156), и после некоторого периода первоначального скептицизма стал с энтузиазмом поддерживать конницу Буденного (там же, т. II, ч. I, 1924, с. 287—288). Однако он выступал против провозглашения доктрины подвижности или наступательной доктрины и против того, чтобы ассоциировать их с пролетарской идеологией.

47. «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, 1927, Приложение, кол. 109; т. 3, 1928, Приложение, кол. 163.

48. Прimitивная крестьянская повозка, которая использовалась во время гражданской войны для транспортировки орудий.

49. Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. III, ч. II, 1925, с. 201—209.

50. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.

51. Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. II, ч. I, 1924, с. 63.

52. Там же, т. III, ч. I, 1924, с. 88—89; об осуждении «революционного наступления» Коминтерном см. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.

53. «Коммунистический Интернационал», № 19, 17 декабря 1921 г., колонки 4995—5028. Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. III, ч. II, 1925, с. 210—241.

54. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 414.

55. М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. I, 1929, с. 389—409; в ходе дискуссии Фрунзе был явно подвергнут критике, и в заключительной речи он несколько смягчил свои утверждения, заявив, что «единая военная доктрина» вовсе не является «окаменелой догматической системой» (там же, т. I, с. 415). В его критических высказываниях против Вацетиса нашел отражение его спор с Сергеем Каменевым (см. выше, с. 287—288).

56. «Одиннадцатый съезд РКП(б), 1936, с. 229—331; Речь Троцкого была перепечатана в: *Л. Троцкий. Как вооружалась революция*, т. III, ч. I, 1924, с. 119—130. Когда Ленин говорил на съезде об опасности «комчванства», Троцкий, согласно рассказу Фрунзе, повернулся к Фрунзе и сказал: «Вся речь Владимира Ильича бьет вас» (*М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. I, 1929, с. 463); примечание в: *Л. Троцкий. Сочинения*, т. XXI, с. 454, приписывает инициативу в выдвижении этого вопроса «Ворошилову и Фрунзе».

57. *Л. Троцкий. Как вооружалась революция*, т. III, ч. II, 1925, с. 242—258. Упоминание Троцкого о войне как об искусстве является выдержкой из хорошо известной цитаты из статьи Маркса: «...Восстание есть такое же искусство, как война или всякое другое искусство, и подчиняется определенным правилам» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. VI, с. 99). Позднее Троцкий отличал «науку как объективное познание того, что есть, от искусства, которое учит как действовать» (*Л. Троцкий. Как вооружалась революция*, т. III, ч. II, 1925, с. 201).

58. Речь Фрунзе опубликована в: *М. Фрунзе. Собрание сочинений* т. I, 1929, с. 459—471. Он возвратился к обвинению в меньшевизме и ликвидаторстве в своих заключительных замечаниях (там же, т. I, с. 472—473); это, по всей видимости, представляло собой первую официально зафиксированную попытку использовать эти старые разногласия в кампании против Троцкого. В одном из примечаний к изданию стенографического отчета этого съезда, выпущенного в 1926 г., содержится среди прочих обвинений и обвинение Троцкого в «преклонении перед буржуазной военной наукой».

59. Тремя годами позже Фрунзе противопоставлял часть офицерского состава, которую «мы получили в наследство от старой царской армии», которая «склонна была недооценивать опыт гражданской войны», с другой его частью, «воспитавшейся и выросшей в недрах самой Красной Армии, связанной социально и политически с рабочим классом и крестьянством» и склонной «переоценивать опыт гражданской войны», и утверждал, что «объективная истина», как показал опыт, находится на стороне последних (*М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. III, 1927, с. 249).

60. *Л. Троцкий. Как вооружалась революция*, т. III, ч. II, 1925, с. 258—270.

61. Эта резолюция опубликована в: «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 449—450; краткую речь Фрунзе см. в: «Одиннадцатый съезд РКП(б)». 1936, с. 522—524.

62. Впоследствии это было опубликовано в: там же, с. 693.

63. По этому вопросу см. ниже, с. 309.

64. Эти тезисы опубликованы не были, однако выдержки из них можно найти в: «Большевик», № 1 (17), 15 января 1925 г., с. 58—60; и в: *А. Геронимус. Партия и Красная Армия*, 1928, с. 160—161.

65. *Л. Троцкий. Как вооружалась революция*, т. III, ч. II, 1925, с. 271—289.

66. *Л. Троцкий. Моя жизнь*. Берлин, 1930, т. II, с. 242. Согласно одному из примечаний в: «X съезд РКП(б)», 1933, с. 865—866, он подал в отставку с поста народного комиссара по военным делам 12 января 1921 г. однако Центральный Комитет партии ее не принял; скорее всего, это было продиктовано не разногласиями по военным вопросам, а озабоченностью другими делами.

67. *А. Геронимус. Партия и Красная Армия*, 1928, с. 148; *Л. Троцкий. Как вооружалась революция*, т. III, ч. I, с. 144, оценивают их общую численность на конец 1920 г. в 5300 тыс. человек.

68. Это количественное сравнение было приведено в выступлении Фрунзе от 24 февраля 1925 г. (*М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. III, 1927, с. 101); роль бюджета как фактора, лимитирующего численность армии, была подчеркнута Фрунзе в его выступлении от 16 ноября 1924 г. (там же, т. II, 1926, с. 130—131). В 1925—1926 гг. военные расходы составляли 15,8% от годового государственного бюджета против 30,5% в 1913 г. (*В. Дьяченко. Советские финансы в первой фазе развития советского государства*, т. I, 1947, с. 460).

69. *М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. III, 1927, с. 92, 168, 267; «до недавнего времени», сказал Фрунзе в ноябре 1924 г., польская артиллерия была вдвое мощнее советской артиллерии; он утверждал, что в настоящее время Красная Армия может уже по уровню вооружения соперничать со своими

соседями (там же, т. II, 1926, с. 132). Месяц спустя он повторил: «Мы отстаем от буржуазных государств, наши ресурсы ограничены» (там же, т. II, с. 197).

70. «X лет Красной Армии, альбом диаграмм», 1928, с. 19.

71. М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 131.

72. «ВКП(б) и военное дело», 2-е издание, 1928, с. 337.

73. Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. III, ч. II, 1925, с. 162—164; Фрунзе позднее оценил общий процент дезертиров из Красной Армии в 7,5 в 1923 г., 5 — в 1924 г. и 0,1 — в 1925 г. (М. Фрунзе. Избранные произведения, 1934, с. 436).

74. Считалось, что трудности, возникшие в связи с призывом осенью 1924 г., объяснялись распространением в это время недовольства среди крестьян (М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. III, 1927, с. 313); однако они прекратились после принятия на XIV партийной конференции в апреле 1925 г. и на прошедшем в мае 1925 г. III Всесоюзном съезде Советов решений, опередивших более благосклонное отношение к крестьянству («К XIV съезду ВКП(б)», 1925, с. 156).

75. Согласно сведениям, опубликованным в: «ВКП(б) и военное дело», 2-е издание, 1928, с. 350, резолюции в поддержку оппозиции были приняты в одной трети партийных ячеек Московского гарнизона, а также в частях Украинского, Западного и Волжского военных округов. По сведениям, некоторые недовольства приняли форму требований избирать политических комиссаров и даже военных командиров (А. Геронимус. Партия и Красная Армия, 1928, 2-е издание, 1928, с. 157—158) — возрождение старого «партийного синдикализма» военной оппозиции 1919 г. (см. выше, с. 287); это имело мало общего со взглядами Троцкого.

76. «Междущарствие...», гл. 13; Антонов-Овсеенко сменил Гусева на посту начальник ПУРа осенью 1922 г. («Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, ч. I, н. д. 1927, Приложение, кол. 10).

77. «Междущарствие...», гл. 13.

78. Это было зафиксировано в статье Гусева, напечатанной в: «Правда», 17 декабря 1924 г. (см. гл. 11). Никаких заявлений на этот счет, относившихся к более раннему периоду, не обнаружено, однако это неудивительно, если учесть, что решения, касавшиеся военных вопросов, обычно держались под секретом. В: К. Ворошилов. Статьи и речи, 1937, с. 563, описывается, что эта комиссия «возглавлялась товарищем Гусевым». Согласно: «ВКП(б) и военное дело», 1928, с. 335—336, в 1923 г. для изучения состояния Красной Армии была образована объединенная комиссия Центрального Комитета партии и Рабкрин; ее отчетный доклад привел к образованию комиссии, назначенной в январе 1924 г.

79. «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, ч. I, 1927, Приложение, кол. 49.

80. И. Петухов. Партийная организация и партийная работа в РККА, 1928, с. 73. Циркулярное письмо не опубликовалось; согласно: «ВКП(б) и военное дело», 2-е изд., 1928, с. 350, этот циркуляр «намечал правильные пути укрепления армейской парторганизации в установленных рамках партийного руководства и строительства в армии». Год спустя принцип выборности был настолько искоренен, что «бюро ячеек часто намечалось сверху и при выборах оказывалось давление»; и это, как утверждалось, неблагоприятным образом сказывалось на партийной работе в Красной Армии («Известия ЦК РКП(б)», № 15—16 (90—91), 21 апреля 1925 г.

82. К. Ворошилов. Статьи и речи, 1937, с. 563.

83. Это было снова повторено в 1924 г. Фрунзе: «Оценка весны и лета этого года была такова, что мы в общем и целом знали, что в течение этого лета и до осени этого года мы не допустим спровоцировать себя на какое бы то ни было вооруженное выступление» (М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 194).

84. «Междущарствие...», гл. 9.

85. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 253—254; По мнению Троцкого, Фрунзе был «серьезной фигурой»; однако «как военный администра-

гор он был несравненно слабее Склянского». Назначение Фрунзе было объявлено в: «Известия», 14 марта 1924 г.

86. «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, ч. I, н. д. 1927, Приложение, кол. 178.

87. См. биографические заметки в: *М. Фрунзе. Избранные произведения*, 1950, с. 10; никаких публичных сообщений на этот счет обнаружено не было. Согласно заявлению, опубликованному в: «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», v. 11, 1955 S. 324, которое основано на неопубликованных архивах Брокдорфа-Рантцау, (Brockdorff-Rantzau), Лебедев был освобожден от своих обязанностей в мае 1923 г.

88. «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, ч. III, н. д. 1928, Приложение, кол. 163.

89. О статье Гусева см. гл. 11; об обвинениях, выдвигавшихся Фрунзе, см. выше, с. 298.

90. См. гл. 11.

91. «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, ч. I, н. д. 1927, Приложение, кол. 178.

92. Эти элементарные военные занятия вначале вообще были организованы не армией, а стрелковыми кружками, физкультурными обществами, школами и другими образовательными учреждениями («К XIV съезду РКП(б)», 1925, с. 174).

93. «Правда», 3 декабря 1924 г. Заседания Реввоенсовета проходили с 26 ноября до 1 декабря 1924 г.; информация о его работе была явно опубликована в печати, однако этих источников в распоряжении не было.

94. «Конечно, если бы перед нами был выбор между 1½—2-миллионной кадровой армией и нынешней системой милиции, то с военной точки зрения все данные были бы в пользу первого решения» (*М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. III, 1927, с. 289). Троцкий в это же время писал: «Отсюда, однако, ни в каком случае не вытекает, что пришедший к господству пролетариат, опирающийся на крайне низкий уровень производительных сил, может на второй же день строить тактику, которая в принципе должна отвечать более высоким производительным силам будущего социалистического общества» («Правда», 28 марта 1924 г.).

95. *М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. II, 1926, с. 52; там же, т. II, с. 109.

96. Фрунзе для контраста заметил, что «в крупнейших буржуазных странах живой человек начинает уступать место машине», однако предложил для этого притянутое за волосы объяснение, будто это происходит из-за того, что они не могут полагаться на свои вооруженные силы, состоящие из рабочих и крестьян (там же, т. III, 1927, с. 376).

97. «Третий съезд Советов: постановления», 1925, с. 38—44; резолюция опубликована также в: «Собрание законов», 1925, № 35, ст. 249.

98. «Ленинградская правда», 30 июня 1925 г.

99. Предварительная военная подготовка, связанная в основном с физической культурой, была в руках специального отдела, называемого всеобщим (всеобщее военное обучение); его деятельность, во всяком случае на первых порах, ограничивалась лишь крупными центрами.

100. «Собрание законов», 1925, № 62, ст. 462—463. В теории, хоть и не всегда на практике, все еще отстаивался принцип, что «нетрудящимся» массам оружие доверять нельзя (*М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. III, 1927, с. 188); Троцкий, говоря осенью 1923 г. о первых территориальных соединениях, требовал проявлять величайшую бдительность при исключении «торговцев и кулаков» (*Л. Троцкий. Как вооружалась революция*, т. III, ч. II, 1925, с. 163). **Трудовые батальоны** исчезли после гражданской войны, и эти «нетрудящиеся элементы», иногда называвшиеся нэпманами, служили в качестве денщиков или исполняли другие вспомогательные обязанности («Красная звезда», 3 января 1925 г.).

101. «Большевик», № 16, 1 сентября 1925 г., с. 40—50; Фрунзе в мае 1925 г. утверждал, что «командирский и политический состав начинает пользоваться большим уважением и благодарностью от крестьянства» (*М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. III, 1927, с. 235).

102. «Красная звезда», 17 октября 1925 г.
103. «X лет Красной Армии: альбом диаграмм», 1928, с. 19.
104. «Гражданская война, 1918—1921», под ред. А. Бубнова, С. Каменева и Р. Эйдемана, т. II, 1928, с. 97—98.
105. М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 35—36.
106. Там же, т. II, 1926, с. 171.
107. Там же, т. II, с. 194.
108. «Гражданская война, 1918—1921», под ред. А. Бубнова, С. Каменева и Р. Эйдемана, т. II, 1928, с. 101, 103.
109. Там же, т. II, с. 107.
110. М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. III, 1927, с. 33—34.
111. «X лет Красной Армии: альбом диаграмм», 1928, с. 37
112. К. Ворошилов. Статьи и речи, 1937, с. 50.
113. К. Ворошилов. Оборона СССР, 1927, с. 75—76.
114. Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. II, ч. I, 1924, с. 83—87.
115. «Известия ЦК РКП(б)», № 30, 4 апреля 1921 г.
116. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 393; Троцкий активно поддержал это предложение в своем выступлении в октябре 1921 г. (Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. III, ч. I, 1924, с. 54).
117. Цифры, взятые из публикаций того времени, приводятся в: «ВКП(б) и военное дело», 2-е издание, 1928, с. 313—314.
118. М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 144—145.
119. Там же, т. III, 1927, с. 100.
120. Там же, т. III, с. 226.
121. К. Ворошилов. Статьи и речи, 1937, с. 27; более подробно об этом см. «ВКП(б) и военное дело», 2-е издание, 1928, с. 313.
122. «Собрание законов», 1926, № 20, ст. 131.
123. Согласно сведениям, приведенным в: E. Wollenberg. The Red Army, 2nd ed., 1940, p. 188—189, Ворошилов в 1926 г. не только увеличил жалование офицерам, но и ввел для них отдельное питание, чего ранее в Красной Армии не было.
124. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 352.
125. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d), V. II, S. 527.
126. М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 146.
127. Там же, т. II, с. 186—188.
128. Там же, т. III, 1927, с. 32.
129. Там же, т. III, с. 296—298.
130. «К XIV съезду РКП(б)», 1925, с. 165.
131. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 77.
132. Компромисс выразился в той неопределенной позиции, которую формально занял ПУР, являвшийся одновременно органом как Реввоенсовета, так и Центрального Комитета партии: начиная с 1924 г. начальник ПУРа был членом обоих этих органов. Принятый XIV съездом партии в декабре 1925 г. новый Устав партии описывал ПУР как «военный отдел ЦК», несущий ответственность за «общее руководство партийной работой в Красной Армии и Красном Флоте» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 88).
133. «Одиннадцатый съезд РКП(б)», 1936, с. 306.
134. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 352, 354.
135. Там же, т. I, с. 393. Другая резолюция этого съезда внесла новый элемент путаницы, возложив на Главполитпросвет ответственность за политическое образование в армии и подчинив ему с этой целью комиссаров («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 379—380; о Главполитпросвете см. гл. 19; такое положение вещей продолжалось вплоть до лета 1922 г., когда политическое образование в армии было вновь передано из Главполитпросвета в ПУР («ВКП(б) и военное дело», 2-е издание, 1928, с. 297).
136. А. Геронимус. Партия и Красная Армия, 1928, с. 154. Эта ситуация улучшалась лишь весьма медленными темпами. Прошедший в мае 1924 г. XIII съезд партии предложил «увеличить число коммунистов среди красноар-

мейцев и матросов» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 568); один партийный циркуляр выражал в апреле 1925 г. сожаление, что процент членов партии среди красноармейцев низок («Известия ЦК РКП(б)», № 13—14 (88—89), 6 апреля 1925, с. 5). Приблизительно в то же самое время Фрунзе утверждал, что 12% вооруженных сил составляют комсомольцы (*М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. III, 1927, с. 299); согласно заявлению Молотова, сделанному на XIV съезде партии, процент «коммунистов» — то есть членов партии и комсомола — возрос с 11 в 1924 г. до 15 в 1925 г. Если это даже и так, все равно это намного ниже, чем среди офицеров (см. ниже, с. 314).

137. *И. Сталин*. Соч. т. V, с. 204.

138. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 594. Как ни парадоксально, но Троцкий использовал тот же самый аргумент, чтобы оправдать сохранение «регулярных» подразделений; «Красная казарма» должна была сохраниться как средство воспитательного воздействия на молодого крестьянина (*Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. III, ч. II, 1925, с. VII—XII; это предисловие первоначально было опубликовано в виде статьи под заголовком «Шаг за шагом» в: «Правда», 1 ноября 1924 г.).

139. См. выше, с. 302.

140. *А. Геронимус*. Партия и Красная Армия, 1928, с. 170—171; об этой комиссии см. выше, с. 301.

141. Цитируется по: «ВКП(б) и военное дело», 2-е изд., 1928, с. 343.

142. «VI съезд РЛКСМ», 1924, с. 308.

143. *М. Фрунзе*. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 83.

144. «ВКП(б) и военное дело», 2-е изд., 1928, с. 343—344.

145. Там же, с. 344—345.

146. Текста этой резолюции в распоряжении не имелось (об этом заседании Реввоенсовета см. выше, с. 399), однако довольно полная информация о ней дана в двух выступлениях Фрунзе (*М. Фрунзе. Собрание сочинений*, т. II, 1926, с. 152—153, 176—183).

147. Эта интерпретация представлена в: *Н. Харитонов*. Политический аппарат Красной Армии, 1929, с. 30—32.

148. *М. Фрунзе*. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 182—185.

149. См. выше, с. 33.

150. *М. Фрунзе*. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 188.

151. Там же, т. II, с. 310—311, прим. 86.

152. «Известия ЦК РКП(б)», № 11—12 (86—87), 23 марта 1925 г. Этот циркуляр был напечатан мелким шрифтом на неярком месте на задней странице. Подобное отношение, необычное, когда речь шла о столь важном заявлении, позволяет предположить, что либо определенные партийные круги не симпатизировали этому решению, либо они осознавали, какую оно может вызвать реакцию.

153. Там же, № 13—14 (88—89), 6 апреля 1925 г., с. 4—6.

154. *М. Фрунзе*. Избранные произведения, 1934, с. 407—409.

155. *М. Фрунзе*. Собрание сочинений, т. III, 1927, с. 316—317.

156. «Ленинградская правда», 21 июня, 24 июня 1925 г.

157. *К. Ворошилов*. Оборона СССР, 1927, с. 80; текст найти не удалось.

158. *М. Фрунзе*. Собрание сочинений, т. III, 1927, с. 125.

159. Там же, т. III, с. 358.

160. «К XIV съезду РКП(б)», 1925, с. 165, 167—168.

161. Там же, с. 165.

162. См. выше, с. 304.

163. «Красная звезда» 27 октября 1925 г. опубликовала накануне смерти Фрунзе корреспонденцию, в которой освещалось расхождение мнений относительно «военизации политических кадров» в таком стиле, будто это все еще оставалось открытым вопросом.

164. Цитируется по: *А. Геронимус*. Партия и Красная Армия, 1928, с. 184; возможно, знаменательно, что выступление Шелавина в «Ленинградской правде» — довольно подробно освещавшей это совещание — не упоминалось.

165. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 84, 226.

166. «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, ч. III, н. д., 1928, Приложение, кол. 163; Камнев вернулся на свой пост в качестве генерального инспектора, который он с мая 1925 г. совмещал с должностью начальника штаба (там же, т. 41, ч. I, н. д., 1927, Приложение, кол. 178).

167. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 70.

168. *К. Ворошилов*. Оборона СССР, 1927, с. 184—185; *А. Геронимус*. Партия и Красная Армия, 1928, с. 166. О более низком проценте среди рядового состава см. выше, с. 310.

169. Из 2000 выпускников, закончивших учебные заведения в августе 1925 г., 65% были членами партии, а 15% — членами комсомола («Ленинградская правда», 8 августа 1925 г.).

170. *А. Геронимус*. Партия и Красная Армия, 1928, с. 179; еще в 1925 г. бывшие царские офицеры доминировали в высшем командном составе и фактически имели монополию в назначении на военные посты (*С. Гусев*. Гражданская война и Красная Армия, 1925, с. 190).

171. *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. III, ч. I, 1924, с. 81.

172. Там же, т. III, ч. I, с. 34.

173. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 394.

174. «Правда», 4 января 1922 г.

175. *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. III, ч. I, 1924, с. 130—132. Согласно сведениям, содержащимся в секретном французском докладе, который цитируется в: «Les relations Germano-Soviétique», ed. *J.-B. Duroselle*, 1954, p. 156, 158, во время визита Хинце (Hintze) в Москву в мае 1922 г. (см. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23) обсуждались мероприятия по восстановлению советского военно-морского флота с помощью бывших германских военно-морских офицеров, они получили 1 сентября 1922 г. одобрение Совнаркома, однако никаких доказательств по поводу того, было ли это когда-нибудь осуществлено, не обнаружено.

176. «ВЛКСМ в резолюциях...», 1929, с. 101—102; о «шефстве» см. выше, гл. 22.

177. *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. III, ч. I, 1924, с. 136—141.

178. Там же, т. III, ч. I, с. 185.

179. «Известия ЦК РКП(б)», № 1 (49), январь 1923 г., «ВКП(б) о комсомоле», 1938, с. 251—252.

180. «VI съезд РЛКСМ», 1924, с. 320—325; похоже, что эти сведения, сообщенные комсомольскому съезду, грешили чрезмерным оптимизмом.

181. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.), v. I, S. 452—453.

182. *М. Фрунзе*. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 146—147; об этом выступлении см. выше, с. 308.

183. Там же, т. III, 1927, с. 185—186. Согласно заявлению Советского правительства в комиссии, учрежденной в соответствии с Конвенцией о проливах, которая была заключена в Лозанне в 1923 г. (см. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32), Советский Черноморский флот состоял в начале 1925 г. из одного крейсера, трех подводных лодок и нескольких судов меньших размеров с полностью укомплектованным личным составом, а также из одного линкора, одного крейсера и нескольких судов меньшего водоизмещения «с сокращенными командами» («League of Nations: Official Journal, N 9, November 1925, p. 1687—1688»); Шведский военно-морской флот был при подсчете военно-морских сил в Балтийском море опущен — возможно, потому что он рассматривался как нейтральный фактор.

184. *М. Фрунзе*. Собрание сочинений, т. III, 1927, с. 237, 454—455.

185. Об этой резолюции см. выше, с. 304.

186. См. выше, с. 312.

187. «VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 241.

188. Об этом см. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 34; этот вопрос будет рассматриваться далее в части V следующего тома.

189. Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. III, ч. II, 1925, с. 181—184, 185—190.
190. Там же, т. III, ч. II, с. 192—195; статья под заголовком «Оружие будущего» была впервые опубликована в: «Правда», 30 мая 1923 г.
191. М. Фрунзе. Избранные произведения, 1950, с. 572, прим. 69.
192. В 1927 г. Авиахим был объединен с Обществом содействия обороне (ОСО), которое было преемником старого Военно-научного общества, в результате был создан Осоавиахим — именно под этим названием он и был впоследствии известен («Большая Советская Энциклопедия», т. 43, 1939, с. 468).
193. М. Фрунзе. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 198; т. III, 1927, с. 162.

Глава 24. Порядок и безопасность

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 123—124.
2. Там же, т. 26, с. 375; Сталин в 1927 г. ссылался на «ошибки Парижской Коммуны», дабы отразить исходившую из-за рубежа критику по поводу ОГПУ (И. Сталин. Соч. т. 10, с. 234).
3. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 288.
4. «Собрание узаконений», 1917—1918, № 4, ст. 50.
5. Анализ истоков и статуса Чека см. в: «Soviet Studies», v. X, N 1, July 1958, p. 1—11; резолюцию ВЦИК от 17 февраля 1919 г., регулирующую взаимоотношения между Чека и революционными трибуналами, см. «Собрание узаконений», 1919 г., № 12, ст. 130. О названии Чека см. в: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 7.
6. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, с. 287.
7. «Собрание узаконений», 1917—1918, № 12, ст. 170.
8. Там же, № 19, ст. 284.
9. Там же, № 15, ст. 223.
10. Там же, № 53, ст. 598.
11. Термин «тюрьма» включал лагеря и поселения для отбывания длительных сроков заключения по приговорам судов, однако исключал концентрационные лагеря для политических правонарушителей, которые в то время входили в другую категорию (см. ниже, с. 323).
12. Еще одной функцией «распределительной комиссии» был разбор прошений со стороны заключенных об условном освобождении до конца срока, на который они были осуждены. В 1924—1925 гг. полный срок лишения свободы в соответствии с приговором не отбывало 70% осужденных; позднее их доля упала до половины или даже меньше (В. Утевский. Советская исправительно-трудовая политика, 1934, с. 14).
13. Классовые враги гипотетически рассматривались как неисправимые; «мы, конечно, не собираемся, — писал Крыленко, — исправлять классового противника путем привития ему коммунистических идей и симпатий к коммунистическому обществу в тюрьме» («Энциклопедия государства и права», т. II, 1925—1926, с. 933).
14. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 143—144.
15. «Собрание узаконений», 1917—1918, № 67, ст. 710.
16. Об этой резолюции см. выше, с. 321.
17. Что этот переход действительно имел место, подтверждают одни из редких количественных сведений, просочившихся из источников Чека. В 1918 г. в 20 губерниях РСФСР по приказу Чека были расстреляны 6300 человек (из них 454 человека по приказу ВЧК), отправлены в тюрьмы 21 988 человек и заключены в концентрационные лагеря 1791 человек; в течение первых семи месяцев 1919 г. эти цифры составляли соответственно 2089 (в том числе 327 по приказу ВЧК), 12 346 и 7305 (М. Лацис. Два года борьбы на внутреннем фронте, 1920, с. 75—76). Нет никаких оснований сомневаться, что с этого времени число заключенных в концентрационных лагерях возрастало весьма быстро.
18. «Исторический архив», № 1, 1958, с. 10.
19. Естественно, что после окончания гражданской войны это изменение акцента еще более усилилось: один из приказов Чека, выпущенный в январе

1921 г., описывает «экономический фронт» как «гораздо более опасный, чем контрреволюционный фронт» («Исторический архив», № 1, 1958, с. 14).

20. «Собрание узаконений», 1919, № 12, ст. 124; № 20, ст. 235; о правилах, регламентирующих трудовую деятельность в этих лагерях, см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

21. См. выше, с. 321.

22. Эти установления регулировались подробным декретом от 15 ноября 1920 г. («Собрание узаконений», 1921, № 23—24, ст. 141).

23. Об этом решении ВЦИК и декрете об образовании ГПУ см. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 7.

24. Т. I, гл. 2.

25. «Энциклопедия государства и права», т. III, 1925—1927, ст. 686; никаких следов официального постановления по этому поводу обнаружить не удалось.

26. На самом деле опубликованный позднее учебник в примечании констатирует, что концентрационные лагеря и исправительно-трудовые лагеря были ликвидированы «около 1922 г.» («От тюрем к воспитательным учреждениям», под ред. А. Вышинского, 1934, с. 33); однако никаких следов официально зафиксированного решения об их упразднении не обнаружено.

27. То, что можно было назвать традиционной партийной позицией, было вновь сформулировано во время обсуждения этого кодекса на заседании ЦИК Рязановым, который не возражал против применения террора в чрезвычайных обстоятельствах в качестве политического оружия, однако считал, что «нужно из уголовного кодекса, поскольку он рассчитан не на год, а на более постоянное и продолжительное время, исключить абсолютно всякое лишение жизни, всякое уничтожение» («III сессия ВЦИК IX созыва: бюллетень», № 9, 25 мая 1922 г., с. 4). Однако этот подход оказался теперь уже отжившим и устаревшим: принятая в феврале 1923 г. поправка убрала из кодекса даже ни к чему не обязывающее и не имеющее никакой реальной силы упоминание о временном характере «вышей меры наказания» («Собрание узаконений», 1923, № 15, ст. 192). С другой стороны, Дзержинский в частной записке к Уншлихту от августа 1923 г. («Исторический архив», № 1, 1958, с. 20—21) по-прежнему настаивал, что смертная казнь, «как по суду, так и по нашим решениям», должна рассматриваться как «исключительная мера», применимая только по отношению к «государственным изменникам (шпионам) и бандитам и поднимающим восстание», а не как «постоянный институт пролетарского государства»; он хотел заменить смертную казнь на «принудительный труд (кааторжные работы) — лагеря с колонизацией незаселенных мест и с железной дисциплиной» (о позиции Дзержинского в защиту использования концентрационных лагерей как средства колонизации см. ниже, с. 339).

28. Фразеология этой статьи была предложена Лениным (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 321).

29. Это можно рассматривать не как случай применения законов с обратной силой, а как один из первых примеров репрессий скорее против потенциального преступника, чем против самого преступного акта (см. ниже, с. 329).

30. «Собрание узаконений», 1923, № 48, ст. 479.

31. В соответствии с декретом о создании ГПУ оно было учреждено «под личным председательством Народного Комиссара Внутренних Дел или назначаемого Советом Народных Комиссаров его заместителя» (там же, 1922, № 16, ст. 160).

32. «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 41, ч. III, н. д. 1928, Приложение, кол. 178.

33. Согласно биографии, опубликованной в: «Большая Советская Энциклопедия», т. 65, 1931, с. 335, Ягода родился в 1891 г., вступил в партию в Нижнем Новгороде в 1907 г., был членом коллегии Внешторга в 1919 г. и членом президиума Чека в 1920 г. Голословное утверждение, содержащееся в: А. Orlov. The Secret History of Stalin's Crimes, 1954, p. 260, будто дата его вступления в партию поставлена задним числом на 10 лет раньше, лишено доказательств. Как свидетельствуют независимые источники, он занимал важный военно-административный пост («коменданта Москвы») в начале 1918 г. (N. Ipatieff, Life of a chemist, Stanford, 1946, p. 264); а в декабре 1920 г. он подписал один из докумен-

тов Чека как «начальник управления» (М. Лацис. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, 1921, с. 62).

34. «Справочная и адресная книга «Вся Россия», 1923, т. III, с. 50—51.

35. «Большевистская революция...», т. I, гл. 7.

36. «Собрание узаконений», 1922, № 51, ст. 646.

37. «Сборник законов и распоряжений, 1922 г.» (на украинском языке), № 39, ст. 586; за этим последовал декрет от 23 августа 1922 г., который вводил в силу на территории Украинской ССР уголовный кодекс, в точности смоделированный на основе соответствующего кодекса РСФСР (см. гл. 20).

38. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XII созыва: вторая сессия», 1925, с. 351.

39. «Сборник узаконений», 1922, № 51, ст. 646; «Сборник узаконений и распоряжений», 1922 (на украинском яз.), № 39, ст. 586.

40. Там же, 1923, № 8, ст. 108.

41. Там же, 1922, № 65, ст. 844.

42. «Собрание законов», 1924, № 24, ст. 205; о дебатах по этому вопросу см. гл. 20.

43. Т. I, гл. 2.

44. Эта поправка была внесена ЦИКом; в первоначальном варианте проекта «Основных начал», который был одобрен Совнаркомом, использовалось слово «наказание» («СССР: ЦИК 2-го созыва: 2-я сессия», 1924, с. 618—619).

45. Н. Крыленко. Судебные речи, 1922—1930, 1931, с. 4. Крыленко вновь повторил эту точку зрения в своем выступлении в октябре 1925 г., на сессии ЦИКа РСФСР: «Существует кардинальное различие между построением нашего уголовного права и построением уголовного права в буржуазных странах. Идея охраны нашего нового общественного порядка или охраны нашего социалистического строительства диктует нам принятие мер не только против лиц, которые уже совершили то или другое деяние и тем доказали свою преступность сейчас, сегодня, но и против самой возможности таких преступлений в будущем. Эта идея резко противоречит индивидуалистической идее буржуазного права, которое, стоя на точке зрения «око за око, зуб за зуб», говорит, что карать можно тогда лишь, когда налицо уже совершенное правонарушение» («ВЦИК XII созыва: вторая сессия», 1925, с. 338).

46. Т. I, гл. 2.

47. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 408; в то время, однако, комментарии Ленина опубликованы не были.

48. «Исторический архив», № 1, 1958, с. 13—16.

49. Там же, № 1, 1958, с. 23—24.

50. «V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции», 1924, с. 21—24; об этих тезисах в том виде, в каком они были окончательно одобрены, см. там же, с. 294—297. О разнице между изоляторами и трудовыми колониями см. ниже, с. 338.

51. Там же, с. 238.

52. Там же, с. 227—232; этой последней уступки не было в первоначальном варианте проекта, однако она оказалась включена в окончательный текст тезисов (там же, с. 295).

53. Там же, с. 234—235.

54. Там же, с. 239; другой критик оспаривал точку зрения, будто статья 4 гражданского кодекса оправдывает классовую дискриминацию (там же, с. 249—250).

55. «Еженедельник советской юстиции», № 31, 1924, с. 740—742.

56. См. выше, с. 434.

57. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 297.

58. См. об этом кодексе ниже, с. 339.

59. Об этой резолюции и о резолюции III съезда Советов см. ниже, с. 469—470.

60. Еженедельник советской юстиции», № 31, 1925, с. 1070.

61. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XII созыва: вторая сессия», 1925, с. 352—353, 383; Солыц хотел даже отказаться от статьи в «Основных началах», где говорилось, что нельзя применять никаких «мер социальной защиты», которые могли бы «иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства», на том основании, что это положение находится в противоречии с сохранением смертной казни (там же, с. 385).

62. Там же, Постановления, 1925, с. 65—66.

63. «Правда», 8 декабря 1925 г.: Солыц ответил, не слишком четко и убедительно, в: там же 16 декабря 1925 г. Солыц также ответил на другое критическое выступление в: «Ленинградская правда», 6 декабря 1925 г., ему снова ответили в: там же, 8 декабря 1925 г.

64. «VII съезд ВЛКСМ», 1926, с. 256.

65. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия», 1926, с. 612.

66. «Собрание законов», 1924, № 24, ст. 207.

67. Там же, 1925, № 25, ст. 166, 167.

68. Там же, № 52, ст. 390; дальнейшей разработке определений относительно военного и экономического шпионажа посвящен декрет от апреля 1926 г. (там же, 1926, № 32, ст. 313).

69. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XII созыва: вторая сессия: постановления», 1925, с. 65—66.

70. «Большевистская революция...», т. I, гл. 14; Положение о ОГПУ, первоначально выпущенное президиумом ВЦИКа в ноябре 1923 г. («Систематическое собрание действующих законов СССР», т. I, 1926, с. 194—195), было утверждено ВЦИКом в октябре 1924 г. («Собрание законов», 1924, № 19, ст. 183).

71. См. выше, с. 323; в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР от 1922 г. особо тяжкие проступки должностных лиц приравнивались в отношении применения в качестве исключения «высшей меры наказания» к контрреволюционной деятельности (см. т. I, гл. 2).

72. Поразительным примером расширительного толкования со стороны ОГПУ понятия «государственная безопасность» был случай, происшедший в мае 1926 г., когда трое ответственных должностных лиц Наркомфина были приговорены к расстрелу и расстреляны за «спекуляцию золотом, иностранной валютой и государственными ценными бумагами» (см. т. I, гл. 10); приговор и его приведение в исполнение явно преднамеренно освещены в основных газетах от 6 мая 1926 г.

73. См. ниже, приложение В.

74. «XIV конференция РКП(б)», 1925, с. 248.

75. «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 98—102.

76. «Собрание узаконений», 1924, № 86, ст. 870; об оговорках, касающихся применения этого принципа, см. выше, с. 333.

77. «V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции», 1924, с. 295.

78. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 116 (в том, что касается количества заключенных); «Статистический справочник СССР за 1928 г.», 1929, с. 898—899 (в том, что касается числа мест заключения и общего числа заключенных, которое здесь оказалось несколько выше). Более ранние цифры представляются неполными и ненадежными.

79. По курьезной аномалии ОГПУ оказалось ответственным за образование в 1924 г. в окрестностях Москвы образцовой «рабочей коммуны» для молодых правонарушителей. Ключевым пунктом в деятельности этого учреждения было воспитание: оно функционировало по принципу «открытой тюрьмы» и не предполагало никаких явных мер принуждения — дисциплина поддерживалась за счет коллективных действий самих заключенных. Это получило широкое освещение в органах печати («От тюрем к воспитательным учреждениям», под ред. А. Вышинского, 1934, с. 50). Парадоксально знаменательной чертой статуса ОГПУ было то, что под его непосредственным контролем должны были находиться как самые гуманные, так и самые жестокие из советских карательных учреждений.

80. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 444—446.

81. В качестве примера см. ниже, с. 342—344.

82. Уже в 1925 г. в издававшемся в Берлине меньшевистском журнале был опубликован протест против того, что один меньшевик был приговорен к десяти годам тюремного заключения; протест мотивировался тем, что в предыдущем случае приговор был всего лишь на три года, и то в концентрационном лагере («Социалистический вестник». Берлин, № 3 (97), 18 февраля 1925 г., с. 13).

83. См. выше, с. 323.

84. «V Всесоюзный съезд деятелей советской юстиции», 1924, с. 233.

85. Там же, с. 295; этого пункта не было в первоначальном проекте резолюции.

86. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

87. Написанная карандашом записка, переданная Троцкому во время заседания ЦК партии и сохраненная в архивах Троцкого, Т 809; она датирована 2 июня 1924 г.

88. О суде над эсерами и сопутствующих этому обстоятельствах см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 17.

89. Согласно: *Ф. Дан.* Два года скитаний. Берлин, 1922, с. 136—137, было выдвинуто предложение расстрелять ведущих меньшевиков как «заложников за Кронштадт», однако на это предложение наложил вето Центральный Комитет партии. Утверждалось, будто Ленин сказал на X съезде партии, что «меньшевики и эсеры нужно тщательно изолировать в местах заключения» (*Yu. Martov. Geschichte der Russischen Sozialdemokratie*, 1926, S. 319). Это приписываемое Ленину замечание, по всей видимости, зафиксировано не было, однако резолюция прошедшего в марте 1921 г. X съезда партии, проект которой был составлен Лениным, обвиняла меньшевиков в том, что они «использовали разногласия внутри РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадских мятежников, эсеров и белогвардейцев» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 365; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 90).

90. Меньшевистский лидер Мартов открыто осудил большевиков на прошедшем в октябре 1920 г. в Галле съезде Независимой социал-демократической партии Германии. Начиная с 1921 г. меньшевистская организация в Берлине издавала влиятельный и часто весьма информированный антисоветский журнал «Социалистический вестник». Активную деятельность по организации антисоветской пропаганды за рубежом вели и анархистские группы, особенно после происшедшей в 1921 г. смерти Кропоткина.

91. *Ф. Дан.* Два года скитаний. Берлин, 1922, с. 231—267, содержит подробный рассказ о переговорах с арестованными меньшевистскими лидерами, которые, угрожая голодовкой, в конце концов все-таки добились разрешения выехать за границу.

92. Статья в: «*Internationale Presse-Korrespondenz*, N 137, October 21, 1924, S. 1815—1816, оценивала общее количество политических правонарушителей в 1500 человек, из которых 500 находились в заключении, а остальные всего лишь были лишены права проживать в Москве или Ленинграде: возможно, это соответствует состоянию, достигнутому после освобождения 350 заключенных из Соловецкого лагеря, о котором сообщалось: *Ibid.*, N 140, October 28, 1924, S. 1859—1862. Однако эти цифры, по всей вероятности, занижены. Согласно свидетельству очевидца, приведенному в: *D. Dallin and B. Nicolaevsky. Forced Labour in Soviet Russia*, 1948, p. 171, в 1923 г. в Соловецком лагере находилось «около 4000 заключенных», однако не все они были политическими.

93. Соловки — название главного острова: обычно использовалось для всей группы островов.

94. Наиболее полные сведения об этих событиях содержатся в издававшемся в Праге эсеровском журнале; естественно, они даны с позиций заключенных, но воспроизводят главные документы («*Революционная Россия*», № 39—49, ноябрь 1924 г., с. 2—20). Рассказ одного очевидца приведен в: *D. Dallin and B. Nicolaevsky. Forced Labour in Soviet Russia*, 1948, pp. 177—181.

95. Текст этого документа см. в: «*Die Tragödie auf den Solowetzinseln*»,

1925, S. 4—10; в выпуске «Революционной России», на который делается ссылка в предыдущем примечании, этого документа нет.

96. «Известия», 30 сентября 1924 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», N 117, September 9, 1924, S. 1537—1538; N 137, October 21, 1924, S. 1815—1816 (эти статьи, как и все, что публиковалось в «Inprekorr», были переведены из советской печати, однако следов оригиналов обнаружить не удалось).

97. «Internationale Presse-Korrespondenz», N 140, October 28, 1924, S. 1859—1862.

98. «Собрание законов», 1925, № 38, ст. 287. Согласно: «Социалистический вестник». Берлин, № 23—24 (117—118), 21 декабря 1925 г., с. 11—13, они были переведены в Верхне-Удинск и Тобольск; еще один изолятор был образован в Свердловске. Информация о еще одной голодовке, проведенной несколько месяцев спустя в Тобольске; приводится в: там же, № 9 (127), 12 мая 1926 г., с. 10.

99. «Большевистская революция...», т. I, гл. 7.

100. Согласно интервью с Курским, опубликованному в: «Известия», 9 октября 1924 г., эсеровские лидеры жили тогда на одной даче, расположенной в предместьях Москвы по Калужской дороге.

101. Все эти события подробно описаны в: «Социалистический вестник». Берлин, № 3 (97), 18 февраля 1925 г., с. 14, № 4 (98), 5 марта 1925 г., с. 12; здесь явно поддерживалось предположение, что для ссылки заключенных требовалось получить их согласие, голодовка же служила в качестве эффективного оружия или угрозы.

102. Ibid., N 20 (114), October 29, 1925, S. 11; N 23—24 (117—118), December 21, 1925, S. 15.

103. Ibid. N 2—3 (120—121) February 11, 1926; тот факт, что Соловки вновь использовались для содержания политических заключенных, молчаливо предполагалось в статье, опубликованной в: «Правда» 2 апреля 1926 г., где подчеркивалось, что теперь там превалирует гуманное обращение с заключенными.

104. Об аресте Савинкова в печати не сообщалось вплоть до 29 августа 1924 г., когда во всех основных газетах появилось официальное сообщение о его аресте, суде и вынесенном приговоре. Информация о том, как проходил суд, полностью освещалась в «Правде» и «Известиях» от 31 августа 1924 г., а пространные отрывки оттуда появились в переводе в: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 116, September 5, 1924, S. 1516—1519; N 117, September 9, 1924, S. 1532—1533. Текст обвинительного акта, заявление, сделанное Савинковым 21 августа, полный стенографический отчет о суде и декрет ЦИКа были опубликованы в: «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР», 1924; факсимиле заметок и писем, написанных им в тюрьме в сентябре — октябре 1924 г., опубликованы в приложении.

Приложение А. Местные финансы

1. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

2. Соответствующие декреты перечислены в: R. W. Davies, The Soviet Budgetary System, 1958, p. 75.

3. «Вестник финансов», № 1, январь 1924 г., с. 132—136.

4. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, т. II, 1926, с. 133—139.

5. «Третья сессия ЦИК СССР», 1923, с. 75; это положение в: «Постановления Третьей сессии ЦИК СССР», 1923, с. 80—128, а также в: «Собрание узаконений», 1923, № 111—112, ст. 1045.

6. Прошедший в январе 1924 г. XI Всероссийский съезд Советов, хотя и признавал, что учреждение волостных бюджетов будет «содействовать организационному укреплению первичных органов Советской власти в деревне», вместе с тем вновь настойчиво подчеркнул «совершенную недопустимость самочинных налогов и практики «самообложения» со стороны местных властей («Съезды Советов в документах», т. IV, ч. I, 1962, с. 23; «Собрание узаконений», 1924, № 27, ст. 260).

7. В. Дьяченко. Советские финансы в первой фазе развития советского государства, т. I, 1947, с. 444; это явно явилось наследием царского периода,

когда местное управление на Украине было более развито, чем где бы то ни было еще.

8. Некоторые цифровые показатели, характеризующие местные бюджеты в эти годы, см. в: R. W. Davies. The Soviet Budgetary System, 1958, p. 76.

9. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия», 1924, с. 158—162; там же Постановления, 1924, с. 43—88 (а также в: «Собрание законов», 1924, № 22, ст. 199).

10. Год спустя еще один декрет перечислял цели, на которые можно будет впоследствии расходовать эти дотации: в них включались жалование учителей, врачей, народных судей, волостных или районных работников, а также строительство дорог, школ и больницы («Собрание законов», 1925, № 56; ст. 149).

11. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 164. Идея, что взимаемый с крестьян сельскохозяйственный налог должен расходоваться на местные нужды, была в то время в моде; ее выдвигал в мае 1925 г. на IX Украинском съезде Советов Каменев (Л. Каменев. Статьи и речи, т. XII, 1926, с. 197—198).

12. «Собрание узаконений», 1923, № 113, ст. 1047.

13. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 595.

14. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 113.

15. «Правда», 4 октября 1924 г.; это письмо было перепечатано в: «Известия ЦК РКП(б)», № 2 (7), 13 октября 1924 г., но без подписи Молотова и в качестве письма Центрального Комитета партии. В то время широко бытовал подсчет, в соответствии с которым на каждого жителя деревни тратилось из общественных фондов в 20 раз меньше, чем на жителя губернской столицы, и в 15 раз меньше, чем на одного жителя уездного города («Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 109).

16. «Правда», 5 октября 1924 г.; передовая статья, выдержанная в том же духе, но написанная в более сильных выражениях, была в тот же день опубликована и в «Ленинградской правде».

17. См. гл. 22.

18. Там же.

19. «Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет XI созыва: вторая сессия», 1924, с. 200; этот декрет опубликован в: «Собрание узаконений», 1924, № 87, ст. 878.

20. См. выше, с. 347.

21. «Районирование СССР», под ред. К. Егорова. 1925, с. 272.

22. См., например, статьи в: «Правда», 10 декабря 1924 г. и 6 января 1925 г.

23. «Вестник финансов», № 1, январь 1925 г., с. 99—100.

24. «Собрание законов», 125, № 9, ст. 86.

25. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2-го созыва: 2-ая сессия: Постановления», 1925, с. 18.

26. «Большевик», № 5—6 (21—22), 25 марта 1925, с. 38—43.

27. И. Сталин. Соч., т. VII, с. 80—81.

28. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 16.

29. Там же, с. 102.

30. Об этом добавлении к сельскохозяйственному налогу см. т. I, гл. 5; после 1925 г. оно приняло скорее форму изъяснения, чем добавки.

31. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 182—185; эта рекомендация была осуществлена в декрете РСФСР от декабря 1925 г., который учреждал областные, губернские, окружные и уездные «фонды регулирования», целью которых было оказание поддержки наиболее бедным единицам на каждом из уровней («Собрание узаконений, 1925», № 92, ст. 668).

32. Там же, № 24, ст. 170; № 27, ст. 192.

33. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 23.

34. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 329—330.

35. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 430; анализ волостных бюджетов на 1924—1925 гг. в четырех союзных республиках СССР показал, что их общий объем составил в РСФСР — 99,4 млн. рублей, на Украине — 39,9 млн. рублей, в Белоруссии — 4,8 млн. рублей и в Закавказской СФСР — 3,3 млн. рублей («Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 82—83).
36. «Третий съезд Советов СССР: Постановления», 1925, с. 32.
37. «Собрание законов», 1925, № 37, ст. 279.
38. «Известия ЦК РКП(б)», № 22—23 (97—98), 22 июня 1925 г., с. 14; «Правда», 23 июня 1925 г.
39. «Собрание законов», 1925, № 53, ст. 400.
40. См. таблицу в: В. Дьяченко. Советские финансы в первой фазе развития Советского государства, т. I, 1947, с. 438. При росте общего объема бюджета эти проценты оставались год от года довольно постоянными, хотя интересные расхождения наблюдались для этих процентных отношений в различных республиках.
41. «Вестник финансов», № 6, июнь 1925 г., с. 123—124; «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 108—110.
42. См. таблицу в: В. Дьяченко. Советские финансы в первой фазе развития Советского государства, т. I, 1947, с. 443; на следующий год эти проценты существенных изменений не претерпели.
43. «Собрание законов», 1924, № 6, ст. 69.
44. См. гл. 21.
45. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 66—67.
46. «Районирование СССР», под ред. К. Егорова. 1925, с. 274.
47. О развитии этого процесса см. «Плановое хозяйство», № 6, 1925, с. 216—217; в статье содержится подробная информация о дискуссии по вопросу о сельских бюджетах. Цифры о сельских бюджетах по Республике Немцев Поволжья за 1924—1925 гг. приведены в: «Районирование СССР», под ред. К. Егорова. 1925, с. 276—277.
48. «Собрание узаконений», 1925, № 1, ст. 4; о запретах, относящихся к более раннему периоду, см. выше, с. 347.
49. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 164—165.
50. Там же, с. 103, 107, 119.
51. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 184—185.
52. Об этой резолюции см. выше, с. 350.
53. «Вестник финансов», № 7, июль 1925 г., с. 252.
54. «Плановое хозяйство», № 6, 1925, с. 216; об одном эксперименте с сельским бюджетом, проведенном в Уральской области, см. в: «Районирование СССР», под ред. К. Егорова. 1925, с. 275.
55. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия», 1926, с. 441; о концентрации «сел» см. гл. 21.
56. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия: Постановления», 1926, с. 76; этот декрет опубликован также в: «Собрание законов, 1926», № 31, ст. 199. О декрете от октября 1924 г. см. выше, с. 347.
57. О выступлении и заключительных замечаниях этого докладчика см. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва: 2-ая сессия», 1926, с. 882—916, 1024—1035.

Приложение Б. Крестьянские комитеты взаимопомощи

1. «Международствие...», гл. 4.
2. «Собрание узаконений», 1924, № 81, ст. 813.
3. «Большевик», № 12—13, 20 октября 1924 г., с. 85; раздавались также и противоположные жалобы, что губернские или уездные партийные комитеты иногда вмешиваются в дела местных кресткомов, требуя возможности назна-

чать состав их президиумов и права распоряжаться их средствами («Правда», 3 октября 1924 г.).

4. «Ленинградская правда», 7 октября 1924 г.

5. «Совещание по вопросам советского строительства. Апрель 1925 г.», 1925, с. 23—24.

6. Там же, с. 34, 35, 52.

7. Там же, с. 44, 64.

8. Там же, с. 51.

9. «XIV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», 1926, с. 70.

10. «Известия ЦК ВКП(б)», № 8 (129), 1 марта 1926 г., с. 1.

11. А. М. *Большаков*. Советская деревня, 1917—1927, 1927, с. 149.

Приложение В. Революционная законность

1. Т. I, гл. 2.

2. «Большевик», № 14, 5 ноября 1924 г., с. 34.

3. «Правда», 9 декабря 1924 г.; об этой фразе см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

4. «Правда», 30 декабря 1924 г.

5. См. выше, с. 326.

6. «Совещание по вопросам советского строительства. Январь 1925 г.», с. 115; на сессии этой конференции, проходившей в апреле 1925 г., один делегат сделал заявление, будто «местные милиционеры свободно арестуют крестьянина в любое время — потом рассчитывайтесь с ними» и что так происходит «почти везде, почти по всем вопросам» (там же, апрель 1925, с. 164).

7. Там же, январь 1925 г., с. 210, 219—221.

8. «Правда», 23 апреля 1925 г.; об этом письме см. т. I, гл. 2.

9. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 25.

10. «Собрание законов», 1925, № 35, ст. 247.

11. Н. *Бухарин*. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз, 1925, с. 79.

12. Согласно докладу делегата с Украины Скрыпника, представители органов прокуратуры впервые появились в районах и селах в 1924 г.; сначала это вызвало трения с партийными работниками, однако позднее было признано, что они провели хорошую работу по проверке административных злоупотреблений («Радянська Україна», № 13 (19), апрель 1926 г., с. 9—20). Первоначально возникшие трения с партийными органами были подтверждены в: «Большевик», № 1, 15 января 1926 г., с. 43, а также в: «Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 68—69.

13. «Власть Советов», № 44, 1 ноября 1925 г., с. 4—6, представила под заголовком «Борьба за революционную законность» обзор жалоб, полученных губернскими органами прокуратуры в первой половине 1925 г., — их число за этот период составило всего 14 000; в первой половине 1926 г. органы прокуратуры, как утверждалось, получили 166 тыс. жалоб («Советское строительство: сборник», т. IV—V, 1926, с. 63). Однако неясно, можно ли сравнивать эти цифры.

14. «XIV конференция РКП(б)», 1925, с. 248, 251—252.

15. «Власть Советов», № 30, 26 июля 1925, с. 18—19. Их деятельность в качестве информаторов вряд ли могла способствовать увеличению их популярности на местах: «кулаки и просто уголовные элементы» вели, как утверждалось, кампанию против рабкоров и селькоров с целью выдвижения «обвинений, которые их дискредитируют» (там же, № 5, 31 января 1926 г., с. 4). Позднее существовало общепринятое убеждение, что они действуют как информаторы ОГПУ.

16. «Справочник партийного работника», т. V, 1925, 1926, с. 506—507.

